СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

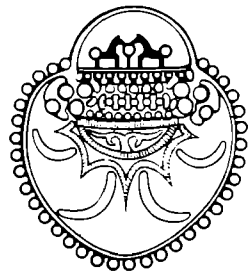
4

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, И. С. Каменецкий,
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора),
В. С. Титов (отв. секретарь)

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Тел. 126-94-45

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

50 лет прошло с тех пор, как народы нашей страны добровольно скрепили свою многовековую дружбу, рожденную в совместной борьбе против царизма, иноземных захватчиков, национального и социального гнета, образовав государство совершенно нового типа — Союз Советских Социалистических Республик. Впервые в мировой истории проблема национальных отношений была решена не путем угнетения и подавления одних наций другими, а на основе подлинного равноправия, братства и взаимопомощи. Большая созидательная работа Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина завершилась полным триумфом: Союз Советских Социалистических Республик на деле претворил в жизнь ленинские принципы добровольного государственного объединения равноправных народов.

«Только Коммунистическая партия, выражающая насущные интересы рабочего класса, всех трудящихся, проводящая ленинскую национальную политику, могла сплотить все нации и народности в единое интернациональное братство и направить их усилия на создание нового общества» [1].

Истекшие полвека блестяще подтвердили верность политики партии, прочность свободного Союза трудящихся разных национальностей, сбросивших оковы эксплуатации. Сейчас СССР объединяет в огромную многонациональную семью 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей, 10 национальных округов. В совместной борьбе и упорном труде еще более окрепла нерушимая дружба народов нашей страны, уверенно решающих грандиозные задачи строительства коммунизма, поставленные XXIV съездом КПСС.

Вместе со всем советским народом, со всеми трудящимися, достойно встречает полувековой юбилей образования СССР большой отряд советских научных работников. Пожалуй, именно бурный расцвет советской многонациональной науки является одним из прекрасных примеров торжества ленинской национальной политики. Народы, порой не имевшие до Великой Октябрьской социалистической революции своей письменности, придавленные нуждой, обреченные на вымирание, сегодня удивляют мир выдающимися научными достижениями. И если вся мировая общественность отдает дань уважения советским ученым — представителям самой передовой, самой прогрессивной науки, то это во многом результат их тесной духовной, творческой взаимосвязи, основы которой были заложены 50 лет назад. Благодаря совместным усилиям всех рес-

[1] Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». М., 1972, стр. 7—8.

публик, всех наций и народностей нашей науке сейчас по плечу самые большие, самые сложные задачи, она становится могучей движущей силой в деле построения коммунистического общества в СССР.

Наряду с другими отраслями научных знаний за прошедшие годы далеко вперед шагнула советская археология. В острой идеологической борьбе с реакционными буржуазными теориями национальной неполноценности и расизма, против идеалистических воззрений на древнейшее прошлое человечества отечественная археология со своими методами исследования заняла прочное место в едином фронте марксистско-ленинской исторической науки. Если до революции археология не преступала рамки вспомогательной дисциплины, лишь привлекалась для иллюстрирования истории, то теперь в круг ее интересов вошли такие важнейшие исторические проблемы, как появление человека, разделение общества на классы, становление государства, развитие ремесла и торговли, возникновение городов, формирование племен и народов и т. д.

Последовательно отстаивая принципиальные положения исторического материализма, опираясь в своей работе на фундаментальные труды и глубокие теоретические высказывания классиков марксизма-ленинизма. советские археологи достигли больших успехов в изучении ранних этапов истории народов нашей страны. При этом они руководствуются стремлением полнее вскрывать «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» [2].

Примером плодотворного осуществления столь важных задач служит написанный коллективом сотрудников Института археологии СССР первый том «Истории СССР», готовящаяся к изданию многотомная «Археология СССР», выходящие в свет выпуски «Свода археологических источников СССР», которые обобщают результаты археологических исследований.

Образование СССР поставило перед археологической наукой небывалую по своим масштабам задачу: реконструировать древнейшую историю народов, не имевших зачастую письменной истории, испытавших всю тяжесть империалистического, феодального и национального угнетения, считавшихся ранее отсталыми, лишенными собственных культурно-исторических традиций. Решение этой задачи требовало не только самого широкого, немыслимого в дооктябрьский период развертывания археологических исследований, но и воспитания на местах целой плеяды национальных научных кадров, способных активно включиться в эту благородную, не терпящую отлагательства работу.

Сегодня можно с удовлетворением констатировать, что с исторической карты нашей страны исчезли многие белые пятна. Изучены различные памятники на обширных территориях, где издревле жили финно-угорские и тюркские народы. Неизмеримо увеличились наши знания о древнейшем прошлом башкир и татар, мордвы и чувашей, удмуртов и коми. Интенсивно ведутся исследования в Сибири и Казахстане, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Больших успехов достигла археология Северного Кавказа, по крупицам восстанавливающая самобытную и яркую древнюю историю его многочисленных народностей.

В песках и оазисах Средней Азии исследованы великолепные памятники древнейших цивилизаций с гражданской и храмовой монументальной архитектурой, украшенной полихромной росписью, с разветвленной сетью оросительных систем. Эти успехи достигнуты благодаря дружной совместной работе археологов четырех среднеазиатских союзных республик (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Киргизия) при братской

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 383, прим. 89.

помощи археологов Москвы и Ленинграда. Раскопки на Алтае ознаменовались открытием неповторимой культуры местных племен скифского времени. Успешно трудятся археологи Закавказья, на десятках примеров показавшие блестящий вклад своих народов в сокровищницу мировой культуры. Приподнята завеса над временем и путями заселения человеком суровых районов Крайнего Севера.

Благодаря работам русских, украинских и белорусских ученых наполнились дыханием жизни, заиграли яркими красками страницы сложной, насыщенной бурными событиями истории Киевской Руси — колыбели трех братских восточнославянских народов.

Во всех уголках нашей страны быстрыми темпами идет строительство: возводятся гидротехнические сооружения и промышленные комплексы, прокладываются дороги, возникают новые города и поселки. И всюду рядом со строителями работают археологи, неся повседневную службу на новостройках коммунизма, сберегая для науки бесценные памятники далекого прошлого. В степях Украины раскопаны колоссальные курганы — усыпальницы скифских царей, среди погребальной утвари которых имелись шедевры ювелирного искусства. По берегам могучих сибирских рек исследованы сотни поселений и могильников, проливших новый свет на многовековую историю этого громадного края.

Широкий размах археологических работ позволяет ставить и успешно решать сложные вопросы этногенеза. Каждая нация, каждая народность имеет право и должна знать свою историю. В дружной многонациональной советской семье нет безродных народов. Археологи помогают определить вклад каждого, даже самого малого, народа в общеисторический процесс развития человечества.

Большие успехи в развитии советской археологической науки — прямой результат совместной, самоотверженной работы всех археологов нашей страны. За 50 лет археология перестала быть привилегией узкого круга ученых. Повсюду: в союзных и автономных республиках, в крупных университетских городах созданы археологические центры. В тесном контакте с ними трудится значительная группа музейных работников. На местах выросли и в полный голос заявили о себе способные, высококвалифицированные специалисты, ведущие исследование во всех отраслях археологии. В этом одна из несомненных заслуг русских ученых-археологов, не только уделивших много внимания истории бывших национальных окраин России, но и подготовивших для них собственные научные кадры. Вот конкретный пример интернациональной помощи братским народам, давшей обильные всходы.

Самую активную роль в деле повсеместного развития археологических исследований играет Институт археологии Академии наук СССР — центральное археологическое учреждение страны, прямой наследник Российской Академии истории материальной культуры, созданной в суровом 1919 году декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина. И сейчас почти повсюду работают экспедиции Института, помогая коллегам из союзных республик полнее и глубже решать поставленные задачи. Важнейшие итоги этих работ, а также ценные результаты исследований всех археологов публикует журнал «Советская археология», которому в этом году исполняется 15 лет.

Важным фактором дальнейшего углубления археологических знаний, координации научных работ, определения их важнейшей тематики являются ежегодные пленумы Института археологии АН СССР — подлинные форумы археологов страны. Они проводятся не только в Москве и Ленинграде, но и на территории других союзных республик, способствуя подъему археологических исследований на местах. Ежегодно к пленумам издается информационный сборник «Археологические открытия», где публикуются краткие сведения о всех раскопках в СССР и исследования советских археологических экспедиций за рубежом.

В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» четко определены задачи всех идеологических организаций, всех работников науки в связи со славной годовщиной. Немало предстоит сделать и археологам. На очереди написание больших, обобщающих исторических работ, посвященных древнейшему прошлому народов нашей Родины. Необходимо шире и лучше развернуть борьбу с реакционной буржуазной идеологией, с материалистических, марксистско-ленинских позиций вскрывать сущность исторического процесса, повышать боевитость и эффективность нашей научной пропаганды.

* * *

Объединенные братской дружбой, общностью интересов, целей, идеологии, все народы нашей страны в рамках единого союзного государства под руководством Ленинской партии успешно решают величественные задачи строительства коммунизма.

Чувства глубокого удовлетворения и патриотической гордости испытывают советские люди, обозревая пройденный путь. Торжественно отмечая 50-летие Союза Советских Социалистических Республик, советский народ демонстрирует свою монолитную сплоченность единодушным одобрением политики Коммунистической партии, самоотверженным трудом на благо многонациональной социалистической Родины.

СССР — страна мира, социализма, дружбы свободных и равных народов — был и остается великим примером для всего прогрессивного человечества.

Е. В. АНТОНОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛОВОЙ НАГРУЗКЕ ЗНАКОВ НА СТАТУЭТКАХ АНАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема происхождения письменности в древнеземледельческих областях Ближнего Востока давно привлекает внимание исследователей. Многие из них проводили в этой связи анализ богатого и разнообразного орнамента, украшавшего керамику древних земледельцев, рассматривая его как систему условных изображений, имевших определенное смысловое значение [1]. Предполагалось, что в орнаментальных символах выражались представления, имевшие существенное значение для соответствующей культуры, в частности космогонические и антропогенические, о смене времен года, росте и созревании растений и т. д. [2]. Таким образом, предполагается, что в орнаменте находили отражение те идеи древних земледельцев, которые могут рассматриваться как квинтэссенция их духовной культуры. По-видимому, на определенном уровне изучения семантики глиняных изделий их целесообразно рассматривать в комплексе. С проблемой значения орнаментальных мотивов тесно связан вопрос о стиле их исполнения, смыкающийся с характеристикой раннеземледельческого искусства в целом. Уже давно археологами и историками искусства было установлено коренное различие изобразительного искусства охотничьих и земледельческих народов [3]. Стиль первых отличался чертами, позволявшими условно именовать его реалистическим, стиль вторых называли символичным или схематичным. В орнаменте древних земледельцев отразилось комплексное представление о ряде событий, между которыми первобытным сознанием устанавливалась реальная или фантастическая связь [4]. Количество этих событий и их содержание были таковы, что они для своего обозначения требовали незначительного числа знаков. Смысл их для небольших родственных коллективов был привычен и очевиден. Сам главный объект наблюдения земледельца — явления природы — в реалистической форме трудновыразимы, они требовали условной, символической и схематической формы. При неизменности забот и стремлений людей, сводимых к двум главным моментам — обеспечению пищей и благоприятному продолжению рода, при неизменной экономической базе набор символов и связей между ними оставался постоянным на протяжении длительных периодов времени.

---

[1] R. Ghirshman. Iran from the Earliest Times to the Islamic Conquest. Penguin Book, 1961, стр. 36; Изображения на печатях: L. Legrain. Empreintes de cachets élamites. MDP, XVI. Paris, 1921.

[2] R. Dussaud. Motifs et symboles du IV millénaire dans la céramique orientale. Syria, XVI, 1935 (Paris); Б. А. Рыбаков. Религия и миропонимание первых земледельцев юго-восточной Европы IV—III тысячелетий до н. э. VII Междунар. конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.

[3] См. сборник: The Many Faces of Primitive Art. A Critical Anthology. New York, 1966.

[4] Л. Б. Переверзев. Искусство и кибернетика. М., 1960, стр. 168.

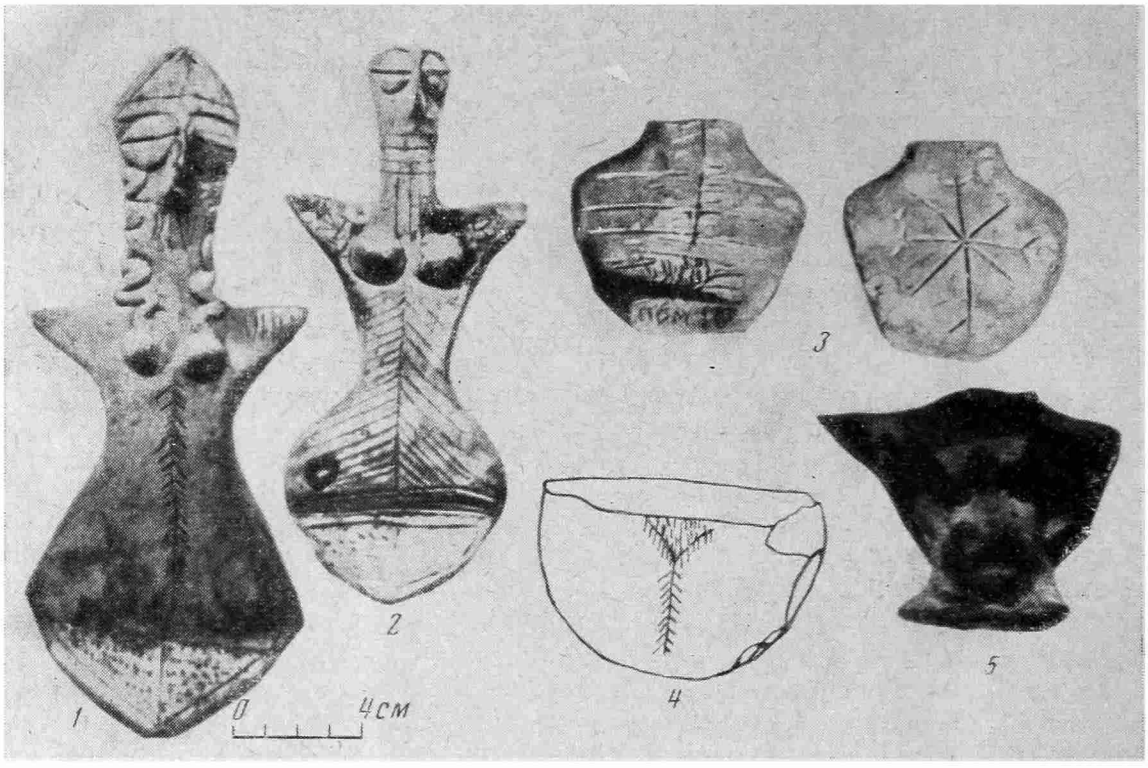


Рис. 1. Статуэтки со знаками. Анауская культура

1—4 — период Намазга V, *5* — период Намазга IV; *1—2* и *5* — Алтын-Тепе, *3—4* — Тайчанак-Тепе (по В. М. Массону и А. Я. Щетенко)

Работы последнего десятилетия в Южной Туркмении дали большое количество совершенно до той поры не известных здесь материалов. На многочисленных женских статуэтках анауской культуры периода Намазга V были обнаружены схематические изображения — знаки. Они детально изучены В. М. Массоном и В. И. Сарианиди, посвятившим им специальную статью [5]. По формальным признакам знаки были разделены на шесть групп. Для знаков трех первых групп (треугольника и ромба «с ресничками» [6]), а также восьмиконечной звезды местные прототипы в орнаментике керамических сосудов обнаружены не были, поэтому авторы высказали предположение о формировании их под влиянием протоэламской письменности [7]. В. М. Массон и В. И. Сарианиди считают знаки символами божеств: знаки в виде «веточки» (IV группа) — богини зерна, подобной шумерской Нисабе, зигзагообразный знак — богини вод типа также шумерской Нанше, восьмиконечная звезда — символ небесной царицы, анауского варианта Инанны [8]. Знаки наносились на плечи (чаще всего), спину и бедра статуэток. На животе и спине часто изображается растение — дерево или знак, с ветвями, направленными вверх или вниз (рис. 1). На спине это дерево прочерчивается или его образуют линии, показывающие плетение налепной косы.

---

[5] В. М. Массон, В. И. Сарианиди. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы. ВДИ, 1969, 1.

[6] Там же, рис. 3, стр. 92. Однако здесь же, в табл. 4, авторы помещают в графах Намазга III и IV изображения ступенчатого и «мохнатого» треугольников в качестве возможных предшественников треугольника «с ресничками».

[7] Там же, стр. 93: «Символ звезды, тем более восьмилучевой, вообще не характерен для росписи южнотуркменистанской керамики». Тем не менее в указанной таблице снова приводятся близкие восьмилучевой звезде мотивы росписи керамики периодов Намазга I—IV.

[8] Там же, стр. 99.

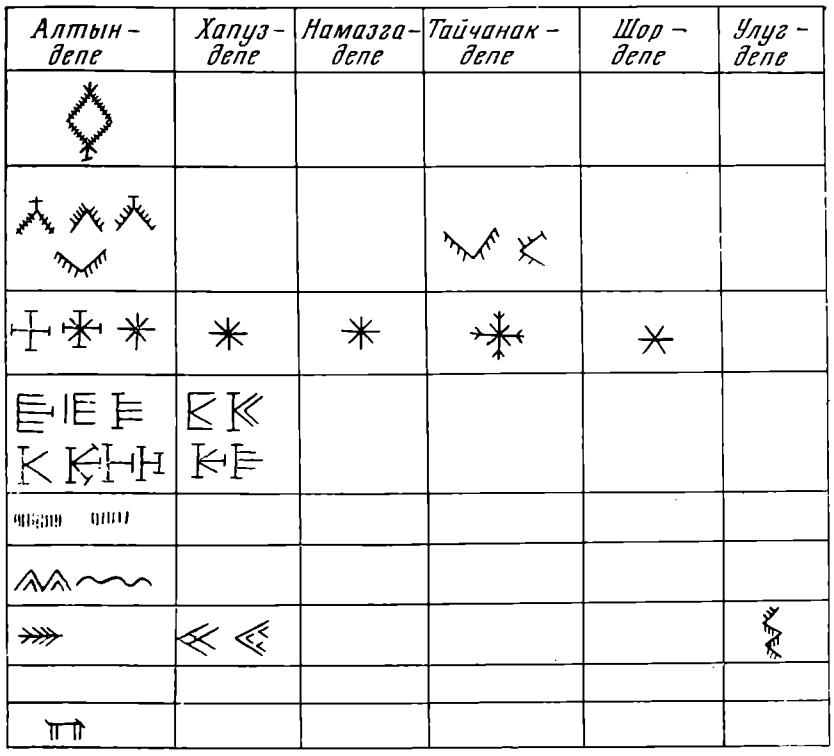


Рис. 2. Знаки со статуэток анауской культуры эпохи бронзы (по материалам публикаций В. М. Массона, В. И. Сарианиди, А. Я. Щетенко)

Изображения растений наносились не только на женские, но и на немногие известные мужские статуэтки периода развитой бронзы; других изображений на них не обнаружено. Знаки имеют в целом однообразную форму, хотя в них и прослеживаются некоторые отличия (рис. 2) [9]. Статуэтки со знаками найдены на Алтын-Депе, Намазга-Депе, Шор-Депе, Тайчанак-Депе и Улуг-Депе (эпоха Намазга IV); они составляют около 50% всех известных сейчас антропоморфных фигурок периода развитой бронзы. Очень редко знаки встречаются на других вещах: на предметах неизвестного назначения с Тайчанак-Депе [10] и Алтын-Депе [11] — треугольники «с ресничками», такие же знаки обнаружены в 1968 г. на миниатюрном сосудике из необожженной глины с Тайчанак-Депе.

Предлагаемый ниже анализ сосредоточен в основном вокруг двух знаков: треугольников и ромбов «с ресничками». Он проводится в трех аспектах: прослеживаются предполагаемые прототипы знаков в орнаментике энеолитической и раннебронзовой керамики анауской культуры, что целесообразно связать с анализом всех орнаментальных комплексов соответствующих эпох; рассматривается «контекст» изображения знаков на статуэтках эпохи бронзы и энеолитической эпохи, а также изображения на статуэтках раннеземледельческой Месопотамии и Ирана; наконец, проводится сравнение анауских знаков со знаками шумерской письменности, ибо для них в отличие от эламской установлены значения. В то же время привлекаются и некоторые знаки протоэламского письма.

Керамическая орнаментация анауской культуры может быть определена в целом как геометрическая и сведена к комбинациям нескольких фигур. Негеометрические элементы, связываемые обычно с изображения-

---

[9] Они отмечены В. М. Массоном и В. И. Сарианиди. Ук. соч., рис. 3.

[10] А. Я. Щетенко. Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-Депе. «Каракумские древности», 2. Ашхабад, 1968, рис. 11.

[11] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, стр. 177, рис. 9.

ми животных, явно не играют в развитии анауского орнамента большой роли. В основе анауского орнамента лежат следующие фигуры, составляющие основные композиции: треугольник, прямоугольник (квадрат), ромб и крест, являющийся чаще всего комбинацией треугольников и ромбов.

Для орнаментации посуды раннего энеолита наиболее характерны ряды силуэтных треугольников, иногда с добавлением отдельных элементов типа полукруглых шевронов [12]. Перекрещивающиеся линии также образуют углообразные фигуры, напоминающие контурные треугольники. Стилизованные деревья, помещенные у края чаш (в частности, с Дашлыджи-Депе), имеют вид треугольного шеврона, наименее схематичный вариант которого снабжен штрихами, показывающими ветви [13]. Орнаменты керамики этого времени из Геоксюрского оазиса формируются из двух фигур — треугольника и ромба. И. Н. Хлопин делит их на семь групп, число которых, как кажется, может быть сокращено до шести за счет объединения не имеющих принципиальных различий орнаментов III и VII групп [14].

Орнаментика развитого энеолита также может быть сведена к комбинации указанных геометрических фигур [15]. В. М. Массоном выделено десять типов полихромной орнаментики этого времени [16]. Самым распространенным элементом является здесь треугольник, реже встречается ромб и еще реже крест. Лишь один из выделенных В. М. Массоном типов — IX — не включает указанных фигур, будучи, по-видимому, деградировавшим вариантом X типа. Тип V, представленный полукруглыми шевронами, видимо, может рассматриваться как модификация треугольников, пущенных по краю сосуда (тип VI). Близкий результат дает и рассмотрение монохромных орнаментов, отличающихся большей простотой и полным отсутствием ромбов [17]. Не дает принципиальных отличий и орнаментика этой поры из Геоксюрского оазиса [18], но здесь в период позднего Намазга II появляются в большом количестве кресты, незначительное место занимают антропо- и зооморфные мотивы.

Орнамент Геоксюрского периода представляет интересный и более развитый комплекс, чем системы предшествующих периодов, с которыми прослежена его генетическая связь [19]. Тем не менее в выделенных В. И. Сарианиди семи типах мы обнаруживаем все те же структурные элементы — треугольник, крест, полукрест, ромб и прямоугольник. Из сравнения орнаментальных композиций следует, что они в это время усложняются: из десяти групп в четырех они комбинируются из четырех элементов, в двух — из трех, в четырех — из двух. В предшествующую эпоху при девяти принимавшихся во внимание группах из четырех элементов построены лишь две композиции, из трех — три, из двух — одна, из одной — три. Ниже приводится таблица сравнительной сложности орнаментов периодов Намазга II и III.

Нарастающая сложность и дробность мотивов, появление и широкое распространение ступенчатых фигур приводит к расцвету анауской керамической орнаментики в эпоху Намазга IV [20]. Однако и в это время

---

[12] И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. 1, САИ, Б. 3—8, 1963, стр. 17.

[13] Там же, стр. 16, рис. 1.

[14] Там же, стр. 19, рис. 3. См. также И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. 3, САИ, Б. 3—8, 1969, стр. 35, рис. 9.

[15] И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей... 3, стр. 36, рис. 10; стр. 38, рис. 11; стр. 39, рис. 12; стр. 40, рис. 13.

[16] В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. 2, САИ, Б. 3—8, 1962, табл. IV.

[17] Там же, табл. V.

[18] Там же, табл. XVIII.

[19] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении, IV, САИ, Б. 3—8, 1965, стр. 28.

[20] Сб.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.— Л., 1966, стр. 159—161.

Общее число композиций (типов орнаментов)	Количество элементов				Период
	1	2	3	4	
10	—	4	2	4	Намазга III
9	3	1	3	2	Намазга II

основные моменты ее остаются прежними, приобретая лишь ступенчатые очертания: композиции составляются из треугольников и квадратов, сочетания которых образуют и разных форм кресты.

Таким образом, представляется возможным выявить наиболее типичные для анауской культуры орнаментальные мотивы. Подсчет производился для периодов развитого и позднего энеолита, причем эти данные показательны для всей культуры, ибо, как говорилось выше, орнамент дает малоизмененную картину на протяжении всего времени своего существования. В эпоху Намазга II из девяти композиций треугольник

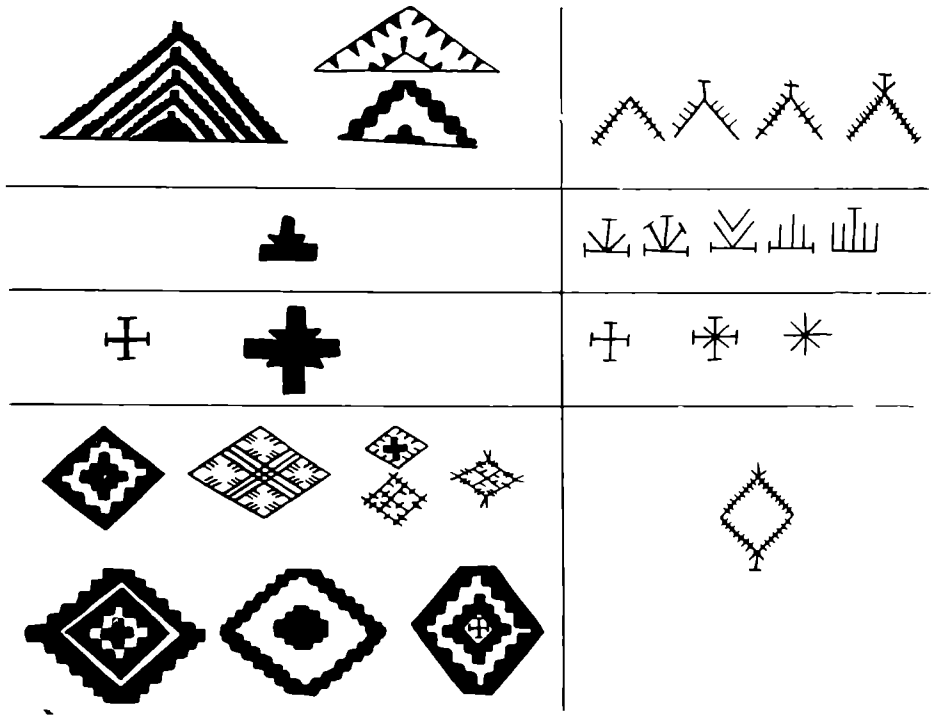


Рис. 3. Сравнительная таблица орнаментальных мотивов керамики эпохи Намазга IV и знаков со статуэток эпохи Намазга V

встречается в восьми, ромб — в пяти; в пяти композициях они сосуществуют. В период Намазга III треугольники есть в девяти из десяти композиций, ромбы — в семи, и в семи они сосуществуют. Совершенно особый интерес представляют для нас эволюционировавшие треугольники и ромбы периода Намазга IV, в отдельных случаях весьма похожие на знаки на статуэтках времени развитой бронзы (рис. 3). Треугольники и ромбы в это время (Намазга IV) иногда имеют пильчатый или штрихованный край, причем последняя форма, видимо, является типологической наследницей первой (см. рис. 3). Внутреннее поле ромбов часто делится на четыре части, причем разделяющие линии в свою очередь покрываются штрихами. В ромб может быть вписан простой или ступенчатый крест. Распространены фризовые композиции, в которых ромбы чередуются с треугольниками, представляющими их половины. Таким образом, ромбы и треугольники выступают в качестве форм, способных взаимно переходить друг в друга. Аналогичная трансформация происходит и с треуголь-

никами, приобретающими облик полукрестов, т. е. треугольниками, имеющими заполнение в виде креста (они способны терять свои боковые стороны, превращаясь в ступенчатый полукрест).

На статуэтках треугольники и ромбы «с ресничками» встречаются чаще прочих знаков — на долю каждого приходится по 15% [21]. Сравнивая охарактеризованные выше орнаментальные мотивы керамики Намазга IV со знаками на статуэтках, мы обнаруживаем ряд сходных черт, позволяющих предполагать существование между ними генетической связи. В этом убеждает как сходство общего вида знаков указанных двух групп с орнаментальными мотивами, так и совпадение деталей. К числу последних относятся молоткообразные, крестовидные или углообразные завершения треугольников — прямые аналогии сходным мотивам периода Намазга IV (рис. 3). Видимо, молоткообразные завершения происходят от уплощенных, срезанных вершин ромбов, приобретающих из-за этого в отдельных случаях шестиугольную форму.

Возможности связи знаков с орнаментальными мотивами, однако, не ограничиваются этим. В. М. Массоном и В. И. Сарианиди [22] было отмечено, что знак в виде восьмиконечной звезды с четырьмя перечеркнутыми концами напоминает фигуру типа мальтийского креста с уголками у перекрестия. В то же время, как говорилось выше, эти кресты в орнаментике эпохи Намазга IV могут приобретать облик пирамид, которые в свою очередь представляют половину ступенчатого ромба. Таким образом, из ромба и треугольника и их модификаций — ступенчатого креста и ступенчатого полукреста (период Намазга IV) — происходят, по-видимому, знаки в виде ромбов и треугольников «с ресничками» (рис. 3). «К-образные» знаки, представляющие половину восьмиконечной звезды, равно как и последняя, также генетически связаны с ромбами и треугольниками, на что, в частности, указывают молоткообразные завершения трех или пяти концов — рудименты прямоугольных завершений, свойственных ромбам и треугольникам орнаментов керамики Намазга IV.

Итак, в эпоху Намазга IV — V немногие орнаментальные мотивы — треугольники, ромбы и кресты,— исчезая с керамики, дифференцируются, превращаясь в знаки, которые наносились на статуэтки. Формально ситуация напоминает свойственную поре зарождения письменности, когда из ряда знаков постепенно выкристаллизовывается целый ряд новых, отличающихся друг от друга иногда малозаметными деталями. Такая линия развития прослежена, в частности, для письменности древней Месопотамии, хотя исходными в ней являются уже не орнаментальные мотивы, а знаки типа пиктограмм [23]. В нашем случае мы имеем безусловно более раннюю стадию развития, поэтому вопрос о смысловой нагрузке знаков на статуэтках непосредственно связан с выяснением семантики орнаментальных мотивов.

Треугольники, ромбы и квадраты, равно как и кресты, широко распространены в орнаментике, изображениях на печатях и представлены в пиктограммах шумерской и протоэламской письменности. Особый интерес представляют знаки шумерские, ибо смысл их раскрыт. При выяснении семантики анауских орнаментов мы можем опираться на материал областей, территориально и культурно близких югу Туркмении. Однако не вызывает сомнения, что для понимания их аналогии могут играть лишь вспомогательную роль, привлекаясь для подтверждения предположений, появившихся в результате анализа самих орнаментов или знаков в их «контексте».

---

[21] Подсчет производился на основании данных каталога книги: В. М. Массон, В. И. Сарианиди. Среднеазиатская пластика эпохи бронзы. М., 1972.

[22] В. М. Массон, В. И. Сарианиди. О знаках на среднеазиатских статуэтках.., стр. 93.

[23] R. Labat. Manuel d'épigraphie akkadienne. Paris, 1963.

Уже В. М. Массоном и В. И. Сарианиди было отмечено, что треугольник «с ресничками» может быть каким-то образом связан с рисованным знаком пола одной из энеолитических статуэток, где он изображен с бахромой [24]. Классифицируя изображения крупных треугольников, помещавшихся в нижней части статуэток развитой бронзы, те же авторы выделяют наряду с другими «треугольник с ресничками по краям» [25]. Сходство со знаками на плечах статуэток у него очень близкое. Кроме того, на животах многих статуэток (около 70% всех экземпляров со знаками и «деревьями») дерево как бы «вырастает» из отогнутого вперед и снабженного резным треугольником основания (рис. 1, *4*). Очень возможно, что это растение мыслилось вырастающим из лона женщины, понимавшегося как плодоносная земля. Изображавшиеся на плечах знаки в виде треугольников с углообразными или молотковидными навершиями, видимо, являются модификацией треугольника — признака пола с вырастающим из него деревом, причем в знаке это дерево превратилось в крест, угол или молотковидное навершие (рис. 2). В данном случае треугольник расположен так, что напоминает собой гору. Интересно, что и в нижней части статуэток дерево иногда располагается на самом основании, вырастая из вершины треугольника — признака пола (рис. 1,*4*) Смысловое сходство между последним и знаком, помещавшимся на плечах, подкрепляется еще и тем, что вздутый живот одной из немногих фигурок поры ранней бронзы, который также может рассматриваться как гора, окружен точками или короткими штрихами (рис. 1, *5*), такими же, как заполняющие треугольники — признаки пола. Такие же точки помещались и на плечах статуэток. Возможно, эти углубления — изображения зерен, семян. Признак пола мог заполняться еще параллельными линиями, быть может, изображающими пашню — сравнение между нею и женщиной типично для земледельческих культур [26].

В связи со сказанным представляют интерес данные протоэламской письменности. Как уже было замечено В. М. Массоном и В. И. Сарианиди, в ней было около 60 знаков в виде «мохнатого» треугольника [27]. Как правило, этот треугольник имеет заполнение, распадающееся на несколько групп [28]: 1 — более или менее стилизованные растения (18 знаков); 2 — кресты разных начертаний (10 знаков); 3 — «лесенки» или вертикальные штрихи, возможно, изображающие пашню [29] (7 знаков); 4 — кружок с теми или иными дополнениями, иногда составляющими центральную часть креста (9 знаков); 5 — немногочисленные прочие знаки.

Исходя из всего сказанного кажется весьма вероятным, что смысл всех разновидностей «мохнатого» треугольника связывался с идеей рождения, произрастания, появления и т. д. В архаической шумерской письменности знак в виде опрокинутого вниз треугольника (DU) имел значение «делать», «творить», «строить», «творение», «тварь» «все», «всеобщность». При всех возможных несоответствиях, случайных совпадениях начертания знака и значения все же приходится признать, что круг понятий достаточно определен. Поиски смысла знака в виде треугольника, однако, не ограничиваются сказанным. На плечах статуэток он всегда изображается вершиной вверх, что, как уже говорилось пред-

---

[24] В. М. Массон, В. И. Сарианиди. О знаках..., стр. 92.

[25] В. М. Массон, В. И. Сарианиди. Среднеазиатская пластика.

[26] В частности, сравнение женщины с распаханной землей распространено в древнем Междуречье: в аккадском языке peti'û, petu, pitû — открытый, раскрытый, отверстие; женщина, потерявшая целомудрие. Pitû — открывать, прокладывать, обновлять, обнажать, распахивать, возделывать почву.

[27] В. М. Массон, В. И. Сарианиди. О знаках..., стр. 98.

[28] R. de Mecquenem. Epigraphie protoélamite. MMA, XXXI, Paris, 1949, табл. XXX—XXXI.

[29] Ср. знак GAN, GANA архаической шумерской письменности, означающей поле, пашню (R. Labat. Manuel..., стр. 124).

варительно, может означать не плоскую землю, а гору. Не исключено, что аналогичное значение имел и ромб, составленный из пары треугольников [30]. «Реснички» на его гранях, так же как на гранях треугольника, видимо, изображают растительность (рис. 2). В архаическом шумерском письме знак в виде вписанных овалов с вырастающим из внешнего растением имел значение TU, TUD — рождать, творить [31]. В шумерском классическом написании он выглядел как два вписанных треугольника с растением на вершине [32]. Треугольник с косой штриховкой и штрихами на боковых гранях означал осенний месяц тишри, а в старовавилонском читался tâmu — покрывать, закрывать и napḫaru — всеобщность. Сочетание двух этих знаков означало «выходить», «происходить» [33]. Характерно, что заштрихованный овал архаического шумерского письма в классическом предстает как ромб и даже треугольник со значением KI — земля, почва, низ, место, преисподняя [34]. Квадрат с перечеркнутыми сторонами и разделенный диагоналями (т. е. состоящий из треугольников) имел значение BARAG, BARA, BAR — божественный трон, святилище, а также весенний месяц нисан — первый месяц года [35]. В связи с этим вспоминаются храмы на ступенчатых пирамидах — места отправления культа, содержанием которого было в первую очередь стремление обеспечить плодородие земли.

Горы играли важную роль в религиозных представлениях шумеров. Сравнения храмов с горами встречаются постоянно, равно как и эпитеты некоторых богов — «гора великая» [36]. В шумерской космогонии первоначальная вселенная — гора, единство неба и земли, разделенное богом воздуха Энлилем, который и сам именуется «Великая Гора» [37]. В одном из эпизодов поэмы, названной С. Крамером «Подвиги и деяния бога Нинурты», говорится о том, что сын Энлиля Нинурта посвящает своей матери Нинмах холм, насыпанный им для борьбы с первобытным океаном [38]. Холм, насыпанный Нинуртой, это собственно первичная гора, первая земля, поскольку она возвышается в первобытном океане. Нужно предполагать, что передача холма Нинмах (или Нинхурсаг) — результат переработки древнего мифа в новых патриархальных традициях. Нинхурсаг значит «Госпожа Горы»; возможно, она была олицетворением первой земли, которая в то же время являлась собирательным образом земли вообще, ибо на ней по благословению Нинурты (поздний мотив) появляется все, чем богата земля,— растения, животные, металлы и т. п. [39].

Многократно изображается гора на печатях древнего Ирана. На сузианских печатях эпохи расписной керамики изображения гор иногда

---

[30] В. М. Массон заметил по поводу одного из орнаментов эпохи Намазга IV: «Существует также изображение дерева иногда рядом со ступенчатыми пирамидами, что можно трактовать как изображение горы и леса» (рис. 36, *2*). Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, стр. 160.

[31] R. Labat. Ук. соч., стр. 60.

[32] Там же.

[33] Там же, стр. 204.

[34] Там же, стр. 206.

[35] Там же, стр. 156.

[36] «Воздвигнут мне Абзу, как священную гору, Заставят восспять Эрпду, как вершину, Воздвигнут для меня большой храм Абзу, подобный пещере» (С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 36—37).

[37] «Ниппур — святилище, где обитает отец, «Великая Гора», Помост изобилия, Экур, который возвышается..., Высокая гора, чистое место..., Владыка его, «Великая Гора», Отец Энлиль, Избрал своим троном помост Экур, возвышенное святилище» (там же, стр. 115).

[38] «Да будет холм, насыпанный мною, героем Нинуртой, Назван Хурсаг (горой) и да будешь ты его царицей» (там же, стр. 207—208).

[39] С. Н. Крамер. Ук. соч., стр. 208. Гора эта, содержащая семена всех вещей,— вариант мирового дерева и мирового яйца; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К семиотической интерпретации каравая и каравайного обряда у белорусов. Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1967, 198, Труды по семиотике, 3; В. Н. Топоров. К реконструкции мифа о мировом яйце. Там же, стр. 93.

с растениями внутри сочетаются с крестами и розетками [40]. У гор помещаются изображения козлов [41]. На ряде печатей горы сочетаются с изображениями львов или подобных им существ. Иногда львы поддерживают горы, и в этих случаях между львами появляются коровы или быки или «мохнатые» треугольники с деревом внутри [42]. Видимо, все эти мотивы имеют связь с культом плодородия или связаны с представлениями об обилии и благополучии. Эти изображения явно принадлежат к широкораспространенной традиции почитания плодородия, воплощавшегося в образе женского божества, связанного с первичной горой, животными, хозяйкой которых она была, и растениями. Комплекс таких идей обнаруживается в религиях современных жителей Дардистана [43], Гиндукуша [44], древнего Крита и Вавилона [45].

Возвращаясь к статуэткам со знаками эпохи Намазга V, попытаемся выяснить их смысловое содержание, находящееся в тесной связи со значением знаков. Вообще изображения на статуэтках анауской культуры появились еще в эпоху энеолита (рис. 4). В эпоху Намазга I это ряды вдавлений или прочерченные полосы в нижних частях фигурок. В следующем периоде там же изображаются круги с точками, треугольные шевроны, козлы. В эпоху Намазга III декорируются уже не нижние, а верхние части фигурок. Это по преимуществу штрихи, налепные или рисованные кружки на плечах. Расположение и формы изображений на статуэтках энеолита закономерным образом связаны с эволюцией статуэток в целом и с эволюцией керамического производства и орнаментики. Видимо, они имели магическое значение, должны были «усиливать мощь» статуэток. Наносились они, как можно предполагать, в тех случаях, когда фигурки изготовлялись с определенной конкретной целью, например для обрядов, призванных вызвать умножение коз и овец (изображения козлов на фигурках времени Намазга II). Такие изображения должны были подчеркивать определенные стороны богов плодородия. Они были тем более необходимы еще и потому, что статуэтки не обладали признаками, указывающими на определенное божество,— все они отличаются друг от друга только незначительными деталями и степенью совершенства исполнения. Должно быть, в энеолитической анауской культуре не существовало веры в божества индивидуального облика и четко выраженных функций и качеств. Б. Л. Гофф считает, что в Месопотамии образы богов, а следовательно, и систематический пантеон и мифология появились лишь в староаккадский период, во второй половине III тысячелетия до н. э., когда на печатях и других предметах появляются многочисленные изображения сверхъестественных существ, связанных сложными родственными узами [46]. В предшествующие эпохи в раннеземледельческих областях божества не имели «закрепленной» внешности и способностей. Образы их строились так же, как создавались антропоморфные фигурки: существовал набор форм и характеристик, причастность которых к опре-

[40] P. Amiet. La glyptique mesopotamienne archaique. Paris, 1961, табл. 30, № 486.
[41] Там же, табл. 32, № 508.
[42] Там же, табл. 34, № 537; табл. 35, № 542; табл. 37, № 575, 577, 578, 580.
[43] R. Jettmar. Ethnological Research in Dardistan, 1958. Proceedings of American Philosophical Society, 105, № 1, Philadelphia, 1961.
[44] Дж. Робертсон. Кафиры Гиндукуша. Ташкент, 1906, стр. 72—73.
[45] E. O. James. The Cult of the Mother-Goddess. London, 1959, стр. 134—137, 249—250, 52—53.
[46] B. L. Goff. Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven — London, 1963, стр. 255. В изобразительном искусстве древних даже в столь позднее время, как Греция V в. до н. э., индивидуализация достигалась «...чисто моторными или символическими признаками (на фризе Парфенона.— *Е. А.*): у Зевса, единственного из богов, кресло со спинкой, изнеженный Дионис сидит на подушке... хромой Гефест опирается на палку» (Б. Виппер. «Введение в историческое изучение искусства. Статьи об искусстве». М., 1970, стр. 118—119). Естественно, что в эпоху между гибелью первобытнообщинного строя и формированием примитивных государственных образований задачи и возможности мастеров в достижении индивидуализации были ограниченней. Они черпались из арсенала древней земледельческой символики.

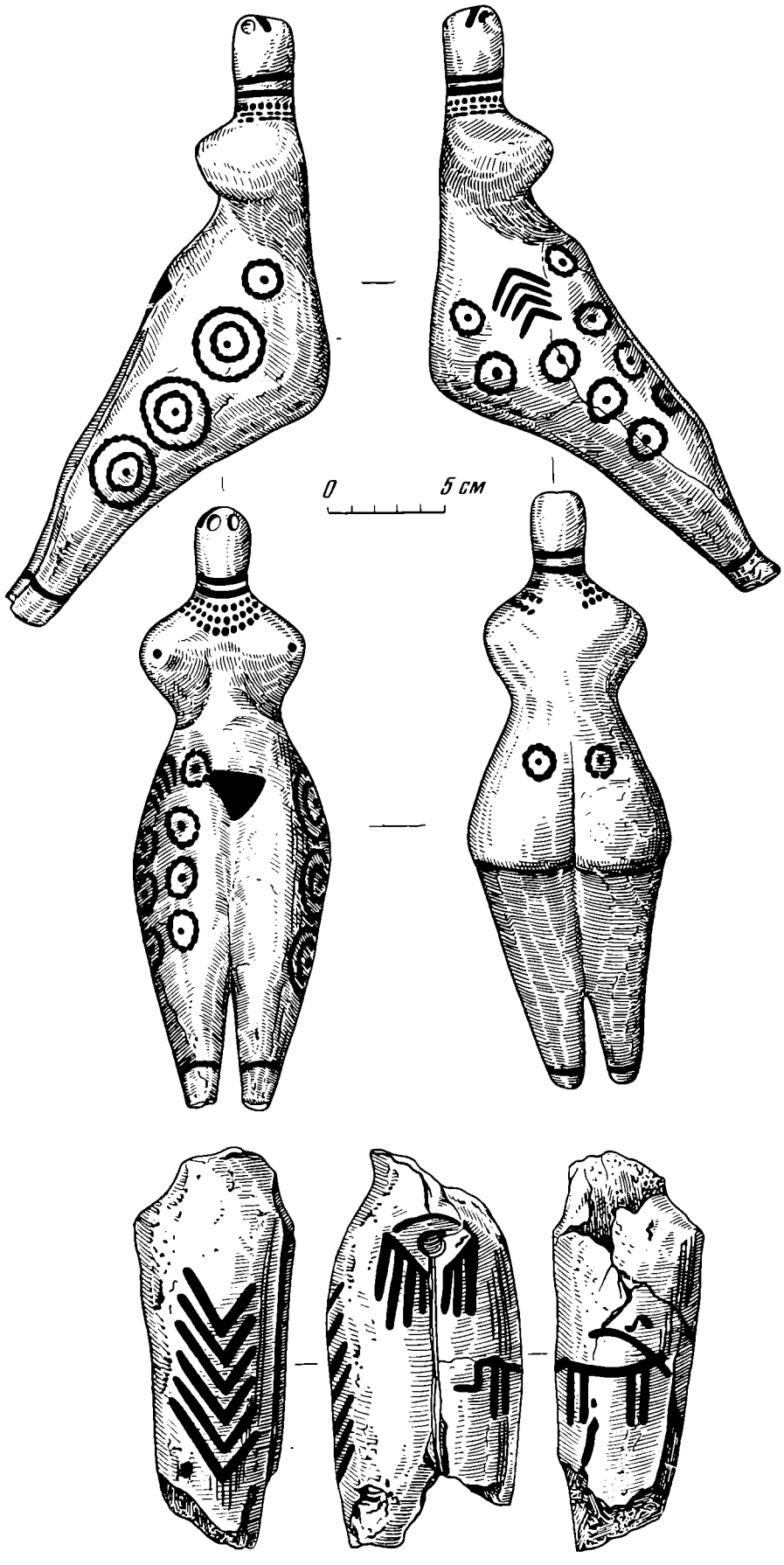


Рис. 4. Статуэтки анауской культуры периода энеолита Намазга II, Яланғач-Депе (по И. Н. Хлопину)

деленной сфере была освящена традицией. Так, например, было установлено, что женское божество должно иметь торс, голову и ноги (в период Намазга II статуэтки делали без рук), и в «арсенале» мастеров того времени существовало некоторое количество возможных трактовок отдельных частей фигуры, удовлетворявших требованиям образа божества. В пределах, очерченных содержательной стороной изображения, мастер мог черпать из этого «арсенала» те формы ног и рук и других частей, которые в нем существовали. Аналогичным образом из представлений о неких, не всегда ясных силах, явлениях природы и жизни человека создавался образ того божества, к которому обращались по данному поводу. И тогда на неиндивидуализированное изображение антропоморфного существа наносили знак, определяющий интересующую человека его способность [47]. Наряду с закономерностями развития самой религии и мышления это явление связано и с осмыслением происходящих в обществе перемен — ростом разделения труда. Поэтому в эпоху Намазга V появляется значительное количество своеобразных головных уборов, украшений и, конечно, знаков. Все эти аксессуары имеют целью сообщить статуэткам — божественным изображениям некую определенность, при помощи которой человек мог с бо́льшим основанием, чем прежде, надеяться на получение благ от божества, ими распоряжающегося. Может быть, в будущем, когда количество данных о пластике анауской культуры времени развитой бронзы возрастет, станет возможным сопоставление знаков с другими элементами фигурок, в первую очередь с головными уборами, что прояснит вопрос о степени устойчивости пантеона. Пока недостаток материала не позволяет разрешить этот вопрос. Можно лишь сказать, что знаки указывают, что божества были главным образом олицетворениями плодоносных сил земли, способствовали рождению злаков и деревьев, а также, что прослеживается слабее, домашнего скота и людей. Знаки, таким образом, наделялись магическим смыслом и вряд ли могут считаться даже зачаточной письменностью. Характерно и, по-видимому, закономерно, что на статуэтках древней Месопотамии совершенно отсутствуют знаки, которые можно было бы связать со знаками письменности, хотя такие схематичные изображения встречаются на печатях. Изображения же на статуэтках появляются в эпоху Хассуны — на поселении Ярым-Тепе неподалеку от Мосула [48]. Это прочерченные полосы, изображавшие, можно думать, татуировку или одежду. Также одежду или татупровку изображают полосы многочисленных статуэток халафской культуры [49]; отметим два исключения: фигурку из Арпачии [50] и антропоморфный сосуд самаррского типа из Телль Хассуны [51]. На левом плече арпачийской статуэтки изображен крест с перечеркнутыми концами. На горле сосуда из Хассуны, украшенном рядами треугольников, изображено лицо с рельефными глазами и носом, обрамленное вертикальными зигзагами. Тулово сосуда покрывали ряды сетчатых треугольников и ромбов. Очевидно, в этом сосуде объединяется в единое целое образ женского существа — вместилища жизни и геометрические символы, возможно, символы земли.

---

[47] Здесь следует указать на сложность проблемы появления индивидуальных образов «со своим собственным субстанциональным содержанием» (А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 14). А. Ф. Лосев относит время их появления к эпохе перехода к производящему хозяйству, а в отдельных случаях — ко времени палеометалла (там же, стр. 15).

[48] Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт. Советская археологическая экспедиция в Ираке. Вестник АН СССР, 9, 1969.

[49] M. E. Mallowan, R. J. Rose. Prehistoric Assyria. Oxford, 1935, 45—47.

[50] Там же, рис. 45, *10*.

[51] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, 4, IV, 1945.

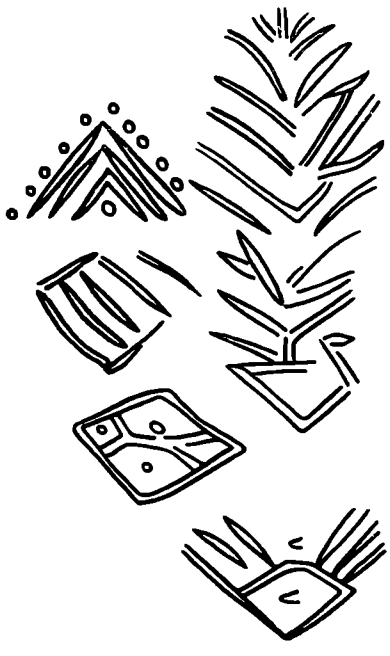


Рис. 5. Условные изображения со статуэток трипольской культуры. Поселение Лука-Врублевецкая (по С. Н. Бибикову)

На убейдских статуэтках [52] наряду с более разнообразными, чем прежде, элементами одежды, появляются изображения рисованных или рельефных кружков, волнистых линий, шевронов. Эти изображения помещаются на плечах, причем подчеркнуто асимметрично. Шевроны изображались и на ногах. И пятна, и волнистые линии, и шевроны, видимо, имели тот же смысл, что и знаки на анауских статуэтках [53].

Таким образом мы пришли к выводу о магическом значении изображений на антропоморфных статуэтках, способствовавших увеличению их сил и индивидуализации облика. Может быть, в жизни древнеземледельческих цивилизаций были целые периоды поисков адекватных форм выражения для изменившихся представлений о богах. Для Месопотамии это было послеубейдское время, когда вплоть до эпохи Джемджет-Насра и раннединастической поры антропоморфных изображений почти не делали [54]. Потом появляются крупные статуэтки и скульптуры богов и адорантов мужского и женского пола, обладающие достаточно выраженными индивидуальными особенностями. Может быть, эпоха Намазга IV явилась для анауской культуры (в отношении антропоморфной пластики) тем же, чем постубейдское время для Месопотамии. Лишь немногие фигурки дошли от этой поры. Появляющиеся позже, в эпоху Намазга V, фигурки имеют короны, обильные украшения и знаки. Видимо, относительная отсталость периферии от передовой цивилизации Месопотамии была причиной того, что здесь процессы, аналогичные месопотамским по содержанию, не привели к формированию монументальной скульптуры. Представления о более дифференцированных богах нашли выражение в развивающей традиции предшествующих эпох мелкой пластике.

E. V. Antonova

A PROPOS DE L'ORIGINE ET LA VALEUR SÉMANTIQUE DES SIGNES SUR LES STATUETTES DE LA CULTURE D'ANAU

Résumé

L'article est consacré à l'analyse des signes découverts sur les figurines de la culture d'Anau rattachées à l'âge du bronze (Namazga IV—V). On les considère en tant qu'images symboliques se rapportant au domaine d'un culte de fertilité. L'auteur suppose possible que les signes en question soient originaires des motifs ornementaux de la céramique appartenant à la culture d'Anau de l'Enéolithique et des débuts de l'âge du bronze. De ce fait on tient compte des relations quantitatives des éléments structuraux des ornements.

Il paraît qu'on mît les signes sur les statuettes en vue d'augmenter la force magique de ces dernières et de les orienter à accomplir une tâche désirée. Ainsi ces signes sont un des moyens de concrétiser la figuration des divinités. Pour rendre son hypothèse satisfaisante l'auteur fait recours aux écritures sumérienne et protoélamienne, à la mythologie, aux données éthnographiques et aux figurines des anciens Iran et Mésopotamie.

[52] См., например, Ch. Ziegler. Die Terrakotten von Warka. Berlin, 1962.

[53] В пользу предположения о магическом смысле изображавшихся на статуэтках знаков свидетельствует, как кажется, сходство изображений на трипольских статуэтках с рассмотренными знаками анауской культуры (рис. 5). Видимо, сходство это объясняется бытованием на всей раннеземледельческой Ойкумене аналогичных представлений о плодородии, персонифицируемых в женском образе.

[54] См. знаменитую женскую головку эпохи Джемджет-Наср из Урука и скульптуру из района р. Диялы. Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. М., 1968, 169; H. Frankfort. Sculpture of third Millenium B. C. from Tell Asmas and Khafajah, Chicago, 1939.

М. Ф. КОСАРЕВ

О ПРИЧИНАХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ДРЕВНИХ МИГРАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Археологические данные свидетельствуют о том, что границы этнокультурных ареалов в Западной Сибири не оставались стабильными. Во всех случаях причиной этих изменений были миграции древнего населения. Мы бы хотели изложить некоторые этнографические материалы и археологические наблюдения, проливающие свет на социально-экономическую подоплеку древних переселений и помогающие понять взаимосвязанную цепь событий, которые обычно сопровождают миграционные процессы. Древние переселения могли быть вызваны разными обстоятельствами. Наиболее закономерной с исторической точки зрения причиной первобытных миграций было несоответствие между медленными темпами развития производительных сил и относительно быстрыми темпами роста народонаселения.

В условиях Сибири ни охотники, ни оленеводы не были в состоянии вести хозяйство большими родовыми коллективами. Занимаемый родом участок тайги или тундры мог прокормить ограниченное число людей при определенной (очень низкой) плотности населения. В случае увеличения численности сородичей избыточное население вынуждено было переселяться в другие районы.

Литература по этнографии Сибири полна свидетельствами о постоянном дроблении родовых коллективов и последующем территориальном рассредоточении дочерних родовых групп. Так, по ненецким преданиям, родовые группы Сэротета, Ядня, Лапсуй, Няруй, Тясэда, Надер, Евай и др. отпочковались от одного из самых больших ненецких родов Харюци (Харючи). Род Вануйта дал начало родам Яптик, Яр, Пуйко, Неркыхы, Саляндер и еще пяти родовым группам [1].

В исторических преданиях западносибирских народов большое место занимают рассказы о кровопролитных войнах из-за промысловых угодий между ненцами и энцами, ненцами и хантами, селькупами и ненцами и т. д. Велись войны и между родственными родами. Так, уход селькупского рода Орла на рубеже XVI—XVII вв. с Тыма далеко на север был обусловлен участившимися столкновениями его с другими селькупскими группами, так как людям очень разросшегося рода Орла не хватало своей территории для существования [2].

В первобытную эпоху, в условиях отсталого охотничьего хозяйства, технический прогресс не поспевал за ростом населения, и единственной возможностью сохранить темпы увеличения численности популяции было расширение территории ее обитания. В каменном веке особенно неблагоприятные условия в этом отношении были в степной зоне, с ее сравни-

[1] Л. В. Хомич. Ненцы. М.— Л., 1966, стр. 150.

[2] Е. Д. Прокофьева. О социальной организации селькупов. Тр. ИЭ, XVIII, 1952, стр. 93.

тельно бедным животным миром, скудной гидрографической сетью, с периодическими засухами летом, буранами и гололедами зимой. Неолитические обитатели сибирских и североказахстанских степей вынуждены были жить сравнительно небольшими охотничьими коллективами и часто передвигаться с места на место вслед за стадами копытных животных. При увеличении численности населения должны были происходить периодические отливы степных охотничьих групп в лесостепные и таежные области Урала и Западной Сибири, где природа была много богаче, чем в степной зоне. В каменном веке было, видимо, несколько таких переселенческих волн на север, что привело постепенно к этнокультурной нивелировке населения арало-казахстанских степей и урало-западносибирской тайги. Эти обстоятельства способствовали сложению здесь огромнейшей западносибирской неолитической общности, просуществовавшей до III тысячелетия до н. э.

Стремление выжить должно было заставить степное население изобрести (или перенять у других народов) более эффективные отрасли хозяйства, которые могли бы обеспечить жизненный минимум в условиях роста численности населения или в случае истощения охотничьих угодий. В степной зоне такими новыми формами экономики могли стать лишь скотоводство и, отчасти, земледелие. Однако степной ландшафт как условие для возникновения скотоводства был в состоянии сыграть определяющую роль лишь в тот период, когда этот шаг был подготовлен общим уровнем развития производительных сил. В Западной Сибири, насколько можно судить по археологическим материалам, переход степного населения к производящему хозяйству совпал с концом неолитической эпохи.

Древнее пастушество позволило значительно увеличить плотность степного населения, но не было в силах обеспечить на сколько-нибудь продолжительное время стабильное хозяйство и прочную оседлость. Мощнейшие миграции скотоводческо-земледельческих групп в эпоху бронзы — переселение на восток андроновского (федоровского) населения, передвижения алакульцев, экспансия носителей карасукской культуры — свидетельствуют о том, что закон давления избытка населения на производительные силы продолжал действовать с прежней, если не большей жестокостью.

Переход населения степей от охоты на копытных животных к скотоводству с экологической точки зрения вполне обоснован и не нарушает сам по себе существа степной экосистемы. По этнографическим данным, для обеспечения средней семьи казаха-кочевника достаточно было 24 голов скота (в переводе на лошадь), для чего требовалось от 2 до 3 $км^2$ пастбищ [3]. Такое соотношение позволяет увеличить плотность заселения степей по сравнению с тайгой в несколько раз. Однако при чрезмерном возрастании численности людей и принадлежавших им стад возникало несоответствие между количеством скота и размерами пастбищ. Это приводило к «перевыпасу», к истощению и даже полному уничтожению пастбищных угодий. История знает случаи, когда вслед за расцветом кочевых государств следовал их упадок, связанный с оскудением кормовой базы, падежом скота и вымиранием или миграцией значительной части населения (например, государство Хунну на рубеже н. э.) [4]. Многие некогда плодородные земли, богатые лесами и пастбищами, в результате неразумного хозяйничанья сменявших друг друга кочевых орд превратились в бесплодные пустыни и почти совершенно обезлюдели. Такая участь постигла, в частности, некоторые районы Прикаспия [5].

---

[3] П. Головачев. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1905, стр. 242.

[4] Л. Н. Гумилев. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. «История СССР», 1967, 1.

[5] Е. И. Крупнов. К истории Моздокской степи и Западного Прикаспия. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. II. Орджоникидзе, 1969.

Важной причиной древних миграций были экономические изменения, связанные с переходом от одной формы хозяйства к другой. Прогресс производительных сил при неумении человека активно воздействовать на природу заставлял его осваивать наиболее подходящие для каждого конкретного этапа развития экономики ландшафтно-географические области. Приручение степных копытных животных далеко не сразу сделало степь наиболее удобным местом для осуществления производящего хозяйства. На ранних этапах эпохи металла, когда скотоводство делало первые шаги, сибирские степи оставались слабозаселенными. И это вполне объяснимо. Чтобы застраховать себя от гибельных последствий засух, гололедов и других стихийных бедствий, древнее пастушеское население Южной Сибири вынуждено было сочетать разведение домашнего скота с другими хозяйственными отраслями. Наиболее подходящими для успешного осуществления комплексного хозяйства были лесостепные и предтаежные области, где относительно редки засухи и где можно успешно заниматься не только пастушеством, но также земледелием, охотой и рыболовством. В неблагоприятные годы здесь было легче изменить основной хозяйственный уклон: со скотоводческо-земледельческого на охотничье-рыболовческий и наоборот.

Хотя комплексный характер хозяйства в лесостепи на ранних этапах бронзового века вытекал из его производственной слабости, оно было более разносторонним и экономически устойчивым, чем охотничье-рыболовческое хозяйство в тайге и преимущественно скотоводческое в степной зоне. Этим, на наш взгляд, следует объяснить бурный экономический расцвет в первой половине бронзового века, лесостепных и предтаежных культур Западной Сибири, известных по таким ярким памятникам, как Самусьское IV поселение близ Томска и Ростовкинский могильник в низовьях Оми [6].

По мере повышения удельного веса производящих отраслей шло постепенное перемещение производительных сил из лесной зоны в степную. «Миграция» производительных сил в южные районы и быстрый рост населения на юге Западной Сибири обеспечили здесь более высокие темпы социально-экономического прогресса по сравнению с таежными районами. В связи с увеличением плотности населения в Южной Сибири появляются благоприятные условия для возникновения крупных и относительно прочных социальных общностей. «Возрастающая плотность населения,— писал Ф. Энгельс,— вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их, и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа» [7].

С момента возникновения производящего хозяйства социальное развитие южных областей Сибири идет более быстрым путем, чем в северных районах. Редкое и немногочисленное население севера Сибири не могло быть связано сколько-нибудь прочными социальными узами. Ю. И. Семенов справедливо заметил, что слабая заселенность территории «препятствует или, во всяком случае, замедляет укрепление социальных организмов и начинающийся процесс классообразования может тянуться тысячелетиями, не завершаясь» [8].

Интересно, что ко времени прихода русских ни одна из северных западносибирских народностей (ханты, манси, селькупы, ненцы) не имела сколько-нибудь четко выраженной родоплеменной организации [9].

[6] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, № 4; В. И. Матющенко, Г. В. Ложникова. Раскопки могильника у д. Ростовка. Из истории Сибири, 2. Томск, 1969.

[7] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 164.

[8] Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории. СЭ, 1965, 5, стр. 37.

[9] Общественный строй народов Северной Сибири. М., 1970.

Основной ячейкой обско-угорского общества был не род, а большая семья. «Своеобразие социальной организации обских угров,— пишет по этому поводу З. П. Соколова,— заключалось в том, что при очень четком делении на две экзогамные половины у них не было четкого деления на роды» [10]. Дуально-фратриальная организация обских угров закрепляла эндогамность не племени (как у индейцев Северной Америки), а большой этно-лингвистической общности, в которую входили две северные народности — ханты и манси, с несколькими языковыми диалектами у каждой. Если у обских угров дуально-фратриальное деление распространялось по существу на группу родственных народностей, то у нарымских селькупов были отмечены эндогамные коллективы более узкие, чем те, что мы знаем для «классического» племени. По наблюдениям Г. И. Пелих, у селькупов прежде существовали брачные объединения трех родов. Род «А» отдавал своих женщин в род «Б» и брал женщин из рода «В». Эти трехродовые эндогамные союзы (гары) входили в состав более широких объединений, называвшихся «ортчо» (люди одной реки) [11]. У обдорских ненцев процесс сложения дуально-фратриальной организации еще не был завершен; кроме того, у них отсутствовали собственный диалект, специфическое самоназвание и такие социальные атрибуты племени, как племенной вождь, совет племени и т. д. [12].

Среди других причин миграций следует назвать колебания ландшафтных границ, связанные с периодическими изменениями климата. Палеоклиматологи отмечают для эпохи бронзы и раннего железа два очень существенных климатических колебания — прогрессирующее усыхание (во второй половине бронзового века) и довольно сильное увлажнение и похолодание (в эпоху раннего железа). В I тысячелетии н. э. вновь начинается потепление, которое сменяется затем ухудшением климата (XIV—XIX вв) [13], получившим у гляциологов название «малого ледникового периода». Однако последний двухфазный климатический цикл (I—II тысячелетия) был менее выражен, чем предыдущий. О связи некоторых древних переселений с ландшафтно-климатическими изменениями нам уже приходилось писать [14].

Иссушение климата, происходившее в бронзовом веке, достигло своего апогея на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и привело к появлению на юге таежной зоны значительных остепненных пространств. Это открыло возможность для проникновения в северные районы Сибири южным скотоводческо-земледельческим группам, которые могли осуществлять там комплексное хозяйство почти до 59-й параллели. В степной части иссушение климата чрезвычайно затруднило занятие земледелием, а сохранение скотоводства стало возможным лишь при периодических перекочевках в поисках подходящих пастбищ. Значительная часть степного населения вынуждена была переселиться в более северные районы, где в связи с наступлением лесостепного ландшафта па тайгу создались условия для успешного ведения пастушеско-земледельческого хозяйства. В это время на север переселяются, в частности, отдельные группы андроновского (федоровского) населения. Памятники федоровского типа известны сейчас севернее Новосибирска и даже на широте Томска [15].

---

[10] Там же, стр. 136.

[11] Г. И. Пелих. К вопросу о родоплеменном строе у нарымских селькупов. Тр. ТГУ, 65, 1964, стр. 140, 143.

[12] Общественный строй народов Северной Сибири, стр. 178—180.

[13] А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. Записки географического общества СССР, 16, нов. сер., М.— Л., 1957, стр. 268—272.

[14] М. Ф. Косарев. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии. СА, 1971, 2.

[15] Т. Н. Троицкая. Памятники андроновской культуры. Научн. тр. Новосибирского пединститута, 31, 1969; В. И. Матющенко. Исследование Еловского могильника II. Из истории Сибири, 2. Томск, 1969.

В переходное время от бронзового века к железному в связи с начавшимся увлажнением и похолоданием возможности для ведения пастушеско-земледельческого хозяйства севернее 56-й параллели сильно ухудшились. Начинается продвижение на юг северных таежных групп. На смену преимущественно пастушеско-земледельческому населению андроноидной еловской культуры [16] приходит охотничье-рыболовческое население кулайской культуры (железный век) [17].

Переход от оседлого комплексного хозяйства к примитивному охотничье-рыболовческому (в Среднем Приобье) и к одностороннему кочевому (в нынешней степной зоне) был обусловлен ландшафтно-климатической обстановкой и привел не к более передовым, а к более рациональным формам хозяйства.

Меридиональные миграции древнего населения, вызванные колебаниями ландшафтных границ, приводили к смешиванию северных и южных групп населения. При этом далеко не всегда более развитые в культурном и социально-экономическом отношении пришельцы-южане могли ассимилировать охотничье-рыболовческое население северных районов. Большей ассимилятивной силой обычно обладала та этническая группа, которая биологически была более приспособлена к условиям данной географической среды [18].

Классическим примером такой ситуации является неудача норманов в колонизации Гренландии. Первоначальные успехи норманов в освоении этой территории объясняются тем, что на первых этапах колонизации адаптивные возможности выходцев из Скандинавии в общем соответствовали географическим условиям этой северной колонии. Первые колонисты застали на западном побережье острова березовые леса с подлеском из можжевельника и тучные зеленые луга, что позволило им разводить здесь крупный и мелкий рогатый скот и вести молочное хозяйство. В начале II тысячелетия н. э. в западной части Гренландии возникло два больших переселенческих округа — Эстербюгд и Вестербюгд, расположенные в 12 днях пути друг от друга и насчитывавшие более 200 поселений, в которых жили около 5 тыс. колонистов. Однако в условиях быстрого ухудшения климата (начиная с XIV в.) резерв адаптивной изменчивости мигрантов оказался недостаточным и произошло то, что не укладывается в рамки привычных представлений — аборигены начали ассимилировать норманов в языковом и культурном отношении. Норвежский король Эриксен был вынужден послать в Гренландию в 1355 г. специальную миссионерскую экспедицию, чтобы вновь приобщить к святой церкви потомков своих соотечественников, которые отпали от христианства и стали смешиваться с эскимосами и индейцами. Вскоре норманские поселения в Гренландии скрылись под наступающим ледниковым щитом, и на месте некогда многолюдной и процветающей колонии воцарилась ледяная пустыня.

Другой пример: в XIX и в начале XX в. на Таймыре в течение всего лишь трех-четырех поколений была ассимилирована долганами большая группа русского населения — так называемые «затундринские крестьяне» [19]. Этнографы неоднократно отмечали упадок культурно-хозяйственных традиций у населения, попавшего в непривычные природные условия. Так, «непишущие» старообрядцы с р. Орловой (приток Кети) в течение всего лишь нескольких десятилетий потеряли весь свой домашний скот и перешли от тяглового к мотыжному земледелию. В начале

---

[16] А. П. Баранес, А. Ф. Косарев, В. Д. Славнин. Еловский археологический комплекс. Уч. зап. ТГУ, 60, 1966.

[17] М. Ф. Косарев. К вопросу о кулайской культуре. КСИА, АН СССР, 119, 1969.

[18] В. П. Алексеев. Человек: биология и социологические проблемы. «Природа», 1971, 8, стр. 45.

[19] Б. О. Долгих. Происхождение долган. Тр. ИЭ, 84, 1963.

900-х годов они уже стояли на грани полного забвения земледельческих навыков.

Приведенные свидетельства помогают понять причины упадка ряда древних культур таежного Приобья, носителями которых было южное по происхождению население. Так, большая группа восточных андроновцев (федоровцев), продвинувшись в конце II тысячелетия до н. э. в глубь Томско-Нарымского Приобья, постепенно утратила навыки пастушеско-земледельческого хозяйства, смешалась с местным населением и стала жить архаичным охотничье-рыболовческим бытом. Причиной культурно-хозяйственной деградации потомков андроновского населения в таежной зоне были, видимо, суровые природные условия, и в частности, существенное ухудшение климата в раннежелезном веке. Неблагоприятные ландшафтно-климатические обстоятельства сильно подорвали экономические устои продвинувшихся на север скотоводческо-земледельческих групп и вынудили их перейти к непривычному охотничье-рыболовческому быту. Это поставило пришельцев в менее выгодное положение по сравнению с местными охотниками и рыболовами и способствовало их ассимиляции аборигенами.

Частой причиной древних переселений были, видимо, эпизодические стихийные бедствия: засухи, передвижения промыслового зверя, эпидемии, лесные пожары и т. д. Перемещения в юкагирской среде в конце XVIII и начале XIX в. были вызваны прекращением сезонных миграций диких оленей через реки Колыму, Малый и Большой Анюй и Омолон [20]. Причиной переселения части якутов с Оленека на Хету (80-е годы XVII в.) была голодовка на Оленеке опять-таки в связи с изменением традиционных путей сезонных миграций дикого оленя [21].

Время от времени население Сибири посещали жестокие эпидемии. Суровый климат, скученность в тесных жилищах, частые голодовки и другие лишения ослабляли людей и делали их восприимчивыми ко всякого рода инфекционным заболеваниям. Так, в 1631—1632 гг. от эпидемии оспы вымерло $^2/_3$ всех энцев [22]. В 1927—1928 гг. в Потаповской тундре погибло от эпидемий около $^1/_3$ энцев и ненцев [23]. За последние несколько столетий произошло почти полное вымирание юкагиров — некогда одной из самых многочисленных народностей Сибири [24]. Обезлюдевшая территория юкагиров была занята соседними группами, преимущественно тунгусами, что позволило последним значительно расширить свой ареал. Не исключено, что подобные явления имели место и в далеком прошлом.

Вполне вероятно, что некоторые культурные группы Западной Сибири прекратили свое существование в результате вымирания от эпидемий, а сменившее их население других культур заняло обезлюдевшую территорию, практически не входя в контакты со своими предшественниками. Нам кажется, здесь надо учитывать еще одно обстоятельство. У малых народов Севера существует много обычаев, отражающих страх перед покойником, боязнь смерти. У ненцев, хантов, манси, шорцев, тунгусов и других этнических групп Сибири было принято после смерти родственника переносить жилище в другое место. Во время эпидемий боязнь смерти увеличивалась тысячекратно, и под действием массового психоза население полностью оставляло целые большие районы. Это опять-таки давало возможность другим этническим группам занять через некоторое время освободившуюся территорию, не соприкасаясь с жившим здесь ранее населением. К. Д. Носилов во время путешествия в 70—80-х годах прошлого века по Восточному Уралу неоднократно встречал брошенные ман-

---

[20] Народы Сибири. М.— Л., 1956, стр. 887.

[21] Б. О. Долгих. Ук. соч.

[22] Б. О. Долгих. Образование современных народностей Севера СССР. СЭ, 1967, 3, стр. 10.

[23] В. И. Васильев. Лесные энцы. Тр. ИЭ, 84, 1963, стр. 43.

[24] И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. Тр. ИЭ, 89, 1967.

сийские поселения, обитатели которых покинули эти места после серии несчастий дома и на промыслах [25].

Среди эпизодических стихийных бедствий, вызывавших миграции таежного населения, могли быть лесные пожары и другие явления, связанные с гибелью древостоя. Пожары приводили к исчезновению промыслового зверя и делали непригодными для охоты большие участки тайги: в 1915 г. в Сибири было уничтожено пожарами около 100 тыс. *кв км* леса [26].

Нередко лесные гари покрывались травяной растительностью, происходило задернение поверхности и накопление гумуса. Во время археологических разведок в Томской области и Красноярском крае мне встречались гари, где древесная растительность не возобновлялась после пожаров пятидесятилетней давности. Русское старожильческое население использует такие участки для посевов и пастбищ. Последнее обстоятельство интересно в связи с вопросом о потенциальной готовности охотничье-рыболовческого населения тайги к производящему хозяйству. В большинстве случаев миграции таежных западносибирских аборигенов были порождены консервативностью их производственных традиций, в частности неуменьем приспосабливать характер хозяйства к окружающей среде. Пришлое русское население, имевшее больший социально-производственный опыт, было менее склонно к миграциям, так как умело приспосабливать хозяйство к новым условиям — обычно путем внедрения в него какой-нибудь новой отрасли (хлебопашество, животноводство, пчеловодство, кустарные промыслы и т. д.).

Некоторые исследователи считают одной из возможных причин древних миграций поиски источников сырья для изготовления орудий. Видимо, это не совсем так. Этнографические данные говорят, что при такого рода кризисах обычно происходила интенсификация меновой торговли. Еще в начале XVII в. главным занятием шорцев, живших в верховьях Томи, было кузнечное дело. Русские называли их «кузнецкими людьми», «кузнецкими татарами», а район их обитания «Кузнецкой Землей». Плавка руды и изготовление железных орудий имели у шорцев настолько большое значение, что когда в 1641 г. царское правительство предложило, чтобы они «куяков и шапок железных и копий и рогатин и никакой ратной сбруи и черным и белым калмыкам и киргизским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли», шорцы бассейнов Мрассы и Кондомы заявили, что прекратить обменные операции они не могут, так как кузнечный промысел является основным источником их существования [27]. Калмыки и енисейские киргизы были достаточно могущественны в военном отношении, чтобы без труда отобрать у шорцев «источники сырья», но они даже не помышляли об этом, ибо сложившиеся отношения взаимного обмена были более выгодны и более рациональны.

Приблизительно такая же картина наблюдается в Западной Сибири в период развития турбинско-сейминской металлургии. Основная масса форм для отливки турбинско-сейминских орудий найдена на р. Томи и в лесостепном Обь-Иртышье, т. е. в районах, прилегающих к Алтаю и Саянам, где известны многочисленные месторождения оловянного камня и самородной меди [28]. В течение нескольких веков изготовление и сбыт этих орудий осуществляло в основном население самусьско-ростовкинского культурного ареала, получавшее в обмен на бронзовые кельты и копья нефрит, яшму и высококачественный кремень,— то, чего не имела и в чем нуждалась Западная Сибирь.

---

[25] К. Д. Носилов. У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904, стр. 14.
[26] Западная Сибирь. М., 1963, стр. 334.
[27] Народы Сибири, стр. 497.
[28] Сб. «Полезные ископаемые Западно-Сибирского края». Новосибирск, 1934.

Мне кажется, что В. А. Софронов слишком поспешил, объяснив сходство каменного инвентаря Глазковского и Турбинского могильников миграцией глазковцев в бассейн Камы [29]. Сходство каменных орудий Урала и Сибири станет более понятным, если учесть единый древний субстрат, теснейшие экономические связи, возможность конвергентного возникновения на урало-сибирской территории некоторых типов вещей и т. д.

Движение вещей в эпоху неолита и бронзы, если им не сопутствует керамика, не свидетельствует о перемещениях этнических и культурных групп. Мы можем уверенно говорить о миграции на восток населения еловской и андроновской культур (последние века II тысячелетия до н. э.), о проникновении на поздних этапах бронзового века отдельных андроновских (федоровских) групп в северные районы Сибири, о переселении в Притоболье с севера или северо-востока Западной Сибири гамаюно-каменогорского населения (в переходное время от бронзового века к железному) и т. д., потому что наблюдаем массовое перемещение на другую территорию керамического материала со специфической формой сосудов и своеобразными орнаментальными традициями.

Что же касается предполагаемой миграции глазковцев в Среднее Прикамье, то здесь мы таких показателей не имеем. Среднекамская керамика гаринско-борских поселений показывает непосредственную генетическую связь с местной неолитической. Фиксируемые на археологическом материале этнические контакты прикамского населения в бронзовом веке не шли дальше связей с ближайшими соседями. О. Н. Бадер отметил присутствие в гаринских комплексах посуды зауральского (притобольского) происхождения [30]. Камская керамика бронзового века (ерзовский, луговской и приказанский варианты) обнаруживает в своей орнаментации элементы восточного и южного облика, но аналогии им опять-таки не уходят за пределы Восточного Урала и лесостепных районов Восточной Европы [31].

Если отвлечься от перечисленных выше конкретных причин миграций и попытаться подойти к вопросу о древних переселениях с чисто психологической точки зрения, то придется признать, что во всех случаях их основной побудительной силой было стремление людей выжить. В этом смысле переселения людей в первобытную эпоху можно считать одной из форм борьбы за существование.

Среди наиболее важных социальных результатов миграций следует назвать сложение новых этнических групп. Оторвавшись от родины, часть народа была вынуждена вступать в новые культурные и этнические связи. Сибирские этнографические материалы говорят о том, что переселялись обычно экзогамные коллективы — род или группа родственных родов. «Возможно,— пишет по этому поводу Д. Е. Прокофьева,— что в столь важные моменты в жизни общества... как переход с целью поселения на новых местах... родственные роды объединялись и особенно ярко выступала организующая роль фратрии» [32].

Попав в чуждую этническую среду, пришлая экзогамная группа должна была вступать в брачные контакты с местным населением. Обдорские ненцы фратрии Харючи пришли на север раньше других самоедов и в силу этого стали заключать браки с аборигенами. В итоге возникла другая фратрия — Вануйта, куда вошли разные этнические компоненты [33].

---

[29] В. А. Софронов. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. VII Междунар. конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения историков СССР, М., 1966.

[30] О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 37.

[31] В. П. Денисов. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. Уч. зап. ПГУ, 148, 1967.

[32] Д. Е. Прокофьева. Ук. соч., стр. 93.

[33] Общественный строй народов Северной Сибири, стр. 185.

Группа вадеевских нганасан сложилась в результате ассимиляции авамскими самоедами переселившейся на Таймыр эвенкийской родоплеменной группы Ванядир [34].

Налаживание брачных связей между местными и пришлыми группами далеко не всегда происходило мирным путем. Восточные ненцы рассказывают, что последняя их война с энцами велась из-за того, что они требовали себе в жены энецких девушек [35]. По свидетельству С. К. Патканова, одним из основных сюжетов остяцких былин были военные походы остяцких богатырей в соседние земли с целью добывания жен [36]. Видимо, эти героические сказания являются отголоском событий тех далеких времен, когда пришельцы получали право вступать в браки с аборигенами лишь после кровопролитных войн.

Чрезвычайно интересны прослеживаемые археологически этнические контакты андроновцев (федоровцев) с алакульской и еловской группами. Видимо, андроновское (федоровское) население мигрировало несколькими отдельными экзогамными (фратриальными?) объединениями, что вынуждало его устанавливать брачные связи с этнически чуждым населением тех территорий, которые оно пыталось освоить. Сейчас известны общие федоровско-алакульские (Черняки II [37], Субботино [38]) и федоровско-еловские (Еловка II, Малый мыс) [39] могильники, где хорошо видна тенденция к нивелировке федоровских и алакульских (в Зауралье), федоровских и еловских (на востоке Западной Сибири) культурных признаков.

Проблема миграций является, пожалуй, одной из важнейших в западносибирской археологии. За этой по существу совершенно неразработанной темой прячется сложнейший комплекс естественно-географических, социально-экономических, культурных, этногенетических и других явлений, характеризующих исторический процесс во всех его сложных взаимосвязях.

M. F. Kossarev

SUR LES CAUSES ET LES CONSÉQUENCES SOCIALES DES ANCIENNES MIGRATIONS EN SIBÉRIE OCCIDENTALE

Résumé

Les données archéologiques montrent que les frontières des domaines culturels et éthiques en Sibérie occidentale ne restaient pas stables. Leurs changements faisaient suite des processus de migration.

Le matériel archéologique et les observations éthnographiques donnent lieu à percevoir les causes suivantes des anciennes migrations: la discordance entre un développement lent des forces productrices et une augmentation accélérée de la population, la nécessité de transférer une économie en pleine évolution dans une régions aux conditions de la nature plus favorables, les modifications périodiques du climat et du paysage, les fléaux de la nature spontanés etc.

Parmi les suites sociales les plus communes dues à des anciennes migrations on peut citer des ostilités, des changements des limites éthniques, des assimilations et la niassance de nouveaux groupes éthniques.

---

[34] В. О. Долгих. Происхождение нганасан. Тр. ИЭ, XVIII, 1952.

[35] В. И. Васильев. Ук. соч., стр. 44.

[36] С. К. Патканов. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.

[37] В. С. Стоколос. Памятники эпохи бронзы — могильник Черняки II. Уч. зап. ПГУ, 191, 1968.

[38] Т. М. Потемкина. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов. «Проблемы культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1972.

[39] В. А. Посредников. О Самусе IV и его времени. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, стр. 113—115.

В. А. ПОСРЕДНИКОВ

КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЕ МЕСТО КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ САМУСЬ IV И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИОБЬЯ

Трудно переоценить значение поселения Самусь IV, расположенного близ г. Томска в низовьях р. Томи, для понимания исторических процессов в Приобье в эпоху бронзы. Несмотря на это, памятник по сути все еще остается загадкой на пути решения многих вопросов археологии Западной Сибири. Сейчас исследователи пришли к единому мнению: Самусь IV содержит не один, а два культурных комплекса. Однако их выделение еще не решило всей его проблемы. Одни исследователи (Г. М. Максименков, В. И. Матющенко) усматривают в них отражение культурно-генетической непрерывности, другие (М. Ф. Косарев, В. А. Посредников), напротив, считают, что они представляют совершенно разные культуры, не имеющие в генезисе ничего общего.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг поселения Самусь IV [1], основана главным образом на визуальной оценке его материалов. Вследствие этого каждый исследователь в подкрепление своих взглядов подчеркивает какую-либо одну из его сторон. Автор попытался провести статистические и естественно-технологические наблюдения наиболее массового материала — керамики. В своем опыте автор руководствовался комплексом уже имеющихся методов статистико-комбинаторной [2], визуально-технологической [3] и инструментально-технологической [4] оценки археологического материала. Цель эксперимента — выделение групп керамики и определение их культурно-генетического соотношения. Для подсчета была принята 30%-ная выборка, что составляет 10.500 фрагментов, и единая программа статистической и естественно-технологической обработки. В результате проведенной работы в Самусе IV четко выделились две основные группы керамики [5].

1 Группа. Составляет 67,4±0,5% всей керамики. Форма сосудов плоскодонно-баночная или приближающаяся к ней горшковидная. Из корреляционной таблицы (рис. 1) видно, что в принятой для исследования выборке закраина 44% венчиков отогнута под углом 110—135° наружу. Небольшой процент сосудов имеет многогранную (от 4 до 8 граней) форму придонной части, дна и устья. 9% имеет волнистый венчик.

---

[1] Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970.

[2] Я. А. Шер. Интуиция и логика в археологическом исследовании. Сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970.

[3] T. Heyerdahl und Skjölsvold. Archaeological Evidence of pre-Spanish Visits to the Galapoges Islands. Memorirs of the Society for American Archaeologi, 12, Salt Lake Citi, 1956.

[4] Д. П. Славнин. Геолого-географические условия Самусьского археологического района. Сб. «Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири». Томск, 1966, стр. 22, 23.

[5] Фрагменты сосудов андроновской, ирменской и молчановской культур в общей сложности составили около 2%, поэтому они здесь рассматриваться не будут.

Керамику первой группы по орнаменту можно разделить на две подгруппы.

а) покрытая от венчика до дна (включая и дно) плотно прилегающими друг к другу прочерченными линиями, выполненными «отступающими» зубчаткой и лопаткой. Комбинации линий образуют взаимопроникающие треугольники, примыкающие сторонами друг к другу, и простые горизонтальные широкие пояса (рис. 2, *1*, *2*). В рамках выборки группы эта подгруппа составляет 96,5%.

Форма устья и днища	многогранная								97	6
	круглая								1475	94
Форма венчика	волнистая								147	9
	прямая								1425	91
Форма закраины / орнамент								тулово	итого	в %
	47	625	234	286	94	11	-	4983	6280	90
	1	3	-	57	29	-	-	165	255	4
	-	12	13	4	2	1	-	200	232	3,5
	-	11	17	17	9	1	-	93	148	2
	-	-	-	-	1	-	-	36	37	0,5
Итого:	48	651	264	364	135	13	-	5380	6952	
в %	3	44	18	25	9	1	-			100

Рис. 1. Корреляция декоративно-морфологических признаков первой группы керамики из Самусьского IV поселения

б) украшенная антропоморфными, зооморфными и астральными изображениями, выполненными техникой прочерчивания лопаткой (рис. 2, *3*). Ее количество в выборке в рамках первой группы 3,5%.

2 группа (рис. 2, *4—6*) составляет, как показал подсчет 32,6±0,5% всей керамики рассматриваемого поселения (рис. 3). В нее входят сосуды плоскодонно-баночной формы, орнаментированные простейшими, по ритмичными комбинациями оттисков крупнозубого штампа (в выборке 53%) в сочетании с горизонтальными поясами глубоких ямок (47%). Ко второй группе относятся и сосуды из Томского могильника эпохи бронзы (рис. 2, *7*, *8*). Однако заметим, что не все сосуды из этого могильника следует связывать со второй группой керамики Самуся IV. В. И. Матющенко, анализируя материал Томского могильника, справедливо подметил, что каменный инвентарь и сосуды, украшенные оттисками угла лопатки, близки материалам Томского неолитического могильника [6]. Еще

[6] В. И. Матющенко. О некоторых культурно-хронологических комплексах II тысячелетия до н. э. в Томском Приобье. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, стр. 98—100.

до этого М. Н. Комарова отмечала некоторые признаки возможного существования неолитических погребений на территории могильника эпохи бронзы. Об этом, по ее мнению, свидетельствуют каменные орудия, залегающие ниже 11-й могилы, и сосуд неолитического облика из квадрата 88 [7]. Вместе с тем М. Н. Комарова, заслуга которой остается в том, что она ввела в научный оборот памятники большой научной ценности, по-видимому, не до конца учла некоторые обстоятельства в работе с плохо

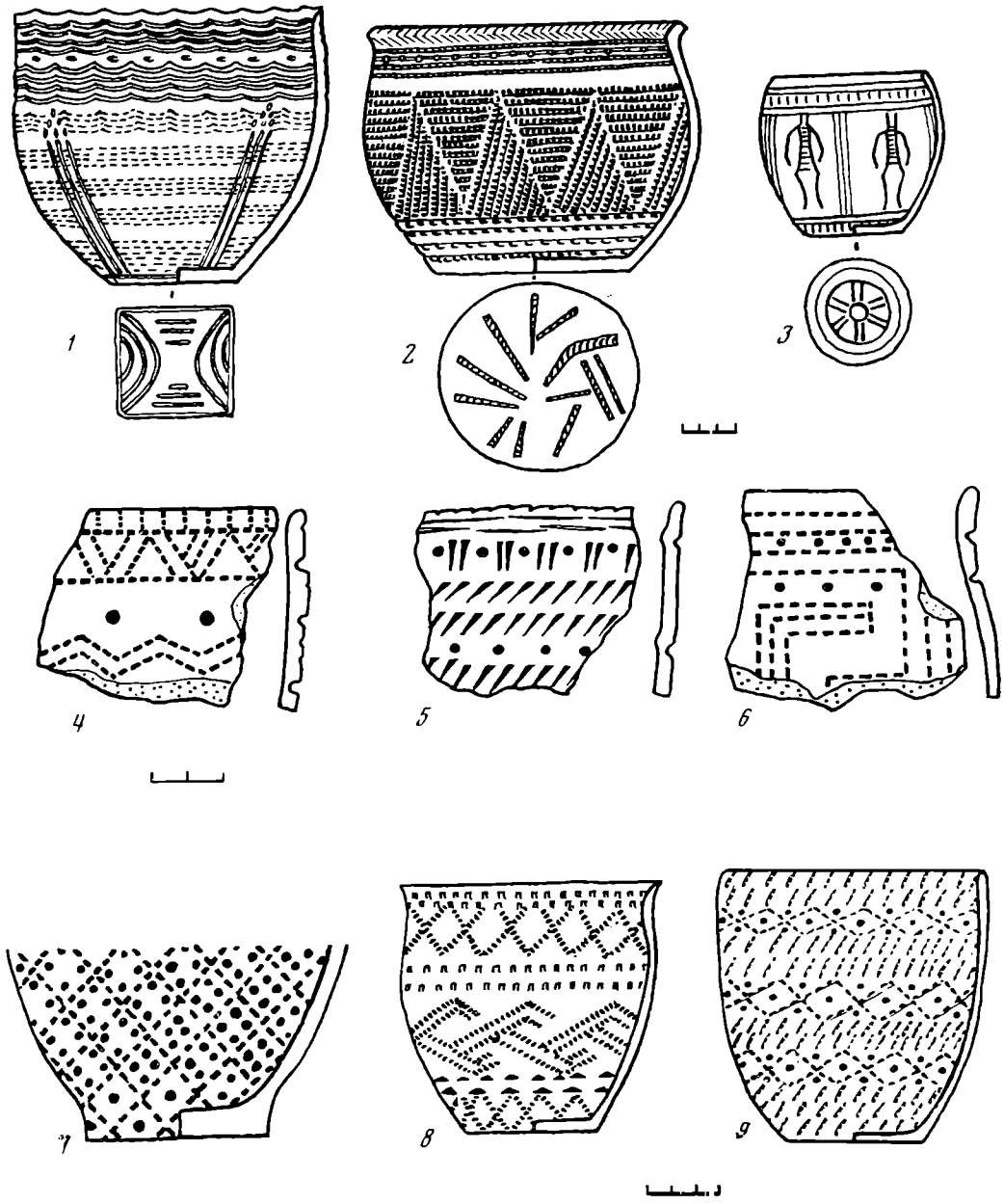


Рис. 2. Керамика первой и второй групп из Томского-Нарымского Приобья

Первая группа: *1—3* — Самусьское IV поселение. Вторая группа: *4—6* — Самусьское IV поселение; *7, 8* — Томский могильник на Малом Мысу; *9* — Большеларьякское поселение II

документированными А. В. Адриановым материалами могильника (а именно территориальную близость к могильнику эпохи бронзы неолитического могильника, а также возможность территориального наложения могильника эпохи бронзы на неолитический), вследствие чего отнесла ряд неолитических объектов к эпохе бронзы. К последней же мы можем сейчас бесспорно отнести только погребения, содержащие бронзовый

[7] М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, стр. 12, 20.

инвентарь, а также сосуды, аналогичные сосудам из Самуся IV [8]. К ним в Томском могильнике относятся плоскодонные банки, украшенные различными комбинациями оттисков линейного зубчатого штампа и глубоких конических ямок, т. е. те сосуды, которые М. Н. Комарова сопоставляла с сосудами андроновского времени и которые сейчас можно поместить в один ряд со второй группой керамики из Самуся IV.

Форма устья и днища	многогранная								–	–
	круглая								436	100
Форма венчика	волнистая								–	–
	прямая								436	100
Орнамент \ Форма закраины								тулово	итого	в %%
	–	1	9	65	31	11	2	1659	1778	53
	–	4	14	133	93	38	2	1068	1352	40
	–	1	1	14	3	1	–	132	152	4,5
	–	–	–	–	–	9	–	47	56	2
	–	–	–	1	3	–	–	12	16	0,5
Итого	–	6	24	213	130	59	4	2918	3354	
в %%	–	1	5,5	49	30	13,5	1			100

Рис. 3. Корреляция декоративно-морфологических признаков второй группы керамики Самусьского IV поселения

Определение и выделение групп керамики на Самусе IV было значительно затруднено тем, что культурно-временные напластования памятника визуально невыделимы, а попытка проследить его стратиграфию статистическими наблюдениями, на небольшой площади (16 $м^2$) из раскопанных 2000 $м^2$, предпринятая Л. М. Сыркиной и В. И. Матющенко, не увенчалась успехом.

Работы последних лет на Средней Оби позволили выявить, не считая ранее изученные Томский могильник и поселение Самусь IV, 14 памятников эпохи бронзы, содержащие исключительно керамику с печатно-гребенчатой и ямочно-печатно-гребенчатой орнаментацией, аналогичную второй группе керамики из Самуся IV. Одним из таких памятников является Большеларьякское поселение II в среднем течении р. Вах. Эпоха бронзы на этом памятнике представлена стратиграфически выделенным горизонтом, содержащим отходы бронзолитейного производства (бронзовый шлак, рукоять тигля), мелкий каменный инвентарь и керамику [9].

[8] Там же, могилы 2, 5, 7, 8, 9, 11, 12; сосуды — рис. 16, *1, 4, 5, 8, 9*.

[9] В. А. Посредников. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья. «Из истории Сибири», 4, Томск, 1972.

Сосуды имеют плоскодонную баночную форму в большинстве с прямыми слегка вогнутыми венчиками. Сосуды с венчиками, немного отогнутыми наружу, составляют меньшее количество (17,5±9,2%). Закраины венчиков округлые и плоские. Последние преобладают. Орнамент во всех случаях исключительно штампованный. Он состоит в основном из чередования по вертикали одно-, двухрядовых ямочных поясов с поясами несложных комбинаций оттисков линейного зубчатого или гладкого штампа. Орнамент покрывает всю боковую поверхность сосудов (рис. 2, *9*; 4).

Форма устья и днища										
	многогранная							–	–
	круглая							30	100
Форма венчика									
	волнистая							–	–
	прямая							30	100
Орнамент \ Форма закраины								тулово	итого	в %
	–	–	–	–	–	–	–	1	1	3
	–	–	–	2	5	1	–	11	19	63
	–	–	–	–	2	1	–	3	6	20
	–	–	–	–	2	–	–	–	2	7
	–	–	–	–	–	1	–	1	2	7
Итого	–	–	–	2	9	3	–	16	30	
в %	–	–	–	14	64	22	–			100

Рис. 4. Корреляция декоративно-морфологических признаков керамики эпохи бронзы из Большеларьякского поселения II

80% сосудов толстостенные (толщина стенок от 6 до 11 *мм*). В изломе черепки имеют светлый цвет с серой прослойкой в своей средней или внутренней части, что свидетельствует об обжиге сосудов в окислительной среде при непродолжительной выдержке или невысокой температуре (рис. 4).

Технологические испытания[10] большеларьякского образца на определение предела прочности при статическом изгибе (7,5 *кг/см*^{2}) и на водопоглощение (13,6%) практически совпадают с показателями предела прочности и водопоглощения керамики подобного облика из других памятников Среднего Приобья эпохи бронзы (поселение Полигон на р. Томи соответственно 7,8 *кг/см*^{2}, 11,5%; Самусь IV — 5,1 *кг/см*^{2}, 13,2%; 7,1 *кг/см*^{2}, 17,7%; 11,1 *кг/см*^{2}, 18,1%; Могильный мыс на р. Чае — 7,0 *кг/см*^{2}, 13,3%; Малгет — 2,8 *кг/см*^{2}, 19,0%). Всего испытано 65 образцов, давших средний показатель прочности на изгиб 11,5±3,0 *кг/см*^{2} и на водопоглощение 13,2±2,0%.

[10] Здесь и ниже испытания проведены автором на кафедре технологии силикатов Томск. политехнич. ин-та по ГОСТу 473-53.

Мной просмотрено несколько тысяч образцов, в том числе под бинокулярной лупой — около 250 обломков из разных мест. Для 75 и более процентов керамики в каждом отдельном памятнике характерны: толстостенность (от 6 до 12 *мм*), повышенная пористость, комковато-ноздреватая грубая структура, объясняющаяся особенностями технологии приготовления теста и его рецептуры — применение в качестве отощителя крупнодробленных (диаметр фракций до 6 *мм*) кварцитов, шамота и гранита [11]. Внешняя поверхность заглажена без нанесения какого-либо дополнительного обмазочного слоя. В 5% случаев отмечено лощение. Все признаки указывают на то, что лощение производилось после нанесения орнамента и сушки, перед обжигом. Заглаживание и лощение должны были компенсировать низкое технологическое качество сосудов, обеспечивая их водонепроницаемость.

Эти замечания становятся особенно важными, если учесть, что памятники разделены сотнями километров (Большеларьякское поселение II удалено по рекам от Самуся IV на 1600 *км*). Но несмотря на огромные расстояния, технологическая, морфологическая и декоративная характеристика керамики с печатно-гребенчатой орнаментацией сходна, а следовательно, является одной из определяющих признаков не только самой керамики, но и памятников, которые эта керамика представляет.

Единственные известные до недавнего времени смешанные материалы Томского могильника и неразделенный на комплексы Самусь IV делали почти невозможным или крайне сомнительным выделение в лесостепном и лесном Приобье памятников, отличных от принадлежащих самусьской культуре. Автор попытался показать, что археологические пункты со второй печатно-гребенчатой группой керамики реально существуют в этом районе и довольно широко здесь представлены.

В Новосибирско-Нарымском Приобье сейчас известно, как уже говорилось, 16 памятников с печатно-гребенчатой и ямочно-печатно-гребенчатой орнаментацией керамики. Они разбросаны по Оби и ее притокам от р. Вах на севере до р. Урез [12] на юге (север Новосибирской области). Южнее этой области похожая керамика встречена эпизодически на поселении Енисейское и в 10, 25 и 26 могилах Кытмановского могильника [13] в Барнаульском Приобье.

Следует заметить, что если Новосибирское Приобье фиксирует южную границу ареала памятников с печатно-гребенчатой керамикой, то р. Вах не определяет северную, ибо пункты с близким материалом обнаружены в низовьях р. Оби и р. Таз [14]. Разумеется, несколько тысяч километров, разделяющие крайние точки их местонахождения, вносят определенную долю различия как в керамику, так и в сами памятники. Однако выяснение степени их сходства — тема специального исследования. Наша цель лишь показать, что памятники с керамикой, соответствующей второй группе из поселения Самусь IV, не ограничиваются Барнаульско-Нарымским Приобьем. Их территория гораздо шире.

Теперь в этом же аспекте коснемся вопроса, связанного с первой группой керамики из Самуся IV, которую М. Ф. Косарев относит к особой самусьской культуре. Пока не известно ни одного пункта с какими-либо характерными для самусьской культуры материалами севернее р. Шу-

---

[11] Определения доцента кафедры петрографии Томского университета В. В. Хахлова по шлифам из черепков от сосудов поселения Самусь IV и Большеларьякского поселения II.

[12] Поселение Чехломей I. В. А. Посредников. Археологические работы на р. Вах. «Из истории Сибири», 2. Томск, 1969, стр. 78, 79. Поселение Урез. Сборы Л. М. Плетневой и А. А. Каприелова в 1964 г. МАЭС ТГУ.

[13] Сборы С. М. Сергеева в 1930 г. Бийский краеведческий музей. Раскопки А. П. Уманского в 1962 г. Барнаульский краеведческий музей.

[14] Поселение Сортынья II. В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, табл. XVII. IV пункт Хальмар Седе. Сборы Р. Е. Кольса в 1927 г.; В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 48.

дельки [15]. В основном же самусьские памятники сосредоточены южней устья р. Чулым, доходя до Верхней Оби и северных склонов Алтая [16].

Ареал самусьской культуры, таким образом, не совсем совпадает с территорией памятников с печатно-гребенчатой керамикой. Если памятники самусьской культуры в основном размещены на юге Приобья и в культурном отношении тяготеют к памятникам юга Сибири от Енисея до Среднего Прииртышья (окуневские памятники, Ростовкинский могильник, Черноозерье), то сравниваемая группа уходит в своем распространении на запад (что будет показано ниже) и северо-запад до низовьев Оби и Таза.

Самусьская культура была датирована М. Ф. Косаревым найденными в Самусе IV литейными формами кельтов и копий турбино-сейминского типа XVI — XIII вв. до н. э. При этом он заметил, что основной комплекс Самусь IV одновременен окуневским памятникам Енисея [17]. Г. А. Максименков, занимавшийся изучением окуневской культуры, пришел к выводу о раннебронзовом ее возрасте, отнеся ее к первой половине II тысячелетия до н. э. Замечание М. Ф. Косарева дало возможность Г. А. Максименкову на основании многочисленных аналогий, существующих между окуневской и самусьской культурами аргументировать их синхронность, датировав последнюю так же первой половиной II тысячелетия до н. э. [18]. Позднее к нему присоединился В. А. Посредников [19]. Проведя детальный разбор материалов Самусьского IV поселения, аналогичный результат получил В. И. Матющенко, с той лишь разницей, что ранний комплекс памятника им отнесен к заключительному периоду первого, по его мнению, этапа самусьской культуры, который заканчивается не позднее XV— начала XIV в. до н. э. [20]

Применение методики определения возраста различных видов почв в зависимости от высоты местности, предложенной В. В. Докучаевым, позволило Д. П. Славнину прийти к заключению, что культурный слой поселения Самусь IV вместе с перекрывающим его горизонтом сложился в последние 4000—3700 лет [21]. Отсюда следует, что начало интенсивного отложения культурных напластований на поселении относится к XX — XVII вв. до н. э.

Аргументация исследования хорошо обоснована, и сейчас вряд ли можно внести какие-либо изменения или уточнения в хронологию самусьской культуры. Однако не исключено, что известные в настоящее время памятники не определяют всей хронологической шкалы культуры. Возможно, в отдельных еще не изученных микрорайонах Приобья (а их остается большинство) она продолжала существовать и в последующее за первой половиной II тысячелетия до н. э. время. Это тем более вероятно, если учесть, что в эпоху раннего железа в культуре населения лесостеп-

---

[15] Поселение Малгет. Собранная здесь керамика близка первой группе самусьской, но вместе с тем глубоко прочерченные техникой отступающего накола горизонтальные линии, а также технологические показатели сближают ее с керамикой верхнеобской неолитической культуры. Точная культурно-хронологическая увязка затруднена из-за малой численности материалов.

[16] Поселения Чудацкая гора и Морайка на Верхней Оби (раскопки М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой, Эрмитаж), стоянки Ляпустин мыс и Коровья Пристань на оз. Иткуль в районе Бийска (раскопки Б. Х. Кадикова, Бийский музей).

[17] М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, 2, стр. 244.

[18] Г. А. Максименков. Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири. Известия лаборатории археологических исследований, 1. Кемерово, 1967, стр. 142, 143, 146.

[19] В. А. Посредников. О Самусе IV и его времени. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири, стр. 110.

[20] В. И. Матющенко. О некоторых культурно-хронологических комплексах..., стр. 97.

[21] Д. П. Славнин. Ук. соч., стр. 21.

ного — южной периферии лесного Приобья отмечаются некоторые традиционно самусьские декоративные элементы [22].

М. Н. Комарова, рассмотрев материалы Томского могильника эпохи бронзы, пришла к заключению о его синхронности андроновским памятникам [23]. Набор бронзовых вещей и керамики (за вычетом неолитической) таков, что не позволяет усомниться в справедливости ее вывода.

Г. А. Максименков полагает, что многочисленные бронзолитейные отходы (обломки тиглей, льячек, шишек, литейных форм кельтов, наконечников копий и ножей) из Самуся IV целиком относятся ко второму, позднему периоду памятника и датирует их андроновским временем, второй половиной II тысячелетия до н. э. [24]. Такая культурно-хронологическая увязка бронзолитейного производства на Самусе IV встречает серьезное возражение. Совместное залегание в заполнении земляных очагов № 75 и 93 на Самусе IV обломков литейных форм и сосудов первой и второй групп [25] указывает на их комплексность, а следовательно, одновременность. На основе анализа вещей было уже предложено рассматривать отходы металлолитейного дела как относящиеся и к первому и ко второму периоду существования памятника [26].

На Большеларьякском поселении II в слое с печатной керамикой найдена прямоугольная рукоять тигля, удивительно схожая, даже по размерам и пропорциям, с аналогичными вещами из Самуся IV. Анализ материалов эпохи бронзы Большеларьякского поселения II позволил датировать их серединой — третьей четвертью II тысячелетия до н. э. [27]. Исключительно важное значение приобретают совместные находки первой и второй групп керамики в нескольких очагах Самуся IV. Исходя из того, что ранний комплекс Самусьского IV поселения совпадает с концом самусьской культуры, начало существования памятников с печатно-гребенчатой керамикой в Томском Приобье следует датировать не позднее XV — начала XIV в. до н. э.

В Барнаульском и Новосибирско-Нарымском Приобье известно около 20 памятников верхнеобской неолитической культуры. Характерные для нее черты хорошо знакомы исследователям, а керамика довольно полно описана в литературе.

Большинство авторов считают, что генетической преемницей керамики верхнеобской неолитической культуры является самусьская эпохи бронзы [28]. Самусьская керамика полностью восприняла основные черты местной неолитической посуды в технике исполнения орнамента, его элементах и орнаментальных мотивах. К этому можно добавить, что керамика самусьской культуры близка верхнеобской неолитической и по морфологии, что выражается в деталях оформления венчика, а именно в его волнообразности и в резко отогнутой на 110—135° закраине. Сосуд с волнообразным венчиком встречен в неолитическом слое Большеларьякского поселения II, а с отогнутой закраиной — в Самусьском [29] и Мусуль-

---

[22] М. Ф. Косарев. О некоторых обских орнаментах. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 45—47.

[23] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 30.

[24] Г. А. Максименков. Критика некоторых современных представлений..., стр. 143.

[25] В. И. Матющенко. Отчет о летних полевых археологических работах кафедры истории СССР досоветского периода в 1970 г. Томск, 1971. Архив МАЭС ТГУ, № 444, стр. 14, 15, 19.

[26] В. А. Посредников. О Самусе IV..., стр. 110.

[27] В. А. Посредников. Большеларьякское поселение II..., стр. 89.

[28] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке и низовьях реки Томи. СА, 1959, 4; М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 168.

[29] В. И. Матющенко. Самусьский могильник. Тр. ТГУ, 150, Томск, 1961, рис. 4 — *2, 8—5.*

манском [30] неолитических могильниках и в Большеларьякском поселении II.

Близость показателей внешних признаков сравниваемых групп не означает, конечно, их полной идентичности. Для самусьской керамики специфичны многогранность устья, придонной части и дна, а также антропо-зооморфный и астральный сюжет в орнаментации.

Хотя и не принципиальное, но существенное отличие самусьской посуды от неолитической наблюдается в ее технологии. Испытания 67 самусьских образцов дали показатели предела прочности при статическом изгибе в среднем 17,2±4,8 *кг/см*^{2} и водопоглощение 10,2±1,4%. В качественном отношении это в 1,5—3 раза выше технологического уровня керамики верхнеобской неолитической культуры из Большеларьякского поселения, Лавровской стоянки, Самусьского могильника [31] и др. Средний технологический стандарт верхнеобской неолитической керамики (8,8± ± 2,3 *кг/см*^{2}, 12,9 ± 1,8%) не исключает возможных отклонений, что и было замечено в Новокусковской стоянке, где образцы дали показатели, входящие в пределы самусьских [32].

Некоторые исследователи видят этнокультурную преемственность населения с печатно-гребенчатой керамикой от самусьского на том основании, что материалы найдены в слое одного памятника Самусь IV, а керамика имеет общее сходство. Вследствие этого они приходят к заключению, что на смену местной самусьской культуре в андроновское время приходит другая, выросшая на ее основе, но испытавшая сильное влияние андроновской культуры [33]. В. И. Матющенко считает, что проникновение андроновцев в Верхнее Приобье не прекратило развитие самусьской культуры, а только сузило территорию ее распространения. В дальнейшем, по его мнению, самусьцы приняли участие в формировании еловско-ирменской культуры [34].

Действительно, на поселении обнаружено свыше 30 000 обломков сосудов как первой, так и второй групп. Более того, в отдельных случаях, как уже отмечалось, зафиксировано соседство черепков самусьской и печатно-гребенчатой посуды в заполнении некоторых очагов. Это очень важный момент, к которому мы обращались при датировке позднего комплекса поселения Самусь IV. Однако означает ли это прямую и непосредственную во времени и пространстве преемственность позднего комплекса от раннего? Генетическое родство основных материалов Самусь IV и Томского могильника эпохи бронзы было подвергнуто сомнению М. Ф. Косаревым. По его представлению, эти памятники отражают две параллельные линии развития XVI — XIII вв. до н. э., определившиеся в конце неолитической эпохи на базе местной неолитической общности. Вместе с тем, замечая, что в Самусьском поселении встречена также керамика не местного происхождения: фрагменты среднеиртышского облика [35] (на самом деле 32%-ный комплекс),— он тем самым не допускает мысли о их культурной общности не только с основными материалами того памятника, где они обнаружены, но и с Томским могильником. Правда, впоследствии М. Ф. Косарев отказался от своего предположения о культурной несовместимости второй группы керамики Самуся IV и гребенча-

---

[30] Раскопки А. П. Дульзона в 1955, 1956 гг. ТОКМ; В. А. Посредников. О Самусе IV..., табл. I, ср. рис. *I* и *II*.

[31] В. А. Посредников. Большеларьякское поселение II..., стр. 89; Д. П. Славнин. Ук. соч., стр. 23.

[32] Пределы прочности в *кг/см*^{2}: 15,3; 24,0; соответственно им водопоглощение в %: 10,7; 11,0. По материалам раскопок М. Ф. Косарева 1967 г. МАЭ ТГУ.

[33] Г. А. Максименков. Критика некоторых современных представлений..., стр. 141—143.

[34] В. И. Матющенко. О некоторых культурно-хронологических комплексах..., стр. 97, 98.

[35] М. Ф. Косарев. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. СА, 1966, 2, стр. 24, 25.

той посуды Томского могильника и стал относить оба эти комплекса к раннему этапу еловской культуры [36]. Этот вывод следует признать справедливым, так как названные керамические комплексы равнозначны по всем своим показателям.

Попытка сопоставления печатно-гребенчатой и самусьской керамики с целью выявления общих черт привела к отрицательным результатам. Они не схожи ни по технологии изготовления (технологические показатели самусьской керамики в 1,5—2 раза качественно выше печатно-гребенчатой из того же Самуся IV, Большого Ларьяка II и других памят-

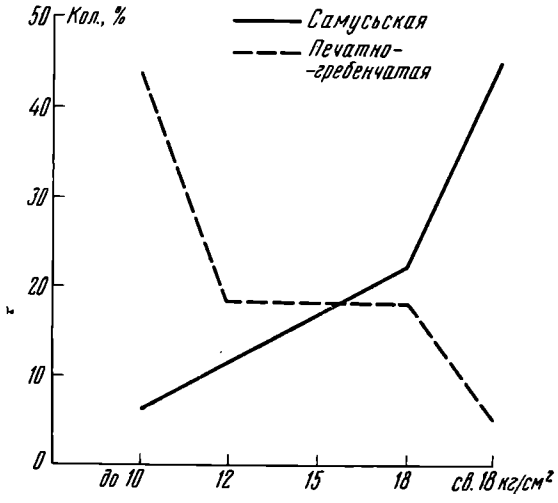


Рис. 5

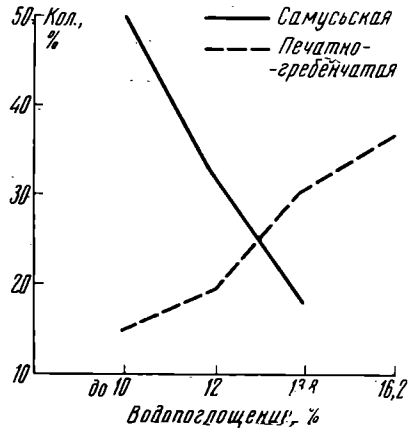


Рис. 6

Рис. 5. Предел прочности керамики при статическом изгибе. За основу деления шкалы графика принят ГОСТ 530-41 (минимальный предел прочности кирпича и его маркировка для отдельных образцов)

Рис. 6. Водопоглощение керамики. За основу деления шкалы графика принята зависимость водопоглощения керамических изделий из легкоплавких глин от температуры обжига (П. П. Будников. Технология керамики и огнеупоров. М., 1955, стр. 26, 63)

ников, см. рис. 5 и 6) [37], ни по фактуре (тесто сосудов самусьской культуры отличается от теста печатно-гребенчатых сосудов более тонким размером слагающих фракций и более плотной пластинчатой структурой) (рис. 5 и 6).

Продолжая сравнение групп керамики, можно отметить, что они несопоставимы ни по технике нанесения орнамента (самусьский орнамент выполнен прочерчиванием, сравниваемый — печатью), ни по сюжету рисунков (на самусьских сосудах кроме комбинаций геометрических фигур распространены астральные и антропо-зооморфные фигуры и сцены, чего нельзя отметить в рисунках печатно-гребенчатой керамики), ни по принципу группировки отдельных элементов узора, ни по самим элементам (на сосудах первой группы геометрические фигуры и широкие горизонтальные и наклонные полосы, второй — узкие ленты «елочки» и наклонных отпечатков линейного штампа), ни даже по самим деталям, слагающим

[36] Сообщение М. Ф. Косарева о культурном и хронологическом соотношении материала Томского могильника на Малом мысу на заседании Урало-Сибирской группы ИА от 1 декабря 1969 г. См. также: М. Ф. Косарев. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы. СА, 1972, 2, стр. 88.

[37] Технологические различия в данном случае не могут быть объяснены: 1) различным хозяйственным назначением сосудов, так как для испытания отбирались образцы от сосудов практически равных объемов; 2) различием сырьевых источников, так как для сравнения была сделана выборка из одного памятника — поселения Самусь IV.

элементы (на самусьских сосудах — длинные волнистые линии, на печатно-гребенчатых — короткие прямые).

Сходство между ними состоит лишь в ручной ленточной технике их изготовления и в сплошном заполнении стенок орнаментом. Однако эта связь скорее формальная, чем принципиальная, ибо орнаментация сосудов от венчика до дна вообще характерна для лесостепной и лесной полосы Евразии рассматриваемого времени, а ручная ленточная техника едва ли не единственная для всех культур Западной Сибири, начиная с неолита. Отмеченные признаки могут лишь свидетельствовать, что обе группы керамики относятся к одному географическому региону и ни в коем случае не могут входить в число весомых при определении культурной принадлежности рассматриваемых групп.

Технологическая, морфологическая и декоративная несовместимость самусьской (первая группа) и печатно-гребенчатой керамики является, видимо, следствием несовместимости всего комплекса культурных признаков памятников, представленных, с одной стороны, Чудацкой горой, Морайкой, Ляпустиным мысом, Коровьей пристанью, Зеркалы [38], Завьялово-2 [39], поселением Самусь IV и др., а с другой — Томским могильником вторым типологическим слоем Самуся IV, ранней группой могил северной части Еловского могильника II [40], Шаманским мысом [41], Большеларьякским поселением II и др.

Для первой группы памятников, связанных с самусьской культурой, показательны каменные скульптуры людей (в Самусе IV их найдено 5 экз.) и медведя, каменные луновидные подвески (их число в Самусе IV измеряется десятками), каменные фаллические (?) изображения (в Самусе IV около 20 экз.). Во второй группе памятников эти находки, определяющие лицо самусьской культуры, отсутствуют или, во всяком случае, не найдены.

Самусьские скульпторы передают людей с европеоидными признаками: узкое лицо, широкие с прямым разрезом глаза, прямой нос с высоким переносьем, полные губы, выдающийся вперед подбородок. Антропологические особенности скульптур не дают, конечно, повода для безоговорочного отнесения самусьцев к типу с европеоидными признаками. Но они не исключают этого. Сейчас, к сожалению, мы не располагаем ни одним погребением самусьской культуры, нет остеологического материала, а отсюда не ясен и тип самусьцев. Этот пробел в какой-то мере могут пока заполнить палеоантропологические материалы верхнеобской неолитической культуры, положившей начало самусьской. Известно, что черепа из Кузнецкого могильника и из погребений на Чудацкой горе европеоидные или во всяком случае имеют европеоидные признаки [42]. Наиболее представительная серия из Усть-Иша и Иткуля палеомонголоидная с европеоидной примесью [43]. Таким образом, известные черепа верхнеобской неолитической культуры совершенно определенно увязываются с типами, имеющими европеоидные признаки. В Ордынском, правда, кроме черепов с европеоидными признаками встречены низколицые черепа с выраженной монголоидностью. Однако антропологи рассматривают их как свиде-

---

[38] Барнаульское Приобье. Сборы З. М. Медниковой в 1968 г., Барнаульский краеведческий музей.

[39] Новосибирское Приобье. Сборы В. И. Молодина в 1968 г., Новосибирский пединститут.

[40] В. И. Матющенко. Исследования Еловского могильника II. «Из истории Сибири», 2, стр. 62—64.

[41] Среднее течение р. Васюган. Раскопки П. И. Кутафьева в 1938 г., Колпашевский краеведческий музей.

[42] В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтая-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. Тр. ИЭ, нов. сер. XXI, М., 1961, стр. 116—120.

[43] В. А. Дремов. Палеоантропологические материалы из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуля. Благодарю В. А. Дремова за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

тельство контакта с представителями северного таежного населения[44]. Все это в целом не противоречит предположению, что антропологический тип самусьцев должен нести в себе в большей или меньшей мере выраженную европеоидность, возможно, ту самую, которая нашла отражение в скульптуре.

Что касается антропологического типа второй группы памятников, то о нем можно говорить более определенно. Коллекция черепов из ранних могил (исключая андроновские) Еловского могильника II представлена низколицыми монголоидами[45]. Они, разумеется, не охватывают всей полноты антропологического типа населения, составившего вторую группу памятников, однако было бы неверно совершенно не учитывать их. Во всяком случае, они дают основание параллельно четко выраженным этнографическим различиям населения, оставившего две группы памятников, высказать предположение и о его антропологическом различии. В связи с этим вопрос о истоках сложения культуры второй группы памятников приобретает особую остроту.

Не обнаруживая непосредственной связи с известными в Барнаульско-Нарымском Приобье памятниками эпохи неолита и самусьской культуры, керамика с печатно-гребенчатой орнаментацией находит выразительные генетические соответствия в посуде таежного Зауралья. Для позднего, сосновоостровского этапа неолита восточноуральской неолитической области, а затем для энеолитических памятников лесного Зауралья и памятников эпохи бронзы юга Ямала[46] характерны сосуды с прямыми стенками без отгиба под углом 110—135° закраины, без признаков многогранности и, что самое главное, с резким, порой полным преобладанием печатно-гребенчатой орнаментации, с включением ямочных поясов на тулове. Статистические подсчеты керамики в неолитической, сосновоостровского этапа, Пахомовской пристани III показали, что печатно-гребенчатая орнаментация занимает 75%, а во втором комплексе Соснового острова — 100%[47]. Полностью преобладает она в неолитических поселениях Нижнего Приобья — Честыйяг, Няксимволь, Сортынья I, Хулюм сунт, Шучья[48]. А начиная с раннего этапа эпохи бронзы в таежном Зауралье печатно-гребенчатая техника получила в орнаментации основное направление. Об этом свидетельствуют материалы Липчинской стоянки, третьего комплекса Соснового острова[49], Ходыта Яхи[50] и мн. др.

Вопрос о происхождении печатно-гребенчатой керамики в таежном Зауралье еще далек от окончательного решения. О. Н. Бадер не исключает, что ее преобладание на сосновоостровском этапе связано с тесным общением, а может быть, и частичным проникновением людей с Западного Урала, которому в это время была свойственна чисто гребенчатая керамика.

---

[44] В. П. Алексеев. Ук. соч., стр. 119, 153.

[45] Заключение В. А. Дремова. Два черепа опубликованы им в статье: В. А. Дремов. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии. СЭ, 1967, 6, стр. 55, табл. II, № 604, 607.

[46] О. Н. Бадер. Уральский неолит. Каменный век на территории СССР. МИА, 166, 1971, стр. 163; Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 3, стр. 22, 23; Л. П. Хлобыстин. Исследования на севере Западной Сибири. АО — 1967, М., 1968.

[47] Л. Я. Крижевская. Стоянка Пахомовская пристань III. ВАУ, 8. Свердловск, 1969, стр. 52—54; В. Д. Викторова. Сосновый остров — стоянка неолита и бронзы Среднего Зауралья. СА, 1968, 4, стр. 171, рис. 9.

[48] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 13—20, табл. II—V, VII; Г. А. Чернов. Археологические находки на р. Шучьей. КСИИМК, 1, 1951, рис. 16—19.

[49] П. А. Дмитриев. Липчинская неометаллическая стоянка. Тр. СА РАНИОН, 2. М., 1928; В. Д. Викторова. Ук. соч., стр. 172, рис. 9.

[50] Раскопки Л. П. Хлобыстина. ЛО АН СССР. Благодарю Л. П. Хлобыстина за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Он справедливо считает, что в середине III тысячелетия до н. э. культурные различия между восточно- и западноуральской областями заметно сглаживаются [51].

Резкое преобладание печатно-гребенчатого орнамента на керамике позднего неолита и особенно ранних этапов бронзы таежного Зауралья сильно контрастирует с орнаментом верхнеобской неолитической и самусьской культур. Проведенные мной подсчеты керамики из неолитического слоя Новокусковской стоянки, Томского и Мусульманского могильников показали, что печатно-гребенчатый орнамент в этих памятниках составляет от 0 до 7%. 93—100% занимает техника прочерчивания и накола. Семитысячная выборка обломков сосудов самусьской культуры из Самуся IV не дала ни одного экземпляра с печатно-гребенчатым оформлением, и ни один из них не содержит ямочных поясов на тулове (однорядовый ямочный пояс на венчике не может приниматься в расчет, так как он нейтрален — распространен в северной Евразии от неолита до железа). Разумеется, доля случайности не исключает возможного присутствия таковых в генеральной совокупности. Но учитывая представительность выборки, полученный результат, по-видимому, близок к истине.

Чем же вызвано: 1) столь резкое, практически полное, преобладание печатно-гребенчатой керамики во второй группе памятников, 2) принципиальная технолого-декоративно-морфологическая несовместимость печатно-гребенчатой керамики и самусьской, 3) отличие основных черт самусьской культуры от культуры второй группы памятников, 4) возможное отличие антропологического облика представителей самусьской культуры и культуры второй группы памятников и, наконец, 5) наибольшая близость печатно-гребенчатой керамики юго-восточного Приобья не местной (Самусьской), а посуде из таежных районов Зауралья? Кстати, к последнему можно добавить находку в Большеларьякском поселении II длинной керамической палочки [52]. Подобные изделия получили объяснение как грузила. Совершенно неизвестные для самусьской культуры, они входят в число наиболее характерных признаков памятников лесной зоны Зауралья [53].

В дискуссии по поводу трактовки памятников типа Томского могильника эпохи бронзы исследователи настаивали на выделении в Приобье особой, томской культуры. Одни из них выводили ее (или томский этап) непосредственно из самусьской культуры [54]. Другие полагали, что она не имеет отношения к самусьскому генезису, рассматривая ее как проявление местной (томской) линии развития [55]. Позже, по мере накопления материала, М. Ф. Косарев высказал мнение, что особой «томской» линии развития (а отсюда и особой «томской» культуры) в Приобье не было. Он пришел к выводу, что в Западной Сибири, начиная с поздних этапов неолита, выделились две линии преемственности культурных традиций — томско-нарымская (с отступающей и прочерченной техникой украшения посуды) и тоболо-иртышская (с гребенчатой керамикой). На одном из этапов томско-нарымской линии развития, по его мнению, сложилась самусьская культура; еловская же культура является одним из звеньев

---

[51] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 163.

[52] В. А. Посредников. Большеларьякское поселение II..., табл. 1—*27*.

[53] Н. П. Кипарисова. Ук. соч., стр. 20, 21.

[54] Г. А. Максименков. Критика некоторых современных представлений..., стр. 143, его же. О культурах эпохи бронзы южной части Сибири. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, стр. 81; В. И. Матющенко. Основные этапы истории племен лесостепного Приобья в эпоху бронзы. Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, стр. 146.

[55] М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность..., стр. 168.

тоболо-иртышской линии преемственности культурных традиций [56]. Наши наблюдения не противоречат этой точке зрения.

Термин «томская культура» содержит в себе довольно запутанную смысловую нагрузку, затрудняющую понимание этнокультурных процессов во II тысячелетии до н. э. не только на небольшой территории лесостепного — южной части лесного Приобья, но и в Западной Сибири в целом.

Термин был введен 15 лет назад. Хотя число открытых памятников в то время было достаточно большим, раскопки их, по сути, только начинались. Полевые открытия последних лет, сделанные главным образом В. И. Матющенко в результате раскопок самусьской, еловской, молчановской и других групп памятников, позволяют сейчас отказаться от термина «томская культура». Раскопки еловского археологического района дали материалы, во многом восходящие ко второму комплексу Самуся IV, Томскому могильнику и ряду других памятников с песчано-гребенчатой керамикой. Их следует, по-видимому, считать раннееловскими и относить к раннееловскому этапу еловской культуры. В своем происхождении он не связан с самусьской культурой, не имеющей с ним, как установлено выше, ничего общего. Думается, что М. Ф. Косарев прав, считая еловскую культуру пришлой из районов, лежащих к западу от Среднего Приобья. Правда, он полагает, что «экспансивное» распространение части среднеиртышского населения на восток — в Среднее Приобье, где оно сменяет ранее жившие здесь племена самусьской и томской культур, началось в последней четверти II тысячелетия до н. э. [57]. Автор далек от столь категоричного утверждения. Однако если внести поправку во времени, согласующуюся с моментом появления в Среднем Приобье памятников с печатно-гребенчатой керамикой, то материалы в принципе не противоречат этому.

V. A. Posrédnikov

LA PLACE CULTURELLE ET GÉNÉTIQUE DES ENSEMBLES DE SAMOUS' IV ET DE CERTAINS AUTRES GISEMENTS DE LA RÉGION DE L'OBI

Résumé

Le site de Samous' IV à proximité de la ville de Tomsk est un des plus importants gisements de l'âge du bronze en Sibérie Occidentale. Les résultats des observations statistiques et technologiques montrent que la station en question comporte deux ensembles culturels essentiels. Le premier est génétiquement issu du Néolithique du cours supérieur de l'Obi et il caractèrise la culture samoussienne dont l'époque de l'existence est le IIe millénaire avant notre ère.

Le second ensemble n'a pas de rapports génétiques au premier et est proche à ceux de la zone boisée transouralienne. Il est attribuable au troisiéme quartier du IIe millénaire avant notre ère et est antérieure génétiquement, dans la région de l'Obi, aux monuments du type d'Elovo — Dessiatovo (le dernier quart du IIe millénaire avant notre ère) en caractérisant l'étape initiale de la culture élovienne.

---

[56] М. Ф. Косарев. Некоторые вопросы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам. Происхождение аборигенов Сибири, стр. 153 сл.

[57] М. Ф. Косарев. Некоторые проблемы..., стр. 27.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

КЕРАМИКА ЩЕРБИНСКОГО ГОРОДИЩА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ЭТНИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для изучения истории племен эпохи раннего железа первостепенное значение имеет анализ керамики. На лепной посуде наиболее ярко выражаются местные традиции и особенности и поэтому различия в посуде являются одним из основных признаков для дифференциации культур эпохи раннего железа в лесной полосе Восточной Европы. В формах посуды, ее отделке и орнаментации хорошо отражаются хронологические изменения и влияния других культур. Это позволяет использовать посуду для уточнения периодизации памятников и выяснения исторических связей между племенами.

В археологической литературе до настоящего времени слабо разработан принцип типологической обработки керамики, это относится, в частности, и к керамике дьяковской культуры. Эта своеобразная посуда всегда привлекала внимание исследователей [1].

Важные сведения о ней содержатся в работах В. И. Сизова, В. А. Городцова, А. А. Спицына и в последующих работах советских исследователей. Особенно большое значение имеют труды П. Н. Третьякова, О. Н. Бадера, Е. И. Горюновой, в которых представлены характеристика керамики и разработка ее периодизации.

Многие важные наблюдения и выводы по дьяковской культуре построены прежде всего на анализе керамики. Однако всестороннее изучение дьяковской керамики долго было невозможно ввиду ограниченности материалов и отсутствия полных раскопок многослойных поселений. Работами Московской экспедиции Института археологии АН СССР в последние годы раскопано полностью несколько городищ и получены большие материалы, в том числе и керамические, хорошо стратифицированные и поддающиеся статистической обработке. В научный оборот пока еще введена лишь незначительная их часть [2].

Наиболее крупным собранием дьяковской керамики является коллекция с Троицкого городища. Она содержит разновременные типы посуды и стратиграфические комплексы, сопровождаемые обильным инвентарем, что позволило установить их последовательность и хронологию. Это собрание может служить определяющим для дьяковской керамики последних

[1] А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903, стр. 111—142; его же. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, VII, 1, СПб., 1905, стр. 83—93; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941; его же, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947, стр. 88—167; его же. Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 90—132; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961.

[2] И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, 1, стр. 180—193; ее же. Керамический комплекс городища Кузнечики. СА, 1970, 1, стр. 165—174.

веков до нашей эры — середины I тысячелетия н. э. Материалы Троицкого городища хорошо дополняются коллекциями с других исследованных в последнее время памятников.

Особенно большое значение имеет коллекция керамики Щербинского городища, которая по хронологическому диапазону содержащегося в ней материала значительно шире троицкой. Это уникальное собрание может служить образцом для изучения всего периода существования городищ дьякова типа.

Щербинское городище расположено близ г. Подольска Московской области на правом берегу р. Пахры при впадении в нее р. Конапелки. Памятник раскопан полностью, вскрытая площадь составляет 1584 $м^2$. Культурный слой Щербинского городища стратиграфически расчленяется на два основных слоя. I (нижний) слой по характеру вещевого инвентаря датируется от VIII—VII вв. до н. э. по IV в. до н. э. II (верхний) слой по типологии и стратиграфии находок разделяется на два горизонта: нижний датируется от IV в. до н. э. до III в. н. э., верхний горизонт — от III в. н. э. вплоть до третьей и последней четверти I тысячелетия н. э. Сведения о Щербинском городище представлены в ряде публикаций [3], но анализ керамического материала до сих пор не производился. В настоящей статье приводится краткая характеристика керамики Щербинского городища, статистические данные об ее составе, о стратиграфическом размещении в культурном слое и основные исторические выводы, к которым привело изучение этого материала.

Керамика — самая многочисленная категория находок на Щербинском городище. В основном это фрагментированная посуда (123 255 обломков), из которой восстановлено 110 полных форм сосудов (из них 60 миниатюрных). В коллекции есть единичные фрагменты славянской посуды XIV в. и около 50 фрагментов керамики эпохи поздней бронзы. Напластований эпохи бронзы или XIV в. не обнаружено. Подавляющее количество керамики относится к поселению раннего железного века. Вся эта керамика изготовлена ручным способом техникой ленточного налепа, без применения гончарного круга. Глиняное тесто отощено примесями крупной и мелкой дресвы, песка и реже — шамота. Вся посуда плоскодонная; некоторые сосуды имеют небольшой карнизик у дна, наличие которого обусловлено характером лепки сосудов на подставке и не является признаком хронологическим. При раскопках Щербинского городища, как и на Троицком городище, посуда с карнизиками и без них находилась совместно в одних стратиграфических комплексах. Вся посуда обожжена костровым способом. Сосуды ранних слоев прокалены слабо, более поздние лучше.

Комплекс посуды Щербинского городища не однороден. В нем представлены разнообразные категории изделий: горшки разных типов, миски, крышки, сковородки, сосуды специального назначения и миниатюрные сосудики.

Вся посуда разделяется на две основные группы: грубая — кухонная и более тонкая — столовая. По способу обработки поверхности различаются подгруппы: гладкостенная, сетчатая, штрихованная и лощеная (рис. 1). В каждой подгруппе выделяются основные категории посуды по назначению при употреблении. Ассортимент грубой и лощеной посуды не одинаков: для лощеной характерны горшки, миски и миниатюрные сосудики, в грубой представлены все категории посуды, бытовавшие на городище. Все эти изделия разнообразны по формам, размерам, пропорциям и другим признакам. По размерам выделяются две основные серии: 1) маленькие

[3] И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, 1, стр. 165—177; А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Щербинского городища в Московской области. КСИА АН СССР, 107, 1965, стр. 103—110; И. Г. Розенфельдт. Итоги раскопок Щербинского городища. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 90—98; Отчеты о раскопках хранятся в Архиве ИА АН СССР, Р-1, № 2329, 2329а, 2735, 2735а, 2906, 2906а.

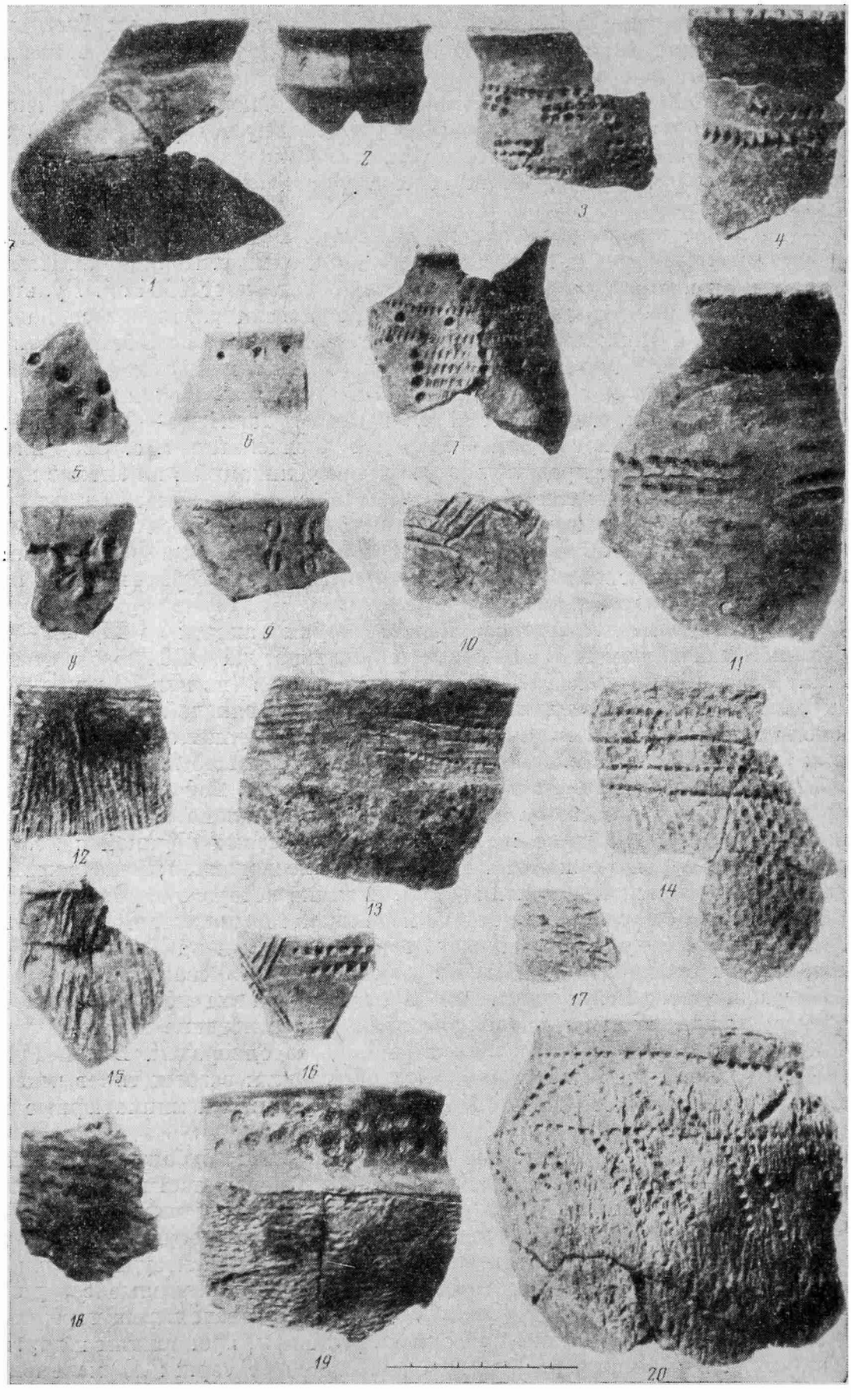


Рис. 1. Образцы керамики

1—2 — лощеная; *3—11* — гладкостенная; *12, 13, 15, 16* — штрихованная; *14, 17—20* — сетчатая

сосудики с диаметром устья от 2 до 6 (8) *см*, к которым относятся в основном предметы специального назначения и миниатюрные сосудики; 2) сосуды средних и крупных размеров с диаметром устья от (8) 10 до 36—38 *см*, к которым относятся сосуды бытового характера.

Основная категория посуды — горшки. Они по характеру профилировки разделяются на два отдела: слабопрофилированные и профилированные. Внутри отделов горшки разделяются по формам на пять основных типов (рис. 2): баночные сосуды, с прямыми отвесными или скошенными ко

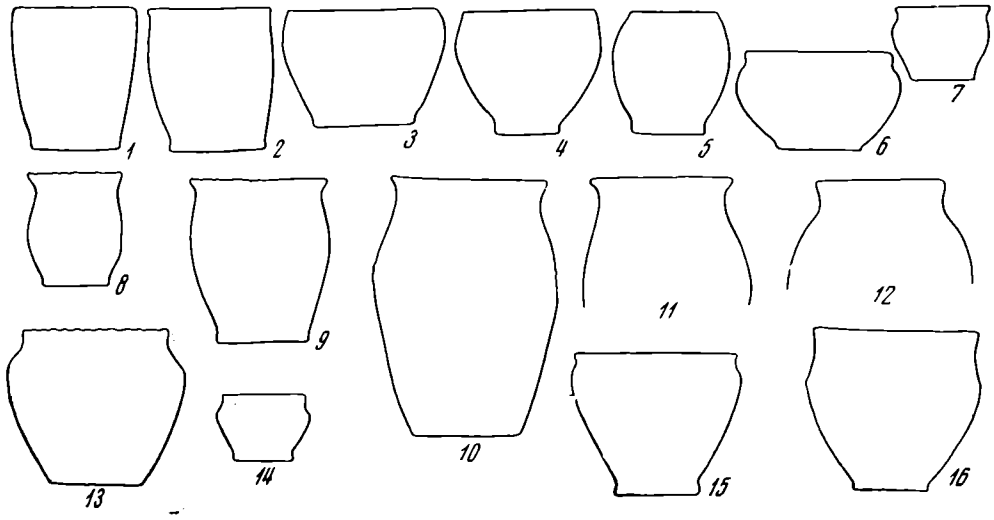


Рис. 2. Схема основных типов горшков

дну стенками и соответственно открытым устьем (тип I, рис. 2, *1*), банкообразные сосуды со слабо выпуклыми стенками и слегка отогнутыми венчиками (тип II, рис. 2, *2*), горшки усеченно-конических (тип III, рис. 2, *3, 4*), бочонковидных (тип IV, рис. 2, *5*) и развитых форм, с хорошо моделированным туловом, выделенными шейкой и венчиком (тип V, рис. 2, *6—16*). Горшки варьируют в деталях форм: по наличию или отсутствию ребра на тулове (округлобокие, ребристые); по форме венчиков, по пропорциям (высокие, низкие), по более мелким признакам.

Группа I. Грубая (кухонная) посуда

Грубая посуда составляет в комплексе керамики Щербинского городища 98,5% и является абсолютно преобладающей во всех слоях. Она изготовлена из грубого, плохо промешанного теста, с примесями, часто выступающими на поверхности. Грубая посуда относительно толстостенна. Средняя толщина стенок 0,5—0,7 *см*, днищ 1—2 *см*. Поверхность сосудов внутри и снаружи до обжига специально обрабатывалась. Внутренняя поверхность обычно выравнивалась более тщательно травой, гребенчатым штампом или заглаживалась руками.

По характеру обработки внешней поверхности среди грубой посуды различаются три подгруппы: гладкостенная, сетчатая и штрихованная.

Гладкостенная посуда. Гладкостенная посуда составляет 81,4% всей керамики Щербинского городища и доминирует во всех его напластованиях. Поверхность сосудов замыта или небрежно заглажена, встречаются следы вертикального сглаживания. Часть посуды, менее многочисленная, отделана более тщательно. В гладкостенной посуде представлены следующие категории: горшки, сковородки, крышки, сосуды специального назначения и миниатюрные сосудики (рис. 3 и 4, *1—16*).

Горшки (рис. 3, *1—17*) являются ведущей формой посуды; они были наиболее распространенными в употреблении и найдены во всех горизонтах культурного слоя. Гладкостенные горшки представлены четырьмя ос-

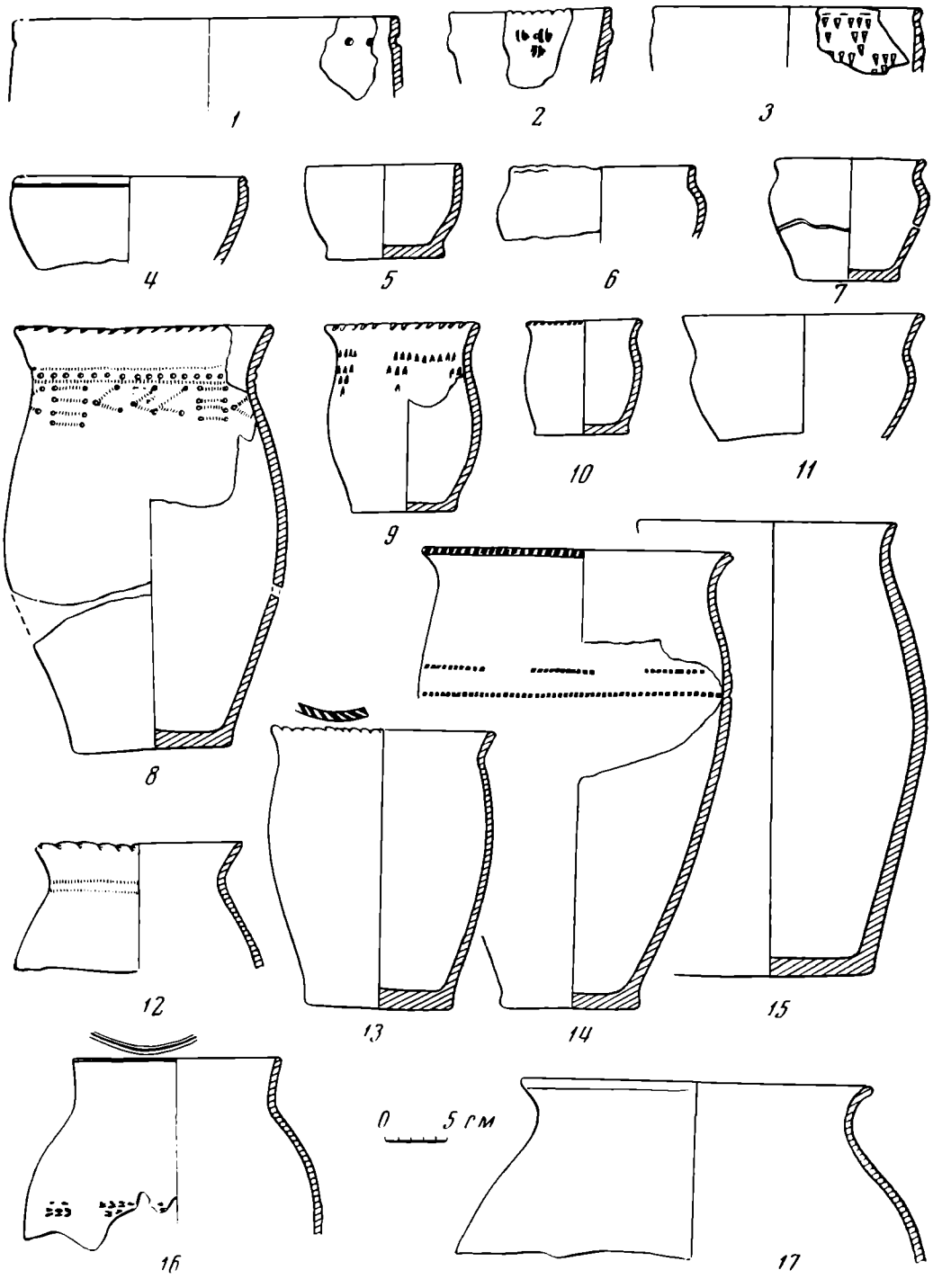


Рис. 3. Гладкостенная керамика

новными типами (I—III, V). Большинство горшков не орнаментировано, но встречающийся орнамент отличается разнообразием. Горшки различаются стратиграфически: наблюдаются вариации в деталях форм сосудов и в орнаменте.

Сковородки встречены в единичных экземплярах и все происходят из верхнего слоя. Они представлены двумя типами: глубокие с прямыми, слегка скошенными ко дну стенками (рис. 4, *15*) и неглубокие — со слегка приподнятыми от дна выпуклыми стенками (рис. 4, *16*). Орнамента на сковородках нет. Глиняные сковородки на дьяковских городищах встречаются крайне редко и обычно исследователями не выделяются.

Крышки к сосудам представлены одним устойчивым типом. Они имеют форму конуса без закраин, увенчанного сверху ручкой в виде выступа

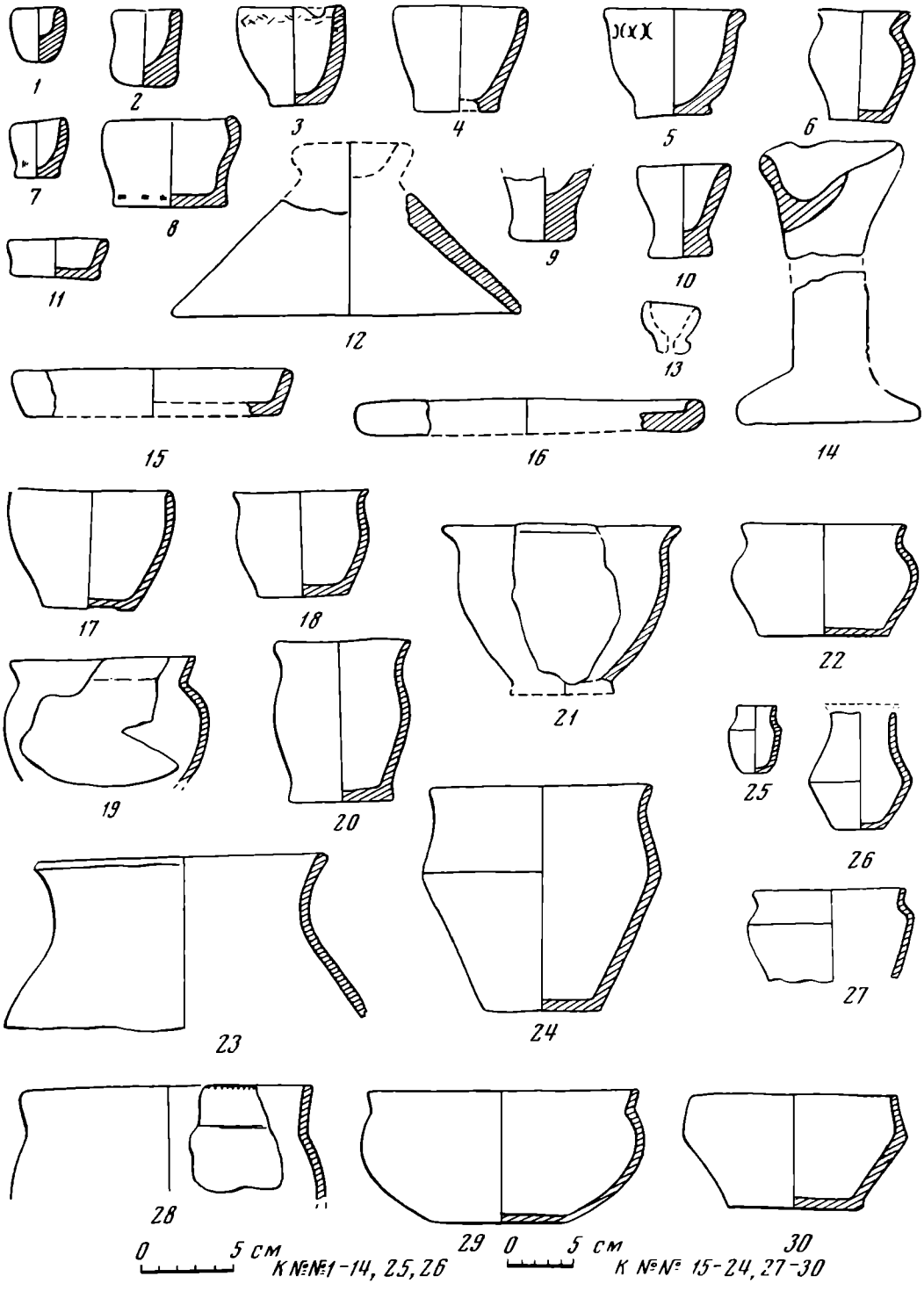


Рис. 4. Гладкостенная (*1—16*) и лощеная (*17—30*) керамика

с чашевидным углублением в центре (рис. 4, *12*). Орнамент отсутствует. На дьяковских городищах крышки к сосудам являются редкими находками. Единичные экземпляры их известны с городищ Мамоново, Огубское, Барвиха, Троицкое, Кузнечики[4]. Все они происходят из поздних напластований.

Сосуды специального назначения представлены воронками для переливания жидкостей (рис. 4, *13*) и светильниками (рис. 4, *14*),

[4] В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Тр. МИРМ, 5, М., 1954, рис. 24, *3*; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 109 и рис. 35, *2*; Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, рис. 10, 12; И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища, рис. 3, 15; ее же. Керамический комплекс городища Кузнечики, стр. 168.

также являющимися редкими находками. Найдены в верхнем слое. Орнамент на них отсутствует.

Миниатюрные сосудики (около 100 экз.) разнообразны и отражают основные типы горшков, бытовавших на городище (рис. 4, *1—11*). Однако у ряда сосудиков имеются черты, характерные только для этого вида изделий. Так, среди сосудиков усеченно-конических форм выделяются сосуды на тонких (рис. 4, *5*) и толстых (рис. 4, *9—10*) поддонах, а среди баночных — серия сосудиков цилиндрической формы (рис. 4, *1, 2*) — аналогий в хозяйственной посуде они не имеют. Миниатюрные сосудики имели разностороннее назначение: одни служили игрушками, другие употреблялись в бытовых целях, значительная часть использовалась при ритуальных обрядах. Некоторые сосудики имеют орнамент, однако большинство их не орнаментировано. Миниатюрные сосудики встречаются в разных слоях городища и различаются стратиграфически. Эти предметы хорошо известны по ряду публикаций, но наиболее полно изучены, кроме Щербинского, на городищах Троицком и Кузнечики, где они составляют большие серии [5].

Сетчатая керамика. На Щербинском городище сетчатая керамика (рис. 5, *1—12*) составляет 13,6% от общего числа. Она характерна для I нижнего слоя городища, где встречена совместно с гладкостенной и штрихованной. Сетка наносилась только на внешнюю поверхность сосудов, при этом часто верхние и нижние части их оставались гладкими. Иногда сетка прослеживается и на днищах с одной или с двух сторон, но чаще днища также гладкие. Внутренняя поверхность сосудов сглажена гребенчатым штампом или замыта. Сетчатость является результатом специального технологического приема обработки поверхности сосудов, широко распространенного в раннем железном веке и уходящего корнями в более раннее время. Сетчатость — не орнамент. На сетчатой поверхности сосудов часто прослеживаются узоры, выполненные разнообразными приемами орнаментации. На щербинской керамике выделяется несколько основных групп «сетчатых» отпечатков: тонкие отпечатки тканей с разнообразными способами переплетения нитей (рис. 1, *19, 20*), отпечатки грубого плетения (рис. 1, *18*); отпечатки, нанесенные гребенчатым штампом (рис. 1, *14*), так называемые ложносетчатые, имитирующие оттиски ткани; крапчатые отпечатки, достигавшиеся приложением твердого штампа широкой площади, по-видимому, камня (рис. 1, *17*). Стратиграфические наблюдения показали, что керамика с разными типами сетчатых отпечатков часто залегает совместно, но при этом некоторые из них оказались более характерными для определенных горизонтов. Так, ложносетчатая керамика, известная по памятникам эпохи поздней бронзы [6], и посуда с тонкими отпечатками тканей выделяются как более ранние, а крапчатая грубая сетка является более поздней. Сетчатая посуда на Щербинском городище представлена в основном горшками, разнообразными по формам и размерам (рис. 5, *1, 2, 5—12*). Наиболее распространены усеченно-конические и баночные формы, однако в сетчатой посуде представлены все пять основных типов горшков и в каждом из них выделяются варианты, различающиеся хронологически. Сетчатые миниатюрные сосудики (рис. 5, *3, 4*) найдены в единичных экземплярах. Заметим, что миниатюрные сосудики с сетчатой поверхностью обычно не встречаются даже на тех городищах, где культурные слои обильно насыщены сетчатой керамикой.

---

[5] На Троицком городище найдено около 600 сосудиков, на Кузнечиках — около 50 экз.; И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища..., стр. 183—185; ее же. Керамический комплекс городища Кузнечики, стр. 173, 174.

[6] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, стр. 98, сл.; Коллекции Костромского областного краеведческого музея; А. Л. Никитин. Дикариха (по материалам раскопок 1959—1960 гг.). МИА, 110, 1963, стр. 204—226.

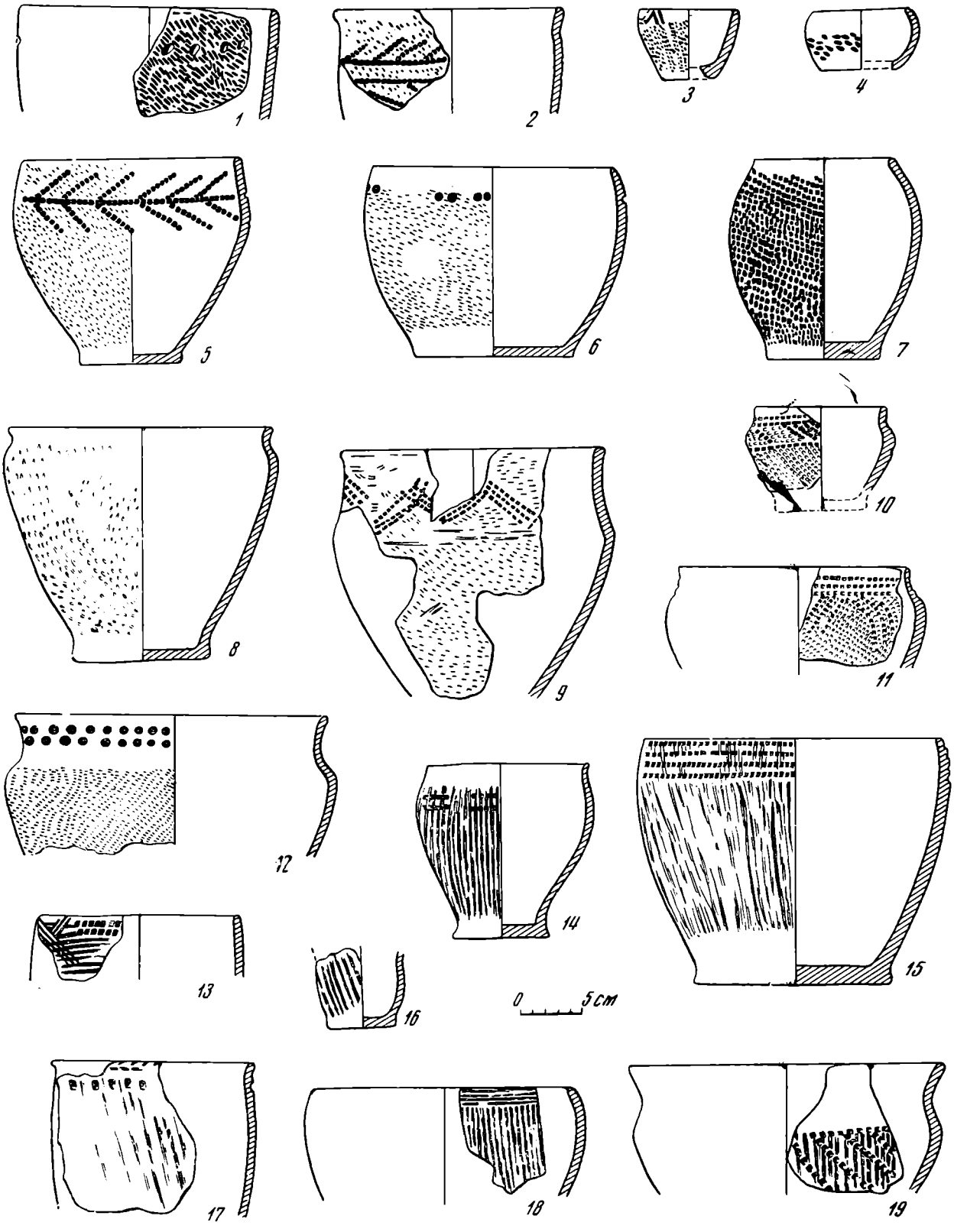


Рис. 5. Сетчатая (*1—12*) и штрихованная (*13—19*) керамика

Штрихованная керамика. Керамика со штрихованной поверхностью (рис.5, *13—19*) составляет на Щербинском городище 3,4% от общего количества. Она характерна для I (нижнего) слоя, где встречена совместно с гладкостенной и сетчатой посудой. Стенки сосудов с внешней стороны сплошь покрыты разнообразной штриховкой, наносившейся в большинстве случаев гребенчатым штампом, реже щепочкой или острием. Некоторые сосуды имеют штриховку внутри, в ряде случаев она замыта. Штриховка

часто переходит на дно сосудов как с внешней, так и с внутренней стороны. Интересно наличие у штрихованных сосудов днищ с сетчатыми отпечатками (внутри или снаружи), а также с отпечатками, имитирующими сетку и нанесенными гребенчатым штампом — тем же самым, которым наносилась штриховка на поверхность. Сочетание штриховки с сетчатостью встречается и на стенках некоторых сосудов. Характер штриховки неоднороден. На материалах Щербинского городища выделены разные типы штриховки: вертикальная, косая, перекрещивающаяся, горизонтальная, штриховка в разных направлениях и т. д. Штриховка, как и сетчатость, является одним из приемов обработки поверхности. Обычно она нанесена небрежно и поверх нее видны следы сглаживания. Кроме того, поверх штриховки иногда наносился орнамент. Лишь в редких случаях штриховка представляет собой орнаментальный прием: сосуды тщательно расчесаны гребенчатым штампом, следы расчесов в разных направлениях создают определенный узор. Намечаются хронологические различия в типах штриховки и выделяются более ранние. Так, двусторонняя штриховка гребневидным орудием соответствует характеру обработки поверхности посуды эпохи поздней бронзы [7]. Этот древний прием получил дальнейшее развитие на керамике городищ раннего железного века.

Штрихованная керамика на ранних дьяковских городищах распространена широко, встречается совместно с гладкостенной и сетчатой и обычно составляет один из постоянных компонентов керамического комплекса, хотя количественно и незначительный. Она найдена на ряде городищ как верхневолжских [8], так и москворецких (Боровский курган, Жуковское селище, Успенское городище, Кузнечики, Калязинское, Протопоповское и др.). Ю. А. Красновым даже отмечены ранние слои Саввино-Сторожевского городища под Звенигородом, где штрихованная и гладкостенная керамика составляют единый комплекс при полном отсутствии сетчатой [9]. Однако штрихованная посуда дьяковских поселений изучена очень слабо. Кроме Щербинского городища наиболее определенное представление о ней дает городище Кузнечики [10], несколько более позднее, на котором штрихованная керамика составляет всего 0,5% керамического комплекса. Однако при сравнении штрихованной посуды этих городищ, кроме количественных, намечаются и некоторые типологические различия. Так, на Кузнечиках в отличие от Щербинского городища нет сосудов с горизонтальной штриховкой поверхности, нет штриховки внутри сосудов, нет дополнительной орнаментации. По-видимому, такая керамика на Щербинском городище может рассматриваться как более ранняя. Основной и единственной формой штрихованной посуды были горшки. Они представлены четырьмя основными типами (I, II, III, V) и их вариантами.

---

[7] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, рис. 44, *5—6*, стр. 93; е е ж е. Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, 17, 1947, стр. 67; С. В. Ошибкина. Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла. Канд. дис. Архив ИА АН СССР, Р—2, № 1975, 1975*а*; М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Участок на р. Шексне. Археологические работы на новостройках в 1934—1935 гг. Л., 1935, стр. 131, рис. 116, *3, 4, 9, 11;* Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, стр. 85—203; Т. Б. Попова. Происхождение поздняковской культуры. Тр. ГИМ, 37, М., 1960 стр. 38—47; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947, стр. 109; Н. В. Трубникова. К вопросу о происхождении городецкой культуры. КСИИМК, 75, 1959, стр. 165, 166.

[8] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 175; е г о ж е. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 103.

[9] Н. А. Краснов, Ю. А. Краснов. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки. СА, 1963, 1, стр. 207, 208.

[10] И. Г. Розенфельдт. Керамический комплекс городища Кузнечики, стр. 171, 172.

Орнаментация грубой керамики

На Щербинском городище, как и на других памятниках дьякова типа, преобладает керамика без орнамента. На лощеной посуде орнамент отсутствует. Орнаментировалась только грубая посуда (гладкостенная, сетчатая и штрихованная), преимущественно горшки, реже — миниатюрные сосудики. Орнаментировано только 6% посуды, однако при большой численности материала это составляет более 7000 экземпляров, позволяющих судить о характере орнаментации. В настоящей работе приводятся лишь отдельные образцы орнаментов (рис. 6). Отметим, что число их вариаций — более 400. Орнаментированная посуда различается по месту расположения орнамента на тулове сосудов, по композиции узоров, по приемам орнаментации. Орнамент на сосудах иногда располагался только по краям венчиков или по шейкам, иногда спускался на плечи или наиболее расширенную часть тулова. Нижняя половина сосудов не орнаментировалась.

Композиции узоров разнообразны. Наряду с простейшими отпечатками отдельных элементов встречаются поясковые однорядовые и многорядовые узоры, часто дополненные фестонами или орнаментом, заполняющим пространство между рядами. Простые композиции узоров иногда повторяются в разных подгруппах керамики, более сложные — многочисленны и оригинальны. Орнаменты и их детали имели, по-видимому, большое значение для различия посуды у обитателей дьяковских поселений. Именно этим кажется возможно объяснить огромное разнообразие композиционных построений узоров на посуде, особенно происходящей из поздних напластований Щербинского и других городищ.

На керамике Щербинского городища прослежено 9 основных приемов орнаментации, учтенных при статистической обработке [11]: гребенчатый, штамповый разных форм (треугольный, овальный, кольцевой, фигурный штамп), ямчатый, прочерченный и нарезной, защипной, тычковый, ногтевой, веревочный (оттиск перевитой на палочке веревочки) [12] и комбинированный из отпечатков «веревочного штампа» и ямок. Это наиболее распространенный комбинированный орнамент, но иногда встречаются в одном узоре сочетания и других элементов орнаментации, позволяющие судить об их одновременности. Все эти приемы орнаментации наиболее широко представлены в гладкостенной посуде; для орнаментации сетчатой и штрихованной использовалась лишь часть их. Так, веревочная орнаментация характерна только для гладкостенной посуды. Ведущая роль во всех подгруппах принадлежит гребенчатой и штамповой орнаментации. Данные о процентном соотношении разных приемов орнаментации приведены в публикуемой статистической таблице, отражающей состав керамики Щербинского городища. Все перечисленные виды орнаментации встречаются на лепной посуде городищ дьякова типа, а некоторые из них и на других поселениях раннего железного века. Одни из них отмечены на посуде, происходящей из слоев I тысячелетия до н. э., другие на более поздней. Ввиду отсутствия сводок о составе керамики разных поселений (и особенно о типах орнамента), трудно абсолютно расчленить их хронологически и проследить территориальное распространение. Стратиграфические наблюдения о распределении в культурном слое Щербинского городища керамики с разными типами орнамента позволяют проследить развитие орнамента во времени, выделить его признаки, характерные для разных хронологических этапов. Следует отметить, что на гладкостенных сосудах иногда встречаются прочерченные знаки, преимущественно в виде крестов с перекрещенными концами. Они не могут рассматриваться как орнамент и представляют собой символы культового

[11] Каждый из выделенных приемов орнаментации в свою очередь может быть подразделен на ряд разновидностей.

[12] Дальше в тексте такой орнамент называется веревочным.

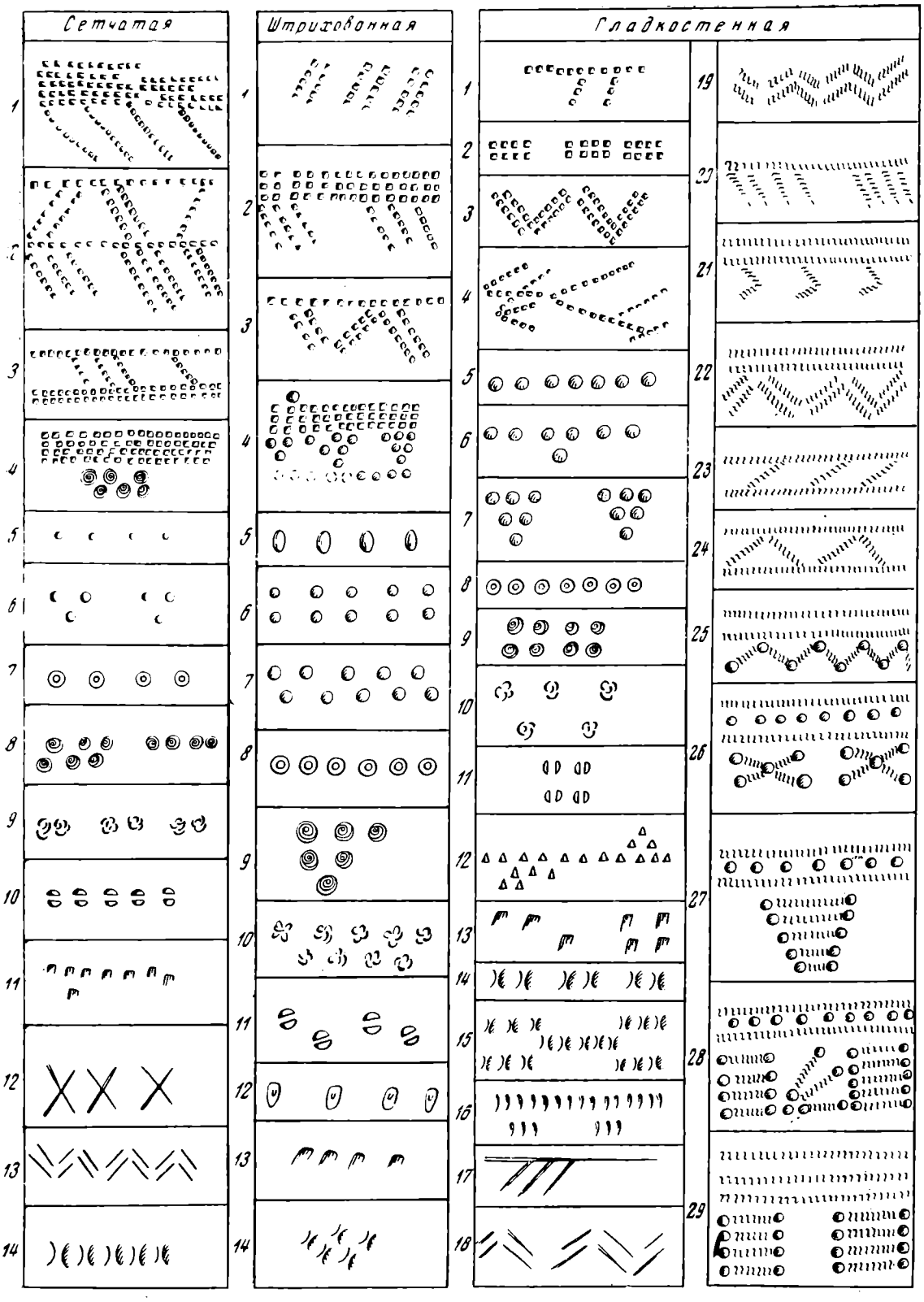


Рис. 6. Образцы орнаментации грубой посуды

характера. Символические знаки на посуде встречаются редко, но в настоящее время они отмечены на ряде памятников раннего железного века [13]. На Щербинском городище знаки обнаружены на посуде, происходящей из верхнего слоя. Наиболее близко они могут быть сопоставлены с подобными изображениями на сосудах Троицкого городища [14].

[13] И. Г. Розенфельдт. Керамический комплекс городища Кузнечики..., стр. 170.

[14] И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища..., рис. 2, *19, 22*.

Группа II. Лощеная и подлощенная (столовая) посуда

Лощеная и подлощенная посуда на Щербинском городище составляет всего 1,5% керамического комплекса (рис. 4, *17—30*). По характеру обработки поверхности она резко отличается от грубой. Лощеная керамика характерна только для II (верхнего) слоя (верхний горизонт), в комплексе которого она составляет незначительный процент (1,9%), дополняя основную массу грубой посуды.

Лощеная и подлощенная посуда изготовлена из хорошо промешанного теста с относительно тонкими примесями — песок и мелкая дресва, реже — более крупная. Посуда тонкостенна. Средняя толщина стенок сосудов 0,4—0,5 *см*, но есть и более тонкие. Днища сосудов плоские и относительно тонкие, обычно соответствующие толщине стенок, иногда чуть толще. Вследствие кострового обжига часть сосудов прокалена неравномерно и имеет пятнистую поверхность, но большинство сосудов обожжено относительно хорошо и имеет поверхность серого, желтоватого, красноватого или черного цвета. Следует отметить, что, в отличие от Троицкого городища, чернолощеная керамика здесь встречается чаще.

По характеру обработки поверхности посуда не одинакова. Выделяются сосуды, тщательно залощенные сплошь по всей поверхности, иногда с переходом лощения на дно и внутрь. Часть сосудов обработана более небрежно. Посуда темно-серого и черного цвета обычно отличается хорошим блестящим лощением. Остальные сосуды имеют тусклое лощение. Лощеная и подлощенная керамика не орнаментировалась. Редким исключением являются сосуды с насечкой по краю венчика (рис. 4, *28*). Тонкая обработка лощеной посуды, лощение на днищах и отсутствие следов нагара на стенках говорят о столовом ее назначении. Эта посуда разнообразна по назначению и формам. Выделяются столовые горшки (рис. 4, *17—24*, *27—28*), часть которых, по-видимому, служила для хранения жидкостей, и миски (рис. 4, *29*, *30*), реже встречаются миниатюрные сосудики (рис. 4, *25*, *26*).

При типологическом изучении разных форм лощеной посуды никаких стратиграфических различий не прослежено. На основании сопоставления с лощеной посудой Троицкого городища, в которой прослеживается стратиграфическое различие некоторых типов, в щербинской лощеной посуде также выделяются ранние (с плавной профилировкой тулова) и относительно более поздние формы (остроребериые горшки и миски и узкогорлые сильно раздутые в тулове сосуды).

Лощеная посуда органически связана с основным комплексом поздней грубой керамики Щербинского городища. Об их одновременности и о местном производстве лощеной посуды свидетельствует совпадение ряда форм, наличие насечек на венчиках лощеных сосудов и в ряде случаев характерная примесь крупной дресвы. Аналогичные связующие звенья между лощеной и поздней грубой посудой прослеживались и на троицкой керамике.

На Щербинском городище выделяются разновременные стратиграфические комплексы керамики I (нижнего) и II (верхнего) слоев, содержание которых отражено в приведенной ниже таблице.

При сравнении данных по I и II слоям выявляются различия как в самом составе керамического комплекса, так и в количественном соотношении разных подгрупп посуды и приемов орнаментации. При этом прослеживается на посуде из II слоя повторение ряда признаков, присущих I слою, но в меньших процентных показателях. Это свидетельствует о постепенном изменении керамического комплекса и о преемственности материальной культуры, представленной в разных слоях.

Комплекс керамики I слоя характеризуется наличием только грубой посуды: гладкостенной (58,3%), сетчатой (33%), штрихованной (7,84%). Категории посуды ограничены горшками и миниатюрными

Наименование	В целом по городищу		I (нижний) слой		II (верхний) слой	
	количество	% *	количество	%	количество	%
Общее количество лепной	116846	100	36712	100	80134	100
I Грубая	115077	98,5	36457	99,3	78620	98,1
II Лощеная и подлощенная	1769	1,5	225	0,7	1514	1,9
Состав грубой:						
А. Гладкостенная	95043	81,4	21539	58,3	73504	91,7
1. Гладкостенная без орнамента	89242	94,0	20040	94,0	69202	94,1
2. Гладкостенная орнаментированная	5801	6,0	1499	6,0	4302	5,9
Орнамент по тулову:	4350	75,0	1318	88,0	3032	70,4
а) ногтевой	259	6,0	55	4,2	204	6,8
б) веревочный	716	16,4	93	7,1	623	20,6
в) ямчатый	162	3,8	74	5,7	88	2,9
г) веревочный с ямчатым	102	2,3	12	0,9	90	2,9
д) защипной	570	13,2	56	4,2	514	16,9
е) нарезной и прочерченный	267	6,0	65	4,9	202	6,7
ж) гребенчатый штамп	935	21,5	700	53,1	235	7,7
з) штамповый	1278	29,4	244	18,5	1032	34,1
и) тычковый	61	1,4	19	1,4	42	1,4
Орнамент по краю:	1451	25,0	181	18,0	1270	29,6
а) ногтевой	227	15,6	46	25,0	178	14,0
б) веревочный	130	9,0	16	9,0	114	9,0
в) защипной	118	8,1	24	13,0	94	7,4
г) гребенчатый штамп	216	14,9	17	9,5	199	15,7
д) штамповый	205	14,2	25	14,0	180	17,2
е) тычковый	2	0,1	—	—	2	0,2
ж) насечки	425	29,3	47	26,0	378	29,9
з) продольная канавка	127	8,8	6	3,5	121	9,6
Б. Сетчатая	15820	13,6	12006	33,0	3814	4,8
1. Сетчатая без орнамента	14781	93,5	11159	92,0	3622	95,0
2. Сетчатая орнаментированная	1039	6,5	847	8,0	192	5,0
а) гребенчатый штамп	782	75,5	683	81,0	99	51,6
б) ямчатый	121	11,6	77	9,0	44	22,9
в) прочерченный и нарезной	18	1,7	13	1,5	5	2,6
г) штамповый	70	6,8	47	5,5	23	12,0
д) тычковый	14	1,2	6	0,7	8	4,2
е) защипной	34	3,2	21	2,3	13	6,7
В. Штрихованная	4095	3,4	2820	7,84	1275	1,59
1. Штрихованная без орнамента	3741	91,3	2547	90,0	1194	93,9
2. Штрихованная орнаментированная	354	8,7	273	10,0	81	6,1
а) гребенчатый штамп	260	73,3	219	81,0	41	50,6
б) ямчатый	57	16,1	28	10,5	29	35,9
в) штамповый	14	4,0	14	5,1	—	—
г) прочерченный и нарезной	3	0,9	3	1,1	—	—
д) тычковый	2	0,6	—	—	2	2,5
е) защипной	18	5,1	9	3,3	9	11,1
Г. Рогожная	77	0,06	67	0,1	10	0,01
Д. Керамика эпохи бронзы	42	0,04	25	0,06	17	0,02

* Процент I и II подсчитан от общего количества. Процент А, Б, В, Г, Д подсчитан от I. Процент 1 и 2 подсчитан в каждом случае от А, Б, В. Процент а, б и г. д. подсчитан в каждом случае от 2 (в каждой группе).

сосудиками определенных форм, причем последние найдены в небольшом числе. Стратиграфические данные о залегании разных типов керамики и сопоставление их с материалами других памятников позволяют расчленить эту посуду на два горизонта.

Нижний горизонт, при учете наиболее ранних вещевых находок, может быть датирован VIII — VI вв. до н. э. Керамика этого горизонта характеризуется наиболее ранними для Щербинского городища технологическими приемами: тесто содержит значительную примесь песка, в об-

работке поверхности встречается двусторонняя и горизонтальная штриховка, преобладают ранние типы сетки (особенно ложная сетчатость). Для этого горизонта характерны наиболее ранние формы горшков, представленные слабо профилированными усеченно-коническими, округлобокими и ребристыми (рис. 3, *4—5*; рис. 5, *5, 6, 15*) бочонковидными (рис. 5, *7*) и некоторыми формами хорошо профилированных сосудов с коротким прямым или отогнутым венчиком и расширенным в плечиках округлым или ребристым туловом (рис. 3, *6*; рис. 5, *10, 11*). Из миниатюрных сосудиков встречаются только усеченно-конические на толстом поддоне (рис. 4, *9, 10*). Для керамики этого горизонта, гладкостенной, штрихованной и сетчатой наиболее характерна гребенчатая орнаментация.

Верхний горизонт по вещам может быть отнесен к V — IV вв. до н. э. В керамическом комплексе встречаются ранние типы горшков, но некоторые их варианты, наиболее характерные для нижнего горизонта, исчезают. Появляются новые типы горшков, баночные и банкообразные (рис. 3, *1—3*; рис. 5, *1, 2, 13, 17*) и вместе с ними соответствующих форм миниатюрные сосудики. В обработке поверхности наблюдаются изменения: исчезают ранние типы штриховки и ложная сетчатость. Продолжается употребление оттисков тонкой сетки и односторонней штриховки, встречавшейся и ранее, но при этом появляется штриховка орнаментального характера в виде зональных расчесов в разных направлениях. Продолжает употребляться гребенчатая орнаментация, но при этом появляется штамповая (фигурные штампы в виде розеток, спиральных и двудольных вдавлений и т. д.) и ямчатая.

В керамике I слоя, гладкостенной, сетчатой и штрихованной прослеживаются одни и те же приемы орнаментации и определенные композиции узоров, характерные именно для этого слоя: геометрически сложные, выполненные гребенчатым штампом, и более простые, выполненные штамповым и ямочным орнаментом; эти, менее сложные узоры, продолжают употребляться и позже.

Керамика I слоя находит аналогии в комплексах древнейших дьяковских городищ, например таких, как Калязинское, Сницковское и Пирожная гора в верхнем Поволжье, Саввино-Сторожевское, Кунцево, Мамоново, Боровский курган и Круглица — в бассейне р. Москвы; Протопоповское, Кропотовское и Старшее Кашпрское — в среднем течении р. Оки. Эти комплексы относятся к первой четверти — середине I тысячелетия до н. э.

В керамике I слоя, особенно в нижнем горизонте, прослеживаются черты сходства с посудой эпохи поздней бронзы. Оно проявляется и в близости некоторых форм сосудов (типа рис. 3, *6*; 4, *9, 10*; 5, *10, 11*) и в обработке поверхности (в частности, ложная сетка, двусторонняя штриховка), и в применении гребенчатого орнамента, представленного геометрическими узорами, а также в распространении фигурных штампов. Это сходство прослеживается при сравнении материалов из стоянок Верхнего Поволжья, Среднего и Нижнего течения р. Оки и северных позднекаргопольских. Наиболее ярко оно проявляется при сопоставлении с поздними памятниками поздняковской культуры, на которых количество сетчатой посуды в керамическом комплексе в сравнении с предшествующими резко возрастает и в орнаменте вместо мелких узких коротких гребенчатых штампов в употребление входят крупнозубчатые многозубые с квадратными в плане зубцами. Этот период относится к началу I тысячелетия до н. э., ко времени, когда возникают ранние дьяковские укрепленные городища, территориально близкие поздняковским синхронным памятникам. Следует подчеркнуть, что сходство с памятниками эпохи поздней бронзы проявляется лишь в отдельных чертах керамики, в основном же комплексы нижнего слоя Щербинского городища и соответствующих ему других ранних дьяковских памятников отличаются от комплексов предшествующей эпохи. Следует отметить и сходство комплекса керамики I слоя с посудой из ранних памятников городецкой культуры, родствен-

ных дьяковским. Для городецкой культуры (в районе Оки) можно уверенно говорить о генетической связи с местными культурами предшествующего времени [15]; сравнение ранней керамики дьяковских городищ и памятников эпохи бронзы также свидетельствует об определенной связи и об участии последних в сложении дьяковской культуры. Однако процесс ее формирования был очень сложным и в настоящее время до конца не ясен.

Комплекс керамики II слоя характеризуется абсолютным преобладанием грубой гладкостенной посуды (91,7%) и появлением лощеной (1,9%); в незначительном количестве встречены сетчатая (4,8%) и штрихованная (1,59%) керамика, представленные поздними типами, исчезающими к моменту появления лощеной. Ассортимент посуды значительно шире, чем в I слое. Кроме горшков и миниатюрных сосудиков, представленных разнообразными типами, появляются миски, крышки, сковородки, сосуды специального назначения. Наряду с некоторыми формами и орнаментами, появившимися в более раннее время, но еще бытующими, распространяются новые. При незначительной мощности верхнего слоя и отсутствии стерильных прослоек разделение его на разновременные горизонты оказалось возможным только при учете относительной стратиграфии разных типов посуды и датирующих вещей и самое главное — при сопоставлении их с материалами двух разновременных датированных слоев Троицкого городища и с комплексом находок Нежданского городища, бытовавшего непродолжительный период между III и VI вв. н. э. II слой Щербинского городища разделяется на два горизонта.

Нижний горизонт характеризуется комплексом посуды, в котором сохраняются некоторые традиции, сложившиеся в период I слоя. Это проявляется в формах посуды, среди которых ведущая роль в это время принадлежит баночным и банкообразным сосудам, в сохранении некоторых способов обработки поверхности (сетка, штриховка) и в орнаментации. Однако сетчатой и штрихованной посуды немного, в ней преобладают поздние типы сетки и штриховки, а к концу этого периода такая посуда вообще выходит из употребления. Ранние приемы орнаментации продолжают бытовать (гребенчатый орнамент, фигурные штампы), но употребляются реже. Получает развитие ямчатый орнамент и появляются новые типы штампов (треугольные, ромбические и пр.), тычковый, нарезной и защипной орнамент. В узорах сохраняются некоторые традиции предшествующего горизонта. Судя по аналогиям, в посуде (особенно в орнаменте) прослеживаются черты сходства с соседними балтскими культурами, представленными памятниками типа среднего слоя городища Тушемля на Смоленщине и синхронными материалами из бассейна Верхней Оки. Этот комплекс посуды может быть сопоставлен с комплексом нижнего слоя Троицкого городища, но отличается от него наличием штрихованной и сетчатой посуды. Последняя представлена в большем количестве, чем на Троицком городище, и сопровождается орнаментом раннего типа (гребенчатый, фигурный, штамповый), что свидетельствует лишь о частичной синхронности указанных комплексов: начало отложения рассматриваемого горизонта на Щербинском городище относится к более раннему времени, чем возникновение нижнего слоя Троицкого. По инвентарю этот горизонт может датироваться временем между IV в. до н. э.— III в. н. э.

Верхний горизонт характеризуется комплексом посуды, в котором преобладает гладкостенная и появляется лощеная. При сохранении некоторых традиций, известных по посуде нижнего горизонта (баночные формы и некоторые виды орнаментации), распространяются новые, хорошо

[15] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 60; Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, XXII, М., 1953, стр. 90; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура, САИ, Д1—14, М., 1965, стр. 5, 6.

профилированные формы посуды грубой (рис. 3, *8—17*) и лощеной (рис. 4, *17—30*). Появляются новые приемы орнаментации и узоры, среди которых особенное распространение получают выполненные отпечатками перевитой веревочки, представленные в разнообразных и сложных композициях — эта орнаментация напоминает роменскую. Широко распространяется посуда с орнаментом только по краю венчика. Часть посуды, особенно с веревочным орнаментом и лощеная, находят аналогии в синхронных памятниках балтских племен верхнего Поднепровья и верхней Оки: лощеная в слоях IV — VI вв., а грубая и в более поздних. Распространяются высокие стройные горшки, известные по верхнему слою Троицкого городища и особенно характерные для поздних слоев смоленских городищ. Комплекс посуды верхнего горизонта может быть сопоставлен с комплексом верхнего слоя Троицкого городища, с керамикой Неждинского городища IV—VII вв. На большинстве дьяковских городищ Волго-Окского междуречья, также представлен этот комплекс. В отличие от названных памятников на Щербинском городище найдены глиняные сковородки. Судя по аналогиям с верхнеокскими городищами и памятниками восточной части Волго-Окского междуречья, они бытовали в VI—VIII вв. По-видимому, основные типы посуды, сложившиеся к середине I тысячелетия, также бытовали в это время. В пользу этого говорит ряд аналогий в посуде и наличие в этом горизонте предметов, датирующихся второй половиной I тысячелетия. Об устойчивости некоторых типов посуды могут свидетельствовать и лепные горшки из славянских курганов этого же района, формы и орнамент которых восходят к дьяковской посуде середины I тысячелетия [16].

Изучение керамики Щербинского городища свидетельствует о связях его населения с другими областями. В ранний период они прослеживаются с родственными финно-угорскими племенами городецкой культуры. В последующее время (последние века до нашей эры — начало нашей эры) кроме этих связей отмечаются контакты с синхронными балтскими племенами бассейнов верхнего Днепра, верхнего течения Западной Двины, бассейна верхней Оки и Прибалтики (Эстония, Восточная Латвия, Литва). После III в. отмечаются связи главным образом с населением бассейна верхней Оки и верхнего Днепра и в этот период они носят более активный характер. Аналогии в керамике (и в некоторых типах вещей) свидетельствуют о проникновении в местную финно-угорскую среду отдельных групп балтского населения и о смешанном характере керамического комплекса и всей материальной культуры, характеризующей II слой Щербинского городища. Население Щербинского городища в этот период было близко населению Троицкого и подобных ему поселений со смешанным финно-балтским этническим составом. Это смешанное население на базе предшествующей культуры, в основном финно-угорской, но уже с балтскими элементами, при сложном, но относительно быстром процессе формирования, сопровождавшимся интенсивным развитием местного производства, изменением характера оборонительных сооружений, планировки поселков и типов построек, создало свою материальную культуру с устойчивым и своеобразным комплексом признаков, наиболее ярко выраженных в керамическом материале. При сравнении керамики разных дьяковских памятников присутствие этого комплекса отмечается на большинстве городищ западной части Волго-Окского междуречья.

Щербинское городище — единственный из немногих целиком исследованных памятников, на котором сохранились последовательные разновременные напластования, полностью отражающие весь период существования городищ дьякова типа. Выделенные на нем разновременные керамические комплексы в основных чертах соответствуют синхронным

[16] А. А. Юшко. Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции 1967 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 3433, 3433а; сосуды из раскопок курганной группы у с. Стрелково.

комплексам других дьяковских городищ западной части Волго-Окского междуречья. Это позволяет рассматривать керамический комплекс Щербинского городища как эталон для изучения памятников дьяковской культуры, как стержень для составления ее хронологической шкалы. Основой для такой шкалы в первую очередь и должна служить керамика — наиболее массовый, изменяющийся во времени материал, хорошо поддающийся детальному относительно хронологическому расчленению.

I. G. Rosenfeldt

LA CÉRAMIQUE PROVENANT DE LA GORODICHTCHÉ DITE CHTCHERBINSKOÏÉ EN TANT QUE SOURCE DE LA RÉPARTITION PAR PÉRIODES ET D'UNE DÉFINITION ÉTHNIQUE DE LA CULTURE DE DIAKOVO

Résumé

La gorodichtché Chtcherbinskoïé est le seul des monuments fouillés, d'ailleurs peu nombreux, dont les couches archéologiques brossent un tableau complet de toute la période de l'existence des gorodichtchés de type Diakovo à partir des VIII—VIIes siècles avant notre ère jusqu'à la deuxième moitié du Ier millénaire de notre ère. L'article publie de nouveaux matériaux provenant de la collection des céramiques de la gorodichtché Chtcherbinskoïé, mentionne des données statistiques concernant la composition et la situation stratigraphique de divers groupes de poterie dans la couche archéologique. Des groupes dégagés remontant à des époques différentes révèlent d'étroites analogies avec ceux provenant l'autres gordichtchés diakoviennes. De ce fait, l'ensemble céramique du monument étudié est considéré comme étalon en vue de rechercher les monuments de la culture de Diakovo. L'analyse de la céramique trouvée sur la gorodichtché Chtcherbinskoïé donne lieu à parler des relations remontant à des cultures antérieures de l'âge du bronze et de leurs influences sur la formation de la culture de Diakovo. Le matériel céramique témoigne de ce qu'à la première période de leur existence les gorodichtchés diakoviennes étaient peuplées des Finno — Ougriens. Plus tard, comme suite à l'arrivée de la population des régions voisines, la composition éthnique devint mixte balto — finnoises.

К. К. МАРЧЕНКО

КОНЦЕНТРАЦИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ В ОЛЬВИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI—I ВВ. ДО Н. Э.

Важнейшей стороной изучения некоторых групп керамики является их количественная оценка в рамках определенных массивов, комплексов. Это замечание относится прежде всего к лепной керамике из культурных слоев античных городов.

В настоящее время почти никто не сомневается в этнографичности этой категории материала. Очевидно в этой связи, что выяснение процента лепной керамики в общем балансе керамических находок, будучи введенным в общую систему фактов, может существенно помочь при интерпретации культуры изучаемого объекта в целом. Чрезвычайно интересными для археолога могут оказаться и данные, свидетельствующие о резком увеличении или уменьшении количества лепной посуды, находившейся в обращении в тот или иной период. Необходимо также получение такого рода результатов для последующего сравнения с аналогичными оценками других комплексов. Наконец, проведение подобной работы должно являться естественным фоном любой морфологической или функциональной классификаций материала.

Подобные соображения и обусловили стремление некоторых исследователей в своих работах по Ольвии, ее хоре и Березани дать характеристику соотношения лепной и кружальной керамики для различных хронологических периодов. Наиболее показательна в этом отношении работа С. И. Капошиной, в которой сделана попытка количественно сопоставить находки лепной и кружальной керамики Ольвии по двум раскопам Д и К, а также проведено сравнение полученных результатов с оценками отношения для некоторых поселений хоры Ольвии — Викторовка I, Лузановка [1]. Отдельные соображения по этому вопросу мы находим у Т. Н. Книпович [2], Ф. М. Штительман [3], Я. В. Доманского [4], В. В. Лапина [5] и у некоторых других. В последнее время аналогичную работу провел А. В. Бураков, установив отношение лепной и кружальной керамики в слоях поселения римского времени у села Козырки [6].

Тем не менее, несмотря на указанные работы, нужно признать, что мы и в настоящее время все еще далеки от объективной оценки места

---

[1] С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, 50, 1956, стр. 169—170; ее же. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, 50, стр. 243—249.

[2] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. Ольвия, I, Киев, 1949, стр. 136.

[3] Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, 50, стр. 265, 266.

[4] Я. В. Доманский. Из истории поселений Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. АС ГЭ, 2, Л., 1961, стр. 33.

[5] В. В. Лапин. Экономическая характеристика Березанского поселения. Античный город, М., 1963, стр. 33.

[6] А. В. Бураков. Козырское городище Ольвийской хоры. Автореф. канд. дис., Киев, 1970, стр. 15.

лепной керамики в керамических комплексах Ольвии, сельскохозяйственных поселений Ольвии и Березани. И дело здесь не только в недостатке соответствующих исходных материалов: ситуация сильно осложняется отсутствием разработанной методики.

Настоящая работа и ставит своей основной целью, насколько окажется возможным, устранить этот пробел в отношении главного звена цепи. Ольвия — хора Ольвии — Березань.

Известно, что Ольвия как археологический объект представляет собой крайне сложное для изучения явление. В принципе памятник можно представить в виде некой сложной системы, состоящей из множества отдельных элементов, находящихся в структурной связи. В большинстве случаев о форме и характере этой связи либо ничего неизвестно, либо известно очень мало. Теоретически адекватное знание об интересующем нас отношении можно получить, лишь подвергнув исследованию каждый из элементов системы и установив вид их связи. Практически приходится удовлетворяться вероятностными оценками, ибо в действительности мы имеем дело лишь с отдельными разрозненными элементами системы. Задача, таким образом, как раз и состоит в том, чтобы установить возможность перенесения полученных данных с отдельных элементов на систему в целом или выяснить предел их действия.

В нашем случае основной источник информации — материал, полученный из открытых и закрытых комплексов Ольвийского городища [7]. Между первыми и вторыми, как известно, существует определенная связь и принципиальное различие, обусловившее отличия в методике работы с источниками [8]. В силу этого оказывается далеко не безразличным, откуда и каким образом мы будем черпать информацию.

При обработке материала предпочтение отдается культурным слоям — открытым комплексам. В самом деле, известно, что правильные культурные слои складываются под воздействием множества неоднородных факторов более или менее одинаковой силы. И хотя количество и форма слоеобразующих факторов могут оставаться для нас совершенно или почти неизвестными, принято считать, что материал из слоя потенциально может служить источником широкой, теоретически самой разнообразной информации об археологическом памятнике в целом.

Другое дело закрытые комплексы. Здесь, очевидно, следует думать, что во многих случаях при сложении конкретного объекта вместе с различными малосущественными факторами действовал один или несколько основных, определяющих, например подвал — хранилище, хозяйственная яма — сброс мусора из одного дома, квартала и т. д. Это, разумеется, ограничивает радиус действия выводов доминантой. Значит ли это, что закрытые комплексы совершенно непригодны для анализа соотношения отдельных групп материала для всего памятника в целом? Очевидно, нет. Известно, что комплексы в условиях античного города имеют чрезвычайно большое функциональное разнообразие. Можно предполагать, что, объединив все основные типы объектов такого рода, мы должны получить, правда в более грубом варианте, весь спектр факторов, участвовавших в создании керамического комплекса слоя. Разумеется, это требует наличия большого количества исходных объектов, а также специальной работы по археологической атрибутации источников. Могут быть, по-видимому, и другие достаточно существенные причины, в силу которых оказывается возможным и целесообразным использование закрытых комплексов в качестве составного или даже основного источника информации, но они, очевидно, должны быть специально оговорены.

---

[7] Под открытыми комплексами мы понимаем вслед за И. С. Каменецким культурные слои (правильные и мусорные), под закрытыми — хозяйственные ямы, цистерны, подвалы-хранилища и т. п. И. С. Каменецкий. К теории слоя. Сб. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, стр. 83 и сл.

[8] И. С. Каменецкий. Ук. соч., стр. 85.

Однако вернемся к слою. Можно ли считать, что вследствие множественности слоеобразующих факторов нам при выведении средних в принципе безразлично, из какой части городища происходит материал? По-видимому, a priori нет. По археологическим данным хорошо известно, что отдельные районы античного города имели различное функциональное назначение: жилые кварталы, агора, теменос и т. д. Следует учитывать, что это различие так или иначе могло отразиться на характере материала из слоя. Поэтому кажется оправданным использование при выведении средних данных по слоям всех основных типов районов города. Лишь установив отсутствие существенных колебаний интересующего нас отношения по горизонтали, можно в дальнейшем отказаться от такого подхода.

Известная сложность возникает при членении материала из слоев на хронологические группы. Даже в хронологически компактных группах всегда имеется какой-то процент чужеродного материала. Естественно, границы между отдельными хронологическими группами оказываются несколько размытыми. Эти и некоторые другие соображения и определили характер работы, использование в ней статистико-вероятностных оценок полученных результатов. В работе использованы архивные данные раскопок 1948—1970 гг. Ольвийской экспедиции ЛОИА по восьми раскопам. Раскопы в совокупности дают представление о всех основных типах районов города. Всю свиту культурных слоев второй половины VI — I вв. до н. э. удалось разбить на девять хронологических частей. Подсчет соотношения лепной и кружальной керамики проводился без учета обломков тары — амфор и пифосов — и имел целью сопоставить функционально близкие категории посуды. При подсчете материала из слоя использован обычный статистический аппарат для неравноточных наблюдений [9]. За единицу наблюдения принят полевой список, объединяющий материал определенного хронологического отрезка. Примесь материала, имеющего другую датировку во всех отобранных списках не превышала 5%. При этом, исходя из общих представлений о правилах образования слоя, считалось, что численно наиболее представительные списки наиболее объективно отражают искомое отношение. В соответствии с этим различным спискам придавался и различный вес — пропорционально их величине. Первичные результаты выводились для отдельных хронологических групп в пределах раскопов с последующим объединением в средние для всей хронологической группы. Объединению первичных результатов предшествовала оценка достоверности их расхождения через среднеквадратические отклонения [10]. Достоверными результатами считались удовлетворяющие 0,05-ному уровню значимости. При выведении средних по материалам закрытых комплексов использовался аппарат для равноточных наблюдений [11]. Все случаи введения данных такого рода в итоговую табл. 1 специально оговариваются.

Прежде чем перейти к рассмотрению полученных результатов, познакомимся с таблицами. Таблица 1 «Средние проценты лепной керамики». Таблица разбита на XI столбцов и 11 строк. Каждая строка соответствует одной хронологической группе. Исключение составляют горизонтали 4 и 11, отведенные под средние результаты трех первых и четырех последних групп. В первом столбце проставлены номера групп. Представление о временном отрезке изучаемой группы дает столбец II. III—X столбцы отведены под раскопы с общепринятыми буквенными обозначениями —

---

[9] См. В. М. Щиголев. Математическая обработка наблюдений. М., 1969, стр. 227 сл.

[10] В. Л. Вознесенский. Первичная обработка экспериментальных данных. Л., 1969, стр. 58.

[11] В. М. Щигелев. Ук. соч., стр. 215 сл.

I	II	III			IV			V			VI		
№ п/п	В емч	Раскоп											
		II			M			E_3^1			E_3		
1	2 пол. VI в.				1			1			7		
2	2 пол. VI — н. V в. в.				3			1			10	1324	3,2±0,8
3	2 пол. VI — ср. V в. в.				1			2			1		
4	Средний %				5	1012	1,7±0,57	*26*	*27137*	*1,1±0,2*	18	1918	3,0 ±0,68
5	Конец VI — V в. в.							23	2190	1,0±0,27	21	1346	1,7 ±0,46
6	V — IV в. в.				11	1782	3,1 ±0,6	44	2981	1,1±0,2	44	4738	2,5 ±0,35
7	2 пол. IV — н. III в. в.	27	2744	3,8 ±0,5									
8	Конец IV — III в. в.	32	2322	6,1±0,86							13	676	2,3 ±0,7
9	2 пол. III — II (I) в. в.	20	2821	12,6 ±2,9									
10	2 пол. IV — II (I) в. в.	19	2007	5,4 ±1,36				20	1389	7,3 ±1,0	17	1426	2,7 ±0,8
11	Средний %	98	9897	7,2 ±1,6									

И, М, E_3, E_8 и т. д.[12]. Исключение составляет столбец V, где дан несколько измененный индекс раскопа — E_3^1. В данном случае имеется в виду район городского теменоса. Раскоп E_3 без штриха соответствует району дикастерия. Наконец, столбец XI оставлен для средних результатов по каждой хронологической группе в целом. Членение внутри столбцов III — XI следующее: первая часть — количество списков, использованных при выведении средневзвешенного процента лепной керамики данной хронологической группы данного раскопа; вторая часть — общее число обломков керамики (кружальной и лепной) в этих списках, третья — выведенный процент со средней ошибкой. Прописью отмечаны результаты, полученные при подсчете керамики из закрытых комплексов, введенные в таблицу по тем или иным соображениям.

Таблица 2 — «Доверительные интервалы средних процентов лепной керамики». Она производная от табл. 1. Построена в общем по тому же принципу. Дает представление о доверительных интервалах средневзвешенного процента лепной керамики при заданном уровне значимости.

Анализ средних процентов по вертикалям III—X. Раскоп — И (табл. 1, 2, III столбец). Раскоп находится на северо-восточной окраине верхнего города у северной оборонительной стены. Рассматриваемые слои связываются с жилым районом эллинистического периода. Полученные результаты интересны тем, что в данном случае имеется возможность достаточно четко выделить четыре хронологические группы слоев в пределах второй половины IV—II вв. до н. э.[13], три дробные (строки 7—9) и одну общую (строка 10). Средние по первым трем группам (строки 7—9) на первый взгляд отражают постепенное возрастание количества лепной посуды по мере приближения к рубежу нашей эры. Однако вправе ли мы эти отличия средних перенести с имеющихся выборок на весь слой этого района? Проверка достоверности различия средних устанавливает ее только для строк 7—9, 8—9, 9—10. Во всех остальных сочетаниях различия средних недостоверны. Таким образом, заметное увеличение числа лепной керамики на И наблюдается лишь во второй половине III—I вв.

Средневзвешенный процент первых трех групп, равный 7,5, существенно не отличается от средней 10-й горизонтали. Общий результат по всем четырем группам — 7,2— характеризует процент лепной керамики в эллинистических слоях этого района.

---

[12] См. планы Ольвии; А. Н. Карасев. Монументальные памятники Ольвийского теменоса. Ольвия. М.— Л., 1964, стр. 29; Л. М. Славин. Здесь был город Ольвия. Киев, 1961, стр. 18.

[13] I в. до н. э. в керамических материалах Ольвии не выделяется и его присутствие условно.

Таблица 1

VII			VIII			IX			X			XI		
Раскоп														
E_8			E_2			E_9			E_{10}			Суммированные данные		
			2			1						9	1126	1,9±0,8
												17	2334	3,1±0,6
												30	3926	2,6±0,45
14	*3124*	*0,21±0,09*										*63*	*31291*	*1,5*
11	1559	0,3±0,1										55	5095	1,0±0,27
12	1013	1,0±0,4				10	1424	2,9±0,6	12	3552	2,4±0,45	133	15490	2,2±0,36
7	383	0,8±0,25	6									52	3381	3,0±0,76
			2											
34	2559	6,9±1,0	6	1283	7,1±1,1	6	571	6,4±1,7				102	9235	5,9±1,0
			14	1928	6,3±1,0									

Таблица 2

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
№ п/п	Время	Раскоп								Суммированные данные
		И	М	E_3^1	E_3	E_8	E_2	E_9	E_{10}	
1	2 пол. VI в.									3,7—0,1
2	2 пол. VI — н. V в. в.				5,0—1,4					4,4—1,8
3	2 пол. VI—ср. V в. в.									
4	Средний %		3,3—0,1	*1,54—0,66*	4,4—1,6	0,4—0,02				3,5—1,7
5	Конец VI — V вв.			1,6—0,4	2,7—0,7	0,5—0,1				1,5—0,5
6	V—IV в. в.		4,4—1,8	1,5—0,7	3,2—1,8	1,9—0,1		4,2—1,6	3,4—1,4	2,9—1,5
7	2 пол. IV — — н. III в. в.	3,8—2,8								
8	Конец IV — III в. в.	7,8—4,4			3,8—0,8	1,4—0,2				
9	2 пол. III — II (I) в. в.	15,5—9,7								
10	2 пол. IV — II (I) в. в.	8,2—2,6		9,4—5,2	4,4—1,0	8,9—4,9	9,9—4,3	10,8—2,0		7,8—4,2
11	Средний %	10,4—4,0					8,4—4,2			

Раскоп М (IV столбец). Раскоп находится в юго-западной части города. Слой связывается с жилыми комплексами. Для первых трех хронологических групп не удалось выделить достаточно большое количество материала. Оценку средневзвешенного процента в слоях архаического периода можно дать лишь для всех трех групп вместе (строка 4), а также для пятой группы соответствующей в целом классическому периоду жизни Ольвии (строка 6). Надежную информацию по другим группам выделить не удалось. Проверка различия средних строк 4 и 6 не подтверждает ее достоверность. Следовательно, при выборках данной величины нет основания для утверждения, что в слоях V—IV вв. до н. э. наблюдается заметное увеличение процента лепной керамики в сравнении с архаическим периодом.

Раскоп E_3^1 (V столбец). Центральная часть города. Теменос. Практически объект раскопан полностью. Для архаического периода данных по слоям оказалось очень мало, и достоверную среднюю получить не удалось. Различия между средними строками 5 и 6 недостоверны. Среднеарифметические проценты лепной керамики, выведенные по всем закрытым комплексам теменоса этих же групп (всего 29 единиц), оказались чрезвычайно близкими средневзвешенным слоёв, а именно: 1,1% — строка 5, 0,9% — строка 6. Это по существу полное сходство результатов, по-

лученных по двум принципиально различным археологическим источникам, заставляет предполагать, что в силу какой-то специфики данного района интересующий нас материал примерно одинаковым образом распределялся как в открытых, так и закрытых комплексах теменоса, что, в свою очередь, возможно, указывает и на некоторую обособленность его керамического комплекса в целом. Такое предположение открывает возможность использования среднеарифметического процента лепной керамики, выведенного по комплексам архаического периода теменоса, в общей системе средних по слоям, поскольку известно, что рассматриваемый район Ольвия и в архаическое время выполнял те же функции. Полученный таким образом процент для архаического периода (табл. 1, строка 4) лишний раз подтверждает это замечание. Резкое увеличение процента лепной керамики на теменосе отмечается лишь в эллинистическое время (строка 10). К сожалению, из-за сильной перемешанности слоев этого времени более точно момент скачка процента определить не удалось. Различия между средними строками 4, 5 и 6, с одной стороны, и средним строки 10 — с другой, имеет 100%-ную достоверность. Установленное различие средних может быть перенесено с выборок на все соответствующие слои теменоса.

Раскоп E_3 (IV столбец). Раскоп расположен к западу от теменоса у его границы. Слои архаического периода связываются в основном с жилыми комплексами. В классическую эпоху и первую половину эллинизма территория застроена зданием дикастерия и другими сооружениями общественного характера. Полученные средние для строк 2, 4, 5, 6, 8 и 10 не дают возможности установить при данной величине выборок достоверность увеличения (уменьшения) процента лепной посуды в течение всего архаического, классического и эллинистического периодов, При этом, однако, надо иметь в виду то обстоятельство, что в списках керамики строки 10 крайне бедно представлен материал II в. до н. э.— времени гибели зданий общественного характера на этой территории Ольвии. Как мы увидим ниже, подобное же событие на другом объекте сопровождалось достоверным увеличением процента лепной керамики в общем балансе находок. Можно поэтому предположить, что средневзвешенная строки 10 при более равномерном хронологическом распределении материала внутри списков могла быть и несколько выше.

Раскоп E_8 (VII столбец). Раскоп расположен к югу от теменоса. Для архаического периода данных о строительных комплексах на этой территории нет. В классический и первую половину эллинистического периодов слои связываются с постройками общественного характера. Для строк 1—4 данных по слоям нет. Различия между средними строк 5, 6 и 8 недостоверны. Можно предполагать отсутствие сколь-либо серьезных колебаний процента лепной керамики в течение всего этого периода, что, по-видимому, может быть связано с относительной функциональной стабильностью района. Резкое изменение процента в сторону его увеличения наблюдается в списках материала, где хорошо представлена керамика II в. (строка 10). Достоверность различия между средними строками 8 и 10 равна 100%, т. е. даже превышает установленный уровень. Нет никакого сомнения в том, что увеличение процента связано с изменением ситуаций в районе — гибелью во II в. до н. э. всех построек общественного характера. В данном случае перед нами деталь, лишний раз подтверждающая общую датировку этого события.

Однако вернемся к архаическому периоду на участке E_8. На территории раскопа в 1968 г. начали раскрывать большую выемку в материке, заполненную мусором с огромным количеством материала второй половины VI — первой половины V в. до н. э. без каких-либо заметных примесей. Выемка с тех пор раскапывалась в самых различных местах до материка. Нет сомнений, что перед нами закрытый комплекс. Средний процент лепной керамики в этом комплексе крайне низок (см. табл. 1,

строка 4). Сопоставление списков материала из различных частей балки показало, что их информативная совместимость примерно та же, что для отдельных закрытых комплексов. Это как будто позволяет считать, что объект в древности был засыпан мусором из различных источников. В свою очередь, величина выемки дает возможность предположить, что в образовании заполнения принимал участие мусор как из комплексов, так и из обычных культурных слоев архаического периода. Однако откуда мог поступать такого рода мусор? Очевидно, что не из района М, $Е^1_3$ или $Е_3$, ибо для них характерны совсем иные средние проценты. Скорее всего источник другой. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что слой к VI—V вв. до н. э. этого же участка Ольвии дает совершенно аналогичный процент лепной посуды, который, как мы уже видели, существенно не меняется до II в. до н. э. По-видимому, не будет слишком смелым предположение, согласно которому основным источником мусора для выемки являлся близрасположенный район $Е_8$, где и в архаический период находились объекты, функционально близкие строительным комплексам V—III вв. до н. э.

Раскоп $Е_2$ (VIII столбец). Участок общественных зданий у восточной границы теменоса. Данных для архаического периода оказалось недостаточно для получения статистически достоверного процента. То же следует отметить и в отношении горизонтали 5, 6 и 9. Единственно достоверный результат получен для эллинизма (строка 10).

Раскоп $Е_9$ (IX столбец) заложен с северной стороны теменоса с целью отыскания его северной границы. Данные имеются только для строк 6 и 10. Различие средних достоверно. Можно предполагать в эллинистическое время увеличение процента лепной посуды в этом районе.

Раскоп $Е_{10}$ (X столбец). Заложен с северной стороны теменоса с целью отыскания его границы. Средний процент получен только для горизонтали 6.

На этом можно закончить анализ средних в пределах отдельных раскопов по вертикали. Отметим, что существенное увеличение процента лепной керамики по отдельным раскопам наблюдается только в эллинистическое время, особенно со II в. до н. э.

Перейдем к краткому анализу средних по горизонталям, сравнивая данные по отдельным раскопам в пределах каждой хронологической группы.

Строка 1. Получена суммарная средневзвешенная средняя с использованием данных по раскопам М, $Е^1_3$ и $Е_3$. Можно считать, что средняя в основном характеризует процент лепной керамики в слоях жилых районов.

Строка 2. Кроме средней для $Е_3$ выведена общая средневзвешенная с использованием материалов из слоев М, $Е^1_3$, $Е_3$, $Е_2$ и $Е_9$, но очень неравномерно (см. табл. 1).

Строка 4. Характеризует архаический период в целом. Различия достоверны между средними $Е_3 — Е^1_3$, $Е_3 — Е_8$, $М — Е_8$. Между $М — Е^1_3$ достоверность различия не подтверждена. Тем не менее можно отметить существенность отличий процента лепной керамики в различных районах города уже в архаическом периоде, связав их с различием в функциях последних. Средневзвешенный процент лепной керамики для всего архаического периода по слоям, без учета комплексов, по-видимому, несколько завышен, поскольку при его выведении использованы главным образом материалы из жилых районов города (см. табл. 1). С учетом данных по комплексам раскопов $Е^1_3$ и $Е_8$, т. е. данных из районов, застроенных в архаический период сооружениями общественного характера, средний процент несколько ниже — 1,5. В этой связи интересно отметить, что среднеарифметический процент лепной керамики, полученный при использовании только закрытых комплексов всех восьми районов, оказался равным

1,5±0,28 [14]. Не требуется проверки достоверности различия между последними двумя средними, чтобы предполагать их полную близость, а вместе с тем и принципиальную возможность использования большого числа разнообразных комплексов в условиях античного города для выведения обобщающих средних.

Строка 5. Достоверность различия средних устанавливается для слоев E^1_3 — E_8 и E_3 — E_8. Средняя всех результатов вряд ли представляет серьезный интерес в силу того, что использованные для ее получения данные относятся исключительно к районам общественных сооружений (см. табл. 1).

Строка 6. Чрезвычайно интересно сравнение данных этой группы. Различия средних не подтверждены для слоев М — E_3, М — E_9, М — E_{10}, E^1_3—E_8, E_3—E_9, E_3—E_{10}, E_9—E_{10}. Во всех остальных комбинациях различия достоверны. Не вдаваясь в подробный анализ сочетаний отметим лишь, что наиболее «оригинальным» раскопом оказался E^1_3 (теменос). Не подтверждается также сходство E^1_3—E_9 и E^1_3 — E_{10}, а это, учитывая стабильность процента на теменосе, может служить указанием на то, что территории E_9 и E_{10} не имеют прямого отношения к священному участку и последний так далеко на север не распространялся.

Строка 8. Среди трех достоверных средних, полученных на этом уровне, отметим существенность отличия средних И—E_3 и И—E_8 т. е. отличие процента в слоях района жилых комплексов от процента в слоях районов с общественными зданиями. Различие E_3 — E_8 недостоверно.

Строка 10. На этом уровне наблюдается совершенно иная картина — полное сходство всех средних. Достоверность различия процента, в отдельных случаях отмечается только по отношению к E_3, т. е. как раз к той средней, надежность которой мы подвергаем сомнению.

Таким образом, можно считать, что различия в проценте лепной керамики для слоев отдельных районов устанавливается с архаического периода по III в. до н. э. включительно. Для слоев жилых районов, как правило, характерен более высокий процент посуды, чем для районов, занятых под общественные нужды. В пределах районов последнего типа выделяются территории, имеющие существенные различия в средних. Лишь с наступлением II в. до н. э. происходит общая нивелировка процента.

В свою очередь, сравнение средних XI итоговой вертикали позволяет сделать вывод о том, что различия процентов архаического и классического периодов (строки 4 и 6) в любом сочетании, будь то только средние слоев или средние, полученные с использованием материалов из закрытых комплексов, недостоверны. Этим, а также нашими наблюдениями за средними отдельных раскопов устанавливается сходство названных периодов в данном отношении. Полная достоверность различия средних процентов отмечается для классического и эллинистического периодов (строки 6 и 10).

В заключение можно отметить чрезвычайно низкий процент лепной посуды в керамическом комплексе Ольвии в течение всего рассматриваемого периода и особенно в архаическое и классическое время. Последнее замечание становится особенно выпуклым, если мы попытаемся сравнить полученные данные с предварительными оценками процента лепной керамики в комплексах некоторых поселений хоры Ольвии [15]. Контраст оказывается настолько разительным, что сразу же ставит Ольвию в исключительное положение, подчеркивая изначально специфический, несомненно городской, характер ее керамического комплекса.

---

[14] Всего 59 комплексов с 34 649 обломками керамики.

[15] С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 243 сл; Я. В. Доманский. Ук. соч., стр. 33.

Полученные результаты позволяют также внести дополнительный штрих в наши представления об этнической увязке лепной керамики города в целом. Как известно, на этот счет существует два диаметрально противоположных мнения: 1) лепная керамика в основной массе — продукт производства греческих переселенцев, «необходимый составной элемент материальной культуры этого населения, являющийся показателем натуральности его экономики» [16], 2) лепная керамика в основной массе — продукт изготовления местного, негреческого населения, свидетельство, указывающее «на значительную примесь туземного элемента в составе населения Ольвии» [17].

Допуская правильность первого мнения, мы вынуждены будем считать, что хозяйственные возможности греческих колонистов Ольвии и их, так сказать, культурный облик оставались на одном уровне в течение всего архаического и классического периодов, а заметные сдвиги в этом отношении отнести лишь ко II в. до н. э. Подобное предположение даже на первый взгляд кажется более чем странным, а по существу является просто неверным. Зато хорошо согласуется с полученными результатами второе мнение. Если мы свяжем в основе лепную керамику с местным этносом, то тогда становится понятным и низкий стабильный процент этой посуды в VI—IV вв. до н. э., и увеличение этого процента в эпоху эллинизма. Первое хорошо согласуется с относительно стабильной обстановкой в Буго-Днепровских степях в этот период, второе — с ее резким изменением уже в первой половине III в. до н. э., особенно сильно проявившимся во II в. до н. э.

K. K. Martchénko

LA CONCENTRATION DE LA CÉRAMIQUE MODELÉE À LA MAIN À OLBIA À LA SECONDE MOITIÉ DES VI—Ies SIÈCLES AVANT NOTRE ÉRE

Résumé

L'article fait état et donne l'analyse des rythmes de concentration des tessons de la céramique modelée à la main, sans tour de potier, dans les couches archéologiques remontant aux VI—Ies siècles avant notre ère dans les huit districts de la ville antique d'Olbia. L'importance du groupe de ladite céramique (en pour cent) est comparée à celle de l'ensemble céramique en entier. Ces calculs ne tiennent pas compte des débris de récipients d'emballage, tels amphores et piphos. Pour estimer l'importance du groupe on a utilisé des méthodes mathématiques de mesures exécutées avec divers degré de précision.

L'analyse effectuée permet de tirer les conclusions suivantes: 1) durant une longue période, du VIe siècle à IVe siècle avant notre ère la poterie modelée à la main qui était en utilisation à Olbia était très peu nombreuse, notamment de 2 à 4% prés; 2) l'accroissement notable du groupe n'est signalé qu'au IIIe siècle et est surtout accéléré au IIe siècle avant notre ère. Ce dernier processus est en rapport avec les changements de l'orientation fonctionnelle de certains districts de la ville et avec l'augmentation du nombre de barbares dans la population d'Olbia.

---

[16] В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, стр. 168.

[17] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 136.

Ю. М. ДЕСЯТЧИКОВ

КАТАФРАКТАРИЙ НА НАДГРОБИИ АФЕНИЯ

В январе 1892 г. в Керчи на северном склоне горы Митридат была найдена стела Афения, сына Мены (рис. 1) [1]. Спустя 17 лет она была опубликована в корпусе южнорусских надгробий [2], а позднее неоднократно воспроизводилась в работах по истории Северного Причерноморья в античную эпоху [3]. Однако, на наш взгляд, эта стела не нашла еще должной оценки и недостаточно использована в качестве весьма ценного источника для изучения процесса сарматизации Боспорского царства. Несмотря на существующее описание стелы [4], не уделено еще должного внимания общей реконструкции стелы и не сделано попытки восстановить верхний ярус рельефного изображения, дошедшего до нас в обломках. Стела (рис. 2) была, видимо, увенчана декоративным анфемием [5] в виде пышной рельефной пальметты и волют. На основании сохранившихся описаний фрагментов верхнего яруса [6] надгробия, соответствующих изображению сцены заупокойной трапезы на ряде других надгробий [7], можно следующим образом восстановить утраченный рельеф. В центре верхнего рельефного поля стелы на ложе, фигурное изголовье которого было украшено головой льва [8], возлежал бородатый мужчина, задрапированный в плащ и держащий в правой руке сосуд для вина. Перед мужчиной находился столик с сосудами и жертвенными лепешками. У ног мужчины сидела женщина в кресле, возможно, рядом с ней стояла девочка-служанка с туалетным сосудом [9]. Таким образом, здесь была представлена картина обожествления умершего принесением ему жертвы, которую он сам принимает [10].

---

[1] Стела служила крышкой гробницы и была разбита при ее разграблении. Рядом было найдено около 20 осколков, принадлежащих верхнему, третьему рельефному полю надгробия. По мнению К. Е. Думберга, высота всего надгробия с недостающим акротерием и отбитым низом была не менее 2,85 *м* (В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892—1894 гг., МАР, 17, СПб., 1895, стр. 32).

[2] K — W № 650, tabl. XLIV.

[3] История СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 502; Г. П. Иванова. Образ вершника в боспорському надгробному рельєфі. АП, XI, Київ, 1962, стор. 171, рис. 1.

[4] В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 32; КБН, М.— Л., 1965, стр. 231, 323, № 332.

[5] Сохранились фрагменты стелы с дырами для крепления пальметообразного украшения.

[6] По описанию Г. Кизерицкого (K — W, S. 117), взятому из отчета К. Е. Думберга, только 10 фрагментов из 20 имели рельефное изображение: 7 фрагментов с изображением головы бородатого мужчины и ложа, изголовье которого было украшено львиной головой с гривой, один обломок с изображением ноги мальчика, другой — часть стола, на котором стояли сосуды, и, наконец, фрагмент левого края рельефного поля с плечами сидящей женщины.

[7] K — W, tabl. L — LIV.

[8] K — W, № 704, 718, tabl. LII; № 724, tabl. LIII; № 693, tabl. L.

[9] K — W, № 696, 703, 713, tabl. LI и др.

[10] Ю. Кулаковский. Две керченские катакомбы с фресками. МАР, 19, СПб., 1896, стр. 54—59; ср.: В. П. Метакса. Идеализация земной жизни на древнегрече-

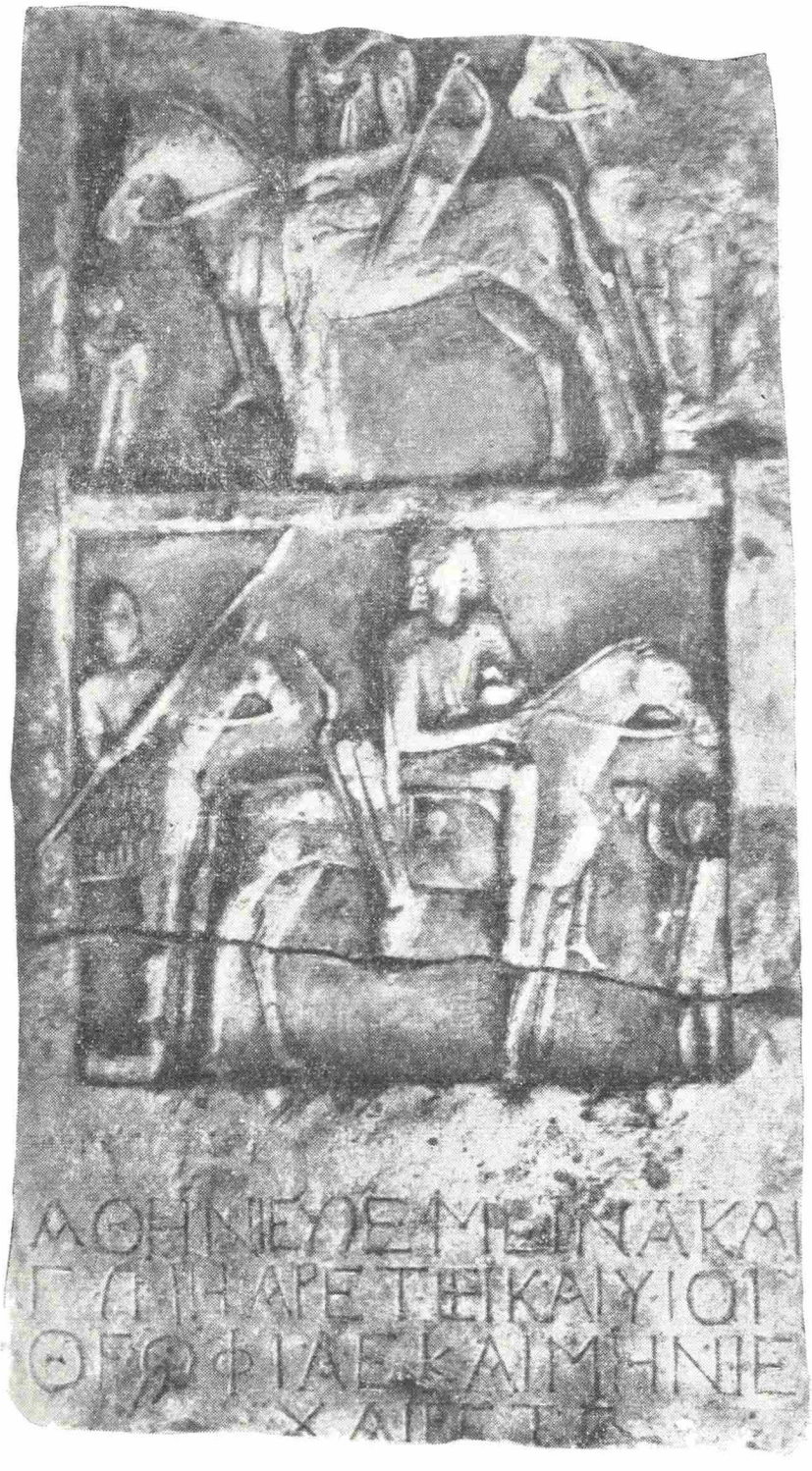


Рис. 1. Стела Афения, сына Мены

В центре среднего поля был изображен всадник, сидящий на коне, повернутом влево от зрителя; всадник одет в обычный боспорский костюм I—II вв. н. э. (кафтан, штаны, сапоги, плащ), на левом боку у него горит. Сзади главного персонажа изображен другой конник, видимо оруженосец. Его фигура скрыта за краем рельефного поля. Перед лошадью — мальчик, подносящий всаднику сосуд с вином.

Аналогичная композиция повторена на нижнем рельефном поле стелы (сохранилось намного лучше предыдущего), но с зеркальным расположением фигур, т. е. лошади всадников обращены вправо от зрителя и соот-

ских надгробных барельефах. «Вестник археологии и истории», XIV, СПб., 1902, стр. 24.

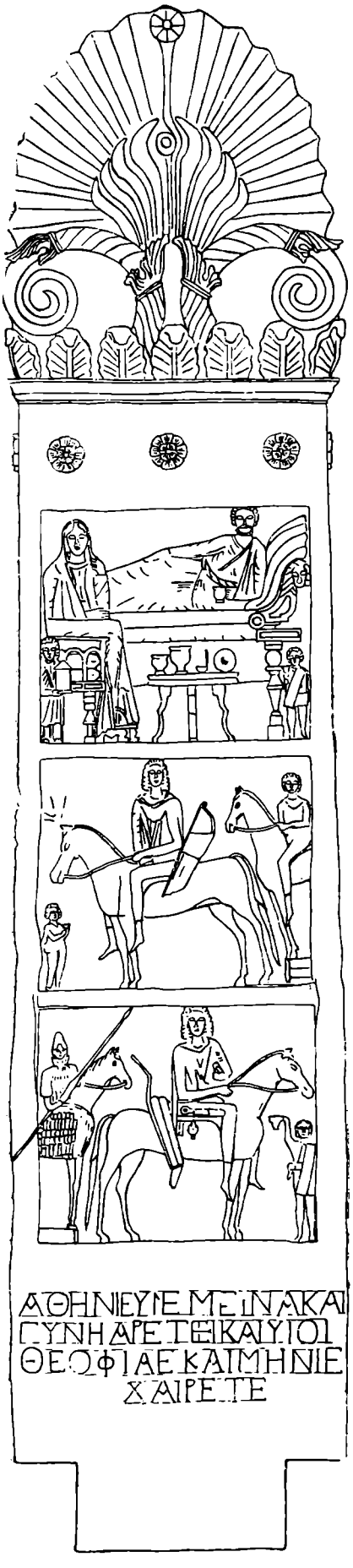


Рис. 2. Реконструкция стелы Афения, сына Мены

(графическое исполнение — В. В. Дворниченко)

ветственно мальчик-слуга, подносящий центральному всаднику сосуд с вином, стоит справа.

Под нижним рельефом расположена четырехстрочная надпись, выполненная по линейке: «Афений, сын Мены, жена Арета, сыновья Феофил и Мений, прощайте!»

Следовательно, перед нами многоярусное надгробие, поставленное умершим членам боспорского семейства [11]. Поэтому вполне естественно предположить, что в верхнем рельефном поле были изображены Афений, возлежащий на ложе, и его жена Арета, сидящая в кресле; в среднем и нижнем рельефных ярусах представлены сыновья Афения — Феофил и Мений.

Величина и трехъярусность рельефных изображений свидетельствуют о высоком социальном положении всей семьи. Несомненно, что мастер, выполнявший эту работу, должен был считаться со вкусом заказчика. Это и нашло отражение не только в пышности и монументальности, но и в целом ряде тонко подмеченных и зафиксированных на стеле этнографических деталей, дающих представление о проникновении элементов сарматского военного быта в жизнь боспорской знати первых веков нашей эры. Судя по этим данным, можно предположить, что лица, имена которых начертаны на надгробии, принадлежали к привилегированным слоям эллинизированной варварской племенной аристократии, в значительной степени пополнившей состав господствующего класса Боспора в первые два века нашей эры.

Существуют различные точки зрения на время изготовления этого надгробия. Г. Кизерицкий датировал его концом I в. н. э.[12] В. В. Латышев отмечал, что надпись на стеле «относится к римским временам, но не особенно поздним» [13]. Стела по характеру письма датируется авторами Корпуса боспорских надписей суммарно — I в.[14]. В этой связи необходимо обратить внима-

[11] Хотя постановка семейных надгробий не была в обычае у боспоритов, все же отдельные случаи имеют место: см. K — W, № 652, tabl. XLIV, где в образе всадников представлены три сына Христа: Пасион, Василиск и Эрот (см. также K — W, № 417, 422, tabl. XXIX и др.).

[12] K — W., S. 117.

[13] В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 32.

[14] КБН, стр. 232.

ние на то, что на Боспоре многоярусные надгробные рельефы появляются с начала I в.[15]; с этого же времени получает распространение изображение полуфигур всадников-оруженосцев [16] и сцен так называемой «загробной трапезы» [17]. Помимо того отметим, что с начала I в. боспорские надгробия после длительного перерыва вновь начинают украшаться анфемиями [18].

Для уточнения даты изготовления стелы Афения большое значение имеют стилистические особенности ее рельефов. Стела Афения вместе с рядом других надгробий Боспора [19] ознаменовала собой новое направление в стиле боспорских надгробных рельефов; это новое направление отразило варварское (в данном случае сарматское) понимание искусства; в нем появилось стремление к плоскостности, фронтальности, к показу деталей одежды, вооружения, линеарности. Эти тенденции и элементы, проявившиеся в боспорской пластике особенно широко на грани нашего летосчисления, несомненно связаны с проникновением на Боспор сарматских этнических элементов. Но эти новые требования выполняются на основе старых греческих скульптурных традиций (архитектоничность, объемность изображения, строгая пропорциональность фигур, выполненных в довольно высоком рельефе). Синтез новых и старых навыков и вкусов позволил на Боспоре создать свой собственный неповторимый художественный стиль. Окончательное формирование этого нового «переходного» направления в боспорском надгробном рельефе происходит, по-видимому, где-то на грани I в. до н. э.— I в. н. э. Все эти противоречивые тенденции и элементы как нельзя лучше отразились в исполнении стелы Афения, которую поэтому и следует отнести к первой половине I в. н. э., такая датировка соответствует, по мнению А. И. Болтуновой, ее палеографическим особенностям.

Первая половина I в. н. э.— время активного процесса сарматизации Боспорского царства. Этот процесс проявляется в интенсивном проникновении на Боспор сарматского населения, активного слияния их культуры, обычаев, верований и хозяйственного уклада [20], что в значительной степени подтверждается археологическим материалом [21]. Реалистическое изображение умерших боспорцев в образе всадников (один из самых колоритных сюжетов боспорских рельефных надгробий) является также отражением сарматизации Боспора, поскольку этот сюжет навеян видом реальных всадников. Отсюда исключительная жизненность и убедительность рельефных изображений, несмотря на некоторую условность и стилизацию ряда изображений боспорского конного воина.

Благодаря тому что боспорские скульпторы, создавая памятник умершему, отражали реалии повседневной жизни, они донесли до нас внешний облик боспоритов, типы их вооружения, воинского снаряжения и т. п., а это позволяет нам сделать заключение о тесных взаимоотношениях Боспора с сарматским миром.

При рассмотрении надгробия Афения, сына Мены, под таким углом зрения обращают на себя внимание прежде всего изображения луков. Эти луки различны. У верхнего всадника лук так называемого скифского типа, широко распространенного в Северном Причерноморье в скифское время

---

[15] K — W: № 624, tabl. XLIII; № 640, tabl. XLIV; № 688, tabl. XLIX и др.

[16] K — W: № 618, 619, tabl. XLIII; № 622, tabl. XLIII; № 634, tabl. XLIV.

[17] K — W: № 691, tabl. 41; № 693, tabl. L; № 722, tabl. XIII и др.

[18] H. Mobius. Die Ornamente der Griechischen Grabstelen Klassischer und nachklassischer Zeit. Berlin — Wilmesdorf, 1929, S. 70—73.

[19] K — W: № 215, tabl. XV; № 337, tabl. XXVII; № 412, tabl. XXIX и др.

[20] В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья. Сб.: «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 33.

[21] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 243—244. В грунтовом некрополе Пантикапея уже со II в. до н. э. появляются черты, родственные сарматским погребениям Нижнего Поволжья. См.: Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея. МИА, 19, 1953, стр. 73, 74.

и известный нам по изображениям на многих памятниках [22]. Такие луки имеют двойные выгибы, т. е. сигмовидную форму. Размеры их обычно невелики и составляют 0,6—0,8 *м*; такой же длины достигали стрелы [23]. В натянутом состоянии эти луки помещались в горит, состоящий из двух-трех карманов; в одном кармане находился лук, в двух других — стрелы [24]. Такой горит с луком боспорцы I в. носили с левой стороны за спиной, прикрепляя к нему длинный меч сарматского типа [25]. У нижнего всадника лук другого типа, он подвешен в спущенном состоянии с правой стороны вместе с двумя длинными цилиндрическими футлярами для стрел [26]. Подобные луки и колчаны неизвестны нам ранее времени, к которому относится стела Афения. Для Боспора это новое явление, но эти луки и колчаны прочно вошли в панoплию боспорцев, о чем говорит изображение их на ряде других надгробий [27]. С. П. Толстов считает подобную форму лука хорезмийским типом стрелкового вооружения [28], с чем вряд ли можно согласиться. Скорее всего перед нами сложносоставной лук так называемого гуннского типа, возникший, несомненно, на основе скифского и широко распространенный в степях Евразии в сарматское время [29]. «Гуннские» луки были довольно больших размеров (длина их в среднем варьировала от 1,2 до 1,6 *м*) и имели костяные накладки для усиления рефлекторных свойств. В Средней Азии этот тип лука окончательно сформировался в I в. до н. э.— I в. н. э. [30] К этому времени относятся находки костяных накладок от подобного лука в сарматских могильниках Поволжья и Украины [31]. Не касаясь вопроса о времени появления и распространения на Боспоре типа «гуннских» луков, следует отметить, что стела Афения фиксирует существование на Боспоре в первой половине I в. н. э. двух разновидностей лука — скифского и так называемого гуннского.

Распространение на Боспоре в первой половине I в. (видимо, с появлением сарматов) такого рода лука с колчаном, носимого с правой стороны, следует, вероятно, связать с усовершенствованием тяжелого оборонительного доспеха и появлением в евразийских степях катафрактариев. Против закованной в броню конницы лук и стрелы старого типа были бессильны, это и вызвало в свою очередь применение массивных стрел с крупными наконечниками для пробивания панциря и соответственно усиление рефлекторных свойств лука за счет увеличения его длины и применения костяных накладок [32].

Это положение подтверждается стелой Афения. Так, в левом углу нижнего поля надгробия изображена фигура всадника, поставленного на

---

[22] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, fig. 90, 93; А. И. Зограф Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XXXII, *15—17*.

[23] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 32.

[24] K — W: № 559, tabl. XXXIX; № 640, tabl. XLIV.

[25] K — W: № 599, tabl. XLI; № 619, tabl. XLIII; № 640, tabl. XLV.

[26] Рядом с колчаном, под седлом, свисает на двух шнурах закругленный предмет. Видимо, мастер изобразил здесь типичную кочевническую флягу, имевшую широкое распространение в евразийских степях в гунно-сарматское время. См., например, В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 342, рис. 11.

[27] K — W: № 574, tabl. XXXIX; № 626, tabl. XLIII; № 627, tabl. XLII и др.

[28] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 220.

[29] А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 33, 34.

[30] Б. А. Литвинский полагает, что именно «через гуннов в III—II вв. до н. э. юэчжам, а затем усуням и другим среднеазиатским народам стал известен сибирский лук с костяными накладками». Б. А. Литвинский. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. СА, 1966, 4, стр. 68.

[31] А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 37, 38.

[32] Там же, стр. 41; ношение подобного лука вместе с колчаном на правом боку необходимо связывать, по нашему мнению, с увеличением длины стрел, которые удобнее вынимать из колчана за наконечник.

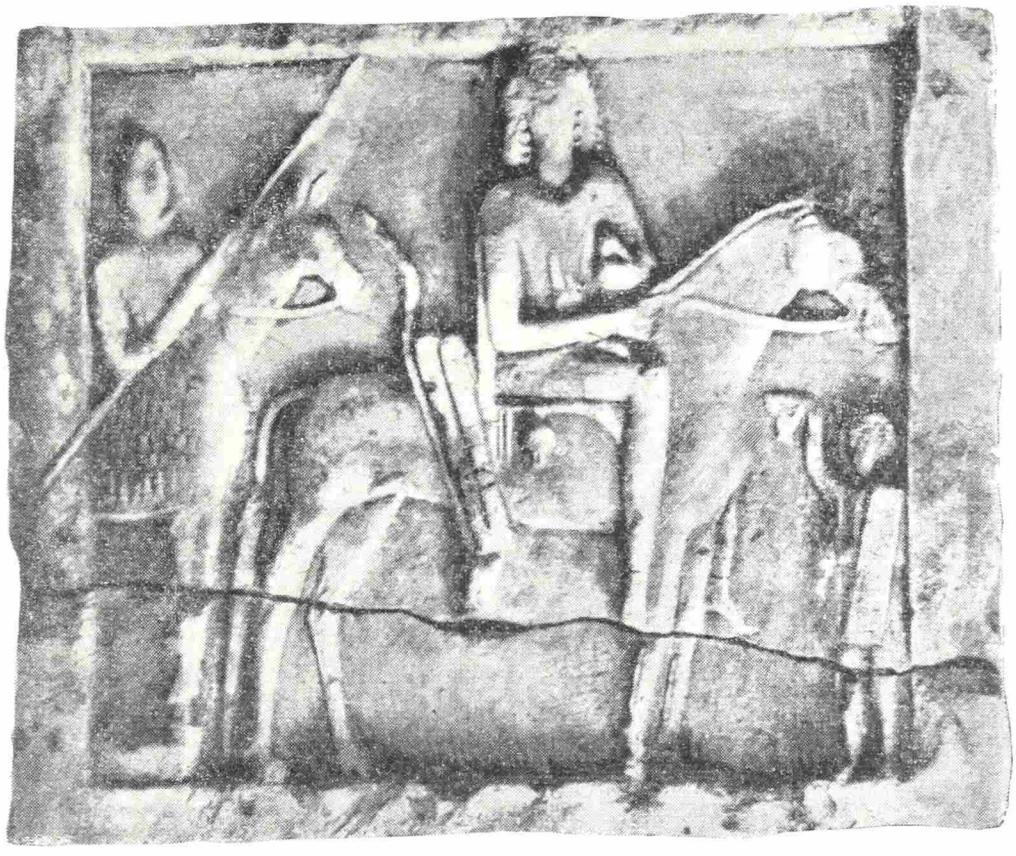


Рис. 3. Нижнее рельефное поле стелы Афения

постамент [33]. Корпус лошади, на которой сидит всадник, покрыт панцирной попоной с крупными продолговатыми четырехугольными пластинками, расположенными в пять рядов друг над другом (рис. 3). Видеть здесь длинный пластинчатый доспех, который «прикрывает правое бедро катафрактария и часть его ноги ниже колена» [34], при всем желании очень трудно. Пластинчатая катафракта явно принадлежит не всаднику, а его лошади. При этом, чтобы акцентировать внимание зрителя на этой важной детали комплекса вооружения катафрактария, скульптор не показывает ног всадника, подобно тому как на стеле Юлия Патия, сына Деметрия (рис. 4) [35], мастер также не изображает ног всадника, поместив согласно композиции на переднем плане заводную (вторую) оседланную лошадь, зафиксировав тем самым распространение среди боспоритов сарматского обычая менять сопутных коней [36].

На наш взгляд, на стеле Афения изображен конь, покрытый не сковывающей движения пластинчатой попоной — катафрактой, сделанной, по-видимому, из кожи или металла [37]. Такой конь предназначался для

[33] Видимо, здесь была изображена статуя героизированного предка.

[34] КБН, стр. 232.

[35] К — W, № 575, tabl. XLI. По всей вероятности, стела Юлия Патия вышла из одной и той же мастерской, что и стела Афения. Так как стела Афения не сохранилась, трудно сказать что-либо о фактуре материала, из которого она сделана, хотя некоторые косвенные данные (мелкие детали, высокий рельеф, тонкая моделировка, анфемий) указывают на то, что стела Афения была сделана из мягкого мелкозернистого мраморовидного известняка, как и стела Юлия Патия, хранящаяся в ГИМе. В пользу нашего предположения говорят размеры стел (ширина и толщина стелы Афения — 0,82 и 0,24 *м*, Юлия Патия соответственно 0,83 и 0,23 *м*; это свидетельствует, что для изготовления надгробий применялись одинаковые известняковые заготовки), стиль рельефного изображения всадника, палеографические особенности и уже отмеченный общий композиционный прием.

[36] Amm. Marcellin, XVII, 12, 3.

[37] Тацит, описывая разгром роксоланских катафрактариев в римской провинции Мезии, отмечает, что сарматские панцири изготовлялись «из железных пластин или очень твердой кожи» (Tacit. Hist., I, 72). Вполне естественно предположить, что аналогичным образом изготовлялись боспорские катафракты.

Рис. 4. Стела Юлия Патия, сына Деметрия

тяжеловооруженного всадника. На всаднике заметна сильно стилизованная панцирная рубашка, доходящая до локтей и плотно прикрывающая горло (панцирный ворот) [38], на голове — шлем конической формы. Корпус всадника развернут, в руках он держит длинное копье, нижний конец которого выходит за край рельефного поля стелы. Следовательно здесь изображен тяжеловооруженный всадник-катафрактарий [39].

Лапидарный [40] и нумизматический [41] материал, а также роспись стен некоторых боспорских склепов [42], где были, по-видимому, погребены катафрактарии, позволяет констатировать увеличение роли тяжеловооруженной конницы в войске Боспора римского времени. Но при этом необходимо отметить: ни на одном из памятников изобразительного искусства Боспора сарматского периода нет панцирного покрытия лошади — важного аксессуара вооружения катафрактария [43]. Возникает вполне естественный вопрос: имело ли вообще распространение подобное конское защитное вооружение на Боспоре? И этот вопрос разрешает стела Афения, на которой изображено

[38] Эта деталь защитного вооружения тяжеловооруженного воина хорошо прослеживается на халчаянской скульптуре. См.: Г. А. Пугаченкова. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. ВДИ, 1966, 2, стр. 40, рис. 11.

[39] Под катафрактариями, мы, вслед за Е. Сальо и В. Тарном, понимаем снабженных панцирями всадников (E. Saglio. Catathraktarii, DAGR, II, стр. 966—967), строй которых впервые, очевидно, возник у кочевых или полукочевых народов Средней Азии (W. W. Tarn. The Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge, 1933, p. 72) как реакция на тяжелую линейную конницу и пехоту эллинистических государств, а позднее Рима. Основным оружием катафрактария вместе с длинным рубящим мечом была пика. Применение конской катафракты, исходя из особенностей боевого построения, не обязательно (ср. Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 30, 31).

[40] Тяжеловооруженных всадников можно видеть на ряде других надгробий (К — W, № 594, 618, 619, tabl. XLIII и др.), и особенно на стеле Юлия Патия (рис. 4), где представлен катафрактарий в безрукавном доспехе с панцирным воротом и в коническом шлеме, а также на уже ставшем для Боспора классическим изображении катафрактария — на рельефе Трифона, сына Андромеда (Т. Н. Книпович. Танаис., М— Л., 1949, стр. 87, рис. 41).

[41] Боспорские цари (Савромат I, Савромат II, Котис II и др.) часто изображены на монетах в виде тяжеловооруженных всадников. М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, табл. IV, *4, 6, 7, 9.*

[42] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1916, табл. LXXIV, LXIV, рис. 1; табл. LXXXVIII, рис. 2 и др.

[43] Археологически панцирное покрытие лошадей боспорских катафрактариев пока не зафиксировано, что, вероятно, объясняется погребальным обрядом боспорцев, хотя оно обнаружено на пограничной с Боспором варварской территории, например в сарматском погр. у ст. Ярославской (ОАК, 1896, стр. 57), в кургане у ст. Елизаветинской (П. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. «Пропилеи», IV, М., 1854, стр. 516). Конская кольчуга найдена Н. В. Анфимовым в погр. 13 Краснодарского могильника в виде «сплошной, спекшейся массы около костяка лошади». Н. В. Анфимов. Меотский могильник на окраине Краснодара. Сб.: «Наш край». Краснодар, 1964, стр. 164.

панцирное покрытие лошади всадника. Такие всадники составляли, видимо, основную ударную силу боевого строя боспорских катафрактариев I в. [44]

В этой связи особый интерес представляет сцена битвы двух конных отрядов, изображенная на правой части стены склепа, открытого А. Ашиком в 1841 г. [45] Отмечая, что общая композиция боя зарисована художником Стефанским правильно, М. И. Ростовцев все же указал, что «несомненной фальсификацией является женская посадка и доходящий до конца ног панцирь-кафтан двух сражающихся рыцарей», а причиной такого искажения, по его мнению, явилось «обычное изображение у сидящих на лошадях всадников левой ноги, выдвинутой вперед, а правой — по ту сторону лошади, отброшенной несколько назад» [46]. Но такое объяснение не дает ответа на вопрос: почему художник из всей группы всадников изобразил неправильно только двоих? Несмотря на некоторые неточности, мы не можем не доверять рисунку Стефанского в его основе. Необходимо обратить внимание на следующие детали: во-первых, оба всадника, сидящие «по-женски», держат копья двумя руками и атакуют противника на сарматский манер, повернув корпус влево [47], а противники держат копья наперевес в правой руке; во-вторых, у упомянутых двух всадников панцирь доходит до локтей и состоит из длинных, продолговатых, четырехугольных пластин [48], в отличие от других тяжеловооруженных всадников, имеющих чешуйчатые катафракты; у всадников левой группы (противники боспорцев?) чешуйчатые панцири видны под кафтанами. И, наконец, в-третьих, длинные пластинчатые панцири всадников, сидящих «по-женски», касаясь их щиколоток, в то же время доходят до брюха боевых коней. Конечно, эти отмеченные детали сами по себе еще недостаточны для решительных утверждений, но сопоставление их с элементами вооружения катафрактария на стеле Афения делает весьма вероятным предположение, что здесь были изображены всадники-катафрактарии, лошади которых имели панцирный пластинчатый доспех [49]. Несомненно, что подобный конь, покрытый панцирной защитой и несущий на себе бронированного всадника, должен обладать целым рядом физических данных: прежде всего силой и выносливостью и вместе с тем крупным ростом и быстротой. Этим требованиям в то время соответствовала лошадь среднеазиатской породы, которая в древности пользовалась широкой известностью, очень высоко ценилась и, естественно, могла принадлежать только местной (в частности, северопричерноморской) аристократии — основному ядру катафрактариев [50].

Остеологический материал с территории Северного Причерноморья свидетельствует, что отдельные представители этой породы лошадей здесь

---

[44] Ю. М. Десятчиков. Появление катафрактариев на Боспоре. Сб. докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1968, стр. 44—51.

[45] М. И. Ростовцев. Ук. соч., табл. XXXII, рис. 2.

[46] Там же, стр. 352.

[47] Такая посадка способствовала более устойчивому положению всадника в седле во время его столкновения с противником. В. Д. Блаватский. О посадке боспорской конницы. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 96.

[48] Ср. с изображением пластинчатой конской брони на стеле Афения (рис. 3).

[49] В свете изложенного вряд ли можно согласиться с утверждением, что «особенно близки к хорезмийским катафрактариям панцирные всадники из склепа А. Ашика, броня которых доходит так же, как у нас, до щиколоток» (С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 219).

[50] Средняя Азия еще с древности славилась своим коневодством и высокопородными конями (В. О. Витт. Лошадь древнего Востока. Сб.: «Лошадиные породы Средней Азии». М., 1937, стр. 15—22). Из китайских летописей, например, известно, что «сыны неба» дважды послали своих послов в Фергану (Давань) и вели с ней войны ради приобретения ее «великолепных, небесных, потокровных коней», которые наиболее соответствовали новому типу тяжелой китайской кавалерии; И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. II, М.— Л., 1950, стр. 162—166.

были [51]. По мнению гиппологов, крупный и рослый конь среднеазиатской породы представлен на росписи склепа № 9, открытого в Неаполе Скифском [52]. Основываясь на этом, можно предположить, что кони среднеазиатского происхождения были распространены на Боспоре. Рассматривая внимательно изображения коней на стеле Афения и особенно на стеле Юлия Патия [53] и сопоставляя их с другими аналогичными изображениями на надгробиях [54], нетрудно заметить, что эти лошади по своим верховым качествам и экстерьеру заметно выделяются из массы боспорских лошадей. Они высокого роста, имеют небольшую породистую голову, изящно изогнутую тонкую шею, удлиненное поджарое туловище с прямыми ногами, круп у них мало скошен и образует со спиной почти прямую линию. Другими словами, эти лошади имеют склад, типичный для среднеазиатской породы коня, прямым потомком которого являются лошади современной ахалтекинской породы [55]. Таким образом, анализ изображения коней на стелах Афения и Юлия Патия приводит нас к выводу, что здесь представлены лошади среднеазиатской породы. Представителей этой породы можно, на наш взгляд, видеть и на других памятниках боспорского изобразительного искусства. Так, в живописи склепа Анфистерия [56] представлены два всадника (один из них с заводными конями), сидящие на высоких, поджарых лошадях ахалтекинского типа. На крупных и статных конях восседают боспорские цари Савромат I, Котис II и Рескупорид II, изображенные на монетах [57].

Возникает вопрос: каким путем попадали в Северное Причерноморье эти высокопородные и быстроаллюрные лошади? Вероятнее всего, они появились здесь вместе с сарматскими племенами, которые в первые века новой эры контролировали торговый путь в Среднюю Азию, а иногда даже совершали дерзкие набеги в Мидию — одну из основных областей разведения лошадей этой породы [58].

Рослые боевые кони, имеющие массивные седла [59], несомненно рассчитаны на тяжеловооруженного всадника и неразрывно связаны со всем комплексом вооружения катафрактария. На связь новой породы боевого коня с вооружением катафрактария и одновременно с сарматами определенно указывает и боспорская ономастика. Так, имя боспорского царя

---

[51] В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, стр. 89.

[52] В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, 53, 1960, стр. 46, рис. 12; М. И. Белоногов. Ахалтекинская порода лошадей, ее морфологические особенности и пути улучшения. Автореф. докт. дис. М., 1957, стр. 6.

[53] K — W, № 575, tabl. XL.

[54] Стелы дают представление о внешнем виде основной массы лошадей Боспора. Изображения лошадей на стелах представляют специальный интерес и заслуживают особого исследования. Попутно можно отметить весьма любопытный обычай, зафиксированный на стеле Юлия Патия: у жеребцов (меринов?) в отличие от кобыл подстригались гривы и перевязывались у репицы хвосты — очевидно, древние суеверия, основанные на том, что достаточно остричь гриву, чтобы лишить лошадь половой потенции (Plin. Nat. Hist., VIII, 164). Причем можно видеть, что всадник сидит на кобыле. Все это подтверждает сообщение Плиния (Nat. Hist., VIII, 165), что «скифы во время войн предпочтительно употребляют для верховой езды кобылиц», и Страбона (VII, 4, 8), отметившего у скифов и сарматов «обычай выхолащивать своих лошадей, чтобы делать их более смирными». Кроме того, кастрация лошадей в раннем возрасте помимо удобства управления благотворно влияет на их экстерьер (В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952, стр. 183).

[55] Там же, стр. 32.

[56] М. И. Ростовцев. Ук. соч., табл. LI, рис. 6.

[57] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLIII, *9, 11*; табл. XLVII, *13*; табл. XLII, *14*.

[58] Strab., XI, *5, 8*; XI, *13, 7*.

[59] Седла хорошо видны на ряде боспорских надгробий, например на передней лошади, представленной на стеле Юлия Патия (рис. 4). У седла приподнята передняя и задняя лука. Это противоречит мнению Г. А. Пугаченковой о том, что западный античный мир седла не знал (Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 209).

Аспург (Ἀσπούργος) переводится как «мощноконный»; Аспандан (Ἀσπανδανος) — «стальноконный» [60].

Таким образом, изучение надгробия Афения дает нам новые данные для понимания ряда сторон истории культуры Боспора I в. н. э. и прежде всего военного дела. Сопоставление этого памятника с другими источниками приводит к выводу о больших изменениях в жизни Боспора под влиянием нового сарматского населения и его культуры. В частности, можно констатировать наличие в боспорском войске не только тяжеловооруженных всадников, но и впервые точно указать пример применения панциря для покрытия боевых коней, двух видов луков, а также введения новой породы лошадей. Вместе с тем необходимо отметить тот факт, что катафрактарий на бронированном коне, представленный на стеле Афения, является пока самым ранним из всех известных нам изображений этих конных воинов на памятниках изобразительного искусства древнего мира [61].

Yu. M. Déssiatchikov

UN CATAFRACTÈRE REPRÉSENTÉ SUR LA STÈLE D'AFÉNIOS

Résumé

L'analyse de la pierre tombale d'Afénios, fils de Mena, fournit de nouvelles données pour la compréhension de certains aspects de l'histoire de la culture du Bosphore aux premiers siècles de notre ère et, en premier lieu, de son art militaire. La confrontation de ce monument à d'autres sources historiques permet de conclure que dans la vie du royaume de Bosphore eurent lieu de grands changements dûs à l'affluence d'une nouvelle population sarmate et à sa culture. On peut constates notamment l'apparition dans les troupes du Bosphore non seulement des cavaliers lourdement armés mais aussi citer, pour la premier fois et avec précision, l'exemple de l'emploi des cuirasses pour protéger des chevaux de guerre, des deux types l'arc (celui de Huns et celui de Scythes) ainsi que de l'introduction d'une nouvelle race de chevaux (d'origine de l'Asie Centrale), ce qui était intimenent lié à tout l'ensemble de l'armement des catafractères. La représentation d'un de ces combattants sur la stèle d'Afénios est jusqu'à présent la plus anciennes de toutes celles que l'auteur connaît sur les monuments artistiques de l'Antiquité.

---

[60] В. И. Абаев. Скифский язык. Сб.: «Осетинский язык и фольклор». М.—Л., 1949, стр. 157, 185.

[61] Изображение (сарматских?) катафрактариев на колонне Траяна относится к началу II в. н. э. (H. Weiser. Bilderatlas zur Weltgeschichte. Stuttgart, 1885, tabl. 63, 70). Катафрактарий, представленный на граффити стен Дуро-Европос, датируется II—III вв. н. э. (M. Rostovtzeff. L'art gréco-iranice. «Revue des arts asiatiques», VII, 1931—1932, tabl. XIV). К этому же времени относится изображение катафрактария на наскальном рельефе Танг-и-Сарвак (Aurel Stein. Old Routes of Western Iran. London, 1940, p. 110, Pl. 37).

Ш. МУСТАМИНДИ

МОТИВ ОРЛА В КУШАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Мотив одноглавого или двуглавого орла, в какой-то степени связанного с аркой, изучался всеми учеными, интересующимися проблемой человеческой фигуры, помещенной в колоннадах (архитравных или арочных). Первоначальное появление этого мотива они связывали с саркофагами, найденными в Малой Азии и известными под условным, но теперь уже всеми принятым названием «сидамарские саркофаги» [1].

Мастерские Сидамары начали свою деятельность около середины II в. и просуществовали весь III в., положив начало очень активной школе, которая благодаря широкому распространению своих произведений в значительной степени повлияла на развитие искусства поздней античности не только в Малой Азии, но и в западных областях Римской империи. И действительно, сидамарские саркофаги тесным образом связаны с христианскими саркофагами, украшенными колоннами IV в., вывозимыми из торговых центров Сирии (в основном из Эфеса) в Прованс и Италию или сделанными здесь же, на Западе, мастерами из Малой Азии [2]. Одни считают, что причину появления фигуры «человека между колоннами» следует искать только в барочной архитектуре эллинизма, другие же — в многоплановых фасадах (однако без сильно выступающих пилястров и театральности) по типу дворца Диоклетиана в Сплите [3].

Чем уравновешеннее и стилистически последовательнее этот мотив, тем ближе он к установленным и стереотипным решениям позднеантичного римского искусства, в свою очередь близкого уже средневековому искусству.

Как бы то ни было, на основании сказанного все произведения Гандхары и Ирана, в которых есть мотив человека между колоннами, рассматривались как производные, берущие начало от прототипов Малой Азии, и были отнесены впоследствии к III в. Существует априорное мнение, что саркофаги Сидамары являются самыми древними памятниками, где изображен человек под аркой, а затем на этом основании относят к III в. все аналогичные памятники Гандхары, потому что, очевидно, они не могут быть древнее своих прототипов. Мы же хотим проследить, каким образом на Востоке оказались по крайней мере два памятника, бесспорно относящихся к более раннему периоду или в самом крайнем случае являющихся ровесниками сидамарских саркофагов, в которых мотив сочетания человека с двумя колоннами уже использован и даже есть доказательства

[1] Ch. R. Morey. Early Christian Art. Princeton, 1942, стр. 24; F. Stholman. A Group of Sub-Sidamara Sarcophagi. AJA, XXV, 3, 1921, стр. 223; H. Buchthal. The Common Classical Lources of Buddhist and Christian Narrative Art. JRAS, 1943, p. 3—4, стр. 137—148; B. Rowland. Gandhara and Early Christian Art: the homman Arcade and the Date of Bimaran Reliquary. «The Art Bulletin», XXVIII, 1, 1946, стр. 44—47.

[2] M. Lawrence. Columbar Sarcophagi in the Latin West. «The Art Bulletin», XIV, 2, 1932, стр. 39.

[3] B. Rowland. Gandhara...

того, что он восходит к иной иконографической традиции, нежели саркофаги Малой Азии. Это ступа с двуглавым орлом в Сиркапе и рельеф «Пирея» храма в Сурхе Котале. Маленькая ступа Сиркапа несколько отходит от основных направлений искусства сако-парфян и гандхарского искусства. Сходство с символикой буддийских рельефов в Бхартухе и Санчи или с иконографией, относящей ее к некоторым более поздним произведениям Гандхары, недостаточно, чтобы разгадать смысл рельефов, которые украшают ее квадратное основание.

Действительно, символика трех входов, изолированных друг от друга полуколоннами или пилястрами и с наддверными украшениями в виде орла, может означать, и это вполне допустимо, универсальный аспект образа Будды, но с таким же успехом может означать и три господствующие в Таксиле религии (зороастризм, индуизм, буддизм) или таит в себе и политический смысл, символически изображая народы, над которыми царил орел Кушан, что означает возвращение к джайнизму.

Слой, в котором находится ступа, не позволяет точно определить дату, а следовательно, установить, относится ли этот памятник к эпохе парфян или Кушанского царства. Поэтому, несмотря на то что большинство доказательств подтверждает первое предположение (I в. до н. э.), необходимо принять такую дату, как вторая половина I в. до н. э., что, естественно, оставляет пальму первенства за этим памятником, а не за сидамарскими саркофагами. В Индии один из вариантов изображения фигуры между колоннами бесспорно восходит к прототипу Сиркапа с добавлением изображения Будды, находящегося при символических входах [4].

Таким образом, рождается новая, очень декоративная композиция, хотя и с излишеством символов, так как получается и символическое изображение (вход в храм, олицетворяющий Будду), и антропоморфное (сам Будда). Такая композиция сочетает в себе, четко разграничивая их, известнейшую тему персонажа, заключенного в отдельной нише, и тему чередования фигур в колоннаде. Присутствие монахов и верующих, которые часто заполняют свободные пространства между отдельными пилястрами и центральной нишей, указывает на влияние западного, римского искусства. (Необходимо обратить внимание на фигуры сидамарских саркофагов, помещенные в пространство, перекрытое архитравами, между одной и другой аркой, что вновь возвращает нас на Восток.) Чередование двух видов входа тоже напоминает, с одной стороны, двери ступы в Сиркапе, с другой — вновь наталкивает на мысль о влиянии саркофагов из Малой Азии, в которых чередуются дугообразные арки [5] с арками, имеющими треугольный тимпан.

Другой индийский вариант этого мотива состоит в гармоничном чередовании арок на пилястрах колонн, между которыми находится ряд персонажей, часто обращенных к центральной фигуре.

Он во всех смыслах далек от обычной схемы разработки фасадов с их выступами, эдикулами, экседрами, т. е. от всех элементов, свойственных стилю «фронтальных сцен» на саркофагах.

Самым известным остается реликварий Бимарана, найденный близ Джалал-Абада, изображающий группу (дважды повторяющуюся) из Будды, Брахмы, Индры и еще один персонаж, который трудно определить. Это мог быть донатор, но нимб плохо согласуется с подобной идентификацией, если только здесь не изображен верховный правитель, но и тогда это противоречило бы традициям данного искусства. Арки, разделяющие отдельные фигуры, имеют колонны со спиральными каннелюрами (возможно, под влиянием индийской архитектуры), а между ними стоят орлы во

---

[4] Из многочисленных примеров мы сошлемся на пример ступы в Али-Масджид в Хайберском проходе (B. Rowland. The Art and Architecture of India. Baltimore, 1956, табл. 41, 74, рис. *48—56*; H. Ingholt. Gandharan Art in Pakistan. N. J., 1957, рис. *75—77*.

[5] H. Pierce, R. Tyler. L'art Bizantine. I, Paris, 1932.

фронтальном положении с раскрытыми крыльями. Определить, к какому периоду в хронологии гандхарского искусства относится эта находка, оказалось сложной проблемой, которая до сих пор еще далека от окончательного решения. Ле Мей[6] датировал реликварий концом I и началом II в. на основании трех моментов: 1) монета Азеса II, найденная в нем (внутри); 2) надпись, сделанная на каменной вазе, найденной там, была датирована Коновым на основании шрифта 5—10 гг., а Томасом — 60—70 гг., иначе говоря, I в.; настенная композиция ступы Джалал-Абада скифо-парфянского типа. Роуленд и Бачсел[7] считают, что это более поздняя эпоха (конец II — начало III в.). Действительно: а) монеты имеют ценность лишь как terminus post quem; б) даты надписи еще слишком спорны, чтобы служить доказательством; в) композиция ступы не скифо-парфянского типа, а относится к эпохе Кушан (II в.); г) характер размещения фигур отсылает нас к названным уже датам — к II—III вв.

Бегло коснувшись здесь доводов относительно техники кладки, приведенных обоими учеными на основании лишь фотоснимков, считаем, что предположения Ле Мея бесспорно имеют определенную ценность.

Однако, прежде чем окончательно высказаться за более позднюю дату, следовало бы вновь и вновь изучить данный вопрос с точки зрения стиля и иконографии. Более аргументированно высказался в пользу тезиса Ле Мея Буссальи в 1960 г. Особенно интересны его рассуждения о Бимаране, о ступе Сиркапа и лестнице в Сурхе Котале. Судя по всему, поздняя дата здесь не исключена. Связь между пилястрами всех трех памятников, в частности вертикальных архитравов в виде полумесяца, была глубоко изучена Шлюмберже[8]. Во всяком случае, бимаранской находке предшествуют различного рода рельефы так называемого греко-буддийского искусства, в большом количестве найденные в Каписе и Паромисадах и относящиеся по некоторым признакам к периоду между III и IV вв. Вероятно, они существовали длительное время, с одной стороны, относясь ко II в., а с другой — существуя вплоть до IV в. Самым древним, очевидно, должен быть фрагмент 78, найденный в ступе Дхармараджика вместе с фрагментом 28, тоже очень интересным. Более поздние найдены в Таксиле. В Афганистане среди множества примеров отметим ступу 56 Баг-Гей (Хадда) и некоторые росписи в гротах Бамиана[9].

Христианские саркофаги IV в., дающие мотив человека, помещенного между арками, в действительности относятся к более позднему периоду, чем основное ядро индийских памятников, о которых мы говорили выше. Поэтому неоднократные попытки установить существование различных связей, в особенности в направлении Запад — Восток, ни к чему не приводят, хотя при этом развиваются очень интересные аналогии общего плана.

Можем ли мы на этом основании предположить, что иконографически искусство Индии развивалось самостоятельно и претерпело лишь косвенное влияние искусства восточных областей Римской империи? Действительно, первый вариант этого сюжета (человеческая фигура — ниша как часть аркообразной колоннады) восходит, как мы уже видели, к парфянскому прототипу ступы в Сиркапе, и второй вариант, будучи распространенным главным образом в западных областях, тоже, возможно, имеет какое-то отношение к искусству Ирана. Кроме того, постоянное присут-

---

[6] R. Le May. The Bimaran Cashet. «The Burlington Magazine», 82, 482, 1943, стр. 116—123.

[7] R. Rowland. A Revised Chronology of Gandhara Sculpture. «The Art Bulletin», XVIII, 1963, стр. 392 сл.; H. Buchthal. The Haushton Collection of Gandhara Sculpture. «The Burlington Magazine», 86, 504, 1945, стр. 66—73.

[8] D. Shlumberger. Descendants non-méditerrané-ns de l'art grec, 37, часть 1—2, 1960, стр. 131.

[9] A. Godard, J. Hackin. Les antiquités Bouddhiques de Bamiyan. M.D.A.F.A., II, Paris, 1929; см. также: H. Ingholt. Gandharan art..., рис. 521.

ствие фигуры орла, совершенно несвойственной индийской иконографии и, наоборот, очень широко используемой в иранской, побуждает перенести поле наших исследований еще ближе к Ирану.

Несколько слов о сюжете орла. Тема орла в эпоху империй приобретает богатые и разносторонние значения, обязанные иконографическим и мифологическим традициям семитов, индоевропейцев, жителей Средиземноморья и т. д. Кюмон[10] в подробном и тщательном исследовании высказал предположение, что тема величественного орла берет начало от слияния традиции Вавилона (о восхождении на небо героя Этаны) как с египетским мифом о фениксе, который должен относить на небо душу усопшего фараона, так и с традицией многих первобытных народов Средиземноморья, согласно которой душа мертвых вылетала из трупа в виде хищной птицы. Этот символ орла обогащается вследствие параллельного развития традиций хеттов о различных солярных значениях, которые затем воплотятся в теории о потусторонней жизни и звездах халдейских священников-астрологов [11].

Таким образом, на рубеже нашей эры образ орла в районах Средней Азии и Средиземного моря был очень распространен и воплощал в себе три символа: солнце, империю и погребение. Однако значение иранско-аршакидского орла, кажется, отошло от этого крупного направления в иконографии (с которой более или менее удачно соединился орел Римской империи) и обращается к несколько иной традиции.

Мифологическое значение, которое объясняет причину популярности этого изображения, связано с мифом шаманов. Рассказывают даже легенды, живущие до сих пор у народов Сибири (самоедов, якутов и т. д.), что будто бы добрые духи с неба послали царя орлов (двуглавого орла) на землю, чтобы он помог людям. Орел спустился на землю и соединился с женщиной, спящей под деревом (под деревом жизни, жилища орлов, согласно другой версии). В результате этого союза родился первый шаман. Связь между шаманом и орлом выражается еще в украшенном перьями поясе, который шаман надевает как украшение во время священных обрядов. Доспехи воина — аналогичного происхождения. Под началом орла рождается духовная часть человека и орел — птица солнца [12].

Рельеф с изображением орла в Сурхе Котале подтверждает наше мнение о том, что в эпоху, предшествующую периоду расцвета Спдамары или по крайней мере современную ему, во внешнем Иране уже знали и давно использовали тот тип фигуры под аркой, который впоследствии очень быстро войдет в искусство Гандхары. Кроме того, подтверждается существование связи, правда еще нуждающейся в уточнении, но которая становится все более очевидной, связи между темой орла и фигурой между колоннами.

Существование в Сурхе Котале одного незаконченного рельефа, который изображает человеческую фигуру в одежде кочевника, стоящую около низкой колонны с широкой капителью (а на них две птицы), вызывает в памяти монеты Кушан с изображением царя, стоящего около маленького алтаря-колонны, увенчанного орлом с распахнутыми крыльями. Эти два свидетельства наталкивают, может быть косвенно, на мысль, что орлы между арками имели, очевидно, не декоративное назначение, а какой-то священный смысл. Возвращаясь к рельефу с двумя орлами, заметим, что обе птицы отделены друг от друга низкой колонной, в то время как по внешним сторонам размещены пилястры одной высоты с колонной. На наш взгляд, этот элемент бесспорно доказывает существование двух арок, возможно разностилевых, но очень высоких. В той же манере вы-

---

[10] F. Cumont. L'aigle funéraire. Paris, 1917.

[11] J. Garstang. The Land of the Hittites. London, 1910, табл. 65, стр. 214.

[12] По этому вопросу см.: А. А. Спицын. Материалы по археологии России, Т. 27 (Сибирские древности, 2). СПб., 1902, рис. 19—20.

полнен рисунок, украшающий фрагментированный пифос из Ашура [13], изображающий пьедестал из пяти аркад с деревьями, которые подпирают бюст какого-то лунного божества, изображенного строго фронтально. Если этот пифос и не относится к Сасанидской эпохе, как многие полагают, то относится ко второму парфянскому периоду и поэтому, возможно, является более поздним, чем сидамарские саркофаги.

Однако использование именно этого сюжета — изображение божества на аркадах из деревьев (что, вероятно, имеет символическое значение) — и особенно сам культовый характер этого ансамбля были бы, вероятно, достаточны даже и без Сурха Коталя, чтобы предположить, что на пифосе из Ашура воплощены традиционные (теперь уже утерянные) элементы религиозной прано-месопотамской иконографии, которые не имеют почти ничего общего с произведениями скульпторов из Малой Азии.

Приведенных здесь фактов достаточно, чтобы выдвинуть гипотезу о том, что мотив воспроизведения человеческой фигуры в колоннаде является оригинальным не только в искусстве Сидамары, но и в искусстве Восточного Ирана и его распространение как на Западе, так и на Востоке связано с мощным в политическом и культурном отношении царством Кушан, унаследовавшим его в свою очередь из бактрийского искусства.

Вернемся к иранскому оригиналу. Он может вести начало от храма или алтаря огня. К такому выводу мы пришли на основании следующих данных:

а) существование в Восточном Иране и Месопотамии зороастрийских алтарей и часовен в виде глухих (слепых) арок вполне могло натолкнуть на мысль поместить внутри какую-нибудь фигуру;

б) характер и значение колоннад на боковых сторонах астоданов из Трансоксианы;

в) наличие сасанидской вазы, хранящейся в Британском музее [14], на которой изображен ритуальный танец под арками храма огня (следует заметить, как похожи фантастические колонны на колонны астодана из Бия-Наймана). Вообще смысловое значение колоннады с фигурами является неотъемлемой частью того культурного горизонта, в котором сформировался и собственно парфянский стиль в искусстве.

Стремление как-то подчеркнуть изображение фигур нишей либо рамкой [15] сочетается также со стремлением к ритмическому чередованию фигур, образуя, таким образом, одно из самых замечательных созданий иранской культуры, продолженное затем Сасанидами [16], арабами [17] и распространенное в период европейского средневековья сначала через сидамарские, а потом сирийско-христианские саркофаги.

Смешанность стилей в сидамарских саркофагах объясняется тем, что в изображениях сочетается реальное с иллюзорным, причем без растворения одного в другом, что приобретает бóльшую ценность, чем чисто абстрактные памятники Ирана.

Только когда Запад со своей христианской мистикой приблизится к духовным традициям Востока, сюжет человека под аркой вновь приобретет стилистическую связность, которую доклассические скульпторы Малой Азии не сумели и не смогли понять [18].

[13] W. Andrae, H. Lenzen. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933.

[14] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XLVIII, № 82.

[15] Например, стела из храма с тройным айваном в Ашуре; рельеф на захоронении Орода; колонны храма Бела в Пальмире; изображение Зороастра в Митреуме и роспись с изображением священного орла в храме Афлада в Дуре и т. д.

[16] Я. И. Смирнов. Ук. соч. (сасанидские фрески из Дхтар-и-Ноширван) см.: A. Godard, J. Hackin. Les antiquités Bouddhiques..., стр. 67, рис. 25—26.

[17] В данном случае мы ссылаемся на плиту, найденную в Йемене, к сожалению, не сохранившуюся целиком. A. M. Honeyman. The Hombrechtikon plaque. Iraq. XVI. p. 1, 1954, стр. 23—28; F. Pirenne. Le rinceaux dans l'évolution de l'art sur arbre. «Syria», 34, часть 1—2, 1957, стр. 213.

[18] M. Lawrence. Columbas Sarcophagi..., стр. 83. Следует отметить, что с христианскими саркофагами с колоннами стала применяться не сюжетная роспись, а аб-

Выводы, к которым мы пришли, помогут понять хотя бы некоторые произведения с элементами иранской культуры — например, трансоксанские астоданы. Эти оссуарии были найдены в Согдиане (Самарканде, Бия-Наймане, Аламедине, Фрунзе, Покровке, Ташкенте) и Хорезме. Они свидетельствуют о распространении бактрийского зороастризма в северных областях [19].

Вполне возможно (однако дата вызывает большое сомнение), что самый нижний слой относится к эпохе Сасанидов (IV—VI вв.), хотя там были найдены предметы позднего парфянского периода и последних лет государства Кушан. Эти оссуарии воспроизводят архитектурные постройки, возможно религиозного характера, а на севере приобретают форму шатра, который венчает человеческая голова. В окрестностях Самарканда, наоборот, превалирует прямоугольный тип оссуария с плоской крышей и четырьмя водостоками, которые очень часто символизировали иранский храм огня. Здесь как раз и наблюдаются примеры использования арок как украшений в погребальных сооружениях. Первым таким примером является прекрасный саркофаг из Самарканда, хранящийся сейчас в Москве. Он представляет собой аркообразную полуоткрытую дверь среди совершенно одинаковых круглых арок на полуколоннах. В арках изображены головы духов-стражей, выполненных в виде рельефов и прикрепленных посредине точно так же, как в Хатре и на башне Пайкули [20].

Остальные оссуарии найдены в Бия-Наймане, вблизи Катта-кургана, где, вероятно, находилась древняя столица Кушанского царства. Это памятники наиболее богатые и наилучшим образом выполненные: вдоль каждой стороны сделано по четыре арки, в которых чередуются мужские и женские фигуры. Капители носят несколько фантастический характер, а пространства между арками витиевато расписаны вместо стилизованных изображений орлов, как мы это видели в Бимаране. Господствующий стиль восходит к оригинальному согдийскому варианту искусства Сасанидов. Речь идет о школе, очень восприимчивой к искусству Кушан и Гандхары, которая во многом повлияла на распространение бактрийского искусства в китайской части Туркестана.

Таким образом, самым древним из имеющихся памятников является двуглавый орел сиркапской ступы и рельеф в Сурхе Котале (Пирей). Все памятники можно отнести к эпохе расцвета Кушанского царства. Как мы убедились, орел, как птица сильная и редкая, олицетворял в эпоху Кушанского царства мощь и владычество. Даже в греко-буддийском искусстве мы в различных видах встречаем фигуру орла.

Ch. Moustamindy

LE MOTIF D'AIGLE DANS L'ART KOUCHAN

Résumé

L'article traite du problème concernant l'apparition dans l'art kouchan du thème de l'aigle à une ou à deux têtes lié à un arc. L'auteur s'incline à croire que la représentation d'un aigle à deux têtes sur le stoupâ de Sirkap et le relief à Surkh Kotal sont les témoignages les plus anciens de la naissance du motif en question. C'est pour ces raisons qu'il est d'avis que le motif ne peut pas être considéré comme issue de l'art de l'Asie. Mineure romaine mais qu'il remonte à une autre tradition icônographique.

страктная. Это показывает, с какой силой сюжет человека под аркой пытался вновь обрести свое значение.

[19] H. Field, E. Prostov. Archaelogical Investigatins in Central Asia, 1917—1937. «Ars Islamica», 5, p. 2, 1938, стр. 233—271; М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 83—158; A. Strelkoff. Iran and the Pre-islamic Art of West Turkestan. SPA, I, 1938, стр. 449—458; B. Rowland. Gandhara and Early Christian..., стр. 44—47.

[20] E. Herzfeld. Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of Sasanian Empire, I—II, Berlin, 1924.

Э. А. РИКМАН

ВОПРОС ДАТИРОВКИ ИМПОРТНЫХ ВЕЩЕЙ В ПАМЯТНИКАХ ПЛЕМЕН ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

1. Импортные изделия

Во II—IV вв. племена Днестровско-Прутского междуречья торговали с населением провинций Римской империи и античных городов Западного Причерноморья. Довольно отчетливо видна в этих связях роль Дакии и Нижней Мезии [1] в качестве поставщиков и посредников. Связи между варварской периферией и позднеантичными городами, в частности Тирой [2], облегчались тем, что часть горожан состояла из «варваров», гето-даков и сарматов. Между «скифами» и римлянами существовали «...правильно организованные торговые сношения...»,— писал историк Зосим, обращаясь к событиям середины III в. [3]. Роль связей с упомянутыми римскими провинциями должна была усилиться после разгрома готским племенным союзом в 30-х годах III в. ряда причерноморских городов.

Важную роль торговли с позднеантичными центрами для вестготов обоснованно подчеркнул Р. Вулпе, опираясь на рассказ Аммиана Марцеллина, что Атанарих, вождь тервингов, домогался мира с римлянами после войны 367—368 гг. главным образом потому, что военные действия расстроили хозяйство готов, нарушили их нормальную торговлю с римскими провинциями. «...Запрет всяких торговых сношений угнетал варваров крайним недостатком в самом необходимом»,— писал Аммиан Марцеллин. Р. Вулпе полагал, что из римских провинций в гето-сарматские земли, завоеванные готами, поступали не только изделия ремесленников, но и продукты сельского хозяйства [4]. В анализированном Р. Вулпе известии Аммиана Марцеллина речь идет главным образом о племенах Подунавья, но примерно то же относится к роли торговли для племен Поднестровья, где обитали вестготы и покоренные ими племена.

Об устойчивости систематичности торговли свидетельствует наличие в готском языке в IV в. понятий «стоимость», «прибыль», «рынок» и заимствование из латыни слова для обозначения «вести торговлю» [5].

---

[1] В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, стр. 105.

[2] В. Юргевич. Открытая в 1881 г. в с. Чобручи греческая надпись г. Тиры. ЗООИД, XIII, 1883, стр. 16; А. І. Фурманська. Археологічні пам'ятки Тіри перших століть н. е. «Археологія», X, 1957, стр. 93.

[3] Зосим. Книга I, 28 (2). ВДИ, 1948, 4, стр. 707.

[4] Materiale arheologice privind istoria veche a R.P.R., I, 1953, стр. 503, 504; Аммиан Марцеллин, XXVII, 5, 7.

[5] А. Р. Корсунский. О социальном строе вестготов в IV в. ВДИ, 1965, 3, стр. 58.

Полагают, однако, что торговля вестготов — тем более это относится к подчиненным племенам — носила ограниченный характер: «Объектами торговли были главным образом рабы и предметы роскоши; охвачен торговлей был преимущественно высший слой готского общества» [6].

Ниже будет показано, что это мнение, не опирающееся на письменные источники, не подкрепляется и археологическими данными.

Это в первую очередь относится к торговле вином и оливковым маслом, привозившимися в узкогорлых амфорах, судя по находкам которых черняховцы пользовались упомянутыми продуктами питания. Продукты хранили в широкогорлых амфорах. Упомянутые амфоры, судя по форме, минералогическому составу и структуре теста [7], выполнены в античных центрах.

Амфоры, целые или в обломках, найдены на всех обследованных или раскопанных поселениях, во всех исследованных жилищах. В погребения амфоры, как правило, не помещали. Они найдены только в двух могилах. Среди керамики на раскопанных объектах обломки амфор обычно составляют 1—1,5%, достигая иногда 9 и даже 14%. Особенно значителен этот процент на южных поселениях (к югу от Комрата). Так, на поселении Кокоры III доля амфорных обломков [8] составляет 31,7%.

Еще южнее в низовьях Днестра и Дуная разведками обследовано свыше 60 памятников, предварительно относимых к черняховской культуре, на

Таблица 1

Соотношение форм и размеров амфор Днестровско-Прутского междуречья

№ п/п	Место находки	Тулово: цвет	Тулово: высота	Тулово: ширина в плечах	Тулово: канне-лир. поверхн.	Тулово: клейма, знаки краской	Горло: венчика, Д	Горло: высота	Горло: наименьший Д	Ручка: ширина	Ручка: простой валик	Ручка: с надрезом	Днище: высота	Днище: Д	Группа	Дата
1	Балцаты	Желто-оранж.	62	22,5	+	Краской	8	24	5,0	4,0	—	+	2,0	4,5	I	II в.
2	Первомайск	То же	64	23,5	+	»	8	22	5,0	4,0	—	+	2,2	4		
3	Олонешты	Красная	43,4	21,5	+	Краской	5,1	1,4	4,7	3,0	+	—	1,5	3,5	II	III в.
4	Парканы	Белая	45,4	20,0	+	Клеймо	6,6	1,6	4,8	4,0	+	—	1,6	3,6		
5	Делакеу	Красная	88,5	42,0	—	Краской	10,5	12,0	12,0	4,7	+	—	2,0	—	III	IV в.
6	Комрат	То же	63,0	Деформ.	—	—	12,0	11,5	9,5	3,7	+	—	3,8	—		
7	Собарь	Желтый	62,0	31,0	+	—	12,0	10,0	10,5	2,8	—	—	5,0	—		
8	Фрунзовка	Желто-красный	42	32	Полосы	—	—	5,5	8,0	2,5	—	—	4,5	3,5		
9	Кокоры III	То же	50,0	18,0	+	—	4,0	7,0	3,6	—	—	—	6,0	3,0	IV	IV в.
10	Комрат	»	41,0	14,5	+	—	7,0	9,0	5,0	2,3	+	—	3,0	—		
11	Малаешты	»	36,0	15,0	—	—	8,6	12,0	5,5	2,2	+	—	—	—		
12	Елизоветовка	»	—	12,0	+	—	—	—	—	2,0	—	—	—	1,8		

[6] Там же.

[7] О. Ю. Круг, Э. Бажанов. Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. СА, 1967, 1, стр. 59.

[8] В. Л. Лапушнян. Отчет об охранных археологических раскопках поселения Кокоры III в 1969 г., стр. 5, архив АН МолдССР.

Таблица 2

Основные группы амфор и фрагменты краснолаковых сосудов на памятниках Днестровско-Прутского междуречья

Памятники	Группы амфор						
	с широким цилиндрическим днищем	Балцаты I	Олонешты II	Делакеу III	Малаешты IV	с частым рифлением	фрагменты краснолаковых сосудов
Балабанешты	—	+	+	—	—	—	—
Балцаты	—	+	—	—	—	—	+
Брынзены	+	—	+	—	—	—	—
Будешты	+	+	+	+	+	+	+
Выратик	—	—	—	—	—	+	—
Гидигич	—	+	+	—	—	—	—
Готешты	—	+	—	—	—	—	—
Делакеу	—	+	+	+	—	+	+
Дубна	—	—	—	—	—	+	—
Елизаветовка	—	—	—	—	+	—	—
Загайканы	—	+	+	+	—	+	+
Заим I	—	+	+	+	—	—	+
Заим II	—	—	+	—	—	—	—
Заим I могильник	—	+	+	—	—	—	—
Камышевка I	—	+	+	—	—	—	—
Карбуна IV	—	+	—	—	—	—	+
Карбуна V	—	—	—	+	—	—	—
Карбуна IX	—	—	+	+	—	—	—
Каушаны	—	—	+	—	—	—	—
Каушаны III	—	—	+	—	—	—	—
Кобуска Векь	—	+	—	—	—	—	—
Кобуска Векь Чумата	—	—	+	—	—	—	—
Кокоры III	+	+	+	+	—	+	—
Комрат	+	+	+	+	+	—	+
Корпач	—	+	—	—	—	—	—
Костешты	—	+	—	—	—	—	—
Кошница	—	—	+	+	—	—	+
Красная коса	—	+	—	—	—	—	—
Красногорка	—	+	—	—	—	—	—
Крыково III	—	—	—	—	—	+	—
Купчино	—	—	+	—	—	—	—
Курешница II	—	+	—	+	—	—	—
Липник	—	+	—	+	—	—	—
Липовены	+	+	—	—	—	—	—
Лукашевка	—	—	—	—	—	+	—
Малаешты	—	—	—	—	+	—	—
Малая Малина (Кишинев)	+	+	—	—	—	—	—
Манойлешты	—	—	+	—	—	—	—
Олонешты	—	—	+	—	—	—	—
Орловка	—	+	—	—	+	—	—
Паланка	—	+	—	+	—	—	—
Парканы	—	—	+	—	—	—	—
Первомайск	—	+	—	—	—	—	—
Перерыта пе шес	—	—	+	—	—	—	—
Петриканы	—	—	—	—	—	—	—
Петросы	—	—	—	—	+	—	—
Пражила	—	+	—	—	—	—	—
Скуляны	—	+	—	—	—	—	—
Слободзея Воронково	—	—	+	+	—	—	—
Собарь	—	+	+	+	—	+	+
Солончены	—	—	—	+	—	—	—
Тецканы VII	—	—	—	+	—	—	—
Тира	—	+	+	+	—	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Памятники	Группы амфор						
	с широким цилиндрическим днищем	Балцаты I	Олонешты II	Делакеу III	Малаешты IV	с частым рифлением	фрагменты краснолаковых сосудов
Ульма II	—	+	—	—	—	—	—
Устье	—	—	+	+	—	—	+
Фрунзовка	—	—	—	+	—	—	—
Ханска	+	+	+	+	—	+	—
Чигирлены V	—	+	+	—	—	—	—
Чабан I	—	+	—	+	—	—	—
	7 12%	31 54%	27 47%	20 35%	5 8%	10 17%	11 19%

которых обнаружены исключительно обломки амфор позднеримского времени [9].

Особенный интерес представляют 12 целых экземпляров амфор с 11 памятников черняховской культуры. На табл. *1* видно соотношение формы и размеров этих изделий. Из нее можно заключить, что амфоры распределяются по четырем группам. Детальные промеры амфор, сведенные в таблице, дают возможность сопоставлять амфорные обломки с целыми экземплярами и определять, к какой группе амфор относятся обломки.

Наиболее ранние амфоры представлены несколькими обломками на семи селищах (12%) Днестровско-Прутского междуречья (из 57 обследованных, см. табл. *2*) и на поселении черняховского типа Ладыжинка в Уманском районе Черкасской области УССР [10]. Обнаружены цилиндрические с кольцевыми поддонами ножки шириной свыше 7 *см* с перегибами на стыках с туловищами. Светлоглиняные амфоры, к которым принадлежат эти ножки, относятся к I в. [11] (рис. 1, *1*).

На селище Балцаты амфоры первой группы, целая и в обломках, были в ямах-хранилищах (рис. 1, *3*). В с. Первомайском амфора найдена среди инвентаря позднесарматского погребения (рис. 1, *2*). Амфоры групп Балцаты и Олонешты (см. ниже) нередко рассматриваются суммарно и датируются рубежом II и III вв. [12].

Действительно, амфоры обеих групп характеризуются яйцевидными реберчатобокими туловами, сходящимися книзу на конус, длинные узкие горловины завершаются массивными профилированными венчиками, а снизу при подходе к плечам горловины плавно расширяются. Тулова покрыты неглубокими, едва заметными желобками. На некоторых амфорах нанесены красной краской буквы (Балцаты, Первомайск). Ручки, соединяющие горло и плечи, изогнуты почти под прямым углом и снабжены на лицевой стороне продольными валиками и желобками. Ножки маленькие цилиндрические с глубокими вдавлениями изнутри. Цвет желто-оранжевый.

---

[9] И. Т. Черняков. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, стр. 197—204; Е. К. Черныш, И. Т. Черняков. Археологические разведки в Подунавье. КСИА АН СССР, 99, 1964.

[10] В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н. э.— V в. н. э. САИ, ДІ—27, М., 1970, стр. 65.

[11] И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 30, рис. 6А.

[12] В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы, стр. 59.

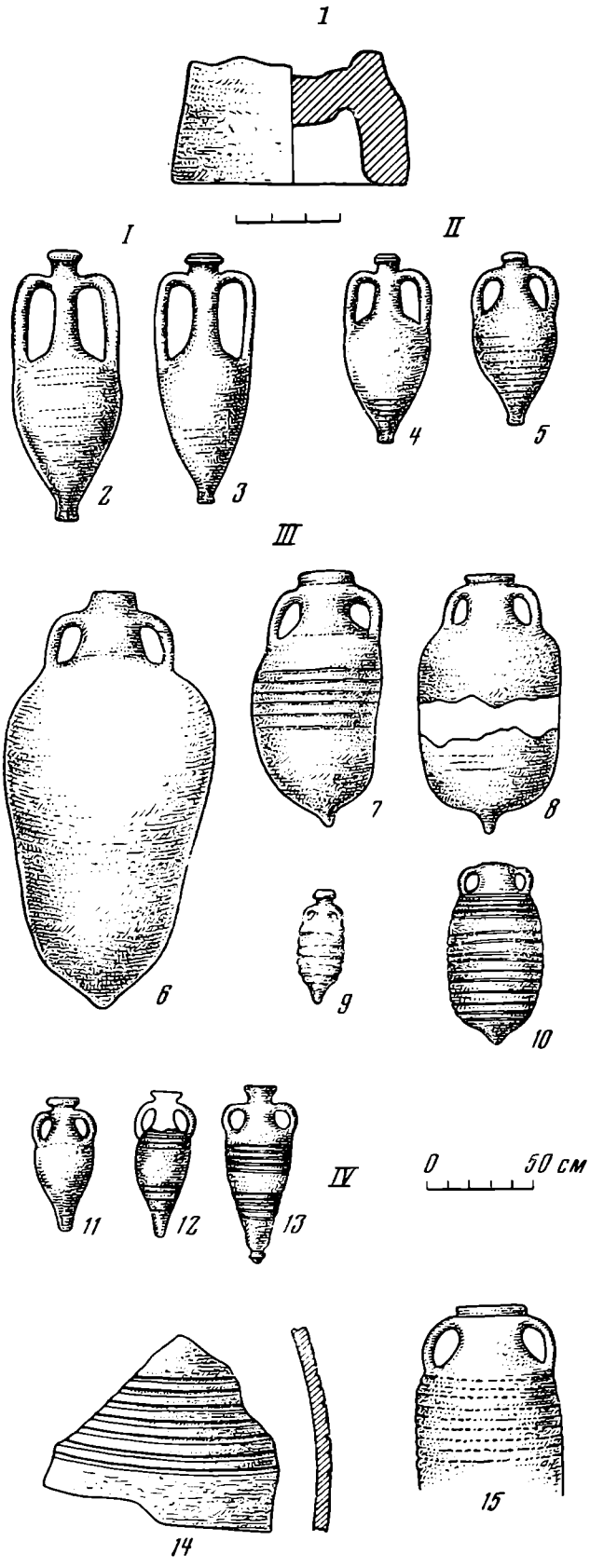


Рис. 1. Амфоры на памятниках черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья:

1 — светлоглиняная широкая ножка (Ханска IV), *2—3* — амфоры I группы (Первомайск, Балцаты), *4, 5* — амфоры II группы (Олонешты, Парканы), *6—10* — амфоры III группы (Делакеу, Комрат, Собарь, Кокоры III, Фрунзовка), *11—13* — амфоры IV группы (Малаешты, Елизаветовка, Комрат), *14* — обломок стенки с частым рифлением (Будешты), *15* — реконструкция амфоры, *2, 3, 8* — желтоватые, *4* — белая, *5—7, 9—13* — красные, *14* — желто-коричневая

Однако из табл. 1 видно, что амфоры группы Балцаты отличаются от амфор группы Олонешты большей высотой и массивностью, диаметрами венчиков и днищ, высоким горлом. Венчик сделан в форме валика, завершающегося закраинкой, окаймляющей устье. Из более мелких отличий отметим наличие надрезов на продольных валиках ручек. Полая ножка книзу слегка расширяется. В глубине поддонов, как правило, полушарные выпуклости — выступает нижний конец тулова амфоры. Среди керамики 57 памятников черняховской культуры, которую мы рассмотрели, обломки амфоры группы Балцаты представлены (судя по табл. II) на 31 памятнике (54%).

Дата амфор I группы (Балцаты) определяется в литературе то I—II вв.[13], то рубежом II и III вв.[14] Наиболее обоснована дата II в., ибо в Мирмекии[15] и Первомайске[16] амфоры группы Балцаты были в хорошо датированных комплексах II в. Такую датировку поддерживает и И. С. Каменецкий[17].

Высказанное выше мнение о датировке амфор группы Балцаты косвенно подтверждается тем фактом,

[13] В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия..., стр. 14.

[14] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, табл. XXVIII, *94*, стр. 136.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 28, 29, стр. 35—37.

[16] Э. А. Рикман, К. Г. Хынку. Погребение II в.н.э. у с. Первомайск (Молдавия). Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 35—37.

[17] Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий. Курганы Танаиса. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 82.

что эти сосуды обнаружены на памятниках культур, предшествующих черняховской, на памятниках карпов [18], сарматов [19], населения побережья Крыма [20].

Амфоры второй группы. В Олонештах амфора обнаружена на селище черняховской культуры [21] (рис. 1, *4*), а в Парканах место находки нам установить не удалось [22] (рис. 1, *5*).

Амфоры группы Олонешты представляют собой небольшие сосуды с каннелированными туловами, короткими узкими горловинами, резко расширяющимися книзу, начиная от верхних краев ручек. Тулова у амфор

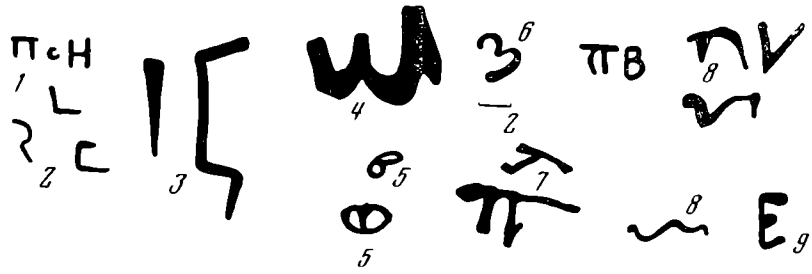


Рис. 2. Клеймо, надписи красной и черной красками на амфорах.

1, *2* — углубленное клеймо и красные знаки (Олонешты), *3* — из Паркан (красной), *4*, *5* — из Кокоры III, *6* — Балцаты, *7* — Комрат (черной), *8* — Первомайск (черной), *9* — Первомайск (красной)

второй группы более выпуклые, чем у предыдущих. В ножках полушарные выпуклости имеются лишь изредка (Парканы). Цвет белый, кремовый, редко — красный. И на амфорах второй группы имеются нанесенные красной краской буквенные обозначения (Парканы, Комрат, Кокоры III), а на тулове амфоры из Олонешт оттиснуто энглифическое клеймо. Амфоры второй группы обнаружены на 27 памятниках (47%) черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья.

Аналогичные амфоры известны на территории Украины [23] и широко распространены в античных центрах Северного и Западного Причерноморья, причем полагают, что они малоазийского происхождения [24]. Амфоры группы Олонешты, в отличие от амфор группы Балцаты, единодушно датируют III в., с небольшими отклонениями в определении даты. Так, В. Ф. Гайдукевич и В. В. Кропоткин называют дату — конец II — первая половина III в. [25] Д. Б. Шелов и И. С. Каменецкий относят их к первой половине III в. [26]. Численное преобладание амфор второй группы среди амфорной тары северопричерноморских городов В. Ф. Гайдукевич объяс-

---

[21] Близкую форму см.: И. Б. Зеест. Ук. соч., табл. XL, *103*, стр. 136; В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия..., стр. 14.

[19] Первомайск. Аналогичная амфора была в позднесарматском погребении начала II в. н. э. у с. Волгодонск Ростовской обл. РСФСР. М. Г. Мошкова. Доклад на секторе скифо-сарматской археологии 14.X.1970.

[20] По любезному сообщению О. Д. Дашевской, аналогичная амфора обнаружена ею в 1966 г. на Южно-Донузлавском городище; по сопровождающим краснолаковым сосудам она датируется I в. н. э.

[21] Г. Б. Федоров. Несколько интересных находок первых вв. н. э. из Молдавии. МИАЭМ, Кишенев, 1964, стр. 239, 240, рис. 4.

[22] Хранится в ГИКМ МолдССР.

[23] А. Т. Сміленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», т. VI, Київ, 1952, табл. I, *2*.

[24] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—40 гг. МИА, 25, 1952, рис. 114, *4*; Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, 1 , стр. 126; его же. Денежный рынок Танаиса. Зап. ОАО, I (34), 1960, стр. 133; его же. Раскопки северо-восточного участка Танаиса 1955—1957 гг. «Древности Нижнего Дона», М., 1965, стр. 65—68; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, табл. XXXVIII, *91*, *93*, стр. 135, 136; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, рис. 39, *9*.

[25] В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия..., стр. 14.

[26] Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. «Античный город», М., 1963, стр. 122, рис. 1, *5*; Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий. Ук. соч., стр. 82.

нил превалированием в конце II—III вв. внешних торговых связей с Южным Причерноморьем, сужением этих связей со Средиземноморьем [27], что отразилось на характере импортной тары, попадавшей к варварским племенам.

На амфорах II и III вв., попавших к черняховцам Днестровско-Прутского междуречья, имеются клеймо и нанесенные красной и, реже, черной красками буквы греческого алфавита или их сочетания. Эти знаки, наносимые торговцами или владельцами амфор, гораздо шире распространены в античных центрах (Танаис, Тира и т. д.). Они представляли собой либо численные обозначения количества продукта, содержавшегося в амфорах, либо начальные буквы имен их владельцев [28].

На амфоре из Балцаты нанесена «сигма» (рис. 2, *6*), а на амфоре из Первомайска начертаны в две строки буквы λ, ν, η и непонятный значок, может быть «омега». На противоположной стороне выписано Е (рис. 2, *8*, *9*).

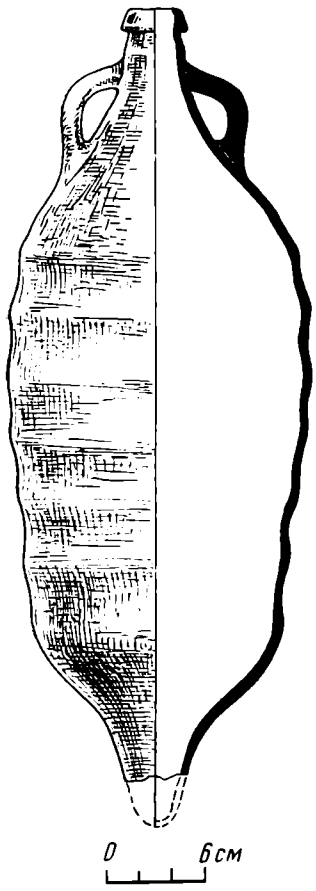


Рис. 3. Красная амфора из селища Кокоры III. Раскопки и реконструкция В. Л. Лапушняна

На амфоре из Олонешт имеется энглифическое клеймо ПОН. Аналогичные имеются на амфорах из Тиры и Танаиса [29]. На той же амфоре значки, напоминающие буквы «ламбда», «пи» и «сигма» (рис. 2, *1*, *2*). На амфоре из Паркан, по мнению Д. Б. Шелова, изображена цифра 16 с помощью букв «пота» и «сигма» (рис. 2, *3*). На двух амфорах из Кокоры III изображены, по-видимому, соответственно «сигма» и «бета» с «фи» (рис. 2, *4*, *5*). На сосуде из Комрата имеются «ни» и «гамма» (рис. 2, *7*).

Было бы заманчиво думать, что черняховцы, обитавшие в междуречье, могли прочитать буквы на амфорах. Но так как признаков грамотности у этих племен почти нет, это предположение нельзя обосновать.

Амфоры третьей группы. В Делакеу найдена амфора в культурном слое селища черняховской культуры (рис. 1, *6*). В Комрате — на селище черняховской культуры в яме-хранилище (рис. 1,*7*). В Собарь амфора обнаружена в развалинах жилища 2 (рис. 1, *8*). В Кокоры III — в землянке I (рис. 1, *9*, рис. 3) и, наконец, в могильнике Фрунзовка амфора была в погребении (рис. 1, *10*).

Амфоры третьей группы обычно имеют красный цвет, венчики — слабо профилированные, горловины широкие цилиндрические, тулова также цилиндрические, нередко каннелированные. Высота и ширина амфор сильно варьирует. Горловины и тулова соединены двумя короткими слабо профилированными ручками. Днища шлемовидные, а ножки невысокие конусообразные. Обломки амфор третьего типа найдены на 20 селищах (35%). Такая амфора известна по находке на селище черняховской культуры Ягнятин (Украина) [30]. Аналогичные амфоры довольно широко представлены в античных городах Северного и Западного Причерноморья.

Наиболее вероятные даты амфор третьей группы, судя по аналогиям,

---

[27] В. Ф. Гайдукевич. Керамический комплекс II в., стр. 30.

[28] Ценные разъяснения относительно обозначений на амфорах я получил от Д. Б. Шелова.

[29] В. В. Кропоткин. Экономические связи..., стр. 65.

[30] А. Т. Сміленко. Ук. соч., табл. I, *8*.

IV в.[31] или конец IV в.[32], хотя наблюдаются попытки датировать такие амфоры III—IV вв.[33]

Амфоры четвертой группы обнаружены на пяти памятниках (8%). Амфора из могильника Малаешты (рис. 1, *11*) характеризуется красным цветом, наличием невысокого горла с воронковидным раструбом, короткими ручками, выразительно конусообразным туловом, имеющим вытянутые пропорции. Близки к этой амфоре по цвету и форме амфоры из могильника Елизаветовка (рис. 1, *12*) и поселения Комрат, отличаясь от малаештской каннелированностью поверхности, а последняя — еще и сильной профилированностью ножки (рис. 1, *13*).

Амфору из Малаешт относят к IV—V вв.[34]. Местоположение ее в могильной яме над погребением, где была фибула IV в.[35], свидетельствует, что рассматриваемый сосуд относится по крайней мере ко второй половине IV в. Поэтому датировать ее III в.[36] нельзя. Дата амфоры из Елизаветовки определяется сходством сосуда с амфорой из Малаешт и обнаружением его в погребении вместе со стеклянным кубком с прошлифованными овалами. Дата упомянутой амфоры предположительно IV в. И наконец, дата малой амфоры из поселения Комрат проистекает из фактов довольно близкого сходства ее формы с формой двух упомянутых выше сосудов и обнаружением ее в тех же условиях, в каких найдена амфора третьей группы из поселения Комрат. Для этой формы наиболее приемлемая дата — IV в. Таким образом, по целым экземплярам намечается существование во II — IV вв. четырех групп амфор.

На десяти селищах (17%) черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья (Будешты, Комрат, Собарь и т. д.) были обломки амфор коричневато-желтого цвета, характеризующиеся частым рифлением, выполненным с помощью гребенчатого шаблона (рис. 1, *14*, *15*). Такой орнамент на амфорах появляется в IV в. и широко применяется в V—VI вв.[37].

В итоге в упомянутом районе можно отметить шесть групп амфор. Очевидно, и это число не является окончательным.

Сочетания амфор могут быть определены только в результате достаточно полного изучения памятников. Так как большинство их исследовано только разведками, материал для выводов имеет ограниченный характер. Так, в Будештах на довольно полно изученном объекте имелись амфоры всех упомянутых выше групп. На селище Ханска — амфоры пяти групп, а на селище Собарь — четыре группы. Однако наиболее часто имело место сочетание групп I, II, III, наблюдаемое на девяти памятниках. На четырех памятниках сочетались группы I и III. В целом можно прийти к выводу, что амфоры ранних и поздних групп, как правило, бытовали на тех же памятниках. Подчеркнем, что упомянутая продукция попадала на каждое рядовое поселение и во все рядовые жилища и служит, пожалуй, наиболее убедительным показателем интенсивности торговли античных центров с черняховцами. Подавляющая часть этой продукции попадала к племенам Днестровско-Прутского междуречья через Тиру, в которой[38], как и в Орловке, бытовали, например, узкогорлые светлоглиняные амфоры упомянутых выше типов.

---

[31] Близкую форму см.: И. Б. Зеест. Ук. соч., табл. XL, *103*, стр. 136; В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы..., стр. 56, 57.

[32] H. S. Robinson. Pottery of the Roman Period. The Athenian Agora. V, Princeton, New Jersey, 1959, табл. 29, M 273.

[33] М. Б. Щукин. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, 2, стр. 45.

[34] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, 82, 1960, стр. 260.

[35] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э. САИ, Д1—30, М., 1966, стр. 65.

[36] М. Б. Щукин. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор, стр. 47.

[37] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг..., стр. 30.

[38] А. И. Фурманская. Античный город Тира. «Античный город», стр. 49.

В отличие от амфор импортные стеклянные кубки, главным образом фрагменты, иногда целые, обнаружены преимущественно в погребениях: в Будештах — в 28 (около 8% от общего числа погребений) [39], в Малаештах — в 5 (около 13%) [40], в Балцаты II — в 12 (около 20%) [41]. Целыми оказались только пять кубков.

Обломки стеклянных кубков обнаружены на всех раскопанных и некоторых обследованных селищах черняховской культуры. Как и амфоры, стеклянные кубки находились в рядовых жилищах и могилах. Стеклянными кубками пользовались реже, чем амфорами, но и кубки были довольно широко распространены. Так, в Будештах в самих погребениях, в засыпке могильника и развалинах жилищ 1, 2 и 7 найдено свыше 180 фрагментов стеклянных кубков.

Кубки отлиты из прозрачного, зеленоватого (травянистого или коричневатого), синего, фиолетового и матового стекла. Преобладают прозрачные и зеленоватые. Стекло упомянутых цветов, в особенности зеленоватое, характерно не только для кубков, попавших к черняховцам, но и для стеклянных сосудов, которыми пользовались обитатели Пантикапея [42].

Среди кубков различаются тонкостенные и толстостенные. Последние с округленным дном, как полагает Г. Закхольм, были особенно удобны для торговой транспортировки.

Судя по тому, что чаще всего описанные кубки находят в прибалтийских, скандинавских странах, а изготовлялись они в прирейнских городах (Трире), предполагается, что кубки попадали в Северное Причерноморье и в район распространения черняховской культуры из Западной Европы [43]. Теперь стали известны мастерские по производству стеклянных кубков в античных городах (Танаис, Херсонес) и поселении варваров (Комаров) [44]. Не исключена возможность, что на территорию междуречья кубки привозили из Верхнего Поднестровья (из Комарова) или из городов Северного Причерноморья. Своеобразный состав стекла некоторых кубков из Будешт дает основание надеяться, что и в междуречье будут найдены стеклодельные мастерские.

Анализ 15 образцов стекла из Будешт произведен Ю. Л. Щаповой в лаборатории спектрального анализа кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Его результаты следующие: стекло по химическому составу относится к типу стекла, бытовавшему в Средиземноморье. Найденная в большинстве образцов примесь хрома является особенностью стекла южнорусской зоны распространения. Добавка меди придает большинству проанализированных образцов зеленоватый цвет. По применению отбелки марганцем будештское стекло сближается со стеклом древних кавказских изделий. Отмеченная в нескольких образцах примесь свинца, которая обычно в стекле отсутствует, возможно, является признаком местного производства.

Рассмотрим форму стеклянных кубков, которые делятся на типы цилиндрических и конусообразных, а типы подразделяются на ряд видов. Г. Экхольм обоснованно намечает такую эволюцию кубков: цилиндриче-

---

[39] Погр. 6—8, 10, 14, 15, 21, 23, 25, 29, 34, 45, 57, 109, 114, 116, 125, 133, 137, 200, 260, 266, 282, 315, 319, 336, 355, 361; Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967.

[40] Погр. Б., 15, 17, 33, 35; Г. Б. Федоров. Малаештский могильник.

[41] Погр. 4, 13, 16, 18, 19, 24, 32, 37—39, 53, 54; Г. Б. Федоров. Два черняховских могильника в Молдавии. «Матер. исслед. по археологии юго-запада СССР в РНР», Кишинев, 1960, стр. 237; Э. А. Рикман. Отчет об археологических работах 1963—64 гг. Кишинев, 1964. Архив АН МолдССР.

[42] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, 103, 1962, стр. 223.

[43] А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе. Канд. дис. Киев, 1951, стр. 254—260; Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея, стр. 232.

[44] М. Ю. Смішко. Поселення III—IV ст. н. е. з слідами скляного виробництва біля с. Комаров Чернівецької обл. МДАПВ, 5, Київ, 1964.

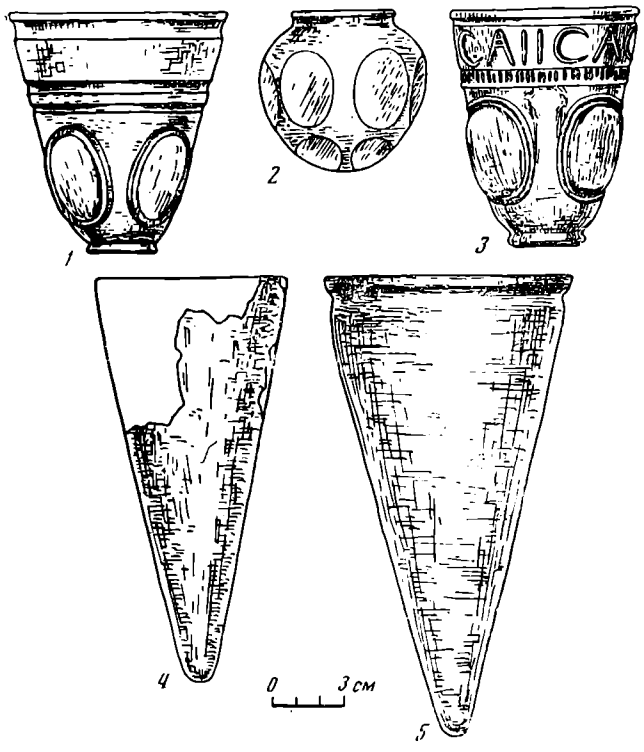


Рис. 4

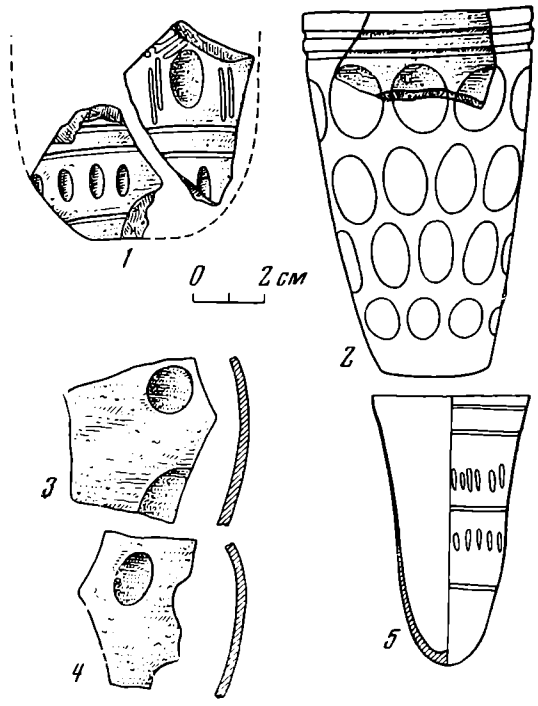


Рис. 5

Рис. 4. Стеклянные кубки из памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья.

1 — из Новых Стынкауц, *2* — из Елизаветовки, *3*, *5* — из Малаешт, *4* — из Будешт

Рис. 5. Обломки стеклянных кубков из памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья.

1 — Фрунзовка, *2* — Попенки, *3* — Кокоры III, из раскопок В. Л. Лапушняна, *4* — Ханска-Лутэрия, из раскопок И. Т. Никулицэ, *5* — Шабалат

ские — конические — заостренные. Орнамент со временем исчезает, а кубки становятся гладкостенными [45].

Тип I. Цилиндрические кубки, представленные небольшим числом целых экземпляров и фрагментов.

Вид А. Округлодонные, орнаментированные вышлифованными овалами [46]. Такой же кубок, относимый к III—IV вв., был в Черняховском могильнике [47].

Кубки цилиндрической формы с вышлифованными овалами относят к разным периодам III—IV вв., например, к III в. [48] Более обоснованной представляется широкая датировка этих сосудов — III—IV вв. [49] По-види-

---

[45] G. Ekholm. Orientalische Gläser in Skandinavien während der Kaiser- und frühen Merowingerzeit. AAKbh, XXVII, København, 1956, стр. 50, 51.

[46] В могильнике Елизаветовка целый экземпляр толстостенного сосуда (рис. 4, 2); в Будештах; в Фрунзовке тонкостенный (рис. 5, *1*); А. А. Кравченко. Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка. «История и археология юго-западных областей СССР начала н. э.». М., 1967 (рис. 2, *6*). В Делакеу — тонкостенный (рис. 6, *6*).

[47] А. Т. Сміленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», VI, Київ, 1952, табл. III, *2*, стр. 62.

[48] H. J. Eggers. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2 Jahrgang, Mainz, 1955, рис. 4, 61, *b* и *c*.

[49] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея, стр. 232; Э. А. Симонович. Стеклянные кубки из Журавки. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 11; O. Almgren und B. Nerman. Die ältere Eisenzeit Gotlands. H. 2, Stockholm, 1923, стр. 81, табл. 30, *152*. Здесь дата — конец III—IV в.; A. Kisa. Das Glas im Altertums. 3, Leipzig, 1908, рис. 376, 378, стр. 904, 906.

мому, позднейшим временем (IV в.) датируются более вытянутые экземпляры [50].

Вид Б. Округлодонные неорнаментированные [51]. Кубки этого вида довольно широко распространены на памятниках черняховской культуры. Такой кубок известен, например, в Черняховском могильнике [52].

Вид В. Цилиндрические кубки на поддонах [53].

Тип II. Конические. Верхние края ровные или слабопрофилированные. Ниже неглубокие бороздки, невысокие валики.

Вид А. Орнаментированы вышлифованными овалами размером 1—3 *см* [54].

Вид Б. На поддонах, с крупными орнаментальными овалами, обрамленными валиками. Кубок из могильника Малаешты украшен по краю

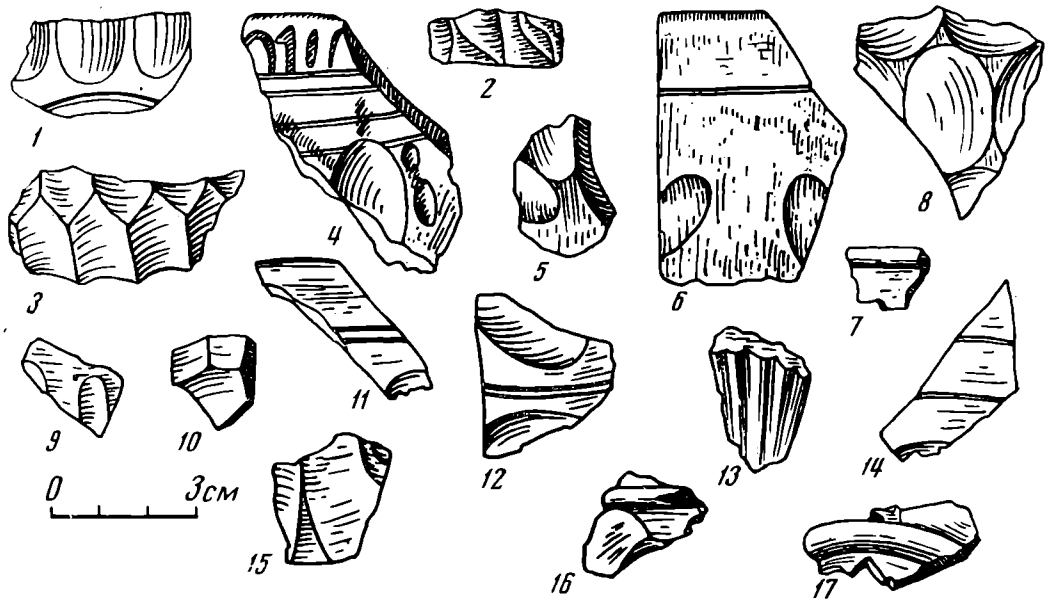


Рис. 6. Обломки стеклянных сосудов из памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья.

1—5 — Будешты, *6* — Делакеу, *7, 10, 13, 16, 17* — Комрат, *9* — Кошница, *8, 11, 15* — Балцаты, *12* — Загайканы, *14* — Собарь

орнаментальной греческой надписью: «Живи вечно, прекраснейший» [55] (рис. 4, *3*). А. Киза датировал эти сосуды III—IV вв. н. э. [56] Кубки из Малаешт, селища Новые Стынкауцы (рис. 4, *1*) относятся ко второй половине IV в., будучи аналогичными сосуду из погребения этого времени могильника у с. Ранжевое [57].

Вид В. Орнаментированные вышлифованными шестиугольниками — фасетками, широкими или удлиненными (рис. 6, *3*) [58]. Аналогичный кубок из могильника у с. Гавриловка (Нижнее Приднепровье) датируют IV — началом V в. [59] Обоснованно полагают, что кубки с орнаментальными

[50] H. I. Eggers. Der römische Import im freien Germanien, 1, Hamburg, 1951, стр. 180, Beilage 98, Stufe D, табл. 16, 230, 233, 234, карта 58. Stufe C — D.

[51] В Будештах.

[52] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. 4, Киев, 1901, XIX, *504-а*.

[53] В Будештах толстостенный (рис. 6, *1*).

[54] В. Будештах толстостенные (рис. 6, *4*). В Попенках толстостенный (рис. 5, *2*); М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, 57, 1955, стр. 94, 96, рис. 35.

[55] Г. Б. Федоров. Население..., стр. 154.

[56] A. Kisa. Ук. соч., рис. 380, 907, 908.

[57] Э. А. Сымонович предложил другое чтение: «Пей, да поживай со всем семейством». (Э. А. Сымонович. Стеклянный кусок с надписью из-под Одессы. ВДИ, 1, 1966, стр. 107).

[58] В Будештах.

[59] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 307; его же. Стеклянная посуда..., стр. 24.

овалами и фасетками одновременны, причем кубки с овалами численно преобладают. Овалы со временем удлиняются, переходят в штрихи, а в конце IV в. совсем исчезают [60].

Вид Г. Гладкие (неорнаментированные). Наибольшее количество найденных обломков говорит о том, что кубки именно этого вида были распространены шире, чем остальные. Конические кубки с заостренным дном из могильников Будешты (рис. 4, *4*) и Малаешты (рис. 4, *5*) [61], судя по аналогиям, датированы концом IV—V в. [62] или концом IV в. [63]. Последняя дата представляется более убедительной. Впрочем, в литературе высказано мнение, что конические сосуды доживают до VI в. и являются осветительными приборами [64].

Некоторые обломки сосудов не поддаются классификации: голубоватые с напаянными нитями [65]; с врезным линейным орнаментом [66]; обломок стенки с орнаментом из вышлифованных ромбов [67]; обломки стенок [68] и венчика [69], орнаментированные рельефными валиками; обломки прозрачных стенок с синими глазками и полосами [70]; с гофрированной поверхностью [71]; гладкие неорнаментированные [72]; с вышлифованными овалами [73] или шестиугольниками [74].

Большое число обнаруженных в Будештах и на остальных памятниках черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья обломков стеклянных кубков, разнообразие их отделки и формы с очевидностью указывают на широкое применение этих сосудов в быту и для ритуальных целей и на значительный объем их импорта. Кубки попадали не только к знати, но и к рядовому населению.

У варварского населения междуречья Днестра и Прута кубки были почти единственным или полностью преобладающим видом стеклянной посуды, в то время как у населения античных центров ассортимент стеклянной посуды был гораздо более широким [75].

Третья категория импортных предметов на памятниках черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья — краснолаковая посуда — представлена на 11 селищах (около 19%, см. табл. *2*) единичными находками, число которых на южных памятниках (например, поселение Комрат) несколько больше, чем на северных. Целые формы сосудов представлены только на селищах Будешты (в жилище 6) и Готешты широкой чашей и узким кувшином вытянутых пропорций. Эти сосуды, как и все остальные, имели на днищах кольцевые поддоны (Будешты, Загайканы, Комрат и т. д.). Обнаружены обломки венчиков горшков (Загайканы, Паланка), широких мисок с почти горизонтальными плоскими широкими (Запм I) или овальными в сечении (Комрат) венчиками.

---

[60] G. Ekholm. Orientalische Gläser in Skandinavien während der Kaiser — und frühen Merowingerzeit. AAKøh, XXVII, 1956, стр. 48, 50.

[61] Целые экземпляры.

[62] Э. А. Сымонович. Стеклянная посуда середины I тысячелетия н. э. с Нижнего Днепра. КСИИМК, 69, 1957, стр. 25.

[63] Э. А. Сымонович. Стеклянные кубки из Журавки. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 9, рис. 1, *3*.

[64] D. B. Harden. Roman Glass from Karanis. Ann Arbor, 1936, стр. 155—158.

[65] В Будештах, в Попенках (М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 94).

[66] В Будештах, Балцатах (рис. 6, *11*) и Собарь (рис. 6, *14*).

[67] В Будештах (рис. 6, *2*).

[68] В Будештах, в Комрате (рис. 6, *7, 16, 17*).

[69] В Будештах.

[70] В Будештах.

[71] В Комрате (рис. 6, *13*).

[72] В Делакеу, в Комрате, в Собарь, в Ханска-Лутэрия.

[73] В Балцаты II (рис. 6, *8, 15*), в Будештах (рис. 6, *5*), в Делакеу, в Загайканах (рис. 6, *12*), в Кокоры III (рис. 5, *3*) в Комрате, в Кошнице (рис. 6, *9*), в Селиште, в Ханска-Лутэрия (рис. 5, *4*).

[74] В Комрате (рис. 6, *10*).

[75] Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса. «Древности Нижнего Дона», стр. 238.

Имеются также фрагменты кувшинов с ручками (Заим I, Комрат), нередко узкогорлых (Комрат, Устье). Некоторые сосуды — с поверхностью, каннелированной (Комрат) или покрытой орнаментальными желобками (Комрат, Кошница). Таким образом, хотя число краснолаковых сосудов в обиходе черняховцев было невелико, набор их форм и характер орнаментации довольно разнообразны.

Характер импортных предметов у черняховцев Днестровско-Прутского междуречья (амфоры, стеклянная и краснолаковая посуда) примерно такой же, как у этих племен на территории Украины и Румынии.

В заключение отметим, что широкая распространенность на памятниках и значительность доли импортных античных предметов среди находок на ряде поселений и могильников свидетельствует, что они попали сюда главным образом в результате налаженных торговых связей черняховцев, а не грабежа или обмена. Соотношение роли торговли и обмена в экономических связях племен черняховской культуры с позднеантичным миром пока установить не удается.

Импортные предметы представлены в той или иной мере на всех памятниках, сохранившихся от упомянутых племен. Во II—IV вв. торговля племен низовьев Днестровско-Дунайского междуречья с позднеантичным миром достигла кульминации. До и после этого периода варвары не достигали равной степени внешних коммерческих связей, плодами которых пользовались не только социальная верхушка, но и рядовые общинники. О последнем свидетельствуют находки импортных предметов в рядовых жилищах и могилах.

Эквивалентом импорту были рабы, продукция сельского хозяйства, достигшего уровня, при котором мог быть создан прибавочный продукт, а также лесных и домашних промыслов.

Есть все основания предполагать, что Тире принадлежала важная роль в установлении коммерческих связей между черняховцами Поднестровья и античным миром.

2. Вопрос о датировке памятников черняховской культуры Днепровско-Прутского междуречья

Дата памятников рассматриваемого района, как и других областей распространения черняховской культуры, определяется благодаря изучению хронологии тех импортных, главным образом, целых изделий, которые выше были охарактеризованы. Кроме того, эта дата определяется по хронологии гребней и фибул. Относительно частая встречаемость упомянутых предметов позволяет довольно убедительно датировать черняховскую культуру.

Как правильно указывалось [76], от той или иной датировки зависят представления об этнической принадлежности черняховской культуры, что придает датировке принципиальный характер. В предлагаемом параграфе не ставится задача пересмотра проблемы в целом, необходимо показать, как соотносится дата памятников рассматриваемого района с высказанными в литературе различными мнениями о хронологии черняховской культуры.

Эти взгляды суммированы и проанализированы М. Б. Щукиным, который выделяет две группы авторов: полагающих, что черняховская культура датируется II—V вв., и датирующих культуру III—IV вв. И наконец, третья группа исследователей считает, что культура доживает до VIII в. В. В. Кропоткин [77] и сам М. Б. Щукин [78] являются сторонниками узкой

[76] М. Б. Щукин. К вопросу хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 104.

[77] В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы, стр. 73, 114.

[78] М. Б. Щукин. О трех датировках черняховской культуры, КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 8—13.

даты III—IV вв. М. Б. Щукин предлагает даже дату — середина — конец III—IV в.[79]

Обратимся прежде всего к вопросу о раннем рубеже существования памятников черняховской культуры.

Рассмотрение амфорного материала показывает, что некоторые памятники черняховской культуры рассматриваемого района начинают существование, по-видимому, уже в I в.

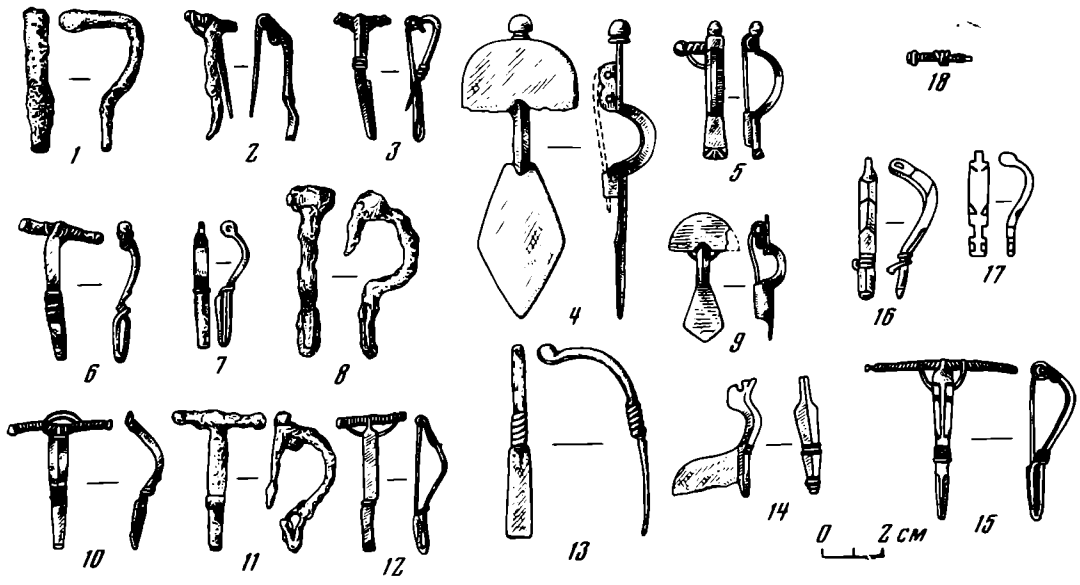


Рис. 7. Фибулы из памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья.

1 — Кошница, *2* — Комрат, *3*, *8* — Делакэу, *4* — Николаевка, *5*, *9* — Малаешты, *6* — Лукашевка, *7* — Солончены, *10* — Загайканы, *11* — Родоя, *12*, *13* — Будешты, *14* — Хуча, *15* — Матеуцы, *16* — Ханска IV, *17* — Тудорово, *18* — Ханска-Лутэрия

Обращает на себя внимание отсутствие у черняховцев на территории Украины и Румынии амфор ранних типов. Не значит ли это, что начальный рубеж черняховской культуры в Поднестровье относится к более раннему времени, чем в соседних землях?

Более определенны и многочисленны данные о II в., как о раннем рубеже существования черняховской культуры. Это прежде всего амфоры группы Балцаты. Исходя из этого материала, можно заключить, что на раннем этапе черняховская культура существовала одновременно с позднесарматской.

Некоторые небольшие возможности для признания II в. начальным этапом существования черняховской культуры дает изучение фибул[80]. Таковы двучленная лучковая фибула с расширенной ножкой II—III вв. из Будешт (рис. 7, *13*), прогнутая подвязная, двучленная с узкой ножкой фибула II—III вв. из Надушиты и бронзовая фибула II—III вв. из Хучи (рис. 7, *14*)[81]. Сюда же можно отнести три фибулы с дисками из Будешт и Манганешты-Васпника и фибулу из могильника Ханска-Лутэрия (рис. 7, *18*)[82]. бытовавшие со второй половины II.

По амфорам группы Олонешты отчетливо определяется продолжение существования черняховской культуры междуречья в III в. Стеклянные

---

[79] М. Б. Щукин. К вопросу о хронологии черняховских памятников..., стр. 111; его же. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор, стр. 51.

[80] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР, стр. 33, 53, 63, 65, 69, 71, 72, 74, 76, 82, 83.

[81] Из раскопок И. А. Рафаловича в 1963 г.: А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 66.

[82] Любезное определение А. К. Амброза по просьбе автора настоящей работы.

кубки, относимые к III в., неизвестны. Для них принята более широкая дата III—IV вв., не исключающая возможности существования этих сосудов и в III в., хотя для некоторых образцов стеклянных сосудов предложена обоснованно более узкая дата, о чем будет сказано ниже.

Датировка гребней сходна с датировкой стеклянных кубков.

Действительно, изучение костяных целых гребней, которых на памятниках черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья обнаружено 12, открывает некоторые возможности для датировки упомянутой культуры.

По классификации З. Томас — Г. Ф. Никитиной все они относятся к трехчленным. Два гребня (Будешты и Кокоры III [83]) относятся к типу I, варианту 1 — по классификации Г. Ф. Никитиной. Два гребня (Будешты) относятся к типу II, варианту 1 а. Остальные гребни относятся к типу III. Из них два гребня (Делакеу и Балцаты II) относятся к варианту 1. Четыре гребня (три в Будештах и один в Малаештах) относятся к варианту 1 а. Один гребень (Трифанешты) относится к варианту 2. И наконец, два гребня (Будешты), не охваченные упомянутой классификацией, относятся к тому же типу и виду, но отличаются наличием глубоким боковых вырезов, причем рукоятка приобретает форму, приближающуюся к трапеции. По фибулам Г. Ф. Никитина датирует гребни I типа временем не ранее III в., главным образом IV в., а гребни III типа только IV в. [84]

Предложенная Г. Ф. Никитиной узкая датировка, преимущественно IV в., находит известное подтверждение в находках (могильники Будешты и Малаешты) в двух погребениях гребней типа III, варианта 1а вместе с фибулами IV в.

Однако аналогии с центральноевропейскими трехчленными гребнями римской императорской эпохи позволят несколько расширить возможные границы существования некоторых вариантов трехчленных гребней из Днестровско-Прутского междуречья. Так, гребни типа I, варианта 1 у северных германцев бытовали с рубежа II и III вв. до рубежа IV и V вв. Гребень типа I, варианта 1а — с рубежа II—III вв. до конца IV в. Гребень типа III, варианта 1а — с середины IV в. до рубежа V—VI вв. [85] Однако за пределы IV в. дата гребней Днестровско-Прутского междуречья распространяться не может, так как этому противоречит дата материала [86], сопровождавшего находки гребней.

Таким образом, упомянутые аналогии укрепляют во мнении, что некоторые разновидности костяных гребней могли существовать в III в., хотя в основном эти изделия относятся к IV в.

Существование черняховской культуры в III и IV вв. опирается не только на широкие датировки кубков, гребней и фибул [87], но прежде всего на наличие на памятниках этой культуры амфор группы Делакеу, датирующихся IV в. Большинство фибул, обнаруженных на памятниках черняховской культуры междуречья — Будешты (рис. 7, *12*), Лукашевка (рис. 7, *6*), Солончены (рис. 7, *7*), Загайканы (рис. 7, *10*), Малаешты рис. 7, *5*), Матеутцы (рис. 7, *15*), Кошница (рис. 7, *1*). Тудорово (рис. 7, *17*), Родоя (рис. 7, *11*), Делакеу (рис. 7, *8*), Ханска (рис. 7, *16*) относят к IV в. [88]

---

[83] Из раскопок В. Л. Лапушняна.

[84] Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры. СА, 1969, 1, стр. 156, 157, 159.

[85] S. Thomas. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. 8, Leipzig, 1960, стр. 120.

[86] Г. Ф. Никитина. Ук. соч., стр. 159.

[87] А. К. Амброз относит к III—IV вв. фибулы из Комрата (рис. 7, *2*) и Делакеу (рис. 7, *3*). Любезно сообщено автору настоящей работы.

[88] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 33, 63, 65, 69, 71, 72, 82. Не опубликованные фибулы также определены А. К. Амброзом.

Вторая половина, конец IV в. или рубеж IV—V вв. документированы как время прекращения существования черняховской культуры.

Кубки типа Малаешты и Новые Стынкауцы датируют памятники, на которых они обнаружены, второй половиной IV в. Амфоры третьей группы (Делакеу, Собарь, Комрат и Фрунзовка) датируют памятники концом IV в. Находки конических кубков в Будештах и Малаештах также датируют существование соответствующих памятников концом IV в. Рубежом IV и V вв. датирует Малаешты фибула Т-образной формы с расширяющейся ножкой со щитком и кнопкой на головке (рис. 7, *9*) [89]. Серебряная крупная двухпластинчатая фибула из погребения у с. Николаевки (рис. 7, *4*), найденная с такими типичными для инвентаря из черняховских могил вещами, как синяя кубическая стеклянная бусина со срезанными углами и раковина — подвеска сурчеа, относится к IV — началу V в., по сходству с фибулами, правда меньших размеров, этого времени [90]. И. Вернер датирует фибулу, почти идентичную рассматриваемой, V в. н. э., относя ее (по качеству серебра) к южнорусской форме [91].

Важен факт, что на типичных по составу находок селищах черняховской культуры у с. Будэй и Лукашевка обнаружены клады римских монет, зарытые в последней четверти IV в., а клад у с. Кирилены зарыт на рубеже IV и V вв. [92]

Все эти данные свидетельствуют о прекращении существования черняховской культуры в междуречье Днестра и Прута в последней четверти IV в. или на рубеже IV и V вв.

Выяснение датировки ряда памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья было предпринято Т. Б. Нечаевой на основе археомагнитного метода в лаборатории Института археологии АН СССР.

Из селища Делакеу исследованы пять образцов из глиняного пода печи, датированные первоначально рубежом III и IV вв. [93], а потом первой третью IV в. или периодом со второй четверти V по VI в. [94]

Изучение двух образцов обмазки наземных жилищ из селища Лукашевка дало неопределенную дату: III или VII в. Два фрагмента пода гончарной печи и четыре образца, выпиленных из днищ сосудов, относящихся к тому же комплексу, что и печь, датируются IV—V вв. [95]

Особенно много образцов, подвергшихся исследованию археомагнитным методом, взято из каменно-кирпичного дома с черепичной кровлей, частично раскопанного на поселении Собарь. 10 образцов продолговатого кирпича относятся к рубежу III и IV вв. н. э., либо к рубежу VI и VII вв. Исследование пяти образцов из трех квадратных кирпичей дало дату — начало нашей эры. И наконец, изучение 13 образцов черепицы дало дату IV—V вв. [96]

Для селища Будешты полученные результаты археомагнитных изысканий исследователь называет ориентировочными. Два фрагмента пода гончарной печи датируются IV—V вв. Такие же результаты дал анализ четырех образцов, выпиленных из днищ сосудов, относящихся к тому же

[89] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 76.

[90] Там же, рис. 4, *8*, стр. 82.

[91] J. Werner. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Berlin, 1961, табл. 20, 93, стр. 27.

[92] А. А. Нудельман, Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. Изв. МолдФАН СССР, 4 (31), Кишинев, 1956, стр. 143—154; В. В. Кропоткин. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. н. э., НЭ, I, М., 1960, стр. 215—222.

[93] Т. Б. Нечаева. Археомагнитное датирование печей и строительной керамики из некоторых поселений черняховской культуры. По сообщению Т. Б. Нечаевой.

[94] Данные переданы автору Т. Б. Нечаевой.

[95] Т. Б. Нечаева. Отчет об археомагнитных исследованиях датировок памятников черняховской культуры. В последнее время Т. Б. Нечаева вместо III в. дает дату — первая треть IV в. По сообщению Т. Б. Нечаевой.

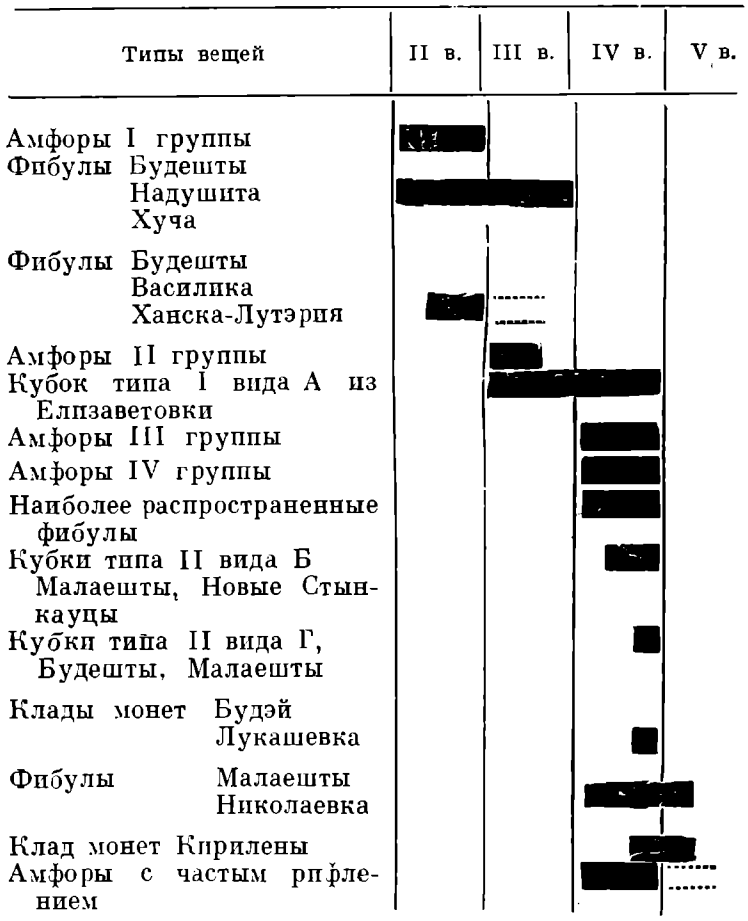
[96] Т. Б. Нечаева. Археомагнитное датирование..., стр. 27, 28. В настоящее время Т. Б. Нечаева склонна датировать этот материал суммарно началом IV в. или со второй четверти V—VII вв.

комплексу, что и печь. Три фрагмента жаровни, вероятно, относятся к VI в. [97]

Давая оценку проделанным исследованиям, отметим, что они носят предварительный характер прежде всего потому, что из четырех памятников проанализировано всего 50 образцов. Полученные датировки иногда приближаются к тем, которые дали археологические исследования. Таковы датировки печи в Делакеу (IV в.), печи и сосудов в Будештах и

Таблица 3

Сводная таблица руководящих дат памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья



Лукашевке (IV—V вв.). Сомнительным является вывод о разновременности строительной керамики из одного здания поселения Собарь: продолговатые кирпичи были изготовлены на рубеже III и IV вв., черепица производилась в начале IV в., а квадратный кирпич использовался повторно (или имел при обжиге неправильное положение, что менее вероятно) [98]. Это предположение принять нельзя, так как ему противоречит полное единообразие глины и техники производства упомянутых трех видов строительных материалов.

Подводя итоги вопросу о датировке памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья, в частности, с помощью археомагнитных методов, отметим, что рассмотренные факты не дают возможности присоединиться к мнению об узкой датировке культуры (III—IV вв.). Выше показано, что, судя по амфорному материалу, ряд памятников существовал во II в. Однако наиболее хорошо документировано импортными предметами, аналогиями с материалами из Северного Причерноморья,

[97] Т. Б. Нечаева. Археомагнитное датирование..., стр. 28, 29. В настоящее время материал датируется ориентировочно IV в.

[98] Там же, стр. 28.

территории Германии, скандинавских и прибалтийских стран (Дания, Норвегия, Польша, о. Готланд) существование культуры в III и IV вв. н. э. Серией находок документировано прекращение существования памятников во второй половине или конце IV в. (табл. 3) [99].

Находки на нескольких селищах амфор с частым рифлением служат показателем теоретической возможности того, что некоторые памятники переживают рубеж IV—V вв. и какое-то время существуют и позже.

E. A. Rikman

SUR LE PROBLÈME RELATIF À LA DATATION DES OBJETS IMPORTÉS SUR LES MONUMENTS DE LA CULTURE TCHERNIAKHOVIENNE DE L'INTERFLUVE DU DNIESTER ET DU PRUT

Résumé

L'auteur montre que sur certains monuments de la culture tcherniakhovienne un pourcentage élevé de trouvailles est représenté par des objets importés. Les sites ont livré six groupes d'amphores, coupes en verre de deux types, récipients à vernis rouge. Il y avait des monnaies d'argent, d'or et de bronze qui étaient en circulation chez les Tcherniakhoviens et desservaient les commerces intérieur et extérieur. En faisant l'analyse des objets importés l'auteur se prononce en faveur d'une datation «étendue» de la culture de Tcherniakhovo, en la rapportant aux II—IVes siècles de notre ére.

---

[99] Близкие взгляды высказаны: K. Godłowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970, стр. 109, 110.

И. ВЕРНЕР

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ АНТОВ И СКЛАВЕНОВ *

Может быть, слишком смело пытаться рассмотреть в краткой статье во всей широте проблему расселения антов и склавенов и этапы их расселения, тем более для археолога из Центральной Европы. Все же автор пытается занять в этом вопросе определенную позицию, руководствуясь убеждением, что для работающих над этой проблемой коллег из Юго-Восточной и Восточной Европы может представить интерес мнение человека, работающего над смежной тематикой. Автор был единственным представителем западноевропейских стран на посвященном славянской культуре V—VII вв. международном коллоквиуме, организованном пражским Археологическим институтом Чехословацкой Академии наук в сентябре 1967 г. Этот коллоквиум закончился выводом, что наиболее ранние датируемые славянские памятники на территории, ограниченной с востока средним Днепром, с запада средней Эльбой и с юга нижним Дунаем, не старше VI в. Но славяне на нижнем течении Дуная засвидетельствованы Прокопием как анты и склавены под 529 г. Таким образом, обращение к археологическим данным несколько разочаровывает; ведь места обитания славян и культурное наследие обширной семьи славянских народов впервые становятся известными археологически только тогда, когда славяне, по письменным данным, появляются у границ Византийской империи. С другой стороны, археологически картина в так называемый период экспансии VI—VII вв. на основании исследований последних десятилетий удивительно единообразна на обширных пространствах: углубленные однокамерные квадратные жилища с одной глиняной печью или печью-каменкой в углу; расположение небольших неукрепленных поселений преимущественно в поймах рек; лепная керамика пражского, корчакского или пеньковского типа; трупосожжения в грунтовых могильниках почти без инвентаря. Возникает вопрос: сложился ли устойчивый комплекс из этих элементов культуры только в период экспансии? Каким же представляется археологу вопрос о происхождении и изначальном месте обитания тех людских масс, которые, по свидетельству византийских источников, наводнили в VI—VII вв. Балканский полуостров и славянизировали обширные пространства Юго-Восточной Европы от Греции до Каринтии? Археолог на Западе, ищущий ответ на этот вопрос, не имея возможности работать непосредственно над археологическим материалом, может опи-

* Настоящая статья является переводом на русский язык доклада, прочитанного 13 мая 1971 г. в Гос. Эрмитаже в Ленинграде на немецком языке. За помощь в переводе на русский язык доклада и публикуемой ниже статьи автор приносит М. А. Тихановой большую благодарность. На немецком языке доклад был опубликован в Actes du VIII Congréss International des sciences préistoriques et protohistoriques, I, Beograd, 1971, pp. 243—252.

раться только на весьма многочисленные публикации последних лет (которые чрезвычайно умножили не только издание вещественных материалов, но и связанные с ними теории). Но зато он имеет и преимущество: он может посмотреть на проблему со стороны в целом, вне административных границ, и может подойти к проблеме даже шире, чем непосредственно занятые ею ученые, с учетом общеевропейской обстановки, и попытаться со своих позиций ввести в исследование новые методические приемы.

Отвлечемся пока от обстоятельств в «области колонизации», к югу от Дуная, где о расселении славян можно говорить только после середины VI в. и в большом масштабе лишь после 600 г., и постараемся выяснить, принадлежала ли территория между нижним Дунаем и средним Днепром к тем областям, откуда происходят славяне, или это были районы первичной экспансии, первичной по отношению к вторичной — области колонизации к югу от Дуная. На румынской территории в Мунтении и в Молдове, т. е. между Олтом и Прутом, в VI в. появляется культурная группа, называемая румынскими исследователями Ипотешть — Кындешть, с могильниками с трупосожжениями (Балта-Верде, Сэрата-Монтеору и т. д.) и поселениями с углубленными землянками с отопительными печами в углу (типа Шипот у Сучавы, Бухарест-Стрэулешть, Банкаса и т. д.). Эта группа относится к VI в. и датируется бронзовыми монетами Юстиниана, византийскими бронзовыми фибулами, пряжками типа Сучидава и т. д. Ее следует связать со славянами, названными Прокопием (склавены и анты), которые под водительством и в союзе с кочевниками булгарами и позднее с кутригурами и аварами принимали участие во многих вторжениях в византийские провинции и привели к падению византийских пограничных укреплений на Дунае в правление Маврикия Тиберия (582—602 гг.). За счет добычи из областей, лежащих к югу от Дуная, следует отнести византийский «импорт», а предположительно также и круговую керамику из поселений к северу от Дуная, которую румынские исследователи хотят связать с автохтонным романским субстратным населением. Однако, учитывая большое число угнанных в Barbaricum жителей империи (только в 540 г. 100 000 человек), эти находки можно истолковывать иначе. Комплекс Ипотешть — Кындешть можно проследить на поселениях в верхней Молдове (Шипот) и в восточной Трансильвании (Чернат и Пойян, раскопки З. Секей); далее по верхнему течению Прута и Днестра (Незвиско, раскопки Г. И. Смирновой, Демьянов и Рипнев II, раскопки В. Д. Барана, Зимно, раскопки В. В. Аулиха). Родственные поселения исследовали П. И. Хавлюк в среднем течении Южного Буга (Семенки, Самчинцы, Скибинцы) и Д. Т. Березовец на Тясмине (Молочарня) и в районе Днепропетровска. Публикации этих материалов [1] показывают, что поселения расположены в речных поймах, на маленьких островках и песчаных дюнах, их инвентарь можно датировать VI—VII вв., многочисленны примеры характерных углубленных жилищ с печами в углу (полуземлянки). Все эти поселения, как и поселения припятской территории (типа Корчак), открытые, неукрепленные. Кроме византийского импорта и тех находок из металла, которые связаны с кочевниками, на этих поселениях постоянно встречаются литые бронзовые пальчатые фибулы (Bügelfibeln), при этом типы их на нижнем Дунае сходны с экземплярами из «области колонизации» на византийской территории от Греции (Спарта, Неа Анхиалос, Деметриа) до Македонии, Албании и Сербии (рис. 1). В то же время украинские формы через Волынь и Верецкий перевал единично доходят до Венгрии и там появляются в памятниках первого аварского каганата (рис. 2). Не имея возможности специально рассматривать здесь проблему так называемых славянских пальчатых

[1] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине; П. Н. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, 108, 1963.

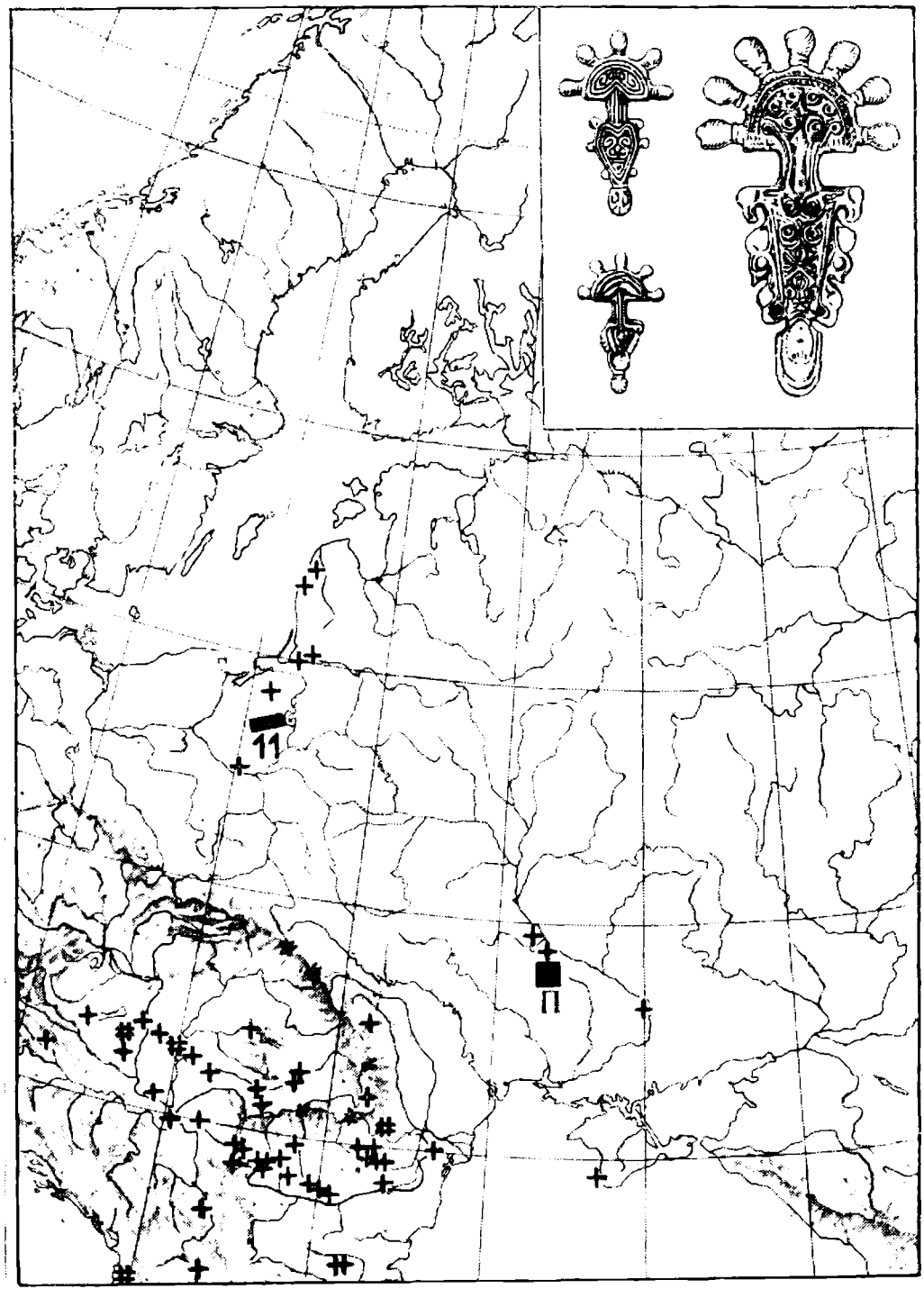


Рис. 1. Фибулы Подунавья (вторая половина VI и ранний VII в.):
11 — Мазурия, П — Пастырское

фибул, укажем лишь, что они в качестве одиночных фибул (явно фибулы от плаща) были составной частью женской одежды. Генетически они связаны с пальчатыми фибулами крымских готов, гепидов и южнодунайских германских групп на византийской территории (Gothi minores и т. д.), которые, однако, были принадлежностью иной женской одежды — с парными фибулами и поясом с большой металлической пряжкой. Только за последнее десятилетие на украинской территории стало известно больше находок фибул на поселениях, но в достоверных погребениях с сожжениями они не найдены там до сих пор. Поэтому А. А. Спицын, причислявший фибулы этого типа к своим антским древностям, и Б. А. Рыбаков,

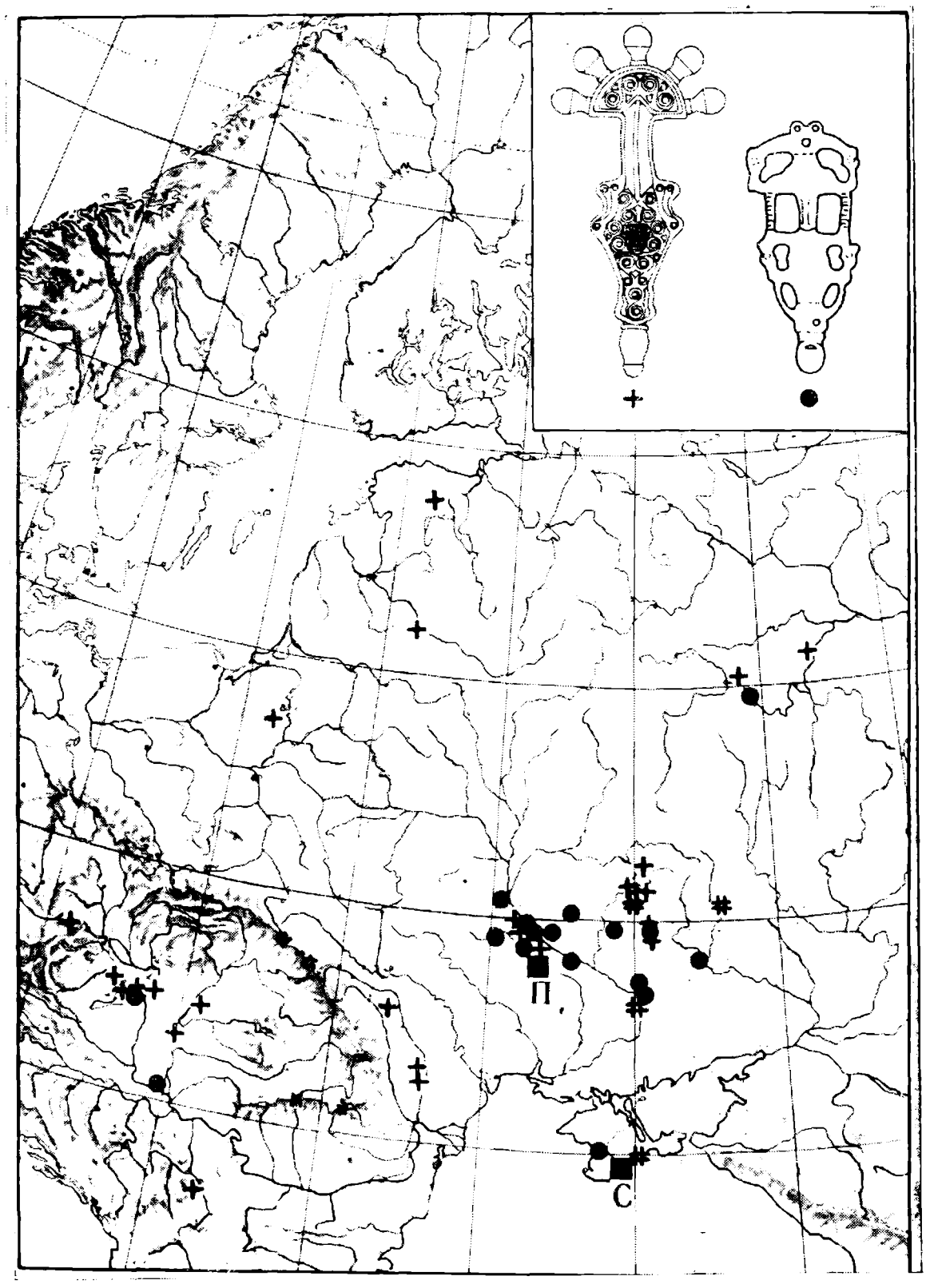


Рис. 2. Фибулы Поднепровья (конец VI и первая половина VII в.):
П — Пастырское, С — Суук-Су

который в этом за ним следовал, опирались на случайные находки и клады. Отсюда отчасти становится понятным скепсис, с которым относились к этой группе памятников Г. Ф. Корзухина и И. И. Ляпушкин. Они рассматривали их как предметы, этнически неопределимые, изделия, которыми торговали, или даже как алано-болгарские вещи (Г. Ф. Корзухина).

И. И. Ляпушкин пишет [2], что славянские поселения VI и VII вв. на юге СССР до сих пор обнаружены только между Дунаем и Днепром, а территория к востоку от Днепра, где его исследования сосредоточивались на городищах, заселена славянами только в VIII и IX вв. Исходя из мнения, что славянское население на территории между Мунтенией и правобережной Украиной было пришлым, а бассейн верхнего Поднепровья заселен балтскими и финно-угорскими племенами, он предполагал, что область происхождения славянских пришельцев лежит на северо-западе, т. е. в Прикарпатье и к северу от него. Он считал, что разделение на восточных, западных и южных славян произошло только в результате крупных передвижений в VI и VII вв. И. И. Ляпушкин принадлежал к тем советским археологам, которые полностью отвергают непрерывность развития от черняховской культуры Украины позднеримского времени к славянской культуре VI—VII вв. Действительно, согласно исследованиям румынских и советских ученых, стало очевидным, что такая характерная культура, как Сынтана-де-Муреш — Черняховская, на всей ее территории между Олтом и средним Днепром внезапно обрывается в конце IV в. Это доказывается материалами как могильников (смешанные погребения: трупоположения и трупосожжения), так и поселений с их большими наземными домами (Лепесовка на Волыни, Будешты в Молдавии и т. д., многие из которых сожжены). Высокого качества круговая керамика и формы металлических изделий не находят продолжения в V в. Конец этой культуры, распространенной в лесостепной зоне Украины, связан с гуннским нашествием через Волгу и Дон. Вытеснение носителей черняховской культуры на запад и в незначительном числе на юг прослеживается на более поздних ступенях развития (уже неизвестных на исходной территории) на среднем Дунае (погребения с большими серебряными пластинчатыми фибулами) и в Крыму (погребения в Керчи и в некрополях Бакла, у Инкермана, Суук-Су и т. д.). Находки в Мунтении позволяют нам вслед за румынскими исследователями видеть в носителях этой группы готов, более или менее перемешанных с местными дако-гетскими и сарматскими элементами. Симптоматичен тот факт, что в развалины сожженного поселения Герашень (район Плоешти) впущены два гуннских трупоположения времени после 400 г. О непрерывном развитии от культуры Сынтана-де-Муреш к этапу VI в. Ипотешть — Кындешть в Румынии также мало оснований говорить, как и о связи между черняховской культурой Украины и Молдавии и соответствующим славянским периодом Пеньковки на Днестре, Южном Буге, Тясмине и Днепре. Эти различия видны не только в отдельных элементах культуры (формы жилищ, керамика, одежда, погребальные обряды), но и в расположении поселений. Хотя ареалы обеих групп ограничены лесостепью и не распространяются ни на север, в лесную зону, ни на юг — в степную, черняховские поселения лежат на лессовых плато в пределах хороших пахотных почв и поблизости от выходов источников, в то время как раннеславянские поселения тяготеют к поймам. Исчезновение черняховской культуры из лесостепи (что следует объяснить только уходом ее носителей) имело своим археологическим следствием на этой территории почти полную пустоту, которую вопреки всяческим стараниям советских исследова-

[2] И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы. МИА, 152, 1968.

телей сблизить хронологически наиболее поздние памятники Черняхова и самые ранние славянские памятники, уведя их в V в., заполнить не удалось.

Властителями этих обезлюдевших территорий, судя по немногим характерным находкам, были кочевники южной степной зоны. Между концом черняховской культуры и первым выступлением антов и склавенов на византийской дунайской границе в начале VI в. славяне должны были переселиться на территорию, ранее заселенную носителями черняховской культуры, и продвинуться через нее. Что касается времени этого переселения, то, исходя из общей исторической обстановки, его можно было бы

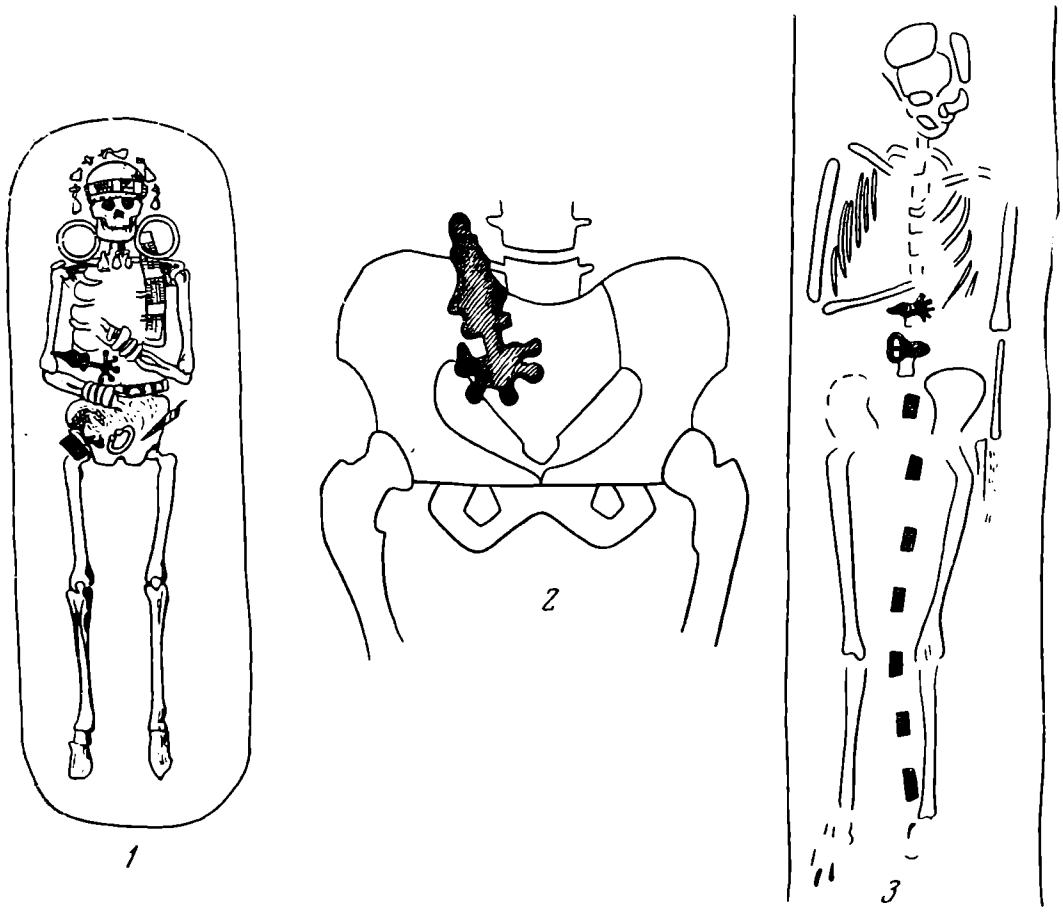


Рис. 3. Расположение славянских пальчатых фибул в погребениях:
1 — Подболотье, погр. 220; *2* — Сигетсентмиклош; *3* — Хирд, погр. 206

отнести или к периоду гуннского господства или, что вероятнее, ко времени после 454 г. Последнее связано предположительно с перемещением остготов в Паннонию. Расположение славянских поселений с материалами VI и VII вв. по долинам рек позволяет предполагать, что и передвижения их были связаны с большими речными долинами, что, возможно, объясняет общее направление движения с севера на юг и указывает на исход славянских племен из северной лесной зоны. Итак, присоединяясь к мнению И. И. Ляпушкина и других исследователей, можно считать установленным, что на территории распространения украинской (как и румынской) черняховской культуры имела место коренная смена населения вследствие ухода черняховцев около 400 г., с одной стороны, и прихода славян около 500 г.— с другой. Публикации советскими и румынскими исследователями материалов о славянских поселениях VI и VII вв. на этой территории показывают, что это были пришлые племена со своей материальной культурой, принесенной в основном в готовом виде. Это касается поселений, форм жилищ, керамики, погребальных обычаев и одежды. В отношении фибул как принадлежности одежды, выяснилось,

что литые бронзовые пальчатые фибулы с поселений и из кладов связаны по форме с германскими типами V и VI вв. Вариант так называемых днепровских пластинчатых фибул, изготовленных в одночастной глиняной форме, по внешнему виду мог бы быть даже сравнен с пластинчатыми фибулами самой поздней черняховской фазы. Последнее обстоятельство склонило Б. А. Рыбакова к признанию прямых этнических связей. Однако, все эти одиночные фибулы выполняли в женской одежде совершенно

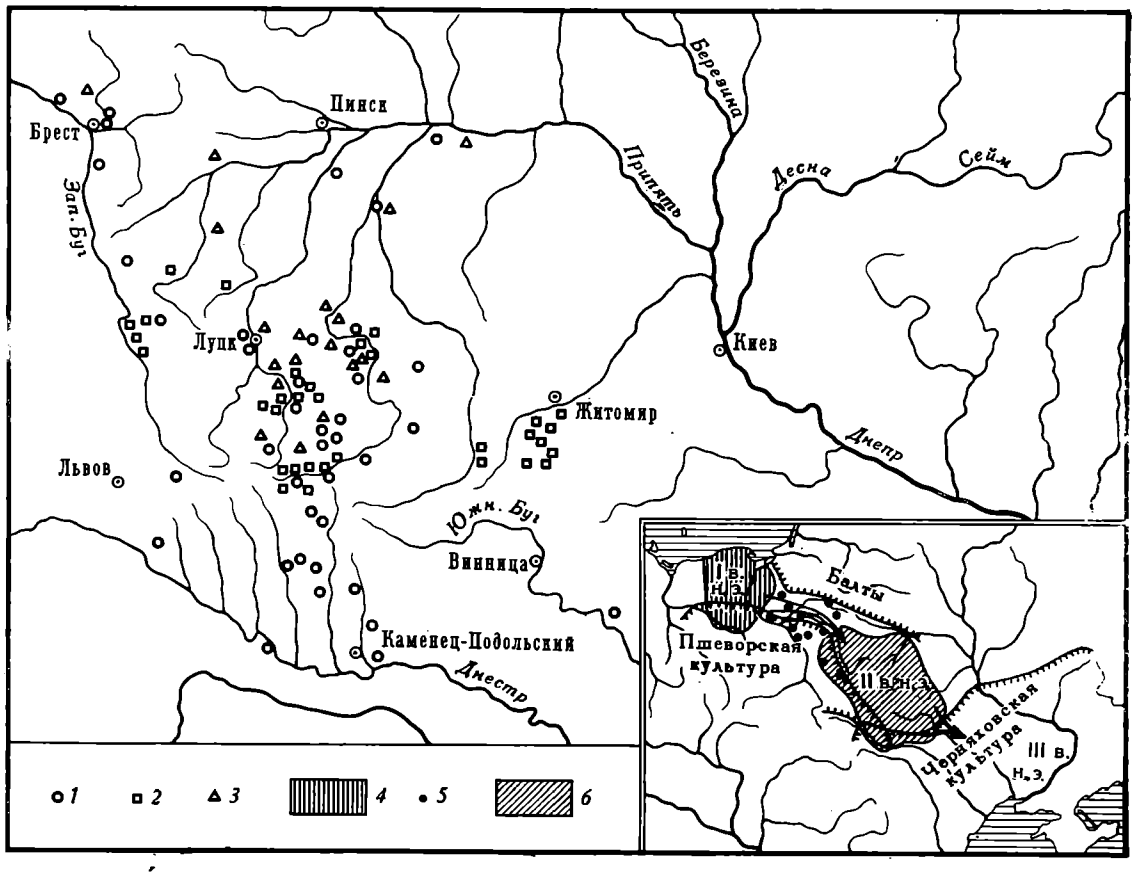


Рис. 4. Гото-гепидские находки в Полесье и на Волыни (По Ю. В. Кухаренко):

1—3 — поселения «гото-гепидской» культуры в Полесье и на Волыни; *4* — «гото-гепидская» культура в бассейне Нижней Вислы; *5* — «гото-гепидские» могильники, расположенные вдоль Вислы; *6* — «гото-гепидская» культура в Полесье и на Волыни

иную роль, чем носившиеся на плечах германские пальчатые парные фибулы. На периферийных территориях как следствие экзогамных браков такого рода фибулы, встречаясь единично в трупоположениях времени около 600 г. (Хирд у Печа, погр. 206 и Сигетсентмиклош на о. Чепель в Венгрии, погр. 14; Подболотье у Мурома, погр. 220), всегда лежат поодиночке на тазу погребенной (рис. 3). Их распространение на территории СССР ограничивается лесостепью (прежняя черняховская территория) и указывает на то, что эти типы сформировались только в VI в. в пределах территории экспансии, правда, в тесной связи с типами нижнего Дуная и «области колонизации» южнее Дуная. Это, конечно, не является доказательством того, что и одежда с одной фибулой может рассматриваться как новое приобретение на недавно освоенной территории.

Находясь в плену убеждения, что черняховская культура славянская и что на Украине должна иметь место непрерывность населения вплоть до Киевской Руси, советские исследователи только недавно, и к тому же очень робко, начали высказывать предположения о происхождении антов и склавенов из области лесной зоны на верхнем Днепре, Березине и

Десне, к северу от черняховской территории. Это не удивительно, поскольку единомыслие в истолковании материала VI и VII вв. на южной территории расселения только еще начинает с трудом намечаться и некоторые исследователи, как раньше, так и теперь, усматривают в них также аланов, сармат и болгар, т. е. кочевнические группы (М. И. Артамонов и Г. Ф. Корзухина). И. И. Ляпушкин в 1968 г. исключил из возможной родины пришельцев области севернее Киева и признал, как и П. Н. Третьяков («Финно-угры, балты и славяне», 1966), что в верхнем течении Днепра, на Березине и Десне жили балтийские племена, которые только в последней четверти I тысячелетия были вытеснены и ассимилированы пришельцами — славянами. Лишь бассейн Припяти на основе исследований Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой числился за славянами (корчакский тип), которые, однако, до сих пор из-за недостатка датирующих металлических вещей не прослеживаются глубже VI в. Мнение о заселении балтами Верхнего Поднепровья и значительных частей Белоруссии и их последующей славянизации было частично основано на археологических данных (по П. Н. Третьякову и Е. А. Шмидту, городища между верхней Камой на востоке и Неманом на западе до IX в. балтийские) и частично на лингвистических исследованиях В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о гидронимии этих областей. В. В. Седов [3] независимо от И. И. Ляпушкина защищает близкую точку зрения. Для него также славяне до VI в. жили только севернее Карпатской излучины, в то время как между верхним Днепром и Двиной обитали балтийские племена, которые только в VIII и IX вв. были ассимилированы славянскими колонистами. Исторические племена дреговичей, радимичей, северян и кривичей являются образованиями только позднего периода расселения славян. И. И. Ляпушкин и В. В. Седов рассматривают взаимоотношения населения в верхнем течении Днепра, на Десне, Березине и Двине только под углом зрения вопроса о непрерывности развития и отрицают, несомненно вполне справедливо, что жившие там в период развитого средневековья славянские племена могли быть на этих территориях еще до VIII в. Оба считаются с постепенным переселением, т. е. с поздней славянской колонизацией за счет балтийских элементов. То, что древнейшие памятники Белоруссии балтийские, В. В. Седов еще раз убедительно показал в своем споре с минскими археологами Л. Д. Поболем и А. С. Митрофановым [4]. Но и здесь решающие аргументы в пользу балтийской принадлежности археологической группы Колочин — Тушемля или лингвистического порядка, или указание на отсутствие культурной непрерывности с безусловно славянскими материалами Белоруссии конца I тысячелетия, которые В. В. Седов в хронологической таблице своей книги 1970 г. сблизил в рамках VIII в. с более ранней балтийской группой. Какую роль играет здесь отсутствие точной хронологии археологических памятников, показывают весьма различные датировки длинных курганов с трупосожжениями этой территории И. И. Ляпушкиным III—IV вв. и В. В. Седовым VI—VII вв. Если к этому добавить, что на юго-западе в Полесье и на Волыни, где В. В. Седов и И. И. Ляпушкин, очевидно, ищут первоначальные места обитания пришедших на Украину славян (т. е. на территории между Брестом, Западным Бугом, Львовом, верхним Днестром, Житомиром и Пинском), Ю. В. Кухаренко [5] с полным основанием предполагает для III

---

[3] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970.

[4] В. В. Седов. Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Рига, февраль 1967; его же. Рец. Л. Д. Побаль, А. Г. Мітрафанаў. Праблема расялення славян на тэрыторыі Беларусі. ABS, VI, 1969, s. 263—269.

[5] J. V. Kuharenko. Le problème de la civilisation «gotho-gépide» en Polésie et en Volhynie. ABS, 1967, 5, стр. 19—40.

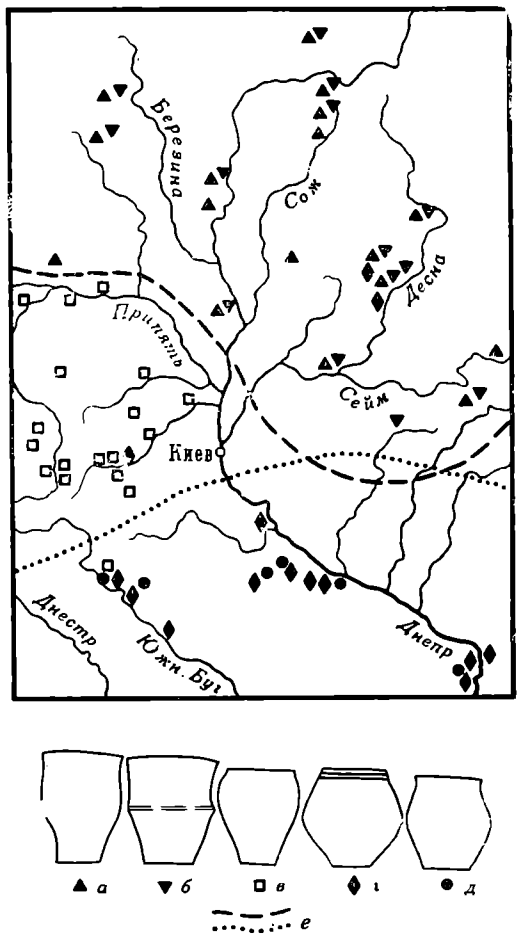


Рис. 5. Схема различных типов сосудов третьей четверти I тысячелетия н. э. (по И. П. Русановой):

а — тюльпановидные сосуды; *б* — сосуды с цилиндрическим верхом (*а*, *б* — тип Колочина — Тушемли); *в* — сосуды типа Корчак; *г* — биконические сосуды типа Пеньковки; *д* — округлобокие сосуды типа Пеньковки; *е* — границы археологических культур

и IV вв. гото-гепидское население (рис. 4), будет достаточно трудно найти место для обитания славян между балтами и восточными германцами в III и IV вв. Разве только остается поискать его вместе с Ю. В. Кухаренко значительно западнее, на территории пшеворской культуры между Одером и Вислой.

В то время как тезис о разрыве (хиатусе) между черняховской культурой и славянами в украинской лесостепи в V в. находит среди советских исследователей все больше сторонников, возможность соответствующего хиатуса в VI и VII вв. для областей, лежащих к северу от Киева, на верхнем Днепре, Березине, Десне и большей части Белоруссии, до сих пор никогда не подвергалась рассмотрению. Ослепленные чарами балтийства и из-за недостаточно твердой хронологии И. И. Ляпушкин и В. В. Седов предложили начинать славянскую колонизацию края, издревле заселенного балтами, с VIII в. Они опровергали, без сомнения правильно, автохтонность этих поздних славянских поселенцев, которую в первую очередь белорусские исследователи понимали как непрерывность развития населения и связывали с ней носителей местной группы Колочин — Тушемля. Уточним еще раз этот вопрос на карте распространения керамических групп на верхнем и среднем Днепре (рис. 5), опубликованной И. П. Русановой [6]. Мы видим на западе, на Припяти, корчакский тип, на севере тип Колочин — Тушемля, на юге, у пришедших на черняховскую территорию славян VI и VII вв., пеньковский тип. Являются ли эти три керамические группы, как это считает И. П. Русанова, одновременными и отражает ли их распространение синхронные археологические культурные группы? Если оставить в стороне группу на Припяти (корчакский тип), то синхронность Колочина — Тушемли на севере и Пеньковки на юге еще нуждается в доказательстве. Сама по себе керамика не может быть датирована точнее: И. П. Русанова относит все три группы к третьей четверти I тысячелетия. Из раскопанных же на современном уровне памятников северной группы опубликован только Колочин на Днепре, где, к сожалению, Э. А. Сымонович не нашел никаких датирующих металлических вещей для второго периода. Поэтому интересующийся данной проблемой зарубежный читатель должен исходить из следующего.

1. Появление полуземлянок с печами вне укреплений (более ранних или более поздних у Колочина и у Щаткова вблизи Бобруйска) и на открытых поселениях у рек (Абидня и т. п.) — важный элемент культуры, общий для северной группы и групп Корчак и Пеньковка. Однако для

[6] И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, карта на стр. 144, рис. 1.

хронологии это дает так же мало, как и общие для всех трех групп трупосожжение и родство керамических форм.

2. Все советские археологи, занимавшиеся этой проблемой (И. И. Ляпушкин, В. В. Седов, П. Н. Третьяков, И. П. Русанова, Л. Д. Поболь), признают за украшенными эмалью бронзами колочинско-тушемлинской группы решающее датирующее и большей частью также этническое значение. Они общебалтийские и относятся к III—V вв. Для неукрепленного поселения Абидня в верхнем течении Днепра (с 30 полуземлянками), благодаря находкам тиглей для литья и самих вещей с эмалью, Л. Д. Поболь смог доказать местное их производство. То же относится и к поселению Мощина в бассейне р. Угры.[7]

3. Местные вещи с эмалью из длинных курганов и трупосожжений Кветуни на Десне, а также с некоторых поселений и из кладов, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованы. Не проведен также их хронологический и типологический анализ и исследование с точки зрения истории одежды. Отсутствует также сравнительный их анализ с аналогичными изделиями Прибалтики.

4. На основании собственных исследований (рис. 6) автор приходит к следующим выводам. Во-первых, развитие типов, найденных на белорусско-украинской территории, зависело от типов Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония), если они даже значительно от них отличаются. Во-вторых, эти изделия с эмалью встречаются как случайные находки также и на территории черняховской культуры, хотя никогда не связаны с черняховскими памятниками. Их единичные экземпляры найдены на раннеславянских поселениях (с. Волошское у Днепропетровска) или в памятниках гуннского времени (Херсонес в Крыму, Сирма-Бесеньё у Мишкольца). С точки зрения истории одежды важны треугольные фибулы (с эмалью и без нее), которые по самой своей природе связаны с одеждой с одной фибулой (кветуньские погребения с сожжением I и III) и типологически представляют собой дальнейшее развитие эстонских перекладчатых фибул (тип тюрсамяэ) IV в.

5. Местные изделия с эмалью с большими красными и зелеными вставками относятся к концу IV и V вв. и имитируют синхронные золотые украшения полихромного стиля юга со вставками из альмандинов и стекла.

6. Производство их угасает, когда обрываются контакты с Прибалтикой и в лесостепи начинается развитие славянской культуры, вместе с которым в женской одежде место треугольных фибул занимают бронзовые пальчатые фибулы днепровского типа или фибулы с кружковым орнаментом.

7. Если в позднем IV и в V вв. эмалевые изделия северной области зависят от Прибалтики и развиваются в связи с ней, то в VI—VII вв. развитие фибул южной области (бывшей черняховской территории) ориентируется на формы фибул крымских готов. Одежда с одной фибулой присуща обеим областям.

8. Изучение хронологии и областей распространения фибул показывает, что северные области не принимали участия в развитии пальчатых фибул юга, а южные области — в производстве эмалей на севере.

9. Север и юг друг с другом связаны всеми теми элементами культуры, которые были приведены как типичные для периода расселения славян VI—VII вв.: неукрепленные поселения, поблизости от рек, с полуземлянками (с печью в углу), лепная, родственная друг другу керамика, трупосожжения со скудным инвентарем, однофибульная одежда женщин.

10. Поскольку на севере известны комплексы находок конца IV и V вв. (группа Колочин — Тушемля — Абидня), твердо датируемые вещами с эмалью, а материалов VI и VII вв. мы здесь не знаем и только в VIII—

[7] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

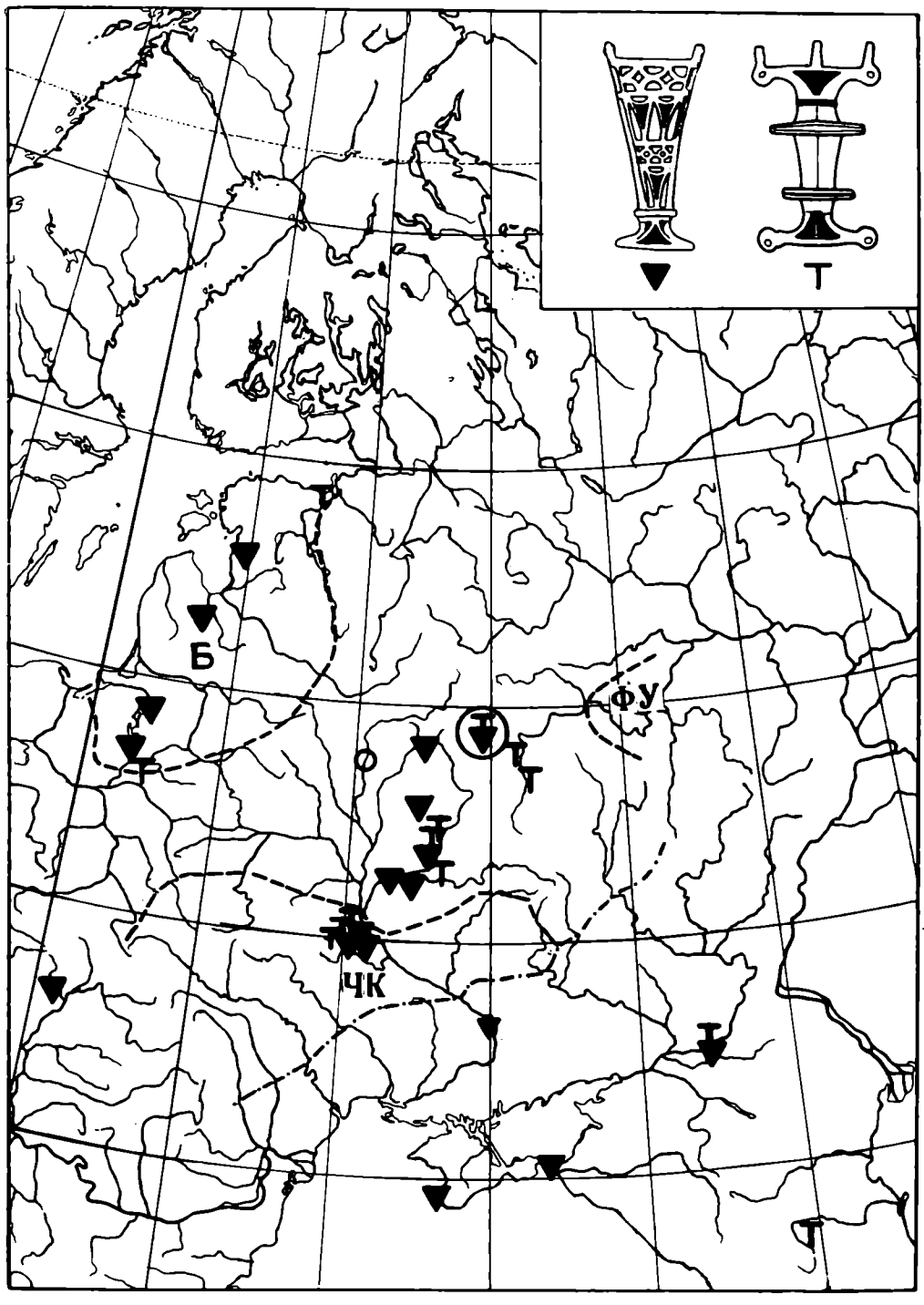


Рис. 6. Перекладчатые фибулы с эмалью:
Б — территория балтов; ФУ — финно-угры; ЧК — территория черняховской культуры

IX вв. появляются славянские городища и курганы, то, очевидно, в материале должен быть хиатус, соответствующий тому, который был в лесостепи в течение V в. Видимо, есть все основания считать, что заселенность здесь прекратилась перед 500 г., и видеть в этом явление, сходное с прекращением черняховского расселения около 400 г.

11. Население, следы обитания которого в IV и V вв. обнаруживаются на широких пространствах Белоруссии до верхнего течения Днепра, Десны и до Угры (группа Колочин — Тушемля — Мощина), должно было перед 500 г. уйти на юг, следуя вдоль течения рек. Оно было славянским; безусловно славянский пеньковский тип юга следует в направлении се-

вер — юг за колочинско-тушемлинским типом во времени и, как видно на приведенной выше карте И. И. Русановой, в пространстве.

12. Юг (лесостепь), оставленный около 400 г. носителями черняховской культуры, согласно всему вышесказанному, можно было бы рассматривать как первичную территорию экспансии славян, появившихся на нижнем Дунае под именем антов и склавенов. В северной, лесной зоне до 500 г. находилась область, откуда они происходят, а территорией вторичной колонизации после 600 г. стала прежняя римская территория к югу от Дуная.

Изложенная здесь рабочая гипотеза могла бы, с моей точки зрения, содействовать объяснению следующих явлений.

1. Большие людские массы, засвидетельствованные в VI в. между средним Днепром и нижним Дунаем археологически и исторически как славяне, а в VII в. занявшие широкие территории Юго-Восточной Европы, должны были переселиться из обширной области их первоначального обитания, которую теперь можно определить.

2. Появление уже вполне сложившейся культуры на территории их экспансии станет понятным, если учесть, что предшествующие ступени ее развития известны на севере, в месте их исхода из лесной зоны, что устанавливается и хронологически.

3. Способ постройки жилищ с печным отоплением внутри и местами для варки пищи вне жилищ обязан своим возникновением климатическим условиям лесной зоны.

4. Родство корчакской группы на Припяти с находящимися вне сферы византийских интересов славянскими группами, обнаруженными в Словакии и Чехии (пражский тип), у которых, так же как и на Припяти, археологически не удается установить женскую одежду с фибулой, отличает корчакскую группу от восточных славянских групп.

5. Если считаться, следуя за советскими исследователями, с первичным заселением (мы бы сказали, с повторным заселением) северных областей славянами только начиная с VIII в., то отсутствие датируемых материалов VI—VII вв. нашло бы свое объяснение в том случае, если признать обезлюдение этой территории начиная с времени около 500 г. При этой концепции следовало бы рассмотреть установленную советскими лингвистами «балтскую» гидронимию этой области с тем, чтобы проследить, нет ли названий рек, принадлежащих общему балтославянскому праязыку в понимании Х. Бирнбаума и С. Стэнга. Речь шла бы тогда о «праславянских» языковых реликтах на «вновь славянизированной» территории как свидетельстве наличия незначительного не ушедшего населения, которое жило восточнее и юго-восточнее собственно балтских групп.

В рассматриваемый период V—VII вв. происходили радикальные сдвиги населения в Восточной Европе как следствие больших переселений. На Украине они были столь же неизбежны из-за ухода носителей черняховской культуры около 400 г. и прихода славян около 500 г., как и на территории между Грецией и Карпатией, где славяне захватили прежние земли Римской империи. Даже только для объяснения этих событий, должны быть приняты сходные глубокие изменения также и к северу от границы лесостепи.

В настоящее время достаточно широко признается, что уход черняховцев-готов из украинских и румынских областей был вызван наступлением гуннов. При славянских вторжениях VI и VII вв. в Византийскую империю решающую роль, по письменным источникам, в качестве движущей силы играли булгары, кутригуры и авары. Роль восточных кочевников в больших передвижениях земледельческих оседлых народов в V—VII вв. заслуживает специального рассмотрения и в настоящей статье обсуждаться не будет. Археологической наукой почти не исследовались формы симбиоза земледельцев и кочевников, хотя этот симбиоз представляет

лейтмотив развития Восточной Европы. Вещи (VI—VII вв.) кочевников в славянских поселениях среднего Поднепровья, женские погребения со славянскими принадлежностями одежды в аварских кладбищах первого каганата, клады-хранилища славянского или смешанного славянско-кочевнического характера в лесостепи (несомненно зарытые в военные времена клады Мартыновский, Хацковский, Суджанский и Колосковский) могли бы пролить свет на политическую ситуацию того времени. Очевидно, и переход от открытых поселений на городища в позднем VII и VIII вв. должен быть связан с нажимом кочевников степной зоны на славян лесостепи. Само расположение кочевнических княжеских погребений или коллективных кладбищ VII в. на пограничье степи и лесостепи (Глодосы у Кировограда, Вознесенское у Запорожья на Днепре, Малая Перещепина у Полтавы и Арцыбашево напротив мордвы на средней Оке) могло бы позволить сделать выводы об их соотношении со славянскими или финно-угорскими центрами поселений.

Исследователь в Центральной и Западной Европе, занимающийся археологическими материалами так называемой эпохи переселения народов, не может недооценить значение кочевнических элементов, принесенных гуннской державой, для развития культуры и взаимоотношений населения на Западе и Востоке. Когда под нажимом кочевников-гуннов распалась лежащая широкой дугой перед римской дунайской границей германская промежуточная зона, славянские обитатели северных лесных областей смогли устремиться вдоль течения рек в обезлюдевшую украинскую лесостепь. Путь через эту первичную территорию их экспансии, на которой прежде всего поселились анты, вел далее на юго-запад, на нижний Дунай, откуда склавены и часть антов двинулись на территорию Византийской империи к югу от реки. То, что в археологическом материале начинает выступать как раннеславянская культура, исключительно единообразная и отмеченная характерными культурными элементами в период передвижений VI—VII вв., имеет своим источником культурные явления IV—V вв. на свободных от балтского населения пространствах Белоруссии и пограничных с нею областей.

Следует ли изложенную здесь концепцию северной родины антов и склавенов подкрепить и сохранить или отбросить, должны проверить местные исследователи на материале (большей частью неопубликованном) с рассматриваемой территории. Советским исследователям представляется подвергнуть критической проверке основной вопрос: *рабочую гипотезу о внезапном прекращении населения* на севере через столетие, после широко признанного внезапного прекращения черняховского населения на юге. Необходимым основанием для дискуссии был бы почти отсутствующий в настоящее время дифференцированный хронологический анализ металлических вещей и их анализ в плане изучения истории одежды и условий их находок на территории, с которой, как мы предполагаем, происходят анты и склавены.

Joachim Werner

SUR L'ORIGINE ET L'EXPANSION DES ANTES ET DES SCLAVÈNES

Résumé

D'après le témoignage de Procope, les Antes et les Sclavènes apparaissent dès le début du 6. siècle au nord du Bas — Danube, pour pénétrer en masse dans l'empire byzantin à la fin du 6. et au 7. siècle. Cette foule innombrable de Slaves réussit à slaviser les pays entre la Grèce et la Carinthie. Quelle fut la patrie originaire de ces Slaves? Dans les temps de leur expansion, selon les données archéologiques, la structure de la civilisation slave est caractérisé par des éléments bien déterminés: huttes quadrangulaires avec un four au coin (poluzemljanky), habitats non fortifiés sur les rives des fleuves et des

ruissaux, céramique faite à la main du type Prague, Korčak et Penkovka et cimetières à incinération presque sans mobilier funéraire. A cause de la différence fondamentale que présente la civilisation Černjachov — Sîntana de Mureş en Ucraine, Moldavie et Valachie, attribuée en premier lieu aux tribus gothiques du 3. et 4. siècles et disparue vers 400 sous la poussée des Huns, l'auteur développe la thèse d'une immigration slave, partant du nord, dans le territoire abandonné par les peuples de la civilisation Černjachov, vers la fin du 5.siécle. Donc, il cherche la patrie originaire des Antes et des Sclavènes au nord des frontières du territoire Černjachov et à l'est des territoires occupés par les Baltes. C'est sur le haut Dnjepr, la Desna et la Bérésina, où on observe aux 4.—5. siècles une civilisation de structure semblable à celle du temps de l'expansion des Antes et des Sclavénes en Ucraine et sur le Bas-Danube. La civilisation du type Penkovka en Ucraine (6.—7. siècles) serait donc sortie par migration de la civilisation du type Koločin — Tušemlja — Abidnja en Russie Blanche (4.— 5. siécles). L'hiatus archèologique en Ucraine au 5. siècle corresponderait à un hiatus archéologique en Russie Blanche aux 6.—7. siècles, jusqu'à l'apparition — dans ces contrées — d'un matériel archéologique slave tardif, lié à une colonisation par des Slaves orientaux, immigrés du sud aux 8.—9. siècles.

В. В. СЕДОВ

ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Славянские племена Среднего Поднепровья в отличие от других восточнославянских племен не имеют каких-либо специфических украшений. Перстнеобразные височные кольца полян, древлян и волынян, как и другие предметы женских украшений, принадлежат к общевосточнославянским или общеславянским типам. Малое количество вещевых находок и отсутствие специфического набора женских украшений составляют важнейшую особенность среднеднепровских курганов IX—XII вв.

Единственным признаком для дифференциации славянских курганов Среднего Поднепровья является различное местоположение умершего. На основе этой особенности выделяются две группы курганов — насыпи с трупоположениями на материке и насыпи с захоронениями в ямах, вырытых в материке. Если в лесной полосе Восточной Европы курганы с погребениями в грунтовых ямах являются хронологически более поздними (в XI—XII вв. господствуют курганы с трупоположениями на материке, на смену которым во второй половине XII в. приходят насыпи с захоронениями в грунтовых ямах), то в Среднем Поднепровье эти курганы сосуществуют с насыпями, содержащими трупоположения на горизонте.

Еще работами Б. А. Рыбакова и Л. А. Голубевой по анализу киевских и черниговских курганных некрополей было показано, что обряд трупоположения в подкурганных ямах здесь появляется довольно рано, уже в IX—X вв., и господствует на протяжении X—XII вв. [1]. Большую работу по изучению и систематизации курганных древностей Среднего Поднепровья в последнее время провели И. П. Русанова и Е. И. Тимофеев [2]. Они показали, что обряд трупоположения в подкурганных ямах на Волыни и Киевщине был широко распространен уже в X в. и господствовал в течение X—XII вв., в то время как в других районах Среднего Поднепровья были распространены курганы с трупоположениями на горизонте.

Курганы с трупоположениями в грунтовых ямах в Среднем Поднепровье занимают более южные области. Они господствуют в южной части Волыни (примерно до линии, проходящей через Ровно и Луцк), в Верхнем Поднестровье и на Киевщине, а в левобережной части Днепра поднимаются к северу, охватывая нижнее течение Десны. Курганы с трупоположениями на горизонте распространены в среднем течении Стыри, в среднем и нижнем течениях Горыни, на Случи, Уборти, Уже́ и в верховьях Тетерева (рис. 1). Главным образом в местах соприкосновения

[1] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 15—20; Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, 11. 1949, стр. 106.

[2] Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. СА, 1961, 3, стр. 57—64; его же. Юго-западная группа восточных славян по археологическим данным X—XIII вв. Уч. зап. Хабаровского ГПИ, VI, Хабаровск, 1961, стр. 105—121; И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв. САИ, Е1-24, 1966, стр. 22—24.

этих ареалов имеются курганные могильники, включающие как насыпи с трупоположениями на горизонте, так и насыпи с захоронениями в ямах.

Очевидно, что положение умершего на материке или в грунтовой яме в среднеднепровских курганах является показателем не хронологического, а территориального и, следовательно, этнографического подразделения погребенных.

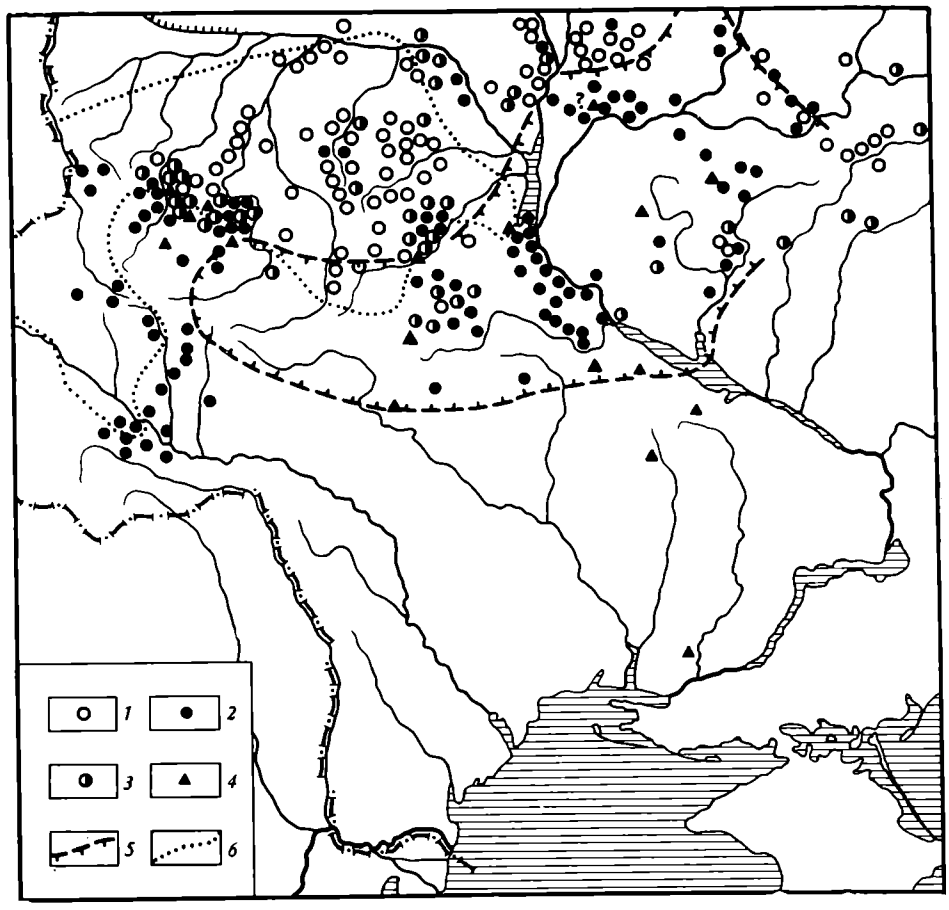


Рис. 1. Распространение курганов с трупоположениями в Среднем Поднепровье:

1 — курганные могильники с трупоположениями на материке; *2* — курганные могильники с трупоположениями в грунтовых ямах; *3* — курганные могильники с двумя типами трупоположений; *4* — места находок украшений X в., выполненных в технике тиснения; *5* — граница Руси в узком смысле (по А. Н. Насонову); *6* — граница распространения памятников с пражской керамикой

Из курганов Среднего Поднепровья имеется большая коллекция черепов. До сих пор краниологические серии группировались антропологами в зависимости от восточнославянских племенных ареалов, обрисованных по археологическим данным. Г. Ф. Дебец в этой связи отметил, что племенное деление восточного славянства, хорошо обнаруживаемое археологами, не находит какого-либо соответствия в антропологическом строении раннесредневековых славян. Распределение краниологических материалов из курганов Среднего Поднепровья в зависимости от отмеченной выше особенности погребальной обрядности обнаруживает существенное отличие серий черепов из насыпей с трупоположениями в грунтовых ямах от черепов, происходящих из насыпей с трупоположениями на горизонте [3].

Серии черепов из могильников, состоящих исключительно из курганов с ямными трупоположениями, довольно однородны. Черепа эти мезодолихокранны и характеризуются средними абсолютными размерами. Лицо

[3] Исследованию этих краниологических материалов посвящена специальная работа, краткие выводы из которой приведены ниже

низкое или низкосреднее по высоте, сравнительно узкое (скуловой диаметр 131,6) с мезоринным носом.

Серии черепов из курганных могильников с трупоположениями на горизонте составляют совершенно иной антропологический тип. Эти черепа также мезодолихокранны, но более крупные по абсолютным размерам. Лицо среднее по высоте, нос более узкий по сравнению с первыми черепами. Наиболее яркое отличие наблюдается в ширине лица. Все черепа из курганов с захоронениями на материке широколицые (скуловой диаметр 136,5).

Поиски аналогий мезодолихокранного узколицего антропологического типа славян Среднего Поднепровья приводят к черняховским материалам. Славянские черепа из курганов с могильными ямами обнаруживают значительное сходство с черепами из черняховских могильников III—IV вв. Среднего Поднепровья (Черняховский, Масловский и Дедовщинский) [4]. Черняховские черепа в свою очередь обнаруживают сходство с черепами из скифских курганов Среднего Поднепровья, что неоднократно отмечалось исследователями [5]. В краниологических коллекциях Средней и Восточной Европы более близких аналогий рассматриваемым курганным черепам среднеднепровских славян найти не удается.

В этой связи можно утверждать, что славяне Среднего Поднепровья, хоронившие умерших по обряду трупоположения в курганах с грунтовыми ямами, являются потомками черняховского населения. Заслуживает внимания и тот факт, что мезодолихокранный узколицый антропологический тип в Среднем Поднепровье в эпоху раннего средневековья в территориальном отношении в значительной степени соответствует ареалу черняховской культуры (рис. 2). Поскольку черняховское население Среднего Поднепровья по антропологическому строению близко к скифам той же территории, можно полагать, что та группа среднеднепровских славян, которая хоронила умерших в IX—XII вв. в грунтовых могилах под курганами, сформировалась в результате славянизации местных ираноязычных племен. Иными словами, славяне, оставившие среднеднепровские курганы с трупоположениями в грунтовых ямах, в значительной степени были потомками местных скифо-сарматских племен.

В связи с этим тезисом можно сделать два примечания. Во-первых, на его основании неправомерно делать заключение о славянской принадлежности черняховской культуры. Антропологическая преемственность очень часто не равнозначна преемственности языковой. Во-вторых, гипотеза П. Н. Третьякова о принадлежности восточным славянам исключительно зарубинецкой культуры (носители которой в черняховское время вынуждены были продвинуться на север в Верхнее Поднепровье, а после гуннского нашествия, разгромившего черняховскую культуру, потомки зарубинецких племен стали расселяться из Верхнего Поднепровья в среднеднепровские земли, где создали культуру типа Пеньковки) с антропологической точки зрения представляется абсолютно нереальной [6]. Среднеднепровские славяне не могли быть переселенцами из Верхнего Поднепровья [7].

К какому же времени относится процесс славянизации среднеднепровского ираноязычного населения? Все данные как будто свидетельствуют в пользу того, что этот процесс имел место в период черняховской культуры.

---

[4] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948, стр. 164, 165.

[5] Там же, стр. 164, 165; М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. Автореф. канд. дис. М., 1970.

[6] П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

[7] Мне уже приходилось отмечать в связи со статьями П. Н. Третьякова, в которых излагалась эта гипотеза, что последняя не может быть принята и по ряду археологических соображений (В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 52, 53).

Предположение о том, что интересующий нас ассимиляционный процесс протекал раньше сложения черняховской культуры, должно быть решительно отвергнуто. Начиная со II в. до н. э. в поднепровских областях, прежде занятых скифами, расселяются сарматы. Как показывает сопоставление карты скифских археологических культур с картой сарматских памятников, в начале нашей эры сарматами были завоеваны все земли Скифии. Кроме переселения части степных скифов в Крым, археология не дает оснований для предположения о вытеснении скифского

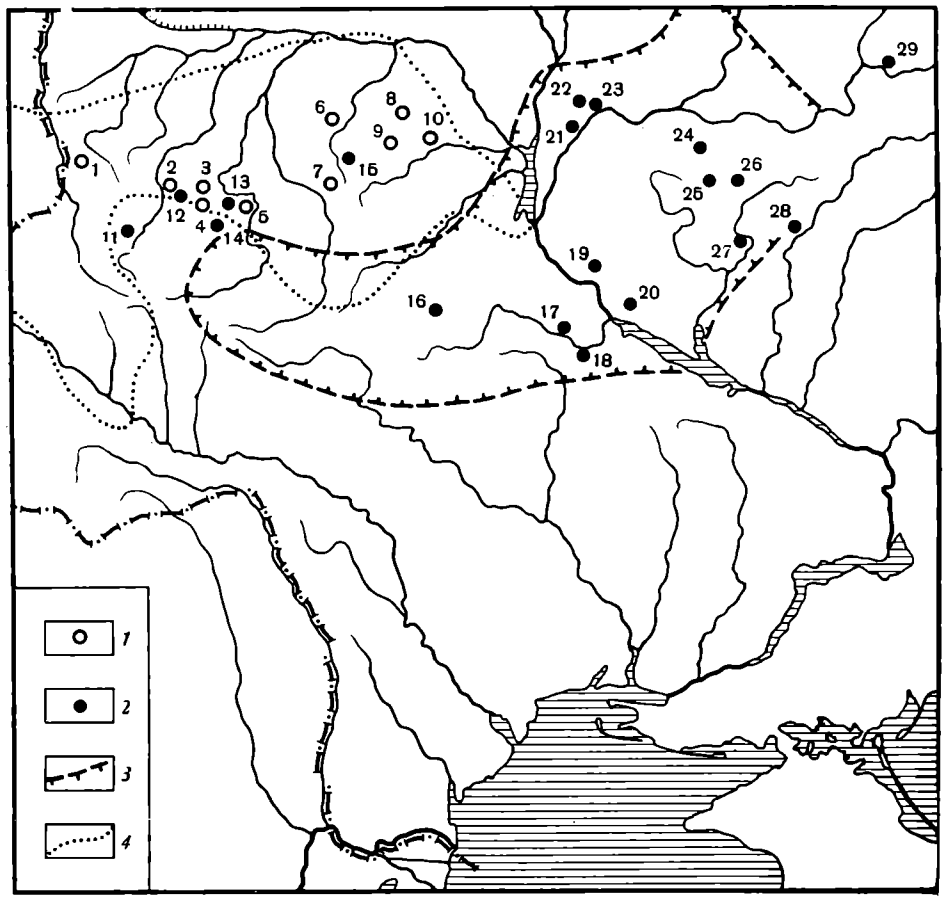


Рис. 2. Антропологическая карта среднеднепровских славян по курганным материалам: *1* — мезодолихокранный относительно широколицый антропологический тип; *2* — мезодолихокранный узколицый антропологический тип; *3* — граница Руси в узком смысле (по А. Н. Насонову); *4* — граница распространения памятников с керамикой пражского типа.

1 — Новоселки; 2 — Теремно; 3 — Белев; 4 — Старый Жуков; 5 — Колоденки; 6 — Олевск; 7 — Андреевичи; 8 — Речица; 9 — Норинск; 10 — Яжберень; 11 — Вечулки; 12 — Усичи; 13 — Гродск; 14 — Пересопница; 15 — Зубковичи; 16 — Ягнитин; 17 — Хутор Половецкий; 18 — Николаевка; 19 — Переяславль; 20 — Липлява; 21 — Шестовицы; 22 — Троицкий монастырь в Чернигове; 23 — Гущино; 24 — Бахмач; 25 — Липовое; 26 — Медвежье; **27 — Лубны; 28 — Броварки; 29 — Липино** (17 и 18 — грунтовые могильники, остальные — курганные могильники)

населения сарматами. Невероятна мысль о полном истреблении скифского населения близкородственными по языку сарматами. По-видимому, сарматское завоевание Скифии сопровождалось расселением отдельных сарматских групп среди местного скифского населения Северного Причерноморья и сарматизацией последнего. Среди скифского населения распространилась сарматская культура, а язык скифов, принадлежащий к северо-восточной подгруппе восточноиранских языков, приобрел особенности, свойственные сарматским племенам, относящимся по языку к той же подгруппе восточных иранцев [8].

[8] Известные в Южной Скифии позднескифские поселения, по-видимому, свидетельствуют о сохранении в сарматское время собственной культуры у части потомков

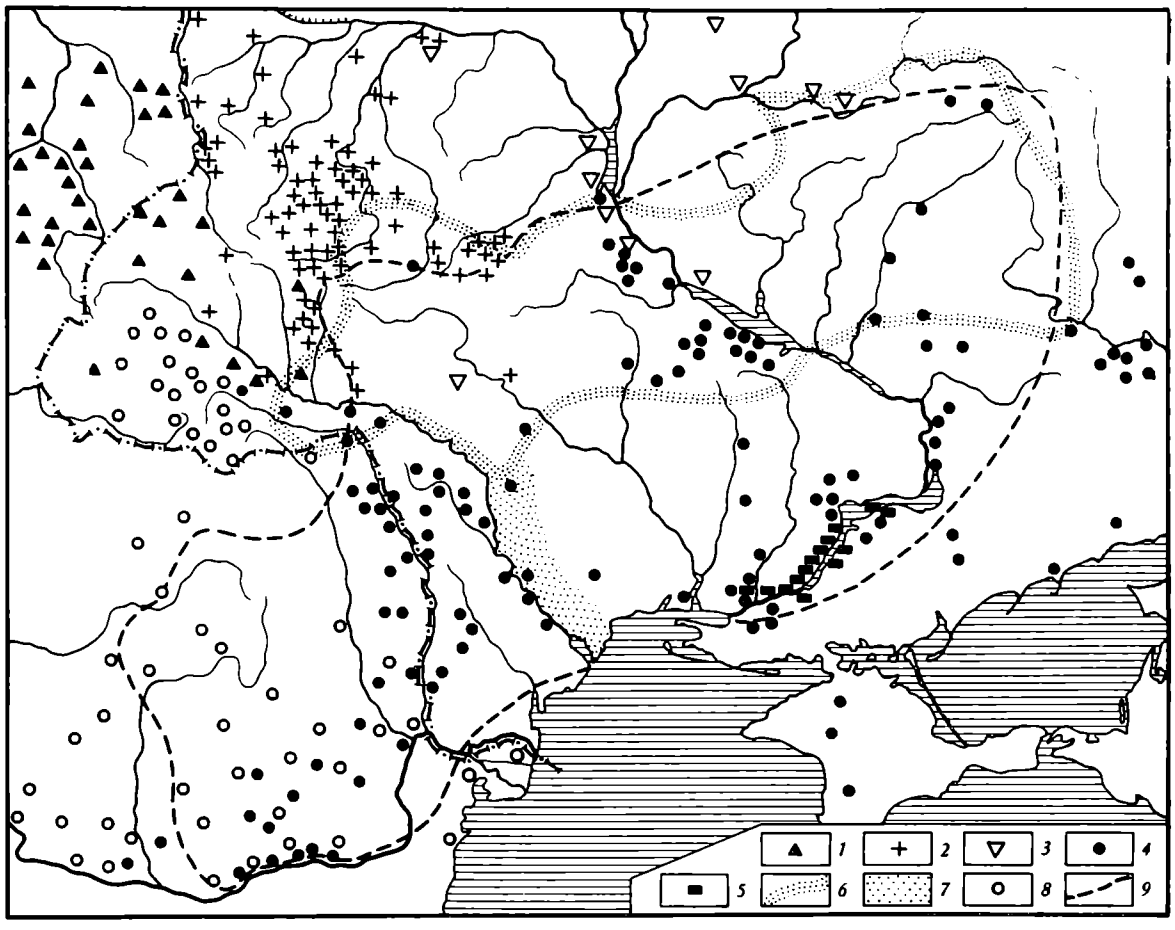


Рис. 3. Северное Причерноморье накануне сложения черняховской культуры:

1 — памятники пшеворской культуры; *2* — поморско-мазовецкой культуры (типа Дытыничи — Брест-Тришин), по Ю. В. Кухаренко; *3* — позднезарубинецкие памятники (II в.); *4* — сарматские памятники первых веков нашей эры; *5* — позднескифские городища (I—II вв.); *6* — ареал скифских лесостепных культур I тысячелетия до н. э.; *7* — западная граница степной Скифии в I тысячелетии до н. э.; *8* — разнотипные памятники гето-дакийского населения; *9* — общая граница черняховской культуры

Только в относительно небольшом районе Скифии — на Киевщине — в I в. до н. э.— II в. н. э. распространяется зарубинецкая культура, значительные части ареала которой находятся уже вне Скифии — в Припятском Полесье и на Гомельщине.

В первых веках нашей эры, накануне сложения черняховской культуры, этническая карта Северного Причерноморья выглядела следующим образом (рис. 3). Почти по всему будущему черняховскому ареалу расселялись сарматские племена. Их археологические памятники — курганы, грунтовые могильники и поселения — распространены от нижнего Дуная на западе до бассейна Дона и восточнее. Они занимают как степные, так и лесостепные области Поднепровья и Поднестровья. Западными соседями ираноязычных сарматов были различные дако-мизийские племена, принадлежащие к фракийской языковой группе. В междуречье нижнего Дуная и Прута их памятники располагаются вперемежку с сарматскими, а основной массив дако-мизийского населения находился в более западных и южных районах.

Северные, лесные земли Поднепровья с прилегающими к ним территориями Волго-Окского бассейна на востоке и с бассейнами Немана и Западной Двины на западе занимали различные балтские племена (куль-

скифского населения. Сарматское воздействие и здесь очевидно. Поэтому не исключено, что обитатели этих поселений в языковом отношении оказались сарматизированными.

тура штрихованной керамики, днепро-двинская, верхнеокская и др.). В самом начале нашей эры в среду́ восточнобалтского населения левобережной части Верхнего Поднепровья проникают зарубинецкие племена. В результате взаимодействия пришлого и местного населения складываются почепская культура в Подесенье, древности типа Адаменки в поречье Днепра (от устья Сожа до Могилева) и древности типа среднего слоя Тушемли в южной Смоленщине.

В Среднем Поднепровье, по-видимому во II в., осталось сравнительно немногочисленное зарубинецкое население. Единичные позднезарубинецкие поселения, относящиеся ко II в., пока выявлены только в поречье Днепра от устья Тетерева до Роси. Может быть, к этому времени относятся и некоторые зарубинецкие поселения в верховьях Южного Буга.

В бассейне Западного Буга, в западной части Припятского Полесья и на Волыни во II в. распространяются памятники поморско-мазовецкой культуры (типа Дытыничи — Брест — Тришин). Носителями этой культуры были пришлые племена, расселившиеся из Нижнего Повисленья. По-видимому, это были готы и другие восточногерманские племена, среди которых находились и иноплеменные коренные жители южной Прибалтики.

Наконец, в Верхнем Поднестровье и западнее в бассейнах Вислы и Одера обитали племена пшеворской культуры. Польские исследователи считают, что носителями последней были венеды-славяне. Прямых археологических доказательств в пользу этого мнения нет. Однако совокупность исторических, археологических, лингвистических и топонимических наблюдений позволяет полагать, что среди населения пшеворского ареала должны быть славяне.

Итак, черняховская культура формируется в основном на скифо-сарматской территории. Вполне очевидно, что она не является генетическим развитием сарматской культуры. Вместе с тем нет решительно никаких оснований полагать, что сложение черняховской культуры сопровождалось вытеснением или уничтожением местного ираноязычного населения. Целый ряд фактов свидетельствует о том, что местные племена вошли в состав черняховского населения как один из его существенных этнических компонентов.

Еще в 50-х годах Ю. В. Кухаренко показал, что в черняховских древностях отчетливо проявляются сарматские элементы [9]: устройство подбойных могил для трупоположений; положение умерших со скрещенными или согнутыми в коленях ногами; присутствие в могилах возле трупоположений костей барана, кусочков мела, краски и древесных угольков; случаи сооружения курганов над погребенными; находки в могилах бронзовых зеркал; искусственная деформация черепов. Эти особенности бытуют в черняховских могильниках широко, по всему ареалу этой культуры.

Теперь можно утверждать также, что скифо-сарматским по происхождению был в черняховских могильниках ритуал положения умерших головой на север. Из всех этнических компонентов, составивших черняховскую культуру, такая обрядность свойственна только местным пранцам. Правда, меридиональные трупоположения известны также в Нижнем Повисленье в памятниках поморско-мазовецкой культуры. Однако носители последней в бассейне Западного Буга и на Волыни, с которыми в известной степени связано формирование черняховской культуры, знали только обряд трупосожжения. Немногочисленные трупоположения известны и в пшеворской культуре. Здесь они появляются только на поздней стадии развития этой культуры, являются инокультурным элементом и также не могли послужить основой для распространения меридиональ-

---

[9] Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 114—120.

ных трупоположений в черняховских могильниках. Антропологические материалы заставляют полностью отказаться от мысли о принесении в черняховскую культуру северных трупоположений из Повисленья.

На западе черняховского ареала выявляются фракийские элементы, свидетельствующие об участии здесь в этногенезе черняховцев местных дако-карпских племен [10]. Помимо того в формировании черняховского населения бесспорно приняли участие пришлые пшеворские и поморско-мазовецкие племена. О пшеворских элементах речь пойдет ниже. Вклад же носителей поморско-мазовецкой культуры очевиден, но ни в одном из районов черняховского региона он не является господствующим и первичным [11].

Нужно полагать, что черняховское население, сложившееся в условиях территориального смешения нескольких племенных групп, оставалось пестрым в этническом отношении. Доля участия каждой из племенных групп в этногенезе черняховцев пока не может быть определена. Но видимо, можно предполагать, что в разных частях обширного черняховского ареала имели место различные языковые и ассимиляционные процессы, может быть, оставшиеся в ряде мест незавершенными из-за относительной кратковременности бытования черняховской культуры. Об этом отчетливо свидетельствует очевидная неравномерность концентрации в разных областях черняховского ареала элементов, унаследованных черняховской культурой от слагаемых древностей: скифо-сарматских, фракийских, пшеворских, зарубинецких и поморско-мазовецких.

Ниже рассматривается вопрос о выделении на этом основании одного из вариантов черняховской культуры, занимавшего область между верхним Днестром и средним Днепром. Характеристика же прочих областей черняховской культуры составляет отдельную тему.

Выделяемый вариант черняховской культуры, называемый ниже среднеднепровским, характеризуется значительным процентом погребений по обряду кремации, преобладанием трупоположений с западной ориентировкой и концентрацией пшеворских элементов как в деталях погребальной обрядности, так и в керамическом материале (рис. 4).

Погребения по обряду трупосожжения известны по всему черняховскому ареалу, но процент их в различных его районах весьма различен. В могильниках, расположенных на территории среднеднепровского варианта, трупосожжения часто преобладают над ингумированными захоронениями. Так, в Масловском могильнике трупосожжения составляют около 70% всех исследованных захоронений, в Писаревском — 78, в Компаниевском — свыше 90, в Каменском — около 90 и т. п.[12] Вне этой территории кремированные захоронения, как правило, немногочисленны.

Наряду с меридиональными трупоположениями в черняховских могильниках встречаются захоронения, обращенные головами на запад. Доля последних среди трупоположений различна в разных могильниках. В регионе среднеднепровского варианта трупоположения с западной ориентировкой, как правило, численно преобладают над меридиональными. Так, в Черняховском могильнике погребения с западной ориентировкой составляют 63% исследованных трупоположений, в Ромашках — 67, в Дедовщинском могильнике — 67 и т. п. Вне региона среднеднепровского варианта, наоборот, известны могильники со значительным преобладанием меридиональных трупоположений (например, Малаешты — 88%, Будеш-

[10] Э. А. Рикман. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. Сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969, стр. 178—188.

[11] Мысль о решающей роли поморско-мазовецких племен в сложении черняховской культуры, разделяемая некоторыми исследователями (М. А. Тиханова. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 89—94), представляется неприемлемой.

[12] Могильники с единичными исследованными захоронениями не приняты в расчет и не нанесены на карту.

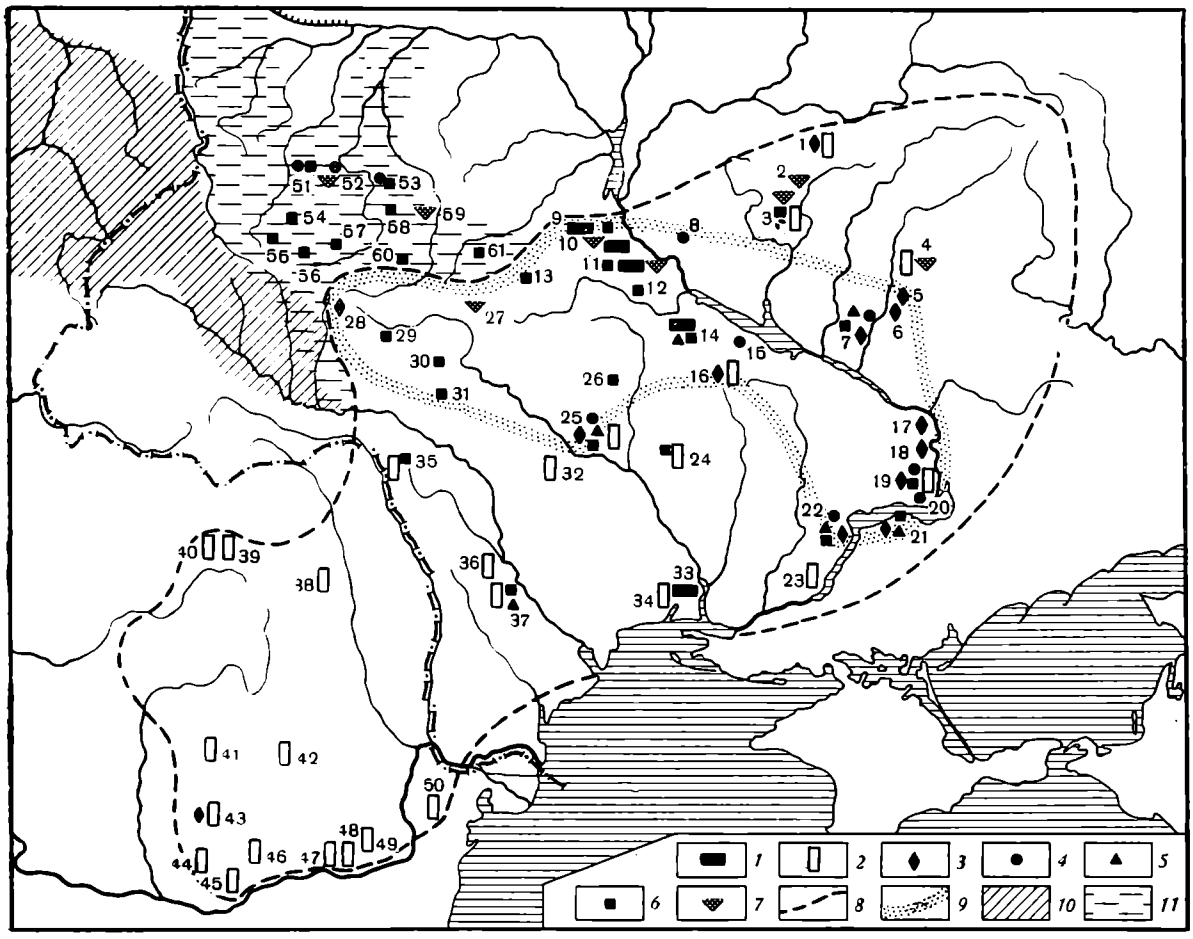


Рис. 4. Среднеднепровский вариант черняховской культуры:

1 — черняховские могильники с преобладанием трупоположений с западной ориентировкой; *2* — с преобладанием меридиональных трупоположений; *3* — черняховские могильники, в которых трупосожжения преобладают над трупоположениями (могильники с малым числом исследованных захоронений не картографированы); *4* — могильники черняховской и поморско-мазовецкой культур с пшеворскими особенностями в погребениях по обряду кремации; *5* — черняховские памятники с лепной керамикой пшеворских типов (нанесены только памятники, в которых пшеворские аналогии имеют сосуды трех и более типов); *6* — памятники черняховской и поморско-мазовецкой культур с находками мискообразных сосудов на высоком поддоне, с Х-образными ручками и с налепными ручками-шишечками; *7* — могильники с зарубинецкими особенностями в погребениях по обряду кремации; *8* — общая граница черняховской культуры; *9* — приблизительная граница среднеднепровского варианта черняховской культуры; *10* — ареал пшеворской культуры; *11* — ареал памятников типа Дытыничи — Брест — Тришин.

1 — Успенка; 2 — Гурбинцы; 3 — Лохвица; 4 — Кантемировка; 5 — Новоселовка; 6 — Писаревка; 7 — Компанейцы; 8 — Переяславль; 9 — Дедовщина; 10 — Черняхов; 11 — Ромашки; 12 — Богуслав; 13 — Ягнятин; 14 — Журовка Ольшанская; 15 — Завадовка; 16 — Маслово; 17 — Волошское; 18 — Ново-Александровка; 19 — Привольное; 20 — Августиновка; 21 — Каменка; 22 — Гавриловка; 23 — Михайловка; 24 — Рыжевка; 25 — Косаново; 26 — Ризино; 27 — Вилы Яругские; 28 — Подволочное; 29 — Ружичанка; 30 — Рахин; 31 — Зайчивка; 32 — Кринички; 33 — Ранжевое; 34 — Коблево; 35 — Малаешты; 36 — Балцаты; 37 — Будешты; 38 — Извоару; 39 — Тыргу Муреш; 40 — Сынтана де Муреш; 41 — Могошани; 42 — Тыргшор; 43 — Олтени; 44 — Изворула; 45 — Ойнак; 46 — Какалец; 47 — Одобеску; 48 — Спанцов; 49 — Индепенданца; 50 — Пятра Фрикэцей; 51 — Горка Полонка; 52 — Деревянное; 53 — Раковец Чесновский; 54 — Дытыничи; 55 — Неслухов; 56 — Рудка; 57 — Лепесовка; 58 — Сапожин; 59 — Кутки; 60 — Городище; 61 — Пряжев

ты — 74, Косаново — 82, Сынтана де-Муреш — 86, Коблево — 70, Тыргшор, Изворула, Индепенданца — около 100% и т. д.).

Среди черняховских трупосожжений выделяется группа захоронений с обрядовыми признаками, свойственными пшеворской культуре. Н. М. Кравченко, исследовавшая различные типы черняховских трупосожжений, к этой группе отнесла захоронения с обрядовой керамикой (ритуально разбитые сосуды, иногда фрагменты керамики, вторично обожженные и поддающиеся реконструкции). Сюда же относятся и захоронения в урнах, вторично обожженных, сопровождающиеся опять-таки ритуально разбитыми сосудами [13]. С пшеворскими сопоставимы также так

[13] Н. М. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. КСИА АН СССР, 121, стр. 44—51.

называемые рассредоточенные трупосожжения, в которых остатки кремации, вперемешку с землей, разбросаны в обширных по площади ямах. Черняховские трупосожжения с пшеворскими особенностями встречены преимущественно там же, где преобладают захоронения по обряду кремации и западные трупоположения.

Произведенное Г. Ф. Никитиной сопоставление лепной керамики черняховской культуры с сосудами предшествующих и синхронных культур показало, что большинство форм находит себе прямые аналогии в пшеворской керамике в комплексах I — первой половины III в. [14] Однако обращает внимание сосредоточение керамики однотипной с пшеворской в ареале выделяемого среднеднепровского варианта черняховской культуры. А некоторые типы глиняной посуды, характерные для пшеворских древностей, распространены почти исключительно в черняховских памятниках среднеднепровского варианта. Таковы картографированные недавно В. В. Кропоткиным миски и мискообразные сосуды трех видов: 1) с высокими поддонами, 2) с Х-образными ручками и 3) с налепными шишкообразными ручками-упорами [15].

На основе суммы рассмотренных фактов среднеднепровский вариант черняховской культуры выделяется очень отчетливо. Можно добавить еще, что в том же среднеднепровском ареале на черняховских поселениях известны жилища-землянки. В других районах черняховской культуры земляночные постройки или единичны, или неизвестны вовсе [16].

Среднеднепровский вариант черняховской культуры характеризуется прежде всего концентрацией пшеворских культурных элементов. Скифо-сарматское культурное наследие здесь отходит на второй план. Н. М. Кравченко подчеркивает, что пшеворские черты в черняховской обрядности устойчиво сохраняются и присутствуют длительное время, в том числе в самых поздних памятниках. По-видимому, пришлые пшеворские племена, расселившиеся среди ираноязычных скифо-сарматов, в этом регионе оказались победителями. Местное население постепенно было ассимилировано пришельцами. Смена меридиональной ориентировки черняховских трупоположений на западную, скорее всего, отражает этот ассимиляционный процесс. Каких-либо различий в антропологическом строении между северными и западными черняховскими трупоположениями, судя по материалам Гавриловского могильника, не наблюдается [17]. Поэтому нужно полагать, что захоронения, ориентированные головой к западу, принадлежат потомкам скифо-сарматского населения, вовлеченного в ассимиляционный процесс или уже ассимилированного. Если пшеворское население, расселившееся в Северном Причерноморье, было славянским, то можно говорить о славянизации местного иранского этнического элемента в условиях черняховской культуры.

С областью среднеднепровского варианта черняховской культуры связаны также зарубинецкие элементы, проявляющиеся и в деталях погребальной обрядности, и в керамике и свидетельствующие об участии зарубинецких племен в формировании черняховского населения. Поскольку в сложении зарубинецкой культуры, как и в генезисе пшеворской культуры, участвовали поморско-подклешевые племена, можно утверждать, что носители этих культур были близкородственными в этноязыковом отношении. Зарубинецкие племена, кажется, были носителями окра-

---

[14] Г. Ф. Никитина. Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965.

[15] В. В. Кропоткин. Могильник черняховского типа в с. Разпно Черкасской области (К вопросу о происхождении черняховской культуры). «Slavia antiqua», XVIII, Warszawa — Poznań, 1971, стр. 197—205.

[16] Кроме землянок для черняховской культуры характерны наземные жилища, распространенные по всему ее ареалу, и дома с каменными стенами, свойственные поселениям приморских районов между нижним Днестром и нижним Днепром.

[17] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской области. «Сов. антропология», 1958, 2, стр. 76.

инного диалекта, занимавшего в некоторой степени промежуточное положение между славянскими и западнобалтскими (прусо-ятвяжскими), поэтому в зависимости от обстоятельств они могли стать и балтами, и славянами. Зарубинецкая культура сложилась в основном в милоградском ареале, принадлежавшем балтам. Последующее расселение зарубинецких племен на северо-восток пополнило балтское население Верхнего Поднепровья, а на верхней Оке привело к формированию голяди [18]. Южная

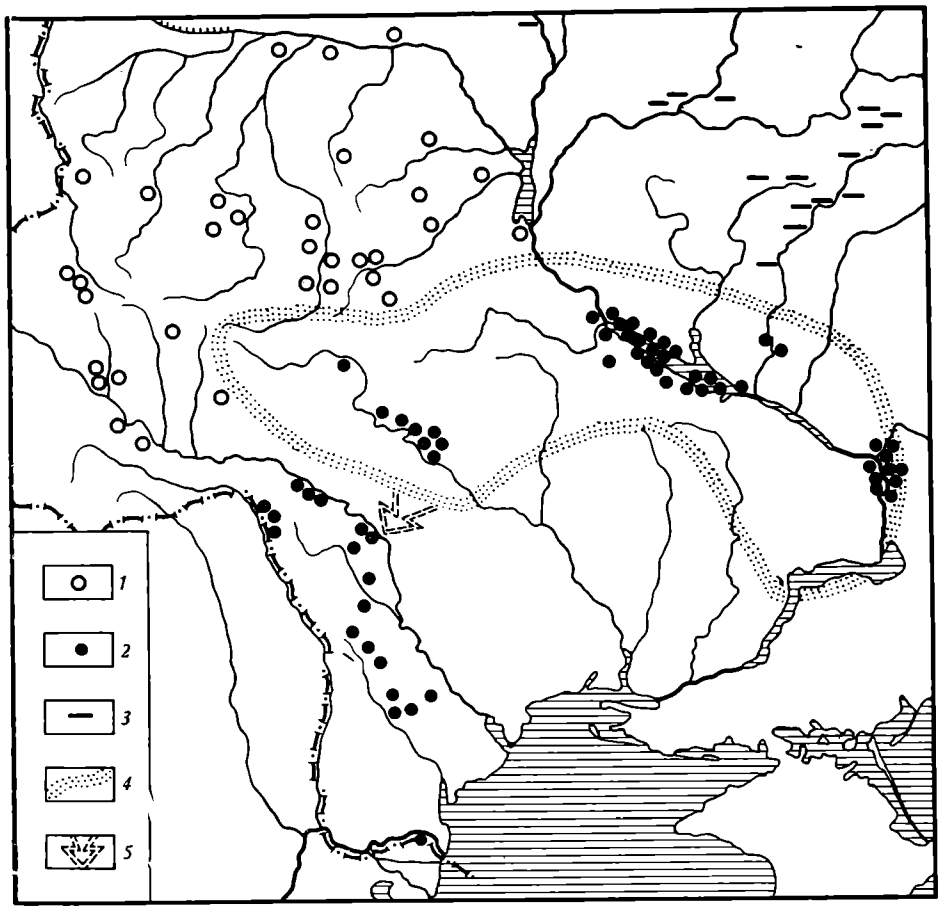


Рис. 5. Памятники третьей четверти I тысячелетия:

1 — памятники с пражской керамикой; *2* — с пеньковской керамикой; *3* — с керамикой типа Тушемли — Колочина; *4* — приблизительная граница среднеднепровского варианта черняховской культуры; *5* — направление антского расселения в середине I тысячелетия

часть зарубинецких племен смешалась с носителями пшеворской культуры, и вместе с потомками местных иранцев они составили среднеднепровскую часть черняховского населения.

О славянизации населения среднеднепровской части черняховской культуры можно судить по памятникам послечерняховского времени. Древности типа Пеньковки, оставленные одной из диалектных группировок славян V—VII вв. [19], в территориальном отношении в значительной степени соответствуют среднеднепровскому варианту черняховской культуры. Несколько более широкое распространение памятников пеньковского типа может быть объяснено некоторым расширением славянского региона в третьей четверти I тысячелетия (рис. 5).

Можно с определенностью утверждать, что культура типа Пеньковки имеет местное происхождение. Несмотря на то что еще не обоснована начальная дата этой культуры, ее можно рассматривать как наследие части черняховской культуры, разрушенной гуннским нашествием. Исходные формы пеньковской керамики могут быть найдены среди черня-

[18] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья..., стр. 38—48.
[19] Там же, стр. 63—76.

ховской глиняной посуды, а жилища пеньковских поселений могут быть эволюцией полуземлянок черняховской культуры. Петрографический анализ керамики пеньковских поселений Стецовка и Пастырское, выполненный О. Ю. Круг, показал, что здесь имеется посуда черняховской структуры. Конечно, между многими элементами черняховской и пеньковской культур эволюционная преемственность не наблюдается. Но ведь эти культуры разделяет период бурных потрясений, вызванных вторжением гуннских орд.

Славянские племена, оставившие среднеднепровские курганы с трупоположениями в ямах, и были потомками носителей пеньковской культуры. Детали развития погребальной обрядности этой группы славян во второй половине I тысячелетия, в основном, по-видимому, из-за слабой изученности могильных древностей этого времени, пока не ясны. Славянизация ираноязычных племен Среднего Поднепровья не завершилась в черняховское время. В левобережной части этот процесс протекал позднее и завершился в роменское время [20].

Кроме антропологических данных в пользу преемственности между черняховским населением и частью среднеднепровских славян IX—XII вв. говорят и некоторые наблюдения по истории ремесла. Так, Г. Ф. Корзухина в статье, посвященной некоторым южнорусским украшениям X в., выполненным в технике тиснения, устанавливает генетическую связь этих украшений как в технике, так и в формах с более ранними северопричерноморскими изделиями через посредство среднеднепровских культур VI—VIII вв. [21] Передача ремесленных традиций невозможна при смене населения, поэтому нужно допустить, что потомки черняховцев обитали в Среднем Поднепровье до эпохи Киевской Руси. Интересно отметить, что исследованные Г. Ф. Корзухиной украшения в Среднем Поднепровье встречены почти исключительно в области распространения курганов с трупоположениями в грунтовых ямах (рис. 1).

Вывод о славянизации иранского населения Среднего Поднепровья, основанный на археолого-антропологических материалах, не является изолированным. О том же свидетельствуют некоторые данные языкознания. Следы иранского воздействия на восточнославянские языки обнаруживаются не только на материалах лексики, но проявляются в фонетике и грамматике. В. И. Абаев показал, что изменение взрывного *g*, свойственного общеславянскому языку, в задненебный фрикативный *h* произошло в ряде славянских языков (в том числе в южной части восточнославянского ареала) в условиях скифо-сарматского воздействия. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждает, что в формировании южной части восточного славянства (будущие украинские и южнорусские говоры) участвовал скифо-сарматский субстрат [22]. Тот же исследователь допускает, что результатом скифо-сарматского воздействия были также появление в восточнославянском языке генетива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским в перфектирующей функции превербов [23].

В числе языческих богов, которым поклонялись восточные славяне, летописи называют Хорса и Симаргла, иранское (скифо-сарматское) происхождение которых представляется бесспорным [24]. В. И. Абаев обнаруживает также семантическую и этимологическую параллели между

---

[20] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 124—134.

[21] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 45—52.

[22] В. И. Абаев. О происхождении фонемы γ(*h*) в славянском языке. Сб. «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 115—121.

[23] В. И. Абаев. Превербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе. Там же, стр. 90—99; его же. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 54—79.

[24] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы, стр. 115—117.

восточнославянским божеством Родом и осетинским Naf (Род) [25]. Согласно тому же исследователю, украинский Вий оказывается связан тоже с иранским богом ветра, войны, мести и смерти (Uayu) [26]. В языческом пантеоне западных и южных славян божества иранского происхождения неизвестны.

К этому можно добавить, что этноним «анты», которым в середине I тысячелетия называлась часть славян, занимавшая междуречье Днестра и Днепра, скорее всего, является иранизмом. Предположение об иранском происхождении этого этнонима высказано еще в конце прошлого столетия. Его разделял М. Фасмер и отстаивали многие исследователи. «Из всех существующих гипотез, как кажется, более вероятной,— отмечает в этой связи Ф. П. Филин,— является гипотеза об иранском происхождении слова „анты: др. индийские ántas „конец, край" á'ntyas „находящийся на краю", осет. ätt'iуä „задний, позади". Если бы это предположение оказалось правильным, то в таком случае значение слова «анты» было бы «живущие на украйне пограничные жители» [27].

В начале VII в., как свидетельствует Феофилакт Симокатта, анты были разгромлены аварами. Этноним «анты» позднее в письменных памятниках не встречается. Начиная с VI в. источники знают этноним «рос» [28]. Очень вероятно, что так назывались среднеднепровские анты, уцелевшие от аварского истребления. На основе анализа древнерусских летописей исследователями в Среднем Поднепровье реконструирована «Русская земля» в узком смысле, т. е. земля русов, существовавшая в течение последних веков I тысячелетия [29]. И теперь оказывается, что древнейшая «Русская земля», обрисованная по данным русской письменности, во многом соответствует ареалу курганов с трупоположениями в грунтовых ямах (рис. 1).

Мезодолихокранный, относительно широколицый антропологический тип, представленный в материалах среднеднепровских курганов X—XII вв., не обнаруживает местных истоков. Черепа этого типа по территории распространения в Среднем Поднепровье соответствуют ареалу пражской керамики. Ближайшими аналогиями им являются краниологические материалы из некоторых раннесредневековых славянских могильников Польши и Чехословакии [30], расположенных опять-таки в ареале керамики пражского типа. По всей вероятности, мезодолихокранный, относительно широколицый антропологический тип характерен был для этнографической группировки славян третьей четверти I тысячелетия, оставившей керамику пражского типа (склавены Иордана). Если это так, то поиски генезиса рассматриваемого антропологического типа нужно вести в связи с изучением происхождения пражской керамики и других элементов культуры этой славянской группировки.

В Среднем Поднепровье славянская культура, характеризуемая пражской керамикой, была пришлой. Ее никак невозможно генетически связать с зарубинецкой культурой. Между зарубинецкими и славянскими

---

[25] Там же, стр. 110, 111.

[26] В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 5—7.

[27] Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 60. Далее этот исследователь высказывает гипотезу о тюркском (аварском) происхождении этого этнонима, что неприемлемо по хронологическим соображениям. Анты известны уже в связи с событиями IV в., а авары появились в Северном Причерноморье только в VI в.

[28] Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 166.

[29] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 28—46; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 28—39.

[30] K. Stojanowski. Typy kranjologiczne Wielkopolski. «Slavia occidentalis», 13, Poznań, 1934, стр. 29—59; B. Miszkiewicz. Cmentarzyska z Polski i ziem ościennych. «Materiały i prace antropologiczne», 4, Wrocław, 1954, стр. 76—86, и др.

древностями третьей четверти I тысячелетия Волыни и Припятского Полесья нет какой-либо преемственности. Во-первых, между зарубинецкими и славянскими древностями имеется значительный хронологический разрыв; во-вторых, славянскую культуру пражской керамики отделяют от зарубинецкой древности типа Дытыничи — Брест — Тришин, занимавшие всю Волынь и Припятское Полесье вплоть до верхнего течения Тетерева [31].

В настоящее время наиболее ранние сосуды пражского типа известны в пшеворских памятниках II—IV вв. междуречья верхнего Одера и Вис-

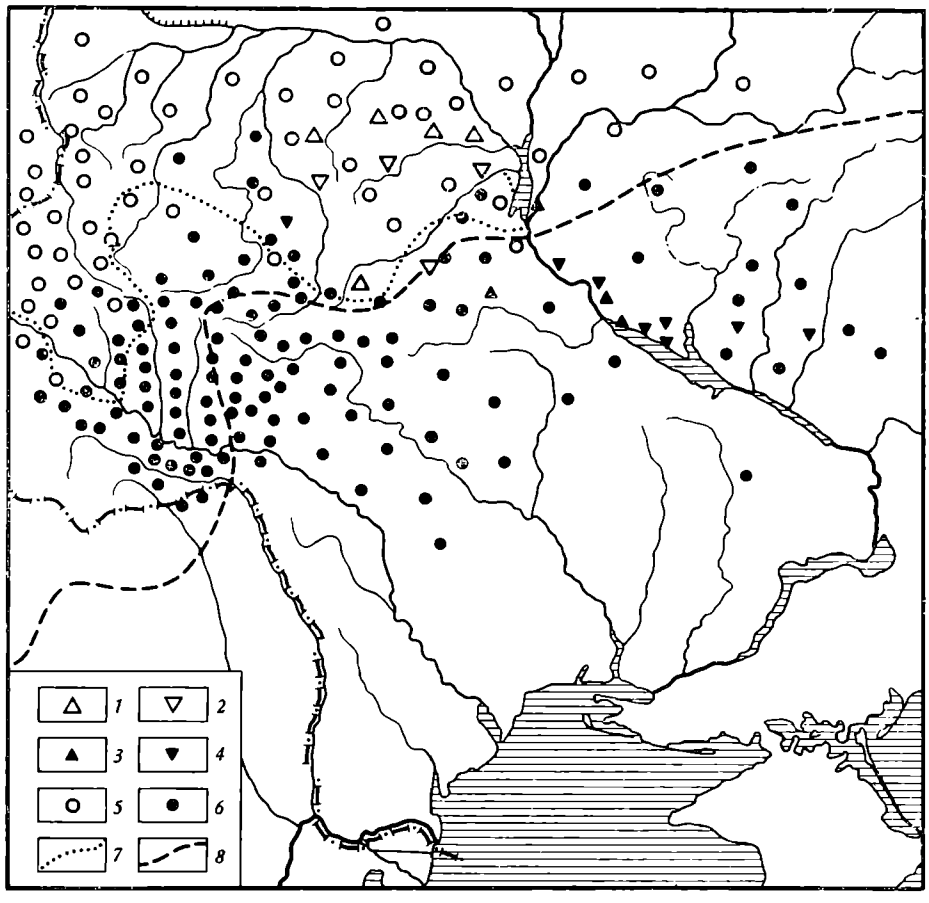


Рис. 6. Славянская топонимия Среднего Поднепровья:

1 — гидронимы, производные от сложных антропонимов; *2* — гидронимы с архаическими основами; *3* — гидронимы с префиксальным су-; *4* — гидронимы с местоименной приставкой ко-; *5* — топонимы на -ичи, -овичи (в каждом значке 10 названий населенных пунктов); *6* — топонимы на -овцы, -инцы (в каждом значке 10 названий населенных пунктов); *7* — южная граница ареала пражской керамики; *8* — северная граница ареала черняховской культуры

лы [32]. По-видимому, эта группа славян в V—VI вв. расширила свою территорию, расселившись из Висло-Одерского междуречья в области среднего Дуная и в Среднем Поднепровье. На Волыни и в Припятском Полесье славянское население первоначально называлось дулебами. Позднее из этой древней племенной группировки образовались волыняне, древляне, поляне и дреговичи [33].

Вопрос о диалектной дифференциации раннеславянского населения

---

[31] J. V. Kuharenko. Le problème de la civilisation «gotho-gépide» en Polesie et en Volhynie. ABS, V, Białystok, 1967, стр. 19—40.

[32] Например, могильник Спицымеж (A. Kietlińska, T. Dąbrowska. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, powiat Turek. «Materiały starożytne», IX, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, стр. 143—254).

[33] В. В. Седов. О юго-западной группе восточнославянских племен. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 197—203.

Среднего Поднепровья, о двух волнах славянской колонизации этой территории был поставлен в двух топонимических исследованиях [34].

В. А. Никонов показал резкое географическое разграничение топоформантов -ичи, -овичи и -овцы, -инцы. Первые из них господствуют в северных районах правобережной части Среднего Поднепровья, вторые занимают более южное положение на правобережье и все его левобережье (рис. 6). Каждый из этих формантов связан с какой-то своей общностью славянского населения. Последние бесспорно сложились в период, предшествующий началу формирования украинского и белорусского языков и народностей. Формант -ичи является одним из старейших в славянской ономастике. Древнерусская летопись регистрирует его уже в названии первой половины X в. (село Ольжичи). Очевидно, начало топонимического разделения Среднего Поднепровья восходит к I тысячелетию.

Анализируя архаические славянские гидронимы Среднего Поднепровья, О. Н. Трубачев обратил внимание на то, что в их распространении выявляются черты диалектной дифференцированности. Так, гидронимия правобережной Припяти характеризуется, во-первых, названиями, производными от сложных славянских антропонимов (Жеримышел, Либожада, Любожижа, Радоробель); во-вторых, названиями с древними гидронимическими основами (Жерев, Зеремелька, Зеремянка). Более южные области ареала архаической славянской гидронимии в Среднем Поднепровье подобных названий не знают. Зато здесь встречаются гидронимы с местоименной приставкой ко- (Ковержин, Кобрин, Коврай, Ковжига) и названия древнего славянского облика с приставочным су- (Сувид, Субодь, Суболица, Супой), совершенно неизвестные Припятскому Полесью (рис. 6).

В связи с рассмотренными здесь археолого-антропологическими материалами можно утверждать, что намечаемые в Среднем Поднепровье по топонимическим данным две раннеславянские области отражают реальную историческую картину. Припятская область, для которой характерны архаические славянские гидронимы с древними основами и производные от сложных антропонимов, а также топонимы на -ичи, -овичи,— это ареал мезодолихокранного, относительно широколицего антропологического типа, курганов с трупоположениями на материке и памятников с пражской керамикой. Более южная топонимическая область Среднего Поднепровья (топонимы с формантами -овцы, -инцы и гидронимы с приставочными ко- и су-) соответствует распространению мезодолихокранного узколицего антропологического типа и курганов с ямными трупоположениями. Эта топонимическая зона отражает первую волну славянского расселения в Среднем Поднепровье, восходящую к началу формирования черняховской культуры. Припятская зона связана с расселением в VI в. славян, представленных культурой пражской керамики. Дифференциация в топонимии Среднего Поднепровья вполне объяснима различной историей раннеславянских группировок.

V. V. Sédov

LA FORMATION D'UNE POPULATION SLAVE DANS LES RÉGIONS DU COURS MOYEN DU DNIÉPER

Résumé

Les Slaves peuplant le cours moyen du Dniéper se subdivisaient en deux groupes éthniques conformément à des inhumations sous les kourganes. Chez les premiers les cadavres étaient mis aux fosses funéraires pratiquées dans le sol et recouvertes de tertres

[34] О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 270—273; В. В. Никонов. Две волны в топонимии Полесья. Сб. «Полесье (лингвистика, археология, топонимика)». М., 1968, стр. 193—205.

tandis que les seconds déposaient leurs morts à même le sol et les couvraient des tumuli. Les sépultures du second groupe se concentrient à la Polésie du Pripiat et dans le nord de la Volynie. Quant aux kourganes à des inhumations en fosses, ils sont fréquents dans la partie méridionale des régions de steppe boisée situées sur la rive droite du Dniéper et dans la plus grande partie des régions attenant à sa rive gauche. Ces deux groupes se distinguent aussi du point de vue anthropologique: le premier se caractérise par des crânes d'un type mésodolichocéphale léptoprosope, l'autre appartient un type mésodolichocéphale relativement euryprosopé. On signale la division de la population du cours moyen du Dniéper également selon des données toponymiques.

Cette différenciation est due à des origines diverses des Slaves appartenant aux groupes en question. Les Slaves du Haut Moyen âge, de type anthropologique léptoprosope, remontent à une population tcherniakhovienne et, par son intermédiaire, à des tribus scytho — sarmates du cours moyen du Dniéper. Les Slaves du premier groupe sont à considérer, à un grand degré, comme descendants d'une population iranienne autochtone. La slavisation de cette dernière eut lieu à l'époque de Tcherniakhovo. Dans la culture tcherniakhovienne est dégagée une variante du Dniéper moyen se localisant entre le cours supérieur du Dniester et le cours moyen du Dniéper, dont les sépultures sont de caractère spécifique et ont des traits particuliers propres à la culture przeworskienne. A la base de cette variante aux VI—VIIes siècles se forme une culture de type de Penkovka. Aux IX—XIIes siècles les kourganes à inhumations en fosses deviennent fréquents dans ces régions.

Dans le cours moyen du Dniéper ainsi que dans les régions plys occidentales l'aire de répartition du type anthropologique mésodolichocéphale relativement euryprosope coincide au domaine de diffusion de la céramique de Prague. De ce fait, la résolution du problème de l'origine de ce type anthropologique dépend de celle du problème de la genèse de la céramique de Prague.

И. С. ВИНОКУР

ЛЕСОСТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА II—V ВВ. Н. Э. И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Уже более 70 лет отечественная археология изучает лесостепные древности рубежа и первой половины I тысячелетия н. э. За это время были отдельные периоды подъема и спада в полевых археологических исследованиях указанных памятников, а также в обобщении добытых материалов. Но, несмотря на это, история племен Юго-Восточной Европы первой половины I тысячелетия вызывает и теперь всеобщий интерес, более того — в последние десятилетия вопросы истории населения лесостепной полосы УССР и смежных территорий в указанное время стали предметом острых дискуссий у нас и за рубежом. И это совершенно естественно, так как речь идет о чрезвычайно важном периоде в истории Юго-Восточной Европы, когда европейские племена, завершая традиции военной демократии, постепенно и неуклонно переходили от родоплеменного строя к созданию классовых, государственных организмов.

Вместе с тем первая половина I тысячелетия в Юго-Восточной Европе — это время, когда вступают во взаимодействие местные и пришлые племена, стоявшие на разных ступенях экономического и политического развития. Это эпоха «великого переселения народов», которая вовлекла в свою сферу разные по происхождению племена и народы. Если оседлые лесостепные земледельческие племена находились под прогрессивным влиянием античной цивилизации Северного Причерноморья и римских провинций, то северные и северо-западные европейские племена, в значительной мере удаленные от центров античного мира, были в несколько ином положении. Эти северо-западные группировки европейского населения позже, чем лесостепные племена, столкнулись с центрами античного мира и пути к этим центрам часто проходили через земли лесостепного населения первой половины I тысячелетия. Правда, северо-западные и центральноевропейские племена первой половины I тысячелетия, так же как их южные соседи, ощутили влияние кельтской цивилизации. Именно эти племена вместе с лесостепным населением времени рубежа и первых столетий н. э. активно восприняли отдельные элементы кельтской (латенской) культуры. К этому следует добавить, что неоднородность экономического и политического развития племен Юго-Восточной и других районов Европы вытекала и из древних историко-этнографических традиций той или иной конкретной территории. Эти традиции, несмотря на влияние со стороны центров античной и кельтской культур, проявляли себя довольно ощутимо. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что «стерильных», «чистых» историко-экономических и политических образований история никогда не знала [1], особенно, когда речь идет о племенах эпохи «великого переселения народов». Очевидно, что историко-археологические комплексы рубежа и первой половины I тысячелетия в Юго-

[1] Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966, стр. 93.

Восточной Европе несут на себе ощутимые следы межплеменных контактов. Вместе с тем все племена Юго-Восточной Европы отразили в той или иной мере в своей материальной культуре влияние античной и кельтской цивилизаций. Последнее наложило своеобразный отпечаток на культуры Европы рубежа и первых веков н. э. Сказанное целиком относится и к лесостепным племенам Юго-Восточной Европы.

Не останавливаясь специально на историографии проблемы, укажем, что за послевоенный период археологи, изучающие черняховские древности, накопили довольно большой фактический материал и создали синтезирующие работы. В этих работах освещены отдельные аспекты черняховской культуры: земледелие [2], ремесла [3], торговля и роль римской монеты [4]. Вопросы исторической интерпретации черняховской культуры приводят советских исследователей 50-х годов к отождествлению «антского периода» письменных исторических источников с черняховскими древностями. Значительный вклад в изучение проблемы антских племен в связи с черняховскими памятниками внесли работы М. Ю. Брайчевского [5], М. Ю. Смишко [6], Е. В. Махно [7], Э. А. Сымоновича [8], А. Т. Брайчевской (Смиленко) [9].

Работами советских археологов 40—50-х годов по проблемам истории раннеславянских племен были достигнуты несомненные успехи. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в отличие от социально-экономического аспекта, достаточно основательно изученного по данным черняховских древностей, вопросы этногенеза рассматривались слишком прямолинейно.

Именно излишней прямолинейностью в изучении вопросов этногенеза восточных славян можно объяснить тот факт, что в 40—50-х годах наша наука пришла к некоторой переоценке реальной исторической роли древних славянских племен. Территория расселения славян непомерно расширялась, захватывая будто бы в первой половине I тысячелетия Крым и Северное Причерноморье [10]. Такая постановка вопросов славянского этногенеза на основе черняховских древностей не могла привести к положительному решению проблемы. На самом деле реальная этническая история племен эпохи «великого переселения народов» была значительно более сложной, чем это представлялось некоторым исследователям.

В связи с ошибками, которые были допущены в середине 50-х годов относительно этнической истории черняховских племен, разгорелась очень острая дискуссия, касающаяся этнической интерпретации черняховской культуры [11]. Эта дискуссия не прекращается и сейчас. Справедливости ради отметим, что в полемическом азарте оказались смещенными некоторые точки соприкосновения с действительными историческими фактами. Это привело к излишним крайностям, когда отдельные исследователи

---

[2] В. Й. Довженок. До питання про техніку орного землеробства на півдні древньої Русі. «Археологія», IV, Київ, 1950; его же. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.

[3] А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе. Автореф. канд. дис. Київ, 1952.

[4] М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України, Київ, 1959; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, 4.

[5] М. Ю. Брайчевський. Антський період в історії східних слов"ян, «Археологія», VII, Київ, 1952.

[6] М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Київ, 1953.

[7] С. В. Махно. Пам"ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», IV, Київ, 1950.

[8] Е. О. Сымонович. Пам"ятки черняхівської культури Нижнього Побужжя. «Археологія», X, Київ, 1957.

[9] А. Т. Брайчевская. Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слов"ян з Кримськими містами, «Археологія», X, Київ, 1957.

[10] П. Н. Надинский. Очерки истории Крыма. 1. Симферополь, 1951.

[11] Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, 1957, 4.

начали начисто отбрасывать славянство черняховской культуры [12]. Между тем большинство археологов, изучающих черняховскую культуру, и сегодня склоняется именно к славянской ее атрибуции при учете, естественно, тех схождений и расхождений племен, которые несомненно имели место во времена «великого переселения народов» в Европе [13]. Нам представляется плодотворной теория П. Н. Третьякова, высказанная им в 1954 г., согласно которой черняховская культура включала разные по своему происхождению племена — славянские, сарматские и др. [14]. Таким образом, уже в середине 50-х годов среди исследователей этнической истории черняховской культуры оформились следующие направления: а — черняховская культура — культура исключительно восточнославянских племен; б — черняховская культура в своем происхождении и дальнейшем развитии связана с гото-гепидами; в — черняховская культура включала разные племена, в том числе и славянские. Автору этих строк последняя идея представляется правдоподобной, так как она учитывает местные и пришлые элементы в сложении и развитии черняховской культуры. Исторически эта идея значительно более широкая, чем первая и вторая. Первая учитывает только имманентные факторы, вторая — исключительно пришлые, а последняя — реально учитывает местные и пришлые компоненты. Считаю, что последнее направление наиболее соответствует исторической реальности первой половины I тысячелетия на землях Юго-Восточной Европы.

За последние годы опубликованы результаты монографических исследований по разным аспектам черняховской культуры, ее отдельным локальным ареалам и смежным синхронным культурам [15]. По инициативе Б. А. Рыбакова и Э. А. Сымоновича изданы основные материалы черняховских поселений и могильников [16]. Все это дает основание для дальнейших плодотворных поисков в разных аспектах изучения черняховских древностей.

* * *

Выяснение исторической роли лесостепных племен II—V вв. Юго-Восточной Европы невозможно без учета тех археологических культур, которые предшествовали черняховским древностям. На рубеже н в первые столетия новой эры территория, связанная с черняховским ареалом, была населена носителями зарубинецкой, пшеворской и фракийской культур. К этому необходимо добавить, что определенную роль на рубеже новой эры в Юго-Восточной Европе сыграли сарматские племена. Независимо от того, существовали ли генетические связи между указанными древностями рубежа и первых веков новой эры и памятниками черняховской культуры, мы не можем не учитывать их, поскольку они территориально и хронологически предшествуют черняховским племенам, тем более что морфологические признаки, историко-культурная природа древностей рубежа нашей эры близки черняховской культуре.

---

[12] М. И. Артамонов. Славяне и Русь. Тез. докл. научн. сессии ЛГУ. 1955—1956 гг., Л., 1956.

[13] Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957; Очерки по истории СССР, III—IX вв., М., 1958.

[14] П. Н. Третьяков. Спорные вопросы этнического развития восточных славян. Тезисы докладов на сессии ОИН и Пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1955 г., М.— Л., 1956, стр. 8.

[15] М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов"янської державності. Київ, 1964; В. Д. Баран. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини І тисячоліття н. е. Чернівці, 1960; М. Ю. Смішко. Карпатські кургани першої половини І тисячоліття, н. е. Київ, 1960, Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967.

[16] См. МИА, 82, 1960; 116, 1964; 139, 1967.

Как известно, ареал зарубинецких древностей связывается исследователями главным образом с Поднепровьем [17]. Правда, в последние годы памятники зарубинецкой культуры открыты на Южном Буге [18], в Среднем Поднестровье [19], а отдельные проявления зарубинецкой культуры прослежены и на территории Верхнего Поднестровья [20]. Даже если учесть не полную тождественность указанных древностей средне- и верхнеднепровским зарубинецким памятникам (а это совершенно естественно в условиях контактов зарубинецкого и фракийского массивов), то все же ареал зарубинецкой культуры должен быть определен значительно шире. Кроме Поднепровья он включал, очевидно, районы Южного Буга и Среднего Поднестровья.

Пшеворские древности, как известно, родственны по характеру своей материальной культуры с зарубинецкими, хотя и имеют некоторые специфические особенности [21]. Территории пшеворских и зарубинецких племен соприкасаются. В частности, одним из районов такого стыка является Волынь, а также частично и Верхнее Поднестровье [22].

Гето-фракийские племена рубежа новой эры оставили материальную культуру, памятники которой широко представлены в районе Днестро-Прутского междуречья и частично в Прикарпатье. Если напомнить, что на рубеже новой эры в Днестро-Прутском междуречье, в районе Среднего Поднестровья и в Прикарпатье появились сарматские племена, то станет совершенно понятной та сложная этническая подоснова, которая предшествовала черняховской культуре в Поднестровье и в Днестро-Прутском междуречье. Очевидно, правы были древние авторы, зафиксировавшие контакт между славянским и сарматским миром в районе, который лежит на север от Черного моря и Дуная, т. е. на территории Поднестровья и в соседних землях [23].

О связях материальной культуры черняховских племен с зарубинецкими и пшеворскими древностями ярко свидетельствуют археологические материалы Волыни. Генетические связи черняховских памятников Волыни с зарубинецкими и частично пшеворскими древностями прослеживаются в материалах домостроительства, погребальном обряде, керамических комплексах. Домостроительство на памятниках Волыни II—V вв. представлено наземными и полуземляночными сооружениями поселений Пряжев I, Пряжев II, Слободище, Маркуши, Иванковцы, Викнины Великие и др. [24] Для этих селищ характерны наземные жилища средних размеров (6×7 *м*; 5×6 *м*; 4×5 *м*), а для некоторых из них — и полуземлянки (2,5×3,5 *м*). По конструктивным особенностям наземные постройки близки наземным жилищам пшеворской и зарубинецкой культур. Интересным в этом смысле является культурный слой пшеворского типа на поселении в Незвисках. Там было исследовано два наземных жилища пшеворской культуры. Площадь жилищ в среднем составляла 20 $м^2$. Стены этих построек, так же как и на черняховских поселениях Волыни, представ-

---

[17] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 190—220.

[18] П. И. Хавлюк. Зарубинецкие памятники на Южном Буге. АО—1967. М., 1968, стр. 226—228.

[19] Б. А. Тимощук, И. С. Винокур. Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА АН СССР, 90, 1962, стр. 73—77.

[20] В. М. Цигилик. Пам"ятка перших сторіч нашої ери у верхів"ї Золотої Липи. Сб. «Матеріали другої Подільської історико-краезнавчої конференції». Львів, 1968, стр. 115—116.

[21] J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wedrówek ludów. Prehistoria ziem Polskich. Kraków, 1948, стр. 300—359.

[22] Д. А. Мачинский. Археологические памятники у с. Круглик и проблемы зарубинецкой культуры. Сб. «Тези доповідей Подільської історико-краезнавчої конференції», Хмельницький, 1965, стр. 71—73.

[23] Птолемей, III, 5; Тацит. Германия, 46.

[24] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини І тисячоліття н. е. Чернівці, 1960, стр. 24—61.

ляли собой деревянный каркас, обмазанный глиной [25]. Польские археологи открыли в 50-х годах в г. Городке, на Западном Буге, остатки наземного жилища III—IV вв. Интересно, что на месте сооружения, как и поселения в целом, керамика представлена образцами, которые включают элементы пшеворской и черняховской культур [26]. Остатки близких волынским наземных жилищ известны и на зарубинецких поселениях Среднего и Верхнего Поднепровья [27].

На черняховских поселениях Волыни известны и полуземлянки. Площадь их в среднем 12—15 $м^2$. Ближе всего пряжевским нужно считать полуземлянки из черняховского горизонта многослойного поселения в Незвисках, а также полуземлянки поселения Рипнев II, на Западном Буге [28]. Среди жилищных комплексов зарубинецкой и пшеворской культур углубленные в землю сооружения занимали приблизительно такое же место, как и на черняховских поселениях Волыни. Полуземлянки площадью 10—12 $м^2$, вместе с наземными жилищами, известны на Чаплинском городище [29], на селище у с. Великие Дмитровичи [30]. На поселениях пшеворской культуры, где преобладают наземные жилища, наряду с такими постройками бытовали и полуземлянки [31].

Таким образом, материалы жилищных комплексов черняховских селищ Волыни, очевидно, дают нам представление о сложении принципов домостроительства на основе традиций зарубинецкой и пшеворской культур. В Поднепровье и Поднестровье в материалах домостроительства черняховцев мы находим подобные, хотя и не совсем тождественные Волыни, явления. Там также прослеживается связь принципов домостроительства II—V вв. с предшествующими зарубинецкими, пшеворскими и гето-фракийскими памятниками.

На территории Днестро-Прутского междуречья исследователи отмечают в принципах домостроительства, как и в других проявлениях культуры, прямую связь с гето-фракийскими и другими предшественниками рубежа и первых веков новой эры [32].

Происхождение погребального обряда у черняховцев также связано с памятниками предшествующей эпохи, зарубинецкой, пшеворской и гето-фракийской культурами. Кроме того, определенную роль в сложении погребального обряда черняховских племен сыграли сарматы. На территории лесостепных племен II—V вв. черняховскому погребальному обряду предшествовали: а — погребения с трупосожжениями в зарубинецких могильниках (Поднепровье и район Южного Буга); б — также трупосожжения в пшеворских могильниках (Волынь и Верхнее Поднестровье); в — трупосожжения гето-фракийской культуры (Пруто-Днестровское междуречье и частично Прикарпатье); г — отдельные трупоположения зарубинецкой культуры и сарматские трупоположения. Именно на этой сложной основе и сложился черняховский погребальный обряд.

---

[25] Г. И. Смирнова. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры, МИА, 116, 1964, стр. 206—207.

[26] T. Liana i T. Pietka. Osada z okresu wplywow rzymskich w Grodku Nadbuznym. WA, XXV, 4, Warszawa, 1958, стр. 373—382.

[27] Е. В. Махно. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье в 1950 г. МИА, 70, 1959, стр. 96—99; В. А. Богусевич, Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева. МИА, 70, 1959, стр. 114—115; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, 70, стр. 124.

[28] В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА, 116, 1964, стр. 215.

[29] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 128.

[30] В. И. Довженок, Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. МИА, 70, стр. 104—106.

[31] J. Kostrzewski. Od mezolitu do kresu wedrówek ludów, стр. 350—359.

[32] Э. А. Рикман. Раскопки у с. Будешты. Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, стр. 209, 210—213.

Сам обряд трупосожжения в погребениях черняховских племен, несомненно, унаследовал от предшественников — носителей зарубинецкой, пшеворской и гето-фракийской культур. Разные формы трупосожжений (в урнах и без урн, ямные с вещами и без вещей) характерны как для древностей рубежа новой эры, так и для памятников черняховской культуры. Кроме того, в деталях черняховских трупоположений прослеживаются пережитки трупосожжений. Это обычай посыпать покойника и погребальную яму угольками и пеплом костра (Раконец, Ружичанка, Косаново) [33]. На территории Пруто-Днестровского междуречья, даже в деталях прослеживается прямая связь погребального обряда черняховцев с их гето-фракийскими предшественниками, а также сарматами [34]. По мнению Г. Б. Федорова, сарматы привнесли составной компонент — трупоположение на территорию Днестро-Прутского междуречья [35]. Материалы Среднего Поднестровья подтверждают наблюдения, сделанные в Молдавии. Ярким примером этого могут служить данные, добытые во время исследований Киселевского могильника I—II вв. [36]. Обряд трупоположения ощутимо врезается в черняховскую культуру при ее сложении, очевидно, именно в связи с сарматами. Исходя из этого, уже во II—III вв. на ранних черняховских могильниках мы прослеживаем биритуализм в погребальном обряде, который продолжает доминировать на протяжении всего времени существования черняховской культуры. Таким образом, материалы черняховского домостроительства и обряда погребений свидетельствуют о сложной этно-культурной основе, на которой формировалась и развивалась далее культура черняховских лесостепных племен.

В связи с дискуссией, которая продолжается, следует остановиться специально на вопросе о территории черняховских древностей и их датировке. Материалы, имеющиеся в распоряжении исследователей, дают возможность достаточно четко очертить ареал черняховских племен. Восточным пределом черняховской культуры является, несомненно, левобережье Днепра с его притоками Ворсклой, Пслом вплоть до северного Посеймья [37]. Западным и юго-западным ареалом наших древностей можно считать Днестро-Дунайский район с выходом в задунайские земли [38]. Южная граница расселения черняховских племен в основном совпадает с рубежом украинской лесостепи и степи с выходом в Северное Причерноморье [39]. Северный ареал черняховских племен в основном совпадает с переходом украинской лесостепи в Полесье. Эта условная линия прослеживается исследователями по направлению Луцк — Ровно — Житомир на Правобережье. На Левобережье Днепра северная граница памятников черняховской культуры проходит в районах черниговского, сумского и курского Посеймья [40].

Правда, в последнее время имело место стремление значительно расширить в западном направлении ареал черняховских древностей. Имеется в виду монография М. Ю. Брайчевского [41], в которой поставлен вопрос

[33] И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. МИА, 139, 1967, стр. 144—160; И. С. Винокур. Черняховский могильник и поселение у с. Ружичанка. А. О.—1966, М., 1967, стр. 228—230; Н. М. Кравченко. Косановский могильник. МИА, 139, стр. 102—103.

[34] Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов, стр. 41—42.

[35] Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре, СА, 1958, 3, стр. 241—242.

[36] И. С. Винокур, Л. В. Вакуленко. Киселевский могильник I—II вв. н. э., КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 126—132.

[37] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, 82, 1960, стр. 9—84.

[38] B. Mitrea, C. Preda. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia. Bucureşti, 1966.

[39] Э. А. Сымонович. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, 139, стр. 237.

[40] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 10, 34; Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры, МИА, 116, 1964, стр. 23.

[41] М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності..., стр. 4—5.

о необходимости приобщить территорию Центральной Европы (Польша, Чехословакия) к основному ареалу черняховской культуры. Такое чрезмерное расширение территории черняховских древностей, по нашему мнению, не имеет под собой реальной основы. Дело в том, что синхронные черняховским памятники Центральной Европы и даже на территории Карпат и Закарпатья УССР (территориально значительно ближе расположенных) имеют ряд специфических особенностей. Культура карпатских курганов, например, как убедительно показал М. Ю. Смишко [42], отлична от черняховской, хотя и имеет с ней некоторые общие черты. То же самое следует иметь в виду и по отношению к памятникам первой половины I тысячелетия в Польше и Чехословакии [43]. Указанные древности (как и те, что расположены в пределах украинской части Карпат) подобны, но не тождественны черняховским.

М. Ю. Брайчевский указывает, что стремление четко определить локальные варианты черняховской культуры пока успеха не имело [44]. С этим мы полностью согласиться не можем. Дело в том, что на отдельных территориях такие локальные группы черняховских памятников очерчены достаточно основательно. Показательными в этом отношении могут быть древности Волыни [45], Верхнего Поднестровья [46], Молдавии [47] и Румынии [48].

Возникает правомерный вопрос: где же находилась основная территория формирования и развития черняховской культуры? «Классическими» черняховскими памятниками многие современные исследователи, следуя за В. В. Хвойкой, не без оснований считают древности II—V вв. Среднего Поднепровья [49]. Действительно, в этом районе черняховская культура прослежена в «классических» погребальных памятниках и в значительном количестве поселений. Исследования послевоенного времени, и особенно самых последних лет на территории Среднего Поднестровья, Южного Побужья и в других соседних районах, показали, что и тут есть могильники и большая группа поселений черняховской культуры. Сопоставление черняховских материалов Среднего Поднепровья с материалами Среднего Поднестровья и Южного Побужья позволяет наиболее четко проследить единство древностей II—V вв. в этих районах. Это означает, что территория) «классического» Черняхова значительно шире Среднего Поднепровья и охватывает практически всю территорию Днестро-Днепровского междуречья. В этом не трудно убедиться, обратившись к карте черняховских древностей УССР, на которой очень рельефно выделяется бо́льшая, сравнительно с другими районами, плотность размещения черняховских памятников в междуречье Днестра — Днепра. Именно междуречье Днестра — Днепра и должно рассматриваться, по нашему мнению, как основная территория черняховской культуры. Вот почему на этой территории черняховская культура и проявляет наибольшее свое единство и монолитность. Что же касается других более или менее отдаленных районов, то в них и прослеживаются локальные особенности. Прослеживая наличие локальных вариантов черняховских памятников Волыни, Молдавии и Румыни, нетрудно убедиться, что наиболее четко они заметны именно на периферии, в территориально удаленных от центра культуры черняховцев районах, на стыках с другими культурами.

---

[42] М. Ю. Смишко. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття н. е., Київ, 1960.

[43] J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Poznań, 1949; J. Filip. Pocatky slovanskeho osideni v Ceskoslovensku. Praha, 1946.

[44] М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов"янської державності, стр. 4.

[45] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 24—61.

[46] В. Д. Баран. Поселения перших століть нашої ери біля села Черепин, стр. 85—93.

[47] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, 89, 1960, стр. 57—101; Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов, стр. 41—42.

[48] B. Mitrea, C. Preda. Necropole din secolul al IV — lea e. n. in Muntenia.

[49] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 161—162.

Очень важным является и вопрос о хронологии черняховских древностей. В дискуссии о датировке черняховских памятников имеют место две крайние тенденции: одна из них стремится значительно расширить хронологию памятников от II—III и до VI—VII вв., вторая — наоборот, имеет своей целью чрезмерно сузить время существования черняховских памятников, ограничив его «прокрустовым ложем» III—IV вв. [50]. Ни первая, ни вторая тенденции автором этих строк не разделяется. Конкретные археологические материалы, достаточно четко систематизированные еще В. В. Хвойкой, привели первого исследователя черняховских древностей к определению исторически верной их хронологии II—V вв. [51].

В последнее время исследованиями М. Ю. Брайчевского, М. Ю. Смишко и других археологов была сделана попытка найти реальные археологические подтверждения существования черняховской культуры в VI—VII вв. [52]. Эти наблюдения подтверждаются последними исследованиями на территории Верхнего, Среднего Поднестровья, а также в Прикарпатье [53]. Правда, для окончательного решения этого вопроса материала еще мало. Что же касается сознательного сужения хронологических рамок черняховской культуры, то эта тенденция вообще лишена исторической основы [54]. Суженная датировка черняховской культуры в пределах только III—IV вв. не соответствует массовому археологическому материалу. Эта во многом надуманная гипотеза отбрасывает возможность исторически верно выяснить генезис, развитие и дальнейшие судьбы черняховской культуры.

Таким образом, следует считать, что предложенная в свое время В. В. Хвойкой хронология черняховской культуры никем пока не поколеблена. И именно эта хронология наиболее точно и перспективно, по нашему мнению, отражает реальный исторический процесс, протекавший на землях Юго-Восточной Европы. Днестро-днепровские племена черняховской культуры рассматриваются нами в связи с этим в хронологических границах II—V в.

* * *

Изучение истории населения лесостепи II—V вв. невозможно без учета не только подосновы в развитии местных и пришлых племен рубежа новой эры, но и без выяснения конкретных исторических связей, которые сложились между племенами черняховской культуры и их окружением. Последнее имеет немаловажное значение для исследования эпохи «великого переселения народов» в Европе. Если контакты черняховского населения с Причерноморьем и римскими провинциями в определенной мере изучены на основе находок в зоне лесостепи римских монет и античного импорта, то значительно хуже обстоит дело с выяснением взаимосвязей черняховского населения с племенами, обитавшими северо-западнее черняховского ареала. Речь идет об инфильтрации в среду местных земледельческих племен пришлых гото-гепидов, что нашло свое отражение в письменных исторических документах [55].

---

[50] О. В. Махно. Пам"ятки культуры полів поховань черняхівського типу, «Археологія», IV; М. Ю. Брайчевський. Антський період в історії східних слов"ян; М. Б. Щукин. О трех датировках черняховской культуры. КСИА, АН СССР, 112, 1967, стр. 13.

[51] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, нов. сер., XIII, 1901.

[52] М. Ю. Брайчевський. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов"янських племен VI—VII ст., «Археологія», IV; М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники..., стр. 85.

[53] В. Д. Баран. Розкопки на поселенні I тисячоліття н. е. в с. Ріпневі (Ріпнів II) Львівської області в 1957 р. МДАПВ, 2, Київ, 1959, стр. 113; неопубликованные материалы из раскопок И. С. Винокура, Л. В. Вакуленко и О. М. Приходнюка на поселениях в Устье, Бакоте, Волосове и Грабовце.

[54] М. Б. Щукин. О трех датировках черняховской культуры, стр. 8—14.

[55] Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960, стр. 71.

До последнего времени на территории распространения черняховской культуры и на ее периферии не были известны конкретные памятники, которые можно было бы связать с гото-гепидами. Исследования последних лет привели советских археологов к открытию указанных древностей. Были обнаружены гото-гепидские могильники Дитиничи (Западная Украина) [56], Брест-Тришин (Юго-Западная Белоруссия) [57]. М. Ю. Смишко, который вместе с И. К. Свешниковым исследовал Дитиничский могильник, первый обратил внимание на гото-гепидскую принадлежность памятника. Вслед за ним Ю. В. Кухаренко дал аналогичную трактовку материалов из могильника в Брест-Тришине.

Характер указанных памятников, как мы уже это отмечали [58], по погребальному обряду и вещевому инвентарю четко отличается от основной массы черняховских древностей. Если для черняховских могильников доминирующей чертой в обряде является биритуализм, то памятники типа Дитиничи — Брест-Тришин дают только трупосожжения в ямах и урнах. Вещевой инвентарь могильников указанного типа также имеет много специфического, отличного от черняховской культуры. Керамические изделия этих памятников представлены в подавляющем большинстве лепной посудой. Своеобразными являются типы мисок, чарок без ручек и с большой ручкой. Среди деталей обращают на себя внимание малые вертикальные, иногда глухие ушки, расположенные под венчиком или на плечиках мисок и чарок [59]. Указанные формы коренным образом отличаются не только от гончарной, но и от лепной посуды черняховской культуры. Это доказывает, что керамические изделия черняховской культуры складывались на совершенно отличной, местной основе и не имеют ничего общего с керамикой типа Дитиничи — Брест-Тришин.

Материалы могильников Дитиничи — Брест-Тришин и хронологически отличаются от черняховских древностей. Черняховская культура сложилась уже во II в. Об этом свидетельствуют материалы рубежа и первых веков новой эры, на основе которых формировались черняховские древности (памятники зарубинецкой, пшеворской, гето-фракийской и сарматской культур). Среди ранних черняховских памятников можно назвать и исследованный в последние годы Ружичанский могильник в Подолии.

Ранние типы фибул, бусы из египетской пасты, а также большой процент трупосожжений в погребальном обряде дают возможность считать, что некрополь начал функционировать в конце II в. [60].

В своей дальнейшей истории племена черняховской культуры хорошо фиксируются материалами III—IV и начала V вв. Имея общую хронологию II—V вв., черняховская культура уже существовала, когда начался процесс инфильтрации части племен из района Юго-Восточной Прибалтики [61] через Юго-Западную Белоруссию [62] в Западную Украину. Это означает, что отдельные группы гото-гепидского населения Юго-Восточной Прибалтики в III—IV вв. мигрируют на территорию расселения черняховских племен. Пока что трудно говорить о конкретных взаимоотношениях, которые сложились между аборигенами и пришлыми племенами. Во всяком случае на материалах Волыни и других смежных районов

---

[56] М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. МДАПВ, 3, Київ, 1961, стр. 89—115.

[57] Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КСИА, АН СССР, 100, 1965, стр. 97—102.

[58] И. С. Винокур. Волыно-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры. КСИА, АН СССР, 121, 1970, стр. 31.

[59] М. Ю. Смішко, И. К. Свешніков. Ук. соч., стр. 105.

[60] И. С. Винокур. Волыно-Подольское пограничье..., стр. 32.

[61] М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі..., стр. 112.

[62] Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин..., стр. 101.

фиксируются их контакты. Имеются в виду памятники первой половины I тысячелетия в Деревянном, Городище [63] и Раковце [64]. Но о конкретных путях контактов пока говорить трудно, поскольку недостаточно изучены памятники гото-гепидов. Лепесовское поселение, которое М. А. Тиханова склонна считать гото-гепидским [65], на наш взгляд, принадлежало местному населению, с включением отдельных гото-гепидских элементов, что и нашло отражение в характере материальной культуры указанного памятника.

На основании имеющихся сейчас материалов можно утверждать, что продвижение гото-гепидов в III—IV вв. не оставило ощутимого следа в материальной культуре черняховских племен. И в некоторых памятниках черняховской культуры прослежены отдельные элементы гото-гепидских древностей, что можно объяснить инфильтрацией пришлого населения и просто заимствованиями. Но в основной своей массе на территории Днестро-Днепровского междуречья, в главной зоне распространения черняховских племен, памятники типа Дитиничи — Брест-Тришин ощутимой роли не сыграли. И это вполне естественно. Ведь древние местные традиции оседлых земледельческих племен черняховской культуры должны были преобладать над пришлыми [66].

Для выяснения возможных аспектов контактов пришлого гото-гепидского и местного черняховского населения следует, по нашему мнению, обратиться к некоторым историческим параллелям. Подобные процессы имели место, например, когда готы очутились на территории Италии, Галлии и Испании. Правда, во взаимоотношениях готов с аборигенами в Западной и Юго-Западной Европе имелась своя специфика, вытекавшая из сильной романизации части из них в предшествующие столетия. Поэтому там столкнулись как бы два начала — римское и готское [67]. Римское господство в Испании, например, длилось от III в. до н. э. и вплоть до VI в. н. э., когда римлян вытесняют вестготы [68].

В Южной Галлии и Испании готы селились в большинстве случаев вперемежку, чересполосно с местным населением. Они расселялись, однако, не на всей завоеванной ими территории. Районы массового поселения вестготов занимали лишь небольшую территорию северной и центральной части Пиренейского полуострова [69]. На территории Италии во взаимоотношениях готов с местным населением, как правило, германское начало уравновешивалось римским [70].

Вестготы в Южной Галлии (412—414 гг.) были расселены среди местных жителей в соответствии с римским законом о военном постое. Готы не получали землю, а лишь размещались среди местного населения и получали от него содержание [71]. Вот почему образцом «уравновешенного» синтеза в процессе феодализации германских и римских элементов яв-

---

[63] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34, 42, 74.

[64] И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник..., стр. 147, 152.

[65] М. А. Тиханова. Раскопки поселения у с. Лепесовка. Доклады и сообщения археологов СССР, VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, стр. 214.

[66] Тезис отдельных исследователей о том, что черняховская культура сложилась на основе гото-гепидских памятников (см. М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. Сб. «Проблемы всеобщей истории», Л., 1967, стр. 48—49) представляется нам безосновательным, поскольку он не вытекает из массового археологического материала черняховских древностей.

[67] А. Р. Корсунский. Основные вопросы истории Испании V—VII веков, Автореф. док. дис. М., 1965, стр. 23.

[68] А. Е. Кудрявцев. Испания в средние века. Л., 1937, стр. 38.

[69] А. Р. Корсунский. Основные вопросы истории Испании..., стр. 7.

[70] П. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850, стр. 21.

[71] А. Р. Корсунский. Об условиях поселения вестготов южной Галлии и Испании. Сб. «Средние века», 25, М., 1964, стр. 22.

ляется Южная Галлия [72]. Складывается представление, что вестготы и в материальной, и в духовной культуре ничего ощутимо нового Испании не принесли [73]. Возникновение новых этнических образований и государства у германцев было ускорено завоеванием земель Римской империи. Оседая в провинциях и в Италии, варвары включались в производственную деятельность и оказывались крепко связанными с занятой ими территорией. Их переселения закончились [74].

Какие же из приведенных примеров контактов готов с местным населением Западной и Юго-Западной Европы могут послужить аналогией для событий III—IV вв. в Юго-Восточной Европе, в зоне расселения черняховских племен? Совершенно естественно, что Италия, как возможная параллель, в данном случае отпадает, поскольку римское начало здесь было очень сильным. Что же касается Галлии и Испании, то, на наш взгляд, процесс расселения германских племен и их взаимоотношений с местным населением можно сравнить с проникновением гото-гепидов в III—IV вв. в черняховскую среду на Волыни и в ближайшие соседние районы. Вероятность указанного сопоставления подкрепляется тем, что Юго-Восточная Европа ощутила в первые столетия н. э. влияние Причерноморья и римских провинций. Однако на территории Юго-Восточной Европы римские влияния не были решающим фактором. Гото-гепиды в III—IV вв. застали местное общество со стойкими оседлыми земледельческими традициями, со сравнительно более высокой культурой, чем та, которую они принесли с собой [75].

Говоря о первых шагах связей пришлого гото-гепидского населения с местным, черняховским, мы должны иметь, таким образом, в виду (по аналогии с более поздними историческими контактами вестготов в Западной и Юго-Западной Европе), что пришлое и местное население могло жить чересполосно. Такую чересполосность можно иметь в виду по отношению к Волыни, где параллельно с черняховскими и пшеворскими выступают элементы гото-гепидской культуры типа Дитиничи — Брест-Тришин. Характер доминирующей на территории Днестро-Днепровского междуречья черняховской культуры от этого в целом не изменился. Материальная и духовная культура черняховских племен продолжала эволюционировать, а пришлые племена постепенно просачивались на юг и попали туда, где застает их историческая традиция [76].

В среде юго-восточных европейских племен в связи с развитием производительных сил, увеличением численности и плотности населения произошли существенные изменения в этнической структуре и социальных отношениях. В III—IV вв. возникают стойкие союзы племен, которые представляли собой «первый шаг к образованию нации» [77]. Вместе с тем следует иметь в виду, что в то время, когда в Западной и Юго-Западной Европе в процессе дальнейшего социально-экономического развития европейских племен середины I тысячелетия имел место романо-германский синтез, то на территории Юго-Восточной Европы, так же как и в Центральной Европе, на протяжении первой половины I тысячелетия имел место славянский тип генезиса феодализма, который во многих деталях не совпадает с романо-германским синтезом. Ведь слависты неоднократно указывали, что в целом в Европе имел место романо-германо-славянский

---

[72] А. Д. Люблинская. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза. Сб. «Средние века», 31, М., 1968, стр. 11.

[73] А. Е. Кудрявцев. Испания в средние века, стр. 42.

[74] А. Р. Корсунский. Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе. Сб. «Средние века», 31, М., 1968, стр. 122.

[75] А. Смирнов. Падение остготского государства в Италии. СПб., 1857, стр. 2. Используя указанные исторические параллели, автор консультировался у медиевистов, в частности, у П. Ф. Лаптина.

[76] Иордан. О происхождении и деяниях готов, стр. 72.

[77] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 95.

синтез, а не только романо-германский [78]. Условия первых контактов местного славянского населения с гото-гепидами были очень своеобразными. Германские племена застали на Волыни и в других ближайших прилегающих районах целиком сформированную земледельческую оседлость. Местное население находилось на достаточно высоком уровне экономической, социальной и политической консолидации. Так, кроме мирных, в процессе «великого переселения народов» были и военные столкновения местных славянских племен с пришлыми — германскими. Иордан, рассказывая о борьбе в 70-х годах IV в. остготского короля Винитара с славянским вождем Божем [79], ярко фиксирует эти события.

Таким образом, несмотря на сложную историческую подоснову рубежа и первых столетий новой эры, черняховская культура во II—V вв. имела определенную монолитность (даже при учете тех локальных вариантов, которые фиксируются на периферии этого историко-культурного массива). Инфильтрация гото-гепидов в III—IV вв. не могла затронуть основ высокоорганизованного оседлого земледельческого общества.

В этой связи следует остановиться, в меру возможности, на вопросе о дальнейшей судьбе черняховской культуры в середине и третьей четверти I тысячелетия. Сейчас в распоряжении археологической науки имеются материалы, которые фиксируют взаимосвязи черняховской культуры и последующего раннеславянского этапа. Речь идет о поселениях, открытых и исследованных в Верхнем Поднестровье [80], Прикарпатье [81] и на Среднем Днестре [82]. В. Д. Баран открыл на поселениях Верхнего Поднестровья типа Рипнев — Черепин такие жилищные комплексы, материалы которых свидетельствуют об определенной трансформации черняховских древностей в памятники типа VI—VII вв. Характер последних определяется археологами как славянские памятники пражского или близкого им типа. В этих жилищах-землянках с печами-каменками наряду с лепной славянской керамикой VI—VII вв. найдены образцы типичной черняховской керамики. Аналогичные по характеру жилища обнаружены Л. В. Вакуленко на поселениях культуры карпатских курганов вблизи сел Глубокое, Волосов и Грабовец. Там также прослеживается перерастание местных традиций в материальной культуре II—V вв. в древности VI—VII вв., которые признаются славянскими.

На территории Среднего Поднестровья также обнаружено несколько поселений у сс. Устье, Бакота, Поречье, в материальной культуре которых удается проследить связь древностей первой половины и середины I тысячелетия. На поселении в Устье раскопаны остатки нескольких полуземлянок, характер которых типичен для славянских жилищ третьей четверти I тысячелетия. Это прямоугольные помещения площадью 12—15 $м^2$, углубленные в материк на 0,4—0,5 *м*, с печами-каменками или открытыми очагами на каменной вымостке. В заполнении и на полу построек найдены обломки посуды, характерной для третьей четверти I тысячелетия, и вместе с ними фрагменты и целые черняховские сосуды. Связи между черняховской и послечерняховской культурами на примере поселения в Устье выступают достаточно рельефно. Они прослеживаются и по особенностям домостроительства (соотношение открытых очагов и печей-ка-

---

[78] Выступление О. Л. Вайнштейна при обсуждении доклада А. Д. Люблинской «Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза». Сб. «Средние века», 31, стр. 18.

[79] Иордан. Ук. соч., стр. 115.

[80] В. Д. Баран. Розкопки на поселенні I тисячоліття н. е. в с. Рішневі (Рішнів III), стр. 102—104; его же. До питання про ліпну кераміку культури пол в поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. МДАПВ, 3, стр. 77—89.

[81] Раскопки Л. В. Вакуленко на поселениях в селах Глубокое, Волосов и Грабовец. Материалы полностью не опубликованы.

[82] Раскопки 1968 г. в с. Устье произведены автором вместе с О. М. Приходнюком и А. Т. Смиленко. Материалы не опубликованы.

менок), и по характеру черняховской и послечерняховской керамики из единых комплексов.

Очень важной является и такая категория памятников, как жертвенники-капища на поселениях черняховской культуры с антропоморфными каменными идолами. Такие памятники теперь известны на территории Среднего Поднестровья у сел Иванковцы, Калюс, Ставчаны, Кузьминчик, Хребтиев, Бакота и в других пунктах. Эти антропоморфные идолы Среднего Поднестровья четко выделяются в единую группу [83], отличную от каменных баб кочевых народов. Антропоморфные статуи черняховской культуры типологически связываются с известным Збручским Святовитом. Между черняховскими идолами в Поднестровье и Збручским Святовитом, очевидно, существует историческая преемственность [84].

Таким образом, в археологических комплексах черняховских поселений Верхнего и Среднего Поднестровья, а также на поселениях культуры карпатских курганов удается найти то связующее звено, которое фиксирует процесс развития и своеобразной трансформации культуры первой половины I тысячелетия в древности третьей четверти I тысячелетия н. э. Розыски аналогичных памятников середины I тысячелетия в других районах черняховского ареала, очевидно, имеют под собой реальную основу. Но если даже памятники Верхнего, Среднего Поднестровья и Прикарпатья и составляют в этом плане исключение (имеется в виду их определенная удаленность от древних юго-восточных путей продвижения кочевых орд, которые часто разрушали поселения земледельческого населения), то именно они и дают возможность проследить поступательный исторический процесс в обществе середины и третьей четверти I тысячелетия. Что же касается остальной территории черняховского ареала, где нет связующих звеньев между древностями первой и второй половины I тысячелетия, то необходимо иметь в виду, что смена археологических культур не всегда означает замену населения.

Яркое историческое явление Юго-Восточной Европы — черняховская культура — сформировалась на сложной многоэтничной основе рубежа и первых столетий нашей эры. В процессе формирования этой культуры приняли участие славянские, фракийские и сарматские племена. В своем дальнейшем развитии черняховская культура эволюционирует. Происходит экономическая, социальная и политическая консолидация племенных союзов, которая способствовала созданию реальной основы для формирования зародышей феодальных отношений в обществе. Вместе с тем следует иметь в виду, что в эпоху «великого переселения народов» поступательный исторический процесс мог в каждом конкретном случае нарушаться. Особенно пострадали, очевидно, юго-восточные районы лесостепи, которые были связаны с бурными передвижениями кочевых степных орд. Что же касается основной территории черняховских племен (в Днестро-Днепровском лесостепном междуречье), то здесь оседлое земледельческое общество продолжало поступательный процесс экономического, социального и политического развития.

Этногенез в эпоху «великого переселения народов» в Юго-Восточной Европе был очень сложным. Вместе со славянами в черняховском ареале жили фракийцы, сарматы и другие племена. Инфильтрация в III—IV вв. на территорию черняховского массива гото-гепидов не могла ощутимо повлиять на характер оседлой земледельческой черняховской культуры, которая в это время уже оформилась и продолжала активно эволюционировать. Мы считаем, что основным ядром среди населения II—V вв. на территории Юго-Восточной Европы, в лесостепном Днестро-Днепровском междуречье, были местные восточно-славянские племена.

---

[83] И. С. Винокур. Языческие изваяния Среднего Поднестровья. МИА, 139, стр. 136—144.

[84] Там же, стр. 142—143.

I. S. Vinokour

LES TRIBUS PEUPLANT LA STEPPE BOISÉE AUX II—V^{es} SIÈCLES DE NOTRE ÈRE ET LEUR RÔLE DANS L'HISTOIRE DE L'EUROPE DE SUD — EST

Résumé

La mise en évidence du rôle historique des tribus de la culture tcherniakhovienne qui peuplaient la steppe boisée est faite sur un fond historique des cultures archéologiques antérieures à celle de Tcherniakhovo. L'auteur s'incline à croire que le territoire essentiel de la formation et de l'évolution de la culture tcherniakhovienne dite classique se situait à l'interfluve du Dniester et du Dniéper. La tendance de certains auteurs (notamment M. Yu. Braitchevsky) d'étendre dans la direction occidentale l'aire de répartition des antiquités tcherniakhoviennes et de rattacher les régions de l'Europe Centrale au domaine essentiel de la culture tcherniakhovienne n'a pas de fondements réels.

L'auteur mentionne la discussion sur la datation de la culture de Tcherniakhovo; il est d'avis que la datation des II—V^{es} siècles av. n. è. proposé en son temps par V. V. Khvoïka n'est encore «ébranlé» par personne. C'est justement cette chronologie qui reflète un processus historique réel de façon la plus précise. L'article traite des problèmes des relations historiques des tribus tcherniakhoviennes avec leur environnement. En particulier, on a prêté une certaine attention spéciale au décèlement des contacts des Tcherniakhoviens avec les Gotho — Gépides venus du nord — ouest. Aux III—IVes siècles de notre ère les Gotho — Gépides trouvèrent chez les Tcherniakhoviens les traditions stables propres aux agriculteurs sédentaires et une culture beaucoup plus évoluée que celle qu'ils avaient apportée. Dans l'article il est question des interliaisons de la culture tcherniakhovienne et de l'étape suivante initiale de l'histoire slave du troisième quartier du I^{es} millénaire de notre ère. Les monuments des régions attenantes aux cours supérieur et moyen du Dniester et ceux des Pré — Carpates témoignent d'une transformation apparente de la culture tcherniakhovienne et de celle des kourganes des Carpates en une culture des Slaves des VI—VIIes siècles de notre ère.

В. И. РАСПОПОВА

РЕМЕСЛО И ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА

В эпоху раннего средневековья одной из наиболее развитых областей Средней Азии был Согд. V—VI века — время постепенного развития ремесел и городской жизни, которое резко ускоряется в VII—VIII вв. Наиболее исследованным для этого периода городом является Пенджикент, материалы которого помогают понять результаты, полученные на других памятниках Согда (Афрасиаб, Кафыр-кала, Тали-Барзу, Кульдор-тепе, поселения Кашка-Дарьи и верховьев Зеравшана).

Характерная черта согдийского города VII—VIII вв.— насыщенность ремесленными мастерскими. В Пенджикенте раскопано около четверти всей территории города, на которой находилось около 100 жилищ и более 50 мастерских ремесленников и лавок, расположенных вдоль улиц города, а также два базарчика.

Мастерских по обработке металла в Пенджикенте обнаружено 29.

Часть из них находилась вдоль улицы, ведущей от южных ворот города к площади перед храмами. Здесь расположен большой квартал (объект XVI), включавший в себя целый базарчик.

В восточной части городища с севера на юг тянется длинный квартал (объект III), на котором также открыты мастерские. Мастерские обнаружены и на участке, расположенном восточнее этого объекта и в северо-западной части городища (объект XXI), в юго-западной части городища (объект XII).

По остаткам оборудования и по находкам шлаков мастерские, связанные с обработкой железа, можно разделить на несколько групп.

Железоплавильни. Обнаружены остатки трех домниц, одна из которых расположенная в помещении 69 объекта XVI, сохранилась лучше других. Здесь находилась домница (остатки пода в виде подквадратного углубления), яма для мастера с мехами и небольшой горн, стоявший на краю ямы. Стенка между домницей и ямой разрушена. В горне, вероятно, производился нагрев губчатого железа перед проковкой для освобождения его от шлаков.

Мастерские по производству товарного железа. В помещении 58 и к западу от него, на северной стороне улочки напротив только что упоминавшейся железоплавильни, располагались, как можно предполагать, мастерские по производству товарного железа. Здесь нет домниц, а кузнечные горны сочетаются с большим количеством железистых шлаков. На полу помещения 58 их найдено 17,5 *кг*. Около горна в помещении 58 обнаружено глиняное двухканальное сопло. Неподалеку от горна в полу углубление, видимо от деревянной колоды для наковальни. В помещении к западу от помещения 58 также был горн и на полу собрано 5,550 *кг* железистых шлаков.

В других мастерских этого микрорайона, оборудованных такими же горнами (хум, поставленный на венчик, охваченный футляром из сырцо-

вого кирпича с поддувалом) и связанных с обработкой металлов, металлургических шлаков не обнаружено.

В двух кузницах были найдены обломки железных четырехугольных в сечении прутьев, шлаки здесь отсутствовали. Такой же прут найден и в помещении 58.

При раскопках квартала рядовых горожан (объект XII) на полу помещения 2 было обнаружено 8 железных прутьев, лежавших в связке. Длина прутьев 48—49 *см*, поперечник 1—2 *см*. Общий их вес 2,050 *кг* (рис. 1). Никаких следов мастерской здесь не зафиксировано. Жилище датируется 740—770 гг.

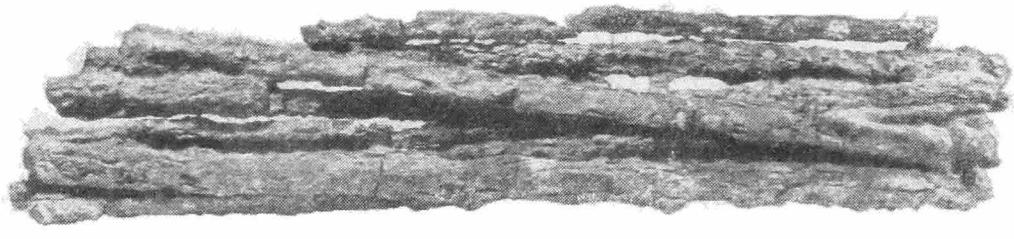


Рис. 1. Пенджикент. Железные заготовки (помещение 2 верхнего здания XII объекта)

Таким образом, из приведенных материалов видно, что товарное железо для сравнительно небольших поделок в Пенджикенте заготовляли в виде четырехугольных в сечении прутьев длиной около 50 *см* с поперечником 1—2 *см*.

В Пенджикенте найдено также несколько железных заготовок, имеющих полусферическую форму (57—87 *г*). Одна из них обнаружена в мастерской.

Кузницы. Оборудование кузниц сохранилось не полностью. Имеются лишь остатки горнов, очагов, сосуды для воды, в которых производилось закаливание (рис. 2). От мехов осталось несколько глиняных двухканальных сопел. По остаткам оборудования выделяются следующие группы мастерских.

1. Кузницы, в которых был горн, состоящий из хума, поставленного на венчик и охваченного сырцовым футляром. Иногда таких горнов в мастерской было два. В эту группу входит четыре мастерские.

2. Кузницы, в которых кроме горна описанной конструкции имелся дополнительный очаг. В одной из мастерских, судя по находке стальной заготовки, работали со сталью. В эту группу входит пять мастерских.

Имеются также кузницы (2), которые несколько отличаются от других устройством горна.

В шести мастерских имелись горны небольшого размера с камерой, углубленной в пол и перекрытой сводиком. Воздух нагнетался через узкий канал с помощью мехов. Часто при таких горнах имелись дополнительные очаги. В четырех мастерских, оборудованных такими горнами, обрабатывали железо, а в двух — цветные металлы.

Во многих кузнечных мастерских найдены козьи рога. Это не случайно. Рога являлись карбюризатором, применявшимся при цементации поверхности или всей массы железного предмета.

Среди мастерских медников и ювелиров хорошо опознаются мастерские, связанные с литьем бронзы. В небольших ямках в полу (часто они ошлакованы до стекловидного состояния) раздували сильный жар и опускали тигель со сплавом. Здесь же могли размягчать металл, изготовляя мелкие поковки. Найдены матрицы для тиснения тонких листов металла. Литейных форм не найдено, но, судя по бракованным изделиям, они были двусоставными.

Все изученные в Пенджикенте мастерские, связанные с обработкой металла, хронологически разделяются на четыре группы.

1. Мастерские VII в. Мастерская ювелира в помещении 35 верхнего здания XII объекта и находка тигля, в котором плавили золото, на полу помещения нижнего здания XII объекта.

К рубежу VII—VIII вв. относится мастерская, расположенная в помещении 74 объекта XIII, в которой отливали монеты Бидйана.

Вероятно, также к рубежу VII—VIII вв. можно отнести кузницу, находившуюся в помещении 65 объекта XVI.

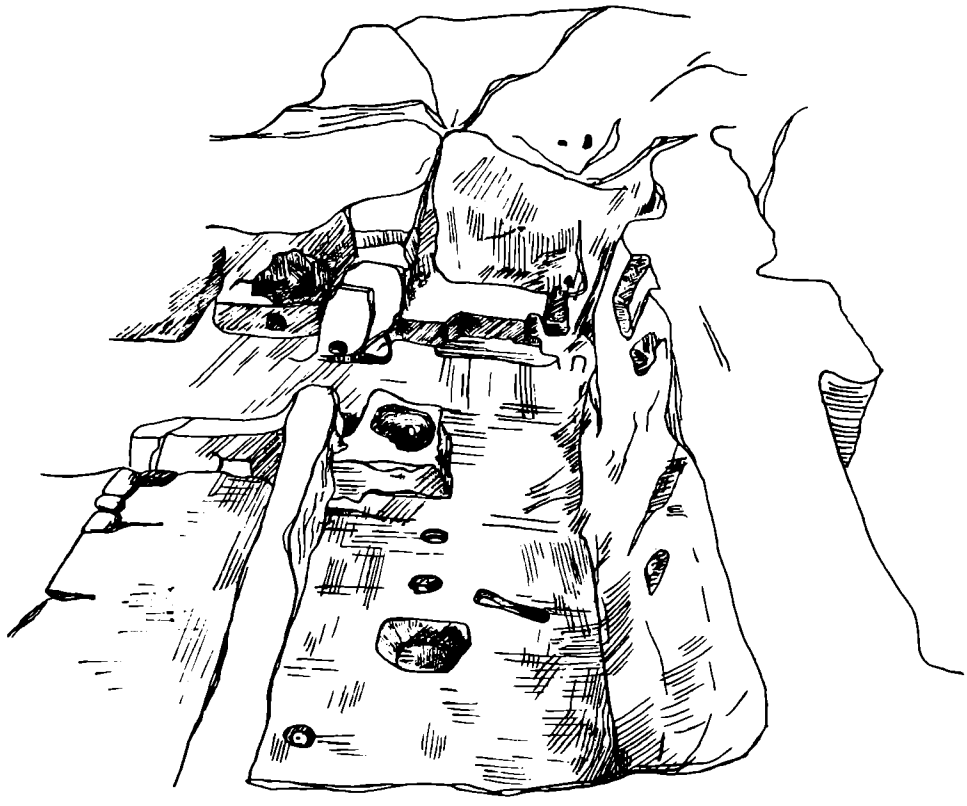


Рис. 2. Пенджикент, помещения 39, 41 объекта XVI. Вид кузнечной мастерской первой четверти VIII в.

2. Мастерские, прекратившие свое существование в связи с первым большим пожаром Пенджикента в 720 г. В эту хронологическую группу входят одна железоплавильня, две кузницы по производству товарного железа, десять кузниц и пять мастерских по обработке цветных металлов. Отмечается концентрация их у базарчика вдоль улицы, ведущей от городских ворот к площади перед храмами (рис. 3).

К этому же хронологическому периоду относится и домница, расположенная на улочке с южной стороны базара объекта XVI, но она не синхронна остальным мастерским, так как была разрушена до пожара и поверх нее идет уличный слой, связанный с пожаром. До пожара перестали функционировать мастерские в помещениях 40 и 46 объекта XVI.

3. Мастерские, основанные в связи с восстановительными работами в городе, относящимися к 40—50-м годам VIII в., четыре кузницы (три из них расположены на объекте III, одна — на объекте XVI), мастерская по обработке бронзы на объекте XVI.

4. С последним периодом жизни города — 60—70-м годами VIII в. связана железоплавильня объекта XXI и, видимо, мастерская по обработке бронзы на объекте XIII.

В период расцвета города, в начале VIII в., мастерские по обработке металла концентрируются в юго-восточной и западной части города. Слои этого времени исследованы во всех районах города.

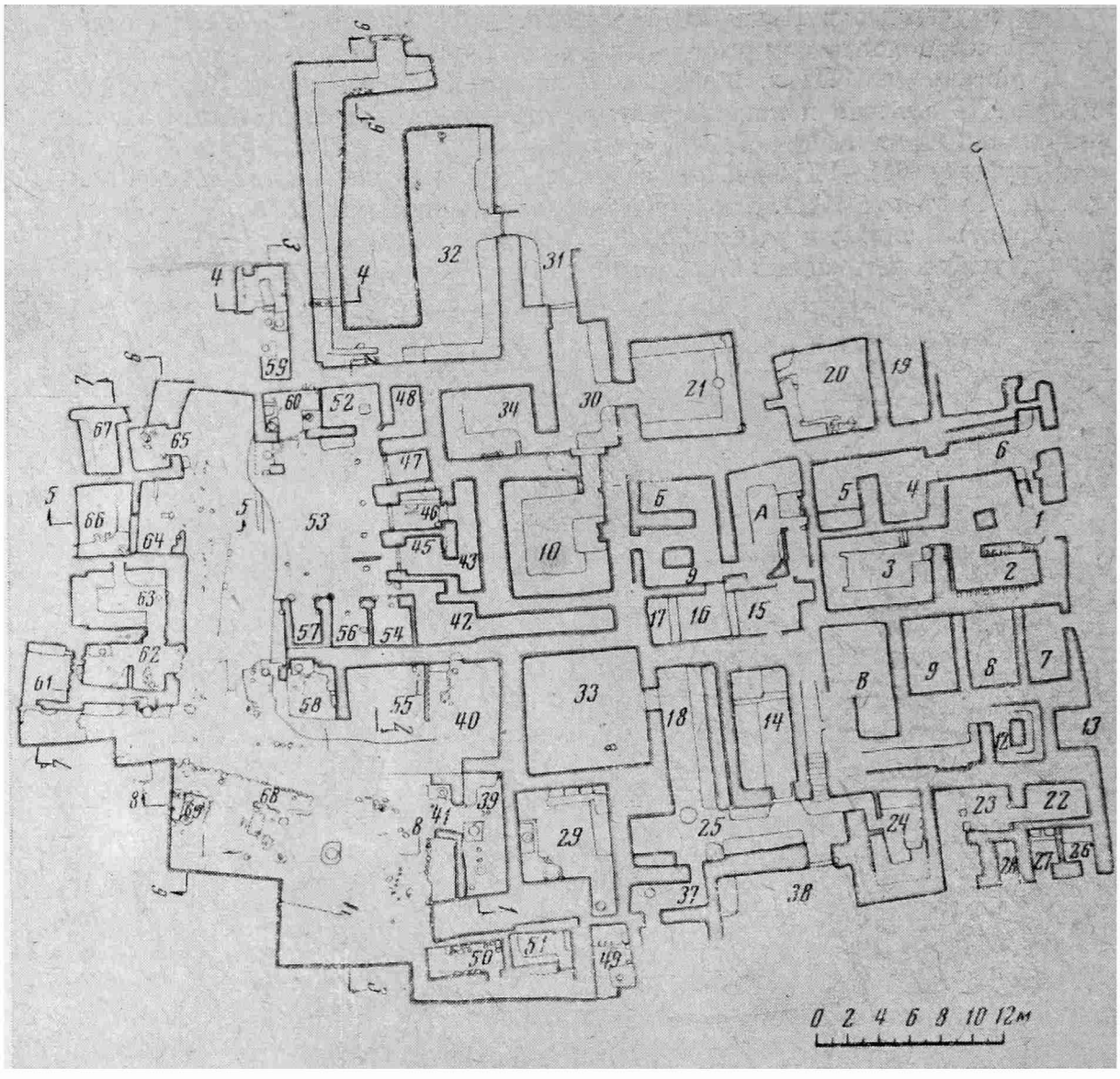


Рис. 3. Пенджикент. План квартала вдоль улицы, ведущей от городских ворот к площади перед храмами (объект XVI)

Слои более позднего времени исследованы на большой площади. В середине VIII в. наблюдается ослабление торгово-ремесленной деятельности в юго-восточном районе, которое частично компенсируется появлением новых мастерских на северо-востоке.

Более ранние слои исследованы только в трех пунктах городища (объекты II, XII и VII), поэтому говорить о топографии мастерских этого времени еще рано.

В первой четверти VIII в. мастерские большей частью размещались в специально выстроенных помещениях. Размеры их от 6 до 28,5 $м^2$. Мастерские более позднего времени устраивались как в помещениях, специально предназначенных для них, так и в перестроенных из жилых, обычно просторных комнатах. Следует отметить, что большинство помещений, специально предназначавшихся для мастерских, имели площадь от 8 до 11 $м^2$ (средняя площадь около 9 $м^2$), хотя строили мастерские и других размеров — 6,14 и 28,4 $м^2$.

Размеры большинства мастерских свидетельствуют о том, что работать в них могли не больше трех человек.

Для первой четверти VIII в. зафиксирован весь цикл по обработке железа и специализация по звеньям этого цикла: выплавка, производство товарного железа и, видимо, стали, производство изделий.

Топография мастерских этого времени показывает, что ремесленники по обработке металлов имели мастерские преимущественно в одном районе. Но этот район нельзя назвать кварталом кузнецов, медников или ювелиров. Мастерские и лавки разных ремесленников расположены чересполосно.

Таким образом, материалы Пенджикента показывают, что в Средней Азии в эпоху раннего средневековья не сложилось территориальных объединений ремесленников одной специальности.

Большая часть мастерских первой четверти VIII в. примыкает к богатым жилищам, но не связана с ними проходами. Иногда удается проследить, что мастерские были предусмотрены при планировке богатых домов (рис. 4).

Особенно характерен в этом отношении базарчик, выходивший на улицу, ведущую от южных городских ворот к площади перед храмами (рис. 3). Он примыкал к глухому фасаду одного из наиболее богатых жилищ Пенджикента. Северная и южная стены базара являются продолжением стен этого дома. Базар и дом выстроены по общему плану на земле, по-видимому, принадлежавшей одному и тому же владельцу. Помещения мастерских и лавок, расположенных на базаре, скорее всего сдавались в аренду ремесленникам и торговцам.

Можно предположить, что почти все лавки и мастерские Пенджикента сдавались их владельцами в аренду. Владельцы этих лавок и мастерских судя по их жилищам больших размеров со стенами, покрытыми росписями, были людьми состоятельными. Сдача в аренду помещений лавок и мастерских приносила владельцам немалые доходы, как и бухарским городским землевладельцам, о которых писал Наршахи в «Истории Бухары» [1].

О том, что в Пенджикенте существовала практика сдачи в аренду производственных построек, мы знаем из согдийских документов. В архиве с горы Муг сохранился документ на аренду «трех мельниц со всеми каналами, строениями и жерновами», которые сдает царь Девашгич некоему Махйану на следующих условиях: «Пусть имеет Махйан эти мельницы в течение одного года в аренде, и пусть Махйан отдаст в (течение) одного года царю Девашгичу с этих трех мельниц в качестве арендной платы за один год 460 кафчей муки выверенными (?) кафчами. И ее (= муку) каждый месяц, согласно договоренности, пусть он отдает». Арендная плата за год, по подсчетам В. А. Лившица, составляла свыше 3,5 *т* муки. Девашгич в этом договоре выступает как частное лицо [2].

Большинство торговых и производственных помещений имели широкие дверные проемы, выходившие на улицу. Прослежены и ямки от столбов перед входами в ряд мастерских, имевших навесы (айваны). Это свидетельствует о том, что торговля велась при открытых дверях, часто под навесами.

Для многих мастерских характерно обилие монетных находок. В жилищах монет обычно намного меньше. Все это показывает, что в Пенджикенте ремесленник и торговец сочетались в одном лице. Это характерно для мелкого товарного производства. Зависимость ремесленников от городских землевладельцев была прежде всего экономической, поскольку торгово-ремесленные заведения располагались на арендованной земле.

Жилища рядовых горожан, к которым относились ремесленники, располагались чаще всего отдельными кварталами, но иногда и между аристократическими домами. Жилища эти были двухэтажными, без дворов, с выходами прямо на улицу. Средняя площадь помещений нижнего этажа в

---

[1] А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, 1965, 3, стр. 190.

[2] В. А. Лившиц. Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг. II, М., 1962, стр. 57—61.

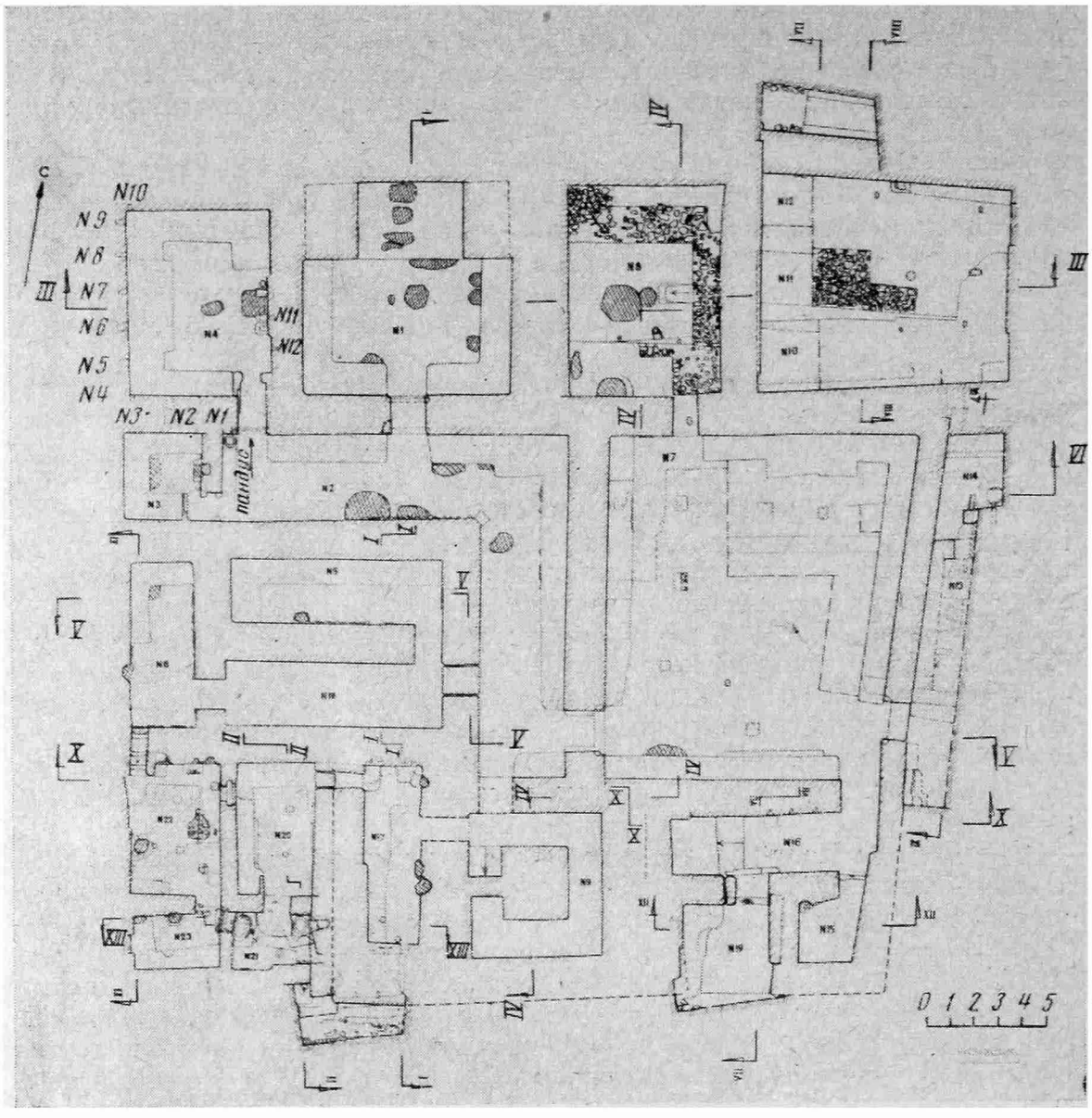


Рис. 4. Пенджикент. План богатого дома (объект XXI).

Помещения *1—4* с живописью, помещения *22—23* — кузница первой четверти VIII в., в помещении 7 в 760—770-е годы была устроена железоплавильня

первой четверти VIII в. около 30 *м*². Все это говорит о сравнительно высоком уровне жизни рядовых горожан.

Исследование мастерских показало, что в металлообрабатывающем ремесле существовал большой производственный потенциал.

Сейчас раскопано около четверти городской территории. На этой площади открыто около 100 отдельных жилищ. На этой же площади раскопано 10 кузниц, работавших одновременно. Но так как вскрыто не все городище, а мастерские расположены неравномерно, трудно сказать, насколько это соотношение отражает действительное положение. В любом случае число мастерских было очень велико для такого небольшого города. В Пенджикенте на площади 13,5 *га*, даже учитывая густоту застройки, едва ли жило более 3—4 тыс. человек. Из подсчетов видно, что для потребностей самих горожан не требовалось так много ремесленников. Несомненно, что городской базар обслуживал и сельскую округу. Потребности горожан были полностью обеспечены трудом ремесленников.

Даже крупные землевладельцы, каким был князь Пенджикента Деваштич, в условиях города предпочитали покупать необходимые им товары, а

не получать их из своих отдаленных имений. В документах с горы Муг упоминаются покупки, сделанные для Девашгича: за 2 драхмы — шлем или шапка (скорее шапка), за 1 драхму — башмаки; целый ряд товаров был приобретен на деньги Девашгича для разных лиц, в том числе башмаки за 2 драхмы, женское платье за 15 драхм, а также какие-то предметы снаряжения за 12 драхм. Труд строителей, возводивших крышу, также оплачивался деньгами. Они получили 100 драхм. Даже корову, которая была съедена на новогоднем празднике, купили за 11 драхм [3], а не пригнали из имения Девашгича.

Безусловно, концентрации ремесленников в городе способствовало проживание в городе — политическом центре округи — феодальной знати и богатого купечества. В раскопанной части Пенджикента открыто 30 обширных жилищ с парадными залами, украшенными живописью. Каждый такой дом был резиденцией представителя городского патрициата, окруженного многочисленной дворней. Они нуждались в одежде, вооружении, предметах роскоши. Да и настенная живопись и резьба по дереву может рассматриваться как вид высококвалифицированной ремесленной деятельности. Полный доспех согдийского воина состоял из множества металлических и кожаных частей, весьма тщательно выработанных и подогнанных и защищал человека с головы до пят.

Развитое кузнечное ремесло согдийцев полностью удовлетворяло потребности армии, а постоянный спрос на предметы вооружения со стороны аристократии богатых согдийских городов в свою очередь способствовал развитию ремесла, причем от ремесленника требовалось высокое качество работы. Изделия согдийских оружейников славились за пределами Согда. Характерно, что мастерская кольчужника в Пенджикенте размещалась на базаре и представляла собой одновременно его лавку. Многочисленность кузнечных мастерских в Пенджикенте связана, вероятно, также с тем, что наряду с изготовлением орудий труда для сельской округи и других ремесленников значительная часть из них работала для нужд войска. Как показывают этнографические материалы, в XIX в. скопления кузнечных мастерских находились в центрах бекств, где они обслуживали потребности как местного сельскохозяйственного населения, так и бекского двора и его окружения, «выполняя для них разнообразные заказы на различное холодное и даже огнестрельное оружие» [4]. Так, в центре бывшего Дарвазского бекства было семь кузниц, в то же время имелись кузницы и в сельских общинах [5].

Таким образом, представляется возможным поставить вопрос о специфике социальной функции городского ремесленного производства. Решающее преобладание военной аристократии над рядовым населением обеспечивалось тяжелым вооружением, которое создавалось городскими кузнецами.

Для средневековья характерно сосуществование городского и вотчинного, или дворцового, ремесла. Раскопки в Согде не выявили следов дворцового, или вотчинного, ремесла. Некоторые данные по этому вопросу могут быть извлечены из документов с горы Муг. Девашгичу принадлежал целый ряд селений в верховьях Зеравшана в нескольких десятках километров к востоку от Пенджикента. В этих имениях у Девашгича были большие склады ремесленной продукции, состоявшей главным образом из предметов воинского снаряжения. Характерен документ Б-12, в котором зафиксирована одна выдача из одного арсенала, когда было выдано одновременно 5 конских доспехов (?), 20... веревок шерстяных, 250 стрел составных и 150 седел. Здесь же упоминается выдача другому лицу 9 кож и в другой день еще 7 кож [6]. В документах с горы Муг операции с кожами чаще всего

[3] В. А. Лившиц. Юридические документы..., стр. 182.
[4] Таджики Каратегина и Дарваза. 1. Душанбе, 1966, стр. 206.
[5] Там же, стр. 208—209.
[6] В. А. Лившиц. Юридические документы..., стр. 155—156.

связываются с неким начальником водоема, который подчиняется управляющему Девашгича. В. А. Лившиц предполагает, что под водоемом следует понимать бассейн для вымачивания кож[7]. Тот же начальник водоема получает шкуры от других лиц. Видимо, в хозяйстве Девашгича была мастерская по обработке кож. По документу Б-11 можно заключить, что у фрамандара находились кожи, принадлежавшие частным лицам, возможно, переданные для обработки[8]. Учитывая роль животноводства и охоты в горном районе, в котором располагался домен Девашгича, неудивительно наличие в нем мастерской по обработке шкур. В руках Девашгича находились большие запасы сырья, необходимого для ряда ремесленных производств, прежде всего для оружейников. В то же время в документах с горы Муг нет никаких сведений об изготовлении кожаных изделий.

Состояние изученности других городов Согда не позволяет нам пока судить о том, насколько типична для них социальная структура, реконструированная на основании раскопок в Пенджикенте. На Афрасиабе слои этого времени исследованы пока в небольших масштабах. Здесь имеется жилище знатного феодала, сходное с пенджикентскими[9]. Найдена и мастерская ювелира[10].

В документах с горы Муг приводится формула, характеризующая сословный состав городской общины (η'β): знать, купцы и работники. Термин этот в буквальном переводе означает «народ, община, страна». В документах А-13 этим термином обозначается пенджикентская городская община[11].

Отличающиеся сословно купцы и знать были близки по образу жизни. Это видно по археологическим материалам[12] и по письменным источникам. В. В. Бартольд писал: «Особое место, по-видимому, занимала денежная аристократия, т. е. купцы, разбогатевшие благодаря караванной торговле с Китаем и другими странами. В рассказе о выселении согдийцев эти купцы названы у Табари рядом с «царями»; рассказ Нершахи о бухарских купцах показывает, что они владели обширной недвижимой собственностью, жили в замках и по своему положению мало отличались от дихканов. Итак, мы имеем здесь дело с отдельными богачами, интересы которых были тождественны интересам аристократии, а не многочисленным торгово-промышленным сословиям, как в мусульманский период. Об антагонизме между дихканами и купцами мы не имеем никаких известий[13]. Что касается «многочисленного торгово-промышленного сословия», то оно, как это видно из раскопок в Пенджикенте, в домусульманский период играло большую роль в городе, но резко отличалось от богатых купцов, составлявших «денежную аристократию» города.

Торгово-ремесленная деятельность не была монополией городов. В 12 *км* к югу от Самарканда находилось небольшое укрепленное селение с мощным замком в центре, известное под названием Кафыр-кала[14]. Здесь находился крупный гончарный центр, художественная продукция которого поступала на рынки Самарканда, Пенджикента и окрестных селений. В VII—VIII вв. в керамике Согда наблюдается смена стилей. В сложение нового стиля, распространившегося по всей территории расселения согдийцев и даже за ее пределами, значительный вклад внесли гончары Кафыркалы. В текстильном производстве к VI—VII вв. относится возникнове-

[7] В. А. Лившиц. Юридические документы..., стр. 72.

[8] Там же, стр. 148.

[9] В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966, стр. 12 сл.

[10] А. И. Тереножкин. Согд и Шаш. Канд. дис. Л., 1948, стр. 81—82. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2.

[11] В. А. Лившиц. Юридические документы..., стр. 95—96, 69.

[12] Об этом подробнее: В. И. Распопова. Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв. Страны и народы Востока, X, М., 1971.

[13] В. В. Бартольд. Соч., II, 1, стр. 239.

[14] Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, XII, 1946, стр. 94—103.

ние центра производства художественных шелков в селении Зандана под Бухарой. Эти шелка, известные под названием «занданечи», нашли широкий спрос на международном рынке. Находки их известны от Дунхуана до Западной Европы [15].

В сельских поселениях Ферганы и низовий Амударьи имеются отдельные мастерские, связанные с обработкой металла, а также гончарная мастерская [16]. В замке Ак-депе в Северном Хорасане существовала гончарная мастерская с ручным кругом [17].

В эпоху раннего средневековья начинают функционировать рудники в Чачско-Илакском горнорудном районе и развиваются металлообрабатывающие ремесла в городах (Тункент, Туккет) [18].

В VII в. наблюдается рост территории городов (Афрасиаб, Пенджикент) в самом Согде, в это же время начинается расцвет согдийских колоний в Семиречье. В большинстве областей Средней Азии к VII—VIII вв. относится массовый выпуск медной разменной монеты. Это, как и все, о чем уже шла речь, свидетельствует о высоком развитии товарно-денежных отношений, которое, однако, проходило неравномерно, что хорошо прослеживается на примере продукции керамического производства, которая делится на более трудоемкую, но не требующую сложных профессиональных навыков лепную посуду и на гораздо менее трудоемкую, но требующую специальной подготовки мастера станковую посуду. Если станковая посуда соответствует техническому уровню ремесла, то лепная может отражать как домашний промысел, так и более примитивный уровень ремесла, и только специальное исследование позволяет установить градацию переходов от домашнего промысла к ремеслу.

Керамика Согда V—VII вв. подробно исследована Б. И. Маршаком [19], который пришел к следующим выводам.

В центре самаркандского Согда вся керамика сельских поселений уже в IV—VI вв. изготовлялась на круге, т. е. в ремесленных мастерских. В Пенджикенте, расположенном ближе к горам, в V—VI вв. около 20% керамики вылеплено от руки. В долине Кашка-Дарьи в Аул-тепе — усадьбе V—VI вв., керамика которой испытала сильное влияние Центрального Согда, почти нет лепной керамики, а в Шор-тепе, поселении той же эпохи, лепная керамика в изобилии [20]. Сочетание круговой и лепной керамики характерно и для горных поселений в верховьях Зеравшана. Лепная посуда долин Кашка-Дарьи и Зеравшана чрезвычайно сходна по формам, технике изготовления и декору. По-видимому, в обоих случаях она изготовлена согдийцами. Дело, вероятно, в различных уровнях развития ремесла в центральных и окраинных районах.

Круговая керамика — продукция ремесленного производства. Лепная керамика обычно понимается как продукт домашнего производства, поскольку ее изготовление не требует столь высокой профессиональной подготовки.

Материалы Пенджикента позволяют поставить этот вопрос по-новому. Распространение медной разменной монеты, изменение в составе керамики, характер городской территории показывают заметное уменьшение на-

---

[15] Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 23—24; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. СА, 1961, 2, стр. 66—78.

[16] А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 44; Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, стр. 101—108.

[17] А. Губаев. Новый памятник сасанидского времени в южном Туркменистане. СА, 1967, 1, стр. 263.

[18] Ю. Ф. Буряков. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (К истории горного дела и металлургии средневекового Илака). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966, стр. 6, 7, 12.

[19] Б. И. Маршак. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1965.

[20] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, 1, стр. 219—230.

туральности хозяйства в развивающемся городе. В обиходе городской семьи в течение V—VI вв. заметно уменьшается доля сосудов, служивших для хранения запасов, и сосудов, употреблявшихся в качестве подойников и для переноски пищи в поле, однако доля лепной керамики остается стабильной. Пенджикент VII—VIII вв.— центр ремесла и торговли, однако и в это время лепная керамика была в обиходе. В эпоху расцвета Пенджикента, в конце VII — первой четверти VIII в., в одном из кварталов города более 10% керамики было лепной, а в 740—770-х годах этот процент увеличивается до 26 [21]. Постоянно сосуществуют лепные и круговые котлы, в VIII в. растет процент лепной столовой посуды. Лепной керамикой пользовались все слои населения. Она найдена во дворце правителя и в жилищах ремесленников.

Лепная керамика VI в. различается по примесям отощителей, которые позволяют разделить ее на пять групп. Процентное соотношение сосудов этих пяти групп довольно устойчиво сохраняется. Вероятно, каждая из групп была связана с определенным источником сырья. В частности, керамика с примесью сланца, которая в Пенджикенте является одной из групп, в Калаи-Муг на Магиане составляет едва ли не 100% лепной керамики [22].

Этнографические данные показывают, что лепная керамика в горных районах Средней Азии изготовляется не только для собственного потребления, но и для обмена, причем в некоторых случаях привозная лепная керамика конкурировала с круговой даже в гончарных центрах [23]. Это объясняется тем, что лепная керамика обменивается по низкой цене, поскольку в условиях натурального хозяйство у горцев оставалось свободное время, которое не могло быть занято лучше вознаграждаемым трудом. Когда налаживается связь с городским рынком, такое домашнее производство эволюционирует в сторону ремесла, не становясь, однако, основным средством существования. Такое развитие прослеживается по материалам Пенджикента VII—VIII вв. В VII в. меняется облик котлов. Они становятся крупнее и симметричнее. Толщина стенок и дна делается более равномерной. На днищах таких котлов видны следы крестовины от поворотной подставки (возможно, примитивного гончарного круга). Эти перемены связаны с четырьмя из пяти групп, выделенных по примесям. Группу с примесью шамота не затрагивают технические новшества. Напротив, она деградирует по обжигу и формовке. Шамот в этих котлах представляет собой дробленую круговую керамику. Котлы с шамотом, вероятно, изготовлялись в самом городе, где наиболее доступным материалом для отощителя были черепки круговой керамики. Только эта небольшая по количеству группа керамики может быть более уверенно отнесена к домашнему производству. Этой керамики немного, но она изготовлялась на протяжении всей истории города, всегда отличаясь при этом грубостью и непрочностью.

Керамика — единственный материал, который доходит до нас в большом количестве. Основную массу продукции домашних производств представляли изделия из органических веществ, которые, за редкими исключениями, не сохраняются. Мы можем только предполагать, что сельская округа поставляла в город не только керамику, но и другие продукты домашних промыслов. В самом городе в жилищах постоянно встречаются пряслица от веретен. В Пенджикенте найдено несколько грубых гребней из ребер животных, служивших для пробивания основы при ткачье. Видимо, эти предметы связаны с домашним производством. Относительно грузиков из алебастра и глины трудно сказать, относятся ли они к примитивному домашнему станку или к оборудованию ремесленной мастерской.

---

[21] В. И. Распопова. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. СА, 1969, 1, стр. 192, табл. 3.

[22] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г., сб. «Археологические работы в Таджикистане. 1957». V, Сталинабад, 1959, стр. 65—81; Керамика из Калаи-Муг хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа.

[23] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.

Насколько мы можем судить по данным Пенджикента, домашнее производство по сравнению с ремеслом играло весьма незначительную роль в городах.

Продукция ремесленных центров Согда и Хорезма проникала в более отсталые районы. Так, керамика хорезмских мастеров VII—VIII вв. употреблялась наряду с местной лепной керамикой населением дельты Амударьи [24]. Керамикой Пенджикента пользовалось население горного Зеравшана.

В связи с вопросом о домашнем и ремесленном производстве следует рассмотреть вопрос о лепной и круговой керамике памятников оседлого населения Семиречья. В VII—VIII вв., по данным К. М. Байпакова, 70—75% всей посуды составляет лепная, при этом ручной лепкой изготовлялись хумы, котлы, крупные кувшины [25], т. е. сосуды, изготовление которых на круге требует высокой профессиональной выучки. Мелкая столовая посуда изготовлена на круге. Хумы и водоносные кувшины — традиционные формы ремесленной керамики. Изготовление такой посуды даже и путем лепки требовало больших навыков. Относить эту посуду к домашнему производству нет никаких данных. Известны случаи, когда крупные лепные сосуды имеют венчик, подправленный на круге. Видимо, здесь на окраине оседлого мира имела место некоторая деградация гончарного ремесла.

Лепная керамика, найденная на оседлых поселениях, иногда рассматривается как свидетельство оседания кочевников, которые будто бы ее производили. Этнография кочевнической керамики не знает. «Все те сведения, которыми мы располагаем по республикам Средней Азии, указывают, что народы, кочевые в сравнительно недавнем прошлом, или народы, хотя бы в некоторой своей части далеко зашедшие по пути к полной оседлости, своего гончарного производства не имели. Они или пользовались глиняной посудой из ближайших городских гончарных центров, или же пришлые гончары производили ее среди них на местах»,— пишет Е. М. Пещерева [26]. Такая же картина наблюдается в Афганистане [27]. Корни этого явления уходят в глубокую древность. Уже в Тулхарском могильнике, оставленном кочевниками (конец II в. до н. э.— I в. н. э.), жившими неподалеку от оседлых районов, вся керамика — продукция оседлых ремесленников [28]. В погребении тюрка (рубеж VI—VII вв.) под Самаркандом, совершенном по тюркскому обычаю и с типичным для тюрков инвентарем, поставлен кувшин работы согдийского гончара [29].

В связи со сказанным наличие лепной керамики в небольших оседлых оазисах, расположенных на границе с кочевым миром, следует связывать не с этнической, а с хозяйственной характеристикой этих поселений. Видимо, в условиях ограниченного сбыта не требовалось изготовления больших серий крупных сосудов. В таких условиях не было стимула к развитию сложных профессиональных навыков, которые были необходимы в условиях обеспеченного сбыта.

Как хорошо известно, кочевники, и прежде всего кочевая знать, всегда была потребителями изделий ремесленников города. Вкусы и потребности кочевников оказывали влияние на ремесло. В VI—VIII вв. на большой территории, связанной с тюркскими каганатами, устанавливается единая мода на предметы, относящиеся к быту воинской среды: вооружение, поясные наборы, пиршественная утварь. Это прослеживается на археологиче-

---

[24] А. В. Гудкова. Ток-кала, стр. 57—58.

[25] К. М. Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1966, стр. 13—14.

[26] Е. М. Пещерева. Гончарное производство..., стр. 276—277.

[27] M. Demont, P. Centlivnes. Poteries et potiers, d'Afhganistan. Bulletin annuel du Musée et Institute d'Ethnographie de le Ville de Genéve, 10, 1967.

[28] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966, стр. 88.

[29] В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Тр. Музея истории народов Узбекистана, I, Ташкент, 1951.

ском материале, происходящем как из погребений кочевников, так и из слоев оседлых поселений. Тюркские каганы способствовали развитию торговли согдийцев, которая приносила им большие доходы. Благодаря этому в VI—VIII вв. чрезычайно расширился внешний рынок для изделий среднеазиатских ремесленников. Через степь согдийские шелка попадали в Западную Европу, согдийские серебряные сосуды — в Приуралье и в Китай. Письменные источники и этнографические параллели указывают, что в среде кочевников Средней Азии были профессионалы-ремесленники по изготовлению металлических изделий. Домашние промыслы были связаны с обработкой главным образом продуктов животноводства. Но все эти ковры, кошмы, разнообразные меха, изделия из кожи до нас не дошли.

Вопрос о сосуществовании домашних промыслов и ремесла в раннесредневековой Средней Азии очень мало изучен. Только расписная керамика XI—XII вв. привлекла к себе внимание исследователей и послужила предметом дискуссии между Б. А. Литвинским, Ю. А. Заднепровским и Б. Я. Стависким. Б. А. Литвинский считает, что эта керамика появляется в городах вместе с переселенцами-крестьянами, которые принесли с собой «излюбленные керамические формы и приемы гончарной техники» [30]. Б. Я. Ставиский находки такой же керамики на поселениях верхнего Зеравшана связывает с тем, что эта керамика была «одной из характерных особенностей древнетаджикской культуры» [31]. В недавно опубликованной статье Ю. А. Заднепровский высказал следующие положения [32]: 1) ареал и дата расписной керамики совпадают с границами и датой караханидского государства, а появление ее находится в какой-то связи с влиянием тюркского кочевого населения, 2) орнаментация этой керамики связана с древней расписной керамикой Ферганы шурабашатского периода, 3) на основании находок расписной керамики можно предположить существование «в небольшом Узгенском оазисе по крайней мере трех центров домашнего гончарства».

Все три автора сходятся в одном, что расписная керамика — продукция домашнего производства. Во всяком случае она не может быть продуктом развитого городского ремесла.

Видимо, в XI—XII вв. появляется мода на расписную керамику, которая, однако, не находит корней в материалах раннего средневековья, а также в материалах из восточных первоначальных территорий караханидов. Быстрое распространение моды на лепную расписную керамику на большой территории возможно лишь при развитых связях между районами. Тот факт, что эта керамика находила потребителя в городе, еще не свидетельствует о том, что она и производилась в городе. Урбанизация Средней Азии со времени раннего средневековья к XI в. сделала большой шаг вперед. Самаркандские горожане XI—XII вв. были втянуты в товарно-денежные отношения еще больше, чем пенджикентцы VIII в. Трудно предположить, чтобы в городской среде караханидских столиц Самарканда и Узгена могло возродиться архаичное домашнее производство керамики. О бурном росте Самарканда в XI—XII вв. и о переселении в него больших масс сельских жителей нет никаких данных [33].

Скорее всего в сферу влияния городских рынков были включены домашние промыслы сельских местностей, как это было, по-видимому, в Пенджикенте V—VIII вв. и в начале XX в. в Каратаге — гончарном центре Бухарского эмирата.

---

[30] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. ТОИИАЭ АН ТаджССР, XXVI, Сталинабад, 1954, стр. 62.

[31] Б. Я. Ставиский. Археологические работы..., стр. 81; его же. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана). Географическое общество Союза ССР, М. Э. 1, 1961, Л., стр. 48.

[32] Ю. А. Заднепровский. Средневековая расписная керамика Ферганы. КСИА, АН СССР, 1969, стр. 39—45.

[33] О. Г. Большаков. Средняя Азия в период Караханидов. История Таджикского народа. II, 1, М., 1964, стр. 256.

Видимо, лепную расписную керамику XI—XII вв. следует считать изготовленной в сельской местности и привезенной в город.

Выводы Ю. А. Заднепровского о выделении трех центров производства расписной керамики в одном оазисе нуждаются в обосновании на более массовом материале, имеющем надежную узкую дату, так как эти различия могут объясняться хронологически.

Таким образом, в средние века рост ремесла и торговли стимулировал иногда развитие домашних промыслов в сторону товарного производства.

Приведенные материалы показывают, что между домашним производством и товарным ремесленным производством существует целый ряд промежуточных ступеней — от производства для потребителя в том же хозяйстве до производства на рынок. Археологически трудно разделить домашнее производство и примитивные формы ремесла. Безусловно, более развитые формы ремесла связаны с более сложной техникой. Но само по себе употребление гончарного круга или других технических устройств не позволяет отличить общинного ремесленника от ремесленника, работающего на городской рынок. Это можно сделать, лишь исходя из общей картины раскопанных поселений. Здесь необходим полный учет материала с детальным описанием и его статистическая обработка. Такой учет в сочетании с детальной стратиграфией может дать синхронный срез по всему поселению. Для понимания социальной структуры поселения нужно знать, сколько жилищ и мастерских было на нем строго одновременно. В Пенджикенте мы начинаем подходить к такой синхронизации.

Имея несколько последовательных срезов, можно говорить о динамике развития поселения. Можно проследить развитие или упадок ремесла, развитие товарно-денежных отношений, взаимодействие развитых и примитивных, связанных еще с домашним производством видов ремесел. Показателем степени развития ремесла является и его восприимчивость к переменам моды. Вопрос о характере моды как социального явления в эпоху средневековья очень мало исследован. Между тем он, как и вопрос о локальных традициях, чрезвычайно важен. Оба эти вопроса могут быть разработаны на основании дробной хронологии, детального и полного описания материала.

V. I. Raspopova

LES MÉTIERS ARTISANAUX ET LA PRODUCTION À DOMICILE DU SOGDE DU HAUT MOYEN ÂGE

Résumé

Un des traits caractéristiques de la ville sogdienne des VI—VIIIes siècles consiste en l'existence du grand nombre d'ateliers artisanaux. A Péndjikent est fouillé à peu près un quart du territoire de la ville où l'on a trouvé environ cent habitations, plus de cinquante ateliers d'artisans (dont 29 de l'usinage des métaux) et de boutiques situés le long des rues ainsi que de petits bazars. Les ateliers où l'on traitait des métaux sont divisés en quatre groupes chronologiques dont le plus important comprend 18 ateliers qui fonctionnaient dans la même période et périrent à l'incendie vers l'an 720. On a constaté qu'à Pendjikent les artisans vendaient eux — mêmes leur production. Ils prenaient à bail des locaux pour leurs ateliers. Au Sogde les artisans comblaient entiérement les besoins des citadins et ceux de la population rurale environnante. Le progrès du métier de forgeron est dû à la nécessité de ravitailler en munitions des troupes sogdiennes lourdement armées. Les fouilles effectuées en Asie Centrale montrent que le commerce et les métiers artisanaux se développaient aux VI—VIIIes siécles non seulement dans les villes mais aussi dans les villages. Les recherches de la céramique de Pendjikent nous portent à croire que la majorité de poterie modelée à la main est produite dans les villages montagnards et est apportée dans la ville à des fins d'échange. Il n'y a qu'un groupe peu nombreux de céramique faite sans tour de potier qui peu étre rapporté à la production à domicile. A en juger d'après les données livrées par les fouilles de Pendjikent le rôle que les productions à domicile jouaient dans les villes du Sogde était beaucoup moins important que celui des métiers artisanaux.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ

Лесная Земля вятичей... Как мало известно о ней, как скупы были о ней записи летописца до середины XII в. Историю этой Земли можно было читать только по сотням раскопанных деревенских курганов, изобилующих медными и серебряными украшениями, искусно выполненными сельскими мастерами [1]. А поселения? Они почти не исследовались или давали очень мало сведений о жизни большого и самобытного племени вятичей [2].

Бурные события 40-х годов XII столетия — разгоревшаяся вновь феодальная война Ольговичей и Мономаховичей — вовлекли в круговорот истории и далекую Землю вятичей. Именно в это время на страницах летописи начинают упоминаться один за другим укрепленные городки, за стенами которых укрывались то новгород-северский князь Святослав Ольгович, преследуемый черниговскими Давыдовичами, то посадники черниговских и киевских князей, издавна обращавших свои взоры на эти земли. И действительно, укрепленные княжеские или боярские городки с середины XII в. во множестве появляются в лесной Земле вятичей — в бассейне Верхней Оки.

Одни из этих городков представляют собой своеобразные крепости, другие вырастают в древнерусские города — центры ремесла и торговли, третьи так и остаются феодальными усадьбами и постепенно приходят в упадок.

О таких городках, упомянутых в летописи под 1146—1147 гг., пойдет речь в настоящей статье (рис. 1) [3]. Данные письменных источников мы попытались увязать с археологическими материалами, полученными Верхнеокской экспедицией в последние годы [4].

Одним из первых укрепленных поселений, за стенами которого укрылся Святослав Ольгович от своих неприятелей, был Карачев. Остатки этого городка сохранились в виде огромного городища на правом берегу р. Сне-

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

[2] Хорошо известна была только Старая Рязань, однако она лежит за пределами рассматриваемой здесь территории — бассейна Верхней Оки.

[3] В рамках короткой статьи невозможно остановиться на всех известных по летописи вятических городках, поэтому мы уделили здесь внимание поселениям, отражающим самый ранний этап «черниговского проникновения» в Землю вятичей (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 65). В прежние годы исследователи неоднократно обращались к летописным известиям о «городах» Земли вятичей (см., например, Б. А. Рыбаков. Карта населенных пунктов домонгольской Руси; «История культуры древней Руси». М., 1948, стр. 30, вклейка; А. Н. Насонов. Ук. соч., Черниговская земля, стр. 64 карта (вклейка), фрагмент этой карты с нашими дополнениями воспроизводится в настоящей статье (см. рис. 1); А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Поселения древней Руси. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып 32. М., 1956, стр. 139. Указатель к карте. Города и поселения городского типа), однако некоторые из них (например, Домагощ, Девягорск, Спашь и др.) до сих пор не имели своего места на карте.

[4] Верхнеокская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР с 1949 г. работает совместно с Калужским и Орловским областными управлениями культуры и краеведческими музеями при участии пединститутов Калуги и Орла.

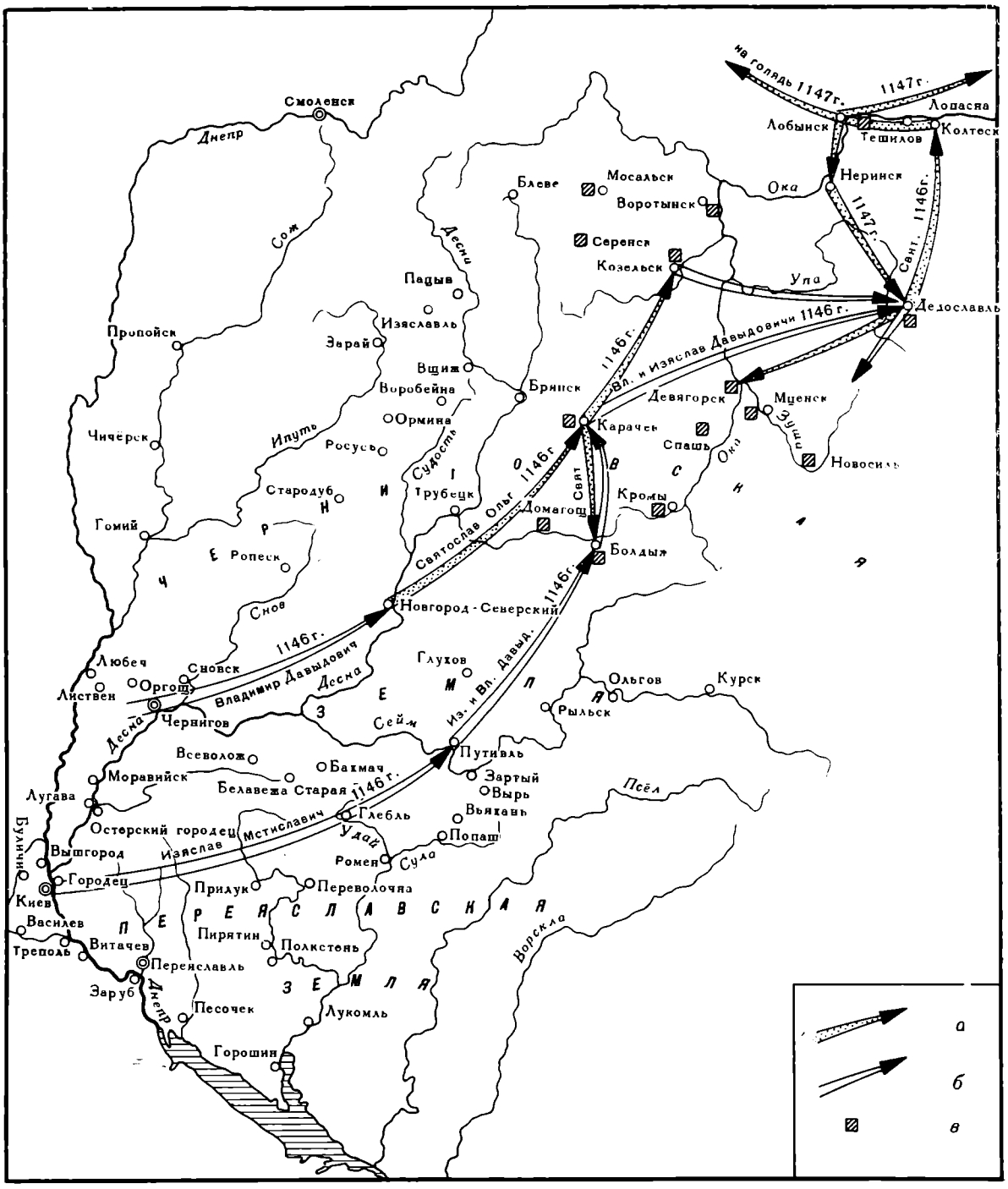


Рис. 1. Карта походов Олега Святославича и его противников

а — походы Святослава Ольговича; *б* — походы Изяслава Мстиславича и его союзников; *в* — древнерусские городища

жеть (г. Карачев Брянской обл.). Предметы быта, украшения и керамика, обнаруженные в культурном слое поселения, позволяют отнести время его появления и расцвета к XII—XIII вв. Городок существовал и в XIV—XV вв.[5] Что собой представляло это древнерусское поселение, возникшее на территории древнего, дославянского поселка, сказать трудно. Возможно, первоначально это была небольшая феодальная усадьба, основанная в начале XII в. одним из «вятических» князьков, которую затем захватил Святослав Ольгович. Постепенно этот укрепленный «двор» феодала разросся в небольшой древнерусский городок Карачев.

Вторым городком в земле вятичей, куда бежал из Карачева Святослав Ольгович, был Козельск, также упомянутый в Ипатьевской летописи под

[5] Т. Н. Никольская. О летописных городах в Земле вятичей. КСИА, АН СССР, вып. 129, 1971.

1146 г.[6] Остатками этого древнерусского поселения является городище, расположенное на левом крутом берегу р. Жиздры, при впадении р. Другуски и р. Клютомы. Город был окружен высоким валом (сохранившимся теперь только с западной стороны), по гребню которого шла, очевидно, деревянная стена. Можно предположить, что планировка древнерусского Козельска XII—XIII вв. в общих чертах напоминала план города-крепости XVI в., описание которого сохранилось: «Город в Козельске был деревянный, рубленый, с двумя проезжими и шестью глухими башнями[7], вал тянулся на 450 сажень. Был и второй вал, который шел от «острога» по берегу р. Другуски и, перейдя ее, охватывал южную, более других открытую часть города»[8]. В настоящее время Козельское городище застроено и для раскопок не пригодно. При обследовании его в 1958 и 1967 гг. был собран подъемный материал — обломки гончарной керамики XII—XVI вв.[9]

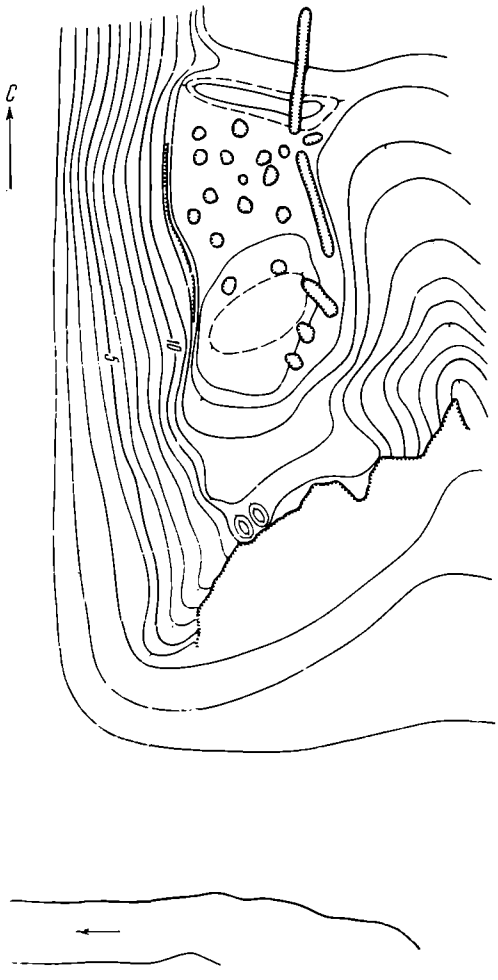


Рис. 2. План городища у с. Дедилово

Из Козельска Святослав отошел к Дедославлю («Святослав с Козельска иде до Дедославля»[10]), где он, по-видимому, задержался недолго, и вновь отступил к Осетру. Давыдовичи не замедлили воспользоваться уходом Святослава и заняли Дедославль, но, узнав, что Святослав Ольгович получил помощь от Юрия Долгорукого, приостановили его преследование. «Она же слышавша оже Гюрги прислал к нему в помочь и не сместа по нем ити, но съзваша Вятиче и реша им се есть ворог нама и вам, а ловити его убити лестию и дружину его избити, а именне его на полонъ вам и тако възвратистася из Дедославля»...[11]. По-видимому, Дедославль был довольно важным городом в Земле вятичей, и не случайно Давыдовичи созвали здесь вятичей на вече; соседство Дедославля с Рязанским княжеством заставляло черниговских князей постоянно держать этот городок в поле зрения. Еще Н. С. Арцыбашев и М. П. Погодин, а вслед за ними и А. Н. Насонов предположили, что Дедославль находился на месте с. Дедилова на р. Шиворони[12]. И действительно, на южной окраине с. Дедилово (в 36 *км* к юго-западу от Тулы) на мысу высокого правого берега р. Шиворони (Тульский район Тульской обл.) находится большое городище, к сожалению сильно испорченное (рис. 2). Впервые городище было обследовано в

---

[6] ПСРЛ, II, стлб. 336, 338. План городища опубликован в Атласе Калужского наместничества. СПб., 1782, л. 13.

[7] В древности количество башен было, очевидно, меньшим.

[8] Д. Малинин. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. (Козельск), Калуга, 1912.

[9] В 1873 г. в Козельске был найден клад, состоявший из пражских грошей и русских монет XV в., завернутых в бересту. А. А. Сиверс. Топография кладов с пражскими грошами. Пг., 1922, стр. 16, 17, № 37.

[10] ПСРЛ, II, стлб. 338.

[11] Там же.

[12] А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 224.

1935 г. экспедицией Тульского краеведческого музея [13], а в 1967 г.— Верхнеокской экспедицией [14]. Площадка городища размером 175 × 60 *м* с северной, напольной, стороны защищена валом, с востока — широким и глубоким оврагом. В средней ее части сохранилось небольшое всхолмление, вытянутое с запада на восток (остатки внутреннего вала?), от которого поверхность городища приобретает резкое падение к югу, в сторону р. Шиворонь. Культурный слой, сохранившийся не на всей площади поселения, имел толщину 0,80—1,20 *м* и содержал обломки гончарной керамики домонгольского времени и XIV—XV вв.

Святослав, несомненно, стремился приблизиться к своему союзнику Юрию Долгорукому, так как, перейдя верховья р. Осетр, он остановился в маленьком городке Колтеске, лежащем недалеко от границ Ростово-Суздальского княжества, на правом берегу Оки. «Пришедшю же Святославу в Колтеск городок» [15].

А. Д. Ходаковский, а вслед за ним А. Н. Насонов полагали, что Колтеск лежал на месте с. Колтова, расположенного в 5 *км* выше по Оке от Каширы [16]. Колтовское городище, обследованное в 1960 г. Р. Л. Розенфельдтом на левом берегу р. Мутенки (правого притока Оки), к сожалению, совершенно уничтожено карьером. На площадке, примыкавшей с напольной стороны к валам разрушенного городища (посад?), обнаружены следы землянок, в культурном слое которых собраны обломки гончарных сосудов домонгольского времени [17].

Следующим городком, в который отправился Святослав, был Лобыньск. В летописи сказано, что «Святослав възвратися (из Колтеска, — *Т. Н.*), поиде оу верх Окы и пришед ста на оусть Поротве в городе Лобыньске»... [18]. А. Н. Насонов помещает Лобынск на правом берегу Оки, в устье р. Протвы [19]. Возможно, что остатками этого городка является городище, обнаруженное в устье р. Протвы, на месте с. Дракино (Серпуховской район Московской обл.) [20].

Отсюда Святославу Ольговичу несложно было совершить поход в верховье Протвы, во время которого он «взя люди Голядь» [21]. После этого состоялось знаменитое свидание Святослава с Юрием Долгоруким в Москве («и прислав Гюрги рече приди ко мне брате в Московъ») [22].

В связи с этим событием мы узнаем еще об одном городке в Земле вятичей — Серенске (Шеренске). Под 1147 г. в Ипатьевской летописи сказано, что из Москвы Святослав Ольгович «възвратися к Лобыньску и оттуда иде к Нерыньску и перешед Оку и ста» [23]. В летописи по Воскресенскому списку это событие излагается иначе: «Святослав же с Москвы возвратися к Лобыньску, а оттуда ко Серенску, и перешед Оку ста» [24]. Есть и еще одна запись в этой же летописи, более определенная: «Святослав же пришед с Москвы и ста у Сереньска...» [25].

---

[13] Отчет М. А. Дружинина об археологических обследованиях в пределах Тульского и соседних с ним районов по открытому листу № 8. Архив АК, д. № 87 за 1935 г.

[14] Со времени обследования городища М. А. Дружининым сохранность его ухудшилась. План городища снят С. С. Ширинским. См.: Т. Н. Никольская. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1967 г. Архив ИА, д. № 3638.

[15] ПСРЛ, II, стлб. 338.

[16] А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 225.

[17] Р. Л. Розенфельд. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской обл. Архив ИА, Р—I, № 2042.

[18] ПСРЛ, II, стлб. 339, под 1146 г.

[19] А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 226.

[20] А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Поселения,... Указатель к карте..., стр. 145.

[21] ПСРЛ, II, стлб. 339.

[22] Там же.

[23] ПСРЛ, II, стлб. 340.

[24] ПСРЛ, VII, стр. 38.

[25] Там же, стр. 39

Итак, в Ипатьевской летописи говорится, что Святослав, возвратившись из Москвы, остановился в Неринске, а в Воскресенской летописи — в Серенске. Еще Н. М. Карамзин считал, что и в Ипатьевской летописи следует читать не «Неринск», а «Серенск», указывая на дер. Серенск на р. Серене Мещовского уезда Калужской губернии [26]. С ним, по-видимому, соглашается и А. В. Арциховский, также назвавший в числе городов Земли вятичей Серенск с ссылкой на Ипатьевскую летопись [27]. И действительно, здесь у дер. Серенск (Мещовский район Калужской обл.) известно прекрасно сохранившееся городище, еще в 1898 г. привлекшее внимание Н. И. Булычова [28]. С 1965 г. Серенское городище исследуется Верхнеокской экспедицией [29].

Вторично Серенск упоминается почти через 100 лет в той же Воскресенской летописи, где он назван «градом». Так, под 1232 г. читаем: «Ярослав же с Константиновичами (князьями Ярославским и Белозерским.— *Т. Н.*) шедше к Сереньску град пожгоша, а людем избегшим, и много воевавше возвратишеся» [30].

Не успели жители Серенска оправиться от набега Ростовского князя Ярослава, как над ними пронеслась еще более страшная гроза: в 1238 г. полчища Батыя, повернув от Новгорода, устремились в Землю вятичей, разоряя на своем пути многие селения и города. Особенно мужественно, как известно, сопротивлялись жители Козельска, однако после семинедельной осады город был взят и предан огню и мечу. Та же участь, очевидно, постигла и Серенск, лежавший на пути к Козельску. И хотя это событие не записано летописцем, раскопки открыли картину катастрофы, разразившейся в городе.

В культурном слое поселения особенно четко выделялась черная прослойка толщиной 0.20—0,30 *м,* состоящая из остатков сгоревшего дерева, угля, горелого зерна и насыщенная предметами быта, вооружения, украшениями, орудиями труда, фрагментами керамики XII—XIII вв. Это следы огромного пожара. В разных частях детинца, в жилищах, хозяйственных постройках, погребах обнаружены многочисленные скелеты людей, погибших при разрушении городка.

Серенское городище расположено на высоком правом берегу р. Серены, на высоте 20 *м* над ее уровнем, при впадении в нее безымянного ручья, протекавшего по дну глубокого оврага, у северной окраины дер. Серенск. Городище состоит из двух частей: детинца, имеющего форму подтреугольного мыса и расположенного южнее прямоугольного в плане окольного города, от которого детинец отделен высоким валом и глубоким рвом. На площадке окольного города почти по всему его периметру также сооружен высокий вал, склоны которого уширались в глубокий ров. Общая площадь городища составляет около 6 *га*, детинца — около 4 тыс. $м^2$ (рис. 3).

Наши раскопки проводились на территории Серенского детинца, укрепления которого, как можно заключить, были довольно внушительны: высокая земляная насыпь, сооруженная в южной и восточной его части, была укреплена внутри деревянным каркасом, состоявшим из небольших срубов, поставленных вдоль внутреннего склона вала и соединявшихся между собой бревенчатыми или плетневыми конструкциями. Деревянная стена шла, очевидно, и по гребню вала, а южную часть детинца фланкировала массивная башня, сложенная из толстых дубовых бревен.

Несмотря на то что наземные постройки домонгольской поры плохо сохранились в культурном слое Серенского детинца, по толще слоя пожа-

[26] Н. М. Карамзин. История государства Российского. II, СПб., 1851, стр. 302.
[27] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 160.
[28] Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1899.
[29] Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска. КСИА АН СССР, 113, 1968; ее же. Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. КСИА АН СССР, 125, 1971.
[30] ПСРЛ, VII, стр. 138.

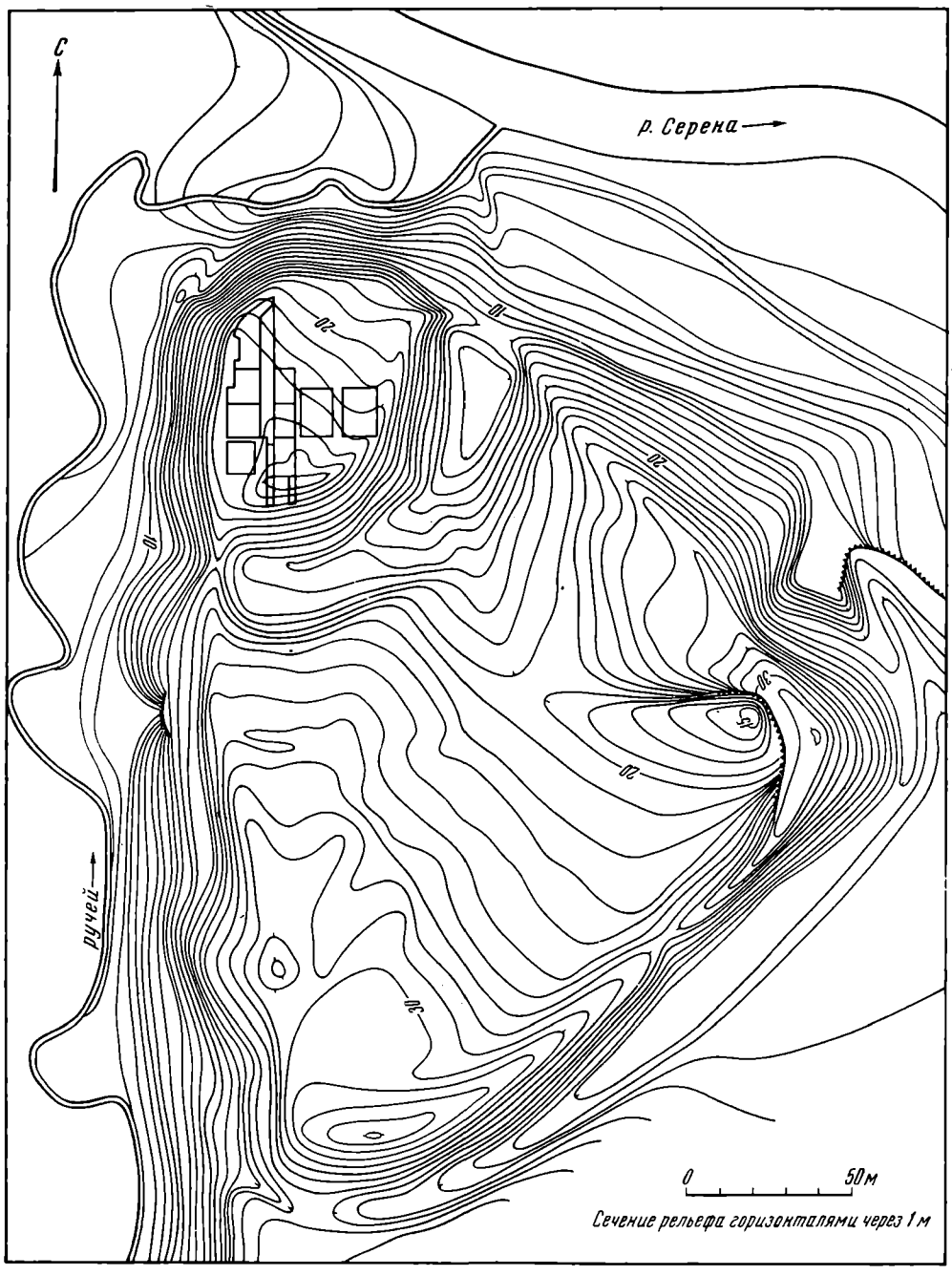


Рис. 3. План Серенского городища

ра и концентрации находок удается определить место дома или мастерской. Часто встречаются и развалы каменных фундаментов жилищ или остатки глинобитных печей. Лучше сохранились, как обычно, постройки типа полуземлянок, углубленные в материковый грунт.

По своей насыщенности находками культурный слой Серенска превосходит все исследованные древнерусские поселения в Земле вятичей, в том числе и знаменитую Старую Рязань. За пять полевых сезонов здесь собрано около 14 тыс. отдельных предметов, в том числе 8,5 тыс. обломков стеклянных браслетов, а также тысячи фрагметов керамики и костей животных.

Остатки производственных сооружений (сыродутной печи, мастерской стеклодела и ювелира), находки полуфабрикатов и отходов производства (металлические и кузнечные шлаки, отходы литейных и ковочных работ, куски оплавленного стекла и бракованные стеклянные браслеты, инструментарий ремесленников, многочисленные и разнообразные литейные формы, матрицы) и, наконец, огромное количество разнообразных предметов

из черного и цветного металла — все это свидетельствует о высоком развитии местного ремесла в Серенске в XII—XIII вв.

Металлографический анализ железных изделий Серенского городища показал, что техника обработки черного металла ничем не отличалась от общерусской XII—XIII вв.: в основе технологии изготовления железных изделий лежал тот же принцип различного сочетания железа и стали. Встречаются и целиком стальные изделия. Вся кузнечная продукция изготовлена специалистами ремесленниками, в совершенстве владевшими техникой металлообработки.

Для характеристики ювелирного дела наибольший интерес представляют многочисленные литейные формы (их найдено более 50), в том числе и так называемые имитационные, в которых изготовлялись различные полые украшения — колты, бусы, трехбусинные височные кольца — с помощью хорошо известного древнерусским литейщикам приема литья «навыплеск». Подобные литейные формы знаменуют собой высокую ступень развития ремесла, позволяя заключить, что серенские «кузнецы меди и серебру» в XII—XIII вв. переходят от работы на заказ к производству изделий на рынок (рис. 4, *1, 6, 7, 9, 10*).

С неменьшим мастерством и художественным вкусом выполнены также литейные формы для разнообразных пластинчатых браслетов, перстней, крестиков, подвесок к ожерелью и т. п. Уникальны литейные формы для изготовления широких створчатых браслетов киевского типа, выполненных из серебра с чернью с изображением сцены русалий и человеческой личины [31] (рис. 4, *2, 3, 5, 6, 8, 11*). Кроме литейных форм найдены также и медные матрицы для изготовления колтов, бус, змеевиков и т. п.

О высокой квалификации местных ремесленников говорит богатая и разнообразная продукция, изготовленная из серебра, меди, биллона и других сплавов: витые, пластинчатые и створчатые браслеты, перстни, привески к ожерельям, трехбусинные височные кольца, крестики и т. п. [32] Таким предстал глазам археологов древнерусский городок Серенск — город вятичских ремесленников.

Несомненно, что в этом городке Святослав Ольгович мог остановиться со своей дружиной, пополнить свои запасы и восстановить силы для будущих сражений. Из Серенска Святослав Ольгович снова направляется в Дедославль. Очевидно, этот городок имел в то время важное стратегическое значение, и не случайно исследователи предполагали, что он был одним из племенных центров вятичей. К сожалению, плохая сохранность памятника не позволяет нам воссоздать картину жизни этого древнерусского поселения.

Узнав, что Святослав в Дедославле и снова собирает силы для дальнейших наступательных операций («и повоеваша верх Угры»), посадники киевского и черниговского князей стали покидать вятичские города. «В то же время выбегоша посадничи Володимири. Изяславли. из Вятичъ из Бряньска и изъ Мьченьска и из Блеве» [33].

Древнерусский Мьченск, или Мценск, дал имя современному городу, и поэтому местоположение его хорошо известно [34]. Мценское городище расположено в центральной части города Мценска, на высоком крутом мысу, образованном р. Зушей и впадающей в нее слева р. Мценой. Площадка городища прямоугольная в плане (размером 470 × 40—60 *м*), имевшая почти горизонтальную поверхность, состояла, по-видимому, из двух частей: де-

---

[31] Б. А. Рыбаков. Русалии и бог-Симаргл-Переплут. СА. 1967. 2. стр. 108—109, рис. 11; Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска.... стр. 115, рис. 38.

[32] Т. Н. Никольская. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 125; Т. В. Равдина. О витых браслетах Серенска. КСИА АН СССР, 113, 1968, стр. 117.

[33] ПСРЛ, II, стлб. 342.

[34] В начале XVI в. о Мценске упоминает в своих «Записках» Сигизмунд Герберштейн. (С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 107).

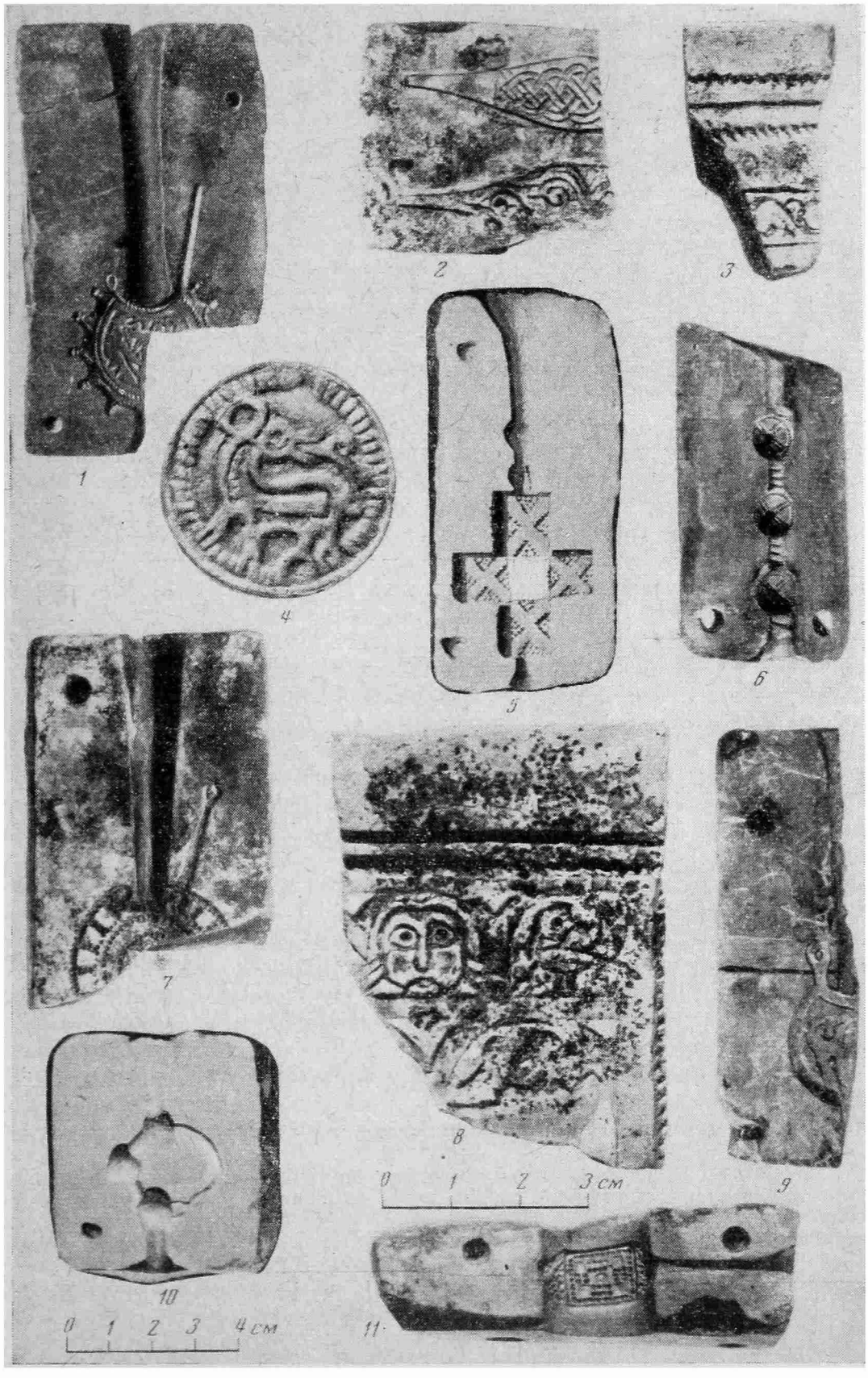


Рис. 4. Предметы из Серенского городища:

1—3, 6—8. 9, 11 — литейные формы; *4* — бронзовая матрица; *5, 10* — гипсовые слепки с литейных форм

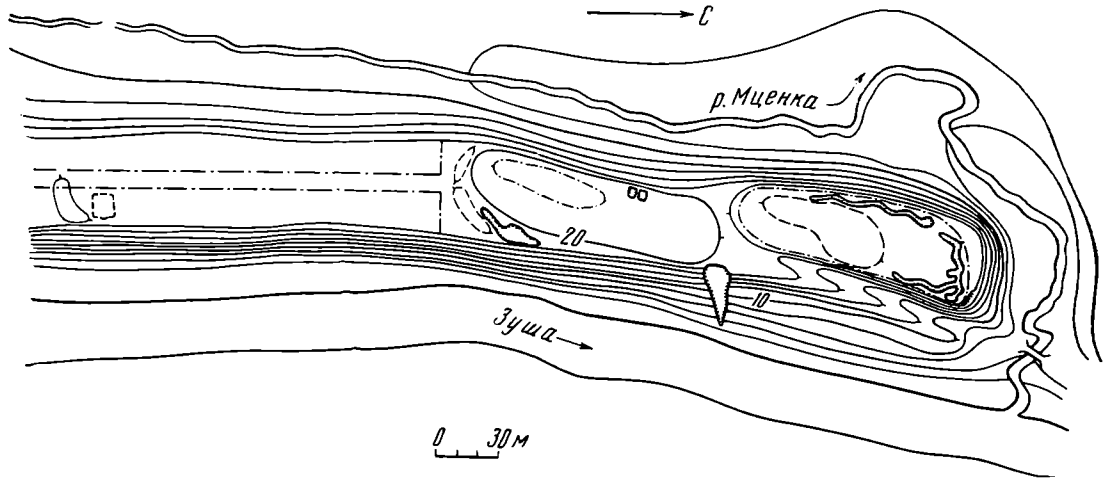


Рис. 5. План Мценского городища

тинца и отграниченного от него валом — окольного города (южная часть). Северная часть городища сильно повреждена траншеями и развалом кирпичного собора, разрушенного во время Отечественной войны. С южной, напольной, стороны, где еще в наши дни возвышается Петропавловская церковь, площадка городища также ограждена валом (высотой 2,5 *м*) [35] (рис. 5).

Небольшие разведывательные раскопки И. Е. Евсеева и обследование городища в 1967 г. С. С. Ширинским показали, что в его сильно перемешанном культурном слое содержались остатки, связанные как с жизнью древнерусского Мценска домонгольской поры (гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом, каменный жернов и др.), так и со строительством крепости в XVII в. (лощеная керамика). Подобно многим другим поселениям древнерусский Мценск возник на древнем, дославянском поселении (лепная керамика с ногтевым и ямочным орнаментом).

Под 1147 г. в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи и в Воскресенской летописи упоминается еще один город, оставленный посадниками Изяслава,— Кромы (Святослав Ольгович «поиде к Крому» [36]) (рис. 6, *1*).

Древнерусский городок Кромы расположен в пределах современного города Кромы (районный центр Орловской обл.). Кромское городище находится на левом берегу р. Недны, омывающей поселение с трех сторон [37]. С восточной стороны городище окружено широким и глубоким рвом. Северная и северо-западная части городища разрушаются рекой; они уже как бы срезаны до основания. В обрыве, обращенном к северу, толщина культурного слоя достигает 1,5 *м*. Здесь прослежены следы бревенчатых срубов, поставленных в основании вала, и пласты обожженной глины. По-видимому, существовавшие здесь укрепления вала были аналогичны деревянным конструкциям Звенигорода [38], Вереи [39] и Тушкова городка [40].

[35] И. Е. Евсеев, впервые исследовавший гордище в 1907 г., отметил что за валом, сохранившимся частично только у церкви, проходил также и ров. В XVII в. древнее городище использовалось как укрепление: в северной части существовал «острог» или «рубленый город», на южной— «острожек», у Петропавловской церкви — земляной вал и ров (И. Е. Евсеев. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения р. Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши. Тр. XIV АС, М., 1908, стр. 40).

[36] ПСРЛ, II, стлб. 342; ПСРЛ, VII, стр. 39.

[37] Городище расположено в 180 *м* от р. Кромы, притоком которой является р. Недна. В 1952 г. городище Кромы обследовалось экспедицией Гос. Исторического музея (М. В. Фехнер. Отчет о полевых археологических работах в Орловской обл. в 1952 г. Архив ИА, д. № 757). Тогда же была произведена топографическая съемка плана городища Кромы.

[38] Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). МИА, 12, 1945. стр. 131.

[39] Л. А. Голубева. Раскопки в Верейском Кремле. МИА, 12, 1949, стр. 140.

[40] М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 280.

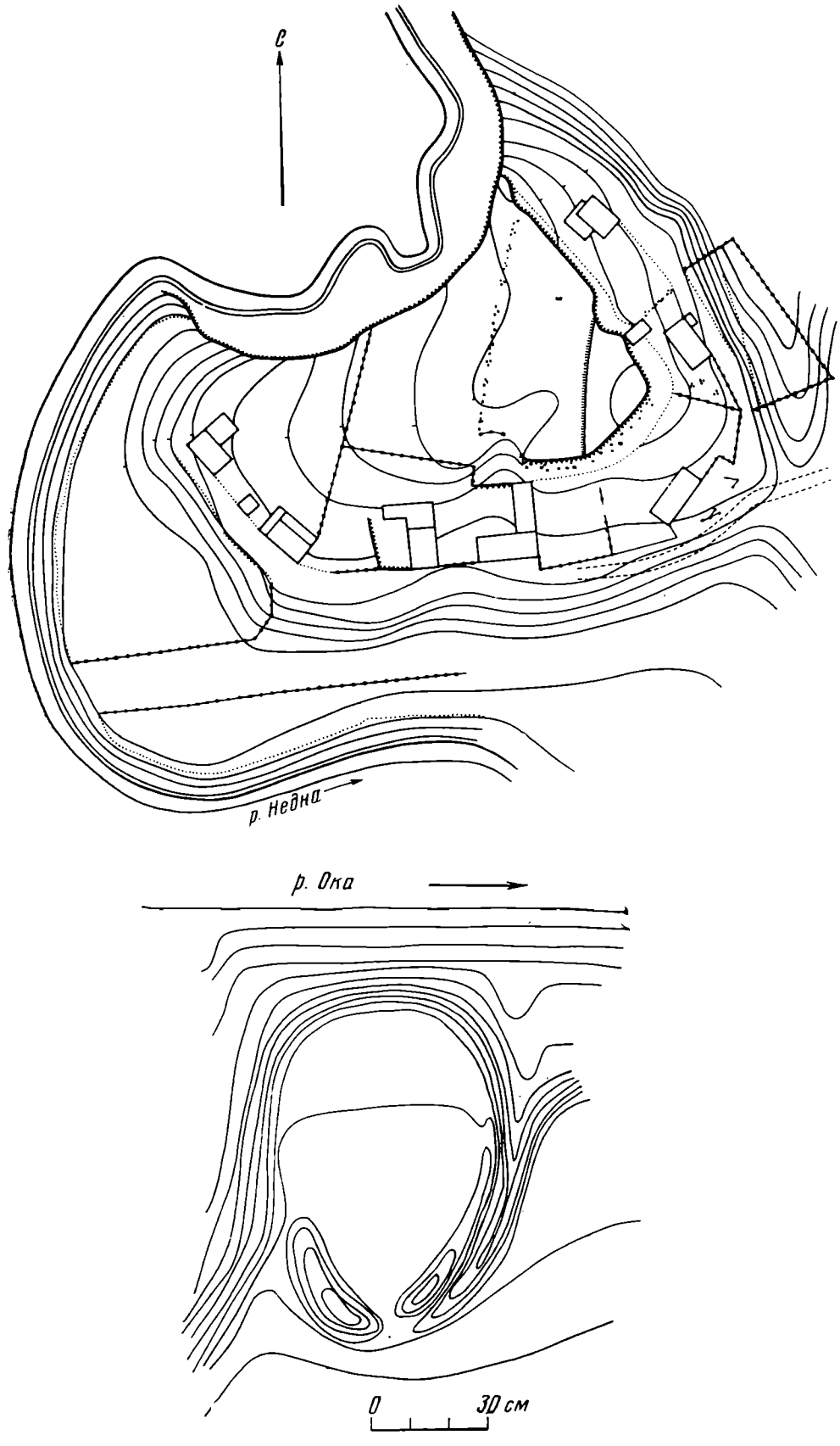


Рис. 6. *1.* План городища Кромы; *2.* План Тешиловского городища

В культурном слое и на поверхности площадки городища было собрано много керамики XII—XIII вв., обломки чернолощеных сосудов и красных, покрытых белым ангобом. Площадка городища застроена, занята огородами и для раскопок почти недоступна.

В 300 *м* восточнее городища, на высоком левом берегу р. Кромы, близ впадения в нее р. Недны, обнаружено огромное славянское селище, существовавшее одновременно с городищем (посад?). Селище, судя по находкам обломков гончарной керамики, занимает площадь в 350 × 200 *м*. При сельскохозяйственных работах здесь часто находят железные предметы, различные бусы, точильные бруски, обломки глиняных горшков и т. п. Проведенная зачистка обнажения культурного слоя обнаружила значительную его насыщенность культурными остатками (толщина 1,5—1,6 *м*).

В связи с московским свиданием Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого под тем же 1147 г. в Никоновской летописи упоминается еще один город в Земле вятичей, первоначально входивший, очевидно, также в сферу влияния черниговских князей, а позднее отошедший к Рязани. «...И тако совещавше снидошася в Москву князь великий Юрьи из Суждаля, а князь великий Святослав Ольгович с Резани из Тешилова...» [41]. А. В. Арциховский по этому поводу замечает: «Святослав был первым князем в Земле вятичей. Определенной столицы он не имел, но, по-видимому, Тешилов был тогда довольно важным пунктом» [42].

Такое заключение А. В. Арциховскому удалось сделать на основании раскопок, проводившихся им на Тешиловском городище в 1925 г. Древнерусский город-крепость Тешилов существовал с XII по XVI в. В отличие от древнерусского Серенска, которому предшествовал мощный древний культурный слой, Тешилов возник на новом месте, и дославянского поселения здесь не существовало. Тешиловское городище расположено около с. Тешилова (Серпуховской район Московской обл.), на высоком правом берегу Оки. Площадка городища, окруженная кольцевым валом, особенно высоким с южной стороны (до 10 *м*), занимала территорию около 2 *га*. В результате раскопок А. В. Арциховского была выяснена планировка поселения, открыты остатки жилищ и собрано множество предметов быта, вооружения и украшений (рис. 6, *2*.)

Жилища представляли собой наземные бревенчатые избы с земляным(?) полом. По словам автора раскопок, на некоторых участках постройки тесно примыкали друг к другу, располагаясь длинными рядами и образуя как бы улицу. В южной части городка было древнее кладбище. Раскопки на городище дали богатый вещевой материал. Среди железных вещей отметим наконечники стрел, долото, рыболовные крючки, овальное кресало, ножи, подковку для сапога, гвозди и т. д. Многочисленны предметы из цветных и благородных металлов: обломок серебряного семилопастного височного кольца, золотая бусина, бронзовые браслеты, перстнеобразные височные колечки, пластинчатый, широкосрединный перстень, бубенчик с одной прорезью. Из кости изготовлены трапециевидные двусторонние гребни, рукоятки кинжала и ножей, покрытые циркульным орнаментом; из стекла — обломки браслетов, бусы, из розового шифера — пряслица и т. д. На днищах некоторых гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом обнаружены клейма (колесо, ромб, вписанный в прямоугольник, и т. д.).

---

[41] ПСРЛ, IX, М., 1862, стр. 172. А. Н. Насонов, подвергая сомнению известия Никоновской летописи, с бо́льшим доверием относится к сообщению Ипатьевской летописи, согласно которой Святослав поехал в Москву «с Лобыньска» (А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 211). А. Н. Насонов несомненно прав, говоря, что к известиям Никоновской летописи о событиях XII — начала XIII в. надо отнестись с осторожностью, но зато с другим его столь категоричным выводом — «Само существование Тешилова до XIV в. источниками не подтверждается» (там же),— как мы увидим ниже, нельзя согласиться.

[42] А. В. Арциховский. Отчет о раскопках в Московской губ., Серпуховском уезде. Архив ГАИМК, д. № 199 за 1925 г., стр. 50.

Выше упоминалось, что в числе летописных городков в Земле вятичей могли быть и феодальные усадьбы типа замка [43]. Одним из таких замков был, вероятно, летописный Девягорск (Девягорьск), который занял Святослав Ольгович на втором, благоприятном для него, этапе войны. «...и оттуда иде Девягорьску, иде заем вси Вятичи и Добрянеск и до Воробиин Подеснье Домагощ и Мценеск» [44].

Местонахождение Девягорска до настоящего времени было неизвестно, и поэтому он не фигурирует ни на одной из карт поселений древней Руси. Судя по сообщению летописи, можно предположить, что Девягорск находился где-то между Дедославлем и Мценском. Рассмотрев известные нам древнерусские памятники этого района, мы предположили, что одно из городищ, может быть, является остатками этого древнерусского городка. Это городище у с. Городище, на Оке (Мценский район Орловской обл.). Название «Девягорск», или «Деревягореск», несомненно, было присвоено поселению в связи с окружавшей его природой. Территория современного Мценского района Орловской обл., самая лесистая из восточных районов Орловщины в настоящее время, в древности была, очевидно, еще более богата лесами.

Городище у с. Городище расположено северо-западнее г. Мценска, на высоком левом берегу Оки, при впадении в нее р. Зуши, на южной окраине с. Городище. Трапециевидная в плане площадка поселения, слегка вытянутая с севера на юг, имеет размеры 72 × 57 *м*. С западной, напольной, стороны городище укреплено валом, сохранившимся на высоту 1,6 *м*, и рвом; противоположной стороной оно обращено к Оке, с двух других сторон ограничено глубокими оврагами. Городище возвышается над уровнем Оки на 12 *м*. Небольшие разведывательные раскопки П. С. Ткачевского в 1926 г. [45] и С. С. Ширинского в 1967 г. [46] обнаружили на городище довольно мощный культурный слой (до 1,5 *м*), содержащий обломки стеклянных браслетов, предметы из железа, гончарную керамику с линейным и волнистым орнаментом XII—XIII вв., кости животных. В верхнем горизонте культурного слоя встречались фрагменты сосудов XVI—XVII вв. [47] (рис. 7).

Подобной феодальной усадьбой типа замка был, по-видимому, и летописный городок Спаш, который нам удалось связать с исследованным Верхнеокской экспедицией городищем у с. Спасское (р. Неполодь) [48].

Мы не останавливаемся здесь на истории еще одного вятического городка, занятого Святославом Ольговичем, наряду с Девягорском в

---

[43] Упоминания о феодальных замках на страницах летописей очень редки. В Воскресенской летописи, например, упоминается «Новый городок Ольгов» (ПСРЛ, VII, стр. 57), отождествляемый А. Л. Монгайтом с Ново-Ольговским городищем, являвшимся, по его мнению, феодальным замком. А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 150. Из Ипатьевской летописи хорошо известно знаменитое «сельцо Игорево» — богатый княжеский замок в Черниговской земле (ПСРЛ, II, стлб. 333). Как нам известно, поселения подобного типа в XII—XIII вв. были многочисленны и в бассейне Верхней Оки. (Т. Н. Никольская. К вопросу о феодальных «замках» в Земле вятичей. «Культура древней Руси», М., 1966, стр. 184).

[44] ПСРЛ, II, стлб. 342.

[45] П. С. Ткачевский. Раскопки в 1926 г. в Орловской губ. Бюллетень Орловского Губернского бюро краеведения 1927 г., 1, стр. 23, 24. Особенный интерес представляет сообщение Ткачевского о том, что в 20 *м* от городища при рытье ямы были найдены семилопастные височные кольца и решетчатый перстень.

[46] Т. Н. Никольская. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1967 г.

[47] На противоположном, правом берегу Оки и на правом берегу р. Зуши, при ее впадении в Оку, известны селища и несколько курганных групп. (Селище и курганы у д. Шлыково, курганы у хутора Никитина, у д. Н. Ростоки). Некоторые из курганов были раскопаны И. Е. Евсеевым в 1907 г. и П. С. Ткачевским в 1926 г. В курганах обнаружены остатки трупосожжений, совершенных на стороне, и трупоположения почти без вещей. И. Е. Евсеев. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения р. Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши. Тр. XIV АС, II, М., 1908, стр. 43—46; П. С. Ткачевский. Отчет о раскопках в Орловской губ. Архив ЛОИА, 1926, д № 211.

[48] Т. Н. Никольская. О летописных городах в Земле вятичей..., стр. 10—12.

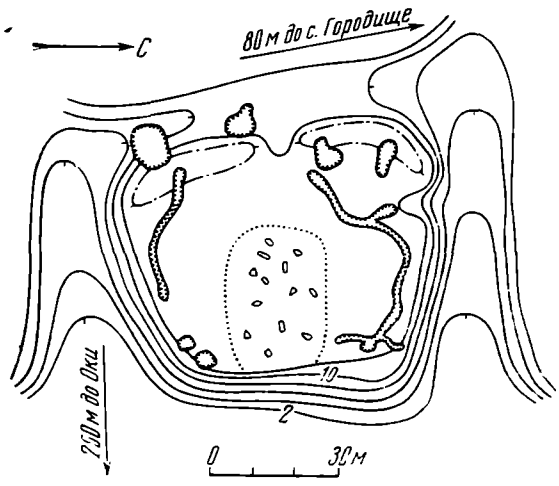


Рис. 7. План городища у с. Городище (Девягорск)

1147 г.,— летописного Домагощa. Как нам представляется, остатками этого великолепно сохранившегося города-крепости, существовавшего с середины XII до половины XIII в., было Большое Слободское городище (р. Навля), детинец которого исследован нашей экспедицией [49].

Итак, рассмотрев только некоторые укрепленные городки в Земле вятичей, упомянутые в летописи под 1146—1147 гг., мы попытались показать, что они не были однородны: среди них хорошо известны города — центры ремесла и торговли (Серенск), города-крепости (Тешилов, Козельск, Домагощь), города — феодальные замки (Девягорск, Корачев, Спашь). Подобную же картину можно наблюдать в это время и на западе, например в Польше [50].

Строительство этих городков, являвшихся форпостами черниговских князей, не только обеспечивало интенсивное «освоение» Земли вятичей, долгое время недосягаемой для киевских князей, но диктовалось также и необходимостью защиты от кочевников.

T. N. Nikolskaia

LES VILLES ANCIENNES RUSSES SUR LA TERRE DES VIATITCHES (À PROPOS DE LA GÉOGRAPHIE HISTORIQUE)

Résumé

Au milieu du XIIe siècle, sur la terre des Viatitches, étaient connus de nombreux sites urbains des anciens Russes, ayant des fortifications. A partir de cette époque ils sont mentionnés de plus en plus fréquement sur les pages des Chroniques russes. Les unes de ces agglomérations étaient une sorte de forteresses, les autres donnaient naissance à des villes anciennes russes qui devinaient centres des métiers artisanaux et du commerce, les troisièmes restaient toujours des propriétés féodales et tombaient petit à petit en décadence. Nos travaux effectués dans le bassin de l'Oka supérieure ont permis de faire un trait d'union entre plusieurs sites connus d'après des sources écrites et les gorodichtchés anciennes russes fouillées. Les résultats les plus intéressants ont été obtenus au cours des recherches d'une gorodichtché à proximité du village Sérensk, qui n'était autre qu'une ville l'ancienne russe portant le même nom et mentionnée dans les Chroniques de 1147 et 1232. Le détinets (la citadelle) de la ville de Sérensk fut incendié au début du XIIIe siècle, paraît — il, par les troupes du Batu — Khan (en 1238). Des objets les plus divers livrés par la couche d'incendie et faits en métaux ferreux et non — ferreux, verre et pierre, des outils d'airtisans (surtout des moules de fonderie en pierre et des matrices en bronze) donnent lieu à reconstituer un panorama de la vie de cette petite ville ancienne russe, centre des métiers artisanaux et du commerce.

Parmi d'autres sites fortifiés que mentionnent les Chroniques de 1146—1147 sont connues les villes — forteresses telles que Domagochtch (la gorodichtché aux environs immédiats du village Slobodki sur la rivière de Navlia), Kozelsk, Téchilov et les propriétés féodales du type de château fort, notamment Déviatogorsk (la gorodichtché près du village Gorodichtché sur le fleuve d'Oka), Koratchev, Spach' (la gorodichtché à proximité du village Spasskoié sur la rivière de Néplod'). Ces sites qui servaient des avant — postes aux princes de Tchernigov n'étaient pas construits exclusivement comme suite à l'aspiration de pénétrer de façon de plus en plus intense sur la terre des Viatitches mais aussi pour assurer la défence contre les nomades.

---

[49] Т. Н. Никольская. Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 25; ее же. О летописных городах в Земле вятичей..., стр. 5—10.

[50] В. Хенсель. Применение археологического метода к исследованиям о возникновении польских городов. «Slavia Antiqua», IX, Warszawa — Poznan, 1962.

Ю. Е. БЕРЕЗКИН

МИФОЛОГИЯ МОЧИКА (ПЕРУ)

Одним из интереснейших вопросов в исторической науке является проблема формирования фольклора и мифологии. Сравнительные работы в этой области показывают, что становление той или иной мифологической системы обусловлено, с одной стороны, уровнем общественного развития и хозяйственно-культурными особенностями определенных народов, а с другой — предшествующим этапом этого развития, традицией. Из этого следует, что мифологическую систему можно правильно понять только учитывая специфику как данной, так и предшествующей исторической эпохи, а знакомство с ней расширяет наши знания о характере общества в целом, что особенно ценно в случае, когда прямых сведений о социальном строе нет. Специфические черты изобразительного искусства индейцев Северного побережья Перу в первой половине I тысячелетия (ясность и реализм, широта тематики) дают нам редкую возможность изучения мифологии только что переступившего порог цивилизации и еще бесписьменного общества — культуры мочика.

Формирование культуры мочика происходило на базе предшествующих (куписнике, салинар) в начале нашей эры в долинах Моче и Чикамы. В территорию формирования, возможно, следует включить и ряд более северных долин, однако археологическая периодизация этого района пока недостаточно разработана. Зарубежные археологи делят культуру на пять хронологических периодов, первые два из которых относятся к ее раннему этапу, третий — переходный, четвертый — период расцвета и пятый, возможно, отмечен некоторым упадком. В период мочика IV осуществляется экспансия культуры на долины к югу от Моче. Примерно в VII в. культура мочика гибнет (скорее всего в результате внешнего давления), но многие древние традиции на Северном побережье сохраняются и в последующий период. Наследником мочикской цивилизации в какой-то мере стало государство Чимор (XIII?—XV вв.).

Основой существования мочика являлось высокоразвитое ирригационное земледелие (хотя принадлежность тех или иных каналов и акведуков именно в этой культуре не всегда строго доказана). Большую роль играли рыболовство и морской промысел. Судя по продуктам гончарного производства, металлообработки и пр., ремесло было развито очень высоко. Отсутствие гончарного круга компенсировалось изготовлением сосудов в формах. Хорошо известна роспись, изображающая текстильную мастерскую [1], в которой занято в общей сложности 14 человек (скорее всего какое-то общественно организованное производство, возможно, похожее на «монастыри», где занимались ткачеством священные девы солнца у инков). Города, относящиеся к мочикскому времени на Северном побережье, пока не найдены. Основной структурной единицей являлся «цере-

[1] H. D. Disselhoff. Alltag im alten Peru. München, 1966, стр. 57.

монпальный центр», состоящий из главной пирамиды со святилищем и окружающих строений. Значение и характер этих центров пока еще не вполне ясны. Возможно, вокруг них концентрировалось население, но не исключено, что оно жило разбросанно. Была ли вся территория мочика охвачена единым государством, вопрос спорный. Большинство сцен битвы на росписях изображают столкновения мочикских воинов со своими соплеменниками, что является аргументом против такого предположения. Несмотря на попытки некоторых ученых (Р. Ларке Ойло В. де ла Хара) увидеть смысловое значение в знаках на раскрашенных бобах, доказать существование сколько-нибудь развитой системы письменности у мочика также не удалось.

Среди памятников искусства мочика главное место принадлежит изображениям на керамике. Сосуды, как правило, красно-коричневого цвета, значительно реже черные. Во многих случаях в их отделке сочетались различные изобразительные приемы (роспись и скульптура, роспись и рельеф, рельеф и скульптура). Роспись обычно двуцветная: рисунок наносился темно-коричневой краской по светлому кремовому фону. Иногда добавлялся третий, оранжевый цвет. По манере исполнения к изображениям на керамике примыкают фрески, остатки которых сохранились на стенах монументальных комплексов в Уака де ла Луна и в Паньямарке. От росписей на сосудах они отличаются только своей полихромностью. Встречаются сюжетные изображения на металле, дереве и других материалах.

В то время как земледельческие работы, ремесло (за исключением упомянутого сосуда с ткачихами), строительная деятельность совершенно не представлены, изображения религиозного характера поражают своим разнообразием. По-видимому, здесь нашла отражение вся система мифов и верований. Непосредственно мифологический характер носит не менее трети изображений, однако и в большинстве остальных случаев также можно предполагать какой-то сакральный оттенок, поскольку религиозно-магические представления в той или иной мере неизбежно касались всех сторон жизни общества.

Сосуды мочика с изображением мифических сцен привлекали внимание путешественников и собирателей древностей еще в XIX в., до выявления самой культуры. Первым (с 30-х годов нашего века) предпринял их систематическое изучение перуанский исследователь Р. Ларко Ойле. Он пришел к выводу [2], что большая часть изображений связана с антропоморфным персонажем с клыками, торчащими изо рта, и одной или двумя змеями, свешивающимися с пояса, которому он дал название «Ан-Апек». Слово это встречается в учебнике языка индейцев Северного побережья, составленного в начале XVII в. монахом Фернандо де ла Каррерой, переведенное им как «создатель». Полной уверенности, что это не искусственное словообразование (для перевода христианской терминологии), нет. Ан-Апек, по мнению Р. Ларко Ойле, сражается с «демонами», а все остальные персонажи (зооморфные) составляют его свиту и окружение. Выводы перуанского ученого базировались на основе знания огромного фактического материала, но бывали нередко получены без тщательного его анализа, более привлекая смелостью фантазии, чем научной убедительностью. Большой заслугой Р. Ларко Ойле явилось то, что он подошел к памятникам изобразительного искусства мочика как к полноценному историческому источнику, реально отражающему религиозные представления древнего народа. Ранее широко бытовало мнение, что рисунки мочика изображают танцоров в масках. Например, Т. А. Джойс, рассматривая сцены церемониального бега [3], в которых участвуют зооморфные

---

[2] R. Larco Hoyle. Los Mochicas, Lima, 1938—1939; его же, A Cultural Sequence for the North Coast of Peru. Handbook of South American Indians, 2, 1946, стр. 149—175.

[3] T. A. Joyce. The Clan Ancestor in Animal from as Depicted on Uncient Pottery of the Peruvian Coast. «Man», XIII, 8, 1913, стр. 116—117.

существа, предполагал, что речь идет о людях, наряженных в костюмы предков рода. Вряд ли может идти речь о значительных пережитках тотемизма для времени мочика, но даже если бы это было и так, то изображались, конечно, не ряженые актеры, а сами предки.

Новый этап в исследовании мочикской мифологии связан с работами западногерманского ученого Гердта Кучера[4]. Кучер выделил на мочикских росписях еще один антропоморфный персонаж, Бога с Лучами, показав, что он был верховным божеством мочикского пантеона и связывался с луной. В позднее время у индейцев Чиму главным божеством также являлся бог Луны — Си. Кучером была предложена убедительная интерпретация ряда сюжетов (церемониальный бег, церемониальная игра в «бадминтон») и прокомментированы многие сцены.

Большой интерес представляет отождествление тех или иных зооморфных персонажей с реальными представителями животного мира. В этом отношении важны работы Эухенио Яковлева[5] (по иконографии не только мочика, но и других перуанских культур). В изучение мочикской мифологии внесли свой вклад также А. Хименес Борха, А. Р. Сойер, Р. Карьон Кочот и другие исследователи. Однако и сейчас многие ее проблемы еще весьма далеки от разрешения, что связано как с загадочностью некоторых отдельных сцен, так и с отсутствием систематического описания всех сюжетов, недостаточным привлечением сравнительных материалов, накопленных фольклористикой и историей религии.

Далее мы попытаемся дать самый краткий обзор мочикской мифологии, используя как общеизвестные данные, так и некоторые собственные заключения.

I. Структура религии мочика

Во главе мочикского пантеона стоял, как указывалось, бог Луны, который, однако, относительно редко принимал активное участие в событиях. Самой популярной фигурой являлся бог со змеями у пояса (мы сохраняем за ним название «Ай-Апек»), культурный герой и центральное действующее лицо мифов. Иногда его сопровождал его сын или помощник. Третий центральный персонаж иконографически очень похож на Ай-Апека, но встречается реже. Это его соперник и, вероятно, брат. В некоторых мифических сценах встречаются женщины, но трудно сказать, насколько мы вправе говорить о женском божестве у мочика. Это скорее лишь персонажи мифа. Антропоморфные существа были окружены рядом зооморфных божеств. В них (во всяком случае, в большинстве из них) следует видеть именно богов с определенными функциями, а не просто антропоморфизированных животных; кстати, все они рассматривались как мужчины, что видно по одежде и головным уборам[6]. Среди зооморфных божеств выделяется группа морских, враждебных прочим.

---

[4] G. Kutscher. Iconographic Studies as an Aid in the Reconstruction of Early Chimu Civilization. Transactions of the New York Academy of Sciences. Сер. II, 12, 6, 1950, стр. 194—202; его же. Ritual Races among the Early Chimu. Selected Papers of the 29 ICA. Civilizations of Ancient America, Chicago, 1951, стр. 244—251; его же. Nordperuanische Keramik. Monumenta americana, I, Berlin, 1954; его же. Ceremonial «Badminton» in the Ancient Culture at Moche (North Peru), Proc. of 32 ICA. Copenhagen, 1958, стр. 422—432.

[5] E. Yacovleff. Las Falconnidas en el Arte y en las Creencais de los Antigous Peruanos. RMNL, I, 1, 1932, стр. 33—111.

[6] Степень индивидуализации зооморфных персонажей различна. Некоторые (Сова, Игуана) встречаются только в единственном числе. Другие (Морской Орел, Лиса, Олень, Рыба и пр.) в подавляющем большинстве случаев выступают индивидуально и лишь в некоторых «массовых» сценах (ритуальный бег, игра или гадание на бобах) может быть показано несколько существ одного вида. Наконец третьи (Баклан) часто изображаются группами.

II. Краткая иконографическая и сюжетная характеристика персонажей

1. Бог с Лучами. Изображался с клыками во рту [7] в ореоле из лучей, обычно заканчивающихся змеиными головами. На нескольких росписях [8] вместо носа у него птичий клюв. Часто [9] на нем специфический головной убор из ряда отходящих вверх недлинных широких полос (иногда также с головами змей на концах), по которому его легко узнать в тех редких

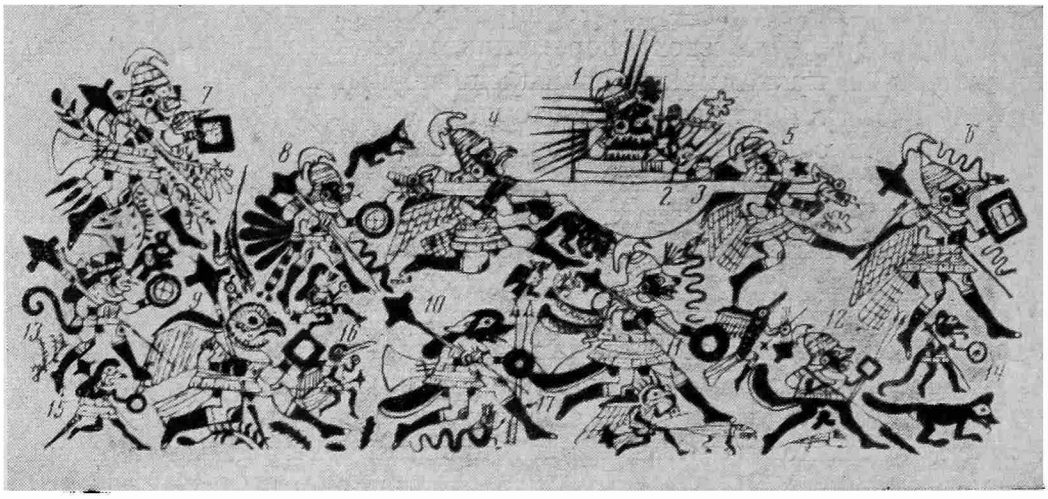


Рис. 1. Бог с Лучами и его свита (по Г. Кучеру)

1 — Бог Луны с палочкой (для жевания коки?) в руке, *2* — маленький ягуар (ср. рис. 3, *10*), *3* — сосуд (для извести и коки?), *4, 6* — Морские Орлы, *5* — Колибри, *7* — персонаж, от фигуры которого отходят изображения различных плодов и кореньев (сам Аи-Апек?), *8* — Муха, *9* — Сова, *10* (?), *11, 12* — Лисы, *13* — Пума (?), *14* — Мышь (?), *15* — Ящерица, *16* — Баклан (?), *17* — Змея

случаях, когда ореола из лучей нет. Божеством Луны Бога с Лучами позволяют считать его изображения внутри лунного серпа или рядом с ним — в носилках, которые поддерживают Мышь (?) и Ящерица [10]. Одна из росписей изображает его во главе процессии зооморфных божеств (рис. 1) [11], другая — как их предводителя в сцене сражения (рис. 2) [12]. Аи-Апек направляется к нему, сложив руки в жесте адорации (рис. 3) [13].

2, 3, 4. Антропоморфные персонажи с клыками во рту и змеями у пояса. Никто из исследователей не отделяет первого из этих персонажей от второго, хотя после внимательного рассмотрения некоторых сцен, где они изображены вместе (рис. 4) [14], становятся ясными закономерности в трактовке художниками мочика этих образов, отличающие их одного от другого. Для первого (Аи-Апека) характерен богатый головной убор с изображением кошачьего хищника или с большим полудиском надо лбом (рис. 4, *1*). Первый вид убора встречается на воинах, а иногда, возмож-

[7] На одном из изображений клыков нет (V. W. Von Hagen. The Desert Kingdoms of Peru. London, 1965, табл. 114).

[8] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 47; 79*a*, *c*; его же. Chimu, рис. 68; H. Leicht. Indianische Kunst und Kultur. Zürich, 1944, стр. 85.

[9] G. Kutscher. Chimu, рис. 69, 72; H. Leicht. Ук. соч., стр. 94; 95.

[10] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 47; его же. Chimu, рис. 72.

[11] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 80.

[12] G. Kutscher. Chimu, рис. 43.

[13] Там же, рис. 62.

[14] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 56*c*, 60*b*. Ph. A. Means. Ancient Civilizations of the Andes. New York — London, 1931, рис. 8; W. D. Strong, C Evans. Cultural Stratigraphy in the Viru Valley. Northern Peru. The Formative and Florescent Epochs. N. Y., 1952, табл. XXVIIIe. A. R. Saweyr. The Nathan Cummings Collection of Ancient Peruvian Art (Formerly Wassermann — San Blas Collection). Chicago, 1954, рис. на обложке.

Рис. 2. Сцена из мифа о бунте вещей с изображением двух этапов развития действия (по Г. Кучеру)

1 — Бог с Лучами, *2* — Пума, *3* — Ягуар, *4* — Лиса, *5, 8* — Морские Орлы, *6* — Колибри, *7* — Утка, *9* — Сова, *10* — женский (?) персонаж, *11* — палица с зубчатым навершием, *12* — палица с коническим навершием, *13* — бубен (?), прикреплявшийся к поясу, *14, 15, 16* (?) — пращи, *17* — щит, *18* — юбочка, *19* — пояс, *20* — рубашка, *21—24* — дротики, *25* — Олень, *26* — Змея

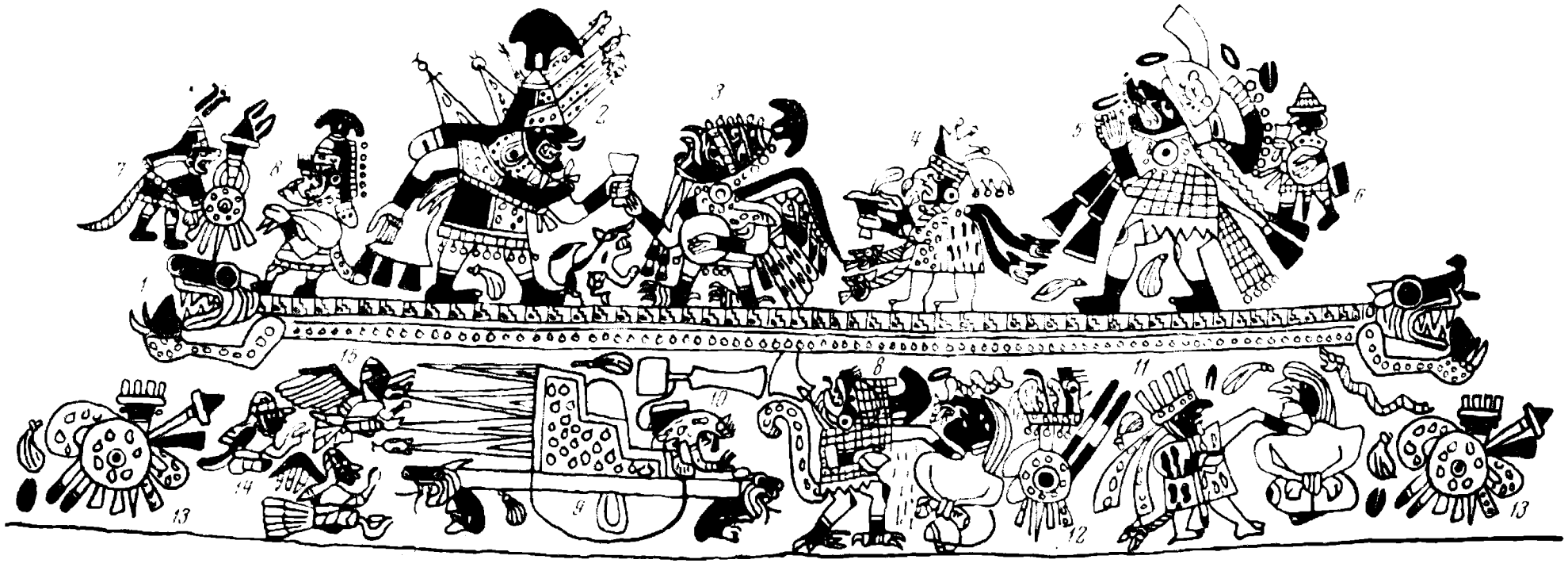


Рис. 3. Сцена из мифа о бунте вещей (по Г. Кучеру)

1 — двуглавая змея, символ неба, *2* — Бог с Лучами, *3* — Морской Орел, *4* — воинская рубашка (ср. персонаж 20 на рис. 2 и *4* на рис. 5), *5* — Аи-Апек, *6* — палица с коническим навершием, *7* — Пума (?), *8* — Ягуар, *9* — носилки Бога с Лучами, *10* — маленький ягуар (ср. *2*, рис. 1), *11* — палица с зубчатым навершием, *12*, *13* — связки оружия (ср. навершия палиц и головы соседних персонажей *8* и *11*); *14* — Лиса (?), *15* — Колибри (?)

но, носит какой-то сакральный оттенок. Второй на людях бывает во время церемоний и реже — войны и охоты. Ай-Апек носит также богатую одежду с юбочкой, лицо его часто морщинистое, постоянным спутником его является Бог-игуана. Кроме того, вместе с ним часто изображается маленькое животное, по-видимому, собака. Что же касается второго персонажа, то у него обычно только простая повязка и плюмаж, т. е. убор простолюдинов — их носят охотники на тюленей и рыбаки [15]. Иногда [16] на нем может быть полукруглый шлем с двумя прямоугольными выступами, на людях встречающийся относительно редко (среди божеств такой убор часто носят Сова и Морской Орел). Юбочки на нем обычно нет, а лишь набедренная повязка и рубашка, лицо гладкое (рис. 4, *2*). В некоторых сценах вокруг него показан ореол из связок оружия [17]. Его сопровождают морские птицы (Бакланы), а также Морской Орел и, видимо, Утка [18]. Третий персонаж со змеей у пояса подчинен Ай-Апеку, сугубо второстепенен и почти не участвует в действии [19].

До нас дошла легенда, записанная на Центральном побережье в начале XVII в. монахом-августинцем Антонио де ла Каланчей [20], о враждующих братьях Пачакамаке и Вичаме, детях верховного божества Солнца, причем Вичама зовется только полубогом — он сын земной женщины. В другой легенде, переданной Агустином де Сарате [21], рассказывается о столк-

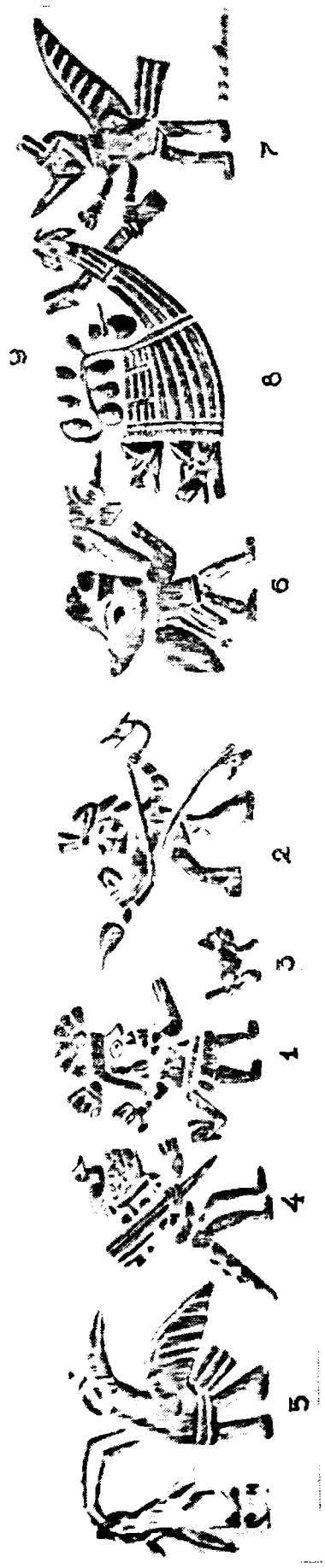


Рис. 4. Столкновение антропоморфных персонажей со змеями у пояса на берегу моря (по Г. Кучеру; рельеф)
1 — Ай-Апек, *2* — его соперник, *3* — Собака, *4* — Игуана, *5*, *6*, *7* — Бакланы, *8* — Лодка, *9* — Сеть с поплавками

---

[15] G. Kutscher. Chimu, рис. 18; H. D. Disselhoff. Ук. соч., стр. 37; F. Anton. Alt — Peru und seine Kunst. Leipzig, 1962, табл. 34; R. Larco Hoyle. Pérou. Genève, 1966, рис. 129.

[16] V. W. Von Hagen. Ук. соч., стр. 138, 139.

[17] A. R. Sawyer. Рис. на обложке; H. Leicht. Ук. соч., стр. 94, 95.

[18] F. Anton. Ук. соч., табл. 18.

[19] Его изображения совместно с Ай-Апеком: W. D. Strong, C. Evans. Ук. соч., табл. XXIII; E. Seler. Peruanische Alterthümer, Berlin, 1892, табл. XXXIII, 3.

[20] A. de la Calancha. Corónica Moralizada del orden de San Agustin en el Perú, consucesos egenplares en esta monarquia. Barcelona, 1638, стр. 412—414.

[21] A. de Zárate. Historia del descubrimiento y conquista de la provincia del Perú. Biblioteca de Autores Espanoles, 26, 1853, 1, гл. 10.

Рис. 5. Сцена из мифа о бунте вещей (по В. Крикебергу)

1 — Палица, *2* — Юбочка, *3* — Щит, *4* — Рубашка, *5* — Пояс, *6* — Копьеметалка, *7—10* — детали головного убора; *11* — дротики, *12* — лента, свисающая на спину с головного убора, *13* — женщина внутри дома (аналог персонажа *10* на рис. 2?)

новении Пачакамака и Кона (оба они дети Солнца и Луны), при чем Пачакамак побеждает. И в том и в другом мифе оба персонажа выступают как культурные герои, но роль Пачакамака важнее. Перед нами обычный вариант сюжета о божественных братьях, соперничающих между собой и иерархически близких, но не равных, широко распространенного у многих народов мира, а в Южной Америке в особенности. Судя по всему, два антропоморфных персонажа со змеями у пояса у мочика также являются братьями, а третий — сыном или во всяком случае помощником первого из них. Изображения Аи-Апека (аналога Пачакамака) с початками маиса и клубнями батата в руках, а также в виде духа кукурузы и батата позволяют считать его культурным героем, давшим людям съедобные растения, покровителем земледелия. На одном из изображений [22] стоящий рядом с Аи-Апеком мальчик-помощник с сумкой через плечо вынимает из нее семена и бросает в борозды. Роль брата Аи-Апека в этом отношении не вполне ясна. По-видимому, Аи-Апек мыслился как горное божество. Он изображался на фоне горных пиков [23]. В горах же ему приносили человеческие жертвы, в этих сценах он показан один или с Игуаной [24].

5. Женский персонаж. Изображался в длинной одежде и, как правило, без головного убора. Клыков во рту нет (рис. 2, *10*; рис. 5, *13*). Те мифические сцены, в которых участвует женщина, позволяют видеть в ней лишь персонаж мифологического эпоса, но не божество. Если среди изображений Аи-Апека много таких, где ясно видно, что он пользовался почитанием — его изображения в сценах жертвоприношений; стоящим на фоне гор с палицей или плодами в руках; в ореоле из лучей, то нет ни одной сцены, из которой следовало бы, что у мочика имелась богиня, являвшаяся объектом культа.

6. Сова (рис. 1, *9*, рис. 2, *9*). Сова является наиболее важным из зооморфных божеств. Она не только выполняет, как остальные, вспомогательную роль в эпизодах, связанных с антропоморфными существами, но и занимает совершенно самостоятельное место в системе религиозных представлений. Сова является одним из основных действующих лиц в мифе о бунте вещей (рис. 2); в церемониальных действах, где остальные

---

[22] W. D. Strong, C. Evans. Ук. соч., табл. XXIII.

[23] См., например, E. Seler. Ук. соч., табл. XXI, *14, 15, 17, 18, 19.*

[24] Там же, табл. XXXIV, *3*; XXII, *14*; G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 78*a*.

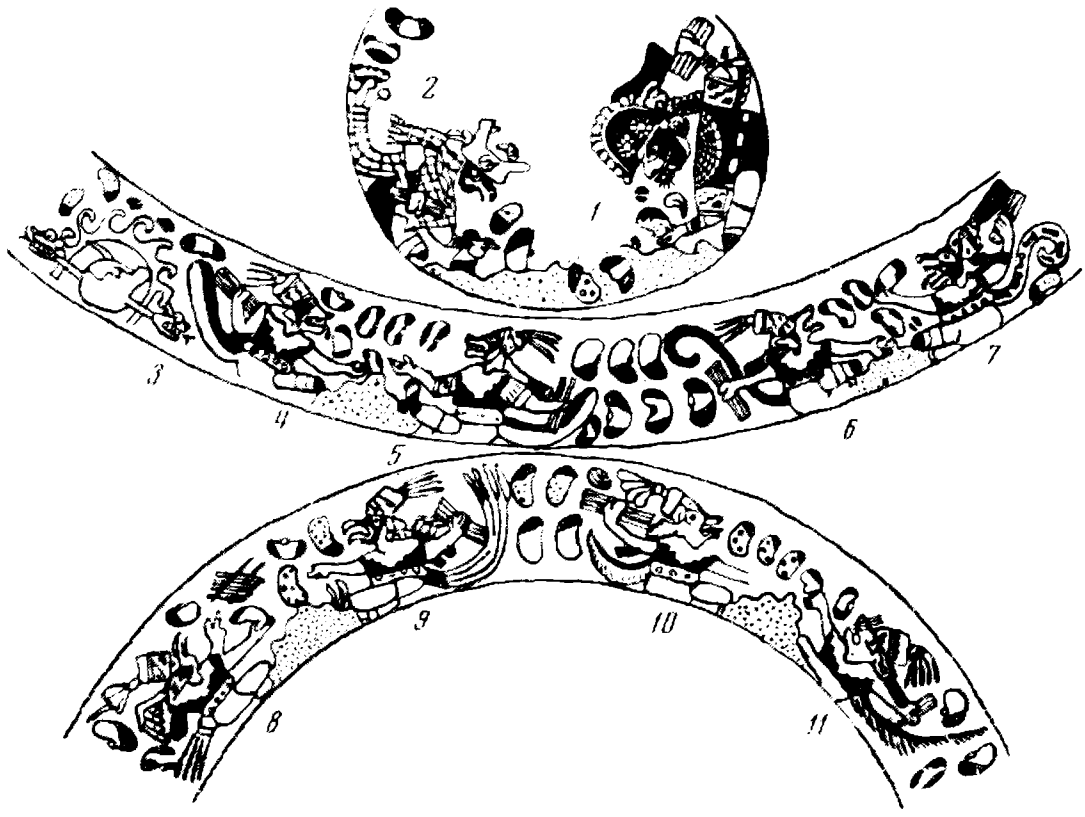


Рис. 6. Сцена игры или гадания на бобах (По А. Виванте).

1 — Аи-Апек, *2, 8, 9* — Морские Орлы, *3* — носилки, *4, 5* — Лисы, *6* — Пума, *7* — Ягуар, *10, 11* — Олени

зооморфные персонажи составляют однородную массу, ей отводится особое место рядом с антропоморфным божеством, причем она изображена в одежде жреца [25]. Сова изображена стоящей внутри полукольца, образованного двуглавой змеей — символом небесного свода [26] (в таком положении в других случаях показаны только антропоморфные персонажи); стоящей или сидящей с оружием в руках [27], сидящей на троне и отрубающей голову пленнику [28]; с отрубленной человеческой головой в руке [29]. Плот, на котором стоит Бог-сова, тянут четыре человека — пловца [30]. В сцене, не носящей непосредственно мифологический характер, где к сидящему правителю или военачальнику подводят двух пленников, позади которых нарисованы связки принадлежавших им оружия и одежды [31], Бог-сова сидит на одной из них. По-видимому, в мифическом мире мочика Сова выполняла какие-то жреческие и карательные функции.

7. Морской Орел (рис. 2, *5, 8*; рис. 6, *2, 8, 9*; рис. 7, *3*). Э. Яковлев показал, что, изображая хищную птицу, мочика всегда имели в виду именно морского орла [32]. Орел участвует в различных церемониях, иг-

---

[25] Длинная рубашка и спеленывающие голову повязки — так бывают одеты музыканты, курильщики коки, но не воины. G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 72; его же. Ceremonial «Badminton»..., рис. 3.

[26] R. Larco Hoyle. Pérou, рис. 51.

[27] E. Della Santa. Rapaces Nocturnes dans les Arts de l'Ancienne Amérique, Akten des 34 ICA, Wien, 1962, рис. 4, 5.

[28] Там же, рис. 8.

[29] F. Anton. Ук. соч., табл. 56; G. Kutscher. Chimu, табл. 62 прав.

[30] E. Della Santa. Ук. соч., рис. 7.

[31] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 23.

[32] E. Yacovleff. Ук. соч.

Рис. 7. Сцена священного бега (по А. Р. Соїеру).
1 — Колибри, *2* — Муха, *3* — Морской Орел, *4* — Олень

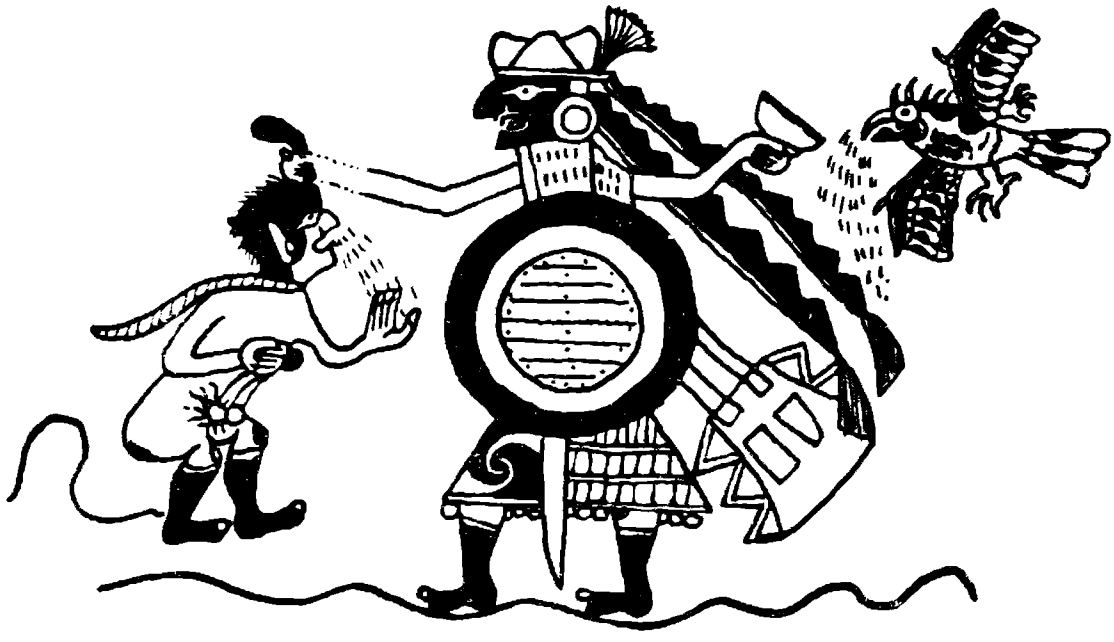


Рис. 8. Антропоморфизированная Палица — щит держит за волосы пленника. Рядом Морской Орел (по Э. Яковлеву)

рает важную роль в мифе о бунте вещей. Он ловит рыбу вместе со вторым антропоморфным персонажем со змеями у пояса [33] и сражается с Аи-Апеком [34] и с Лисой [35]. Часто изображался в почти чисто зооморфной форме (рис. 8).

8. Игуана (рис. 4, *4*). Всегда (за исключением особых случаев в церемониальных сценах) носит головной убор с изображением хищной птицы и является спутником и слугой Аи-Апека — участвует в тех же действиях, стоит перед ним в молитвенной позе [36].

[33] H. Leicht. Ук. соч., стр. 95.

[34] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 56*a*; E. Fuhrmann. Peru II. Keramik der Chimu, Darmstadt, 1922, рис. 85; Ch. Wiener. Pérou et Bolivie, 1880, Paris, стр. 656.

[35] J. C. Muelle. Chalchalcha. RMNL, V, 1, 1932, рис. 1, *c*.

[36] E. Seler. Ук. соч., табл. XXXIII, т. 3; H. Ubbelohde-Doering. Altperuanische Gefässmalereien. I, Marburg, 1931, рис. 3; G. Kutscher. Chimu, рис. 64.

9, 10. Лиса (рис. 1, *11*, *12*; рис. 2, *4*; рис. 6, *4*, *5*). Колибри (рис. 1, *5*; рис. 2, *6*; рис. 7, *1*), наряду с Морским Орлом — божества-воины. В основном они изображаются идущими с оружием в руках. Во многих сложных сценах Колибри принадлежит особая роль — он показан с мешком в руках.

11. Баклан (?), во всяком случае какая-то нехищная морская птица (рис. 4, *5*, *6*, *7*). Один из наименее индивидуализированных и антропоморфизированных персонажей. Бакланы участвуют в сценах на море, помогая второму из мифических героев со змеями у пояса [37], Аи-Апек изображается убивающим Баклана [38]. В то же время Баклан показан как помощник Аи-Апека в сценах эротического характера.

12. Муха (рис. 1, *8*, рис. 7, *2*) или какое-то другое летающее насекомое, очевидно, союзник Аи-Апека. Как и он, убивает Баклана [39]. Участвует в церемониальном беге, изображается с оружием в руках [40].

13, 14. Пума (рис. 1, *13*; рис. 2, *2*; рис. 3, *7*; рис. 6, *6*), Ягуар (рис. 2, *3*; рис. 3, *8*; рис. 6, *7*). Божества — воины, по-видимому, входящие в ближайшее окружение бога Луны.

15. Олень (рис. 2, *25*; рис. 6, *10*, *11*; рис. 7, *4*). Часто изображался без клыков во рту, нередко в виде пленника с веревкой на шее [41]. Участвует в церемониях, но к окружению Бога с Лучами не принадлежит.

16. Многоножка. Изображается идущей с оружием в руках [42]. По-видимому, союзник второго персонажа со змеями у пояса [43].

17. Кондоры (или же другие стервятники — вороны гальинасо). Изображались в длинных темных одеждах с поясом в сценах жертвоприношения или казни пленников [44] (в подобных случаях они нередко показаны и в чисто зооморфной форме). В руках у них обычно какие-то повязки или полотенца, реже чаши. Кондоры показаны также на рельефах эротического характера, изображающих совокупление Аи-Апека с женщиной. Интересна сцена, на которой два кондора ведут за руки, подобно осужденному пленнику, бога со змеями у пояса (Аи-Апека или его брата — неясно) [45]. Очевидно, эти существа представлялись какими-то слугами царства смерти и не принадлежали к пантеону высших божеств, группирующихся вокруг Бога с Лучами или Аи-Апека. Их присутствие в эротических сценах не удивительно, так как мотивы брака и смерти были тесно связаны не только у мочика, но и вообще в верованиях и обрядах первобытных народов. Правда, возможно также, что это слуги именно Аи-Апека, ибо жертвы приносились в его честь.

18—22. Два вида Рыб, Краб, Рак-отшельник, Осьминог. Морские «демоны», с которыми сражается Аи-Апек, а в некоторых случаях, видимо, и его соперник. Рыбы часто держат в руках отрубленную челове-

---

[37] F. Anton. Ук. соч., табл. 18; V. W. Von Hagen. Ук. соч., стр. 138, 139; G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 60, *b*; Ph. A. Means. Ук. соч., рис. 8.

[38] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 62, 63.

[39] Там же, рис. 64, *a*, *b*, 65, *a*.

[40] В сложной сцене, где внутри храма в молитвенной позе стоит соперник Аи-Апека (изображен без головного убора), рядом антропоморфизированная Пальца с маленьким ягуаром, у входа в храм — Игуана, а на крыше — Муха (G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 75). На другой стороне вазы тот же антропоморфный персонаж изображен сидящим, причем его ногу поддерживает Бог-многоножка.

[41] R. Larco Hoyle. Pérou, рис. 43.

[42] Ph. A. Means. Ук. соч., рис. 14; A. Vivante. La escritura de los mochica sobre porotos. RGA, 15, 92, 1941, стр. 301; W. Lehmann, H. U. Doering. Kunstgeschichte des alten Peru, рис. 18. Berlin, 1924.

[43] Многоножка (?) также сражается с Рыбой (F. Anton. Ук. соч., рис. 5).

[44] R. Larco Hoyle. A Cultural Sequence.... рис. 20, *c*; G. Kutscher. Iconographic Studies..., рис. 4.

[45] E. Seler. Ук. соч., табл. XVI, *7*; M. Schmidt. Kunst und Kultur von Peru. Berlin, 1929, стр. 164, рис. 4; W. Krickeberg. Amerika. В G. Buschan. Illustrierte Völkerkunde, 1, Stuttgart, 1922.

ческую голову [46]. Первая из них, изображаемая в виде страшного чудовища с зубастой пастью, вероятно, выступает как олицетворение и повелитель моря (об аналогичных представлениях сообщает Гарсиласо де ла Вега) [47]. Вторая иконографически отличается от первой тем, что на голове у нее имеются не то два уса, не то расходящиеся пряди волос [48]. Кроме того, она никогда не изображается пойманной на лету, а только сражающейся, стоя с ножом в руках [49]. Персонажи эти исследователями обычно не отделяются один от другого, хотя существуют сцены, на которых они сражаются друг с другом [50]. Краб вступает в борьбу не только с антропоморфными персонажами, но и с первым видом Рыбы [51]. Рак-отшельник, как Бог-муха и Аи-Апек, показан убивающим Баклана [52]. Изображения Осьминога встречаются реже других [53]. Роспись одной из ваз воспроизводит на одной стороне поединок Аи-Апека с Рыбой, а на другой — с каким-то существом с круглым телом [54]. Наиболее реально предполагать здесь именно Осьминога, а не, как это делает Г. Кучер, Черепаху [55], которая в антропоморфизированной форме в искусстве мочика не встречается.

23. «Дракон». Этот персонаж изображается с зубастой пастью, острыми ушами, одним или несколькими загнутыми на концах выступами над носом, змеиной головой на конце хвоста, когтистыми лапами, членистым телом и рядом зубцов, идущих по хребту. Его прототипом явилось скорее всего какое-то пресмыкающееся. Как и морские «демоны», он держит в лапах человеческую голову [56] и сражается с Аи-Апеком [57].

24. Змея (рис. 1, *17*; рис. 2, *26*). Мочика часто изображали змей со звериными ушами на голове, не занимавших определенного места в действии, а выступавших как бы на втором плане. В виде змей оформлялись столбы домов, веревки, ушные подвески и т. д., часто в сценах мифологического характера. В то же время Змея участвует как полноправный персонаж в церемониальном беге и играет особую роль в мифе о бунте вещей.

24а. Змееолень. В некоторых случаях показано некое синкретическое животное со змеиным хвостом и головой или телом и головой оленя [58]. Его изображения редки и значение неясно.

25. «Зверь Рекуай». Это существо с тонким телом с когтистыми лапами, длинным, загнутым на конце отростком, отходящим от носа или от темени, иногда украшенным дополнительными элементами, и с аналогично изображавшимся хвостом помещалось внутри силуэта лунного

---

[46] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 50,*b*; 65 *b*; E. Nordenskiöld. The Copper and Bornze Ages in South America. Göteborg, 1921, рис. 31*f*.

[47] Garcilaso de la Vega. Primera parte de los Commentarios Reales. Madrid, 1723, 6, гл. XVII.

[48] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 50*b*; E. Fuhrmann. Ук. соч., рис. 61.

[49] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 55*b*, 56*b*; его же. Chimu, рис. 59; E. Nordenskiöld. Ук. соч., рис. 6,*a*; M. Schmidt. Ук. соч., стр. 199, рис. *4*; A. L. Parsons. An Examination of four Moche Jars from the Same Mould. AAn., 27, 4, рис. 1*f*, *i*.

[50] H. N. Wardle. Fictile Art of the Mochicas. Univ. Mus. Bull., 8, 1, табл. V (?); G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 55*c*.

[51] См., например, A. Kidder. II. A. Mochica Deity. («Expedition», 2, 1, 1959, стр. 26—27.)

[52] G. Kutscher. Chimu, рис. 49.

[53] Там же, табл. 54; его же. Nordperuanische Keramik, рис. 10*b*; A. R. Sawyer. Ancient Peruvian Ceramics, рис. 24; 70.

[54] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 54*b*.

[55] Там же, стр. 64.

[56] R. Larco Hoyle. A. Cultural Sequence..., рис. 22*c*; H. A. Lavachery. Les arts anciens d'Amerique au Musée archeologique de Madrid. Bruxelles, 1929, табл. XXXXVI.

[57] R. d'Harcourt. Primitive Art of the Americas, Paris, 1950, рис. 125.

[58] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 41, 42.

серпа [59]. Связывалось ли оно с каким-нибудь реальным животным и с каким именно (лисой, собакой, кошачьим хищником), сказать пока нельзя. Его изображения встречаются не только у мочика и в культуре рекуай (по которой он назван), но и в нескольких сотнях километрах к северу, в Викусе [60].

Прочие персонажи. На сосудах мочика изображались также Утка (рис. 2, 7), Улитки, Ящерица, Обезьяна, Летучая Мышь, Скорпион, Тюлень, Паук и еще три или четыре существа. Одни из них явно второстепенны, значение других пока неясно.

В целом зооморфные персонажи мочикского пантеона делятся на две группы: морских и сухопутных. Вместе они встречаются редко и лишь как антагонисты. Важно отметить, что среди зооморфных персонажей почти нет «составных» существ типа мексиканского Кецалькоатля: птица+змея. «Зверь Рекуай» и Дракон не представляют исключения в этом смысле. Иконографически они сложились в результате относительно незначительного искажения образов реальных животных. Несколько ближе к синкретическим существам улитки и лягушки с чертами кошачьего хищника и лишь Змееолень представляет собой вполне оформившийся персонаж такого рода, хотя он и не играет существенной роли в действии. В. Я. Пропп считал, что появление синкретических существ в мифологии (драконов, кентавров) примерно совпадает с утверждением классовых отношений [61]. На наш взгляд, конкретно зооморфные образы мочикского искусства — наследие доземледельческой первобытности, от которой мочика отделены гораздо меньшим промежутком времени, чем первые цивилизации Старого Света.

III. Основные мифы и верования

1. Мифологический эпос мочика. Миф о «божественных близнецах». Наличие большого числа сложных сюжетных сцен, часть из которых показывает этапы последовательного развития действия, несомненно свидетельствует о существовании у мочика мифов, соединенных в эпический цикл. Основу его составлял миф о «божественных близнецах», центральным эпизодом которого являлись приключения божественных братьев на море. Брат Аи-Апека ловит в лодке на лесу Рыбу; как указывалось, его сопровождают Бакланы, Утка, Морской Орел. Рядом с лодкой иногда показан корабль бога Луны [62]. Аи-Апек и, возможно, второй мифический герой сражаются с морскими «демонами». Оба они занимаются рыбной ловлей с берега [63]. В море и на берегу между братьями происходят столкновения (исход борьбы не вполне ясен). На некоторых сосудах второй антропоморфный персонаж изображен в горах в позе мольбы [64]. Однако в событиях, не связанных с эпосом — жертвоприношения, церемонии и пр., он не участвует. По-видимому, соперничество мифических героев заканчивается тем, что второй из них был поставлен поддерживать небесный свод, который символизирует двуглавая змея [65]. По всей види-

---

[59] Там же, рис. 44—46, 48*а*, 49.

[60] H. D. Disselhoff. Oasenstädte und Zaubersteine in Land der Inca. Archäologische Forschungsreisen in Peru, Berlin, 1968, табл. 196, верх. Изображение скульптурное и некоторые характерные детали отсутствуют, но в целом то, что это «зверь на луне», несомненно.

[61] В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 226—228. Разумеется, речь не идет о синкретических изображениях палеолита, отражающих мышление совершенно иной эпохи.

[62] L. Leicht. Ук. соч., стр. 94, 95.

[63] Ph. A. Means. Ук. соч., рис. 9, 10; W. D. Strong, C. Evans. Ук. соч., табл. XXVIII, B.

[64] G. Kutscher. Chimu, рис. 26; табл. 69 лев.; F. Anton. Ук. соч., табл. 72; H. U. Doering. The Art of Ancient Peru. N. Y., 1954, табл. 171—173.

[65] G. Kutscher. Chimu, табл. 67 прав.; M. Schmidt. Ук. соч., стр. 164, 2; E. Seler. Ук. соч., табл. XXI, *10*; Ch. Wiener. Ук. соч., стр. 711.

мости, в легенды о деятельности братьев были включены рассказы о добывании или создании ими различных культурных благ, а также мифы этиологического характера о происхождении тех или иных элементов окружающего мира.

В первобытном обществе один из культурных героев часто выступает в качестве плута-трикстера, тогда как другой лишен комических черт. У мочика различия между братьями выступали, по-видимому, в несколько ином плане в соответствии со складывающимися классовыми отношениями: одежда и убор знатного воина на одном и простолюдина — на другом. В этой связи интересна параллель с религией муисков Колумбии. Их культурный герой Бочика являлся в первую очередь божеством привилегированных слоев общества, тогда как его противник Чибчачум был покровителем ювелиров и земледельцев. Их соперничество заканчивается тем, что Бочика заставил Чибчачума поддерживать на плечах землю [66].

Мочикский эпос, несомненно, включал и эпизоды эротического характера. Часто [67] Ай-Апек изображен внутри дома, совершающим половой акт с женщиной. Люди в простой одежде и кондоры готовят в сосудах какое-то снадобье, а Баклан окропляет им гениталии божества. За домом в молитвенной позе стоят Игуана и собака, спутники Ай-Апека. В соседнем доме находятся еще две женщины. Как указывалось, нет доказательств того, что мочика имели в виду женское божество, аналогичное богиням плодородия Ближнего Востока и Мезоамерики, в то время как на эротических изображениях постмочикского времени речь идет, несомненно, о боге и богине, олицетворении космических сил [68].

Один или оба антропоморфных героя и окружающие их зооморфные персонажи запечатлены и в других весьма разнообразных и не всегда понятных сценах. Реконструкция на их основе подробностей повествования достаточно сложна, поскольку при этом сравнительные материалы почти не могут быть использованы, а интерпретация изображений исходя лишь из них самих допускает большую долю вымысла.

2. Миф о бунте вещей. В легенде, записанной Каланчей, Вичама и Солнце уничтожают первых людей, созданных Пачакамаком, за их провинности, но потом раскаиваются в этом. Мотив уничтожения богами первых людей широко распространен в фольклоре различных народов. Обычно рассказывается о водяной или огненной катастрофе, причем с развитием классовых отношений причиной ее обычно становится безнравственное поведение людей. Как правило, один из людей и его семья остаются в живых и от них происходит современное человечество. У индейцев киче в Гватемале [69] и уарочири в андийских предгорьях района Лимы [70] этот миф принял специфическую форму восстания домашних животных и оживших предметов и избиения ими своих хозяев. Сходная редакция мифа бытовала и у мочика, хотя вместо предметов обихода в действии принимают участие принадлежности воинской одежды и вооружения. Чаще всего изображается палица — по-видимому, предводитель взбунтовавшихся вещей. Судя по многим сценам, в действии в качестве различных персонажей участвуют две палицы — с зубчатым и с коническим навершиями. Если же изображается одна, то это всегда последняя

---

[66] С. А. Созина. Муиски. Еще одна цивилизация Древней Америки, М., 1969, стр. 160, 161.

[67] R. Carrión Cachot. La Religión en el Antiguo Perú (norte y centro de la costa, período postclásico), Lima, 1959, рис. 4; R. Larco Hoyle. Checan. Genéve — Paris — Munich, 1965, стр. 109, 80 верх. лев., 113, 140; M. Schmidt. Ук. соч., стр. 158, 1.

[68] См. многочисленные сцены такого рода в R. Carrion Cachot. Ук. соч. Ко времени позднего чиму изображения женского божества, по-видимому, снова исчезают. Хронисты также не упоминают о нем.

[69] «Пополь — Вух», комм. и пер. Р. В. Кинжалова, М.— Л., 1969, стр. 17, 18.

[70] F. de Avila. A Narrative of the Errors, False Gods Hakluyt Society, 48, London, 1873, гл. 3, стр. 131; его же. Dämonen und Zauber im Inkareich. Leipzig, 1939, гл. 4, стр. 81, 82.

из двух. Часто палица составляет одно целое со щитом [71]. Исследователи ошибочно комментируют эти изображения как фигуры людей-воинов. В мифе на стороне одушевленных предметов действует Змея, а среди пленников мы видим не только людей, но и Оленя. Нам кажется, что на основании имеющихся росписей и фресок можно выделить три последовательных этапа развития событий.

А. Нижняя часть росписи на рис. 2 и 5 и фреска в Уака де ла Луна [72]. Предметы одежды и вооружения оживают и расправляются со своими хозяевами. Действие происходит на берегу моря: на рис. 5 изображены волны, тюлени и рыбы. Присутствие на пирамиде Совы (рис. 2), одного из главных персонажей мочикского пантеона, указывает на то, что истребление людей совершается по воле божеств. Персонаж без клыков во рту, стоящий справа от пирамиды, возможно, следует отождествить с женщиной внутри дома на рис. 5.

Б. Рисунок 3, а также ряд росписей на вазах. В сцене на рис. 3 представлен момент действия, когда восстание вещей победоносно закончилось и пленники-люди приносятся в жертву. В церемонии принимают участие не только антропоморфизированные предметы (две Палицы и воинская Рубашка), но и сам Бог с Лучами и его окружение — Орел, Ягуар и, вероятно, Пума. Аи-Апек шествует по небу к богу Луны, сложив руки в жесте адорации. В кубках, которые несут персонажи, находится скорее всего кровь приносимых в жертву пленников. На одной из росписей стоящие друг перед другом Палицы-щиты также держат в руках кубки [73], а на другой Шлем, с кубком в руке, схватил за волосы пленника [74]. Наконец, на рис. 8 Палица-щит с кубком в руке держит за волосы человека, из носа которого льется кровь. Рядом изображен Морской Орел, клюв которого также в крови. На многих же других росписях [75] этот Орел склонился над чашей или кубком, примерно таким же, какие в руках у действующих лиц на рис. 3 и др. По-видимому, то, что Орел пьет жертвенную кровь, является важной частью мифической церемонии.

Очень вероятно, что к серии изображений, связанных с мифом о бунте вещей, примыкает и фреска в Паньямарке, исследованная Д. Бонавия [76]. Левая ее часть уничтожена. Правая часть представляет процессию мифических существ с чашами в руках. Возглавляет процессию Аи-Апек в роскошном уборе. За ним следуют Ягуар и какое-то непонятное зооморфное божество. Внизу показана Змея. Здесь же изображены связанные пленники и связка оружия. Все вместе очень напоминает сцену на рис. 3. Отсутствие антропоморфизированных предметов может объясняться тем, что их изображения были в левой, не сохранившейся части фрески. Если наше предположение верно, оно должно повлечь вывод о большой популярности у мочика рассматриваемого мифа, поскольку на стенах двух крупнейших святилищ в разных концах страны воспроизводился именно этот сюжет.

В. Верхняя часть росписи на рис. 2. Зооморфные божества из окружения Бога с Лучами расправляются с женщиной, стоявшей рядом с пирамидой, и с ожившими предметами. Перед богом Луны (в центре композиции), молитвенно сложив руки, сидит человек в богатой одежде. По-видимому, подавление бунта вещей происходит в ответ на его моль-

---

[71] R. Larco Hoyle. Pérou, рис. 40, 41; W. D. Strong. Finding the Tomb of a Warrior — God (Peru, Mochica). Nat. Georg. Mag., 91, 4, 1947, стр. 465.

[72] A. L. Kroeber. Archeological Explorations in Peru. II. The Northern Coast. FMNH, II, 2, Chicago, 1930, табл. XV; E. Seler. Archäologische Reise in Süd- und Mittelamerika. 1910—1911. Gesammelte Abhandlungen, V. Berlin, 1915, рис. 4.

[73] W. D. Strong. Ук. соч., стр. 465.

[74] G. Kutscher. Chimu, рис. 70.

[75] См., например, G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 6, 7.

[76] F. Bonavía. Mochica Painting at Pañamarca. Peru.— AAh. 26, 4, 1961, рис. 2—5; его же. Una pintura mural de Pañamarca, valle de Nepena. «Arqueologicas», 5, Lima, 1959, табл. III, IV.

бы, а следовательно, верховное божество сменило свой гнев на милость и люди не были полностью уничтожены.

3. Миф о бобах-воинах. Культ бобов, вернее, фасоли занимал исключительно важное место в системе мифических представлений мочика. Оно определялось не столько важностью культуры фасоли в сельском хозяйстве (главное место, безусловно, принадлежало кукурузе), сколько, видимо, уходящими в глубокую древность традициями. До появления маиса во второй половине II тысячелетия до н. э. основным домашним растением на перуанском побережье действительно была фасоль, поэтому, возможно, этот культ связан с каким-то более древним пластом мочикской мифологии, чем обожествление маиса. Бобы использовались у мочика для какой-то игры (возможно, азартной) или гадания. На рис. 6 мифические существа сидят друг против друга, вооруженные специальными инструментами. Между ними кучи песка, на которых лежат бобы со знаками. Создается впечатление, что божества как-то интерпретируют их. Всего насчитывается около 30 вариантов расцветки бобов, но на каждой отдельной росписи их всегда лишь несколько, и мы ни разу не встречаемся с чем-либо похожим на надпись. Бобы играли какую-то важную роль в церемонии священного бега. Антропоморфизированные бобы изображаются в головных уборах воинов, которые идут, держа в руках оружие [77]. На одной из росписей Боб сражается с Оленем [78], однако подобных сцен очень мало. По-видимому, к мифам, касающимся центральных божеств, бобы не имеют отношения и следует предполагать существование особой легенды, повествующей о них.

Кроме цикла эпических мифов, верования мочика, безусловно, включали представления о различных местных духах, о сверхъестественных покровителях объектов окружающего мира, а также элементы магии, направленной прежде всего на повышение плодородия животных, растений и людей. Например, съедобные растения, подобно тому как это было у инков, одушевлялись, причем только маис и батат были связаны с высшими божествами [79] (особое положение занимала, как указывалось, фасоль). Духи растений рассматривались как мужские персонажи, тогда как у инков это были женщины. Правда, известное изображение картофеля обычно комментируется как «Potato Mother» [80]. Единственным определителем здесь является тип головного убора, который можно считать скорее жреческим, чем женским. Если же это и не так, следует учесть, что картофель был горной культурой, ставшей достаточно хорошо известной на побережье лишь со времени мочика [81] и верования, с ним связанные, могли быть заимствованы вместе с самим продуктом. Кроме того, духи растений изображались в виде плодов с птичьей головой [82].

К магии плодородия, несомненно, имеют отношение часто встречающиеся сосуды в виде жаб или лягушек, которым обычно приданы некоторые черты кошачьего хищника — зубы, когти. Из их тела часто высту-

---

[77] F. Anton. Ук. соч., рис. 6; G. Kutscher. Chimu, рис. 52; A. R. Sawyer. Ancient Peruvian Ceramics, рис. 67; M. Schmidt. Ук. соч., стр. 195; A. Vivante. Ук. соч., стр. 303; V. W. Von Hagen. Ук. соч., стр. 135.

[78] A. C. Lapiner. Art of Ancient Peru and Ecuador. N. Y., 1969, рис. 59.

[79] Во всяком случае, они изображались с головой божества (с клыками во рту), тогда как прочие плоды — с человеческой головой. См., например, R. d'Harcourt. Ук. соч., рис. 123; A. R. Sawyer. Ancient Peruvian Ceramics, рис. 76; P. C. Sestieri. Rappresentazioni di Ai-Pec su vasi Mochica del Museo Pigorini. Bolletino d'arte, 48, сер. 4, 1963, рис. 5—7; G. Kutscher. Chimu, табл. 60; M. Towle. The Ethnobotany of Precolumbian Peru. Viking Fund Publications in Anthropology, 30, 1961, VII*b*; XV*a*.

[80] M. Towle. Ук. соч., табл. 31*a*.

[81] Там же, стр. 86, 87.

[82] A. Kidder. II. A Mochica Potato Bird. «Expedition», 9, 4, 1967, стр. 31 (Баклан и Картофель); A. R. Sawyer. The Nathan Cummings Collection..., стр. 17 (Сова и Тыква); Expressive Art of Old Peru. «Natural History», 70, 9, 1961, стр. 27 (орел? и тыква). Еще один из сосудов (W. D. Strong, C. Evans. Ук. соч., табл. XIV — *N*) сделан в виде попугая, держащего в лапе початок кукурузы.

нают различные плоды: початки маиса, корни батата, бобы фасоли [83]. Очевидно (как полагал и Р. Ларко Ойле), изображения лягушки — существа, связанного с водой,— должны были, по представлениям мочика, способствовать хорошему орошению и росту растений.

Два типа сюжетов, воплощенных в керамике и связанных с какими-то неизвестными нам чертами религиозного мировоззрения мочика, особенно загадочны. Первый — это изображения человеческих голов, от которых сразу, без рук и туловища, отходят ноги [84]. Второй — сосуды в виде искаженных, сливающихся, повторяющихся и переплетающихся тел различных существ, в основном, видимо, мифических [85]. К числу распространенных сюжетов принадлежат также сцены совокупления различных животных (мышей, лягушек, лягушки с чертами ягуара и ягуара, из тела которого выступают клубни батата, лам [86]), а также изображения животных, прижимающих к себе детенышей [87].

С религиозными представлениями были тесно связаны многочисленные обряды и церемонии. Среди них чаще всего изображались сцены так называемого ритуального бега с участием как людей, так и божеств, но не тех и других вместе. Между этими группами росписей в обряде отличий нет, и их можно рассматривать в совокупности [88]. Участники церемонии бежали полуобнаженные — пояс и набедренная повязка, зато исключительно важное значение имели головные уборы. В большинстве случаев они двух видов: с высоким тюрбаном и с большим диском, украшенным по краям бусинами (рис. 7). На их сакральный характер указывает то, что их изображали отдельно [89]. Уборы этих видов чередуются, так что создается впечатление, что участники как бы разбиты на две команды. Кроме этих типов относительно часто использовался убор с полудиском над головой, причем детали орнаментации отличны у каждого бегуна или у каждой пары бегунов (рис. 9). В прочих сценах такой полудиск обычен на голове божества (Ай-Апека), но на людях встречается довольно редко. В некоторых случаях [90] на голове у бегунов повязки, не являющиеся специфической принадлежностью именно этого обряда и изображавшиеся в различных, не имеющих сакрального характера сценах. В сцене ритуального бега бег, очевидно, шел наперегонки: на одной из сцен, где фигуры изображены на разных планах, иногда частично закрывая друг друга, это ясно видно [91]. Местность, где происходили состязания,— пустыня, нарисованы груды песка и кустики пустынных растений. Из этого скорее всего следует, что дистанция, предназначенная для бега, была значительной. Целью, к которой стремятся бегущие, является храм на платформе, мыслимый как обитель божества (Ай-Апека) [92].

В том случае, если на головах участников церемонии уборы с тюрбанами и дисками, в руках бегуны держат мешочки с фасолью. Бобы нари-

---

[83] G. Kutscher. Chimu, табл. 47, нижн.; его же. Nordperuanische Keramik, рис. 43; R. Larco Hoyle. Pérou, рис. 54—56.

[84] См., например, E. Yacovleff. Ук. соч., рис. 12*a*; *c*; F. J. Dockstader. Indian Art of S. America, 1967, рис. 114.

[85] H. N. Warld. Ук. соч., табл. V; G. Kutscher. Chimu, табл. 74; M. Schmidt. Ук. соч., стр. 166; B. Danielson. The Exotic Sources of Gauguin's Art. «Expedition», 11, 4, стр. 17.

[86] V. W. Von Hagen. Ук. соч., стр. 44, 45, 119; M. Schmidt. Ук. соч., стр. 180, рис. 2; R. Larco Hoyle. Checan, стр. 75, 76, 88, 89, 141.

[87] M. Schmidt. Ук. соч., стр. 173, рис. 1. (Лягушка); 173, 2 (Сова); E. Yacovleff. Ук. соч., рис. 10 (Морской орел); The Concise Encyclopaedia of Archaeology. London, табл. 112 (олень).

[88] В беге участвуют почти все зооморфные персонажи, в том числе, по крайней мере, одно из морских божеств (Рыба; G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 68*b*; 69), однако отдельно от сухопутных, группирующихся вокруг Ай-Апека.

[89] См. убор с диском, выгравированный на медном ноже (D. Collier. An Incised Mochica Knife of Copper. AAn. 29, 1, стр. 104, 105).

[90] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 27, 29.

[91] Там же, рис. 28.

[92] Там же, рис. 72, 73.

Рис. 9. Сцена священного бега (по А. Шедлю)

сованы также между фигурами, а иногда замыкают цепь людей [93]. Если же изображены уборы с полудисками, мешочки с фасолью также могут быть показаны, но чаще фигурируют иные предметы. Они изображены либо в виде зажатых в руке тонких палочек (пучки травы?) [94], либо показаны наподобие рыбьего скелета. Как полагает Г. Кучер, это обломки веточек дерева альгарробо — оно изображалось примерно так же [95].

Особенно интересна роспись на сосуде, где процессию замыкают бобы. На головах бегунов, несущих мешочки фасоли, повязки, к некоторым из которых прикреплен сзади какой-то длинный прямоугольный предмет с двумя ленточками на конце. Возглавляющий колонну изображен с пустыми руками, так же как и два человека с полудисками надо лбом, спешащих навстречу остальным участникам действия. На некоторых других росписях на головах людей повязки, в руках у бегущих также ничего нет.

По-видимому, можно выделить по меньшей мере два варианта обряда священного бега. Церемониал первого предусматривал, что на участниках надеты тюрбаны и уборы с дисками, а в руках у них мешочки с бобами. Во втором случае появляются отклонения в обряде, главным из которых следует считать иной (чаще всего с полудиском) головной убор, поскольку все прочие несоответствия с классическим вариантом встречаются лишь при этом условии. Наличие двух вариантов обряда означает, что либо речь идет о разновременных церемониях, либо характер действия зависел от состава участников и менялся по отношению к различным социальным группам.

Э. Зелер [96], а затем Р. Ларко Ойле [97] предположили, что на керамике мочика изображались бегуны-посланцы, аналогичные инкским часки [98]. Мнение Р. Ларке Ойле было связано с его гипотезой о письменности на бобах. Если с помощью знаков на бобах можно было передавать информацию, то мешочек с фасолью должен был соответствовать целому донесению. Предметы, похожие на рыбий скелет, были, по его мнению, сходны с кипу. Г. Кучер указал на ошибочность такой гипотезы. Часки

[93] G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 29.

[94] M. Schmidt. Ук. соч., стр. 199, рис. 1.

[95] A. Schedl. La cuerda con nudos o quipu. RGA, 15. 88, стр. 20; G. Kutscher. Ritual Baces..., стр. 247.

[96] F. Seler. Die buntbemalten Gefässe von Nasca... Gesammelte Abhandlungen. IV. Berlin, 1923. стр. 295.

[97] R. Larco Hoyle. A Cultural Sequence, стр. 175.

[98] На инкских дорогах располагались посты, где дежурили специальные люди (часки), готовые бежать от одного поста к другому с донесением. Средством передачи информации служили кипу, состоявшие из связки разноцветных шнурков, узелки на которых, завязанные в соответствующих местах, позволяли передавать различные сведения, в первую очередь числового характера.

бежали в одиночку, а не группами. Кроме того, слишком очевиден сакральный характер действия. Он предположил, что бег был связан с каким-то обрядом плодородия, а местом, куда устремлялись бегущие, являлся храм, «Дом Бобов», аналогичный «Дому Маиса» у астеков. В качестве аналогии Г. Кучер привел сообщение архиепископа Лимы Педро де Вильягомеса о местном празднике, целью которого было способствовать созреванию одного из плодов. Индейцы собирались в роще, а затем мужчины бросались бежать вслед за женщинами. С женщиной, настигнутой на бегу, они совершали половой акт. С многочисленными и, на наш взгляд, более близкими параллелями мочикскому обряду мы встречаемся при рассмотрении праздника уарасикой у инков — праздника посвящения юношей в полноправные члены инкской касты (пережиток инициаций). Он справлялся только в среде высшей знати, что вполне понятно, ибо подобные реликтовые обряды, сохранившиеся с первобытной эпохи, среди рядового населения должны были уже исчезнуть. Праздник уарасикой [99] состоял из многочисленных церемоний, танцев и испытаний, причем одним из центральных его эпизодов является бег наперегонки. Перед состязанием участники надевали особую церемониальную одежду. Один из хронистов, Санта Крус Пачакути, потомок провинциальной знати из Колья-суйю, указывает, что до начала бега на вершину холма клались сокол, колибри, страус и другие животные. Э. Яковлев [100] полагает, что имелись в виду эмблемы-изображения различных существ (начиная с сокола и кончая жабой), а участники бега затем награждались ими в зависимости от проявленных качеств. Это сообщение говорит в пользу того, что у инков, так же как и у мочика, некогда бытовали представления о предках-животных или божествах в виде животных, принимавших или принимающих участие в подобных состязаниях [101]. На другой день после бега инкские юноши разделялись на две команды и разыгрывалось сражение, во время которого сперва одна партия защищала крепость, а другая атаковала ее, а затем участники менялись местами. На росписях мочика, судя по головным уборам, бегуны в большинстве случаев также разделялись на две группы. Мочика в отличие от инков несли во время соревнований мешочки с бобами или же веточки растений и, возможно, пучки травы, которые, по-видимому, приносились в жертву в храме. У инков обряд был также связан со святилищами Уанакаури и Анауарки, где юноши жертвовали пучки шерсти лам, хотя соответствующие церемонии предваряли, а не завершали бег. Значение этих двух действий было скорее всего сходным и в конечном счете действительно связанным, как правильно предположил Г. Кучер, с магией плодородия, хотя у мочика эта сторона обряда, видимо, получила большее значение. В целом, наиболее близкие аналогии с состязаниями у инков обнаруживает не «классический» вариант бега, а тот, где в обряде появляются различные отклонения. Бег как одно из важнейших испытаний при инициациях известен многим первобытным народам, и, возможно, что сходные церемонии были распространены не только у инков и мочика, но и среди носителей других перуанских культур. Так, по мнению Р. В. Кинжалова, для совер-

---

[99] Garcilaso de la Vega. Ук. соч., VI, гл. XXIV; J. de Santa Cruz. An Account of the Antiquities of Peu — Hakluyt Society, 48, London, 1873, стр. 80; Sarmiento de Gamboa. History of the Incas. Hakluyt Society, сер. 2, 22, Cambridge, 1907, 51—53; C. de Molina. The Fables and Rites of the Incas.— Hakluyt Society, 48, London, 1873, стр. 43—44; B. Cobo. Historia del Nuevo Mundo. Sevilla, 1890—1895, XIII, гл. 25.

[100] E. Yacovleff. Ук. соч., стр. 96.

[101] Множество объектов окружающего мира инки почитали, называя их «уака». Очень часто уака рассматривалась как божество, превратившееся затем в камень, гору и т. д. Молина сообщает, что уака на холме Анауарки «по преданию, дошедшему со времен потопа, бегала, как лев». Бернабе Кобо (у него вместо Анауараки фигурирует холм Гуанакаури) пишет то же: «Рассказывают, что эта уака отличалась раньше такой быстротой, что в скорости не уступала летящему соколу».

шения обрядов подобного рода предназначались Ворота Солнца в Тиауанако [102].

По росписям и рельефам можно также судить о представлениях мочика о загробном мире. Очень часто изображались скелеты, которые танцуют и играют на музыкальных инструментах. Рядом стоят сосуды с чичей [103]. Известно также множество сцен эротического характера, в которых и мужчины и женщины, а чаще только мужчины — мертвецы [104]. Подобные представления о загробном существовании имелись у многих народов (см., например, известную сказку зуньи о юноше и его орле [105], где девушки-мертвецы смеются и танцуют, хотя для попавшего к ним живого героя смех губителен). Примечательно, что люди разного пола, возраста и общественного положения после смерти должны были оказаться вместе. Следовательно, у мочика не сложилось такого взгляда на царство мертвых, согласно которому вожди или воины попадут в особый, лучший мир, чем прочие смертные. Однако загробного благополучия были, вероятно, лишены казненные (преступники?) и приносимые в жертву пленники. По многочисленным изображениям видно, что их не хоронили, а отдавали на растерзание стервятникам. Каланча сообщает, что индейцы чиму верили, будто одна из звезд Ориона — умерший преступник, которого ведут на расправу две другие звезды, посылаемые Луной. Четыре звезды пониже — вороны, готовые растерзать его душу [106].

Мы уже указывали на антагонизм между морскими и сухопутными божествами мочика. Видимо, он имеет глубокий смысл. По существу здесь две «общины», божественная и демоническая [107], между которыми ведется борьба. Как правило, божественная община является эквивалентом человеческой. Божества и люди участвуют в одинаковых церемониях, изображаются в одинаковых сценах и позах, но за редким исключением (миф о бунте вещей, сцены жертвоприношений и рыбной ловли с берега, эротические изображения) не появляются вместе.

Путешествия антропоморфных героев в океан, очевидно, есть путешествия в загробный мир. Герой, или герои, используют при этом волшебное средство, лодку, которую тянут бакланы или движущуюся саму по себе. Известны изображения антропоморфного персонажа, сидящего верхом на летящей птице, видимо также баклане [108]. Очень вероятно, что здесь имеется в виду волшебный полет в область, недостижимую обычными способами, лодка и птица — типичные «транспортные средства» у прибрежных народов в подобных случаях [109].

Причиной противоборства различных сил в мифологических эпосах обычно бывает борьба за женщин и «чудесные» предметы. Ловля змея или чудовищной рыбы часто означает вытаскивание из моря земли. Возможно, что рисунки мочика следует интерпретировать исходя из подобных же представлений, однако никаких конкретных указаний на этот счет материал не дает.

То, что божества и «демоны» противопоставлены именно как морские и сухопутные существа, по всей вероятности, не случайно. В преломленной форме здесь мог отразиться процесс сложения своеобразной культуры Северного побережья, корни которой уходят к древним обитателям берега океана, занимавшимся морским промыслом и примитивным земледелием.

---

[102] Р. В. Кинжалов. Послесловие к В. Штольц. Индейцы озера Титикака. М., 1970, стр. 142.

[103] См., например, G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, рис. 30—32.

[104] E. J. Dockstader. Indian Art of South America, New York, 1967, рис. 119; R. Larco Hoyle. Checan, стр. 21, 80, 84, 118; 130; M. Schmidt. Ук. соч., стр. 203, рис. 2.

[105] F. H. Cushing. Zuni Folk Tales. New York — London, 1901, стр. 46—48.

[106] A. de la Calancha. Ук. соч., стр. 552, 553.

[107] Е. М. Мелетинский. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968, стр. 151—154.

[108] R. Larco Hoyle. Pérou, рис. 53; F. Seler. Ук. соч., табл. XXII, *9*.

[109] В. Я. Пропп. Ук. соч., стр. 150—152, 189—192.

С появлением кукурузы и связанных с расцветом земледелия новых верований древние «хозяева» моря приобрели демонические черты. Впрочем, роль моря в экономике продолжала оставаться высокой, и ему поклонялись вплоть до испанского завоевания.

Интересно отметить некоторые моменты, характеризующие развитие индейской мифологии на Северном побережье после гибели культуры мочика. Прежде всего резко сокращается число сюжетов. Зооморфные божества перестают изображаться [110], а антропоморфные, как правило, показаны лишь в нескольких традиционных ситуациях. Из иконографии божеств исчезают такие архаичные признаки, как кошачьи клыки во рту, змеи у пояса и пр. Мифологический эпос мочика, по-видимому, распадается. В легендах типа той, которую приводит Каланча, в подробностях сохраняется лишь миф о происхождении культурных растений, связанный с земледельческой обрядностью, с сюжетом об умирающем и воскресающем боге. Судя по письменным источникам, религия чиму носила небесный, астральный характер и по своей структуре напоминала религию инков. Во всяком случае, ни на побережье Перу, ни в горах к приходу испанцев не было того развитого политеизма, который мы находим в Мезоамерике. Описанная эволюция в верованиях должна быть признана закономерной, так как отражает дальнейшее развитие классовых отношений и отмирание остатков первобытности. Если в персонажах мочикского пантеона еще ясно видны черты культурных героев и чуть ли не тотемических предков, Си (в Чимор), Пачакамак (на Центральном побережье), Уиракоча (у инков) — настоящие боги, причем в их культе явно видна тенденция к монотеизму, что, очевидно, в значительной мере связано со сложением в Перу крупных деспотических государств (Чимор, Тауантинсуйю). Мочикская же мифология соответствует, по-видимому, более раннему этапу социальной эволюции, когда общество уже разделилось на классы, появились первые политические объединения, но большого централизованного государства еще не было.

Однако в религии мочика имелся ряд специфических особенностей, которые не могут быть объяснены стадиальными закономерностями. Это незначительная роль, отведенная женским персонажам и странный пантеон зооморфных божеств. Подобный пантеон, но только не божеств, а настоящих животных, действующих в сказках и мифах вокруг культурных героев-братьев, можно встретить почти у любого первобытного племени Южной Америки. Очевидно, таким племенем были и предки мочика, изменившие в новых условиях функции и значение персонажей, но сохранившие архаическую мифологическую структуру. Интересно также, что главенствующее место отводилось божеству Луны, а не Солнца, как в большинстве древних религий. Сами индейцы объясняли это тем, что луна появляется на небе днем и ночью, а солнце только днем [111]. Впрочем, вполне естественно, что на засушливом побережье с теплой зимой солнце могло рассматриваться как враждебная стихия. В горах, у инков, его значение в мифологии было прямо противоположным.

Мифология мочика заслуживает самого пристального изучения. В данном случае перед нами цивилизация первого порядка на дописьменной стадии развития. Мифологию прочих очагов цивилизации на этой стадии можно реконструировать лишь по аналогии с более поздними и более отсталыми обществами, что таит неизбежную ошибку, ибо эти общества уже находились под влиянием более развитых. Сюжетная керамика Северного побережья Перу, несущая столь богатую информацию об идеологических представлениях, отчасти заменяет письменность и тем самым отводит мочика уникальное место в ряду древних культур.

---

[110] Антропоморфные персонажи (в большинстве случаев изображается, видимо, бог Луны) окружены животными и птицами, которые, однако, лишены индивидуальных черт и не являются самостоятельными божествами.

[111] A. de la C a l a n c h a. Ук. соч., III, стр. 552.

Yu. E. Bériozkine

LA MYTHOLOGIE DES MOCHICAS (LE PÉROU)

Résumé

Les beaux arts de la culture des Mochicas (le littoral boréal du Pérou, la première moitié du Ier millénaire de notre ère) rarissimes par leur réalisme et la multiplicité des thèmes offrent une possibilité exceptionnelle d'étudier la mythologie d'une société ayant à peine franchi le seuil de la civilisation et ne possédant pas encore d'écriture. Les données iconographiques nous montrent que c'était le Dieu de la Lune qui était une divinité suprême chez les Mochicas. Cependant il ne jouait pas un rôle important. La place principale appartenait à deux personnages anthropomorphes qui étaient, paraît — ils, frères et rivaux. Dans la littérature, à l'un d'eux on a attribué le nom d'Aï — Apek, l'autre n'était pas jusqu'à présent nommé par les chercheurs. Ces êtres sont entourés par des personnages zoomorphes dont chacun était individualisé à un degré différent. Il paraît possible de reconstituer, en traits généraux, l'épopée mythologique des Mochicas, où les aventures des deux frères divins sur la mer et leur lutte contre les démons marins composaient un épisode central. L'absence d'une déesse protectrice de l'agriculture et le Panthéon archaïque zoomorphe sont les particularités de la mythologie des Mochicas. Sa structure révèle des affinités à celle d'autres tribus des chasseurs et des premiers laboureurs d'Amérique (deux héros chargés d'une mission civilisatrice et les animaux les entourant) mais les fonctions et les rôles des personnages sont en conformité aux conditions de l'époque initiale de l'existence d'une société divisée en classes.

De toutes les cérémonies sacrées répandues chez les Mochicas le rôle principal fut attribué à «la course rituelle» qui était étroitement analogue, selon l'auteur, à la fête d'uarasikoï chez les Incas (l'admission des jeunes nobles dans la caste supérieure).

О. Ю. КРУГ

ПЕТРОХРОНОЛОГИЯ — НОВЫЙ МЕТОД АБСОЛЮТНОЙ ДАТИРОВКИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Одной из важнейших проблем археологии является датировка. Для установления абсолютных дат в археологии с помощью естественных наук, наиболее широко применяются три способа определения абсолютного возраста — радиоуглеродный, дендрохронологический и археомагнитный [1]. Существует еще ряд методов абсолютного датирования, например, термолюминестентный, спорово-пыльцевой и другие. Однако перечисленные выше методы не решают задачу датировки наиболее массового археологического материала — керамической посуды.

В данной работе предлагается новый, петрографический экспресс-метод, позволяющий датировать фрагменты керамики.

До сих пор петрографические методы использовались в археологии для решения ряда проблем, связанных с изучением керамического и металлургического производства. С помощью микроскопического анализа керамики возможно установление технологии подбора сырья и приготовления гончарного теста для выявления древних технологических традиций, присущих разным племенам, в разные археологические эпохи. Петрографический анализ керамики и сырья из предполагаемых древних карьеров позволяет определять место изготовления древней керамики [2]. С помощью классификации керамики по петрографическим признакам возможна ее относительная датировка [3].

Наиболее важной и до настоящего времени неразрешенной проблемой в археологии является абсолютная датировка керамической посуды.

Перед нами стояла задача нахождения способа определения абсолютного возраста керамических фрагментов с помощью микроскопического исследования, другими словами, попытаться оптическим путем уловить изменения во времени в керамике с момента ее обжига.

Как известно, в керамическом тесте всегда присутствует обломочная примесь минералов в качестве естественной или искусственной примеси. Излагаемый ниже метод предполагает использование одного из свойств минералов.

Известно, что при прохождении через кристалл луч света преломляется. Причем различные минералы дают различные показатели преломления при прохождении через них света с одинаковой длиной волны. Это свойство является одной из важнейших констант минералов. Известно также, что показатель преломления меняется в зависимости от направления, по которому проходит свет через кристалл. Для каждого кристалла можно определить в соответствии с этим наибольший (n_g) и наименьший (n_p)

---

[1] Сб. «Археология и естественные науки». Раздел хронология. МИА, 129, 1965.

[2] О. Ю. Круг. Применение петрографии в археологии. МИА, 129, 1965.

[3] О. Ю. Круг и Э. Бажанов. Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. СА, 1967, 1.

показатели преломления. Разность между этими величинами $(n_g - n_p)$ называется силой двупреломления.

Показатели преломления, а следовательно и сила двупреломления, меняются в зависимости от длины волны преломления света. Эта зависимость называется дисперсией света.

Сравнение силы двупреломления минералов называется методом сравнительной дисперсии или дисперсионным методом. Он наиболее чувствителен к малейшим изменениям в химическом составе минералов или в строении их кристаллической решетки.

В кристаллооптике известен коэффициент дисперсии, характеризующий состав минерала [4]. Он представляет собой отношение величины двупреломления (разности хода) какой-либо волны к величине двупреломления стандартной волны

$$K_\delta = \frac{r_1}{r} = \frac{(n_g - n_p)_1 \lambda}{(n_g - n_p)\lambda_1},$$

где r_1 — разность хода какой-либо волны в волновом выражении; r — разность хода стандартной волны; λ и λ_1 — соответственно длины стандартной волны и волны, для которой измеряется коэффициент дисперсии.

Разности хода замеряются под поляризационным микроскопом на ориентированных (с помощью столика Федорова) разрезах минерала путем отсчета на градуированном компенсаторе Берека.

Нами была поставлена задача отыскать такую длину волны, отношение разности хода которой к разности хода стандартной волны дало бы K_δ, изменяющийся в каком-либо минерале в керамике во времени с момента ее получения (т. е. обжига) до момента исследования.

Для нашего эксперимента был выбран наиболее распространенный в природе минерал — кварц, который всегда присутствует в «примитивной» керамике. Кварц в древней керамике содержится в разных количествах и имеет разное происхождение. Он может присутствовать в качестве естественной обломочной примеси глины или искусственной отощающей примеси гончарного теста в виде речного или морского песка, или в качестве одной из составляющей дресвы дробленых горных пород (гранитов, гранитогнейсов и др.).

Не раскрывая подробно физического смысла изменений, которые могут произойти в кварце во времени с момента обжига, укажем лишь, что они могут быть вызваны разными причинами: старением, «остыванием», диффузией подвижных компонентов и т. д. Наиболее существенными, на наш взгляд, являются изменения, связанные с деформацией кристаллической решетки. Известно, что при температуре 570° устойчивая в природе модификация β кварца переходит в высокотемпературную модификацию α кварца. Так, любой кварц, содержащийся в керамике, какого бы происхождения он ни был, при обжиге керамического изделия перекристаллизовывается, а при остывании вновь возвращается в устойчивую модификацию β кварца, который начинает свою новую жизнь.

Вся археологическая керамика, независимо от условий обжига, претерпевает, по всей видимости, воздействие указанных температур. Те изменения, которые происходят после обжига в кристаллической решетке кварца, стремящейся приобрести свою первоначальную форму, могут фиксироваться нами оптическим путем с помощью метода сравнительной дисперсии двупреломления. Первой задачей нашего эксперимента было доказательство того, что существует зависимость между K_δ (т. е. оптическими свойствами кварца, содержащегося в образцах древней керамики) от времени с момента обжига изделия.

Для эксперимента собирались, по возможности, хорошо датированные

[4] Е. А. Кузнецов. Метод сравнительной дисперсии двупреломления. «Недра», 1964.

№ группы	Век	Культура	Памятники	Группа посуды	№ измерения	K
1	XX н. э.	Этнография	Залесье Тетеревка	Кухонная посуда	1	111,6
					2	111,5
					3	111,6
					4	111,5
					5	111,5
2	XI—XII н. э.	Киевская Русь	Вышгород	Поливная посуда	1	101,4
					2	110,5
					3	110,4
					4	110,4
					5	110,3
3	VI н. э.	Ранние славяне	Корчак	Кухонные горшки	1	109,8
					2	109,8
					3	109,7
					4	109,8
					5	109,6
4	IV н. э.	Античность (римское время)	Танаис	Амфоры	1	109,6
					2	109,6
					3	109,8
					4	109,6
					5	109,3
5	I до н. э.	Поздний латен		Кухонные горшки	1	109,1
					2	109,0
					3	109,0
					4	109,0
					5	109,1
6	XVII—XX до н. э.	Турбинская (гаринский этап)	Среднее Прикамье	Кухонная посуда	1	107,9
					2	107,9
					3	107,8
					4	107,8
					5	107,9
7	конец III и начало II тыс. до н. э.	Неолит — льяловская культура	стоянка Языково	Грубая посуда	1	107,7
					2	107,7
					3	107,2
					4	107,7
					5	107,7
8	2 полов. III тыс. до н. э.	Неолит — рязанская культура	стоянка Черная гора	Ямочно-зубчатая	1	107,9
					2	107,8
					3	107,9
					4	107,8
					5	107,9
9	2 полов. III тыс. до н. э.	Неолит I этап рязанской культуры	Владыченская стоянка	Грубая посуда	1	107,8
					2	107,9
					3	108,0
					4	108,0
					5	108,0
10	1 полов. III тыс. до н. э.	Триполье	Варваровка	Тонкая керамика	1	108,6
					2	108,6
					3	108,7
					4	108,6
					5	108,5

археологами группы керамики, расположенные по шкале времени от неолита до современности (см. таблицу).

К первой группе относится этнографическая керамика, собранная нами в 1964 г. в разных пунктах Украины, в результате работы в составе комплексного отряда по изучению современного гончарства, возглавляемого А. А. Бобринским.

Вторая группа — поливная керамика Киевской Руси, собранная и изученная Т. И. Макаровой [5]. Нами она была изучена петрографическими методами [6].

[5] Т. И. Макарова. О происхождении поливной посуды на Руси, СА. 1963, 2.— Е е ж е. Поливная посуда древнего Любеча. СА, 1965, 4.

[6] О. Ю. Круг. Поливная посуда древнего Любеча. Там же.

Третья группа — кухонная посуда с однослойного поселения Корчак из раскопок И. В. Русановой [7].

Четвертая группа — светлоглиняные амфоры римского времени. Тип I (по Каменецкому) [8] — с профилированными ручками, вариант Е (по Д. В. Деопику и О. Ю. Круг) [9], из слоя позднего Танаиса (IV в. н. э.) [10].

Пятая группа — грубая лепная керамика из раскопок К. Беленина (Краковский музей) в районе Свентокшиских гор [11] с памятников Kowalkowice и Gardrienice, датированных поздним латеном PL, т. е. I в. до н. э.

Шестая группа — грубая керамика эпохи бронзы со Среднего Прикамья турбинской культуры гаринского этапа из раскопок О. Н. Бадера [12]. Петрографическая характеристика этого типа керамики дана О. Ю. Круг [13].

Седьмая группа — неолитическая керамика льяловской культуры со стоянки Языкова из раскопок О. Н. Бадера [14] и В. С. Жукова [15], датированная концом III и началом II тысячелетия до н. э.

Восьмая группа — неолитическая ямочно-зубчатая керамика рязанской культуры со стоянки «Черная гора» из раскопок Н. К. Цветковой, датированная ею второй половиной III тысячелетия до н. э. [16].

Девятая группа — неолитическая керамика первого этапа рязанской культуры со стоянки Владычинская (из нижнего горизонта), датированная Н. К. Цветковой второй половиной III тысячелетия до н. э.

Десятая группа — трипольская керамика с поселения Варваровка из раскопок М. С. Штиглица, датированная им и В. И. Маркевичем [17] первой половиной III тысячелетия до н. э.

Из перечисленных выше десяти хронологических групп керамики было отобрано по пять образцов из каждой группы, содержащие зерна кварца.

Двупреломления (разности хода) замерялись компенсатором Берека на ориентированных разрезах кварца, перпендикулярных оптической оси. Предварительно компенсатор Берека градуировался на цветных светофильтрах, после чего была получена градуировочная диаграмма разностей хода, выраженных в волновых единицах [18].

Разности хода замерялись для 43 разных длин волн (43 светофильтра из коллекции Е. А. Кузнецова). Затем для 43 длин волн были получены K_δ, т. е. отношения разностей хода каждой из этих 43 волн разной длины к разности хода стандартной волны, выраженное в процентах. Стандартная волна соответствует (по Е. А. Кузнецову) светофильтру $K_ф$.

---

[7] И. В. Русанова. Славянские памятники первой половины I тысячелетия нашей эры на северо-западе Украины и юге Белоруссии. Минск, 1966, стр. 183—190.

[8] И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА. АН СССР, 94, 1963.

[9] Д. В. Деопик, О. Ю. Круг. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. СА, 1972, 3.

[10] Д. Б. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1956—1957 гг.). В сб. «Древности Нижнего Дона». МИА, 127, 1965; А. К. Коровина и Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.), Там же.

[11] J. Gorska. Badania archeologiczne w Polsce w latac 1944—1964. ІНКМ.

[12] О. Н. Бадер. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации Средне-Камской бронзы. Отчеты Камской археологической экспедиции ИА АН СССР, 2, 1961.

[13] О. Н. Бадер. Там же, рис. 113*а*, 258—259, 1961. (Приложение).

[14] О. Н. Бадер. Археологические раскопки у дер. Языкова, Антропологический журнал, 2, М., 1936. Его же. Неолитические погребения на Верхней Волге, СА, 3, 1937.

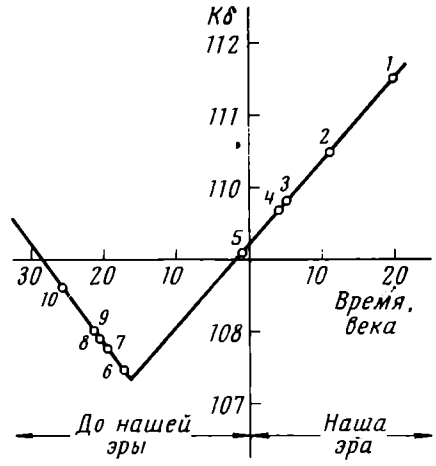
[15] В. С. Жуков. Отчет. Ленинград. фонд, 2, 1929, № 128—129, фонд 35, 1938, № 207.

[16] Н. К. Цветкова. Стоянка «Черная гора». КСИИМК, 75, 1959. Ее же. Украшения и скульптура из неолитического поселения «Черная гора», ГИМ экспедиции ГИМа (Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5—7 февраля 1969).

[17] В. И. Маркевич. Исследования молдавской неолитической экспедиции. АО — 1969.

[18] Е. А. Кузнецов. Метод сравнительной дисперсии двупреломления, 1964, стр. 24.

Следующей задачей было нахождение зависимости K_δ от времени. Для этого по оси ординат откладывались значения K_δ, а по оси абсцисс — время обжига (т. е. датировка) керамики десяти групп, кварц которых подвергался исследованию. В результате была выявлена линейная зависимость K_δ от времени при светофильтре № 8 (длина волны $\lambda = 568$) (рисунок). Нужно отметить, что делались девять замеров разностей хода для каждого разреза через 10 градусов вращения оси столика Федорова и лишь минимальные дали нам линейную зависимость от времени.



Зависимость K_δ от времени
1 — о — среднее значение $K\delta$ по пяти образцам, взятым для каждой из десяти хронологических групп

Из графика видно, что чем древнее исследуемая керамика, тем меньше значение K_δ для кварца, в ней содержащегося.

Экспериментальным путем было установлено, что K_δ уменьшается до значения $K_\delta = 107{,}3$, затем, несмотря на дальнейшее удревнение керамики, K_δ начинает увеличиваться. В результате на нашем графике появляется вторая ветвь, по которой K_δ изменяется во времени как будто в обратном направлении. Это обусловлено оптическим явлением, связанным с особенностями инструментального измерения [19].

Полученная диаграмма зависимости K_δ от археологического времени может быть использована для решения обратной задачи, т. е. по неизвестным недатированным образцам керамики можно определять абсолютный ее возраст (дату ее обжига) путем определения кварца в ней содержащегося.

Для того, чтобы оценить надежность и точность петрохронологического метода, нужно рассмотреть возможные его ошибки. Основными ошибками являются: 1 — ошибка измерения разности хода, т. е. инструментальная ошибка, зависящая от точности компенсатора Берека; 2 — ошибка датировки образцов наших эталонных групп, на основании измерения которых строится наша датирующая диаграмма.

В случае, если ошибки допущены археологами при датировке эталонных групп, они могут быть исправлены, по мере повышения количества групп, располагаемых на оси времени. В случае наличия идеально точных датировок, возможно было бы построение нашей диаграммы по 3—4 группам. Мы же используем 10 эталонных групп для усреднения результатов.

Инструментальная ошибка возможна при отсчете шкалы компенсатора Берека на $\pm 0{,}1$ деления как при работе над минералом, так и при градуировке компенсатора. Такие ошибки, допущенные при замере разности хода для стандартной волны и определяющей волны, в сумме могут дать ошибку датировки в один век.

Таким образом, надежность петрохронологического датирования может быть усилена с повышением точности компенсационного прибора.

На основании проделанной работы получены следующие результаты:

1. Разработан метод кристаллооптической датировки древней керамики по содержащемуся в ней кварцу. Очевидно, метод может быть распространен и на другие археологические объекты, в которых зерна кварца были подвергнуты воздействию температуры выше 570° С. К таким объектам могут быть отнесены кирпичи, обмазки, шлаки, а также грунты и каменные изделия, сохранившиеся после пожара.

---

[19] Е. А. Кузнецов. О физических основаниях для метода сравнительной дисперсии двупреломления. Бюл. МОИП. 1967, XLII, 5.

2. Найдена длина волны, при которой коэффициент двупреломления кварца, содержащегося в древней керамике, изменяется пропорционально времени с момента ее обжига.

3. Построена диаграмма зависимости K_δ от времени по десяти группам керамики, точно датированной от неолита до современности. Эта диаграмма может быть использована для абсолютной датировки любого фрагмента древней керамики путем оптического анализа содержащегося в нем кварца.

O. Yu. Kroug

LA PÉTROCHRONOLOGIE, MÉTHODE NOUVELLE DE LA DATATION ABSOLUE DES ANCIENNES CÉRAMIQUES

Résumé

La méthode de dispersion comparative de biréfringence nous a permis de nous approcher de la définition du temps qui s'était écoulé depuis la cuisson des céramiques jusqu'à nos jours. Cette méthode est fondée sur le fait que pendant la cuisson de la céramique, lors de sa fabrication, on doit atteindre de hautes températures (570° et plus) lorsque certaines propriétés des réseaux structuraux des cristaux se trouvent dérangées. Cela concerne surtout le quartz qui est présent dans toute céramique en tant que dégraissant ou bien fait partie d'argile. C'est un minéral très sensible à toutes les influences thermiques ou mécaniques. Après la cuisson vient la période du «répos» quand le réseau cristallin se met lentement en ordre. C'est justement ce phénomène qui nous donne lieu à penser qu'après la cuisson il serait possible de déterminer le temps «du repos» écoulé à partir de la cuisson quand la poterie était utilisée ou bien se trouvait dans la couche archéologique.

Nous avons trouvé, par voie optique, une onde de lumière qui «sent» ce laps de temps. Ensuite on a établi un diagramme à deux branches pour différentes périodes archéologiques d'après les échantillons dont la date de cuisson est connue avec une précision suffisante.

Après cela il devient possible de définir l'époque de la cuisson des tessons inconnus en recourant aussi à la méthode de dispersion comparative de biréfringence c'est — à — dire d'attribuer une datation absolue à la céramique ancienne.

Публикации

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ДРЕВНОСТИ В БАССЕЙНЕ р. КАТЫНИ

В 1969—1970 гг. Смоленский неолитический отряд под руководством автора данной статьи провел раскопки четырех неолитических стоянок в верхнем Поднепровье, в пойме р. Катыни — правого притока Днепра.

Река Катынь вытекает из оз. Купринского. Оз. Купринское, ранее называвшееся Стоячим, постепенно зарастает, так что подступы к нему невозможны (ширина заболоченной части — несколько десятков метров). Вытекающая из оз. Купринского р. Катынь представляет собой извилистую речку шириной 5—7 *м*, с высокими берегами (в среднем 1,5 *м*), заросшими травой. Вследствие того что Катынь не раз меняла свое русло, в ее пойме прослеживаются старицы, высохшие или заболоченные.

С левого берега в верхнем течении Катыни в нее впадает ручей.

Пойма Катыни достигает 2—2,5 *км* в ширину. Она окаймлена высокими (до 10 *м*) коренными берегами, склоны которых покрыты в настоящее время кустарником, пашнями и огородами. Во время весеннего половодья пойма заполняется водой от талого снега (уровень воды Днепра в это время поднимается до 9 *м*).

Впервые археологические разведки в этом районе провел А. Н. Лявданский, который в середине 20-х годов собрал здесь коллекцию неолитической керамики и кремня. Им было отмечено восемь пунктов с местами находок древностей каменного века. К сожалению, план, составленный А. Н. Лявданским, неточен (например, с. Катынь на нем оказалось на левом, а не на правом берегу Днепра), что помешало нам в полной мере использовать представленные им сведения [1].

Впоследствии, уже в послевоенные годы, долину Катыни посетил Е. А. Шмидт, который также собирал здесь неолитические остатки, а в одном из пунктов заложил шурф, площадью в 1 $м^3$, дающий возможность обнаружить культурный слой [2]. В начале 60-х годов в долине Катыни побывала И. М. Тюрина.

Учитывая, что во время Великой Отечественной войны практически все коллекции по каменному веку смоленского Поднепровья погибли (об этом с горечью писал В. Р. Тарасенко [3]), нетрудно заметить, что данные по неолиту этого района, и в частности, бассейна Катыни, представляются недостаточными. В силу этого мы и приступили к поискам и исследованию здесь неолитических поселений.

---

[1] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленск. гос. ун-та, IV, 3, Смоленск, 1927.

[2] Е. А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг. Сб. научн. работ Смоленского краеведческого НИИ, 1, Смоленск, 1957. Сведения, которые сообщил нам Е. А. Шмидт, значительно облегчили работу Смоленского неолитического отряда.

[3] В. Р. Тарасенко. Неолитические стоянки верховьев Днепра. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 115.

Стоянка Катынь-1. Стоянка (рис. 1) расположена на правом берегу р. Катынь, на узком и длинном (более 100 *м*) мысу, возвышающемся на 3—3,5 *м* над уровнем воды и на 1 *м* над поймой. Площадь мыса более 1000 *м*^{2}. Первоначально здесь было заложено несколько шурфов, которые дали возможность выявить сразу же под дерном слой с остатками неолитической эпохи мощностью в 30—35 *см* в юго-восточной части мыса и 25—30 *см* в северо-западной. Культурный слой представлял собой гуму-

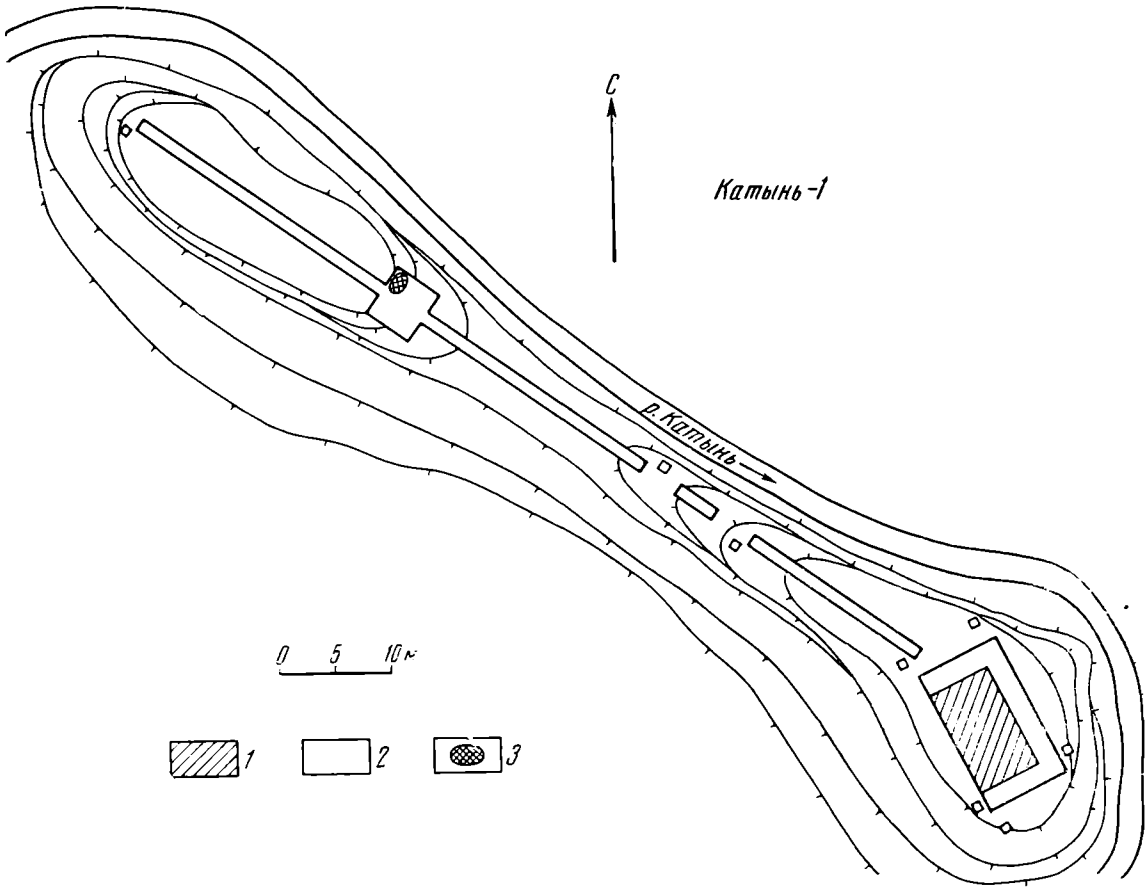


Рис. 1. Поселение Катынь-1

1 — раскоп 1969 г., *2* — раскоп 1970 г., *3* — углистое пятно

сированный суглинок коричневатого цвета с вкраплениями золы и угольков, подстилаемый светло-коричневым стерильным суглинком. Первоначально раскоп площадью в 60 *м*^{2} был разбит в наиболее высокой части мыса. Впоследствии он был расширен до 112 *м*^{2}. Выясняя площадь поселения, мы заложили траншею в средней части мыса, по всей его длине. Культурный слой прослеживался на всех ее участках. Шурфовка склонов мыса выявила здесь отсутствие древностей эпохи неолита. Таким образом, можно предполагать, что стоянка Катынь-1 занимала лишь возвышенную часть мыса и ее площадь не превышала 700—800 *м*^{2}. На одном из участков траншеи после снятия дерна и первых 15 *см* культурного слоя обнаружилась часть углистого пятна. В этом месте была сделана прирезка, благодаря чему выявилось пятно серо-коричневого цвета подчетырехугольной формы. Его площадь составляла 2 *м*^{2}, мощность — 10—12 *см*. Не исключено, что перед нами остатки древнего кострища. Всего на поселении Катынь-1 было вскрыто 210 *м*^{2}. Культурный слой снимался горизонтами по 10—12 *см* каждый.

В ходе раскопок поселения Катынь-1 была собрана значительная серия орудий труда, отщепов, пластин и обломков глиняных сосудов, насчитывающая около 1400 предметов. Керамика представлена 940 фрагментами. 62 из них относятся к эпохе бронзы. Эти фрагменты в отличие от

неолитических изготовлены из хорошо отмученной глины, к которой добавлялся песок. В большинстве своем они не орнаментированы и лишь в редких случаях украшались рядами неровных ямок или оттисками шнура.

Основная часть керамической коллекции представлена изделиями эпохи неолита (878 экз.). Это были обломки лепившихся от руки сосудов,

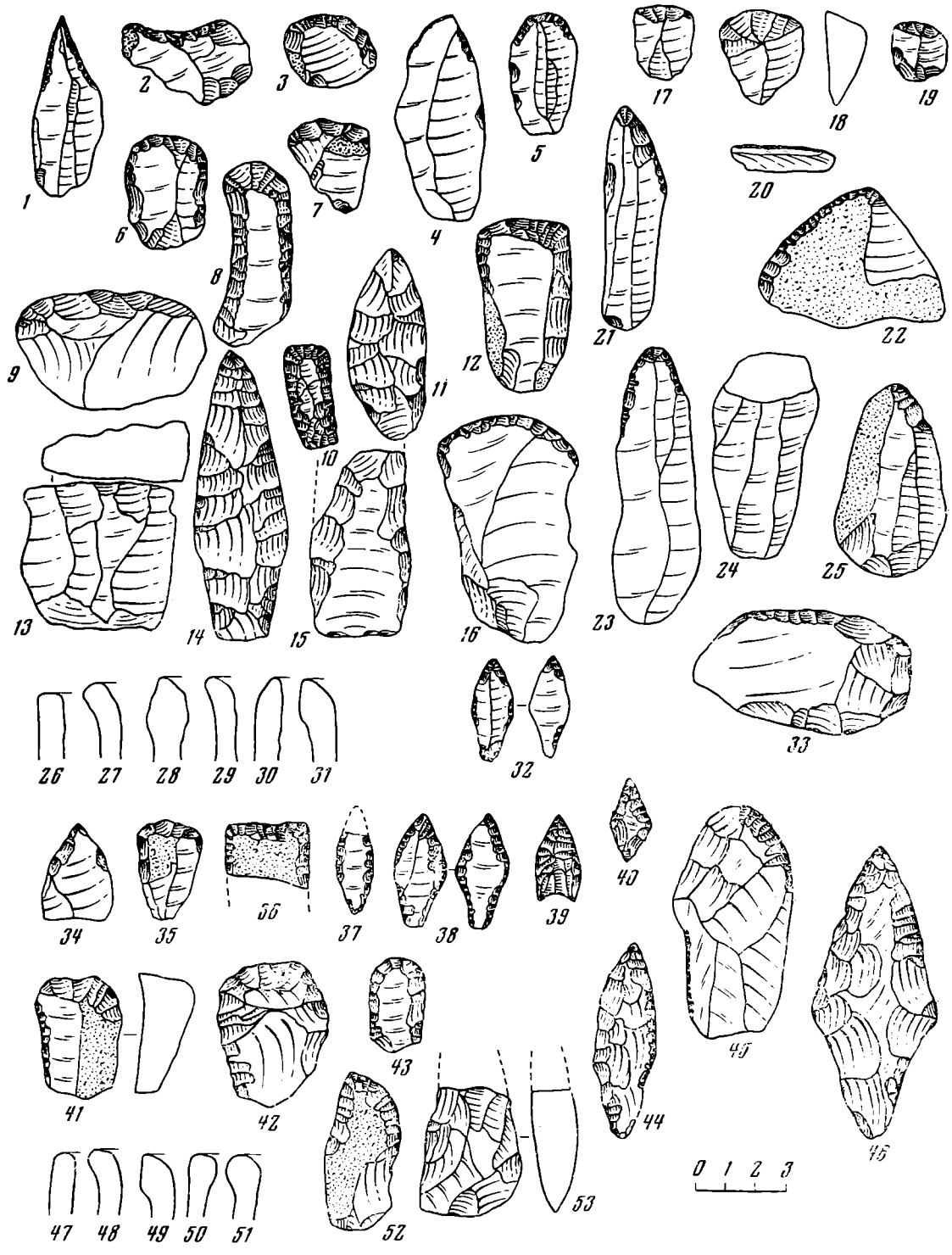


Рис. 2. Кремневые орудия и венчики сосудов со стоянок Катынь-1 (*1—33*) и Катынь-2 (*34—53*)

при изготовлении которых в качестве примеси использовалась дресва. Судя по имеющимся фрагментам, сосуды имели прямой или слегка отогнутый наружу венчик, прямые стенки и острое дно (рис. 2, *26—31*). Посуда, как правило, украшалась. Из 878 фрагментов около 800 (87%) покрыты различными узорами. Наличие неорнаментированных обломков

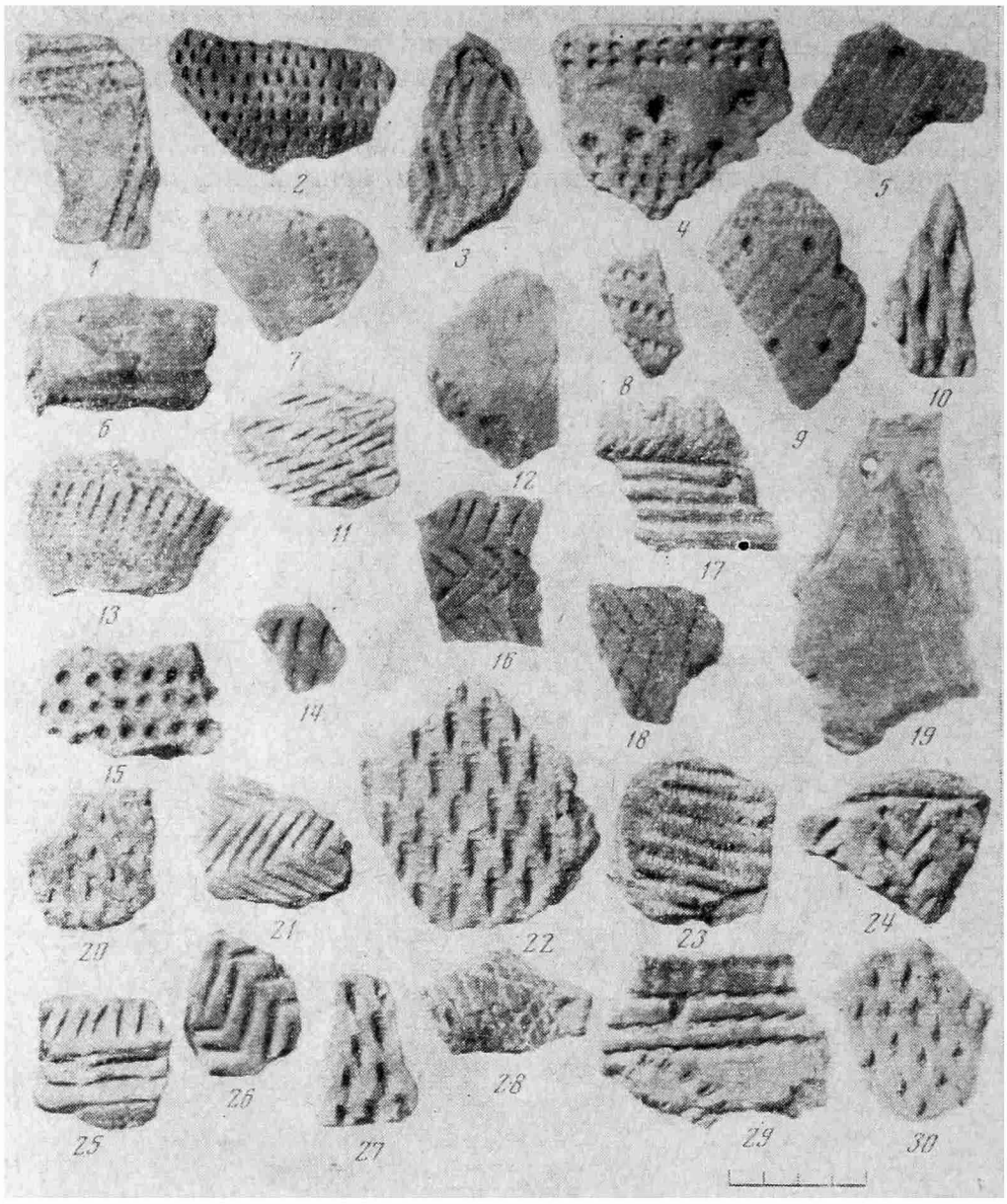


Рис. 3. Неолитическая керамика со стоянок Катынь-1 (*1—19*) и Катынь-3 (*20—30*)

свидетельствует скорее всего о том, что в ряде случав сосуды покрывались рисунком неполностью, подтверждением чему служат находки крупных фрагментов с частичной орнаментацией.

Основной элемент орнамента — оттиски гребенчатого штампа (рис. 3, *1, 3, 5, 9—11, 13, 17—19*), которым украшено более половины всей керамики (55%). Среди узоров часто встречаются расположенные в шахматном порядке отпечатки овального штампа, горизонтальные пояски, «елочка», зигзаги, сетка из пересекающихся линий, ряды наклонно или вертикально нанесенных оттисков. В единичных случаях рисунки более сложны и представляют собой сочетания наклонных, вертикальных и горизонтальных отпечатков. В 26 случаях гребенчатые мотивы сочетались с округлыми ямками. Около 15% неолитической керамики украшено нарезками (рис. 3, *16*), расположенными горизонтальными рядами или зигзагом. 16% фрагментов (рис. 3, *4, 14—15*) орнаментировано округлыми или овальными ямками (в 11 случаях это просто точки).

Остальная керамика со стоянки Катынь-1 украшена рядами каплевидных вдавлений и оттисками «отступающей лопаточки» (рис. 3, *2, 7, 8, 12*).

К керамическим изделиям относится и обломок глиняного вотивного топорика с продольными желобками и отверстием в середине (рис. 3, *6*).

Коллекция кремневых предметов со стоянки Катынь-1 состоит из 149 изделий со следами обработки и большого количества нересушированных отщепов, пластин и осколков кремня. Для изготовления орудий труда применялся черный или цветной валунный кремень. Производство их осуществлялось в пределах поселения, о чем свидетельствуют многочисленные отходы, незаконченные вещи и нуклеусы. Найденные нуклеусы (10 экз.) не имели строго установившейся формы. Восемь из них имели одну ударную площадку, два были многоплощадочными (рис. 2, *13, 24*).

Наконечники стрел и копий имели листовидную (7 экз.) или треугольно-черешковую (6 экз.) форму (рис. 2, *11, 14*). Интересен один наконечник стрелы, изготовленный в отличие от других из ножевидной пластины, брюшко которой почти не отретушировано (рис. 2, *32*). В процессе раскопок поселения Катынь-1 было обнаружено 67 скребков (рис. 2, *2, 3, 5—10, 12, 16—19, 33*). 22 из них не имеют строго установившейся формы, остальные подразделяются на несколько типов. Во-первых, следует отметить три скребка размером от 6 до 8 *см* из плоских отщепов с прямой широкой рабочей частью. 15 скребков имеют округлую форму, девять — подтреугольную. Десять скребков, найденных на данной стоянке, изготовлены из небольших отщепов с одной гранью на спинке. Размер перечисленных выше типов скребков не превышает 3—3,5 *см*. Кроме того, на поселении Катынь-1 были найдены четыре скребка из плоских отщепов с гладкой спинкой и подчетырехугольной рабочей частью. Интересны и четыре миниатюрных скребочка округлой формы. К виду «скребущих» орудий относятся также восемь скобелей с вогнутым рабочим краем и два предмета, изготовленные из массивных пластин с утолщением на конце, боковая часть которого отретуширована. Орудия этого типа получили в литературе название «ложкарь» (рис. 2, *21*).

Кроме перечисленных выше находок, на стоянке Катынь-1 найдено четыре проколки, девять долот и одна заготовка, стамеска листовидной формы, обломок клиновидного топора (рис. 2, *1, 15*). Здесь же следует упомянуть о двух краевых сколах, полученных в результате подправки орудий. Интересны семь резчиков из кремневых пластин с тщательно обработанным рабочим концом и два ножа из плоских отщепов подтреугольной формы. Один из этих ножей, судя по наличию острого вытянутого конца с характерной затертостью по его сторонам, служил, по-видимому, одновременно и проколкой (рис. 2, *4, 22, 23, 25*). Наконец, следует отметить находку двух отбойников и трех миниатюрных пластинок с притупливающей ретушью по одному из краев, служивших скорее всего вкладышами (рис. 2, *20*). Остальные кремневые изделия со следами обработки со стоянки Катынь-1 представлены обломками, не дающими возможности судить об их назначении. В заключение перечня находок со стоянки Катынь-1 упомянем еще обломок зуба, принадлежавшего, по мнению Н. М. Ермоловой, домашней свинье.

Стоянка Катынь-2. Стоянка Катынь-2 (рис. 4) расположена на невысоком мысу на берегу старицы р. Катынь. Наибольшая высота мыса относительно уровня воды 342 *см*, а по сравнению с поверхностью поймы — 92 *см*. Его площадь 200—250 $м^2$. Мыс находится в 300 *м* от поселения Катынь-1.

Первоначально в наиболее возвышенной части мыса был заложен шурф, показавший, что под 15-сантиметровым слоем дерна залегал темный гумусированный суглинок, в котором содержались остатки неолитической эпохи. Мощность этого горизонта 25 *см*. Ниже находился стерильный суглинок более светлого цвета. В этой части мыса и был заложен раскоп площадью 48 $м^2$, разделенный на квадраты 2 × 2 *м*. Впоследствии раскоп был увеличен до 104 $м^2$. Он был заложен в наиболее высокой части мыса. Это объясняется тем, что из-за дождей пойма Катыни и склоны

мысов надолго сохраняют влагу и поэтому неудобны в качестве мест для поселений. Возвышенные участки высыхают быстрее, в силу чего поиски неолитических материалов перспективнее вести именно в наиболее высоких частях мысов.

Раскопки показали, что культурный слой мощностью 20—25 *см* залегал под 15—20-сантиметровым дерновым покровом. Ниже культурного слоя находился светлый плотный суглинок без находок. Культурный слой снимался двумя горизонтами по 10—12 *см* каждый.

В квадратах 1,2 и 7,8 еще до снятия дерна была заметна небольшая впадина диаметром 1,7 *м*, глубиной 10—15 *см* от краев. После снятия дерна в этих квадратах стало намечаться овальное пятно неправильных

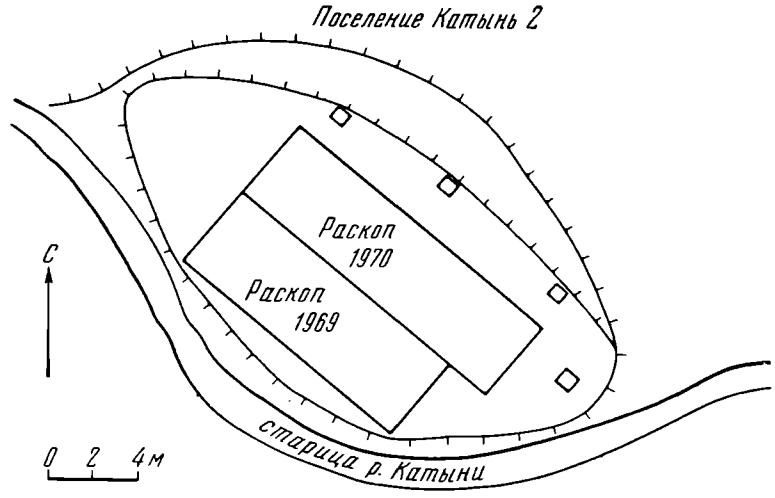


Рис. 4. Поселение Катынь-2

очертаний с многочисленными вкраплениями угля и золы. После снятия второго штыка пятно приняло четырехугольные контуры со сторонами в 1,3, 2,45, 2,8 и 3 *м* и четко выделялось на фоне светлого материка. При выборке было обнаружено большое количество углей дуба, неолитическая керамика и кремень. Глубина полученной западины 27 *см*, ее стены были слегка наклонными, так что площадь пола оказалась несколько меньшей, чем площадь в пределах контуров западины в верхней части. То обстоятельство, что данное пятно стало заметным сразу же под дерном (т. е. оно прорезало культурный слой поселения), свидетельствует о его более позднем времени, чем описываемая неолитическая стоянка. В пользу этого говорят и результаты датировки по C^{14}, проведенной в ЛОИА. Полученная дата — 560 ± 50 (ЛЕ — 890). Не исключено, что перед нами остатки ямы, где выжигался древесный уголь [4].

Всего на стоянке собрано 2222 предмета. Как показало изучение находок, на данном поселении преобладал однородный неолитический материал (за исключением девяти фрагментов эпохи бронзы), состоящий из керамической коллекции, серии кремневых орудий труда и отходов их производства.

Керамика на стоянке Катынь-2 лепилась из глины с примесью дресвы. Сосуды имели прямой или слегка отогнутый наружу венчик, в редких случаях с утолщением по краю (рис. 2, *47—51*). Целых или фрагментированных днищ не обнаружено. Коллекция представлена 1084 орнаментированными обломками и 91 неорнаментированным. Подсчеты показали, что 61% всей керамики украшен оттисками гребенчатого штампа различной

[4] С. П. Пачкова. Металлургический центр зарубинецкой культуры у села Лютеж. СА, 1970, 1, стр. 147.

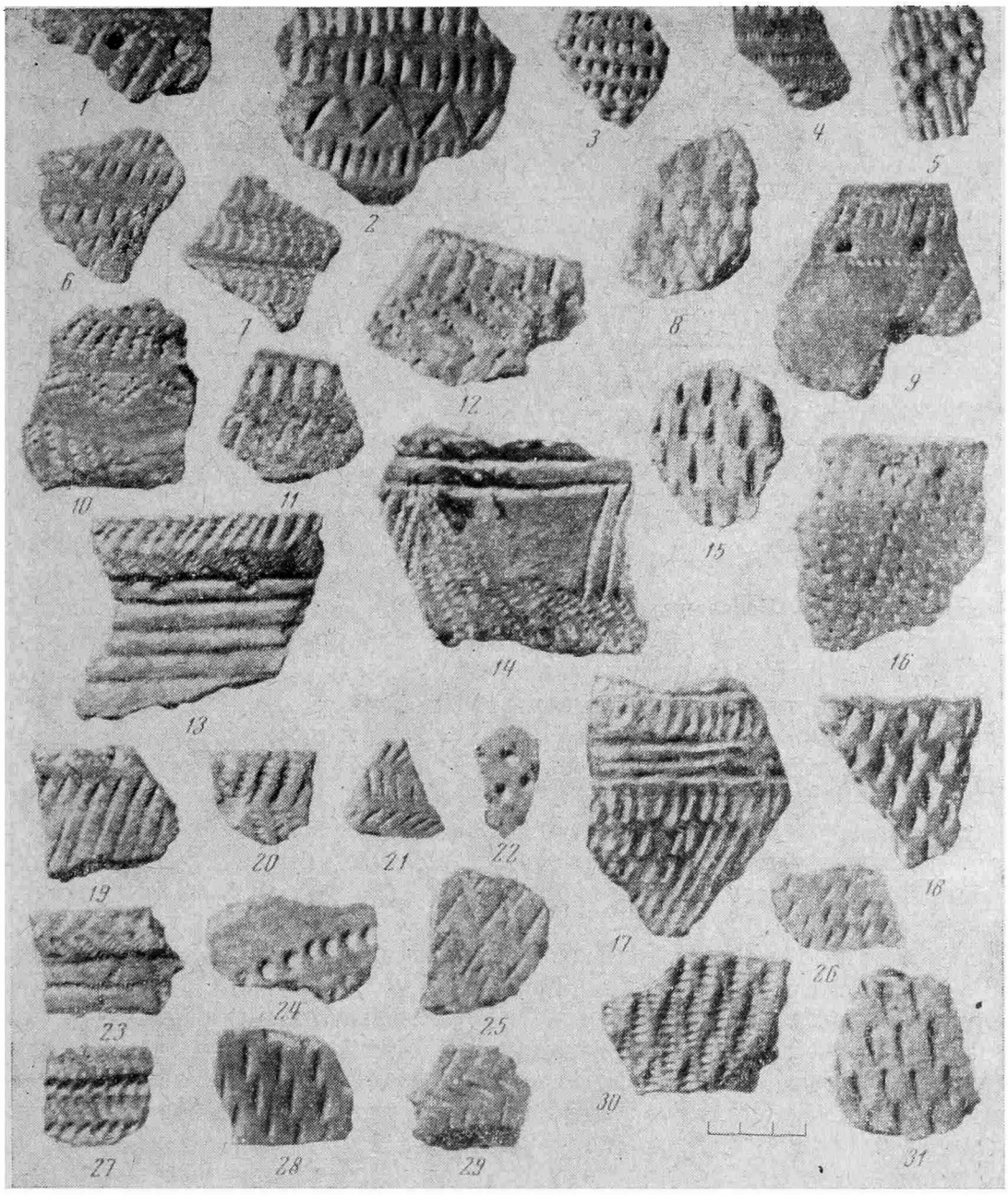


Рис. 5. Неолитическая керамика со стоянок Катынь-2 (*1—18*) и Катынь-4 (*19—31*)

формы (рис. 5, *1, 4—7, 10, 12—15, 17*). Среди узоров ряды коротких узких и овальных отпечатков, нанесенных наклонно или вертикально, «елочка», всевозможные зигзаги, горизонтальные полосы и некоторые более сложные мотивы, представляющие собой комбинации поясков, зигзагообразных линий, «елочки» и коротких оттисков гребенки. В некоторых случаях (4%) гребенчатый штамп сочетается с округлыми или овальными вдавлениями. Однако последние чаще встречаются как самостоятельные виды орнамента, покрывая все поле фрагмента (около 17% неолитической керамики) (рис. 5, *3, 9, 16, 18*). Еще одним элементом орнамента являются узкие нарезки (10%), расположенные горизонтальными рядами, в виде зигзагообразных линий или «сетки» (рис. 5, *2, 12*). Интересны и единичные фрагменты керамики, украшенные ромбическими ямками (рис. 5, *8*).

Коллекция кремневых предметов со стоянки Катынь-2 состоит из 80 орудий, нескольких обломков и большого количества отщепов, пластин и осколков.

Наконечники стрел и копий (рис. 2, *3, 7—40, 44, 46*) представлены 15 экз. листовидной формы, один — ромбической и пять — треугольно-

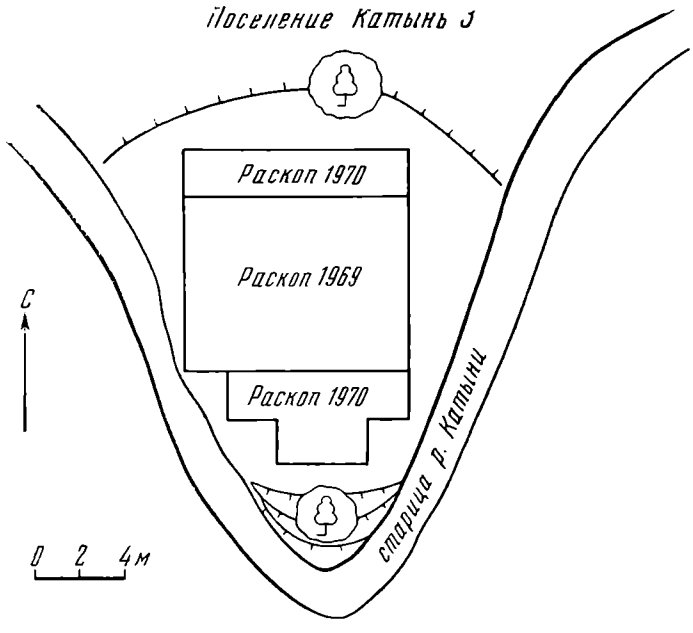


Рис. 6. Поселение Катынь-3

черешковой. Среди последних обращает на себя внимание наконечник, изготовленный из ножевидной пластины, брюшко которой почти не подвергалось ретушированию. Один наконечник имеет выемку в основании.

Серия «скребущих» орудий включает два изделия из широких плоских отщепов, один скребок с округлой рабочей частью, три массивных и шесть небольших скребков подчетырехугольной формы, три скребка треугольных очертаний и три изготовленных из миниатюрных отщепов, а также целую серию (10 экз.) скребков случайной формы (рис. 2, *35—36, 41—43*).

Кроме того, на стоянке найдены 10 резчиков, сделанных из отщепов удлиненной формы с тщательно оретушированным концом, один «ложкарь» из массивного отщепа с боковой рабочей частью, пять обломков и заготовок небольших долот (рис. 2, *45, 52, 53*). Заканчивая перечень находок со стоянки Катынь-2, следует упомянуть два обломка шлифовальных камней с заметными невооруженным глазом следами стертости на одной из сторон, четыре массивных проколки (рис. 2, *3, 4*) и семь отщепов с ретушью (скребки?).

Стоянка Катынь-3. Поселение Катынь-3 (рис. 6) расположено в 100 *м* от стоянки Катынь-2, на берегу той же старицы. Она находится на небольшом мыске площадью 150—160 $м^2$, возвышающемся над уровнем воды на 1,57 *м*. В наиболее возвышенной части мыса был заложен шурф. Оказалось, что под 10—20-сантиметровой толщей дерна залегал темный гумусированный суглинок, содержащий неолитическую керамику и отщепы кремня. Мощность этого слоя равнялась 10 *см*. Ниже находился светлый суглинок без каких-либо находок. На месте шурфа был заложен раскоп размером 80 $м^2$, впоследствии расширенный до 124 $м^2$, разделенный на квадраты 2 × 2 *м*. Причины выбора места для раскопа в наиболее высокой части мыса те же, что и основания, изложенные при описании поселения Катынь-2.

Раскопки показали, что культурный слой на стоянке Катынь-3 (мощность 10—15 *см*) залегал сразу же под дерном и подстилался светло-коричневым суглинком без находок. Культурный слой представлял собою коричневато-серый гумусированный суглинок с включениями угольков, керамики и кремня.

В южной части раскопа в квадратах 4,5 и 9,10 еще до снятия дерна была заметна округлая западина, диаметром немногим больше 1 *м* и глубиной около 15 *см* от ее краев. После снятия дерна в этом месте появилось округлое темное пятно, а после снятия культурного слоя на месте западины на фоне материкового суглинка стало отчетливо заметно более темное пятно подчетырехугольной формы площадью 4—4,5 $м^2$. Дальнейшие работы показали, что это пятно является следом подчетырехугольного углубления, заполненного культурным слоем с остатками неолитической эпохи, перемешанными с большим количеством углей дуба. Наибольшая глубина западины 60 *см*. Внутри с трех сторон была выявлена приступочка шириной в среднем 20 *см*, приподнятая над уровнем пола на 12—15 *см*. После

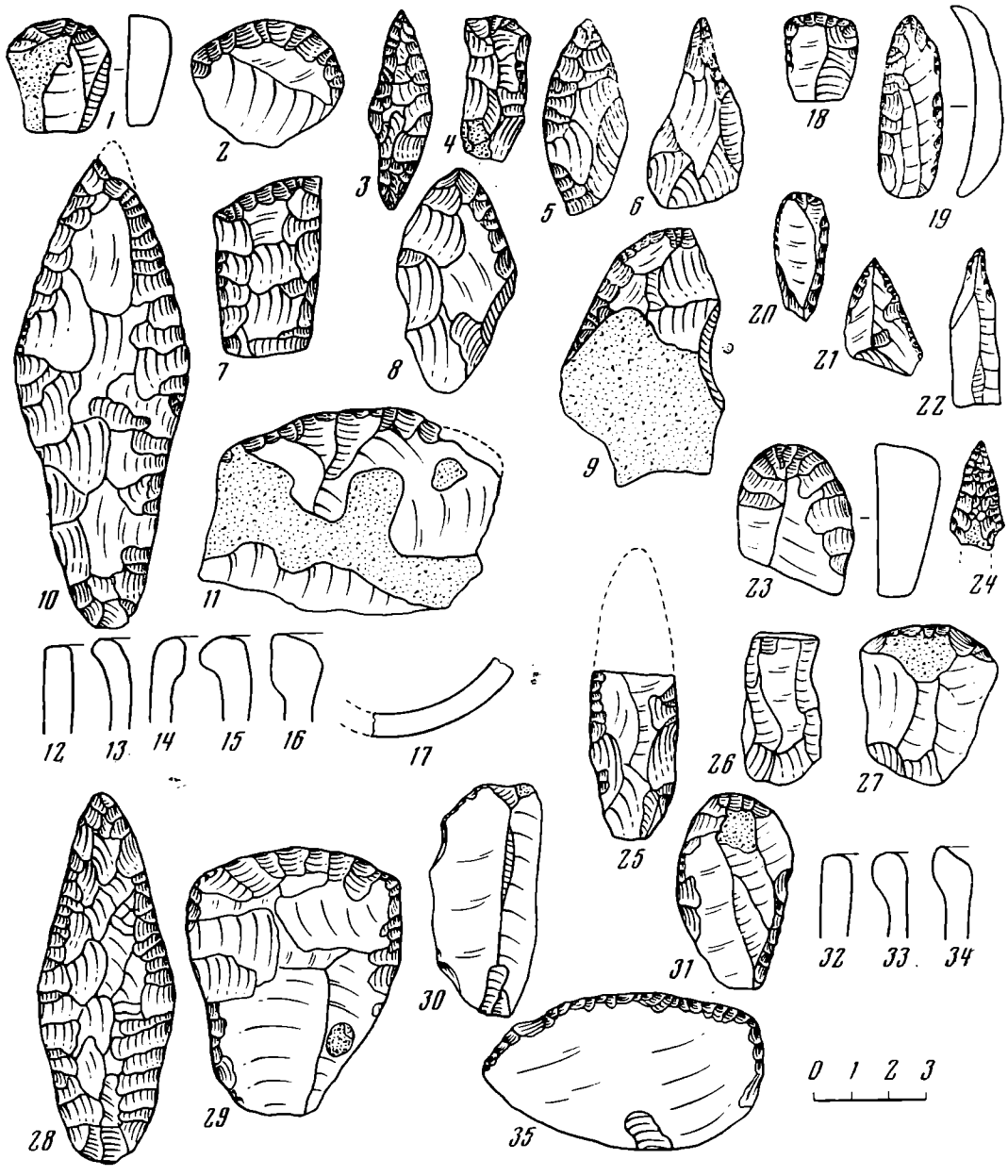


Рис. 7. Кремневые орудия и профили сосудов со стоянок Катынь-3 (*1—17*) и Катынь-4 (*18—35*)

выборки заполнения данного углубления оказалось, что ее стенки и пол побывали в огне. Это очень твердый суглинок коричневато-красного цвета.

Остатки сооружения, аналогичные только что описанному, были прослежены и на соседних квадратах (14, 15 и 19, 20). Здесь также еще до снятия дерна была видна небольшая западина диаметром 1 *м* и глубиной от краев 15—18 *см*. Как и в описанном выше случае, под дерном в этом месте проявилось округлое пятно, а после снятия на фоне материкового суглинка оно приобрело отчетливо подчетырехугольную форму со сторонами 2,10, 2,30, 2,20, 2,20 *м*. Дальнейшие работы показали, что это — след западины глубиной 42 *см*, заполненной культурным слоем, углями дуба, обожженными кусками глины, неолитической керамикой и кремнем. В средней части, начиная от пола, прослежено скопление золы и угля мощностью в 17 *см*.

Третье углубление того же типа было обнаружено в соседних квадратах (22, 23, 25, 26). Земляные работы в этом месте показали, что уже сразу же под дерном здесь прослеживается темное пятно округлых очертаний. После снятия культурного слоя оно приобрело отчетливо четырехугольные очертания со сторонами 1,8, 1,6, 1,5 и 1,9 *м*. Глубина западины 30—35 *см*. При выборке было найдено много угля.

Тот факт, что все три западины прослеживались сразу же под дерном, т. е. прорезали культурный слой поселения, дает основание предположить, что они, как и на стоянке Катынь-2, не относятся к эпохе неолита и должны быть датированы более поздним временем. Подтверждают это и результаты анализа по C^{14}, произведенные в ЛОИА (полученная дата—440±50 (ЛЕ—891)). Скорее всего, указанные три углубления, так же как и на поселении Катынь-2, были ямами для выжигания древесного угля.

На поселении Катынь-3 собрано 732 предмета. Просмотр материала показал, что за исключением семи обломков сосудов [5] все находки на стоянке относятся к неолитической эпохе.

Керамика изготовлялась из глины с примесью дресвы. Сосуды имели прямые или отогнутые наружу венчики. Иногда у последних были утолщения по краю (рис. 7, *12—17*). Из 280 фрагментов 25 неорнаментированы. Остальные украшены оттисками гребенчатого штампа, ямчатыми вдавлениями и нарезками. Гребенчатым штампом украшено 61,4% керамики. Среди мотивов ряды коротких наклонно или вертикально нанесенных отпечатков, горизонтальные пояски. Эти мотивы в ряде случаев (9 экз.) сочетаются. Кроме того, представлены узоры в виде «елочки», всевозможных зигзагообразных линий (рис. 3, *21—24, 27, 29*).

На 42 фрагментах (15%) отмечены расположенные в шахматном порядке ямки неправильно-округлой или овальной формы. Еще одним элементом орнамента являются нарезки (14,3%), расположенные рядами или зигзагами. Один фрагмент украшен ромбическими ямками (рис. 3, *20, 25, 26, 30*).

На поселении Катынь-3 найдено 30 кремневых орудий, пять пластин с ретушью, два маленьких обломка стрел (?), не позволяющих говорить о форме предметов в целом, и необработанные отщепы, пластины и куски кремня. Кремень имеет черный или темно-серый цвет.

В коллекции наконечников стрел (6 экз.) и копий (1 экз.) пять изделий имеют листовидную форму и два — листовидную с намечающимся черешком (рис. 7, *3, 5, 8, 10*). Серия скребков включает один концевой скребок, три скребка из плоских отщепов с широким рабочим краем, два скребка с округлой рабочей частью, семь массивных скребков подчетырехугольных очертаний, один — треугольной формы. К этой же категории орудий следует отнести скобель с вогнутым рабочим краем и два скребка (рис. 7, *1, 2, 4, 7, 11*).

Кроме того, на стоянке найдены три резчика из удлиненных пластин с отретушированным концом (они, видимо, могли выполнять и функции ножа, поскольку тщательно обрабатывалась ретушью и одна из боковых сторон), три проколки (рис. 7, *6, 9*).

Стоянка Катынь-4. Стоянка Катынь-4 (рис 8) находится на небольшом мысу (200 *м*^{2}), расположенном между старицей р. Катыни и ее современным руслом, на расстоянии 150 *м* от поселения Катынь-3 и в 50—60 *м* от поселения Катынь-1. Высота мыса над уровнем воды 3,58 *м*. Центральная часть стоянки разрушена проложенной здесь мелиоративной канавой, поросшей кустарником и молодыми дубками. Кроме того здесь проложена дорога [6]. Первоначально были заложены два шурфа по обеим сторонам мелиоративной канавы. В том и другом шурфе под слоем дерна мощностью в 20 *см* залегал темный гумусированный суглинок с остатками неолитической эпохи. Ниже находился светлый стерильный суглинок. В восточной и западной частях мыса заложены раскопы площадью 32 и 40 *м*^{2} (это максимально возможные размеры раскопов из-за проложенной здесь дороги, канавы, кустарников и деревьев), разделенные на квадраты 2 × 2 *м*.

[5] По фактуре и орнаменту эти фрагменты (рис. 3, *28*) отличаются от основной массы керамики. Они сделаны из хорошо отмученной глины и украшены оттисками шнура, насечками, нанесенными в сложной комбинации.

[6] Не исключено, что именно эту стоянку в 1951 г. шурфовал Е. А. Шмидт (см. сноску 2). Он также пишет о мелиоративной канаве.

Раскопки показали, что культурный слой мощностью 25—30 *см* залегает под 10—15-сантиметровой толщей дерна, а подстилается коричневатым суглинком, не содержащим находок. Культурный слои представляет собой гумусированный суглинок темно-коричневого цвета с редкими включениями мелких угольников, с керамикой и изделиями из кремня. Разработка культурного слоя велась по горизонтам в 12—15 *см*. Остатков кострищ или каких-либо древних построек на стоянке не обнаружено, лишь в квадратах 9, 10 и 10 отмечены два углубления (до 15—20 *см* от краев) в материке диаметром от 1 до 1,5 *м*.

В процессе раскопок на стоянке Катынь-4 было обнаружено 616 предметов: неолитическая керамика, орудия труда, отщепы и осколки кремня[7].

Обитатели стоянки изготовляли сосуды из глины с примесью дресвы. Сосуды имели прямой или отогнутый наружу венчик (рис. 7, *32—34*), как правило, с утолщением по краю. Фрагментов донышек не найдено. Из 166 фрагментов неолитической керамики 145 орнаментировано. 51,2% обломков украшено оттисками гребенчатого штампа. Мотивы представляют собой ряды коротких прямых узких или овальных отпечатков гребенки, часть фрагментов украшена зигзагообразными линиями, на одном черепке отмечено сочетание горизонтальных полос и вертикальных оттисков штампа (рис. 5, *19, 20, 23, 25, 27, 29—31*). Около 19% керамики украшено овальными вдавлениями или неправильно округлыми ямками, 17,5% керамики орнаментировано нарезками, расположенными рядами или всевозможными зигзагами (рис. 5, *21, 22, 24, 26, 28*).

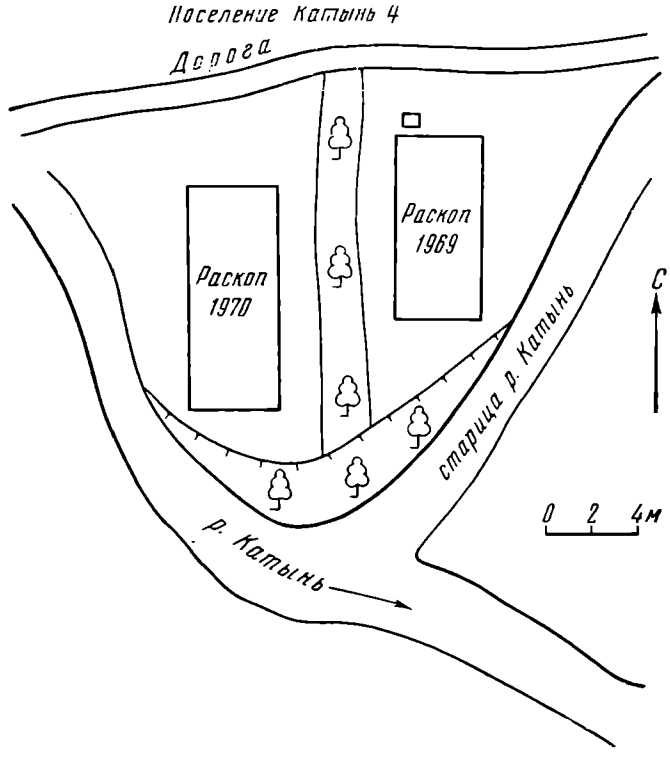


Рис. 8. Поселение Катынь-4

Находки кремня на поселении Катынь-4 представлены большим количеством отщепов и осколков, небольшим одноплощадочным нуклеусом (рис. 7, *26*), тремя пластинами с ретушью, 27 орудиями (включая отбойник и заготовку небольшого овального долота). Среди орудий четыре проколки из пластин (рис. 7, *21, 22*), три наконечника стрел листовидной формы и два — треугольно-черешковой (рис. 7, *24, 25*). Найден и наконечник копья (рис. 7, *28*). Остальные орудия представлены тремя резчиками из кремневых пластин с обработанной мелкой ретушью рабочей частью, массивным скребком, скребком из изогнутой кремневой пластины («ложкарь», по терминологии Н. Н. Гуриной) и серии скребков. Четыре из них имеют случайную форму, два с высоким профилем, один с рабочей частью округлых очертаний, один с двумя продольными ребрами на спинке и два концевые из ножевидных пластин (рис. 7, *18—20, 23, 27, 29—31, 35*).

Таковы материалы неолитических стоянок на р. Катынь. Нетрудно заметить, что они свидетельствуют если не о идентичности, то все же о зна-

[7] В коллекции керамики необычными для катынских стоянок представляются лишь три фрагмента керамики эпохи бронзы.

чительном сходстве раскопанных памятников. Это сходство проявляется и в их расположении (в пойме, на мысах на берегу реки), и в керамике, и в орудиях труда. Обитатели всех четырех поселений изготовляли посуду от руки, ленточным способом. Сосудам придавалась яйцевидная форма с острым или округлым дном, прямыми стенками и прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. В орнаментации преобладали узоры, выполненные гребенчатым штампом (55—60%). Они дополнялись несложными рисунками из ямок и нарезок.

Сходство проявляется и в орудиях труда. На всех поселениях найдены наконечники стрел или копий листовидной формы или с черешком, скребки с высоким профилем, с рабочим краем подчетырехугольной формы, с одной или двумя гранями на спинке, концевые скребки, резчики, массивные скребла, проколки из отщепов «ложкари» и т. п. И это несмотря на то, что количество орудий на разных стоянках неодинаково (149— Катынь-1; 80— Катынь-2; 30— Катынь-3; 27— Катынь-4).

В заключение можно отметить, что описанные выше поселения входят в круг верхнеднепровских неолитических памятников, кратко охарактеризованных в последнее время в работах Д. Я. Телегина [8], В. Ф. Исаенко [9] и И. М. Тюрпной [10]. Представляется, что в дальнейшем следует поставить вопрос о возможности выявления локальных особенностей смоленского неолита.

V. P. Trétiakov

DES OBJETS ANCIENS DÉCOUVERTS DANS LE BASSIN DE LA RIVIÈRE DE KATYN'

Résumé

L'article traite des résultats des recherches des quatre sites néolithiques (Katyn' — 1, 2, 3, 4) se trouvant dans le lit majeur de la rivère de Katyn', affluent gauche du Dniéper, à 22 km à l'ouest de Smolensk. Il s'agit des habitats de plein air non fortifiés, sans aucuns vestiges de structures. Ce n'a été que sur le site de Katyn'I qu'on a découvert les traces de foyers. Les dimensions de cet habitat sont de 700—800 m² dont on a fouillé 210 m². La surface d'autres habitats atteint 150—200 m². Les chantiers de fouilles y pratiqués couvrent la superficie de 72 à 124 m².

Les matériaux livrés lors de la compagnie de fouilles comportent des fragments des récipients ovoïdes façonnés à la main en employant la technique «de bandes» et décorés par des ornementations faite «au peigne»; les tessons ornés de fossettes et de stries rondes et ovales sont beaucoup moins nombreux. Le matériel lithique est représenté par des grattoires, pointes de flèches et de lances, ciseaux, couteaux, outils retouchés à couper, racloirs et nucléi les plus divers.

L'aspect des objets fouillés nous portent à penser qu'ils sont à rapporter aux vestiges du Néolithique du cours supérieur du Dniéper.

---

[8] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 119—124.

[9] В. Ф. Исаенко. Археологическая карта Белоруссии. 1. Памятники каменного века. Минск, 1968, стр. 10 сл.

[10] И. М. Тюрина. Неолит верхнего Поднепровья. СА, 1970, 3, стр. 40—49.

К. В. ГОЛЕНКО

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ХЕРСОНЕСЕ (1958—1969 гг.)

Публикуемые монеты найдены при работах археологической экспедиции ГИМ под руководством Н. В. Пятышевой [1], на участке у городских стен Херсонеса в южной части городища. Работы производились на протяжении 8 лет: 1958, 1960, 1962 [2], 1965—1969 [3] гг.

Исследования велись на участке, непосредственно примыкавшем к раскопам конца прошлого века. Н. В. Пятышева отмечает три основных объекта, изученных экспедицией: 1) крепостная стена, возведенная в III в. до н. э; 2) некрополь римского времени; 3) монументальное здание с огромным резервуаром, непосредственно примыкавшее к средневековой оборонительной стене. Основное внимание было уделено последнему объекту, который Н. В. Пятышева рассматривает в качестве терм и главного водохранилища города. В отличие от своих предшественников, датировавших данный комплекс V—VI вв [4], Н. В. Пятышева относит его к более позднему времени, выделяя два строительных периода: IX—X вв. и XI — начало XIII в.

Кроме указанных Н. В. Пятышева описывает и другие обнаруженные археологические объекты, относящиеся главным образом к заключительным периодам жизни города.

Всего за семь сезонов обнаружено 230 монет (некоторые из них даны на рисунке). 100 экз. не поддались определению [5]. С большой долей вероятности можно предположить, что подавляющее большинство этих не определенных монет принадлежат позднеримскому чекану — мелких тонких монет, особенно легко поддающихся разрушению.

Определенные монеты (все медные [6]) представляют эмиссии, относящиеся к периоду начиная со II в. до н. э. и до XI в. Если не принимать во внимание позднеримские монеты, то обнаружены только 22 античные монеты. Самые ранние среди них — херсонесская II в. до н. э. (№ 46) [7], неопределенный понтийский тетрахалк времени Митридата VI с изображением горгонейона и Ники (№215) и монета Агриппы — переименованной

[1] Автор пользуется случаем принести искреннюю признательность Н. В. Пятышевой за предоставление права публикации данного материала.

[2] Четыре монеты, найденные в 1962 г., пропали в реставрационной мастерской ГИМ и не учитываются в данной публикации.

[3] О работах 1958—1968 гг. см.: Н. В. Пятышева. Раскопки ГИМ в Херсонесе. Сб. «Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5—7 февраля 1969 г.». М., 1969, стр. 141 сл.

[4] Литература вопроса приведена в названной статье Н. В. Пятышевой.

[5] Эти монеты включены в общий список, так как без их учета представление о насыщенности монетными находками тех или иных участков городища не может быть объективным.

[6] Кроме одного экземпляра (№ 37) — свинцового, плохая сохранность которого не позволяет относить его с уверенностью к нумизматическим или сфрагистическим памятникам.

[7] Здесь и далее номера монет даны по общему Списку монет, приведенному в конце статьи.

в самом конце I в. до н. э. Фанагории (№ 8). Остальные относятся или к херсонесскому чекану I — начала III в., или являются привозными монетами. Среди последних — шесть боспорских монет трех последних царей и четыре, представляющие эмиссии II—III вв. несеверо-причерноморских центров, из которых только одна (№ 106) могла быть определена с достаточной точностью.

Основную массу публикуемых монет составляет позднеримский[8] — ранневизантийский чекан (83 экз.); хронологические рамки этой группы монет очерчены достаточно резко: время Феодосия I — Юстиниана I. Обычная в херсонесских находках медь Константина I и его ближайших преемников и современников в издаваемом материале представлена лишь тремя экземплярами (№ 19, 107, 163). По абсолютному числу экземпляров четко выделяются монеты Льва I (17 экз.). Среди них и монета сравнительно хорошей сохранности (№ 194), чеканенная от имени жены императора — Верины; эта монета представляет известную нумизматическую редкость.

Довольно многочисленная медь времени Анастасия — Юстиниана I состоит почти исключительно из монет мелких номиналов; фоллис обнаружен только один (№ 63), полуфоллисы отсутствуют вообще. Явное преобладание мелких номиналов монет этого времени, что прослеживается и по другим материалам из Херсонеса, свидетельствует о высокой степени развития в городе денежного обращения, в то же время этот факт является локальной особенностью местного монетного рынка[9]. Несомненно, данное обстоятельство следует принимать во внимание в связи с выпуском первых достоверных херсонских монет византийского периода — деканummиев Юстиниана I[10] (№ 122, 167, 180, 220). В обращении они служили преемниками более ранних деканummиев, главным образом монет Анастасия и Юстина I с надписью CONCORDI (№ 39, 65, 105, 172, 179, 195, 196, 207).

Переходя к более поздним византийским монетам — VII—VIII вв., отметим, что в Херсоне они всегда были сравнительно редки, факт, который безусловно следует связывать с бурными событиями этого времени и, в частности, чисто локальными: зависимостью города от хазар. В этой связи наличие девяти монет данного периода среди издаваемых не представляется незначительным числом экземпляров. Две из них, обе, к сожалению, фрагментированы, заслуживают специального упоминания. Монета № 60 — фоллис Тиберия III (695—705 гг.) принадлежит, пожалуй, к числу наиболее редких медных монет регулярного константинопольского чекана. Находка двух таких монет в Керчи[11] и публикуемый экземпляр, бесспорно, должны быть поставлены в прямую связь с бурными и трагическими событиями рубежа VII—VIII вв., связанными с именем Юстиниана II. Другая монета (№ 228) еще более интересна; монета, точнее ее фрагмент, не может быть определена, но на ней явственно сохранилась надчеканка — «бэта», которую мы понимаем как начало В[ОСПОРОС]. Можно с уверенностью сказать, что контрамарка наложена тем же пунсоном, что и на фоллисе Тиберия III из Керчи[12] — единственной до сих

---

[8] Ввиду отсутствия в библиотеках СССР поздних выпусков «The Roman Imperial Coinage» при определении монет автор вынужден был пользоваться устаревшим трудом H. Cohen'a и вполне заменяющим RIC — LRBC.

[9] Эта особенность обращения и известная изолированность местного денежного рынка от общеимперского привела, очевидно, к выпуску литых херсонских монет, номинал которых был явно меньшим, чем номиналы монет, чеканившихся на всех остальных дворах империи.

[10] Примечательно, при чеканке херсонских монет Маврикия и Ираклия исходной монетной единицей служил не 1 нуммий (как на других монетных дворах), а пентануммий.

[11] K. Golenko. Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Muarikios Tiberios. HBN 18/19, 1964/1965, стр. 5 сл.

[12] K. Golenko. Ук. соч., табл. I, *1*. Чтение знака именно в этой надчеканке не встретило возражение Ф. Грайрсона (Ph. Grierson. The Crimean Countermarks of Heraclius. NC, 1966, стр. 221, сл.).

Монеты из раскопок в Херсонесе

1 — № 84 (по списку монет, приложенному к статье); *2* — № 1; *3* — № 3; *4* — № 102; *5* — № 101; *6* — № 68; *7* — № 117; *8* — № 211; *9* — № 128; *10* — № 135; *11* — № 130; *12* — № 212; *13* — № 112; *14* — № 119; *15* — № 151; *16* — № 214; *17* — № 194; *18* — № 195; *19* — № 196; *20* — № 197; *21* — № 134; *22* — № 60; *23* — № 228; *24* — № 53; *25* — № 210

Список монет, найденных в Херсонесе

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература *	Вес **	Место находки
1	2	3	4	5
		1958		
		Участок Ia		
1	1	Херсонес, тетрассарий; около 185—200 гг.; Анохин, 189?	5,84	В горелом слое, у цоколя стены № 1
2	2	Херсонес?, семис?; 49—50 гг.?; Анохин, 22—23?	—	В горелом слое, между городской стеной и кладкой № 1
3	3	Херсонес; трессис; около 185—200 гг.; Анохин, 161?	—	В горелом слое, у городской стены
4	4	Херсонес, ассарий; 1-я четверть I в.; Анохин, 14?	—	В горелом слое, у кладки № 1
		Участок II		
5	5	Рим, Аркадий (395—408 гг.); тип неясен	—	Траншея I, у городской стены
6	6	Рим (Феодосий I, Аркадий, Гонорий); 393—395 гг.; тип LRBC, II, 2186 сл.	—	Траншея II, у городской стены
7	7	Херсон, Роман III (1028—34) или IV (1067—71); Орешников, 36?	—	Траншея II
		Участок Ia		
8	8	Агриппия (Фанагория), обол?; конец I в. до н. э.— начало I в. н. э. Зограф, XLV, 14	4,99	Слой под водопроводом
		Участок II		
9	9	Херсон, Роман III (1028—34) или IV (1067—71); Орешников, 35	3,28	Слой 3
10	10	Не определенная	—	Траншея I
11	11	Херсонес?, ассарий?; 2-я четверть I в. н. э.? Анохин, 16—17?	—	Слой некрополя у городской стены
		1960		
		Участок Iб		
12	9	Не определенная	—	—
		Участок Iг		
13	35	Не определенная	—	Из заклада стены № 1
14	36	Рим (мон. дв. Фессалоника или Константинополь); Феодосий II (425—450 гг.); LRBC. II, 1878 или 2231	—	Слой 1
15	255	Боспор; Фофорс, статер 594(297) г; Кк, 66—67	6,11	То же
		Участок Ia		
16—7	267—8	Не определенные	—	»
18	269	Рим (конец IV в.); тип не ясен	—	»
19	270	Рим; Констанций II? (346—361 гг.)	—	»
20—21	271—2	Не определенные	—	»
22—26	274—8	Не определенные	—	»
27	279	Рим (конец IV — начало V в.); тип не ясен	—	»
28—31	326—9	Не определенные	—	Слой 1, шт. 2, у стены № 1

* Список принятых здесь сокращений см. в конце статьи.
** Вес монет приводится только для экземпляров удовлетворительной сохранности.

Продолжение

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература	Вес	Место находки
1	2	3	4	5
32	330	Рим (Феодосий I, Аркадий, Гонорий); 393—395 гг. тип: LRBC II, 2192—4	0,99	Слой 1, шт. 2
33—34	331—2	Не определенные	—	То же
35	333	Рим, (мон. дв. Константинополь); Лев I, (452—474 гг.); LRBC II, 2257	—	»
36	334	Не определенная	—	»
37	335	Не монета?, свинец	—	Слой 2
38	336	Не определенная	—	Слой 1, шт. 2
		Участок Iб		
39	340	Византия (мон. дв. Никомедия) Анастасий; (498—518 гг.); деканummий, DOC I, 38; T., 64	1,49	На глубине плиты
40	340	Не определенная	—	То же
41—5	341	Не определенные	—	Слой некрополя
46	341	Херсонес; II в. до н. э.; тип: Зограф, XXXVI, 7—8	—	То же
47	341	Херсонес; тетрассарий; около 69—79 гг.; Анохин 50?	—	»
48	343	Не определенная, квазиавтономная, I—II вв.	—	?
49	355	Не определенная	—	Слой некрополя
		Участок Iд		
50	386	Не определенная	—	Слой 1, шт. 3, у стены № 6
51	388	Не определенная	—	Слой 1
52	389	Херсон; Василий I (867—886); Орешников, 18; T, табл. 72, 19	0,82	То же
53	464	Византия (мон. дв. Константинополь); Констант II и Ираклий, Константин IV и Тиберий; фоллис, 659/660 г., DOC II, 2, 82; T, 353—355.	2.46	Слой 1, у стены № 6
54	465	Рим (мон. дв. Никомедия, 1-я маст.) Феодосий I, (383—393 гг.); LRBC II, 2394, 2398, 2401	—	То же
55	466	Не определенная	—	Слой 1, шт. 4
56	467	Византия (мон. дв. Константинополь); Констант II; фоллис, 652—658 гг.; тип: DOC II, 2, 69—78; T, 157—185	—	Слой 1, шт. 9, шурф
57	468	Рим (конец IV — начало V в.); тип не ясен	—	Слой 1, шт. 11, шурф
58	469	Византия (мон. дв. Константинополь); Тиберий II или Фока; деканummий; тип: DOC I, 20; DOC II, 1. 39	1,91	Слой 1, шурф
59	470	Византия (Анастасий, Юстин I, Юстиниан I); пентанummий	—	Слой 1, шт. 13, шурф
60	471	Византия (мон. дв. Константинополь, 2-я маст.); Тиберий III; фоллис 698—701 гг.; DOC II, 2, 8b, 9b, 10	—	Слой 1, шт. 4, у стены № 6

Продолжение

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература	Вес	Место находки
1	2	3	4	5
61	472	Византия (мон. дв. Константинополь) Ираклий; фоллис 631—640 гг.; тип: DOC II, 1, 108—116; Т, 252—260.	—	Слой 1, шт. 5
62	473	Боспор, Радамсад; статер 615(318) г.; Кк, 238—240 (л. ст.)	6,41	Слой 1, шурф
63	474	Византия (мон. дв. Константинополь) Юстин I; фоллис 518—527 гг.	—	Слой 1, шт. 8, шурф
		Участок Iг		
64	650	Не определенная	—	В разрезе у пола
65	651	Византия (мон. дв. Константинополь); Анастасий?; деканummий 498—518 гг.? DOC I, 19a—b; Т., 61	1,64	При зачистке обреза между 1-м и 2-м полами
66	652	Рим? (конец IV в.?)	—	То же
67	653	Рим (Валентиниан II, Феодосий I, Аркадий, Магн Максим) 383—392 гг.; тип: LRBC II, 2164—82	—	Слой 1, шт. 2, в кладке под полом
68	655	Херсон; Василий I (867—886 гг.); Орешников, 20; Т., табл. 72, 15	2,83	Слой 1, шт. 2, в центре помещения
		Участок Iа		
69—70	658—9	Не определенные	—	Слой 1, шт. 2
71—80	661—70	Не определенные	—	То же
81	671	Рим (конец IV в.); тип не ясен	—	Слой 1, шт. 2, у стены
82	672	Не определенная	—	Слой 1, шт. 2, у канала
83	673	Не определенная	—	Слой 2, шт. 1
84	674	Херсонес, тетрассарий; около 185—200 гг.; Анохин, 190	4,88	Слой 1, шт. 3
85	675	Рим (конец IV — начало V в.?); тип не ясен	—	Слой 1, шт. 3
86	676	Не определенная	—	То же
87	677	Херсонес; тетрассарий; II—III вв.; разновидность не ясна	—	»
88—93	678—83	Не определенные	—	»
94	684	Рим (мон. дв. Константинополь, 1-я маст.); Феодосий I, (383—392 гг.) LRBC II, 2178	4,76	»
95—7	685	Не определенные	—	»
	687—8			
98	689	Рим (конец IV — начало V вв.); тип: об. ст.— венок	—	»
99	691	Не определенная	—	»
100	692	Рим (мон. дв. не ясен); Гонорий (408—423 гг.); тип: LRBC II, 2223	—	Слой 1, шт. 4
101	693	Херсонес; трессис; около 211—217 гг. Анохин, 229	3,74	То же
102	694	Херсонес; тетрассарий; около 211—217 гг.; Анохин, 209	5,96	»
103	695	Не определенная	—	В котловане вдоль городской стены
104	696	Не определенная	—	У пода канала гиппокауста
		Участок Iг		
105	808	Византия (мон. дв. Константинополь?); Анастасий; деканummий	—	При зачистке обреза

Продолжение

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература	Вес	Место находки
1	2	3	4	5
		Участки Iа—г		
106	—	Кий? (Вифиния); Гордиан III (238—244 гг.); Rec. 1, 2, pl. LII, 22—23?	—	
107	—	Рим; (мон. дв. не ясен) Лициний Ст. (308—324 гг.) Cohen, VII, № 37	—	Лежали стопкой в устье канала топки; между участками Iа и Iг
108	—	Боспор; Рискупорид VI; статер 623 (326) г.; Кк, 646—657 (л. ст.)	—	
109	—	Не определенная	—	
		1965		
		Участок Iд		
110	—	Рим (Феодосий II, Гонорий?); 408—423 гг.? тип: LRBC II, 2223?	—	У стены № 9а
		Участок Iж		
111	—	Рим (конец IV — начало V в.); тип не ясен	—	Между стенами № 9 и № 12
112	—	Херсон; Роман III (1028—34) или IV (1067—71); Орешников, 35	7,02	У стены № 9а
113—115	—	Не определенные	—	То же
116	—	Херсонес; тетрассарий; около 275—285 гг.; Анохин, 273	—	У стены № 12
		Участок Iз		
117	—	Херсон; Василий I (867—886 гг.); Орешников, 20, вар.	4,30	То же
		1966		
		Участок Iж		
118	—	Рим (мон. дв. не ясен); Аркадий (383—92 гг.); тип: LRBC, II, 2166	—	—
119	—	Рим (мон. дв. не ясен); Евдокия (400 г.); тип: LRBC, II, 2213	—	—
120—121	—	Рим (конец IV — начало V в.); типы не ясны	—	—
122	—	Херсон, Юстиниан I (527—565 гг.); деканummий; DOC I, 108, Орешников, 1—3	—	—
123	—	Херсон, Роман III (1028—34 гг.) или IV (1067—71 гг.); Орешников, 36	—	Мусорно-ракушечный слой
124	—	Не определенная	—	Мусорно-ракушечный слой
		Участок Iи		
125	—	Рим (мон. дв. Константинополь, 1-я маст.); Аркадий (395—408 гг.); LRBC II, 2203	—	—
126	—	Не определенная; провинциальный чекан; Каракалла	11,74	Под камнями верхнего слоя, у стены № 20
127	—	Херсон; Константин VII (944—945 гг.); Орешников, 47	—	То же
128	—	Херсон; Лев VI (886—890 гг.); Орешников, 26	3,02	—
129	—	Херсон; Роман I (924—944 гг.); Орешников, 51	2,81	У стены № 20
		Участок не указан		
130	—	Херсон, Константин VII (919—920 гг.); Орешников, 44—45	2,21	—

Продолжение

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература	Вес	Место находки
1	2	3	4	5
		1967		
		Участок Iг		
131	—	Рим (время преемников Константина I?); тип не ясен	—	Под сырцовым полом
132	—	Византия (мон. дв. Константинополь); Юстин I; пентануммий 518—527 гг.; DOC I, 20?	1,64	При зачистке подковообразного бутового сооружения
133	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC. II, 2254—57	—	На уровне сырцового пола
134	—	Не определенная	—	То же
135	—	Херсон; Константин VII и Зоя (913—919 гг.); Орешников, 43; НЭ, V, табл. I, 1	1,75	Из северо-западного борта
136—139	—	Не определенные	—	Помещение между стенами № 2 и № 6; при расчистке вымостки; у стены № 20; из канала топки
		Участок Iж		
140	—	Рим? (конец IV — начало V в.?); тип не ясен	—	Из юго-восточного борта
141	—	Не определенная	—	То же
142	—	Византия; Анастасий или Юстин I; пентануммий	—	—
143	—	Византия (мон. дв. не ясен); Юстиниан I; декануммий 557/8—563/4	—	—
		Участок Iи		
144	—	Херсон; Маврикий Тиберий, Константина и Феодосий (584—602 гг.); фоллис	—	В насыпи у стены № 22
145	—	Византия (мон. дв. Константинополь; 5-я маст.) Констант II; фоллис 651/2; г.; DOC II, 2, 69e; T., 161	—	То же
146	—	Не определенная	—	При зачистке камней со стен № 6, 6а
		1968		
		Участок Iг		
147	—	Боспор; Рискупорид VI; статер 621 (324 г.); Пк, 255?	—	В насыпи перешейка между раскопами
148	—	Рим (мон. дв. Фессалоника или Константинополь); Феодосий II (425—450 гг.); LRBC, II, 1878 или 2231	—	То же
149—150	—	Не определенные	—	В насыпи перешейка между раскопами
151	—	Рим (мон. дв. Константинополь) Лев I (457—471 гг.); LRBC II, 2254—2255; T., 27	3,83	Со стены № 25
152	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2254—2257, T., 27—29	—	В грунте при зачистке стены № 24

Продолжение

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература	Вес	Место находки
1	2	3	4	5
153	—	Не определенная	—	То же
154	—	Рим (мон. дв. не ясен); Феодосий I (383—392 гг.); тип: LRBC II, 2172, 2178	2,83	Над цемянковым полом у стены № 24
155	—	Рим (мон. дв. Константинополь), Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2255, T., 29	2,29	На цемянковом полу между стеной № 2 и бутовым «кольцом»
156	—	Боспор? Рискупорид VI?	—	В насыпи между стенами № 6, 20 и бутовым «кольцом»
157	—	Рим (мон. дв. не ясен), Валентиниан II (383—392 гг.); тип: LRBC II, 2171, 2175—77, 2182	2,84	То же
158	—	Византия (не определенный мон. дв.); Юстиниан I (538—565); пентануммий; DOC, I, 371; T., 514—515	1,60	»
159	—	Византия (не определенный мон. дв.); Юстиниан I (538—565 гг.); пентануммий; DOC, I, 371, T., 514—515	2,01	»
160—162	—	Не определенные	—	»
163	—	Рим (Константин I, Констант, Констанций II); 341—346? гг.	—	Между стеной № 20 и бутовым «кольцом»
164	—	Рим (Феодосий I, Аркадий, Гонорий); 393—408 гг.; тип: LRBC II, 2186—88, 2195, 2209	—	То же
165	—	Рим (конец IV — начало V в.); тип не ясен	—	»
166	—	Византия (мон. дв. Константинополь); Юстин I (518—527 гг.); деканумий; DOC, I, 17; T., 69	3,24	»
167	—	Херсон; Юстиниан I (527—565 гг.); деканумий; Орешников, 1	2,63	»
168	—	Не определенная	—	»
169	—	Рим (мон. дв. Антиохия?); Максимиан Геркул (286—305, 307—310 гг.); антониниан; Cohen, VI, № 51?	—	В насыпи между раскопом 1958 г. и бутовым «кольцом»
170—171	—	Не определенные	—	Между раскопом 1958 г. и бутовым «кольцом»
172	—	Византия (мон. дв. Константинополь); Анастасий (492—518 гг.) деканумий; DOC I, 19a, T., 61	1,51	В насыпи внутри бутового «кольца»
173	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2254, T., 27	—	То же
174—175	—	Не определенные	—	В насыпи сырцового пола
176	—	Не определенная; провинциальный чекан; Антонин Пий	—	У нижних рядов кладки «бутового кольца»
177	—	Не определенная	—	Над цемянковым полом внутри «бутового кольца»
178	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2257	2,36	То же
179	—	Византия (мон. дв. не ясен); Анастасий или Юстин I; деканумий	—	»

Продолжение

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература	Вес	Место находки
1	2	3	4	5
180	—	Херсон; Юстиниан I (527—565 гг.); деканумий; Орешников, 1—3, DOC I, 108	—	—
181	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев 1 (457—474 гг.); LRBC II, 2254—57, Т., 27—29	3,49	Под сырцовым полом внутри бутового «кольца»
182	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2255? Т., 29?	3,32	То же
183	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2254—57, Т., 27—29	—	»
184	—	Византия (не определенный мон. дв.); Юстиниан I (538—565 гг.); пентануммий; DOC I, 371, Т., 514—515	1,13	»
185—189	—	Не определенные	—	»
190	—	Рим (мон. дв. Константинополь?);	—	В яме в полу внутри бутового «кольца»
191	—	Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2254—57?, Т., 27—29	—	То же
192	—	Рим (мон. дв. Константинополь?); Лев I (457—474 гг.)? тип: LRBC II, 2254—57? Т., 27—29?	—	»
193	—	Рим (конец IV — начало V в.); тип не ясен	—	»
194	—	Рим (V в.); тип не ясен	2,99	У подошвы бутового «кольца»
195	—	Византия (мон. дв. не ясен); Анастасий (498—518 гг.); деканумий; DOC I, 19c—e.	1,59	То же
196	—	Византия (мон. дв. Никомедия); Анастасий (498—518 гг.); деканумий; DOC I, 38, вар., Т., 64	1,84	»
197	—	Византия (мон. дв. Константинополь); Анастасий (498—518 гг.); пентануммий; DOC I, 26, Т., 65	1,14	»
198	—	Рим? (IV—V вв.?)	—	»
199—203	—	Не определенные	—	»
204	—	Рим (Феодосий I, Аркадий, Гонорий); 393—395 гг.; тип: LRBC II, 2192—94	—	У подошвы бутового «кольца» внутри
205	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 3256?, Т., 29?	3,15	
206	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2257?	—	То же
207	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Анастасий или Юстин I; деканумий	—	»
208	—	Не определенная	—	»
		Участок Iж		
209	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2254—57	0,54	На уровне водостока

Продолжение

№ п/п	№ полевой описи или инв.	Определение, литература	Вес	Место находки
1	2	3	4	5
210	—	Византия (мон. дв. Константинополь; маст. не ясна) Констант II (666—668 гг.); DOC II, 2, 88—89	4,82	Между стенами № 9 и 12
211	—	Херсон; Василий I и Константин VII (869—879 гг.) (по Анохину — Василий II и Константин VIII); Орешников, 23	8,96	В насыпи бассейна
212	—	Херсон; Константин VII и Роман II (948—949 гг.); Орешников, 48	2,53	В северном углу раскопа
213	—	Рим (Феодосий I, Аркадий, Гонорий); 393—408 гг.; тип: LRBC II, 2186—88, 2195—2209	—	Случайная находка

1969

		Участок Iг		
214	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Лев I (457—474 гг.); LRBC II, 2257	3,39	Между камнями стены № 25
		Участок Iд		
215	—	Один из городов Понта или Пафлагонии; тетрахалк; 105—90 гг. до н. э.; тип: Rec I, 1, pl. VIII, 1—4	—	У стены № 6а
216	—	Рим (Аркадий, Гонорий, Феодосий II); 395—408 гг. тип: LRBC II, 2214—17	—	То же
217—218	—	Рим (конец IV — начало V в.); тип не ясен	—	»
219	—	Византия (мон. дв. Константинополь); Анастасий или Юстин I; пентануммий; тип: DOC I, 26, 19	—	»
220	—	Херсон; Юстиниан I (527—565 гг.); деканummий; Орешников, 3	—	»
221	—	Византия (VI—VII кв.); тип не ясен	—	»
222—223	—	Не определенные	—	»
224	—	Рим (конец IV — начало V в.); тип не ясен (три фигуры?, две фигуры и штандарт?)	—	Между стенами № 6а и 23
225	—	Не определенная	—	У стены № 8
226	—	Не определенная	—	С середины участка
		Участок Iе		
227	—	Рим (мон. дв. Константинополь); Феодосий I (383—92 гг.) LRBC II, 2147, 52, 65, 69	—	С южной части раскопа
228	—	Фрагмент монеты с надчеканкой «В» (конец VII — начало VIII в.?)	—	То же
229—230	—	Не определенные	—	У стены № 9
		Случайная находка на городище		
231	—	Херсон; Василий I (867—886 гг.); Орешников 20—21	—	—
232	—	Херсон, Роман III (1028—34) или IV (1067—71 гг.); Орешников 36	—	—

УКАЗАТЕЛЬ К СПИСКУ МОНЕТ

Херсонес — II в. до н. э. — 46
I в. — 2, 4, 11, 47
II в. — 1, 3, 84
II—III вв.— 87, 116
III в.— 101, 102
Греческие нехерсонесские монеты:
Боспор — Агриппия — 8
Фофорс — 15
Радамсад — 62
Рискупорид VI — 108, 147, 156
Один из городов Понта или Пафлагонии —215
Кий — 106
Не определенные, провинциальный чекан —48, 126, 176
Рим:
Максимиан Геркул — 169
Константин I или Констант, или Констанций II — 163
Лициний Ст.— 107
Констанций II — 19
Валентиниан II — 157
Валентиниан II или Феодосий I, или Аркадий — 67
Феодосий I — 54, 94, 154, 227
Феодосий I или Аркадий, или Гонорий — 6, 32, 164, 204, 213
Аркадий — 5,118, 125
Гонорий — 100
Аркадий или Гонорий, или Феодосий II — 216
Феодосий II или Гонорий — 110, 148
Феодосий II — 14
Евдокия — 119
Лев I — 35, 133, 151, 152, 155, 173, 178, 181 — 183, 190, 191, 205, 206, 209, 214
Верина — 194
Не определенные — конец IV в.— 18, 66, 81, 131 — конец IV — начало V в.— 27, 57, 85, 98, 111, 120, 121, 140, 165, 192, 198, 217, 218, 224 — V в.— 193
Византия:
Общеимперские эмиссии —
Анастасий — 39, 65, 105, 172, 195—197
Анастасий или Юстин I — 142, 179, 207, 219
Юстин I — 63, 132, 166
Анастасий или Юстин I, или Юстиниан I — 59
Юстиниан I — 143, 158, 159, 184
Тиберий II или Фока — 58
Тиберий III — 60
Ираклий — 61
Констант II — 53, 56, 145, 210
Не определенные — VII—VIII вв.— 221, 228
Херсонские эмиссии —
Юстиниан I — 122, 167, 180, 220.
Маврикий Тиберий — 144
Василий I — 52, 68, 117, 231
Василий I и Константин VII—211
Лев VI — 128
Константин VII — 127, 130
Роман I — 129
Константин VII и Зоя — 135
Константин VII и Роман II — 212
Роман III (или IV) — 7,9, 112, 123
Не определенные:
10, 12, 13, 16, 17, 20—26, 28—31, 33, 34, 36—38, 40—45, 49—51, 55, 64, 69—80, 82, 83, 86, 88—93, 95—97, 99, 103, 104, 109, 113—115, 124, 134, 136—139, 141, 146, 149, 150, 153, 160—162, 168, 170, 171, 174, 175, 177, 185—189, 199—203, 208, 222, 223, 225, 226, 229, 230.

Сокращения, принятые в списке монет

Анохин	— В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса в I—III вв н. э. Нумизматика и эпиграфика, IV (1963), стр. 3 сл.
Зограф	— А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА 16, 1951.
Кк	— К. В. Голенко, Н. И. Сокольский. Клад 1962 г. из Кеп, НЭ, VII (1968), стр. 72 сл.
Орешников	— А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. ТМНО— Труды Моск. Нумизматич. Об-ва III, 2, 1905, стр. 359 сл.
Пк	— К. В. Голенко. Второй Патрэйский клад монет, НЭ, I, 1960, стр. 223 сл.
Т	— И. И. Толстой. Византийские монеты. СПб., 1912—1914.
Cohen VI, VII	— H. Cohen. Description historique des monnaies frapées sous l'empire ramain, VI, VII (2-e éd.), Paris, 1886, 1888.
DOC I	— A. R. Bellinger. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Wittemore Collection, I, Anastasius I to Maurice, Washington, 1966.
DOC II, 1, 2	— Ph. Grierson. Catalogue..., II, 1—2, Phocas to Teodosius III, Washington, 1968.
LRBC	— R. A. G. Carson, P. V. Hill, Y. P. C. Kent. Late Roman Bronze Coinage, I—II, London, 1965.
Rec. I, 1, 2	— E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des mannaies grecques d'Asie Mineure. I, 1 (2-e éd.), Paris, 1925; 2, Paris, 1908.

пор известной нам монеты такого рода. Судя по диаметру нашего экземпляра, он мог принадлежать чекану Тиберия III или, во всяком случае, его времени, но не Маврикию Тиберию (582—602 гг.), медь которого могла бы послужить наиболее вероятным объектом надчеканивания. Заметим, наконец, что перед нами единственная находка в Херсонесе монеты с боспорской контрамаркой [13].

Говоря о более поздних монетах византийского времени, отметим сразу же, что все они принадлежат местным эмиссиям [14], монеты общеимперского чекана отсутствуют. Число этих литых монет невелико и обычно очень многочисленные в херсонесских находках монеты Василия I и Романа III (или IV) представлены в публикуемых материалах только единичными экземплярами. В то же время херсонесское литье включает в себя многие разновидности, среди которых обращает на себя внимание своей редкостью монета Константина VII и Зои [15] (№ 135).

К сожалению, те немногие наблюдения, которые сделаны нами, неизбежно носят случайный и отрывочный характер, поскольку издаваемые монеты представляют собой лишь весьма скромное дополнение к известным уже находкам на Херсонесском городище. Твердые выводы общего характера возможны только после критического осмысления того громадного нумизматического фонда, который иллюстрирует денежное обращение Херсонеса на протяжении более чем 1500 лет. В общем эта работа еще не начата, исключение представляет только статья А. М. Гилевич [16], которая содержит полную публикацию всех античных иногородних монет, найденных на городище Херсонеса. Между тем находки монет в Херсонесе изданы и начали публиковаться раньше, чем аналогичные материалы из других центров нашего Юга [17].

---

[13] Во всяком случае специальный просмотр собрания Херсонесского музея не привел к обнаружению монет такого рода.

[14] Хронология этих монет дана согласно новым атрибуциям: И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона; В. А. Анохин. Обзор монетного дела средневекового Херсона. НСф, 3, 1968, стр. 86 сл. и 99 сл.

[15] Согласно новой атрибуции этих монет, см.: И. В. Соколова. Херсонесские монеты X в. с портретами императоров, НЭ, V, 1965, стр. 116 сл.

[16] А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса, НСФ, 3, стр. 3 сл.

[17] Первая специальная публикация монет из раскопок Херсонеса, см.: А. В. Орешников. Обозрение монет, найденных в Херсонесе при раскопках в 1888 и 1889 гг. МАР, 7, СПб., 1892, стр. 35 сл. Полная библиография более поздних публикаций приведена в названной работе А. М. Гилевич. Краткая характеристика монетной коллекции Херсонесского музея, состоящая почти полностью из местных находок, см.: А. М. Гилевич. Нумизматическое собрание музея, СХМ, 1, 1960, стр. 55 сл.

K. V. Golénko

LES MONNAIES DÉCOUVERTES AU COURS DES FOUILLES DE CHERSONÈSE EN 1958—1969 ET CONSERVÉES AU MUSÉE HISTORIQUE D'ETAT

Résumé

L'article donne la publication des 130 monnaies des IIe siècle avant notre ère — XIe siècles de notre ère qu'on a réussies à déterminer. La partie essentielle des monnaies publiées remontent à l'époque de Théodose I et à celle de Justinien I; les plus nombreux sont les dékanoumions d'Anastase, Justin I et Justinien I battus à Constantinopole. Les monnaies postérieures ne sont représentées que par des exemplaires uniques dont le follis de Tibère III (N 60) et une monnaie byzantine non — déterminée comportant une contremarque en forme de β (N 228) sont exceptionnels par leur rareté.

Une telle collection de trouvalles n'est pas caractéristique, au total, pour Chersonèse du Moyen âge (actuellement Kherson). Cela ne s'explique que par des particularités locales des objets archéologiques qui ont été fouillés.

В. И. ФЕДОРОВ, Н. С. ШЕЛЯПИНА

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

(По материалам архитектурно-археологических исследований)

Благовещенский собор Московского Кремля уже давно привлекает внимание исследователей. Особенно усилился интерес к нему в течение двух последних десятилетий, что связано с большими реставрационными работами, проведенными в Кремле в это время.

На основании всестороннего изучения этого памятника Н. Виноградовым был разработан проект его реконструкции [1]. Н. Виноградов вновь обратил внимание на подклет собора, который рассматривался еще В. Сусловым, М. Красовским, Ф. Горностаевым [2]. Ф. Горностаев считал, что белокаменный подклет построенного в 80-х годах XV в. собора сохранился от предшествующего ему сооружения конца XIV — начала XV в. Это предположение, получившее широкое освещение в литературе, основывалось не на натурном изучении памятника, а на исследовании летописных свидетельств. Из материалов летописей исходил и Н. Виноградов, вступивший в полемику с Ф. Горностаевым. Н. Виноградов придерживался той точки зрения, что старый собор был разобран полностью в 1484 г. [3]

В 1947—1948 гг. в Благовещенском соборе проводились ремонтно-профилактические работы. Памятник исследовали архитекторы Л. А. Петров и А. И. Хамцов. К сожалению, они не опубликовали материалы этих интересных работ в должном объеме [4]. Л. А. Петров счел несостоятельной гипотезу Н. Виноградова об уничтожении древнего подклета в 1484 г. [5], однако развернутой аргументации этого положения приведено не было.

Первое обстоятельное исследование древнейшей части Благовещенского собора принадлежит Н. Н. Воронину [6], рассмотревшему его в ряду памятников раннемосковского зодчества. Анализируя разноречивые сведения летописей, он останавливается на датировке подклета 90-ми годами XIV в. Автор детально охарактеризовал памятник, считая, что строительный материал и техника кладки позволяют относить его к концу XIV в.

---

[1] Н. Виноградов. Новые материалы по архитектуре древней Москвы. Благовещенский собор в Кремле. Сообщения Института истории искусств АН СССР, М.—Л., 1951.

[2] В. Суслов. Благовещенский собор в Московском Кремле. Памятники древнерусского зодчества. 1—3, СПб., 1908—1910; М. Красовский. Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911, стр. 21; Ф. Горностаев. Очерк древнего зодчества Москвы. Путеводитель по Москве для членов V съезда зодчих. М., 1913, стр. XVII.

[3] Н. Виноградов. Ук. соч., стр. 70.

[4] Л. Петров. Реставрационные работы в Московском Кремле. «Архитектура и строительство Москвы». 10, 1955.

[5] Там же, стр. 24 сл.

[6] Н. Н. Воронин. Два памятника архитектуры XIV в. в Московском Кремле. Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960.

Первоначальная постройка рисуется им как одностолпная квадратная палата с единственной широкой апсидой. При строительстве собора 1484—1489 гг. под четыре его столба подвели в углах подклета пилоны. Тогда же подклет был уширен [7]. «Церковь Благовещения при московском великокняжеском дворе была маленькой одноапсидной домовой капеллой с одностолпным подклетом — казной» [8]. Н. Н. Воронин отмечает необычность этой постройки, несвязанность ее с владимирской традицией и в то же время говорит о существовании в Средней Руси современных, близких по композиции плана Благовещенскому собору церквей (Николы в селе Каменском, Николы в Старице) [9]. Таким образом, Н. Н. Воронин отмечает два периода в строительной истории Благовещенского собора — 90-е годы XIV в и 80-е годы XV в.

На анализе письменных источников строится и концепция Г. И. Вздорнова [10]. Г. И. Вздорнов предположил, что белокаменный подклет принадлежал не собственно собору, а приделу Василия Кесарийского. Сооружение его автор датирует 1416 г., к которому в Софийской второй и Львовской летописях относится упоминание о сооружении каменной церкви Благовещения [11]. Таким образом, Г. И. Вздорнов «омолодил» подклет на два десятилетия и превратил его из подклета собора в подклет придела. Автор в то же время принимает во внимание летописное свидетельство о постройке 1416 г., которое Н. Н. Воронин считает едва ли не ошибочным [12].

По мнению В. А. Кучкина, основанному на тщательном анализе летописей, в 1416 г. произошло завершение перестройки собора, начатой после 1405 г. Таким образом, определенно вырисовывается третий период в истории строительства церкви Благовещения — второе десятилетие XV в.

Архитектурно-археологические исследования в Благовещенском соборе были начаты в октябре 1966 г. и проводились в связи с реконструкцией камеры кондиционирования воздуха и строительством проходного канала от Архангельского собора к Благовещенскому [13].

Раскопки вдоль северного фасада собора вскрыли нетронутый горизонт культурного слоя.

Статистическая обработка керамики из шурфа 1 дала следующие результаты [14]: глубина 0,60—0,80 *м*; поздний курганный тип 10; керамика серая (тип 8); переходный тип от серой к красной (тип 6—8). Горизонт датируется XIV в. Глубина 0,80—1,10 *м*, материал однородный, преобладает красная керамика, близкая к типу 6. Ранние образцы не моложе середины XIV в. Горизонт может быть датирован рубежом XIII—XIV вв.

В шурфе 2 у северной стены галереи под слоями насыпи был вскрыт нетронутый горизонт культурного слоя толщиной около 70 *см*. Напластование датируется находками семи обломков стеклянных браслетов [15]. Анализ керамики дал следующие результаты: глубина 1,10—1,40 *м*; красной горнового обжига нет, резко преобладает курганная (тип 10); имеется керамика переходного типа от серой к красной (тип 6—8); встре-

---

[7] Н. Н. Воронин. Два памятника архитектуры XIV в..., стр. 29.

[8] Там же, стр. 31.

[9] Там же.

[10] Г. И. Вздорнов. Благовещенский собор, или придел Василия Кесарийского. СА, 1966, 1.

[11] ПСРЛ, VI, стр. 140; XX, стр. 231.

[12] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 25.

[13] Архитектурно-археологические наблюдения и обмеры производились главным архитектором музеев Кремля В. И. Федоровым, архитектором О. Д. Кузнецовой, археологами Н. С. Шеляпиной и Е. В. Антоновой, графические материалы выполнены О. Д. Кузнецовой, фотофиксация Л. А. Сальникова. За условную отметку ±0 взята отметка существующего пола первого (цокольного) этажа.

[14] Керамический материал определен М. Г. Рабиновичем. Типы керамики см. М. Г. Рабинович. Культурный слой центральных районов Москвы. МИА, 167, 1971, стр. 15—24.

[15] Археологическое наблюдение проводилось археологом Д. А. Беленькой, консультировал работы М. Г. Рабинович.

чается серая (тип. 8). Глубина 1,40—1,70 *м*; резко преобладает курганная типа 10, встречается серая. Горизонт датируется XII—XIII вв.

Наблюдения за земляными работами, проводившиеся археологом С. С. Закатовым на Соборной площади летом 1913 г., предположительно у восточного фасада Грановитой палаты, также свидетельствовали о ненарушенности культурного слоя на этом участке работ и исключали предположения о находившемся севернее современного здания собора фундаментном котловане. Как сообщает С. С. Закатов, «На расстоянии 8 сажен от Красного крыльца, на глубине 3 арш. 4 верш. был открыт сруб из дубовых брусьев; и на расстоянии от него 2 саж. 2 арш. на севере на той же глубине открыта труба из дубовых брусьев старого водостока».

В октябре 1968 г. на расстоянии 1,60 *м* от северной стены Благовещенского собора параллельно ей была проложена траншея шириной 1,5 и глубиной 1,53 *м*. Разрез слоев выявил интересную стратиграфию: обнаружен домонгольский культурный слой — супесчаный, бурый, неоднородный с посторонними включениями. Прослежено два зольно-углистых слоя; прослойка, залегающая на глубине 36 *см* от современной поверхности мостовой, насыщена скоплениями горелых зерен. Под слоем, оставшимся после пожара, найден фрагмент стеклянного ложновитого браслета и несколько обломков курганной керамики XII—XIII вв. (тип 10). Таким образом, стратиграфические наблюдения у северного фасада собора доказывают бесспорность концепции Н. Н. Воронина о габаритах древнего собора. Стратиграфия показывает отсутствие на этой территории какого-либо каменного строительства.

Не менее важные сведения были получены в результате исследований, проведенных у западного фасада собора (рис. 1 и 2). Обнаруженные здесь кладки относятся к разновременным строительным периодам. Массив (кладка 1), вскрытый в южной части шурфа 4, сохранил нижний ряд кладки из крупного белокаменного бута с булыжником на желто-сером известковом связующем. Западный обрез кладки нарушен строительством какого-то позднейшего периода. Подошва его лежит на отметке 1,40—1,45 *м* на материковой гравелистой супеси. Отметка сохранившегося верха кладки 1,12 *м*. Слой ее разрушения не прослежен. Участок той же кладки в шурфе 5, 6, 8 перекрывал слой пожара мощностью 7—8 *см*. Очевидно, массив булыжного бута представляет собой остатки первоначального строительства на этой территории.

Кладка 4 (рис. 2 и 3) не связана с фундаментом западной стены собора и сложена из белокаменных блоков, среди которых обнаружены обработанные, вторичного использования с остатками фресок, по всей вероятности от стенописей 1405 г. Грунт под фундаментом уплотнен сваями, забитыми с интервалами 10, 15, 18 *см*. Длина свай 57—68 *см*, сечение 6×6, 5×4, 4×4 *см*. В подошве кладки 4 сохранилась линза культурного слоя мощностью от 16 до 42 *см*. Четко читается пожарный слой мощностью около 20 *см*. Прослойки датируются на основании находок красной керамики (тип 6) концом XIV—XV вв. Здесь же найдено несколько черепков красной лощеной посуды XV в (тип 7). Встречались обломки курганной керамики (тип 10), сделанной из светлой глины.

Таким образом, в результате проведенных работ вдоль западной стены собора в помещении галереи удалось зафиксировать основание фундамента стены, лежащей на материке. По условиям залегания, технике кладки и материалу ее можно отнести к первоначальному этапу каменного строительства на этой территории [16].

[16] В раскопках под Успенским собором Московского Кремля были обнаружены фрагменты фундаментной кладки собора, построенного в конце XIII в. в аналогичной технике и из того же строительного материала. См. статью Н. С. Шеляпиной. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля. СА, 1972, 1, стр. 200—214; Н. С. Шеляпина, В. И. Федоров. Археологические наблюдения в Успенском соборе Московского Кремля. АО, 1967, М., 1969, стр. 81—83.

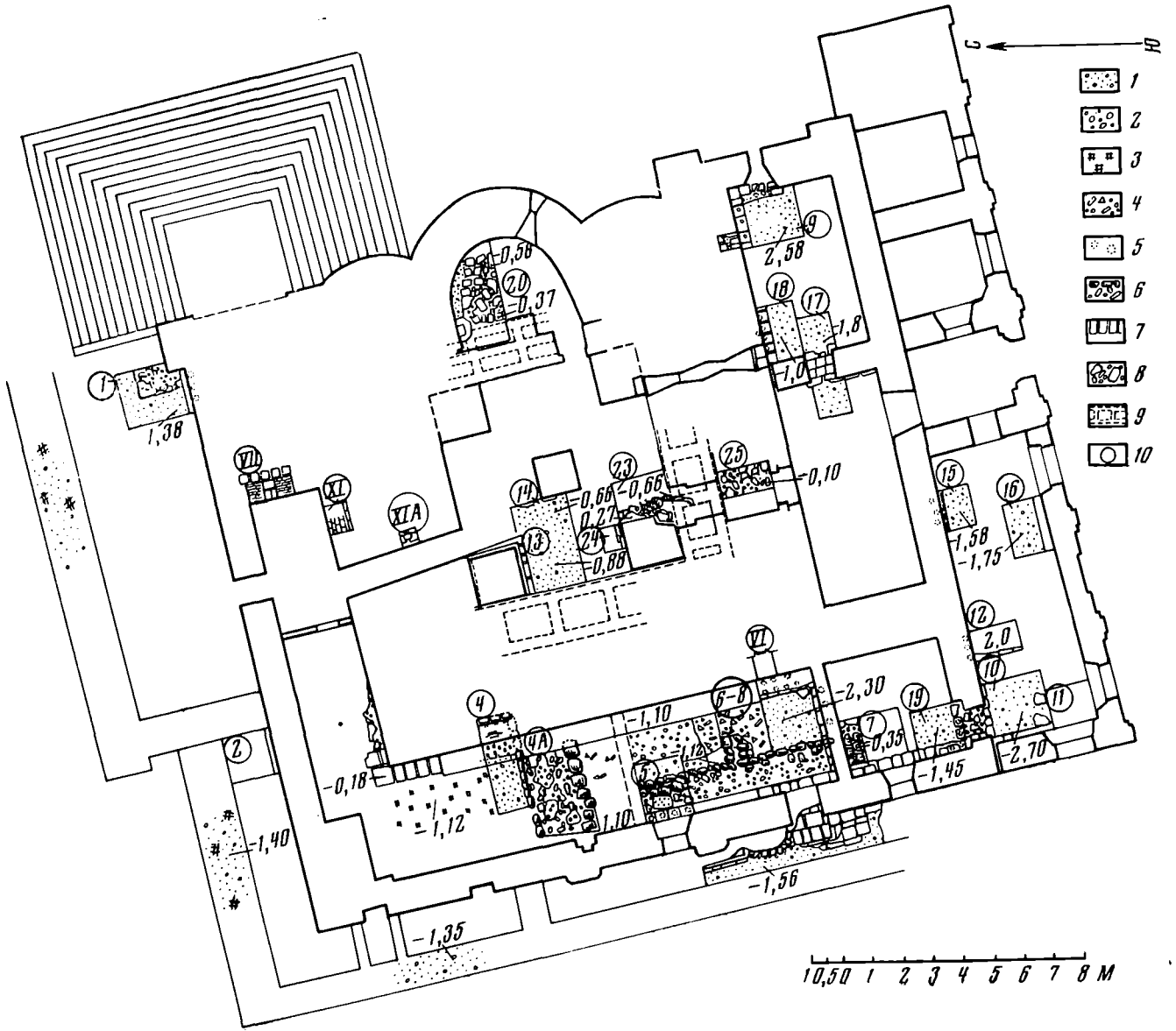


Рис. 1. Подклет Благовещенского собора. Архитектурно-археологические наблюдения 1966—1971 гг. План:

1 — материк; *2* — известковый раствор; *3* — уголь; *4* — строительный мусор; *5* — остатки свай; *6* — кладка 1 (голыш, белокаменный бут, известь); *7* — уширения фундаментов стен; *8* — кладка 3 (белокаменные сколы, голыш, фрагменты фрески, известь); *9* — основание фундамента на лежнях; *10* — номера шурфов и зондажей

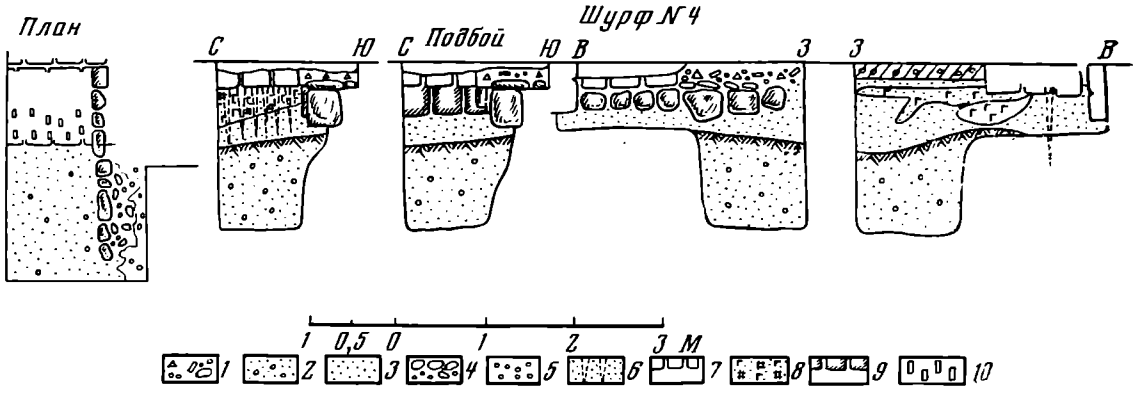


Рис. 2. Шурф 4. План и профили бортов:

1 — строительный мусор; *2* — материк; *3* — предматерик; *4* — кладка 1 (белокаменный бут, голыш, известковый раствор); *5* — известковый раствор; *6* — остатки свай; *7* — кладка 4 (обработанные белокаменные блоки); *8* — гумус; *9* — кладка 3

Судя по обнаруженным в кладке четырем белокаменным блокам с фреской, можно предполагать, что это фрагменты кладки от ранее существовавших храмов [17].

В северо-западном углу подклета собора (рис. 1 и 4) были заложены шурфы 13—14 с целью исследования фундамента западной стены помещения [18] и центрального столба. Как выяснилось, в основании стены находились деревянные лежни размером около 35 × 23—25 *см*. Продольные и поперечные брусья были положены в перпендикулярном направлении друг к другу на слой известковой подготовки толщиной 6—8 *см*. Пространство между ними забутовано булыжником, известковым раствором серого цвета с крупными включениями сколов белого камня и угольков. Лежни полностью сгнили, в результате чего образовались пустоты. Облицовочный ряд белокаменных блоков западной стены, ранее опиравшийся на брус, лежавший вдоль ее обреза, в настоящее время фундамента не имеет.

Южный борт шурфа 13—14 выявил четкую стратиграфию: прослежен строительный слой белокаменной крошки и отесов известняка. По уровню залегания его нужно связывать со временем возведения стен подклета. Остатков строительства предшествующего периода обнаружено не было, так как участки древних кладок фиксируются южнее и западнее. Слой времени возведения существующих стен подклета перекрывала прослойка пожара. В материке — желтой супеси с гравием — прослеживались западины культурного слоя. Керамика в них преимущественно курганного типа XII—XIII вв. (тип 10). Интересна стенка сосуда с двузонным фрагментом.

Как справедливо отмечал Н. Н. Воронин, пилоны в углах подклета подведены позднее. Однако вряд ли эти переделки можно связывать со строительством 1484—1489 гг. Естественнее предположить, что на угловые пилоны подклета, возведенные в 1416 г., были поставлены столбы собора 80-х годов XV в., для чего частично разобрали свод, как явствует из архитектурно-археологических наблюдений в подпольном пространстве основного яруса собора. На основании данных шурфа 14, заложенного около центрального столба подклета, установлено, что кладка в нижней части столба идентична неглубоко заложенному фундаменту двух западных пристенных столбов.

---

[17] В настоящее время мы не располагаем археологическими данными о великокняжеском дворце, впервые упомянутом в Троицкой летописи в начале XIV в. Можно лишь предполагать, что древнейшее здание дворца было деревянным. Очевидно, оно было связано с собором переходами.

[18] Вертикальные привязки производились к уровню современного пола подклета.

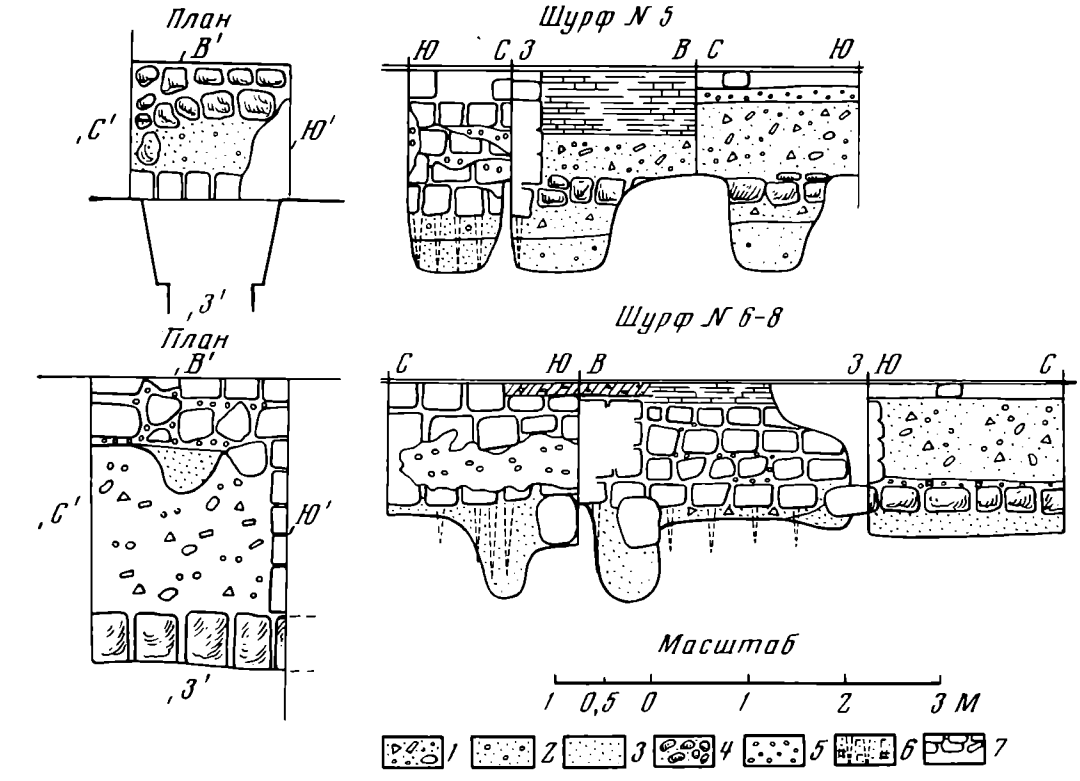


Рис. 3. Шурфы 5, 6, 8. План и профили бортов:

1 — строительный мусор; *2* — материк; *3* — предматерик; *4* — кладка 1 (белокаменный бут, голыш, известковый раствор); *5* — известковый раствор; *6* — остатки свай; *7* — уширения фундамента стен

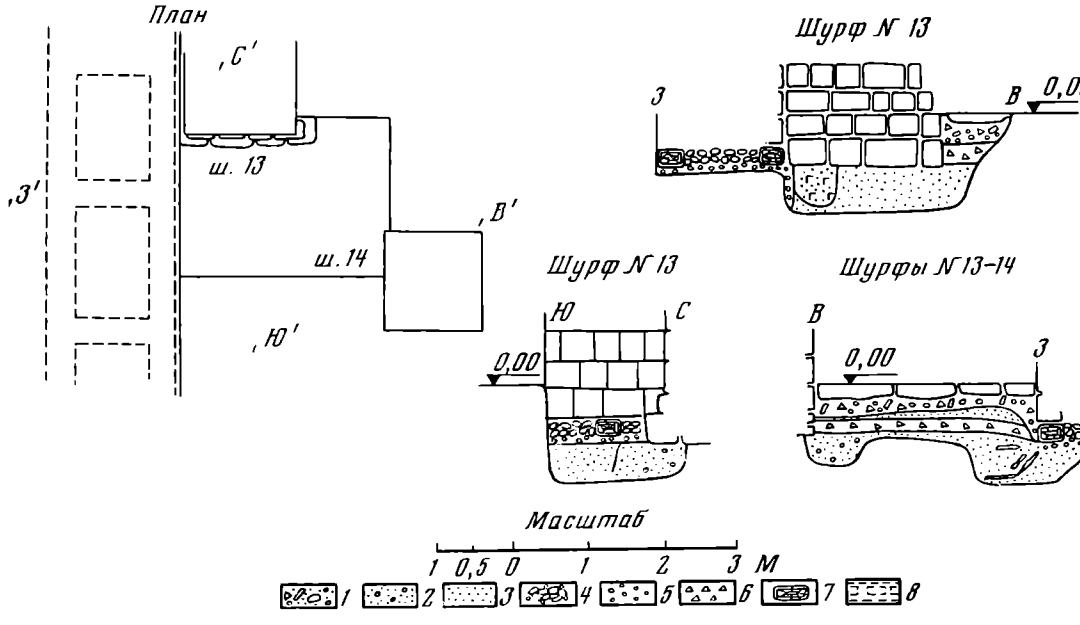


Рис. 4. Шурф 13. План и профили бортов:

1 — строительный мусор; *2* — материк; *3* — предматерик; *4* — заполнение между лежнями из голыша и извести; *5* — известковый раствор; *6* — белокаменные сколы; *7* — сгнившие лежни; *8* — расположение лежней под западной стеной подклета

В ненарушенном участке стратиграфии предматериковый слой, насыщенный курганной керамикой (тип 10) был обнаружен в шурфе 17. Под дверным проемом в западной стене помещения находился завал из белокаменных блоков (позднейшая засыпка). Среди обломов профилированная деталь карниза с листьями аканфа и сухариками. Здесь же найдено два фрагмента поливных керамических плит наборного мозаичного пола. Толщина их 3,2—2,3 *см*. На нижних гранях следы формовки на доске. Тесто плиток хорошо промешено и обожжено. Грунт, в котором найдены плитки, гумированный, перемешанный со строительным мусором. Среди архитектурных обломков преобладают блоки с врубкой «в зуб», тесаный полувал, капитель, фрагмент фриза с пальметками.

Рис. 5. Проем окна южного фасада собора 1416 г.

В фасадной части южной стены собора был вскрыт заложенный кирпичом проем окна (рис. 5) и сделан зондаж под ним в кирпичной кладке конца XV в. В ходе исследования обнажилась частично сохранившаяся лицевая поверхность кладки фасада собора 1416 г. из гладко тесаных блоков белого камня. Размер блоков 40 × 31, 33,5 × 32, 33 × ×35 *см*. Обнаружены восточная и западная грань лопатки, горизонтальная полочка выступа цоколя (рис. 6). Проем окна прорезал плоскость лопатки. Обращает на себя внимание не совсем обычный план амбразуры окна в виде длинной узкой щели. Эта особенность объясняется позднейшими прикладками к фасадам здания (1416, 1489 гг.). Кирпичная кладка конца XV в. лежит на белокаменном бутовом фундаменте, имеющем уширение, равное 32 *см* (см. рис. 1). В подошве сохранились остатки сгнивших свай, крайний ряд которых отстоит от обреза фундамента на 23 *см*. Сваи перемежаются через интервалы 0,35—0,40 *м* и расположены в шахматном порядке.

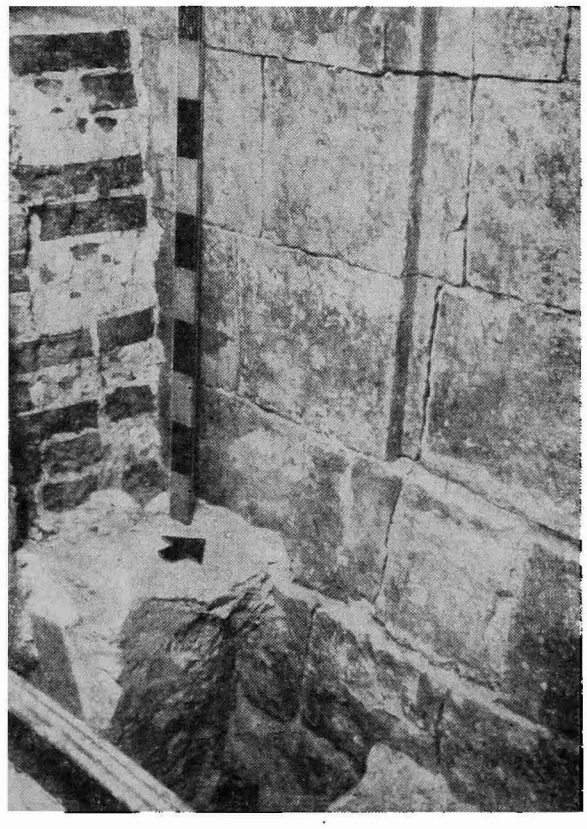


Рис. 6. Цоколь южного фасада собора 1416 г. и лопатка

В связи с необходимостью исследования грунтов и состояния фундаментов в алтарной части памятника был заложен шурф 20 в подпольном его пространстве. Под существующим полом из песчаниковых плит и подготовкой под него на участке к северу от пристенного столба обнаружен участок древнего белокаменного пола, положенного насухо[19], а также подготовка из белокаменных сколов и слой известковой подготовки 4—6 *см*. В центральной части шурфа, в забутовке из рваного белого камня, найдено несколько тесаных белокаменных деталей, среди них деталь карниза с сухариками со следами покраски суриком. По всей вероятности, в конце XV в. алтарная часть была переложена и в забутовку попали блоки от старых построек. Среди бутового камня кирпич-половняк, его размеры 30 × 14 × 7 *см*. Как выяснилось, пристенный столб является остатком первоначальной восточной стены четверика, судя по конструкции фундамента, четко читающегося к северу от столба. (Лежни, чередующиеся с массивами забутовки — рис. 1). Обрез западной стены апсиды реконструируется по остаткам деревянного бруса, положенного вдоль ее основания.

В дальнейшем исследования проводились у юго-западного пристенного углового столба подклета с целью выяснения времени и характера несущих конструкций кладки в этой части помещения. Шурфовка показала, что под современным полом из песчаниковых плит (реставрация Л. А. Петрова) на сложном растворе (известь с цементом) лежит слой строительного мусора. У обреза столба виден край фундаментного котлована. На материке — плотной гравелистой супеси желтоватого цвета — залегает слой загрязненной извести, идущий под основание лежней фундамента южной стены подклета (кладка № 2). Его перекрывает мощный строительный слой белокаменной крошки и отщепов времени возведения стен. Итак, северный борт шурфа 23 дает картину двух строительных периодов: древнейшего, остатки которого лежат на материке, и последующего, относящегося ко времени возведения стен в 80-х годах XIV в. Четко читается тонкий слой пожара, перекрывающий отходы белокаменного строительства, выше идет засыпка подпольного пространства. Вещевого датирующего материала нет, исключая один черепок позднего сосуда типа 1 с поливой зеленого цвета (XVIII в.) и один обломок поливной керамической плиты тоже зеленого цвета, в засыпке подпольного пространства (слой, связанный с реставрационными работами 1947—1948 гг).

В основании фундамента под юго-западным столбом лежит массив белокаменной кладки 1 со включением валунов на желто-сером связующем растворе. Кладка положена на материковый грунт. Остатки этой кладки уходят под фундаментные лежни южной стены, что говорит об их разновременности (рис. 1 и 7). На отметке 20 *см*, основание кладки перекрыто слоем ее разрушения. (Прослойка из комьев известкового раствора желто-серого цвета, насыщенная обломками штукатурки с остатками фресковой живописи.)

Исследование установило, что южный проход в подклет образуют массивы трех разновременных кладок (шурфы 25, 18). В подошве южной

---

[19] Сохранилось интересное свидетельство о древней каменной вымостке в подклете, обнаруженной при раскопках Н. С. Щербатова: «...в нижнем этаже Благовещенского собора, находящемся на 1 арш. ниже площади, вскрыт пол под самою серединою собора, на пространстве 2 квадр. арш., и под полом оказалась пустота, засыпанная мусором, а на 1/2 арш. ниже — другой каменный пол, под ним оказался также мусор, среди которого найдено много битой посуды стеклянной цветной и глиняной, покрытой разноцветной глазурью; посуда, по-видимому, восточного происхождения и, кроме того, на стеклянной заметны следы восточного письма». Среди находок в подпольном пространстве резная горельефная пластинка из слоновой кости с изображением двух монахов, по-видимому итальянской работы. Ориентировочно вещь датируется XV в.

Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля и раскопки в Кремле». АИЗ, М., 1894, 1—12, стр. 213.

стены подклета имеются деревянные лежни, а приложенная с юга кладка возведена на неглубоко опущенном бутовом фундаменте. В строительстве использованы монолиты от разрушения фундаментов каких-то древних построек. В забутовке основания восточной стены прохода на глубине 0,70—0,80 *м* от пола найдено три обломка керамических поливных плит, по-видимому от архитектурного декора памятника 90-х годов XIV в. Их форма и размеры не восстанавливаются. Цвет поливы — светло- и темно-зеленый (рис. 8). Керамическое тесто светлое, с тыльной стороны имеется углубление.

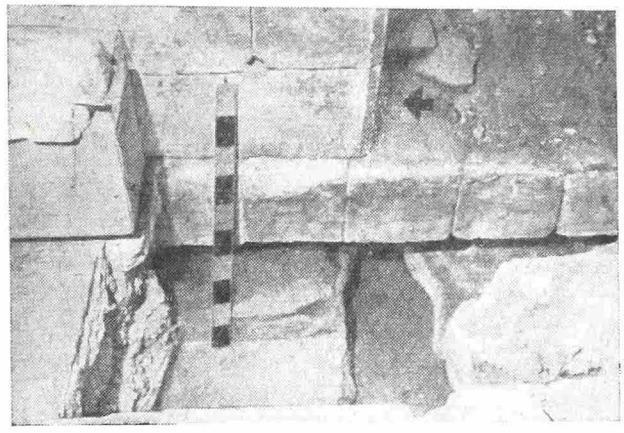


Рис. 7. Шурф 23. Фундаментное основание южной стены подклета и юго-западного пристенного столба

Составить некоторое представление о декоративном оформлении храма конца XIV в. можно по находкам белокаменных деталей с художественной обработкой. Множество белокаменных резных архитектурных обломов найдено в ходе земляных работ последних месяцев, связанных с реконструкцией отопительной системы в Благовещенском соборе. Среди них блок (деталь № 5) размером 40 × 34 × 19 *см* с высоким округлым рельефом в виде пальмет и ремневидных жгутов, выполненный в энергичной манере Владимиро-Суздальской школы рукой опытного мастера (рис. 9). Фрагмент аналогичен детали декоративного пояса Никольского собора в Можайске XIV — начале XV в.[20] Чрезвычайно интересны находки белокаменных обломов с обработкой в забутовке алтарного пространства подклета ниже уровня пола храма 90-х годов XIV в.— это косвенное подтверждение летописных свидетельств о каком-то строительном периоде, предшествующем возведению храма в конце XIV в.

Проведенные за последние годы исследования памятника в натуре дали большой фактический материал, в свете которого древняя строительная история Благовещенского собора получает новую интерпретацию. Хорошо документируются три хронологически последовательных периода в реконструкции здания, продиктованные необходимостью увеличить его размеры. Прослежены особенности строительной техники и материала. Наибольший интерес представляло изучение конструкций оснований стен и фундаментов храма. Лишь сопоставляя полученные материалы с данными письменных источников, можно дать предположительную графическую реконструкцию плана памятника, охарактеризовать особенности его архитектурного решения и взаимосвязь кладок различных периодов. Очевидна вся сложность этой задачи в связи с невозможностью провести в должных объемах полевые исследования. К тому же культурный слой на этой площади многократно перекапывался и сохранил лишь частично следы древнего строительства. Несмотря на это, на данной стадии исследования можно сделать некоторые заключения.

Первый строительный период на исследуемой площади относится к концу XIII — началу XIV в.[21] От первоначальной постройки фрагментар-

---

[20] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-восточной руси XIII—XV вв. II, М., 1962, стр. 271.

[21] По преданию, первый деревянный храм Благовещения был построен в 1291 г. князем Андреем Александровичем. С. П. Бартенев. Большой Кремлевский дворец. М., 1911, стр. 54.

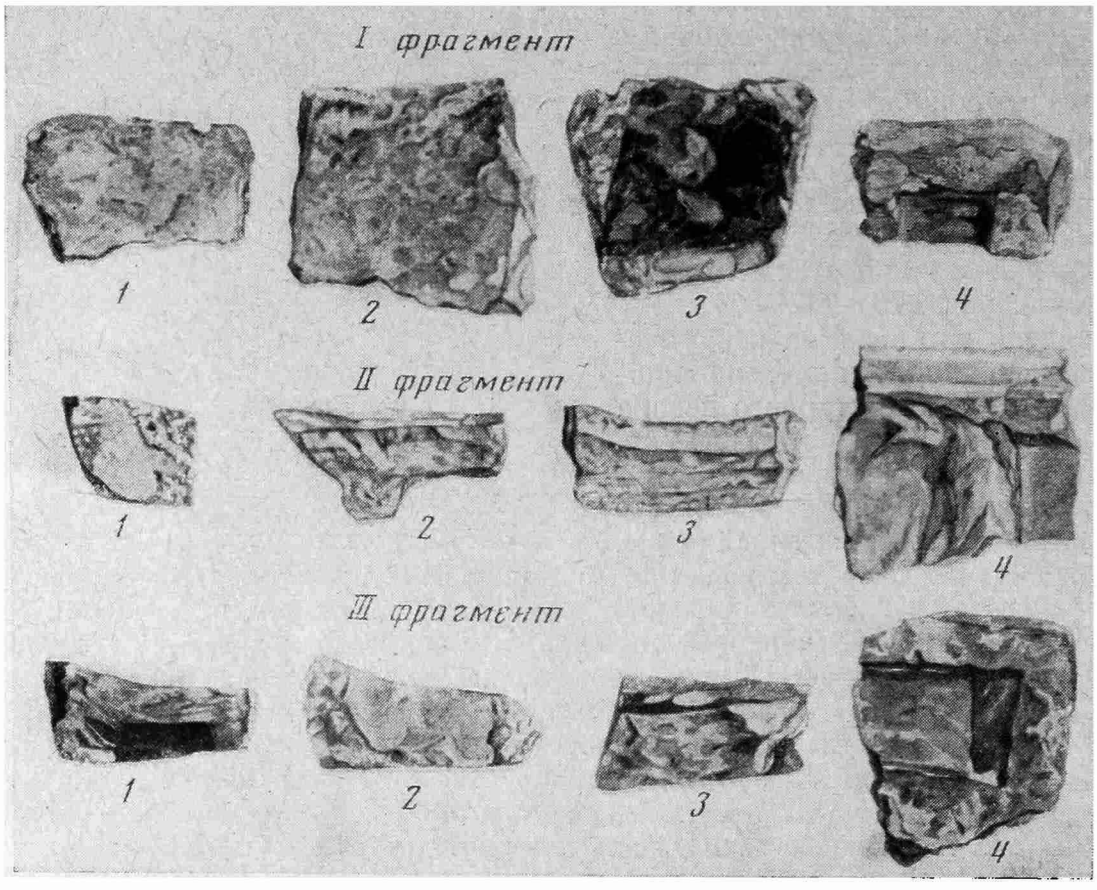


Рис. 8. Керамические поливные плитки из шурфа 25. I, II, III фрагменты:

1 — лицевая поверхность; *2* — поперечный разрез; *3* — боковой вид; *4* — тыльная сторона

но сохранился нижний ряд кладки из булыжного и белокаменного бута. Массив обнаружен у западной стены собора конца XV в. Аналогичная по технике исполнения, строительному материалу и связующему раствору кладка прослежена под юго-западным пристенным столбом подклета. Зафиксирован слой разрушения памятника с обломками штукатурки с фреской. Габариты здания и композицию плана восстановить не удается. Возможно, памятник был каменно-деревянным. Храм должен был располагаться западнее и юго-западнее существующего здания собора.

К строительному периоду конца XIV в., по-видимому, относятся нижние части стен четверика подклета и их фундаменты, представляющие собой крепления из деревянных лежней с забутовкой между ними. О широком применении дерева в древнейших постройках (первый и второй строительные периоды) говорит наличие сгнившей древесины в строительных слоях, многочисленные углистые прослойки, в которых неоднократно отмечалось обгоревшее дерево, и использование древесины в фундаментных конструкциях здания. Слой разрушения не прослеживался, что свидетельствует о частичной разборке здания. Переводины и покрытия полов, кровель, крыльца и паперти могли быть деревянными. Это и делало первые храмы Москвы столь частой жертвой пожаров, от которых, как известно по летописям, постоянно страдала московская жилая застройка.

В период 90-х годов XIV в. подклет собора представлял собой бесстолпную одноапсидную палату, возможно с четырьмя небольшими пристенными столбами. Столб у простенка севернее входа в алтарь является остатком кладки восточной стены четверика.

Рис. 9. Белокаменная резная деталь, найденная под южной галереей собора

Размеры внутреннего пространства подклета с запада на восток 7,05 *м*, с севера на юг 6,95 *м*, т. е. длина четверика почти не превышает его ширину. Толщина стен равнялась примерно 1,68—1,72 *м*.

Симптоматична связь архитектурного решения плана храма с другими памятниками раннемосковской школы зодчества типа церкви Николы в с. Каменском, Богоявленского собора Старо-Голутвина монастыря, церкви Иоанна Предтечи на Городище.

К началу XV в. по всей вероятности, следует относить: перекладки сохранившихся в настоящий период пристенных угловых столбов, сводов подклета, центральный столб и южный фасад собора, скрытый кирпичной прикладкой 1484—1489 гг. (см. материалы шурфа 18). Очевидно, эти строительные работы по созданию храма бóльших размеров и дали основание для известного свидетельства Софийской второй и Львовской летописей под 1416 г. «Того же лета создана бысть церковь камена на великого князя дворе Благовещение, месяца июля в 18 день» [22].

Алтарная часть памятника требует дальнейшего исследования. Без производства зондажей в кладке и шурфов вдоль внешнего периметра стен не может быть окончательно решен вопрос об изменении плана собора в начале XV в. Наличие деталей с декоративной обработкой в забутовке пространства под полом апсиды свидетельствует о ремонтных работах и перестройках этой части памятника.

Таким образом, как доказывают материалы исследования, третий строительный период следует относить к началу XV в. (1416 г. ?). В этот период габариты внутреннего пространства четверика выражались в размерах: протяженность с севера на юг 10,65 *м*, с запада на восток около 10,65 *м*, что равнялось площади 5 × 5 сажен. Толщина южной стены подклета 1,98—2,00 *м* (рис. 10).

Представленная схема реконструкции плана документируется также результатами исследования подпольного пространства и нижней части

[22] ПСРЛ, 6, СПб., 1853, стр. 140. ПСРЛ, XX, 1, СПб., 1910, стр. 231.

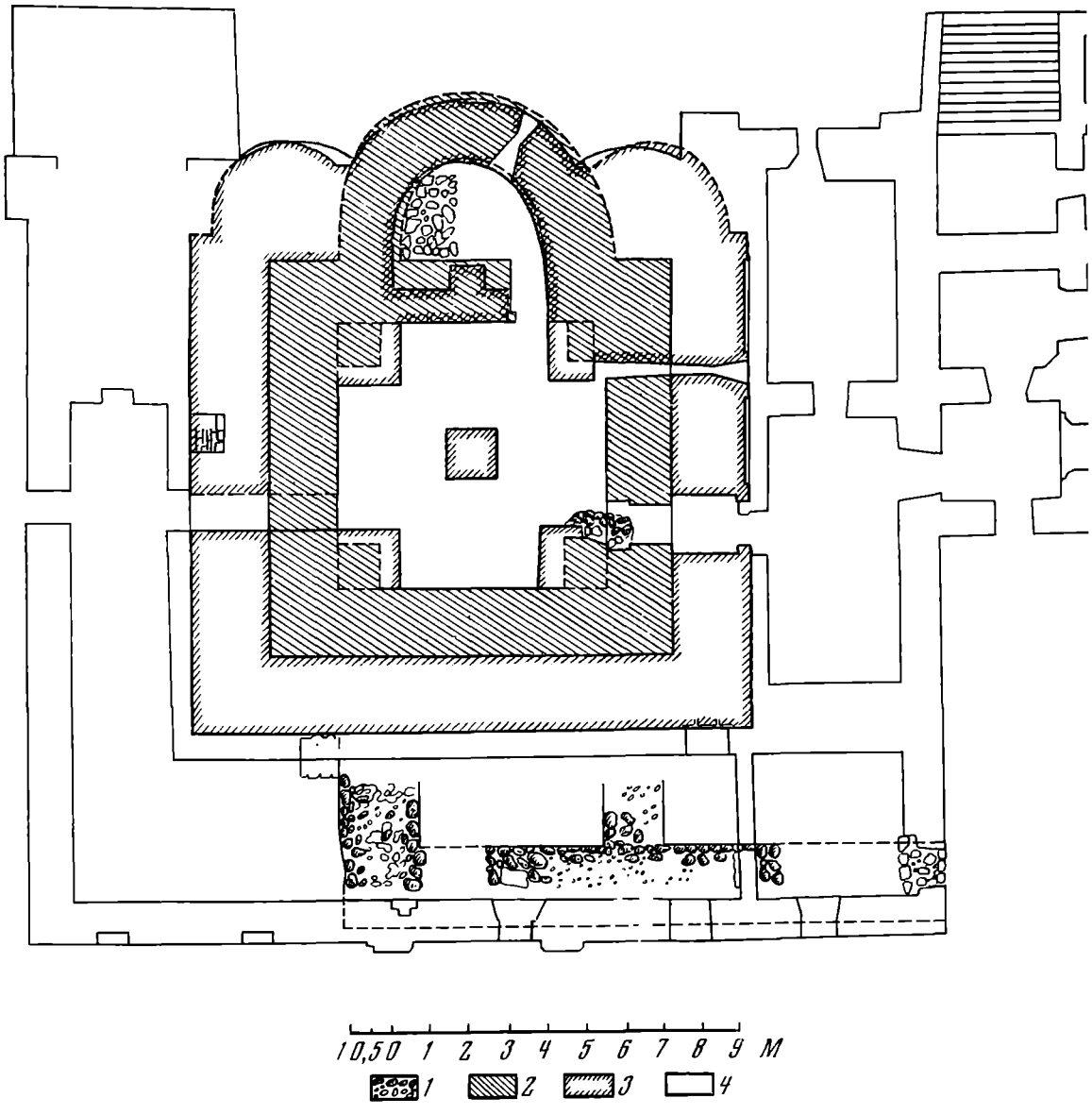


Рис. 10. Схема реконструкции плана подклета собора.

1 — первый строительный период XIII—XIV вв. (кладка 1); *2* — второй строительный период, конец XIV в. (кладка 2); *3* — третий строительный период 1416 г. (кладка 3); *4* — четвертый строительный период 1485—1489 гг. (кладка 4)

стен основного яруса собора. Эти материалы будут опубликованы по окончании работ [23].

Вскрытые в раскопках отдельные кладки, не связанные хронологически и конструктивно с основными строительными периодами в жизни памятника, могли относиться к ремонтам и частичным переделкам как основного объема здания, так и отдельных его частей.

Таким образом, проведенные архитектурно-археологические наблюдения в Благовещенском соборе Московского Кремля открывают новую страницу в наименее изученном периоде истории древнерусского зодчества. Они рисуют гораздо более сложную и яркую картину раннемосковского строительства конца XIII — начала XV в.

[23] Важные сведения о строительстве 1484—1489 гг. (четвертый строительный период), дающие иное архитектурное решение композиции плана храма с постройкой крытых галерей, получены во время исследований 1963—1965 гг. (исследования В. И. Федорова.)

V. I. Fiodorov et N. S. Chéliapina

L'ÉTAPE LA PLUS ANCIENNE DE L'HISTOIRE DE LA CATHÉDRALE DE L'ANNONCIATION DU KREMLIN À MOSCOU

Résumé

Les recherches in situ des murs et du fondement d'un niveau inférieur (à destination de ménage et d'entrepôt) de la cathédrale de l'Annonciation effectuées pour la première fois sur une vaste éllelle ont fourni de nouvelles données relatives à l'historique de la création de ce monument architectural.

Les particularités des matériaux de construction et de la technique de maçonnerie et les données stratigraphiques servent de base à la division de l'édifice en question en parties conformément à des époques diffrérentes de sa construction.

Près du mur occidental de la cathédrale dans la galerie et à proximité du pilier sud — ouest on a découvert la base d'un fondement qui n'était autre qu'un massif de moellons composés de gros cailloux et de calcaire.

Le fondement est à rattacher, du point de vue de stratigraphie, à l'étape la plus ancienne de la construction en pierre qui eut lieu sur l'aire étudiée. On s'incline à le dater de la fin du XIIIe — début du XIVe siècles.

En partant des études architecturales et archéologiques du niveau inférieur ci — dit de la cathédrale de l'Annonciation on peut percer les solutions architecturales du plan de ce monument dans les périodes diverses de son existence.

Заметки

А. В. АНПИЛОГОВ, Ю. В. ТИТОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Целью экспедиции Карельского филиала АН СССР в 1969—1970 гг. были поиски древних памятников в центральной части Кольского полуострова, не связанных с морским побережьем [1]. Экспедицией обследованы берега одной из крупных рек Мурманской области — р. Воронья. Следует отметить, что берега р. Воронья до сих пор не были исследованы в археологическом отношении, за исключением четырех пунктов в устье реки, где Н. Н. Гуриной был собран подъемный материал.

В результате разведочных работ открыто 25 древних памятников начиная с эпохи мезолита и до средневековья, в том числе три древних могильника. Некоторые памятники раскопаны, на большинстве заложены разведочные раскопы. Краткое описание некоторых археологических памятников дано нами в хронологической последовательности.

Памятники эпохи мезолита

Стоянка Серебрянская I. Памятник находится на правом берегу р. Воронья, в 1,5 *км* по ее течению от строящегося водосброса Серебрянской ГЭС II. Высота над уровнем моря в реке 20 *м*. Стоянка занимает небольшой узкий каменистый участок берега, вытянутый перпендикулярно реке. От реки стоянка удалена на 50 *м*. С северной и западной сторон к ней примыкает болотистая низина, поросшая мелким кустарником. Восточный берег с крутым склоном. Площадь стоянки 70 $м^2$.

Раскоп площадью 56 $м^2$ в основном снял культурный слой стоянки и выявил следующую стратиграфию: дерн с серым подзолом (5—20 *см*); культурный слой — желтый, слегка гумусированный суглинок (5—15 *см*); подстилающий слой — светло-серый песок. Раскоп насыщен камнями различной величины.

Находки в раскопе бедны и представлены исключительно кварцевыми изделиями: скребки — 3, скобель — 1, резцы — 2, отбойники — 2, осколки с обработкой — 6.

Кроме того, в раскопе найдено 45 отщепов кварца. Все орудия довольно примитивны, имеют архаичный облик. Скребки сделаны из массивных отщепов кварца, плохо обработаны. По рабочей части имеются небольшие сколы, ретушь отсутствует; один скребок сделан из обломка толстой пластины подчетырехугольной формы с выпуклым лезвием, которая обработана сколами. На одной из сторон имеется выем, используемый, вероятно, в качестве скобеля. Один из отщепов подтреугольной формы, возможно, использовался в качестве скобеля-резца, так как на противоположной стороне грани имеется выем, а острая часть образована мелкими

[1] На побережье Баренцева моря археологические памятники открыты Н. Н. Гуриной. См.: Н. Н. Гурина. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, 20, 1951.

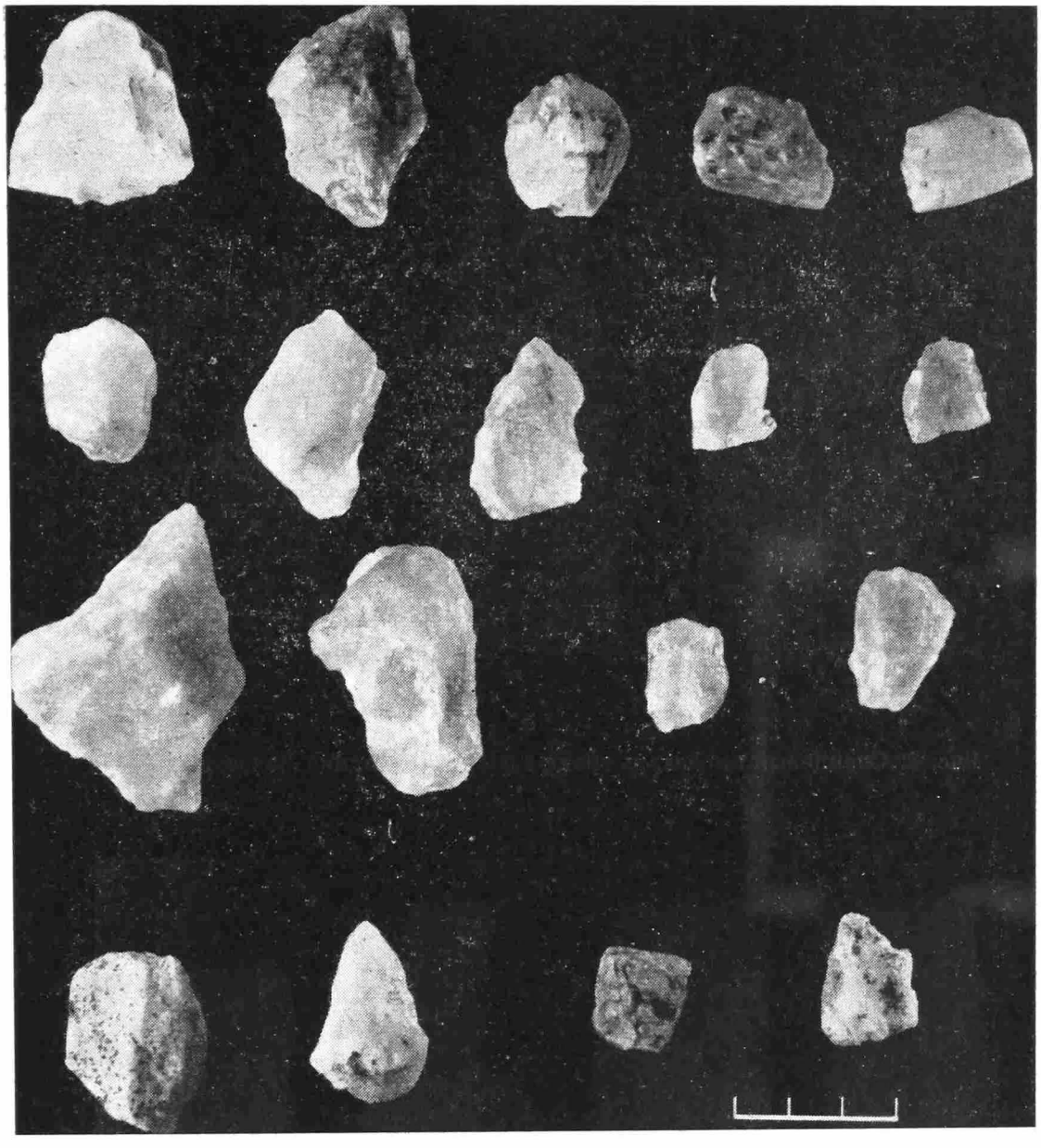


Рис. 1. Кварцевые орудия эпохи мезолита

сколами. На двух полукруглых отщепах по краям имеется сбитость. Возможно, данные орудия использовались в качестве отбойников. Резцы изготовлены из удлиненных массивных отщепов, рабочий край их образован несколькими сколами (рис. 1).

Полученный материал свидетельствует о раннемезолитическом возрасте данной стоянки. Подобный инвентарь имеется на стоянках Серебрянская II, Зеленцы I.

Стоянка Ловозеро II. Расположена на правом берегу р. Воронья, в 500 *м* выше устья р. Нивка. Памятник занимает ровную площадку, вытянутую вдоль берега. Южной стороной стоянка примыкает к берегу реки. Высота над уровнем воды в реке 2,4 *м*. Площадь примерно 400 $м^2$.

Каменный инвентарь, несмотря на его малочисленность, довольно разнообразен. Наиболее широко применялись орудия из кварца и сланца. Имеются также изделия из кремня.

Рубящие орудия (топоры) имеют архаичный облик, обработаны сколами, шлифовка отсутствует. Размеры топоров 16×6×1,5 *см* и 11,5× ×5,1×0,7 *см* (рис. 2). Кремневый скребок, изготовленный из отщепа подчетырехугольной формы, на рабочей части имеет крутую ретушь. Одно

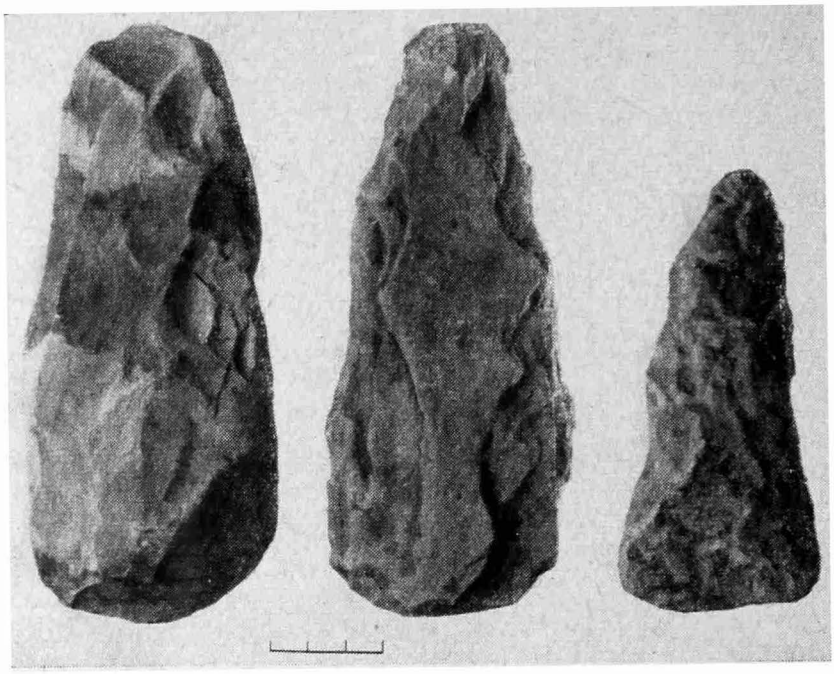


Рис. 2. Сланцевый инвентарь эпохи мезолита (стоянка Ловозеро II)

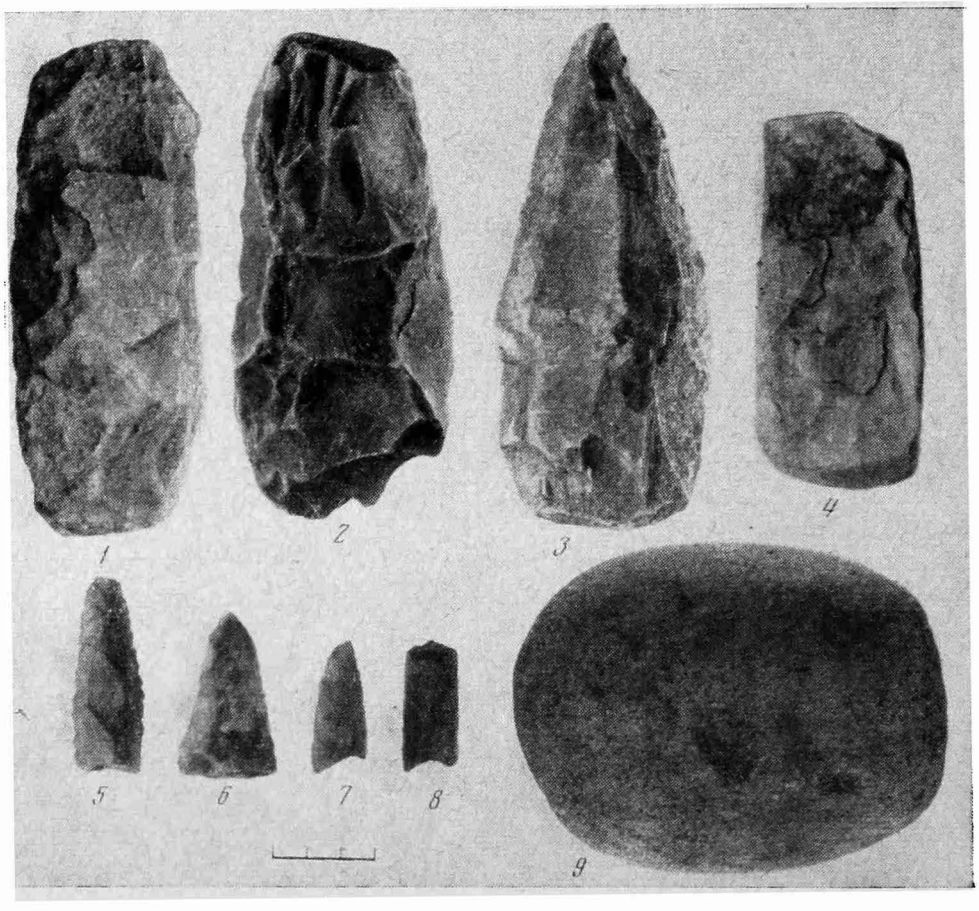


Рис. 3. Каменный инвентарь со стоянки Ловозеро I

из кварцевых орудий изготовлено из удлиненного отщепа кварца, грань которого обработана мелкими сколами. Такое орудие применялось, вероятно, в качестве ножа.

По характеру каменного инвентаря стоянку можно отнести к позднему мезолиту и датировать примерно V—IV тысячелетиями до н. э.

Памятники со смешанным комплексом

Стоянка Ловозеро I. Расположена на правом берегу р. Воронья, напротив устья р. Нивки. Площадь более 1 тыс. $м^2$. Стоянка занимает ровную площадку, примыкающую к берегу реки. Высота над уровнем воды в реке 1,4 *м*.

Раскоп площадью 24 $м^2$ выявил следующую стратиграфию: дерн (10 *см*), культурный слой — коричневый гумусированный песок (10—25 *см*), культурный слой — темный гумусированный песок (20—40 *см*), подстилающий слой — желтый песок с железистыми пятнами.

Орудия, найденные на стоянке, довольно разнообразны. Мало изделий из кремня и кварца. В числе крупных рубящих орудий найдены тесло и долото. Тесло сделано из узкой сланцевой пластины с асимметричным лезвием. Размеры; 9,5×4,2×0,7 *см*. Долото имеет размеры 6,7×2,4×1 *см*. Противоположные грани его немного подшлифованы (рис. 3, *3*, *4*).

Интерес представляет орудие округлой формы из гранитной гальки, используемой, вероятно, для дробления каких-то хрупких материалов, о чем свидетельствуют следы в виде выщербин и сбитостей. Размеры: 9×7,5×4,5 *см* (рис. 3).

Три наконечника стрелы сделаны из массивных отщепов сланца. Целый наконечник размерами 4,8×1,5×0,8 *см* с усеченным основанием, обработан пильчатой ретушью. Похожие наконечники стрел из роговика найдены на стоянке эпохи бронзы Войнаволок XXIV Медвежьегорского района Карельской АССР.

Два обломка наконечников стрел обработаны крупной плоской ретушью. Один из обломков с выемом у основания сделан из тонкой шиферной пластины, противоположные грани острые, а стороны сильно зашлифованы (рис. 3, *8*).

Имеется крупный обломок кремнистого сланца прямоугольной формы. Одна из граней его обработана сколами, другая — крупной ретушью. Возможно, что данное орудие употреблялось в качестве ножа.

Кроме каменных орудий на стоянке найдена: ямочно-гребенчатая, асбестовая и гладкая керамика (рис. 4).

Стоянка Ловозеро III. Расположена на том же берегу реки в 600 *м* вверх по течению от описанной выше стоянки. По предварительным данным, памятник имеет площадь более 2 тыс. $м^2$. Высота над уровнем воды в реке 5 *м*. Стратиграфия подобна поселению Ловозеро I.

Отсутствие среди каменного инвентаря датирующих орудий, а также перемешанность культурных слов не дают возможности разделить каменный инвентарь хронологически.

Характерная особенность рубящих орудий — плохая обработка их. Это, вероятно, связано с низким качеством сланца.

Топоры имеют небрежную шлифовку по всем сторонам, на лезвии заметны выщербины от употребления (рис. 5, *а*).

Сланцевый обломок наконечника стрелы, обработанный плоской ретушью, аналогичен подобным наконечникам со стоянки Ловозеро I.

Заслуживает внимания удлиненная пластина кремнистого сланца с усеченным основанием. Одна грань ее обработана мелкой ретушью. По обработке и форме пластина близка наконечникам стрел со стоянки Серебрянская III.

Нож изготовлен из вогнутой ножевидной пластины, одна грань которой обработана мелкими сколами. Имеется большое количество кремне-

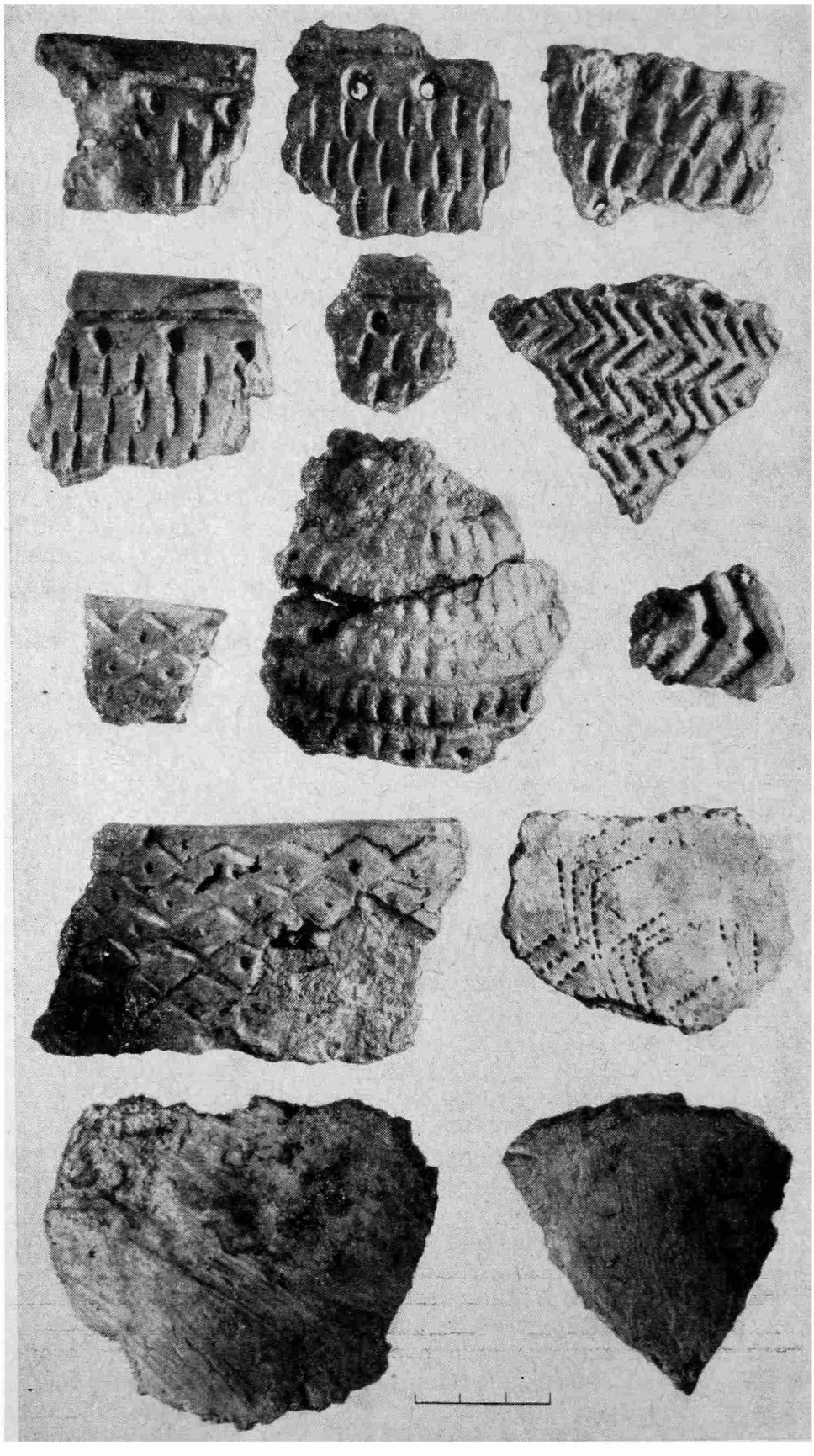


Рис. 4. Керамика со стоянки Ловозеро I

вых ножевидных пластин различных размеров, обработанных тонкой ретушью (рис. 5, *б*).

Вместе с каменным инвентарем в раскопе найдены фрагменты керамики: ямочно-гребенчатая, асбестовая и с растительной примесью (рис. 6, *1*, *7—10*).

Керамика, найденная на стоянке, четко делится на неолитическую и относящуюся к эпохе раннего металла. Ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита представлена 11 сосудами, асбестовая — 4, пористая — 8 сосудами.

Большую часть орудий составляют кварцевые скребки. Они довольно разнообразны: концевые, сделанные из отщепов подчетырехугольной и подтреугольной формы, округлые, микролитические. Большая часть из них обработана крутой ретушью. На отдельных скребках обработано несколько сторон, а один скребок — со всех сторон.

Наконец, имеется орудие из окатанной гранитной гальки. Один конец его плоский, на нем заметна сбитость. Подобное орудие было найдено на стоянке Ловозеро I.

Стоянка Серебрянская III. Находится на левом берегу р. Воронья, в 70 *м* к востоку от водопада Большой Падун. Стоянка располагается на высоком песчаном участке, поросшем полярной березой. Высота над современным уровнем воды в реке 23 *м*. Общая площадь 300 $м^2$. На стоянке заложен раскоп площадью 243 $м^2$, который почти полностью снял культурный слой памятника.

Стратиграфия: дерн; культурный слой — розоватый песок 10—12 *см* с западаниями до 40 *см*; подстилающий слой — желтый песок с железистыми пятнами. Культурный слой распространен по всей площади памятника, но особенно интенсивен в его северо-восточной части.

При раскопах стоянки выявлен очаг. Его размеры: 1,8×1,2 *м* и глубина 30 *см*. Уголь в очаге не сохранился: он превратился в темный порошок, перемешанный с песком на всю глубину очага. Очаг, сложенный из 33 камней различной величины, имел округлую форму. В центре очага найдены кости животных, кусок железного предмета, осколки кварца.

В раскопе обнаружено скопление камней, примыкающих друг к другу. На камнях, между и вокруг них, найдено большое количество мелких осколков кварца. Создается впечатление, что здесь было место изготовления кварцевых орудий. Имеется также два кострища размерами 80×80 *см*; мощность углистой прослойки достигает 30 *см*. В одном из них вместе с фрагментами поздней керамики обнаружена медная пластина с отверстием. Вторая подобная пластина найдена за пределами кострища.

В процессе раскопок получен разнообразный каменный инвентарь и керамика.

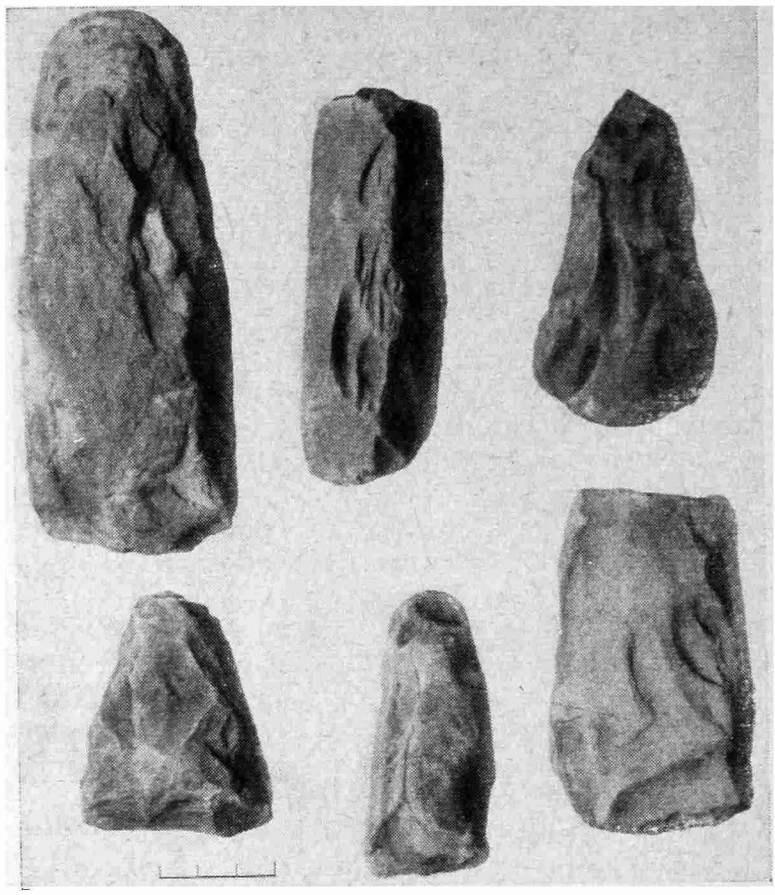
Из мелких сланцевых орудий одно имеет заостренную сбитую рабочую часть. Возможно, оно употреблялось в качестве сверла.

Среди сланцевых изделий обращает на себя внимание обломок кинжала или копья, изготовленного из тонкой пластины. Боковые грани его острые, хорошо зашлифованы. На плоскостях орудия с обеих сторон имеются желобки (рис. 7, *11*).

Кремневые орудия представлены наконечниками стрел, скребками, нуклеусами, ножевидными пластинами и их обломками.

Кремневые наконечники стрел трех типов: треугольно-черешковый с прямым основанием, обработанный плоской ретушью по всей поверхности; беломорского типа (1 экз.); примитивные, изготовленные из ножевидных пластин с ретушью по одному краю и с четко выделенным черешком (рис. 7, *1—7*).

Из других кремневых орудий имеется два нуклеуса призматической формы. На одном из них края имеют сильную выкрошенность. Возможно, он использовался в качестве ретушера.



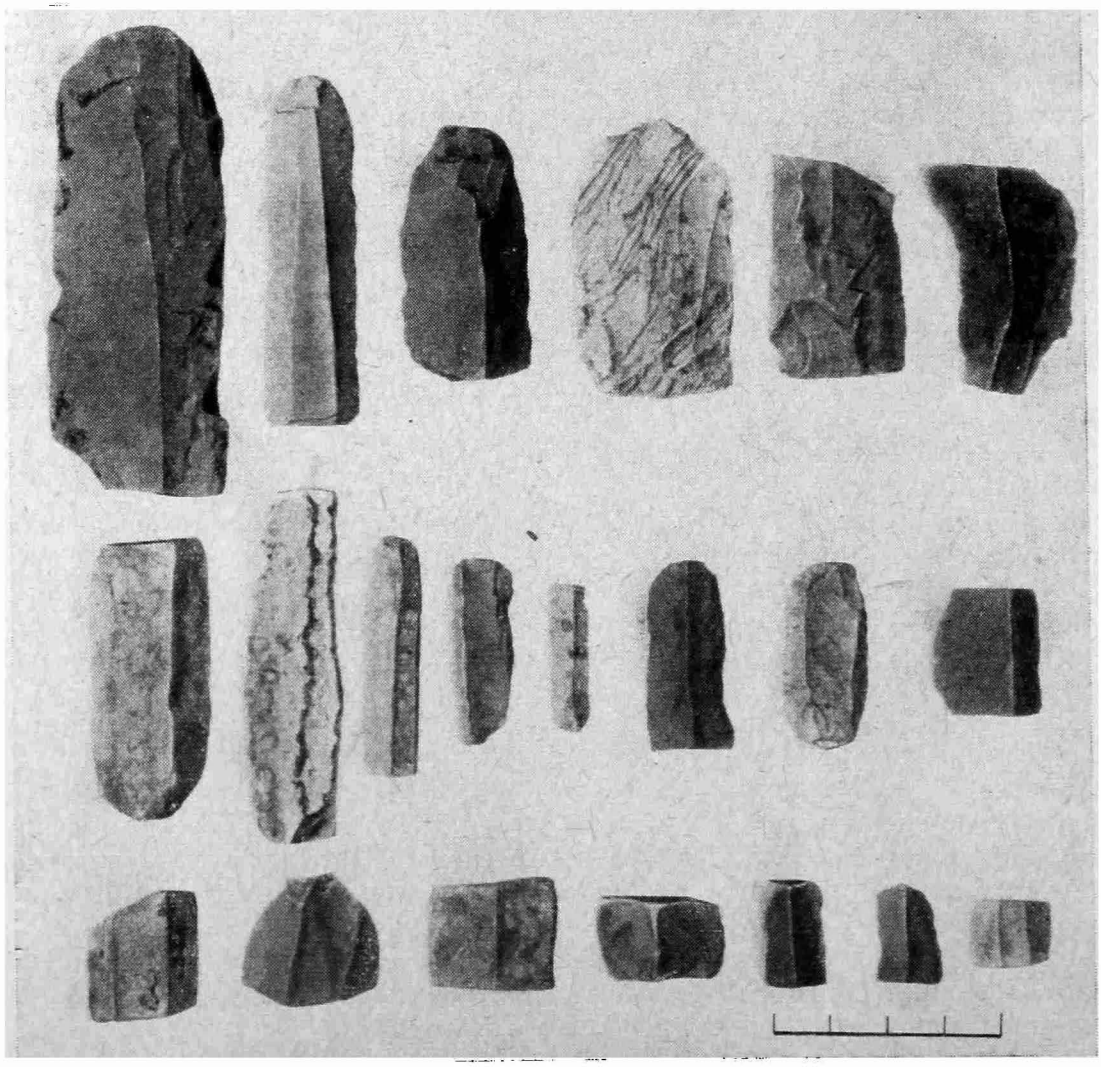


Рис. 5, *а*, *б* Каменный инвентарь со стоянки Ловозеро III

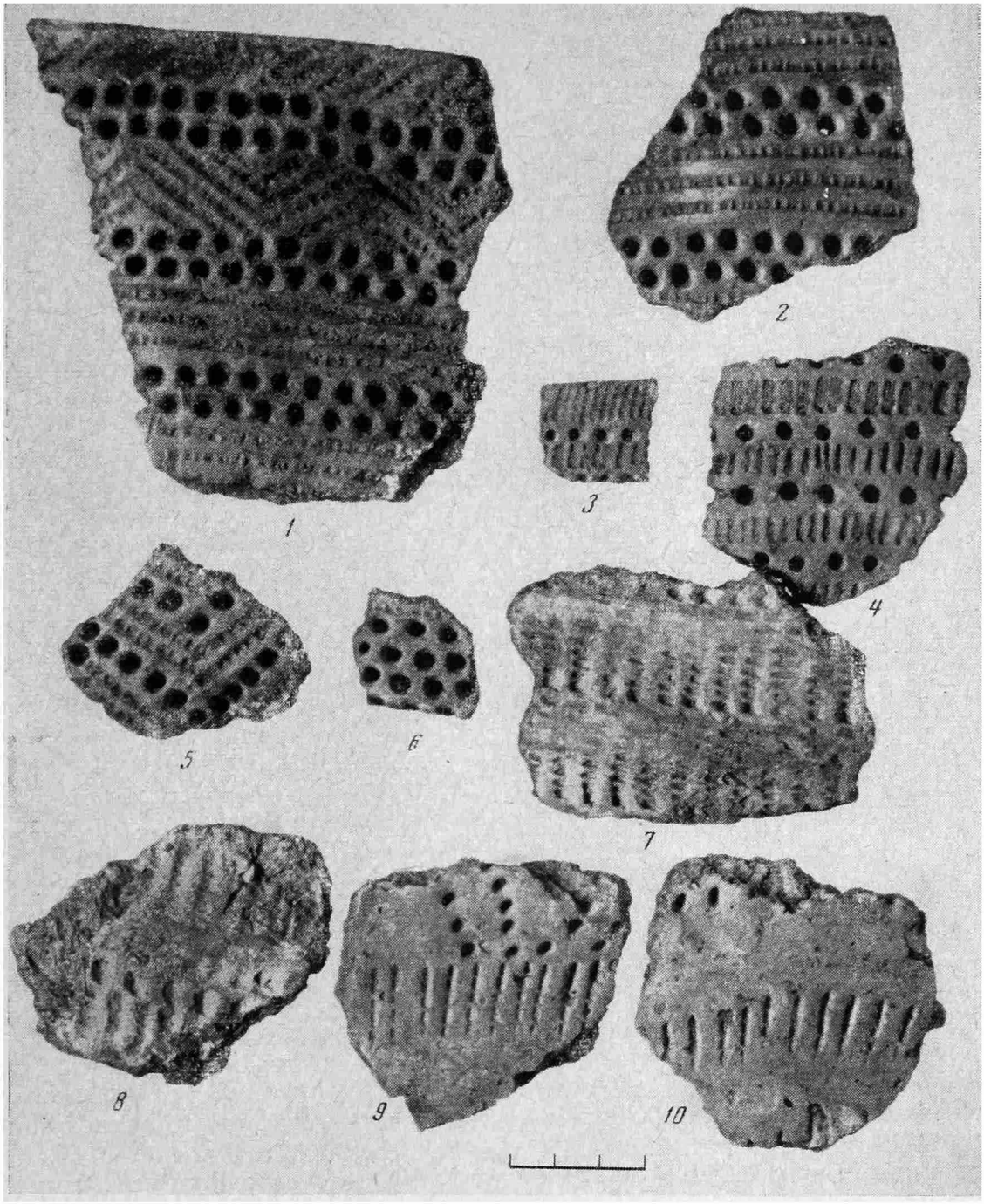


Рис. 6. Керамика со стоянки Ловозеро III

Из крупных кварцевых орудий следует отметить заготовку стамески и сверло. Заготовка подтреугольной формы с расширенным лезвием, со всех сторон обработана мелкими сколами. Сверло сделано из удлиненного обломка кварца. На конце заметны следы стертости от употребления в работе. Ножи (6 экз.) представлены удлиненными пластинами и отщепами с прямым и выпуклым рабочим краем, обработанным сколами и ретушью. Наконечники стрел (3 экз.) сделаны из небольших удлиненных отщепов кварца. Один край обработан ретушью (рис. 7, *12—14*). Данные наконечники имеют аналогию с примитивными кремневыми наконечниками с этой стоянки.

Значительную часть орудий составляют скребки (123 экз.). Они довольно разнообразны: округлые, подчетырехугольные, подтреугольные, микролитические сделаны в основном из массивных отщепов кварца различной величины и формы. Большинство из них обработаны хорошей

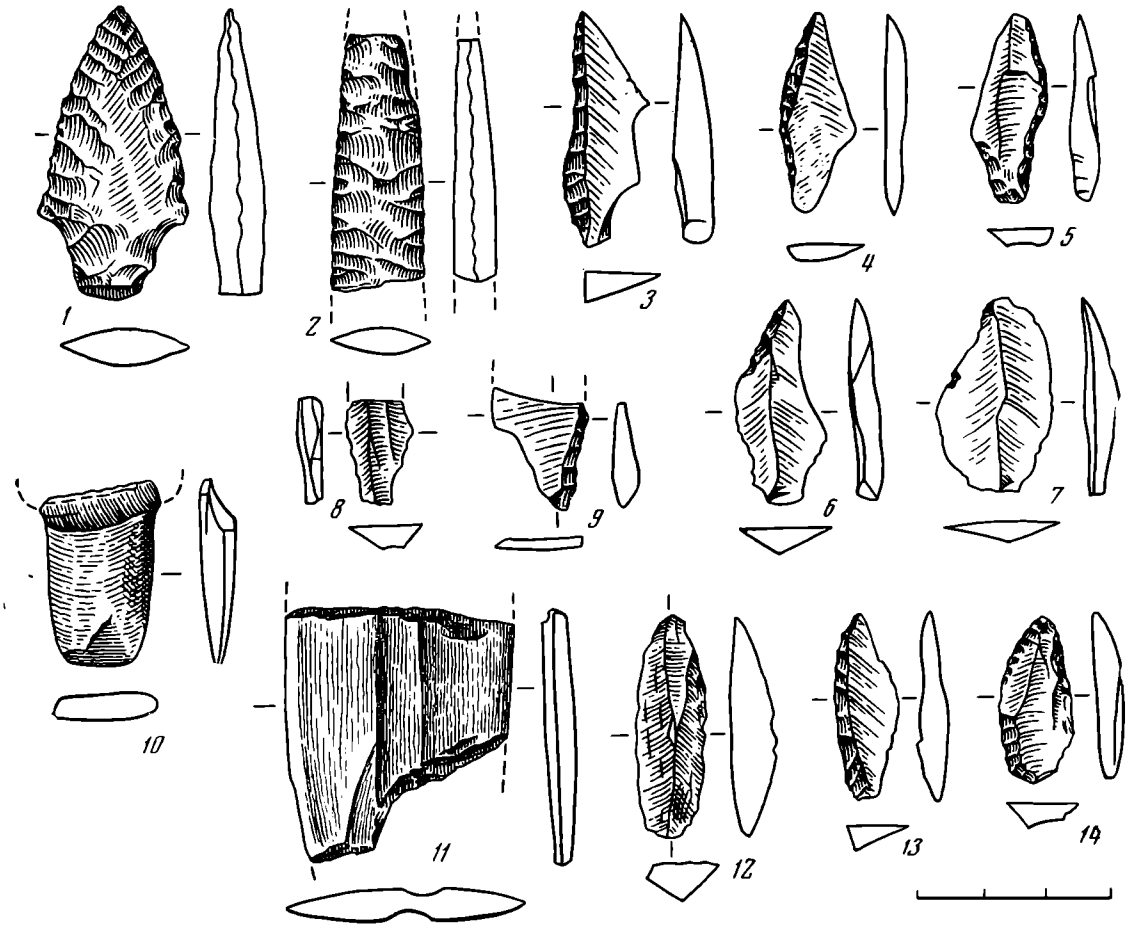


Рис. 7. Каменный инвентарь со стоянки Серебрянская III

крутой ретушью, некоторые сколами. На отдельных скребках обработано несколько краев. Незначительная из них часть имеет широкое рабочее лезвие (рис. 8, *1—23*).

Подобные скребки найдены на стоянках Серебрянская IIIа, IV.

Керамика представлена двумя типами — асбестовая и с растительной примесью. Последняя в результате выгорания в тесте органических остатков стала пористой. Фрагменты этой керамики имеют темно-коричневый и серый цвет, не орнаментированы, хорошего и среднего обжига, толщина стенок 0,4—0,9 *см*. Днищ от сосудов не сохранилось. По имеющимся фрагментам определено шесть сосудов.

На стоянке найдено два сосуда с примесью асбеста. Они темно-коричневого и серого цвета с обильной примесью мелкотолченого асбеста. Кроме того, один из сосудов имеет незначительную примесь слюды в тесте, другой — растительную. Оба сосуда без орнамента. Обжиг хороший, толщина стенок сосудов 0,2—0,3 *см*. Венчики и днища не сохранились.

По керамике стоянку можно датировать примерно концом I тысячелетия до н. э. и первыми веками н. э. Подобная керамика найдена на стоянках Серебрянская IIIа и IV.

В процессе раскопок выяснилось, что западная часть территории стоянки находится под слоем селища. Культурный слой селища выражен темным гумусированным слоем песка мощностью 5—15 *см*, перекрывающим слой стоянки. Общая площадь — 80 *м*^{2}.

При раскопках селища обнаружено несколько очажных ям, в которых найдены отщепы кварца, кости оленя, медная пластинка, наконечник стрелы и железный нож.

Каменный инвентарь, найденный в культурном слое селища, ничем не отличается от инвентаря залегающей ниже стоянки. Видимо, ей он

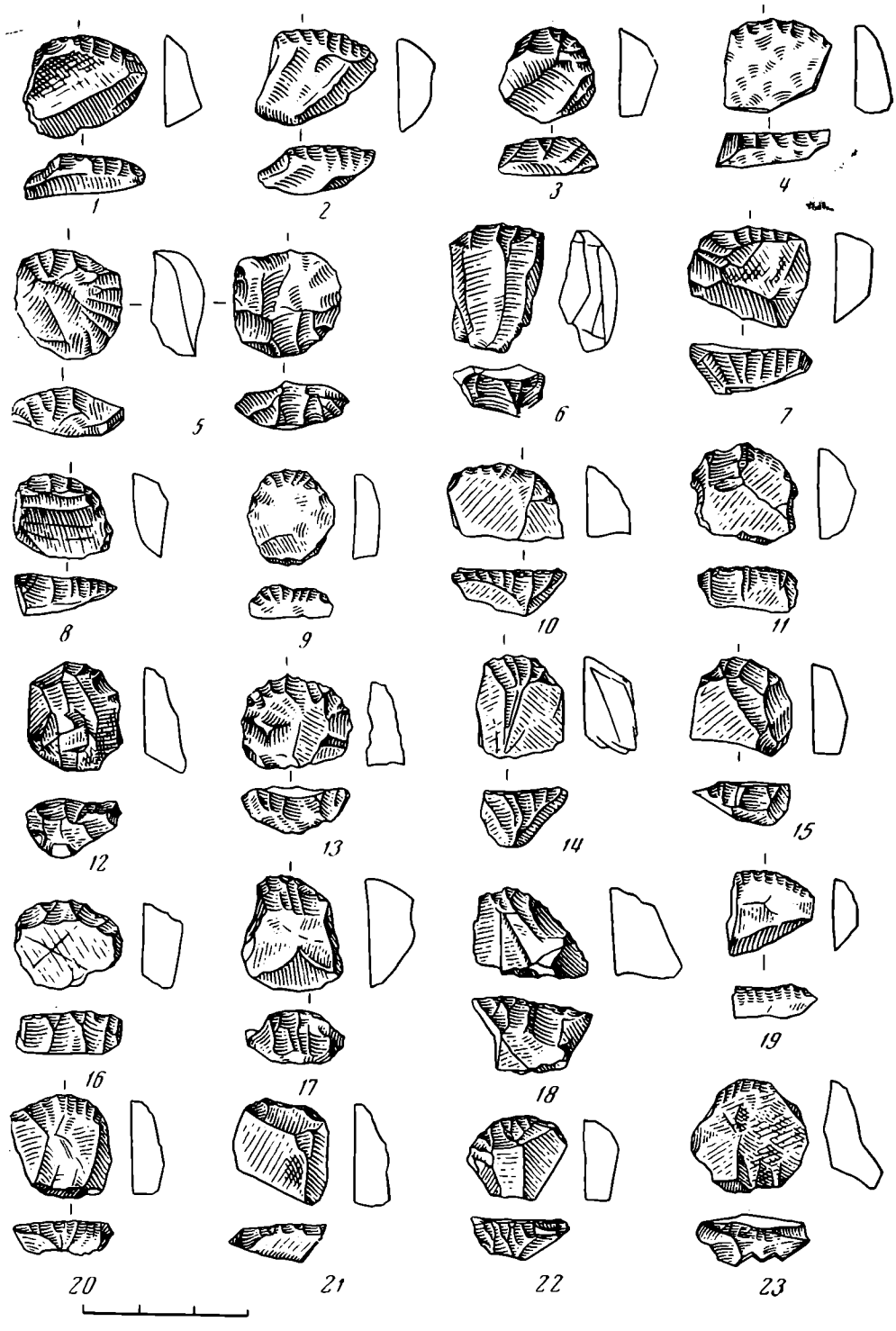


Рис. 8. Кварцевый инвентарь (скребки) со стоянки Серебрянская III

и принадлежит, так как стерильной прослойки между культурными слоями селища и стоянки нет. Для датировки памятника нет достаточных данных.

Открытые нами древние поселения в центральной части Кольского полуострова свидетельствуют о заселении наиболее удобных мест Ловозерской тундры. Как на побережье Баренцева моря, так и в Ловозерской тундре первые переселенцы появились в мезолитическое время. Одни из них владели кварцевым и сланцевым инвентарем, близким к культуре Аскола и Суомус-Ярви в Финляндии (Серебрянская I), другие — кремневым инвентарем (Ловозеро II). В отличие от прибрежных мезолитические стоянки расположены по р. Воронья, носят постоянный и временный характер и принадлежат древним охотникам-рыболовам.

Расположение неолитических стоянок в центральной части Кольского полуострова также отличается от прибрежных. Если абсолютное большинство стоянок [2], расположенных на берегу моря, имеют площадь 200—400 $м^2$, то стоянки по р. Воронья носят постоянный характер и площадь их исчисляется несколькими тысячами квадратных метров. По мнению Н. Н. Гуриной, прибрежные стоянки располагаются на определенных высотах [3], но стоянки, связанные с р. Воронья, никакой закономерности в этом отношении не имеют. Характеристика неолитических стоянок, данная Н. Н. Гуриной [4], может быть распространена только на прибрежные памятники. Памятники, открытые нами, имеют мощный культурный слой, распространены находки по всей площади, имеется большое количество керамики хорошего качества, разнообразный сланцевый, кварцевый и кремневый инвентарь.

Нам кажется, что при дальнейшем изучении археологических памятников Кольского полуострова надо выделять две группы стоянок: прибрежные, связанные с Баренцевым и, видимо, Белым морями, и материковые. Первые из них, может быть, были временными стойбищами, вторые в абсолютном большинстве носили постоянный характер. Морская охота и рыболовство в море — характерная особенность хозяйства обитателей прибрежных стоянок, речное (озерное) рыболовство и охота на лесного зверя и птицу — основа хозяйства для жителей материковых стоянок.

Датировка неолитических стоянок Кольского полуострова была предложена Н. Н. Гуриной и определялась серединой II тысячелетия до н. э. [5] Необходимо учесть, однако, что автору в то время не были известны памятники раннего и развитого неолита. В настоящее время по ранней и развитой керамике волгоокского типа (Ловозеро I, III) можно с уверенностью сказать, что ранние неолитические памятники Кольского полуострова можно датировать не позднее III тысячелетия до н. э.

Рассмотренные нами стоянки на р. Воронья подтверждают, что обитатели их на протяжении тысячелетий поддерживали тесные контакты с соседними племенами, жившими в Карелии и на территории Архангельской области. Это подтверждается большим сходством в типах орудий и керамики, найденных на этих территориях (наконечники стрел беломорского типа, орнаментация керамики).

Наличие кремня беломорского происхождения на стоянках Кольского полуострова также указывает на тесные связи между племенами этих областей.

Вероятно, заселение Кольского полуострова шло двумя путями — с территории Карелии и Архангельского Беломорья.

A. V. Anpilogov et Yu. V. Titov

LES DÉCOUVERTES ARCHÉOLOGIQUES RÉCENTES SUR LA PRESQU'ILE KOLSKI

Résumé

Jusqu'au dernier temps la partie centrale de la presqu'île Kolski n'était pas l'objet des recherches archéologiques.

En 1969—1972, par les soins de l'expédition organisée de l'Institut de langue, littérature et histoire du Filial de Carélie de l'Académie des sciences de l'URSS, on a mis au jour, sur les bords de la rivière de Voronia, plus de 25 stations du Mésolithique, du Néolithique et de l'époque métallique initiale.

---

[2] Н. Н. Гурина. Неолитические поселения..., стр. 148.
[3] Там же, стр. 146—147.
[4] Там же, стр. 148 и др.
[5] Там же, стр. 167.

Sur la prasqu'île Kolski sont dégagés deux groupes de gisements: stations littorales liées à la Mer de Barentz et à la Mer Blanche et celles continentales. Les sites du premier groupe étaient, paraît — il, provisoires, ceux du second groupe avaient un caractère permanent. Les habitants des stations littorales pratiquaient la chasse et la pêche maritimes tandis que la vie économique des sites continentaux se basait par excellence à la chasse et à la pêche lacustre.

Aux II—Ies millénaires avant notre ère les tribus peuplant la presqu'île Kolski savaient produire la bronze et le fer. A cette époque la céramique additionnée d'amiante et les objets de quartz prédominaient dans ladite région.

И. ШТЕЛЬЦЛ, Я. МАЛИНА

ПЕТРОАРХЕОЛОГИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Современное развитие комплексного исследования археологических изделий из камня с использованием петрографических и минералогических методов своими корнями уходит в прошлое столетие. Уже в 1863 г. французский минеролог А. Дамур [1] произвел первый анализ минералогического состава неолитической каменной индустрии.

Качественно новый этап в этом исследовании начался в 40-х годах текущего столетия, когда возникли группы научных работников и учреждений с целью комплексного изучения каменной индустрии. Организационное сотрудничество археологов и петрографов развивалось сначала в Англии [2], Германии [3] и во Франции [4].

В СССР интенсивное развитие использования петрографических методов в археологии началось в связи с целеустремленным применением естественнонаучных и технических дисциплин при исследовании археологических предметов. Достигнутые таким образом результаты привели к организации симпозиумов с целью усиления интегрированной работы над этой проблематикой [5]. Тесное сотрудничество археологов и петрографов привело В. Ф. Петруня [6] к убеждению о необходимости создания нового научного направления, которое он назвал археологической петрографией.

Сотрудничество археологов кафедры предыстории философского факультета университета Я. Э. Пуркине в Брно и петрографов кафедры минералогии и петрографии факультета естествознания того же университета привело к созданию «Отдела по петрографическому исследованию археологических материалов» и включению курса лекций «Петрография для археологов» в учебную программу студентов. Опыт сотрудничества

---

[1] A. Damour. Nouvelles analyses sur la jadéite et sur quelques roches sodifères. Bulletin de la Société minéralogique de France, 1881, 4, стр. 157—164.

[2] A. Keiller, S. Piggot, F. S. Wallis. First Report of the South-Western Group of Museums and Art Galleries on the Petrological Identification of Stone Axes. PPS, 1941, New Ser., 7, стр. 50—72.

[3] F. Schmitt. Petrographische Untersuchungen in der Vorgeschichtsforschung. Rheinische Vorzeit in Wort und Bild, 1938, 1, стр. 130—133.

[4] P. R. Giot. A Petrological Investigation of Breton Stone Axes. PPS, 1951, New Ser. 17, стр. 228.

[5] Б. А. Колчин. Новые методы в археологии. СА, 1963, 4, стр. 256—270; его же. Археология и естественные науки. М., 1965.

[6] В. Ф. Петрунь. О достоверности петрографо-минералогических определений в археологической практике. ЗОАО, 1967, 35, стр. 3—11; его же. Значение геолого-археологических признаков становления ноосферы земли. Материалы к совещанию «Общие закономерности геологических явлений», 1. Л., ВСЕГЕИ, 1965, стр. 25—33.

показал, согласно результатам других исследователей[7], что прогресс в этой научной области возможен лишь при условии очень тесного сочетания обеих дисциплин. Возникает, таким образом, новая дисциплина, названная членами «Отдела» (петрограф И. Штельцл и археолог Я. Малина) петроархеологией[8]. Эта дисциплина исследует свой предмет — археологические каменные памятники — при помощи специфических археологических и петрографических методов.

Итак, петроархеология является типичной новой смежной («интердисциплинарной») наукой. Методика изучения археологических каменных материалов основана на описании, анализе и их интерпретации.

Археологические каменные памятники представляют собой весьма важную часть материальной культуры доисторического и исторического периодов. По характеру их можно разделить на три основные группы: каменная индустрия, каменный строительный материал и другие изделия из камня.

Основой для исследования отдельных коллекций памятников является подробнейшая макроскопическая рассортировка встречающихся типов горных пород и минералов в группы по цвету, патинизации, выветренности плоскостей и по текстурным и структурным признакам. Для дальнейшей лабораторной обработки выбираются из отдельных групп характерные образцы. Эти образцы петрографически классифицируются как в прозрачных, так и в полированных шлифах. Иногда бывает необходимо пользоваться и другими методами: химическим, спектральным и рентгенографическим анализами и петрофизическими методами. Исследование строительных характеристик материалов археологических каменных памятников предполагает детальное изучение текстурных и структурных признаков строения горных пород сравнительно с таковыми признаками изделия из камня. Полученные данные сравниваются с микроскопическими анализами (в шлифах) и с рентгенографическими и техническими исследованиями, которые должны определить отношения между строением горных пород и их техническими параметрами (прочность на растяжение, на сжатие, характер их шлифуемости и отбивки). Исследуются также патинизация и следы выветренности на каменных орудиях. Определение происхождения сырья археологических каменных памятников предлагает сравнение петрографически классифицированного материала археологических изделий с каменным сырьем в первичных и вторичных геологических находках.

На стадии комбинированного анализа исследуются взаимоотношения между отдельными группами описания. В зависимости от того, исследуется ли у археологических каменных памятников хронологический, географический, культурный, технологический и функциональный аспект, устанавливаются взаимоотношения между морфологией и технологией, морфологией и функцией, морфологией и минералогическим составом, морфологией и строением, технологией и минералогическим составом,

---

[7] W. Buttler. Dünnschliffuntersuchungen an vorgeschichtlicher Keramik. Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit, 1933, 9, стр 186—188; K. Obenauer. Die Verwendung petrographischer Methoden in der Vorgeschichte. NDF, 1933, 9, стр. 188—190; K. Žebera. Poměr přírodních věd k předhistorické archeologii. Věda přírodní, 1936, 17, стр. 58—61; F. Schmitt. Möglichkeiten und Grenzen des Einsatzes der Petrographie bei der Untersuchung von Vorzeitfunden. NDF, 1939, 15, стр. 47—51; J. F. S. Stone. L'identification pétrographique des instruments pierre. В кн. A. Laming. La découverte du passé. Paris, 1952, стр. 247—262; H. Otto. Mineralogische und petrographische Untersuchungen au vor- und frühgeschichtlichen Gegenständen. Ausgrabungen und Funde, 1961, 6, стр. 314—316; J. A. H. Potratz. Einführung in die Archäologie. Stuttgart, 1962; Б. А. Колчин. Новые методы...; P. R. Giot. Resultats de l'identification pétrographique des matériaux des haches polies en France spetentrionale. Studien aus Alteuropa, 1964, 1, стр. 123—133; В. Ф. Петрунь. .О достоверности...; его же. Значение геолого-археологических признаков.

[8] I. Stelcl, J. Malina. Anwendung der Petrographie in der Archäologie. Brno, 1970.

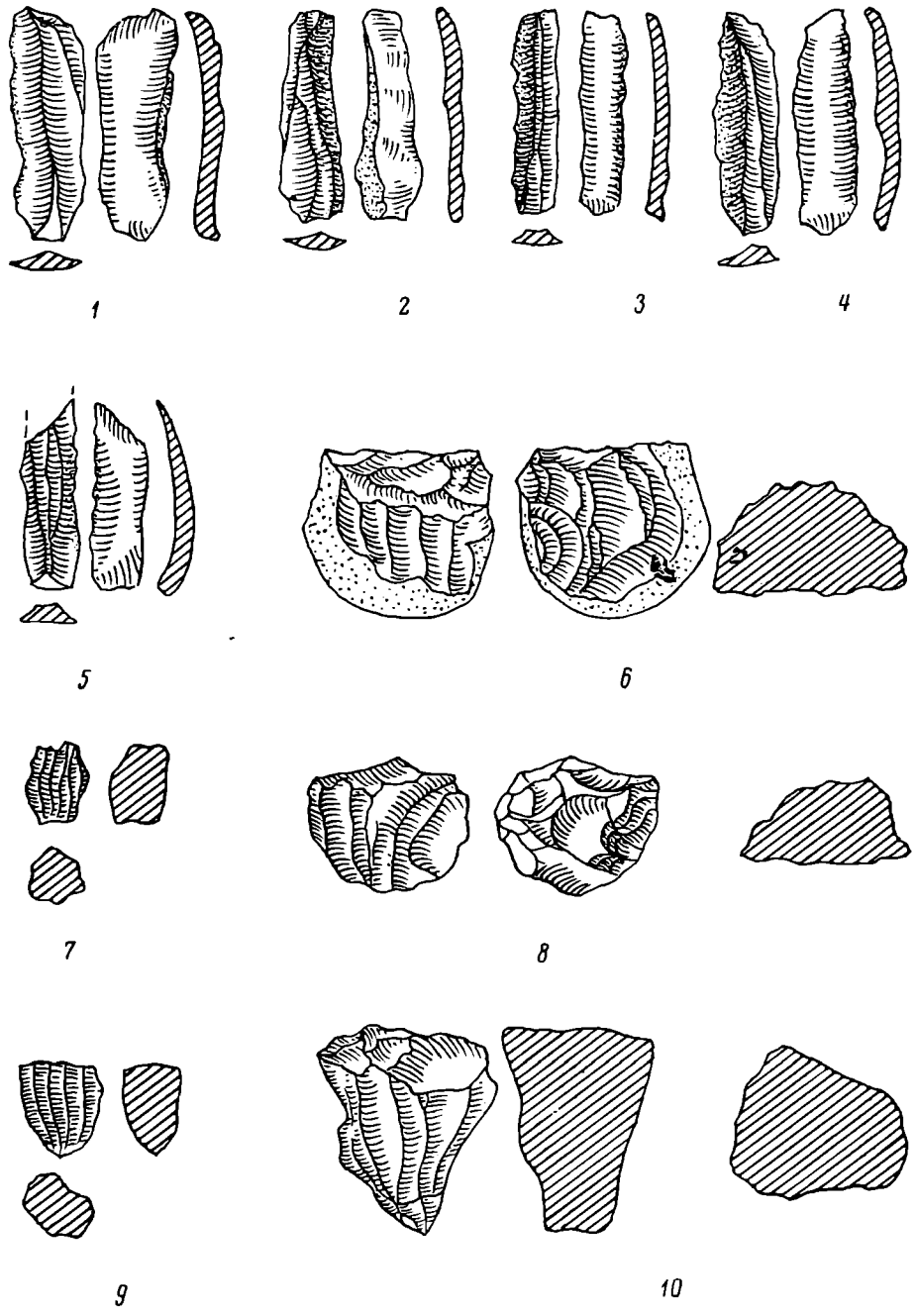


Рис. 1. Неолитические каменные орудия, обработанные сколотой техникой, Киёвице (Моравия).

1—5 — жатвенные пластины (роговик), *6—10* — нуклеусы (*6*, *8*, *10* — роговик, *7*, *9* — обсидиан)

технологией и строением, функцией и минералогическим составом, функцией и строением и даже между тремя и больше группами описания.

Результаты анализов, дополненные данными из исследования внешней обстановки и данными, приобретенными на этом этапе исследования из технологических и функциональных экспериментов, и результатами, вытекающими из изучения этнографических параллелей, подлежат обобщающей интерпретации. В частности, имеющиеся на сегодняшний день результаты петроархеологических исследований в Чехословакии позволяют привести ряд примеров.

Нами были исследованы материалы из коллекции предметов, обработанных сколотой техникой, обнаруженных в позднепалеолитических местонахождениях Моравии и из поздненеолитического (лендьельская культура) поселении вблизи с. Киёвице (Моравия). В этих коллекциях обнаруживаются все главные типы изделий (полуфабрикаты, орудия,

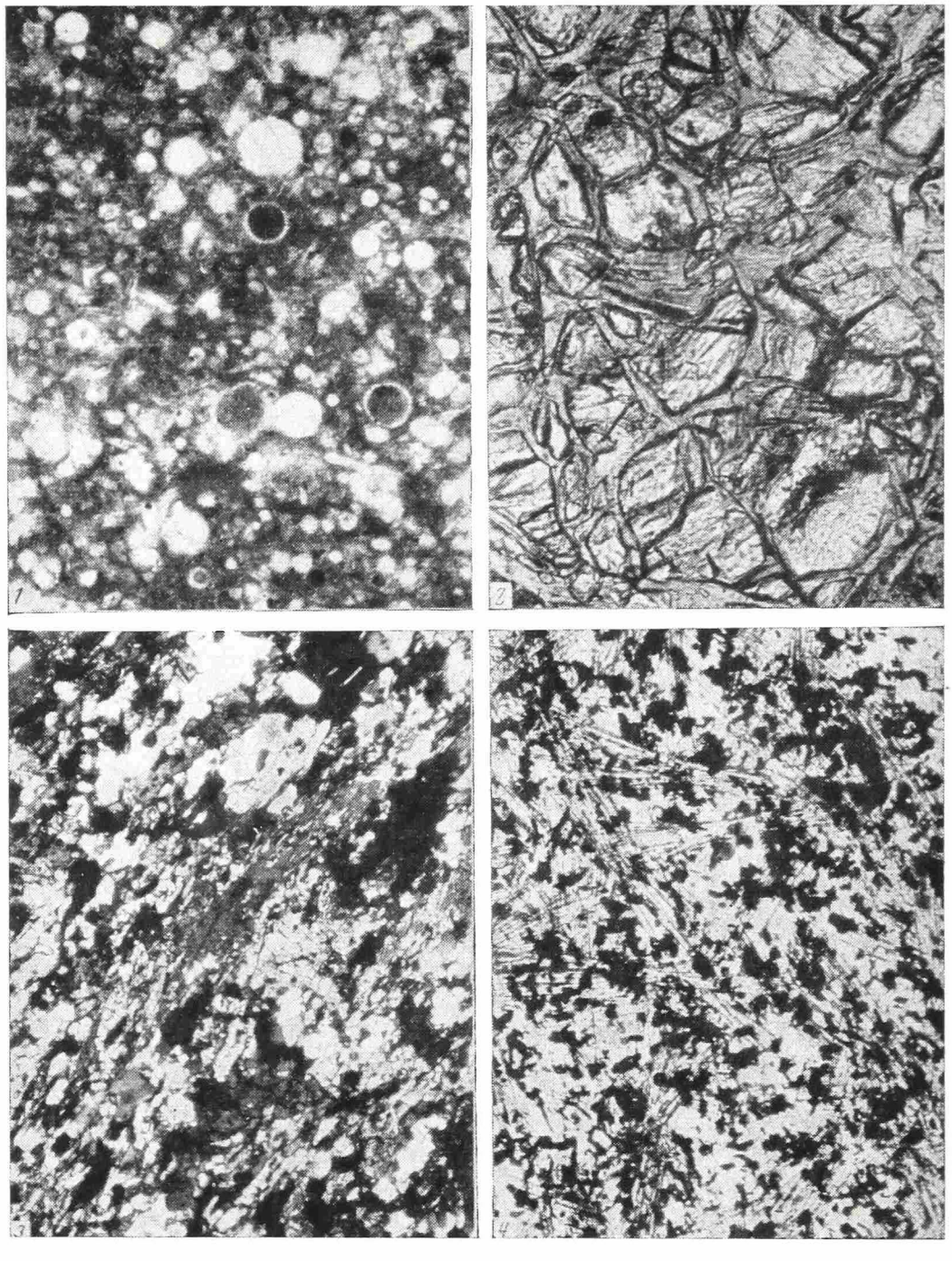


Рис. 2.

1 — радиолярит, поздний палеолит. Предмости (Моравия). Микрофотография шлифа. Увеличено в 40 раз. *2* — змеевик, средневековый строительный материал, Мстенице (Моравия). Микрофотография шлифа. Увеличено в 150 раз. *3* — амфиболит, неолит, Киёвице (Моравия). Микрофотография шлифа. Увеличено в 40 раз. *4* — актинолит-амфиболовый сланец, неолит, Быланы (Чехия). Микрофотография шлифа. Увеличено в 150 раз

отбросы). Орудия были изготовлены главным образом на отщепах или пластинах (рис. 1). Интересен тот факт, что следы работы отмечены также на изделиях из категорий полуфабрикатов и отбросов.

В качестве сырья в исследованных коллекциях чаще всего встречаются силициты: кремень, радиолярит (рис. 2, *1*), роговики, среди которых различаются восемь разновидностей, затем псаммиты (в неолитическом местонахождении они не были обнаружены), кремнистый песчаник (в том числе с халцедоновым цементом). В коллекциях классифицировались также минералы, представленные кварцем и горным хрусталем. Значительную часть неолитических орудий составляет обсидиан.

Часть сырья — роговики, кремнистые песчаники, кварц и, по всей вероятности, также хрусталь — добывалась, по-видимому, в окрестностях поселений как в первичных местонахождениях, так и на щебеночных террасах. К привозным материалам относятся кремень, радиолярит и обсидиан. Пока неясно происхождение кремнистого песчаника с халцедоновым цементом.

Приведенные типы горных пород и минералов отличаются хорошей скалываемостью, острым изломом и высокой твердостью. Эти свойства стали, по всей вероятности, определяющим критерием при отборе сырья, о чем свидетельствует также то, что абсолютный перевес имеют силициты.

Местное и привозное сырье применялось в течение позднего палеолита по-разному. Различия выделяются особенно на промежутке двух временных горизонтов (селет — ориньяк и граветт — мадлен). Между тем как в памятниках селета и ориньяка используется прежде всего менее качественный местный материал, в эпоху граветта и мадлена доминируют привозные горные породы, соответствующие более высоким техническим и эстетическим требованиям. Местные источники сырья стояли как-то в стороне.

Макроскопически, рентгенографически и в шлифах исследовалась также и патинизация, главным образом у изделий из силицитов. Интенсивность патины в рамках разных хронологических горизонтов сильно колеблется даже для отдельных частей одного и того же предмета. Иначе говоря, очень трудно пользоваться патиной как критерием возраста.

Петроархеологически исследовались также шлифованные изделия из камня из известного неолитического поселения Быланы (Чехия) — культура линейноленточной и накольчатоленточной керамики и поздний лендьельский горизонт (рис. 3) — и из местонахождений Киёвице и Плавеч (Моравия) лендьельской культуры. Изучалась коллекция каменных шлифованных полуфабрикатов из с. Стара-Бржецлав (Моравия), которые относятся, по всей вероятности, к лендьельской культуре.

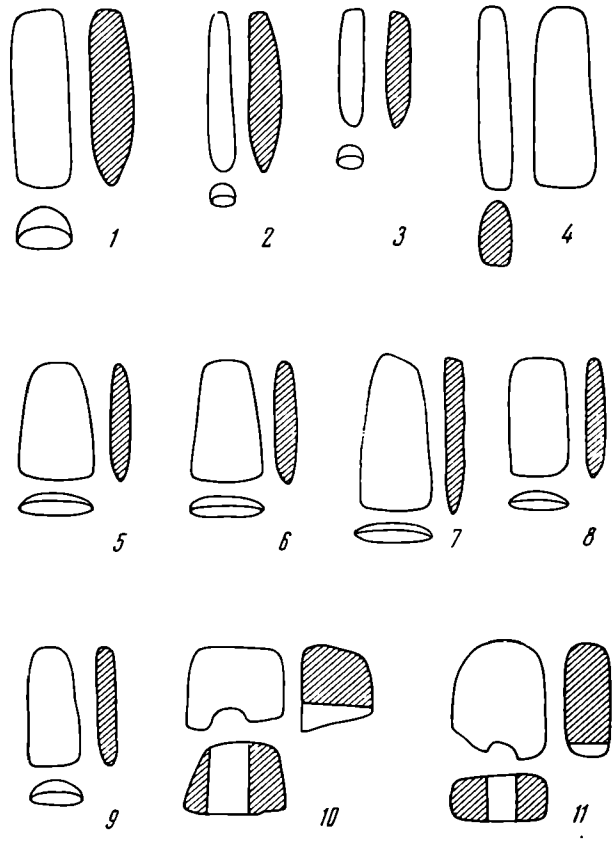


Рис. 3. Неолитические каменные шлифованные орудия, Быланы (Чехия)

1—3 — колодкообразные клинья (зеленый сланец, линейноленточная культура), *4* — колодкообразный топор с вертикальным лезвием (зеленый сланец, линейноленточная культура), *5—9* — плоские колодкообразные топоры (зеленый сланец; *5, 6, 8* — линейноленточная культура, *7, 9* — лендьельская культура), *10* — топор-молот (зеленый сланец, лендьельская культура), *11* — мотыга (зеленый сланец)

В этих неолитических коллекциях можно выделить: колодкообразные клинья, колодкообразные топоры с вертикальным лезвием, топоры различных типов, топоры-молоты, мотыгообразные топоры-молоты, мотыги, молотообразную булаву, дискообразные булавы, двуплечевые булавы и несколько изделий особых форм.

Следы техники, использованной при производстве каменных шлифованных изделий, хорошо были видны на полуфабрикатах топоров из клада недалеко от с. Стара-Бржецлав. На поверхности изделий прослеживаются

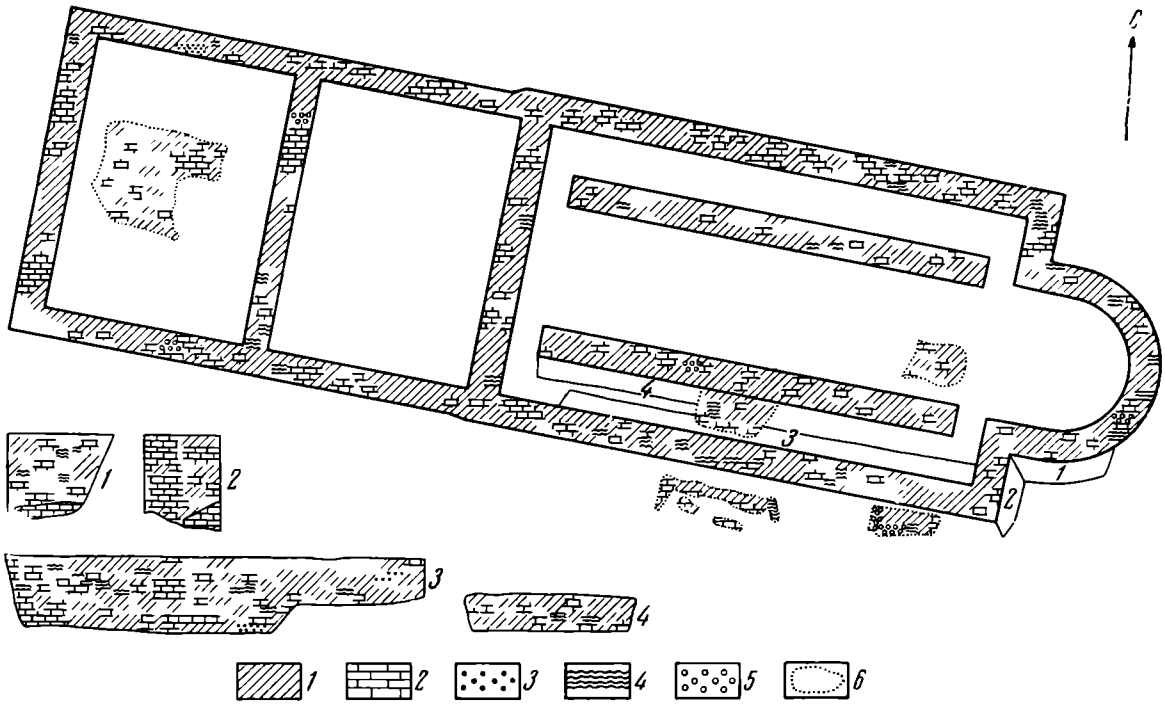


Рис. 4. Схема применения отдельных типов горных пород в стенах церкви № 3 на великоморавском городище в с. Микульчице (Моравия)

1 — песчаники с кальцитовым цементом, *2* — песчанистые известняки, *3* — оолитовые известняки, *4* — шламмовые известняки, *5* — мономинеральные мелкозернистые конгломераты, *6* — мостовая. Горизонтальная проекция по И. Полику

характерные деформации, которые можно классифицировать как результат скалывания, пиления, ретуши, шлифовки и полирования.

Из петрографических анализов вытекает, что самым важным сырьем неолитических коллекций являются кристаллические сланцы, среди которых явно доминируют метабазиты группы зеленых сланцев, представленные актинолитовыми, роговообманково-актинолитовыми и даже актинолит-роговообманковыми сланцами (рис. 2,*4*). Следующим важным сырьем является амфиболит (рис. 2, *3*). Другие кристаллические сланцы и метаморфические породы (филлит, графитовый сланец, эклогит, нефрит, змеевик), так же как и представители магматических горных пород (порфирит, спессартит) и осадочных горных пород (пелитовый сланец, известняк), встречаются реже.

Свойства биланской каменной индустрии исследовались также с точки зрения более точных знаний о строении материалов горных пород. Из результатов исследования вытекает, что первобытный человек эмпирическим путем установил технические параметры горных пород, сумев оптимально использовать эти знания при производстве орудий.

Определение происхождения каменного материала наиболее сложно. Но все-таки на основе имеющихся данных можно заключить, что ряд типов горных пород привозился на отдельные поселения из очень далеких областей. Это касается прежде всего кристаллических сланцев, особенно нефрита.

Интересные данные получены по результатам исследования отношений между морфологическими или же функциональными типами изделий и использованными типами горных пород. Так, устойчивые положительные корреляции между топорами и актинолит-роговообманковыми сланцами или топорами-молотами и амфиболитами в с. Киёвице и Плавеч заключаются, по всей вероятности, в различных технологических свойствах сырья. Приведенные данные надо, разумеется, считать предварительными. Необходимо получить точные сведения о механических свойствах

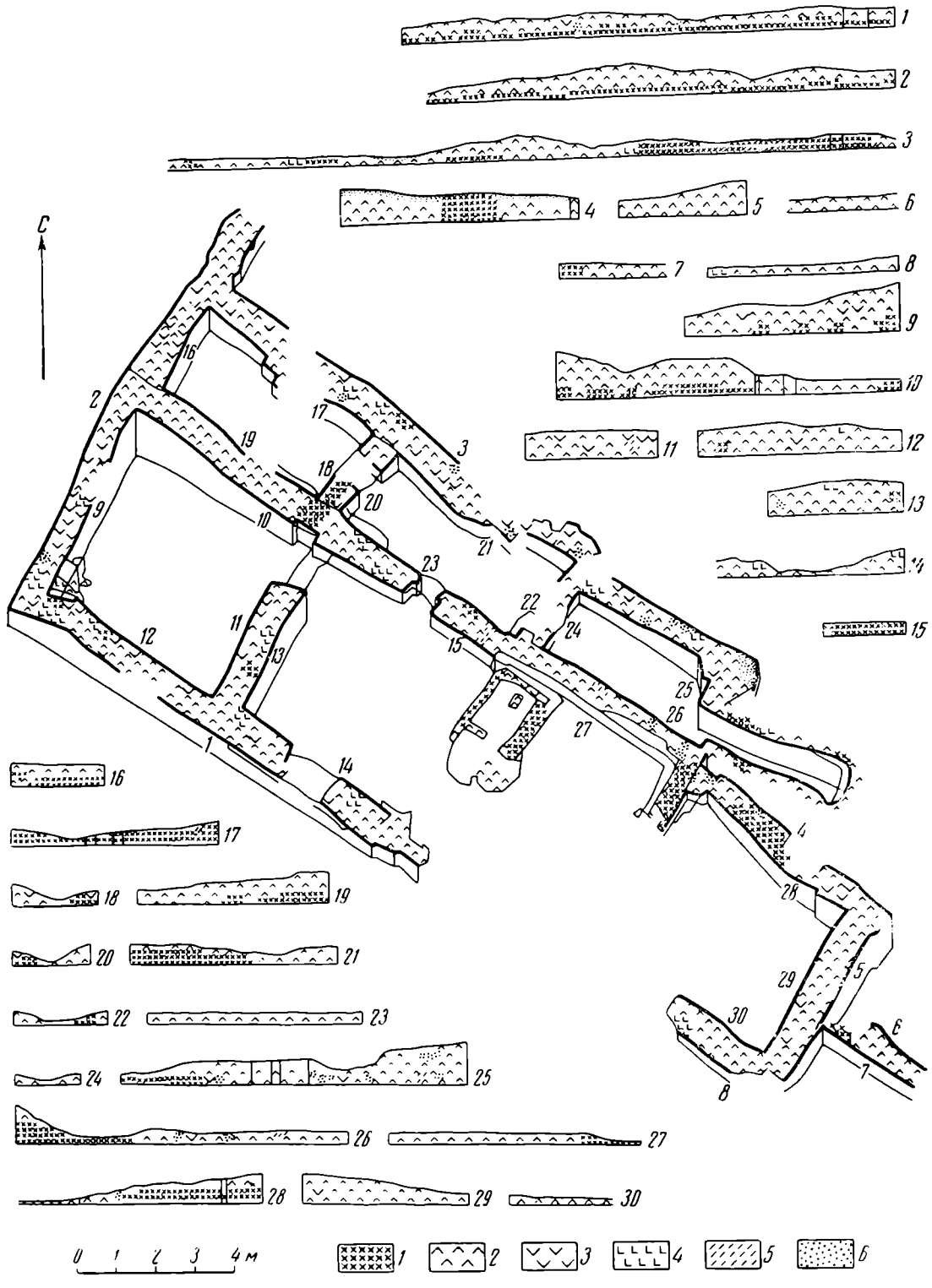


Рис. 5. Схема применения типов горных пород в фундаментах жилого здания № 5 населенного пункта Пфаффеншлаг вблизи с. Славонице (Моравия)

1 — мелкозернистый гранит, *2* — среднезернистый гранит, *3* — крупнозернистый гранит, *4* — гранит с вкраплениями, *5* — гранодиоритовый аплит, *6* — темная жильная горная порода. Горизонтальная проекция по В. Некуде

горных пород и опираться на результаты исследования больших коллекций изделий из камня.

Функции каменных шлифованных орудий исследовались при помощи метода С. А. Семенова [9]. Интересны результаты, достигнутые при исследовании категории памятников, которой до сих пор уделялось лишь небольшое внимание. Это и отбойники, песты для растирания краски, песты для растирания зерна, зернотерки и терочники для краски из поселения

[9] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957.

лендьельской культуры в с. Киёвице, жернова и абразивные изделия из великоморавского поселения «Поганско».

Отбойники, песты для растирания краски и песты для растирания зерна из киёвицкой коллекции имеют круглую форму, и их поверхность покрыта макродеформациями. Они изготовлены из роговика, гораздо реже — из кремня и кварца. Булыжная корка на большинстве изделий свидетельствует о добыче камня из щебеночных террас. Терочники для краски и зернотерки отличаются вогнутыми рабочими плоскостями с деформациями в виде раздробления минеральных частиц, возникшими в процессе работы. Терочники для краски изготовлялись преимущественно из гнейсов.

Жернова из поселения «Поганско» образуют с петрографической точки зрения две группы: липариты и слюдяные сланцы. В обоих случаях речь идет о горных породах, которые не встречаются в окрестностях поселения. Липариты с «Поганско» очень похожи на липариты из Рудных гор между городами Кремница и Банска-Штьявница (Словакия), а жернова из слюдяного сланца соответствуют гранат-биотит-мусковитым сланцам, из которых сделана большая часть известной коллекции моравских жерновов из слюдяного сланца. Происхождение этого материала можно будет определить только после более подробного сравнительного петрографического исследования. Следующие абразивные изделия, характеризующиеся своими отшлифованными плоскостями, сделаны из песчаников с кальцитовым, хлоритовым, кальцито-хлоритовым цементом, песчанистых известняков, оолитовых известняков и алевролитов.

Археологические исследования в Моравии принесли интересные открытия каменных культовых и светских построек в великоморавских городищах Старе-Место, Микульчице (рис. 4) и «Поганско» и в местонахождениях Пфаффеншлаге (рис. 5) вблизи с. Славонице и Мстеницах вблизи с. Гротовице. И здесь петроархеологические исследования принесли ряд важных данных.

Основным строительным камнем великоморавских городищ оказался песчаник с кальцитовым цементом (предположительно из белокарпатского стратиграфического горизонта юго-западных склонов Белых Карпат) и песчанистые известняки, происходящие из соседних окраинных областей северо-восточной части Венского бассейна. Как видно, материал транспортировали в относительно далекие пункты, между тем как камень из Пфаффеншлага (гранит, гранодиоритовые аплиты) и из Мстениц (змеевики (рис. 2, *2*), гранулиты, гнейсы, скарн) происходит из более близких окрестностей.

Тщательное определение количества того или другого сырья в сохранившихся до сих пор остатках и анализы строительных растворов привели к исследованию вопросов об отношениях между видами использованного сырья и характером или возрастом построек.

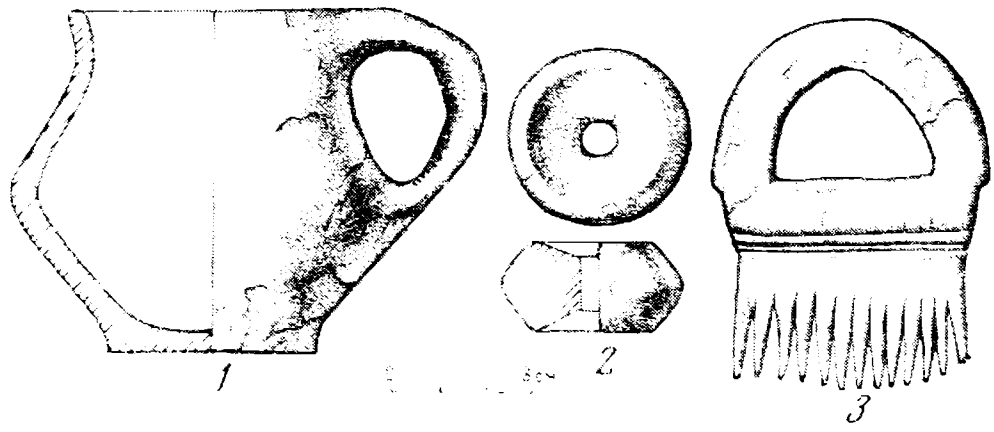
Результаты петроархеологических исследований строительного камня великоморавских городищ свидетельствуют о высоком организационном уровне добычи и транспортировки строительных материалов.

Наше стремление использовать петроархеологию и ее методику привело к определенным результатам, которых мы добились при исследованиях каменных археологических памятников в чехословацких местонахождениях. Наши исследования надо понимать как небольшой вклад в международное сотрудничество специалистов по этой проблематике.

В. В. КРОПОТКИН

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПОМОРСКО-МАЗОВЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. ГОРОДОК РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Близ с. Городок Ровенского района Ровенской области на левом берегу р. Устья (левый приток р. Горыни) в урочище Клементов на поле при рытье траншей для отстойников сахарного завода было разрушено несколько погребений. В конце июля 1962 г. ученики школы с. Великий Олексин в стенке одного из рвов, прорытых бульдозером, обнаружили человеческие кости и вещи, сопровождавшие погребенного, в том числе две бронзовые фибулы, каменные или стеклянные бусы и округлый бронзовый диск с орнаментом или надписью по краю (?). Вещи не сохранились. В том же году И. К. Свешников провел здесь небольшие разведоч-



Вещи из погребений у с. Городок.
1 — лощеный сосуд, *2* — пряслице, *3* — бронзовый гребень

ные раскопки и в стенках траншей обнаружил еще пять разрушенных трупоположений [1].

Погребение 2. Трупоположение с северной ориентировкой. Точное положение костяка установить не удалось. Погребальный инвентарь состоял из небольшой лепной чарки с боковой ручкой, дна лепного сосуда, биконического пряслица и двух бронзовых спиралек, соединенных вместе. Чарка имеет биконическое тулово, плоское дно и немного отогнутый наружу венчик. Овальная в сечении ручка расширяется кверху; она прикреплена к краю сосуда и к тулову на месте перегиба. Поверхность сосуда темно-коричневая с черными пятнами, заглажена, в глине примесь песка. Высота чарки 7,3, диаметр венчика 7,2, диаметр тулова 8,5, диаметр дна 4,5 *см*. Дно небольшого сосуда диаметром 3,8 *см* изготовлено из отмученной глины, имеет лощеную светло-коричневую поверхность. Биконическое пряслице диаметром 3,8 и толщиной 1,9 *см* имеет вогнутые стороны, поверхность его заложена, коричневого цвета (рисунок).

Погребение 3. Было разрушено при земляных работах, сохранился только череп и кости предплечий. Костяк ориентирован головой на север. Вещей в погребении не обнаружено.

---

[1] Вещи из погребений поступили в археологический музей Львовского государственного университета им. Ивана Франко. Автор выражает глубокую благодарность И. К. Свешникову за разрешение опубликовать неизданные материалы.

Погребение 4. В стенке траншеи обнаружены верхние части двух костяков, сохранность костей плохая, вещей нет.

Погребение 5. Трупоположение с северной ориентировкой. Рядом с костяком найден фрагмент биконического гончарного сосуда из отмученной глины с заглаженной светло-желтой поверхностью.

Погребение 6. В стенке траншеи обнаружены остатки погребения по обряду трупоположения, сохранился череп взрослого человека и обломок бронзового украшения.

На основании сохранившегося фрагментарного материала можно сделать некоторые предварительные выводы. Все погребения относятся к группе захоронений по обряду трупоположения с северной ориентировкой костяков, что отличает могильник у с. Городок от других могильников волынской группы (Дитиничи, Брест-Тришин, Велемичи, Любомль, Машев, Баев, Деревянное и др.) [2]. Трупосожжений на могильнике не обнаружено, но рядом с погребениями открыта ритуальная яма, на дне которой на глубине 0,5 *м* находились кости свиньи, обломки лепных и гончарных сосудов, несколько камней, глиняное пряслице с вогнутыми сторонами и небольшой бронзовый гребень с дуговидной прорезной рукояткой. Высота гребня 7,6, ширина ручки 5,5, толщина 0,3 *см*. Бронзовый гребень — уникальная находка на памятниках римского времени на территории Украины, но близкие по форме костяные и железные гребни встречены на памятниках Северной и Восточной Европы [3]. Аналогичные ямы, заполненные золой и камнями, обнаружены и на других могильниках волынской группы (Брест-Тришин, Любомль) [4].

Биконический лепной сосуд с боковой овальной ручкой относится к группе чарок, распространенных на памятниках пшеворской и поморско-мазовецкой культур. В бассейне Западного Буга и на Волыни близкие по форме чарки обнаружены на могильниках у с. Дитиничи Ровенской области (погр. 2) и в Брест-Тришине [5]. Наряду с лепной керамикой на могильнике у с. Городок найдены обломки гончарных сосудов, которые встречаются и на других могильниках волынского типа (Дитиничи, Велемичи, Баев и др.).

Погребальный обряд, сочетание лепной и гончарной керамики, характерная лощеная чарка с боковой ручкой, бронзовый гребень с высокой прорезной спинкой позволяют отнести могильник к волынской группе поморско-мазовецкой культуры и приблизительно датировать его III—IV вв.

---

[2] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 168 сл; Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, 4, стр. 219—226; его же. Могильник Брест-Тришин. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 97—101; его же. Еще раз о волынской группе полей погребений и о пути готов к Черному морю. «АР», XVI, 1971, стр. 249—253; его же. La problème de la civilisation «gothogépide» en Polesie et en Volhynie. «Acta Baltico — Slavica», v. 5. Białystok, 1967, p. 19—40; J. Okulicz. Studia nad przemianami kulturowyni i osedniczymi w okrese rzymskim na Pomorzu wschodnim, Mazowszu i Podlasiu, AP, XV, 2, стр. 419—492; М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. МДАПВ, 3, Київ, 1961, стр. 89—114.

[3] Э. А. Сымонович. Железные гребешки с поселений черняховской культуры. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 173—178, рис. 1—2; Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры. СА, 1969, 1, стр. 147—159.

[4] Ю. В. Кухаренко. Еще раз о волынской группе полей погребений..., стр. 250.

[5] М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е..., стр. 91, рис. 2, *10*.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ЗОЛОТО В КАРАСУКСКУЮ ЭПОХУ

Вопрос о применении золота в карасукскую эпоху до сих пор не привлекал внимания археологов, хотя сейчас известно уже пять золотых украшений, происходящих из разных мест Сибири. Первое из них, золотая тонкая пластина в форме дуги, и с отверстиями в концах, найдена в 1925 г. инженером Б. Н. Артемьевым при горноразведочных работах у ст. Оловянная Забайкальской ж. д., к юго-востоку от Читы (рисунок, *1*). Предмет этот был обнаружен в могиле, находившейся в устье Мельничного лога на правом берегу р. Онон, в 2 *км* к северу от ст. Оловянная [1].

Устройство могилы Б. Н. Артемьеву выяснить не удалось. В ней лежали череп женщины 45—50 лет (по определению С. А. Теплоухова), обломки ребер и другие кости. Из вещей кроме золотого украшения найдены еще два височных кольца в 3 оборота диаметром 3,2 *см*, из медной проволоки толщиной 2 *мм* (рисунок, *2*, *3*). Золотая полулунная пластина была издана С. А. Теплоуховым [2], но рисунок не совсем точный. В настоящей заметке он исправлен по описанию и размерам, приведенным в цитированной статье А. В. Попова [3] (рисунок, *1*). Височные кольца этого типа — обычные карасукские украшения, и на этом основании С. А. Теплоухов отнес погребение у Оловянной к карасукской эпохе. Более точно датировать его трудно. Все известные до сих пор забайкальские бронзы карасукского типа из случайных находок [4] относятся к позднекарасукскому времени, как и вещи, происходящие из комплексов — со стоянки к северу от с. Кункур на р. Онон [5] и из трех погребений, найденных Е. А. Хамзиной в 1959 г. на Посольской стоянке в устье Селенги [6]. Золотое украшение из погребения у ст. Оловянной А. В. Попов и С. А. Теплоухов считали шейным; оно несколько напоминает полулунную нагрудную подвеску из карасукского погребения на Ладейском поле, как отмечала уже Э. А. Новгородова [7], но гораздо больше — пластинчатые гривны типа найденной в раннеананьинском могильнике Скородум (VII в. до н. э.) [8]. Подобное полулунное украшение изображено под подбородком личины на оленном камне в Горном Алтае (правый берег р. Катуни, ниже скалы Бичикту-кая) [9]. Нельзя не

---

[1] Б. Н. Артемьев. Новые данные об Ононском оловяннорудном районе. Вестник геологического комитета, 1, 3. Л., 1925, стр. 39, 41; А. В. Попов. Находка медно-бронзовой гробничной культуры в Забайкалье. ИВСОРГО, 51, Иркутск, 1926, стр. 158—159.

[2] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2. Л., 1927, табл. XI, *7*.

[3] «Шейное золотое украшение в виде дуги или полулуния из пластины в виде ленты, по-видимому, кованой. Полулуние занимало переднюю половину шеи, в концах его имеются дырки для завязывания назади. Расстояние (хорда) между концами дуги — 15 *см*; между хордой и вершиной дуги — 10 *см*; длина дуги — 32 *см*, ширина пластины спереди — 1,8 *см*, у концов 0,7 *см*, толщина 0,08 *см*, вес 26,9 *г*» (А. В. Попов. Ук. соч., стр. 158).

[4] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XXIII—XXVII, XXVIII, *55*, *58*, XXX, *2*, *3*.

[5] Ю. С. Гришин. Древние памятники среднего течения р. Онона. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 106—107, рис. 41—справа, вверху (нож с кольцом).

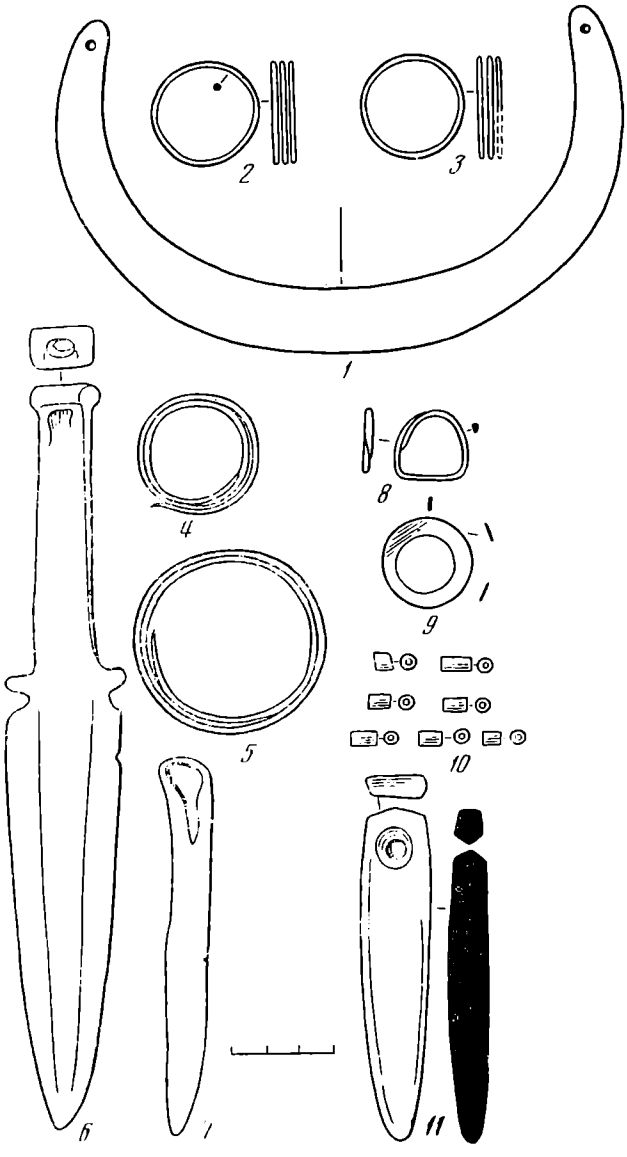
[6] Е. А. Хамзина. Новые находки бронзовых изделий в Забайкалье. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 1960, стр. 72. Вещи опубликованы в книге Э. А. Новгородовой: Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.

[7] Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, 60, 1955, рис. 55, *4*; Э. А. Новгородова. Ук. соч., стр. 143.

[8] О. Н. Бадер. Могильник. Скородум и ранний этап ананьинской культуры. Уч. зап. ПГУ, XII, 1. Пермь, 1960, стр. 140, рис. 8.

[9] Г. Н. Потанин. Памятники древности в Северо-Западной Монголии. «Древности». Тр. МАО, X. М., 1885, рис. на стр. 52.

вспомнить в этой связи и так называемую золотую пектораль из Саккыза в Курдистане (VII в. до н. э.) [10]. Рассматривая эту и подобные же золотые пекторали из Этрурии VIII—VII вв. до н. э. и более поздние — из Болгарии (VI и V вв. до н. э.), Р. Гиршман связывает происхождение этого рода украшений с Урарту: изображения таких пекторалей не раз встречены на урартских статуэтках VIII—VII вв. до н. э.[11] По форме эти последние ближе украшениям с алтайского оленного камня и из погребения у ст. Оловянная.



Вещи из карасукских погребений:

1—3 — погребение у ст. Оловянная; *4—7* — погребение у с. Харлово; *8—11* — Камышенка, кург. 31, мог. 4; *1, 4, 5, 8* — золото, *10, 11* — камень, остальное — бронза

Два карасукских височных кольца из золотой проволоки в 2,5 оборота найдены в погребении, раскопанном крестьянами у д. Харлово (Свищево) в верховьях р. Б. Камалы, правого притока Енисея (район Красноярска). Погребение содержало, кроме того, кинжал «с шипами» позднекарасукского типа и тагарский нож V в. до н. э. (рисунок, *4—7*) [12]. Это самый поздний из известных в настоящее время карасукских комплексов [13]. Бронзовые височные кольца той же формы, как в харловском погребении, обычны в карасукских памятниках.

Еще одно золотое проволочное колечко (височное или перстень — неизвестно, так как могила ограблена) найдено автором данной статьи в 1970 г. в центральной могиле кургана № 31 могильника Камышенка (Северный Алтай, правый берег Оби, Усть-Пристанский р-н Алтайского края). Могила, обложенная деревом, содержала, кроме того, точильный камень, бронзовое плоское кольцо, цилиндрические белые аргиллитовые бусы и обломки шести сосудов (рисунок, *8—11*). Над могилой было найдено очень много зубов, целых челюстей и костей ног лошади и коровы — кости эти занимали площадь около 5,5 × 4 *м* и представляли

---

[10] R. Ghirshman. Notes iranienne, IV. Le trésor de Sakkez, les origines de l'art Mède et le bronzes du Luristan. «Artibus Asiae». XIII, 3—4, 1950; его же. Perse. Proto—iraniens, Mèdes, Achéménides. Paris, 1963, стр. 327.

[11] R. Ghirshman. Perse..., стр. 308—310.

[12] Архив ЛОИА, д. № 78 за 1889 г., л. 3.

[13] Комплексов, где карасукские вещи найдены вместе с тагарскими VII и VI вв. до н. э., в настоящее время известно уже 16. Один из них (Райков улус) опубликован А. Н. Липским (А. Н. Липский. Археологические раскопки в Хакасии. КСИИМК, 64, 1956, стр. 121, рис. 52—*I, II, III*; 53), другой (Туран II, курган 5, могила 3) М. А. Дэвлет (М. А. Дэвлет. О брахикранном компоненте в составе населения тагарской культуры. СЭ, 1969, № 5, стр. 97, рисунок).

собой, может быть, остатки тризны. Могильник относится к алтайскому варианту ирменской культуры, одной из культур карасукского круга. Его дата — VIII—VII вв. до н. э.— определяется по ножам ирменско-большереченского типов и по керамике того же типа, что и в других ирменских памятниках с датированными вещами [14]. Курган № 31, где было найдено золотое колечко, большой (размерами 26×27 *м*, высотой 1 *м* 67 *см*) и окружен восемью малыми курганами диаметром 10—12 *м*, высотой до 70 *см*. Вероятно, большой курган был насыпан для семьи вождя.

О последнем украшении — золотой серьге, найденной также в 1970 г. в позднекарасукском могильнике Зевакино,— мне сообщила Ф. Х. Арсланова. Зевакинский могильник находится в Восточно-Казахстанской области Казахской ССР, на границе с Алтаем, на правом берегу Иртыша, в 60 *км* ниже Усть-Каменогорска. 11 бронзовых позднекарасукских ножей (из них 8 «с аркой на кронштейне», 1 — с валиковым навершьем, 1 — с глаголеобразным и 1 — с грибовидной шляпкой) позволяют датировать могильник времени около VIII в. до н. э. [15]

Находки золотых украшений в памятниках конца карасукской эпохи (с VIII в. до н. э. и позже) на Иртыше, Оби, Енисее и Ононе позволяют говорить о том, что в это время золото было уже довольно широко распространено в Сибири. Немногочисленность находок отчасти может объясняться тем, что огромное большинство карасукских могил ограблено. На западе в ту же эпоху золото хорошо известно в предананьинских и раннеананьинских памятниках Поволжья (Старший Ахмыловский могильник) и фрако-киммерийских памятниках Галиции, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии (золотые клады из Михалкова, Михаени, Фокору, Даль и др.) [16]. Заметим, что перечисленные золотые клады состоят почти исключительно из украшений. Нет сомнений, что фракокиммерийские памятники гораздо богаче золотом, чем памятники Сибири карасукской эпохи. Все же наличие золотых украшений в карасукских комплексах представляет еще одно свидетельство того, что уровень развития общества в Сибири в это время был более или менее близок к уровню его в Центральной Европе, о чем говорят и другие археологические данные (наличие всадников и близкие формы конского убора и оружия; погребения вождей, выделяющиеся размерами и сложностью погребальных сооружений и др.).

---

[14] Подробнее о могильнике и его дате см.: Н. Л. Членова. Датировка ирменской культуры. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

[15] Ф. Х. Арсланова. Раскопки в Восточном Казахстане. АО. 1968. М., 1969, стр. 403; Материал — в кабинете археологии Усть-Каменогорского пединститута. О дате ножей «с аркой» см Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-татарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, 3, стр. 56, 59; ее же. Основные вопросы происхождения тагарской культуры. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, таблица-вклейка, рис. 48—51.

[16] M. Hoernes — O. Menghin. Urgeschichte der Bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 23, 29; M. Ebert, RLV, 8, Berlin 1927, табл. 52—56, 56 — *A;* N. Nestor. Ein thrako — kimmerischer Goldfund aus Rumänien. ESA, IX, 1934; И. К. Свешников. О символике вещей Михалковских кладов. СА, 1968, 1.

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ

О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОЗДНИХ СКИФОВ КРЫМА

Одной из причин, побудивших скифов осваивать крымские земли, было стремление подчинить греческие города-колонии и вести самостоятельную торговлю хлебом с греками. Еще задолго до оседания скифов в Крыму основные земледельческие культуры — пшеница и рожь — были им известны. На позднескифских городищах Крыма встречены зерна различных злаков: на Тарпанчи в 1959 г. открыто зернохранилище с запасами пшеницы (85,9%), ячменя (9,5%) с примесью ржи (1%) [1]. Остатки зернохранилища с амфорами и лепными горшками с пшеницей, ячменем, просом, зерновая яма с остатками зерен пшеницы обнаружены на городище Алма-Кермен [2]. Там же на глинобитном полу дома с фресками (раскопки 1959—1960 гг.) были найдены амфоры и лепные сосуды, наполненные зернами пшеницы, ячменя, и, что особенно важно, одна из амфор содержала узкозерную рожь [3].

Неоднократные находки зерен в раскопках, а также исследование отпечатков зерна в саманных кирпичах и соломы с Неаполя скифского позволяют сделать вывод, что здесь были распространены ячмень, просо и полба-двузернянка [4]. Те же культуры известны на клерах Херсонеса [5], однако рожь впервые засвидетельствована в Крыму как культура — до этого она была известна как сорняк. На Боспоре в слоях первых веков нашей эры рожь встречается, но в очень небольшом количестве и как засоритель пшеницы [6].

Известно свидетельство Страбона, что Крым, за исключением горной области, представлял собой плодородную равнину, чрезвычайно богатую хлебом [7]. Однако результаты изучения позволяют сделать вывод, что урожаи на северопонтийских землях были самые скромные: для пшеницы сам-шесть или сам-семь, для ячменя сам-пять [8].

Земля требовала тщательного ухода. Еще с древних времен скифы были, по-видимому, знакомы со сложными приемами агротехники. Одна из культур, распространенных на ранне- и позднескифских поселениях,— просо, благодаря своим биологическим особенностям, очень требовательно к чистоте почвы и издревле высевалось на свежих, незасоренных участках [9]. Можно думать, что скифам была известна переложная система земледелия [10].

Из текста Страбона, так же как и из легенды о падении с неба золотого плуга и ярма, переданной Геродотом, мы узнаем о плужном земледелии у скифов. Б. Н. Граков считал, что без развития плужного земледелия невозможно представить себе производство такого огромного количества хлеба, который вывозился из Скифии [11]. Помимо основного сельскохозяйственного орудия — плуга использовались вспомогательные. Это

---

[1] А. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. СХМ, II, 1961, стр. 77.

[2] Е. В. Веймарн. Отчет о работе горного отряда Крымской археологической экспедиции КФ АН УССР и Бахчисарайского музея, 1954. Архив ОАСА.

[3] Определение зерна сделано А. В. Кирьяновым.

[4] И. Н. Шульц. Исследование Неаполя скифского (1945—1950 гг.) ИАДК, 1957, стр. 78.

[5] С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. ХС, 1961, стр. 84 сл.

[6] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 81.

[7] Strabo, VII, 4, 6.

[8] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 158—159.

[9] Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Автореф. докт. дис., Киев, 1965, стр. 10.

[10] М. В. Слободин. Развитие и смены систем земледелия до первого тысячелетия новой эры. Мат. по истор. земледелия в СССР, I, 1952, стр. 43.

[11] Б. М. Граков. Скіфи, Київ, 1947, стр. 34.

прежде всего мотыги. В Северном Причерноморье известны мотыги различных форм. По мнению В. Д. Блаватского, они предназначались для возделывания огородов [12]. Небольшая железная мотыга встречена на городище Алма-Кермен [13]. Жатву производили серпами. В Северном Причерноморье найдено довольно много железных серпов разной кривизны. На Алма-Кермене обнаружено два спекшихся железных серпа со слабо изогнутыми лезвиями [14].

Мы не располагаем никакими данными, позволяющими судить о том, как скифы обмолачивали хлеб. Ксенофонт указывает, что у греков для

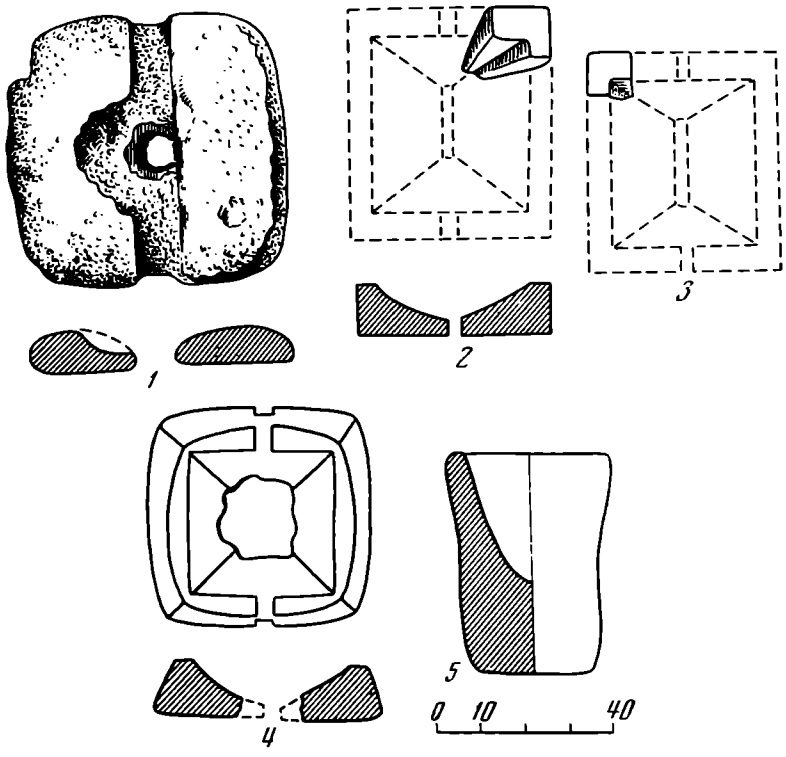


Рис. 1. Прямоугольные жернова-толкачи и каменная ступа

1, 2 — Неаполь скифский; *3* — городище Заячье; *4, 5* — Усть-Альминское городище

молотьбы служил различный подъяремный скот — волы, мулы, лошади. Животных гоняли по кругу, подбрасывая им под ноги колосья, из которых скот выбивал зерна [15]. По-видимому, этот же способ обмолота зерна существовал и у нас на юге [16]. Кроме того, могли употребляться молотильные доски.

По свидетельству Плиния, обмолоченный хлеб лучше всего сохраняется в ямах [17], которые нужно было сделать в сухой земле, а затем устлать мякиной. Такой же способ хранения зерна существовал и у крымских скифов. На Неаполе, в районе центральных городских ворот, открыто 60 зерновых ям разной величины. По мнению П. Н. Шульца, здесь было крупное зернохранилище общественного характера [18].

Известны зерновые ямы на позднескифских городищах Нижнего Днепра. Так, на Козацком городище В. И. Гошкевич обнаружил 10 ям;

---

[12] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 108.

[13] Т. Н. Высотская. Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен. КСИА АН СССР, № 11, 1961, стр. 78, рис. 3.

[14] Там же, стр. 78, рис. 4.

[15] Xenoph., Oecon., XVIII, 4, 5.

[16] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 129.

[17] Plinius Secundus. Naturalis historia, XVIII, стр. 306.

[18] П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 72.

некоторые из них имели грушевидную форму [19]. Открыты ямы в Золотой Балке [20], на Алма-Кермене и Южно-Донузлавском городище [21]. Если на Каменском городище известны только примитивные каменные зернотерки [22], то на Знаменском городище, на Золотой Балке, на Гавриловском, Любимовском городищах встречаются уже прямоугольные и круглые жернова [23]. Прямоугольные жернова-толкачи (рис. 1) скифами, по-видимому, заимствованы у греков, где они были известны уже в V—IV вв. до н. э. По мнению И. Б. Зеест, прямоугольные жернова существовали наряду с более совершенными круглыми [24]. На позднескифских городищах Крыма прямоугольные и круглые ручные жернова находят в слоях одного времени.

Катон наряду с ручными упоминает мельницы, которые приводятся в движение при помощи ослов. По-видимому, найденный на Алма-Кермене обломок верхнего жернова диаметром 2,20 *м* и толщиной 0,25 *м* принадлежал одной из таких мельниц. Для крупного размола и изготовления крупы зерно толкли в каменных ступах. Большое количество ступ обнаружено на Боспоре, в том числе в Илурате [25]. Ступы довольно часто встречаются на позднескифских поселениях Крыма. Они найдены на Южно-Донузлавском городище [26], на Тарпанчи [27], Чайке, две на Усть-Альминском городище. Одна из них сделана из известняка, высота ее 48 *см*, диаметр чащи 36 *см* (рис. 1, *5*).

М. И. Артамонов, трактуя известную легенду о священном золоте, переданную Геродотом, высказал предположение, что у скифов земля распределялась между хозяйствами ежегодно, а площадь надела ограничивалась [28]. В настоящее время мы не располагаем какими-либо данными относительно землепользования у поздних скифов. Земельные участки, прилегающие к тому или иному городищу, сейчас распаханы или застроены. Исключение в этом отношении составляет городище Заячье. Крутые склоны балки и плато селища пока не распахиваются из-за рельефа местности. На юго-запад от селища на сотни метров тянутся выложенные камнем полевые межи, ограничивающие наделы шириной от 11 до 50 *м*. Определить время появления этих наделов не удается. Однако находок, относящихся к средневековью, на этой территории не обнаружено. Среди документов, хранящихся в Симферопольском госархиве [29], данных о каких-либо мелких земельных наделах в данной местности в XVIII—XIX столетиях выявить не удалось. Эти факты убеждают нас, что каменные межи связаны с позднескифским городищем Заячьим. Они ограничивали, по-видимому, небольшие земельные участки, принадлежащие членам жившей здесь сельскохозяйственной общины. Если наше предположение верно, то это новый факт о существовании у скифов определенных земельных отношений.

---

[19] В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра, ИАК, 47, СПб., 1913, стр. 125, табл. V.

[20] М. І. Вязьмітіна. Золота Балка, Київ, 1962, стр. 51, рис. 24—25.

[21] О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 70.

[22] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 142, рис. 15.

[23] П. И. Либеров. Земледелие у скифских племен Приднепровья в VI—II вв. до н. э. Материалы по истории земледелия СССР, 1, 1952, стр. 88, рис. 5.

[24] И. Б. Зеест. Киммерикийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, 33, 1950, стр. 99.

[25] В. Ф. Гайдукевич. Илурат, МИА, 85, 1958, стр. 117, рис. 120.

[26] О. Д. Дашевская. Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 г. КСОГАМ, 1961, стр. 54.

[27] А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—63 гг. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 146.

[28] М. И. Артамонов. О земледелии и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. н., 15, 1948, стр. 7.

[29] Фонд № 377.

На ряде городищ и селищ Крыма заметно террасирование склонов, что говорит о борьбе в древности с эрозией почвы, т. е. об относительно высокой культуре земледелия. Наряду с земледелием скифы в Крыму занимались виноградарством и виноделием. Две обломанные переносные каменные давильни для винограда, использованные в качестве закладных плит подбойных могил, были открыты в 1955 г. при раскопках алма-керменского некрополя [30]. В 1954 г. каменная давильня, вырубленная в материковой скале, обнаружена в Акшейской балке близ скифского городища Краснозоринского [31]. Высеченная в скале давильня была обнаружена на Неаполе скифском [32]. В 1903 г. Н. Печенкин на левом берегу р. Бельбека около устья открыл высеченную из камня виноградную давильню [33]. В устье Бельбека известно позднескифское городище. По-видимому, найденная Н. Печенкиным давильня принадлежит ему. Тарапан обнаружен и на Южно-Донузлавском городище [34].

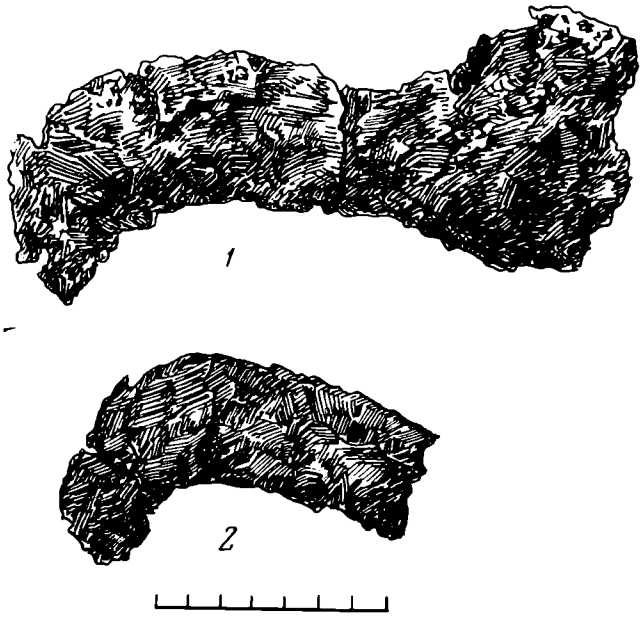


Рис. 2. Виноградные ножи с городища Алма-Кермен

Кроме давилен, на существование виноградарства у скифов указывают найденные на Неаполе скифском обуглившиеся кусочки веток виноградной лозы [35], а также обнаруженные на городище Тарпанчи зерна винограда, аналогичные зернам из раскопок на Гераклейском полуострове [36].

На городище Алма-Кермен найдены два ножа для срезания виноградных лоз. Один из этих ножей (рис. 2, *2*) имеет распространенную в Северном Причерноморье форму [37]. Виноградный нож найден и на Южно-Донузлавском городище [38]. По-видимому, виноградарство, а следовательно, и виноделие скифы заимствовали у греков. На Боспоре первые попытки разведения винограда делались еще в VI в. до н. э., а в Херсонесе в V в. до н. э. [39] К III в. до н. э. виноградарство на Гераклейском полуострове принимает широкие размеры. Об этом свидетельствует надпись в честь Агасикла Ктесиева, сообщающая о размежевании виноградников на равнине [40]. О времени появления виноградарства у скифов в на-

---

[30] Т. Н. Высотская. Ук. соч., стр. 78, рис. 6.

[31] Е. В. Веймарн. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму. КСИА АН СССР, 10, 1960, стр. 110 сл., рис. 2 и 3.

[32] П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 78.

[33] Отчет Н. Печенкина о раскопках, произведенных летом в 1903 г. на Северной стороне Севастополя и на р. Бельбек. Архив ЛОИА, дело ИАК № 109, 1903, л. 15—16.

[34] О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 70.

[35] Н. А. Троицкий. Растительный покров Неаполя скифского. Рукопись. Архив ОАСА, дело № В—104, стр. 8. Автор считает, что обнаруженные ветки нельзя отнести к привозным, виноград культивировался или на плато Неаполя, или в долине Салгира.

[36] А. Н. Щеглов. Ук. соч., стр. 77.

[37] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 112, рис. 41.

[38] О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 71, рис. 21, *1*.

[39] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 88—89.

[40] Iospe, I², 418.

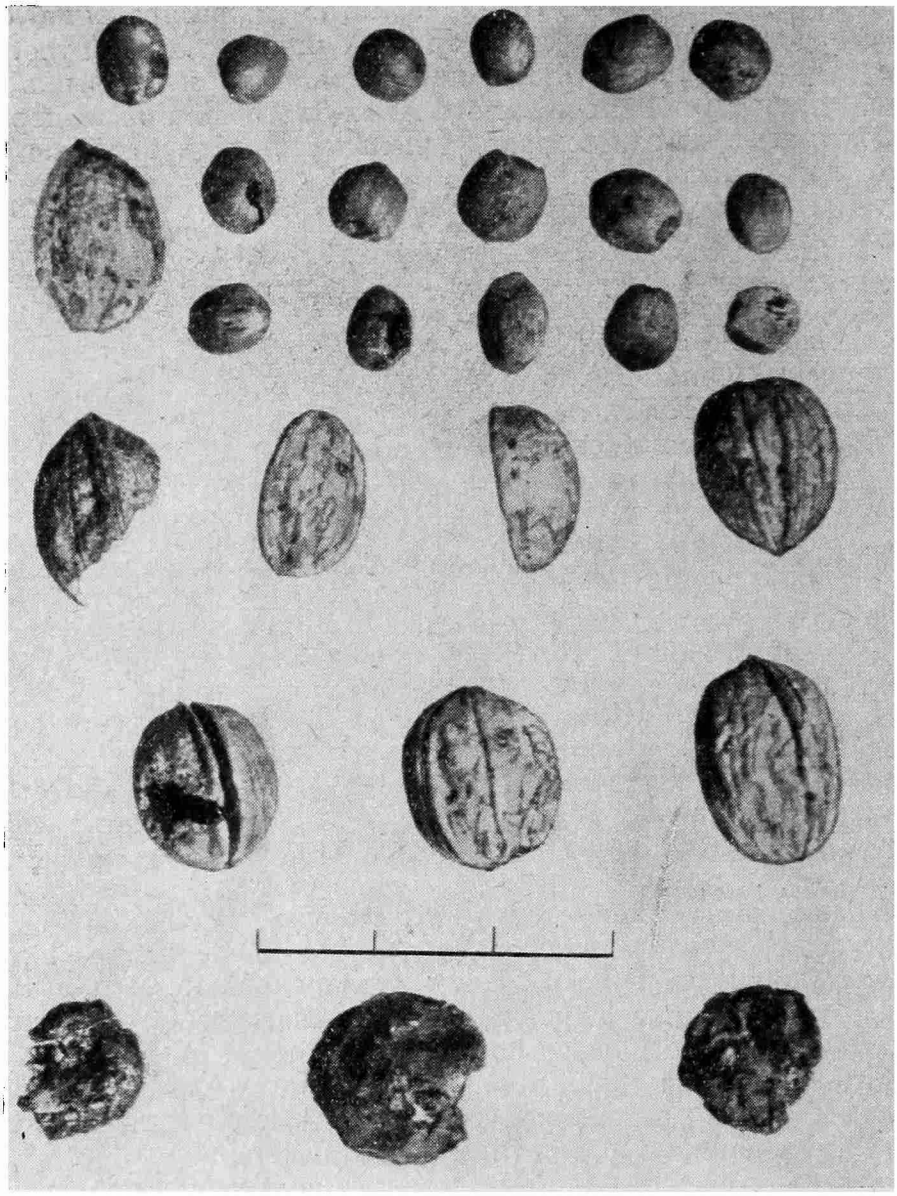


Рис. 3. Грецкие и лесные орехи из погребения могильника у с. Озерное

стоящий момент судить трудно. А. Н. Щеглов предполагает, что виноградные зерна, найденные на Тарпанчи, относятся к III в. до н. э.[41]. Возможно, население северо-западного побережья Крыма, тесно связанное с Херсонесом, восприняло у греков эту культуру раньше, чем скифы, жившие в других районах полуострова. Виноградные ножи, найденные на городище Алма-Кермен, относятся ко II—III вв. По-видимому, в это время виноделие в Крыму принимает широкие размеры и вино становится товаром. Об этом можно судить по открытой в урочище Кизил-Коба усадьбе богатого винодела III—IV вв., хранившего в прохладной пещере амфоры с вином, очевидно предназначенным для продажи[42].

О скифском садоводстве мы имеем еще более скромные представления. Доказательством существования его являются находки двух ссохшихся груш в одном из склепов III—IV вв. позднескифского могильника Озерное 2. В деревянную мисочку вместе с грушами были положены

[41] А. Н. Щеглов. К истории древнего виноградарства в Крыму. Виноградарство и садоводство Крыма, 12, 1961, стр. 42.

[42] О. И. Домбровский. Пещеры и урочище Кизил-Коба в позднеантичный период. Тр. комплексной карстовой экспедиции АН УССР, 1963, стр. 154.

грецкие и лесные орехи (рис. 3). Скорлупки от двух грецких орехов обнаружены Н. А. Богдановой в могильнике с. Заветного. В 1959 г. на Неаполе скифском было найдено обуглившееся яблоко.

Одной из важнейших отраслей хозяйства поздних скифов было скотоводство. Если в античных городах Северного Причерноморья развитие животноводства идет по пути увеличения роли крупного рогатого скота [43], то у поздних скифов, насколько позволяют судить данные последних лет, главную роль играл мелкий рогатый скот. Свиней разводили мало. По сравнению с другими позднескифскими городищами Крыма на Неаполе скифском преобладали костные остатки лошадей, что позволило В. И. Цалкину предположить, что лошадь у крымских скифов «использовалась не только как транспортное животное, но и широко употреблялась в пищу» [44].

Однако основную роль играло производство хлеба — главного предмета торговли и источника доходов скифов. Недаром на монетах Скилура, чеканенных в Ольвии, как символ земледелия изображалась Деметра. Главным предметом вывоза Пантикапея, Херсонеса и Ольвии также был хлеб. Эти города являлись посредниками в торговле скифов с греческой метрополией.

Херсонесская присяга обязывала граждан свозить и продавать хлеб с равнины только в Херсонесе. Это свидетельствует о стремлении государства установить в III в. до н. э. монопольную торговлю хлебом [45]. Недаром скифы неустанно вели борьбу за овладение северо-западным и западным побережьем полуострова и Херсонесом, стремясь к самостоятельной торговле хлебом. Н. Н. Погребова высказала предположение, что торговля у скифов находилась в руках правящей верхушки общества. Полученные товары распределялись между населением городища, но львиная доля их шла в пользу знати [46].

Как свидетельствует целый ряд источников [47], в первые века нашей эры Херсонес оживил торговые связи с различными центрами Причерноморья. Наряду с другими товарами вывозился и хлеб. В хлебе нуждался стоявший в городе римский гарнизон. К этому времени Херсонес окончательно потерял хору — свою основную земледельческую базу. В связи с этим, очевидно, потребность в хлебе, производимом скифами, возросла. На протяжении своей истории, судя по эпиграфическим данным, Херсонес неоднократно испытывал нужду в хлебе. В декрете в честь одного из граждан Херсонеса говорится, что чествуемый оказал помощь хлебом нуждающимся гражданам [48]. Этот декрет датируется скорее всего I в., т. е. относится ко времени ожесточенной борьбы скифов с Херсонесом, которая, как известно кончилась тем, что в 60-х годах I в. римские войска вошли в Херсонес [49]. Сопоставляя эти факты, следует сделать вывод, что Херсонес, особенно в годы неурожая, нуждался в скифском хлебе. Начавшаяся борьба со скифами нарушила регулярное снабжение города хлебом. Сохранившаяся часть одного из почетных декретов II в. свидетельствует о том, что Херсонес в это время испытывал затруднение в продовольствии, в частности в хлебе, и был вынужден обратиться за помощью к частному лицу [50]. Скифский хлеб играл немалую роль на понтийском рынке, в частности на херсонесском.

[43] П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья. МИА, 53, 1960, стр. 126.

[44] В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя. СА, XX, 1954, стр. 285.

[45] Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 28.

[46] Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958, стр. 31.

[47] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 31.

[48] Iospe, I², 355.

[49] E. Minns. Scythia and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 523; CIL, XIV, 360.

[50] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 22—28.

М. Б. МУЖУХОЕВ

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРАШЕНИЙ ИНГУШЕЙ

На территории Чечено-Ингушской АССР особенно густо насыщены средневековыми архитектурными комплексами западные районы края, издавна населенные вайнахским племенем ингушей.

В 1925—1932 гг. проф. Л. П. Семенов провел археолого-этнографические экспедиции в горной Ингушетии [1]. Наступивший после этого долгий перерыв в изучении исторического прошлого ингушей на базе археологических источников был прерван лишь в 60-х годах историографической работой В. И. Марковина, посвященной в основном учету и фиксации средневековых бытовых, погребальных и культовых построек края [2].

В 1969—1971 гг. были проведены очередные раскопки на могильниках у башенных селений Кошк, Оздик, Хамхи, Вовнушки и Таргим. Все эти могильники состоят из полуподземных и надземных склепов [3]. Среди многочисленных и разнообразных находок обращают на себя внимание височные подвески из серебра и бронзы. Они имеют вид плоской серповидной пластинки, которую окаймляют по наружному выгнутому краю восемь (реже шесть-семь) круглых или полукруглых выступов. Последние бывают выпуклые и плоские. Встречаются также подвески совсем без выступов — лунницы. Верхняя вогнутая грань пластинки представляет собой сильно стилизованное изображение древа жизни с двумя обращенными к нему клювами, заменяющими полные фигурки птиц. У безлопастных подвесок-лунниц внутренняя вогнутая часть, как правило, ровная, без орнаментальных вырезов. Размеры височных подвесок колеблются от 3,7 до 9 *см* (по вертикали).

В 1930 г. экспедицией Л. П. Семенова было собрано 16 таких подвесок, в предшествующие годы — пять [4]. Эта коллекция, сохранившаяся только частично, находится в Чечено-Ингушском краеведческом музее. В нескольких экземплярах аналогичные украшения встречены Р. М. Мунчаевым при раскопках близ с. Бамут [5] и В. И. Марковиным во время разведочных работ 1966 г. в Джераховском ущелье (горная Ингушетия) [6].

В настоящее время коллекция подвесок пополнилась 36 новыми в результате проведенных нами раскопок 1969—1971 гг. Возросшая численность, видовое разнообразие височных колец, появившаяся возможность проследить изменение их форм в сопоставлении с различными хронологическими ярусами раскопанных склепов дают возможность не только составить типологическую схему подвесок и очертить их ареал, но и предложить датировку отдельных типов.

Типологический ряд мы строим исходя из принципа постепенного упрощения конфигурации подвесок, схематизации и стилизации тех сюжетов, которые легли в основу первоначального их оформления. Этот принцип обычен для произведений прикладного искусства. Согласно типологии А. В. Арциховского, тенденция в оформлении внешнего вида вятических височных колец, кстати, напоминающих общим обликом ингушские, также состоит в постепенной деградации, а затем и полном исчезновении лопа-

---

[1] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963.

[2] Отчет В. И. Марковина за 1966 г. Чеч.-Инг. гос. музей.

[3] М. Б. Мужухоев. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья. Арх.-этногр. сб. IV. Грозный, 1972.

[4] Л. П. Семенов. Ук. соч., стр. 111.

[5] Р. М. Мунчаев, Е. И. Крупнов. Отчет СКАЭ за 1959 г. Архив ИА АН СССР, дело № 2018, стр. 104.

[6] В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 18—20, его же. В стране вайнахов. М., 1969, стр. 16.

стей. Правда, там верхняя часть подвесок приобретает со временем все более декоративный вид[7].

Итак, к первому типу мы относим подвески с крупными, почти круглыми (а иногда и полушаровидными выпуклыми) выступами, обрамляющими нижний (выпуклый) край. Как правило, таких выступов восемь и располагаются они вплотную друг к другу. Верхний край подвесок, как мы уже говорили, оформлен широко распространенным на Востоке сюжетом — древо жизни с птицами по обеим его сторонам. Древо изображается в виде трехчленного в верхней части выступа или реже — выступа с закругленным верхом. В его основании нередко помещался ромб (ромб с крестом внутри), представляющий собой характерный женский знак плодородия. Фигуры предстоящих птиц еще более схематизированы, чем древо. От них остались в лучшем случае острые хищные клювы, а чаще — просто закругленные выступы, иногда снабженные кружками, имитирующими глаза.

Плоскость самой подвески обыкновенно покрывается дугообразно расположенным рядом тонко заштрихованных треугольников, широкой заштрихованной полосой или тем и другим вместе. Сверху подвеска снабжена массивной дужкой, на одном расплющенном конце которой пробита дырка для скрепления с аналогичным отверстием на самой подвеске (рис. 1, *1—6*). Таков, на наш взгляд, исходный, первоначальный тип височных подвесок ингушей.

Следующий, второй тип представлен подвесками, у которых значительно сильнее, чем у первого типа, схематизирован мотив верхнего края. Если выступы на нижней грани по-прежнему ярко выражены, то мотив древа и предстоящих птиц почти неразличим. Кончики клювов сливаются с древом (их отделяют только сквозные круглые отверстия). На отдельных экземплярах древо совсем исчезает. Остаются только слившиеся клювы, а иногда верхняя часть превращается просто в волнистый вырез — выступающее древо в ней заменено выемкой (рис. 1, *7, 8*; рис. 2, *1—4*).

В третий тип мы включаем подвески, представляющие последующий этап упрощения исходной формы. Наряду с дальнейшей схематизацией верхнего сюжета подвесок (сохраняется только древо в виде сравнительно небольшого двухчленного выступа), а затем и его почти полном исчезновением выступы нижней грани значительно уменьшаются по своим размерам, численности и начинают сливаться с выгнутым краем пластинки. Подвески орнаментированы отдельными, не связанными друг с другом заштрихованными треугольниками и лепестками (рис. 2, *5—9*).

Выделяемый нами четвертый тип заключает схематизацию подвесок. Они превращаются в последнюю разновидность — простые лунницы (рис. 2, *10—12*).

Уверенность именно в таком направлении эволюции подвесок базируется не только на очевидной логике стилизации сюжета. Она подкрепляется и более вескими доводами. Так, за несколько последних лет впервые в горной Ингушетии полностью расчищено восемь коллективных надземных склепов XIV — первой половины XVIII в. с выяснением стратиграфии вещей, и в частности височных подвесок[8]. Все исследованные нами склепы сохранили внутреннее ярусное членение. Почти в каждом ярусе и этаже прослежены остатки погребений с инвентарем в один или несколько слоев (толщина слоя 25—30 *см*).

Приводим поярусное и послойное размещение подвесок в исследованных склеповых усыпальницах (рис. 3). В рассматриваемой схеме представлены пяти-, четырех- и двухъярусные склепы, а также один двухэтажный. Следует подчеркнуть, что, несмотря на различное количество

[7] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1928, стр. 49—55.

[8] М. Б. Мужухоев. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья.

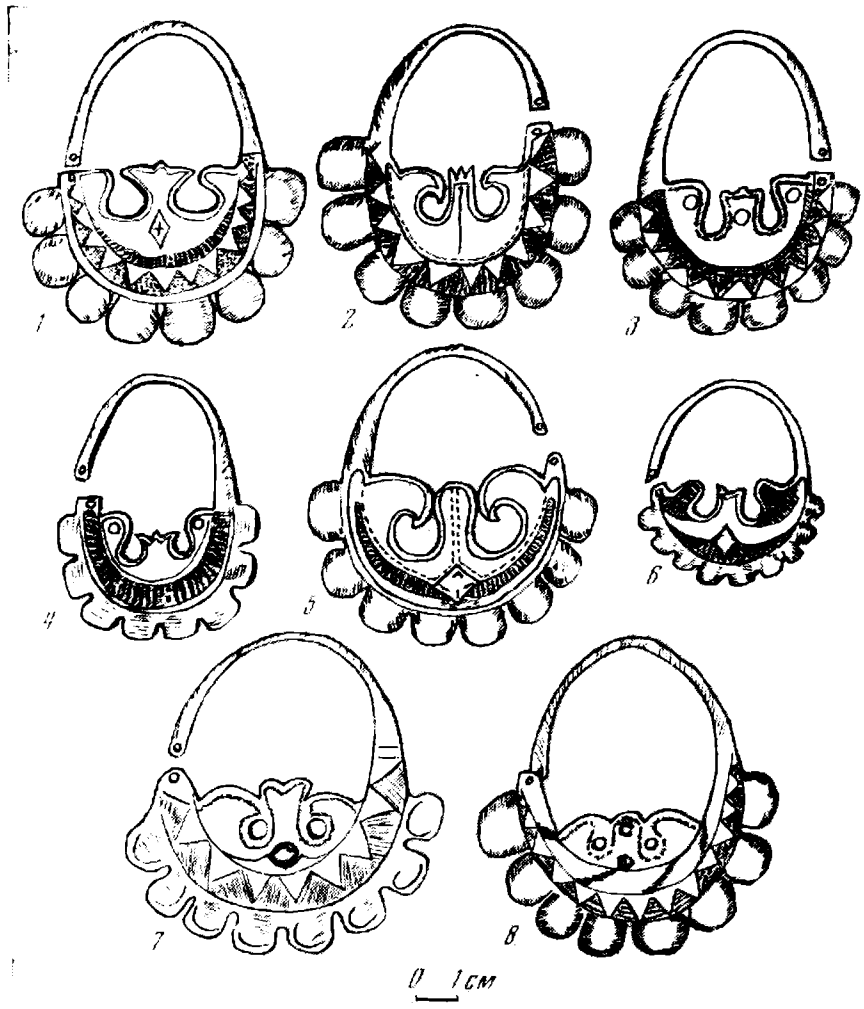


Рис. 1. Височные подвески ингушей XIV—XV вв.
1—6 — подвески I типа; *7, 8* — II типа

ярусов, все склепы, как правило, начали функционировать в XIV в., а закончили свое существование в XVIII в. У двухъярусного склепа материал значительно более «сплющен», чем у пятиярусных или двухэтажного. Тем не менее и он дает ту же картину распространения подвесок, что и остальные семь склепов.

Как видно из рис. 3, наиболее многочисленны первый и второй типы подвесок. И тот и другой явно тяготеют к нижним (наиболее ранним) ярусам и слоям захоронений. Дата нижних ярусов устанавливается по наконечникам стрел XIV—XV вв., бронзовому зеркалу золотоордынского типа XIV в., серьгам XIII—XV вв., сероглиняной (характерной для XIII—XV вв.) керамике и некоторым другим вещам, не выходящим за рамки XIV—XV вв. Вместе с тем наряду с сосуществованием обоих типов в отдельных ярусах подвески второго типа попадаются и в более поздних слоях и ярусах.

Третий тип подвесок встречен дважды и, как первые типы,— в нижних ярусах. Можно пока только предположительно, по данным одного склепа, говорить о его появлении в коллективных усыпальницах несколько позже второго типа [9].

[9] Подвеска третьего типа в нижнем слое пятого яруса Оздикского склепа 7 является, очевидно, случайной находкой, не связанной с данными погребениями, поскольку перекрытий между слоями погребений не наблюдалось и проникновение более поздних вещей в пределах одного яруса в нижние слои из верхних было, естественно, неизбежно.

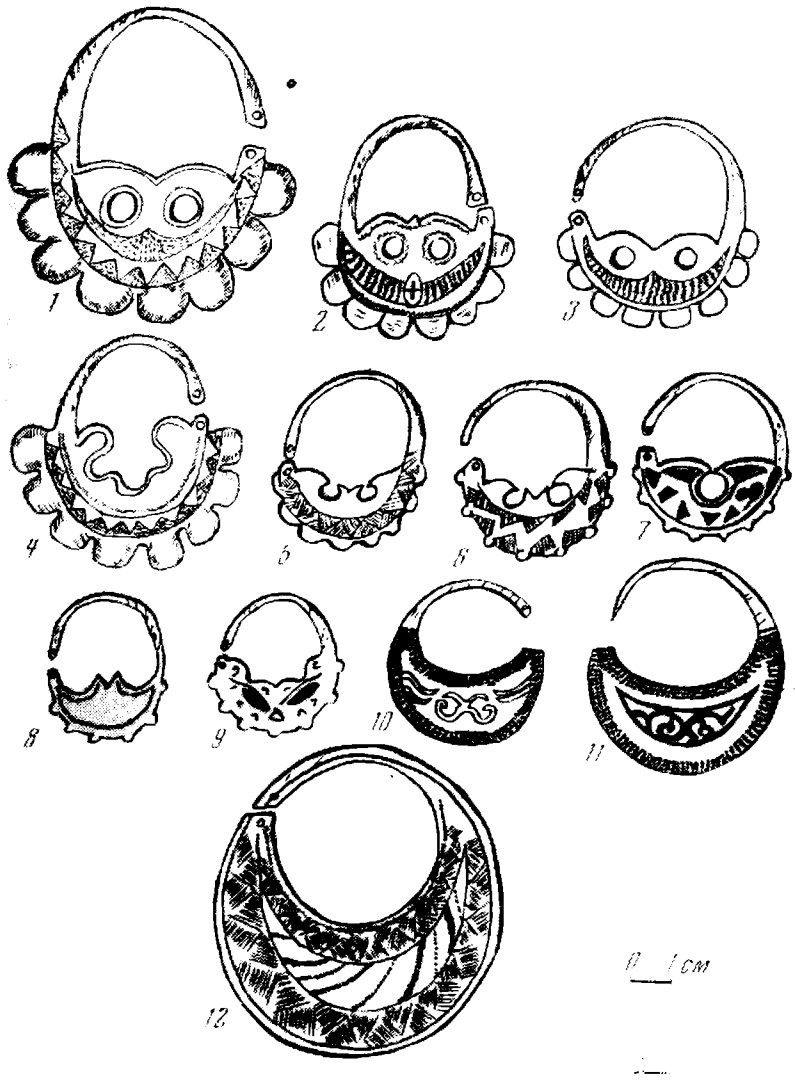


Рис. 2. Височные подвески ингушей XV—XVIII вв.
1—4 — подвески II типа; *5—9* — III типа; *10—12* — IV типа

Подвески-лунницы выявлены во втором (сверху) ярусе Кошкинского склепа 1. Их поздняя дата определяется находками в ярусе газырей для пороха и пуль, замка от кремневого пистолета, стеклянных зеркал фабричного производства, железных замков и других вещей. Эти предметы большей частью характерны и для верхних ярусов остальных рассматриваемых склепов.

Проделанный анализ подтверждает правомерность построения нашего эволюционного типологического ряда подвесок. Правда, он требует в некоторых своих звеньях (особенно в уточнении стратиграфии третьего типа) большего обоснования, но это будет возможно только после раскопок новых аналогичных склепов и новых находок в них височных подвесок всех четырех типов. Однако и сейчас нет признаков, противоречащих нашим построениям.

Кроме материалов, полученных нами в результате исследований ингушских склепов, можно привести и некоторые другие данные, обосновывающие наш типологический ряд. Так, переходные к лунницам подвески с почти отмершими выступами по нижней грани серпообразной пластинки (третий тип) из уже приводившегося Бамутского склепового могильника датируются временем более поздним, чем лежащие по соседству кабардинские курганы (XIV—XVI вв.), т. е. очевидно, XVII в. Трудно переоценить и находку серебряной лунницы в Харачое (Чечня) с араб-

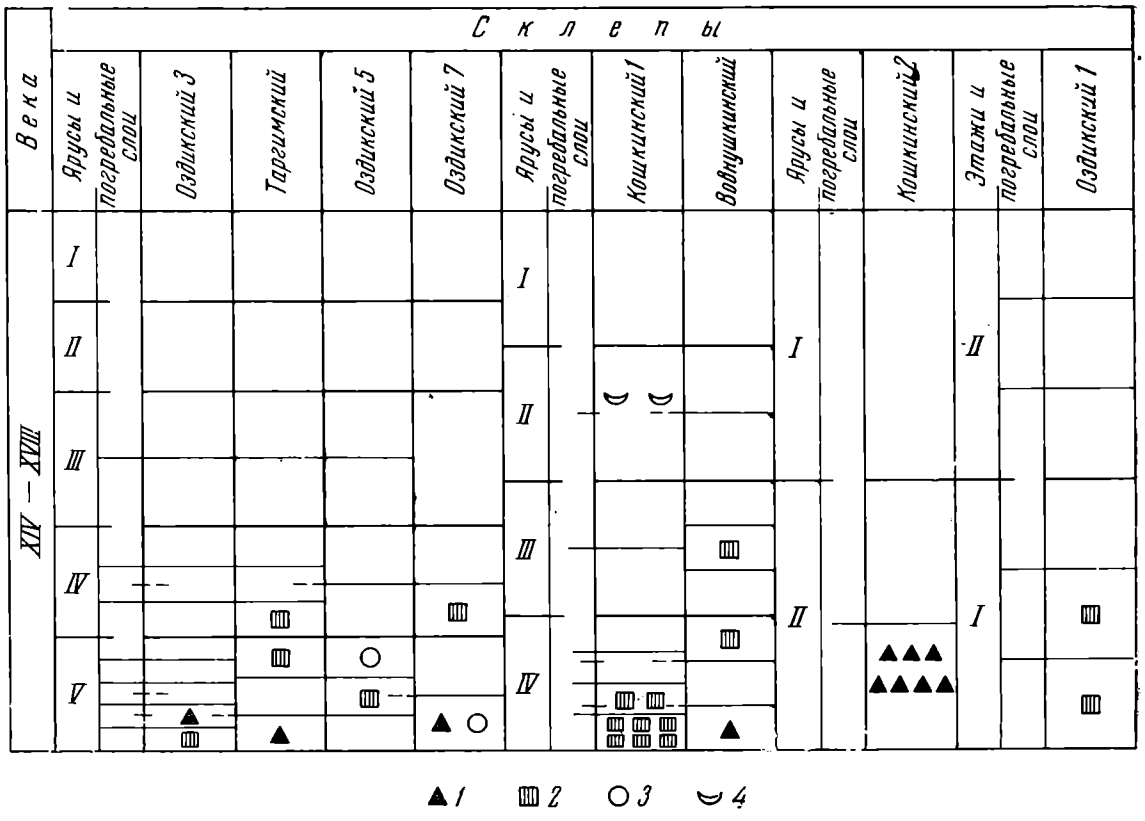


Рис. 3. Таблица стратиграфического распространения подвесок в склепах
Условные обозначения: *1* — подвески I типа; *2* — II типа; *3* — III типа; *4* — подвески IV типа

ской надписью и датой 1301 года хиджры, что соответствует 1883 г.[10]. Подвески-лунницы, вплоть до нашего времени,— характерный элемент женского наряда у нескольких народов Северного Кавказа (Кубань, горная Чечня, Ингушетия).

Теперь, когда выяснена стратиграфия подвесок в склепах с хронологическими рамками XIV — первая половина XVIII вв. и привлечены дополнительные источники, можно перейти к датировке отдельных типов украшений.

Первый тип скорей всего следует датировать XIV—XV вв. Он прослежен в нижних ранних ярусах склепов, содержащих послойно большую массу погребений, что указывает на длительность функционирования этих ярусов. Второй тип височных колец мы относим к XV—XVI вв. Он сосуществует с предшествующим, но в отличие от первого попадается в более поздних слоях и ярусах погребений. Третий сильно схематизированный (упрощенный) тип, очевидно, был распространен вплоть до XVIII в. В предложенной нами схеме третий тип является промежуточным звеном между подвесками второго типа и лунницами. Его верхний хронологический рубеж, вероятно, определяется датой подвесок-лунниц. Они появляются в самом конце функционирования надземных каменных гробниц, т. е. в XVIII в.

О происхождении рассмотренных нами типов височных подвесок средневековой Ингушетии можно пока говорить только гипотетически. В 20-е годы Л. П. Семенов не без основания указывал на определенное сходство их с вятическими височными кольцами, распространенными в памятниках не позднее XIII в.[11].

Типологическая близость этих украшений отмечалась и Е. И. Крупно-

---

[10] А. Б. Закс. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, XV. М., 1941, табл. I, *1—2*.

[11] Л. П. Семенов. Ук. соч., стр. 112.

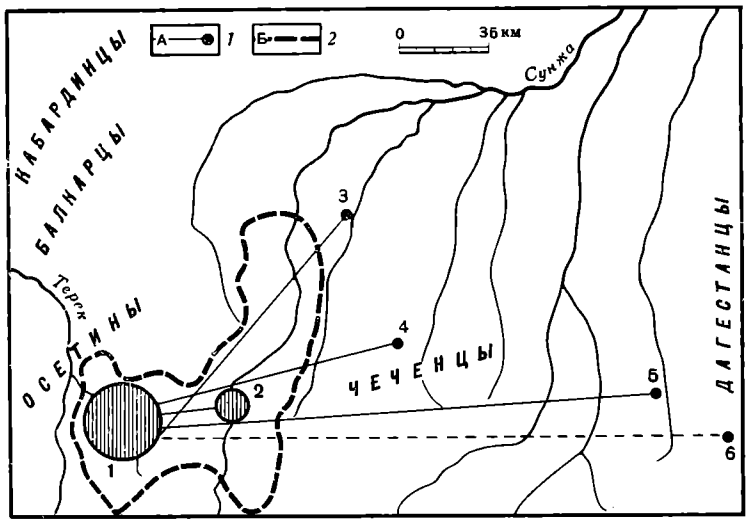


Рис. 4. Карта-схема распространения подвесок на Северном Кавказе

1 — Джераховское ущелье; *2* — Ассиновское ущелье; *3* — Чечня; с. Бамут; *4* — Чечня, с. Ялхорой; *5* — Чечня, с. Харачой; *6* — Дагестан.
Условные обозначения: *А* — местонахождение подвесок; *Б* — граница горной Ингушетии XIV—XVIII вв.

вым [12]. Вместе с тем ингушские подвески отличаются от височных колец вятичей оформлением граней серпообразной пластинки. Если у первых верхняя часть представляет собой мотив древа жизни и птиц, то у вторых верх украшен декоративным геометрическим узором. Нижняя грань кавказских подвесок окаймлена, как правило, восемью кругообразными выступами, славянские же кольца имеют семь лопастей.

Происхождением славянских колец специально занимались В. И. Сизов и А. В. Арциховский. Они пришли к выводу о возможном заимствовании этого типа украшения с Ближнего Востока [13]. Очевидно, и ингушские образцы имеют тот же источник, но сравнительно более позднее время их появления в горной зоне (XIV в.) говорит, видимо, о повторной (вторичной) волне влияния. К сожалению, вятические и ингушские подвески не находят полных аналогий в арабском средневековье, и мы фактически не знаем их подлинных или сколько-нибудь вероятных прототипов, поэтому, как и другие авторы, должны ограничиться только предположением.

Мы уже отмечали, что рассматриваемые нами височные подвески составляют специфическую особенность Ингушетии. Они не характерны для других местностей Северного Кавказа, единичные находки их известны только в соседней Чечне и Дагестане [14]. Картографирование всех наличных височных колец позволяет определить и район их наибольшего распространения (рис. 4).

Из 64 подвесок в Джераховском ущелье (р. Армхи) выявлено 43, в Ассиновском ущелье — 16. Из горных районов Чечни происходит лишь пять подвесок, причем все они, исключая одну, найдены на пограничной, близкой Ингушетии территории. Цифры эти весьма выразительны и указывают, что височные подвески рассмотренных типов были особенно характерны для населения, обитавшего на берегах Армхи. Там же, очевидно, жили и мастера, изготовлявшие их не только для жителей соседних поселений, но и для более широкого обмена. Представляется весьма вероят-

---

[12] Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., 1971, стр. 94.

[13] В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец. АИЗ, 1895, стр. 179—187; А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 47, 48.

[14] Л. П. Семенов. Новые археологические памятники..., стр. 112; Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 102.

ным, что в аулы Ассиновского ущелья, в Чечню и Дагестан подвески попали в результате интенсивной меновой торговли, которую вели джераховские ремесленники с окружающими их различными народами. Картографирование этих характерных украшений позволяет нам также наметить минимальный и максимальный радиусы распространения ремесленных изделий ингушей в XIV — XV вв., а значит, дает возможность определить размеры района сбыта этих изделий и направления основных намечающихся торговых путей (в восточные районы Северного Кавказа).

А. Ф. РУБЕЖАНСКИЙ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛАБОРАТОРНЫМИ МЕТОДАМИ РАЗЛИЧИЯ В ДАТИРОВКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОСТЕЙ, ОБНАРУЖЕННЫХ В ОДНОМ ПОГРЕБЕНИИ

Из Литовской ССР, через посредство кафедры судебной медицины Каунасского медицинского института, к нам для исследования поступили бедренные кости двух взрослых лиц, обнаруженные при археологических раскопках в местечке Упита Литовской ССР. Археологические раскопки в Упите проводились в 1938 г. археологом П. Куликаускас. Раскопки проводились на месте нового кладбища, где случайно при погребении были обнаружены древние захоронения. О них сообщили в Каунасский музей культуры имени Витаутаса Великого (ныне Каунасский исторический музей), и были проведены раскопки. На глубине от 0,5 до 1 *м* была раскопана 51 могила. На глубине 83 *см* от поверхности обнаружена могила с двумя костяками. На трупах были обнаружены серебряные и бронзовые украшения. Археологи датируют захоронения IV — V вв. н. э. С 1938 по 1969 г. скелеты хранились в Каунасском историческом музее.

Археологов интересовало, принадлежат ли бедренные кости лицам, захороненным одновременно, или же трупы погребены в разные периоды.

Характер и степень выраженности различных изменений костной ткани за время пребывания в почве (разрушение поверхностного слоя; минерализация, обезжиривание и др.) изучались по разработанной нами системе [1]. Наряду с визуальным исследованием костей была применена непосредственная микроскопия (МБС-1, об. 2, ок. 8, свет отраженный). Этот хорошо зарекомендовавший себя метод благодаря большой подвижности оптического устройства на высоте штатива позволяет просматривать все поверхности объекта и выявлять характерные особенности распада костной ткани в почве в виде трещин, скарификаций и др., а также регистрировать степень выраженности минерализации, возрастающей с увеличением срока пребывания костей в почве [2].

Использован эмиссионный спектральный анализ — метод, обладающий известными достоинствами быстро, точно и одномоментно определять химический состав исследуемого объекта. При этом основывались на установленном нами факте, что во время пребывания в земле кости импрегнируются микроэлементами почвы, накапливание которых в объекте возрастает с увеличением срока погребения. Их одновременное качественное и количественное определение возможно путем спектрального анализа.

---

[1] А. Ф. Рубежанский. Определение по костным останкам давности захоронения трупа. Горький, 1966.

[2] Для объективной регистрации степени разложения костной ткани в почве может быть также применен метод окраски белкового вещества реактивом сулема-бромфеноловый синий (А. Ф. Рубежанский. К судебно-медицинскому определению некоторых признаков разложения субфоссильных костей. В кн.: Тр. НИИ судебной медицины. М., 1968; 483—491).

Объект № 1. Правая бедренная кость взрослой женщины. Визуальные признаки разложения. Кость плотная, сухая, серо-песочного цвета со слабым желтоватым оттенком. Поверхностный слой компактного вещества всей области шейки бедра и задней стороны кости, соответственно шероховатой дорожки (linea aspera) гладкий, блестящий, без следов «выветривания». Остальная поверхность диафизального отдела кости слабо шероховатая за счет «выветривания» верхнего слоя компактного вещества. Сохранились неразрушенными отдельные участки поверхностного слоя в виде блестящих островков небольших размеров (до 0,5—1,0 *см*^{2}). Глубина «выветривания» не превышает 1—2 десятых долей миллиметра. В области эпифизов имеются дефекты компактного слоя с обнажением губчатого вещества. В нижнем эпифизе такие дефекты определяются в области мыщелков, составляя по площади около половины их поверхностей. В верхнем эпифизе дефекты определяются соответственно передне-внутреннего отдела головки бедра на площади до 1 *см*^{2} и большого вертела, где имеются также значительные разрушения губчатого вещества.

Непосредственная микроскопия. Сохранившиеся участки поверхностного слоя компактного вещества представляются гладкими, блестящими, без маслянистого отлива. При изучении передней и боковых поверхностей кости выявлены трещины, которые, располагаясь в беспорядке, определяются в каждом поле зрения. Они проникают в компактное вещество на глубину до 1 *мм*. С помощью препаровальной иглы, введенной в трещину, легко отделяются участки поверхностного слоя компактного вещества в виде пластинок небольших размеров (до 0,2 × 0,3 *см*). Такие пластинки рыхлые, крошащиеся, отпадают несколькими слоями; под ними плотная костная ткань. На косо-поперечном срезе компактное вещество на глубину до 0,5 *мм* с поверхности рыхлое, крошащееся (начальная минерализация). Остальная толща кости имеет вид полупрозрачной, белесоватой, аморфной массы, напоминающей парафин (феномен парафина) [3].

Объект № 2. Правая бедренная кость взрослого мужчины. Визуальные признаки разложения. Кость без эпифизов, каменистой плотности, очень тяжелая, сухая, серовато-светло-коричневого цвета [4]. Концы ее имеют края, напоминающие по виду «тающие глыбы сахара». Имеются значительные и глубокие (до 1 *мм*) следы «выветривания», и вся поверхность кости как бы сморщена, напоминает по виду скорлупу грецкого ореха. Участков с сохранившимся поверхностным слоем компактного вещества на кости не имеется. Компактное вещество расслоено и отделяется с образованием тонких широких пластин величиной до 1 *см*^{2}, которые располагаются одна поверх другой. Такие пластины легко крошатся.

Непосредственная микроскопия. На косо-поперечном срезе компактное вещество на глубину до 1,5 — 2 *мм* с поверхности рыхлое, крощащееся (начальная минерализация). Затем следует циркулярная зона потемнения компактного слоя толщиной до 1 *мм*. Остальная толща компакты имеет вид полупрозрачной белесоватой аморфной массы, напоминающей парафин (феномен парафина).

Эмиссионный спектральный анализ. Материал готовился по нашей методике. Путем распила на уровне ягодичной бугристости выделялась часть бедренной кости в виде кольца шириной 0,5 *см*. Костное кольцо очищалось от посторонних загрязнений, высушивалось при температуре 105° С до постоянного веса, помещалось в фарфоровый тигель, предварительно прокаленный при температуре 800° С и подвергалось озолению в муфельной печи при температуре 450° С в течение 5,5 час. (до светло-серой золы). Затем объект растирался в агатовой ступке до пуд-

[3] Термин «феномен парафина» предложен нами как контрастное понятие при учете степени минерализации костной ткани.

[4] Цвет костей определялся по шкале цветов. Г. Г. Автандилов. Краткая шкала цветов. М., 1962.

рообразного состояния и в навеске 150 *мг* тщательно смешивался с порошком спектрально чистого углерода в соотношении 1 : 1. Электродами служили спектрально чистые угольные стержни.

Спектрографирование объектов осуществлялось на спектрографе ИСП-28 при следующих условиях эксперимента: материал в навеске 30 *мг*, сила тока 16 *а*, экспозиция 1 мин. 45 сек. Ширина щели спектрографа 0,018 *мм*. Спектры фотографировались на пластинки «спектральные, тип II». В качестве эталона, который снимался для последующей проверки воспроизводимости спектров на каждой пластинке, была взята кость (бедренная) взрослого мужчины из современного погребения.

Качественная и полуколичественная оценка спектрограмм выполнялась с помощью Мир-12 и спектропроектора ПС-18. Плотность почернений линий элементов определялась с помощью фотометрирования (МФ-2, шкала логарифмическая).

Фотометрировались линии: P (2554,3 Å), Mg (2779,8 Å), Mn (2801,0 Å), Si (2881,6 Å), Ca (3009,2 Å), Fe (3020,7 Å), Al (3082,2 Å), Ti (3242,0 Å), Na (3302,3 Å).

Результаты фотометрирования показали различие в плотности почернения линий исследуемых элементов в объектах № 1 и 2 за счет большей интенсивности их в спектрограмме объекта № 2. Особенно это относится к магнию, марганцу, железу, алюминию и титану (таблица).

Средние плотности почернения линий элементов объектов № 1 и 2

Объект	Элементы					
	Mg	Mn	Fe	Al	Ti	Na
1	1,63	1,09	1,62	1,55	0,80	1,80
2	1,70	2,00	1,71	2,03	0,93	1,93

Данные таблицы свидетельствуют о более значительном накапливании названных элементов объектов № 2.

Наряду с накоплением в объекте № 2 указанных в таблице элементов отмечено более низкое содержание в этой кости (по сравнению с объектом № 1) фосфора (соответственно 1,85 и 1,79), что, по-видимому, связано с большим «вымыванием» этого элемента в почве из кости. Фосфор же, как известно, является существенным компонентом в минеральном составе костей.

Как установлено нашими исследованиями, процесс импрегнации костной ткани микроэлементами почвы в смысле интенсивности накапливания их не зависит от пола и фактического возраста умершего взрослого субъекта. Степень накапливания микроэлементов костями взрослых определяется, помимо физико-химических свойств почвы, лишь длительностью пребывания их в земле. При одинаковых сроках давности погребения трупов результаты фотометрирования плотности почернения линий элементов оказались бы статистически неразделимыми величинами. Кости трупов детского возраста, как показали наши исследования современного материала, быстрее импрегнируются микроэлементами почвы.

Изложенное позволяет считать, что данные, полученные при исследовании бедренных костей взрослых (объект № 1 и 2) путем визуального изучения, непосредственной микроскопии и эмиссионного спектрального анализа, дают основание отнести захоронение трупов к разным периодам времени. Результаты исследования позволяют утверждать, что бедренная кость, принадлежащая взрослой женщине (объект № 1), относится к более позднему периоду захоронения, нежели бедренная кость взрослого мужчины (объект № 2).

В заключение отметим возможность использования описанных методов в необходимых случаях археологических исследований, в том числе и для установления действительного места погребения, путем сопоставления микроэлементного состава костной ткани с химическими характеристиками почвы.

Мы не проводим специальных целенаправленных исследований археологического материала, ибо занимаемся установлением рациональных способов и критериев определения давности костных останков ближайших 50 лет после захоронения, что вытекает из практической потребности судебной медицины. Однако в процессе работы и изучения небольшого числа костных объектов большой давности (до 6000—8000 лет) оказалось, что имеются определенные признаки, позволяющие отличать материал современных погребений от фоссильных и субфоссильных костей. Наряду с другими этими методами оказались непосредственная микроскопия (позволяет определять степень разрушения костей) и эмиссионный спектральный анализ (способствует установлению химического состава объекта, в котором накапливаются микроэлементы из почвы). Названные методы, особенно эмиссионная спектрография, дали хорошие результаты, что привело к попытке применить их для целей дифференцировки давности археологических костей.

А. П. СМИРНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОХРАНЫ ГОРОДИЩА ВЕЛИКИЕ БОЛГАРЫ

Городище с остатками древних монументальных строений, расположенное на окраине г. Куйбышева Татарской АССР, является одним из важнейших памятников отечественной истории. Здесь некогда была столица государства волжских булгар, известная в русских летописях под названием «Великие Болгары». Политическая и экономическая история Великих Болгар началась в X в. В 1431 г. город был разрушен войсками московского князя, но и после этого он долгое время продолжал оставаться крупным религиозным центром.

На большую научную значимость этого памятника обратил внимание Петр I. Он дал указание укрепить каменные постройки, собрать надгробия, перевести на русский язык булгарские и армянские эпитафии. Однако время делало свое дело. В 1841 г. упал Большой минарет, а через несколько лет рухнула Белая палата — замечательное произведение булгарской гражданской архитектуры.

В 1887 г. IV Археологический съезд, собравшийся в Казани, утвердил ряд мер, которые должны были содействовать консервации памятника. Ответственность за сохранение городища была возложена на Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Однако финансовые возможности общества были ограничены. Тем не менее оно предприняло значительные работы по ремонту древних построек — в 1884, 1885, 1889, 1896 и 1905 гг. Были укреплены наиболее ветхие части Черной палаты и мавзолеев известных под названием «церковь св. Николая», «Монастырский погреб», «Ханская усыпальница».

После Великой Октябрьской революции охрана памятников была передана в ведение Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы при Академическом центре Татаркомпроса. В 20-х годах были предприняты первые работы по реставрации архитектурных комплексов городища и их охране. Активными участниками этих мероприятий были В. Ф. Смолин, П. М. Дульский, П. Е. Корнилов и местный учитель В. М. Королев. Последнему советская наука особенно обязана.

В. М. Королев приехал в Болгары (тогда с. Успенское) в 1906 г. совсем молодым человеком (род. в 1885 г.) и с тех пор до самой кончины (27 марта 1972 г.) неизменно участвовал во всех работах, связанных с охраной и исследованием городища. Работая учителем в местной школе, он в 1912 г. организовал небольшой музей — сначала в Черной палате, памятнике зодчества XIV в., а затем в специальном здании, выделенном колхозом (1936 г.). Официально музей был утвержден в 1919 г., когда число экспонатов, включавших архитектурные детали, эпиграфические памятники, различные украшения, орудия труда и нумизматический материал, достигло 1000 экз. Посетивший Болгары в 1919 г. академик И. Э. Грабарь высоко оценил научную и организационную деятельность учителя-краеведа.

В. М. Королев принимал участие в раскопках В. Ф. Смолина, А. С. Башкирова, во многих других археологических экспедициях. Он внес большой вклад в работу по музеефикации Красной палаты, бани XIV в. В 1939 г. над баней и над городской площадью с остатками древнего водопровода по решению райкома КПСС был устроен деревянный павильон с окнами, позволяющими осматривать памятник. В 1962 г. при содействии В. М. Королева в Болгарах был создан новый музей, а позднее и исторический заповедник, утвержденный в 1969 г. правительством Тат. АССР.

За последние 35 лет местные школьники, руководимые и направляемые В. М. Королевым, собрали на городище и в его окрестностях огромную коллекцию золотоордынских монет, которая впоследствии была обработана и издана С. А. Яниной. Большую научную ценность имеют его дневники, переданные в Болгарский заповедник. Трудно переоценить роль В. М. Королева в исследовании городища Болгары. До последних дней своей жизни он не оставлял работы, активно участвуя в жизни заповедника.

Критика и библиография

U. Willerding. Vor- und frühgeschichtlichen Kulturpflanzenfunde in Mitteleuropa. «Neue Ausgrsbungen und Forschungen in Niedersachsen». B 5, Hildesheum, 1970.

За сто с лишним лет, миновавших с первой публикации определений растительных остатков, найденных при археологических раскопках, палеоэтноботаника прочно вошла в число наук, данные которых успешно используются археологами. Этому в значительной степени способствовал возросший за последние годы интерес к изучению экономики первобытного общества, т. е. той области науки, где данные палеоэтноботаники имеют первостепенное значение. Исследования растительных остатков нашли отражение в многочисленных публикациях, разбросанных по самым различным изданиям как ботаническим, так и археологическим, что, несомненно, создало определенные трудности пользования материалом. Наступил период, когда стала необходимой концентрация и систематизация палеоэтноботанических определений. Примечательно, что на 1-м Международном симпозиуме по палеоэтноботанике, состоявшемся в Праге в 1968 г., наиболее активно обсуждался вопрос о составлении палеоботанических сводных изданий, которые могли бы играть роль справочников, собравших, по возможности, все данные о различных видах растительных остатков, находимых при археологических раскопках. В связи с этим на симпозиуме были приняты решения, касающиеся составления и издания карт и атласов находок растительных остатков, а также создания специальных палеоботанических архивов [1]. Сейчас во многих странах Европы уже приступили к подготовке и выпуску изданий такого рода [2]. Рассматриваемая ниже работа У. Виллердинга, являющаяся, по существу, первой и единственной публикацией, где сведено воедино подавляющее большинство определений растительных остатков с территории центральной Европы, представляет в этом плане особый интерес.

У. Виллердинг сознательно ограничил стоявшую перед ним задачу обобщением имеющихся данных мест находок растительных остатков и их систематизацией, заранее отказавшись от решения вопросов, связанных с происхождением культурных растений и распространением их на территории Европы. Для этого, по мнению автора, еще слишком невелико количество данных, незначительно число памятников, где сделаны определения остатков растений и, что особенно важно при использовании уже опубликованных материалов, не всегда можно бывает поставить знак равенства между местом находки и ареалом распространения.

Столь четкое ограничение задач работы не помешало У. Виллердингу по ходу изложения касаться проблем, которые могли бы заинтересовать как палеоэтноботаника, так и археолога. Среди них вопросы методики определения остатков культурной растительности, влияния географической среды на развитие культурных растений, техники земледелия, вопросы землепользования, изменения состава культурных растений в течение длительного времени, соотношения видов растений в течение одного хронологического этапа, но в разных областях и, наконец, вопросы, связанные с надежностью использования палеоэтноботанического материала. Правда, автор зачастую только подводит читателя к проблеме, ставит ее, но сам не пытается заняться ее разрешением, ограничиваясь ссылками на многочисленные работы, посвященные рассматриваемому вопросу (что, собственно, лишь повышает значимость работы У. Виллердинга в историографическом плане).

Рецензируемая работа состоит из шести разделов. Первые два посвящены историографии и обоснованию темы, здесь же оговариваются хронологические и локальные рамки исследования. Далее следуют три крупных раздела, непосредственно касающиеся вопросов, связанных с обработкой растительных остатков. В этих разделах дано описание исходного материала, используемого для палеэтноботанических определений, подробнейшая его оценка с указанием на возможные ошибки, могущие возникнуть при изучении и интерпретации растительных остатков.

---

[1] Г. Н. Лисицына. 1-й Международный симпозиум по палеоэтноботанике. СА, 1970, 4.

[2] Как можно судить по историографическому разделу работы У. Виллердинга, попытки каталогизирования памятников с находками остатков культурных растений предприняты в ГДР, ФРГ, Чехословакии, Польше, Австрии. Начаты работы над составлением свода палеоэтноботанических находок в Институте археологии АН СССР.

Следующий раздел посвящен публикации мест находок растительных остатков и приведена подробная библиография, являющаяся своеобразным пояснением к картам находок. Заключительная часть работы является кратким обобщением всех приведенных материалов.

У. Виллердинг наметил следующие хронологические рамки исследования: с момента перехода от присваивающего хозяйства к производящему до конца римского времени, т. е. с середины V тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. Автором были учтены находки растительных остатков на территории ГДР, ФРГ, Швеции, Австрии, Чехословакии, Польши и Голландии.

Растительные остатки У. Виллердинг рассматривает по следующим категориям: 1) необожженные остатки, куда входят находки растений из свайных поселений и торфяниковых стоянок, семена, обнаруженные в желудках и кишечниках трупов, а также в экскрементах; 2) обуглившиеся остатки — наиболее распространенная категория находок, встречающиеся почти повсеместно; 3) отпечатки растений в обожженной глине или тесте керамических изделий; 4) пыльца растений.— Этой категории У. Виллердинг уделил значительное внимание, хотя конкретного отражения в картах находок данные пыльцевого анализа не нашли. Причина этого кроется в том, что карты посвящены находкам остатков только культурных растений, тогда как пыльцевой анализ не имеет для их определения решающего значения. Автор лишь упоминает о последних исследованиях, позволивших определить пыльцу Triticum, Hordeum, Avena.

Каждая категория растительных остатков рассматривается У. Виллердингом по четко разработанной схеме.

а. Определение данной категории, ее признаки, условия сохранности, возможная деформация, методика обработки. Здесь же сделана попытка определить надежность данных, получаемых в результате исследования каждой категории растительных остатков. Для этого У. Виллердинг привлекает археологические данные, пытаясь выяснить местный или привозной характер каждого конкретного образца, подчеркивая необходимость учитывать такие факторы, как торговля, обмен, возможность переноса растительных остатков животными или людьми.

б. Определение условий находки, где сосредоточены сведения о типах поселений (сельское поселение, укрепление, лагерь и т. п.) и связанных с этим конкретных местах находок растительных остатков (это особенно тщательно сделано в разделах, посвященных необожженным остаткам и пыльце). Автор останавливается на причинах, которые привели к попаданию растительных остатков в слой. Попутно им выясняются вопросы, связанные с причинами наличия малого числа растений на поселениях сельского типа, разбираются возможности возникновения ошибок в тех случаях, когда интерпретация будет осуществлена без учета исторической ситуации, существовавшей на исследуемом поселении.

в. Рассмотрение конкретных видов растительности. В этом разделе каждую категорию растительных остатков У. Виллердинг описывает по принадлежности к определенным семействам и типам: зерновые, бобовые, масличные, волокнистые растения, травы. Автор касается вопросов, связанных с причинами преобладания тех или иных видов растений на отдельных поселениях и приводит подробные списки растений, найденных на территории Центральной Европы. Следует подчеркнуть тот факт, что У. Виллердинг всюду, где есть возможность, тщательнейшим образом рассматривает находки дикорастущих трав, справедливо отмечая, что без их учета картина растительного мира каждого конкретного поселения не была бы полной, так как, во-первых, это дает возможность выяснить, какая растительность существовала в непосредственной близости от данного поселения, во-вторых, позволяет судить о севообороте по сопутствующим видам дикой растительности, и, наконец, позволяет поставить вопрос об употреблении трав и диких плодов растений в пищу человека (о чем свидетельствуют запасы семян трав и диких плодов в хранилищах наряду с культурными растениями, а также результаты определений пищевых остатков в желудках и кишечниках трупов, обнаруженных в торфяниках).

Все вопросы, связанные с отдельными категориями растительных остатков, рассматриваются автором самым тщательным образом и чрезвычайно (зачастую даже слишком) подробно.

В четвертом разделе работы, посвященном оценке доисторических находок культурных растений, У. Виллердинг пытается наметить пути исторической интерпретации палеоэтноботанического материала. Он неоднократно подчеркивает, что каждая находка остатков растений является, в известной мере, отражением конкретно существовавшей ситуации. Поэтому задачей интерпретатора является «реконструкция, насколько можно более точная, существовавших условий на основе имеющихся данных» (стр. 316). В связи с этим встает вопрос о достоверности исследуемого материала, необходимости анализа условий находки и выяснения конкретных причин появления растительных остатков в месте их обнаружения.

Одним из важных моментов, который, по мнению автора, должен быть учтен, является существование некоторого несоответствия между составом растительных остатков, находимых на поселениях, и реально существовавшим растительным миром. У. Виллердинг подчеркивает, что полный охват использовавшихся человеком

растений обычно не гарантирован и приводит различные примеры, свидетельствующие о том, как из-за специфики условий находки или из-за различной способности семян выдерживать длительное хранение реальная картина может быть извращена. В связи с этим необходима чрезвычайная осторожность в тех случаях, когда речь идет о роли и значении отдельных растений в хозяйстве того или иного поселения или конкретной культуры. Должны быть учтены возможности обмена, торговли, причины, приведшие к сосредоточению растительных остатков в определенном месте. Необходимо учитывать и то, что культурные растения зачастую занимают несколько более выгодное положение по сравнению с дикорастущими, так как они имели больше возможностей для сохранения в обугленном состоянии и в виде отпечатков.

Пятый раздел работы является, по существу, основным, так как здесь У. Виллердинг приводит девять карт находок наиболее важных видов культурных растений и двадцать списков, где зафиксированы места находок остатков культурных растений. Часть списков является пояснением к картам.

Карты составлены лишь для тех видов, которые с достаточной уверенностью могут быть отнесены к культурным растениям того или иного промежутка времени. В результате в работе опубликованы карты находок только зерновых культур, бобовых, масличных и волокнистых растений. Овощные культуры, а также те виды, которые могли быть широко использованы, но не претерпели существенных изменений, благодаря возделыванию, и о возделывании которых нет определенных сведений, не картировались.

Каждая карта посвящена только одному культурному виду. На ней отмечены все известные У. Виллердингу пункты находок в исследуемый отрезок времени, что позволяет выяснить момент появления конкретного растения в Центральной Европе и проследить пути и период его наибольшего распространения. Делается поправка на то, что все данные были взяты из публикаций, без проверки их достоверности, что не исключает возможности некоторых ошибок.

Давая карту находок каждого вида, У. Виллердинг счел необходимым использовать все виды рассматриваемых в работе категорий растительных остатков (не считая пыльцы), чтобы добиться, по возможности, наиболее полной картины.

В пояснениях к картам приведены все известные синонимы каждого рассматриваемого вида растений и включены сведения об историческом периоде, к которому относятся находки. Здесь указано также место находки и дана библиографическая справка с указанием авторов, материалы которых были использованы при составлении карт.

Как карты, так и пояснения к ним, составлены с присущей автору тщательностью, однако вызывает серьезные возражения то обстоятельство, что район находки указан слишком обще (страна или, в лучшем случае, область). Может быть, учитывая огромную территорию, рассматриваемую в работе, трудно рассчитывать на более подробное указание мест находок, однако принятая автором манера публикации уменьшает ценность исследования, так как при необходимости использования конкретных данных вновь появляется потребность обращаться к первоисточнику.

Заканчивая обзор работы У. Виллердинга, следует еще раз подчеркнуть своевременность ее выхода и отметить значение ее как единственного пока свода палеоэтноботанических материалов по некоторым странам Европы. Это первая работа, где столь подробно и тщательно разработана методика обработки, публикаций и, в известной степени, интерпретации палеоэтноботанического материала. Хотелось бы надеяться, что все положительные моменты, присутствующие в работе У. Виллердинга, будут с пользой применены при составлении подобных сводов палеоэтноботанического материала в других странах.

Л. В. Прищепенко

Морские подводные исследования. М., «Наука», 1969.

Этот сборник, подготовленный секцией подводных исследований Океанографической комиссии АН СССР по материалам III Пленума исследователей-подводников (Москва, 6—11 апреля 1966 г.), чрезвычайно разнообразен по тематике. Среди его 47 статей — работы по морской биологии и геологии, гидрогеологии, промысловой биологии, изучению подводных ландшафтов, отработке методов подводных исследований, статьи о киносъемке дельфинов под водой, создании различных типов подводных аппаратов; наконец, об опытах, граничащих с фантастикой: изучение возможности обходиться под водой без запаса воздуха, — дышать непосредственно кислородом, растворенным в воде. Есть в сборнике и раздел, посвященный подводной археологии Причерноморья,— три статьи археологов и аквалангистов. На них я и хочу остановиться, хотя ряд других специальных работ по смежным дисциплинам могут оказаться полезными в методическом и научном планах для дальнейшего развития подводных археологических изысканий.

Подводная археология весьма перспективная молодая отрасль нашей науки. Развитие техники позволяет ей вступать в остававшийся долгое время запретным для

исследователя мир, что значительно расширяет круг источников для исторических реконструкций. Вместе с тем в силу своей специфики подводная археология еще теснее связывает гуманитариев со специалистами естественных и точных наук, заставляя вести поиск «на стыках» наук. Однако, несмотря на то, что в Советском Союзе первые специальные подводные археологические работы проводились еще в начале 30-х годов (Р. А. Орбели, К. Э. Гриневич) [1], состояние подводной археологии в наши дни оставляет желать много лучшего. Говоря о развитии средств для подводных изысканий, автор вводной статьи в сборнике специально отметил, что «наблюдающееся здесь отставание (кроме акваланга.— *А. Щ.*) от некоторых зарубежных стран продолжает увеличиваться» (О. Б. Мокиевский. Развитие подводных исследований, стр. 5). В отношении подводной археологии это особенно остро чувствуется по статьям, помещенным в сборнике.

Из двух подводных археологических экспедиций, работавших в 1964—1965 гг. на Черном море у западных берегов Крыма, только одна — экспедиция Института археологии АН СССР (руководители В. Д. Блаватский и Б. Г. Петерс) — была более или менее хорошо оснащена. В краткой методической статье В. Д. Блаватский и Б. Г. Петерс сформулировал в 11 пунктах выработанные ими методы исследования следов древнего кораблекрушения у берегов Северо-Западного Крыма, неподалеку от Евпатории (В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс. Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения, стр. 339—342) [2].

Археологические подводные работы у берегов Херсонеса Таврического осуществлялись в 1964—1965 гг. группой харьковских любителей-аквалангистов в составе объединенной экспедиции Херсонесского музея, Уральского и Харьковского университетов (научный руководитель С. Ф. Стржелецкий). Руководил подводными поисками В. И. Кадеев. Несмотря на недостаточную техническую оснащенность, отряд энтузиастов проделал значительную работу, обследовав прибрежную подводную зону у Херсонеса и на отдельных участках дно Карантинной и Круглой бухт. Полученные результаты изложены в статьях В. И. Кадеева (Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг., стр. 342—352) [3] и коллектива аквалангистов (В. И. Вишневский, В. С. Войценя, Л. И. Крупник, Ю. Н. Ранюк. Методы подводных исследований, применявшиеся при археологических работах в районе Херсонеса в 1964—1965 гг., стр. 353—359).

Основные поиски сосредоточились в тех местах, где давно были известны строительные остатки под водой. Здесь уже проводились спуски сотрудников Херсонесского музея в 1959—1960 гг. и вела исследования подводная экспедиция В. Д. Блаватского в 1960 г. (у западного берега и входных мысов Карантинной бухты; вдоль северного берега городища). В результате расчистки затопленных кладок установлено, что они являются частями средневековых оборонительных сооружений, а не причалами древнего порта или остатками зданий, как это предполагалось раньше. Для исторической топографии Херсонеса, истории крепостного строительства и оценки вертикальных движений уровней суши и моря в историческое время это открытие имеет первостепенное значение. К сожалению, при подробном описании строительных остатков в статье В. И. Кадеева (стр. 344—347) отсутствует их план, хотя ссылки на него в тексте есть (стр. 346).

Чрезвычайно результативным оказалось исследование дна Песочной бухты. Здесь обнаружено огромное скопление фрагментов амфор I в. до н. э.— I в. н. э., изготовленных, по-видимому, в одном из южнопонтийских центров. По мнению авторов (В. И. Кадеев, стр. 352; В. И. Вишневский и др., стр. 357), это был, вероятно, груз затонувшего корабля, пришедшего в Херсонес из какого-то южнопонтийского порта. Остается пожелать авторам исследования, чтобы этот весьма интересный закрытый комплекс был также подробно издан, как и комплекс находок у Донузлава [4].

---

[1] О задачах и развитии подводной археологии см.: В. Д. Блаватский. О подводной археологии.СА, 1958; 3; В. Д. Блаватский, Г. А. Кошеленко. Открытие затонувшего мира. М., 1963.

[2] Результаты исследований подробно освещены в следующих работах: В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс. Подводные работы на дне Черного моря около Донузлава. АО—1965.М., 1966; их же. Об исследовании античного кораблекрушения конца IV—III вв. до н. э. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 года. М., 1966; их же. Подводные археологические работы в районе Евпатории. КСИА АН СССР, 109, 1967; их же. Кораблекрушение конца IV — начала III в. до н. э. около Донузлава. СА, 1969, 3.

[3] В. И. Кадеев. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг. Пленум ИА АН СССР 1966 г. Секция античной археологии (тезисы докладов). М., 1966; его же. Подводные исследования в районе Херсонеса в 1964 г. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965.

[4] Работы были продолжены в 1966 г. Краткую информацию о них см.: В. И. Кадеев, В. И. Вишневский. Подводные исследования у берегов Херсонеса. АО, 1966, М., 1967.

Аквалангисты провели также поиск на дне Круглой бухты. Он был вызван случайной находкой купающимися позднеантичной амфоры. С обследованного участка дна вокруг отмели посредине бухты поднят довольно обильный керамический материал: фасосская и гераклейские амфоры IV—III вв. до н. э.[5], амфоры, краснолаковая керамика и черепица II—IV вв., а также керамика IX—X и XII—XIII вв. (в том числе черепица и кирпичи). Авторы статей (В. И. Кадеев, стр. 351; В. П. Вишневский и др., стр. 356) полагают, что каменистая отмель в центре бухты являлась местом гибели многих судов во время штормов. Но достаточно обратиться к картам, чтобы увидеть, что еще в начале прошлого века посредине бухты лежал остров (о нем, кстати, упоминает и Паллас). Остров затоплен и частично абрадирован, таким образом, совсем недавно (на съемке 1836 г. его уже нет) в результате новейшей трансгрессии моря; в древности, же, по-видимому, бухты практически не было[6].

Важнейшей задачей подводных археологических работ, как мне представляется должны быть палеогеоморфологические и палеотопографические изыскания, преследующие цель собрать материалы для реконструкции древней береговой линии и ее динамики в историческое время. Для этого кроме поисков затопленных археологических объектов надо вести тщательную съемку подводного рельефа, изучать подводный ландшафт в прибрежных зонах памятников, искать затопленные террасы. Чрезвычайно полезным оказывается и применение метода сравнительной исторической картографии. А поскольку такие работы дают выход в другие области знания (геоморфология, океанология и т. д.), то их нужно по возможности проводить комплексно; они, разумеется, требуют присутствия соответствующих специалистов. Но даже без участия последних важна строгая фиксация подводного ландшафта, методика которой для указанных целей у нас пока еще не выработана. Сказанное всецело приложимо и к рассмотренным статьям. Исследователи упустили из виду важность палеогеоморфологических наблюдений не только в Круглой, но даже при изучении дна Песочной бухты, где первоначальной задачей был поиск предполагаемого древнего мола (он, кстати, отмечен не только З. Аркасом, но и Ф. Дюбуа де-Монпере). Судя по весьма бегло описанной характеристике дна (без приложения схем планов и профилей), аквалангисты как будто бы обнаружили затопленную террасу, которая могла быть связана с более низким уровнем моря в «фанагорийскую» регрессию (по схеме П. В. Федорова). Но без подводной съемки утверждать это нельзя, что затрудняет решение вопроса о древней гавани. Правда, необходимо сделать скидку на то, что и те интересные результаты, которые были достигнуты в 1964—1965 гг., базировались на энтузиазме спортсменов-любителей. Эффективность исследований была бы значительно выше, если бы организация подводных работ стояла у нас на должной высоте. Поэтому в заключение обзора считаю необходимым привести слова самих аквалангистов (не археологов!): «Несмотря на достигнутые подводной археологией успехи, общее число подводных экспедиций все еще очень мало, а их технологическое оснащение оставляет желать много лучшего. В руках советских океанографических учреждений имеются отличное снаряжение, приборы, плавсредства; тем не менее подводные археологи вынуждены заниматься самодеятельностью, и тогда их единственным оружием является энтузиазм. Пора подумать о том, что археологи также занимаются исследованиями, и предоставить в их распоряжение соответствующие оборудование и снаряжение. Пора создать центр подводной археологии, который координировал бы исследования, разрабатывал методику, испытывал приборы и снаряжение. В общем, на наш взгляд, назрела необходимость подводной археологией заняться всерьез» (В. И. Вишневский и др., стр. 358 сл). Добавить к этим абсолютно справедливым словам нечего.

А. Н. Щеглов

---

[5] В. И. Кадеев (стр. 350) утверждает, что из-за плохой сохранности удалось прочитать только одно клеймо на горле гераклейской амфоры (с именем Сотера). Это неверно. Сразу после того, как амфоры были подняты со дна, на горле второй амфоры после расчистки было видно эпиграфическое клеймо с именем Еврипдама (см.: Архив ГХМ, дело 865, приложение, л. 2).

[6] Н. С. Благоволин, А. Н. Щеглов. Применение археолого-геоморфологического метода для анализа современных деформаций земной поверхности и колебаний уровня моря. Проблемы современных движений земной коры. М., 1969, стр. 451; А. Н. Щеглов. Охранные раскопки и зачистки на Гераклейском полуострове. АО—1968. М., 1969, стр. 291.

Очерки русской культуры XIII—XV веков. Часть 1. Материальная культура. Изд. Московского университета. М., 1970. 480 стр., с илл.

Издание «История русской культуры» было задумано еще до Великой Отечественной войны; тогда были написаны и подготовлены к печати I и II тома, посвященные Древней Руси (домонгольский период). Они вышли в свет в 1948 г. и получили положительную оценку в печати. Работа, предпринятая Институтом археологии АН СССР, была прервана войной и в послевоенные годы не возобновилась. Эту работу продолжил Московский университет, где по инициативе его ректора акад. И. Г. Петровского при историческом факультете был создан кабинет истории русской культуры, перед которым были поставлены широкие исследовательские задачи.

«Очерки русской культуры XIII—XV вв.», как пишет редакционная коллегия, «по чисто техническим соображениям» разделены на два тома, из которых первый посвящен материальной культуре и представляет наибольший интерес для археологов.

Книга открывается очерком «Русь и ее культура в XIII—XV вв.», написанным одним из редакторов издания А. М. Сахаровым. Автор дает общий обзор судеб Руси и ее культуры, начиная со времени монголо-татарского разорения. Большое внимание А. М. Сахаров уделяет изучению вопроса о роли монголо-татар в русской культуре, показывая, что влияние завоевателей не было определяющим, как это старались доказать историки, враждебные русскому народу, но также нельзя считать, что Русь совершенно избежала влияния монголо-татар.

Вопросы развития русской культуры в послемонгольский период А. М. Сахаров рассматривает в тесной связи с историей Руси того времени. В заключение он предлагает периодизацию истории русской культуры рассматриваемого периода. Первый этап (от монголо-татарского нашествия до середины XIV в.) характеризуется заметным культурным упадком, но уже в конце XIII в. наблюдаются первые признаки начинающегося возрождения. Второй этап (до середины XV в.) — хозяйственный и культурный подъем русских земель. Третий этап (до середины XVI в.) — слияние местных культур на фоне объединения русских земель. Эта периодизация, как нам кажется, соответствует фактам и может быть принята.

Увлекательный и разносторонний очерк состояния и развития сельского хозяйства и промыслов написан А. Д. Горским. Эта глава представляет собой научное исследование, начинающееся с картины разорения сельского хозяйства монголо-татарами по описанию путешествия митрополита Пимена в Царьград. Автор показывает, что русскому народу после вражеского разорения во многом приходилось начинать «все сначала». А. Д. Горский подчеркивает, что деревня продолжала страдать от монголо-татар и после похода Батыя, сменившегося частыми грабительскими набегами. Монголо-татарские войска разоряли и жгли села, уводили пленных, угоняли скот, увозили хлеб и другие продукты. А. Д. Горский обращает также внимание на то, что развитие Руси шло медленно и рутинно в силу самого характера феодального производства. Однако русский народ наперекор этим сложным условиям смог добиться серьезных успехов в развитии сельского хозяйства, бывшего основой развития экономики Руси.

Автор по письменным и археологическим источникам изучил ассортимент возделывавшихся злаков. Он исследует весьма важный вопрос о системах земледелия. Справедливо полагая, что упоминание «яри» или «озими» еще не свидетельствует о трехпольной системе, так как не упомянут «пар», А. Д. Горский считает, что о трехполье можно говорить лишь с XV в. Здесь же он указывает, что первое прямое упоминание источников о применении удобрений относится к этому же времени. Впрочем, автор счел возможным упомянуть существующее в литературе предположение, что поля удобряли навозом уже в XI—XII вв.

Основными орудиями обработки земли в XIII—XV вв. были соха и плуг. А. Д. Горский отмечает, что наиболее раннее достоверное упоминание термина «соха» содержит новгородская берестяная грамота конца XIII в. Разительное увеличение размеров рабочих частей пахотных орудий приходится на XIV, XV, XVI вв., т. е на время значительного подъема русского ремесла. Немалое внимание в статье уделено изучению конструкций сох и применению этого орудия. К сожалению, А. Д. Горскому еще не могли быть известны интересные работы А. В. Чернецова о времени появления плуга, где он доказывает, что это произошло в послемонгольское время.

Далее А. Д. Горский исследует подготовку земли к посеву, молотьбу, помол, а также пишет о блюдах, изготовлявшихся из зерновых и бобовых растений. Автор отмечает несомненный прогресс земледелия с конца XIV в. и выделяет следующие этапы его развития: 1) первая половина XIII — первая половина XIV в.— развитие земледелия прервано нашествием, происходит процесс его восстановления; 2) до первой половины XV в.— заканчивается процесс восстановления, земледелие возобновляет движение вперед; 3) с первой половины XV в. по начало XVI — складывается определенный вид земледелия, тесно связанный с административно-податной системой. Эта периодизация в основном соответствует периодизации истории русского ремесла, предложенной Б. А. Рыбаковым.

Так же подробно А. Д. Горский рассматривает историю огородничества, садоводства. Особые части этой главы посвящены скотоводству, птицеводству, рыболовству, охоте, бортничеству, а также сельским промыслам: солеварению, лесным промыслам.

Глава «Ремесло» написана известным специалистом по истории обработки железа и дерева на Руси Б. А. Колчиным. Автор много внимания уделил технологии добычи и обработки черного металла. Особые разделы посвящены железу и стали, деревообработке, прядению и ткачеству, обработке кожи, ювелирному и литейному делу, обработке кости, стеклоделию, гончарству, химическим промыслам. Особо говорится о машинах и механизмах.

Эта глава дает читателю важные сведения о состоянии ремесла на Руси в XIV—XV вв., о технологических особенностях различных процессов, о высоте технического развития Руси. К сожалению, в большинстве случаев автор не показывает развития ремесла от XIII к XV в., ограничиваясь задачей, которую он сформулировал в самом начале: «Мы опишем технику основных отраслей ремесла XIV—XV вв., которое в этот период достигло нового технического подъема и широкой специализации производства». Название очерка шире его содержания, так как оно отражает состояние главным образом новгородского ремесла. Впрочем, русское ремесло этого периода еще почти не изучено.

Не всегда удачна и манера изложения. Текст изобилует ненужными техницизмами и определениями. Так, вряд ли следовало давать определение пайки, да еще в такой форме: «Пайкой называется процесс соединения двух или нескольких металлических предметов путем ввода между ними более легкоплавкого металла или сплава (припоя), чем соединяемые металлы». Неизвестно, за кого автор принимает своих читателей, когда пишет: «Шерстяные ткани делали из шерсти овцы, а льняные — из волокна льна». Встречается в главе «карбюризатор», «уторник» (без пояснений) и «тангентально-радиальное направление» (оно объяснено). Вызывает удивление неоднократное упоминание новгородских «водопроводов», хотя автору хорошо известны работы А. Ф. Медведева, доказавшего, что это не водопровод, а дренажные сооружения.

Интересным материалом насыщена глава «Поселения», написанная М. Г. Рабиновичем. Автор начинает ее с подробного разбора терминов, обозначавших поселения различных типов. В вопросе о размерах древнерусской деревни автор с самого начала принял сторону С. В. Киселева, доказывавшего, что древнерусские поселения состояли только из 1—5 дворов. Однако следовало бы в таком случае подвергнуть критике мнение В. В. Седова, полагающего, что среди древнерусских деревень было немало крупных. Популярность очерка не снимает с автора обязанности знакомить читателя и с другими точками зрения.

М. Г. Рабинович дает схему исторического развития каждого из типов поселений, исследует их планировку, укрепления, благоустройство и т. д. Автор особенно интересуется городом и начинает изложение с определения самого понятия город. Далее он дает социальную характеристику различных городских районов, рисует живописную картину русского города. Вместе с тем М. Г. Рабинович уделяет немало внимания характеристике социального строя городов.

Перу того же автора принадлежит глава «Жилище». Здесь он, в частности, касается вопроса о причинах, обусловивших существование на одних территориях землянок, на других — срубных жилищ. По его мнению, находка под Новгородом, где вообще-то преобладают избы, нескольких полуземлянок объясняется переселением сюда жителей, привыкших у себя на родине к определенной манере постройки. С этим мнением трудно согласиться. Ведь и в области преобладания землянок, например, в Киеве, есть срубные дома. Землянки теплее срубных домов, но в городах с влажной почвой они неудобны. Вот почему в Новгороде и на киевском Подоле приходилось строить срубные жилища. Удачно описано внутреннее устройство домов и домовая утварь. Интересны сведения о каменных постройках, в том числе о доме новгородского посадника Юрия Онцифровича. Существенны наблюдения о различии жилищ богатых и бедных жителей городов.

А. В. Арциховским — главным редактором «Очерков» написаны четыре главы, посвященные одежде, пище, утвари, средствам передвижения и оружию. В ряде случаев ни археологический материал, ни письменные источники не сообщают нам ничего по перечисленным темам. Но есть еще «окна в исчезнувший мир», как назвал А. В. Арциховский исследованные им миниатюры древнерусских летописей. Эти «окна» служат важным источником по избранным им темам. Перед нами встают фигуры людей в реально существовавших костюмах. Ярко и подробно описаны отдельные детали одежды.

Однако остается непонятным, почему сороцица — это только нижняя рубашка, а не любая.

В главе «Пища и утварь» речь идет о форме и размерах хлебов, об употреблявшихся крупах, впервые — о рыбной пище, о мясных блюдах, орехах и многих других яствах и напитках на Руси в XIII—XV вв. Здесь же имеются сведения о глиняной и деревянной посуде, о драгоценных сосудах, о подписных изделиях, найденных при археологических раскопках.

О средствах передвижения мы особенно много узнали в результате раскопок

в Новгороде. Но А. В. Арциховский не ограничился анализом только археологических предметов, он широко привлек сведения письменных документов, в том числе и ранее не использованных. Подробно рассмотрены все виды сухопутного и водного транспорта. При общем красочном и вместе с тем лаконичном стиле, присущем А. В. Арциховскому, досадны некоторые терминологические погрешности. Так, автор считает возможным говорить о просторных каютах под палубой. Но ведь это не каюты, а скорее кубрики. Несомненно, небрежностью редакторов издательства объясняется утверждение, что «норманнские драконы имели на носу драконью голову». Трудно также понять стремление автора разделить понятия «лодка» и «корабль», особенно в применении к речным судам. В таком случае надо было объяснить принципиальное различие лодки и корабля. Видимо, принципиальных различий нет, что находится в соответствии с утверждением автора о невозможности выяснения внешнего вида кораблей.

Оружие — любимая тема исследований А. В. Арциховского. Главный мотив этой главы — изменения в русском оружии и характеристика новых его видов. Описано и наступательное, и оборонительное вооружение. В последнем важны пластинчатые доспехи, распространенность которых на Руси доказана работами Новгородской археологической экспедиции. Очерк охватывает также камнеметные машины и артиллерию.

Очень важна глава «Деньги и денежные системы», написанная В. Л. Яниным. Небольшой экскурс в историю денежного обращения домонгольского периода позволил автору обрисовать сложение русской денежной системы, дать яркую картину ее изменений и развития в послемонгольское время. В. Л. Янин считает, что собственного монетного чекана в раздробленной Руси не могло возникнуть, во всяком случае до определенного времени, и выдвигает гипотезу, что в безмонетный период роль денег играли некоторые женские украшения и шиферные пряслица. Исследуется также вопрос о возможности возникновения в безмонетный период денежных систем кредитного характера. Далее В. Л. Янин исследует областные денежные системы. Много места уделяется вопросам возникновения и развития московского монетного чекана. Наконец, русские монеты XIV—XV вв. изучаются автором как памятник русского прикладного искусства. Рассмотренный очерк является одним из первых научно-популярных сочинений по истории русской монетной системы послемонгольского периода. Он поможет устранить многие ошибочные представления, бытующие поныне.

Глава «Военное искусство» написана Б. А. Рыбаковым, с охотой возвращающимся к этой, видимо любимой им теме. Рассматривается военное искусство каждой земли: Галича и Волыни, Новгорода и Вятки, Твери, Суздаля и Нижнего Новгорода, наконец, Москвы. Столь большую детализацию автор объясняет тем, что в условиях политической раздробленности военное дело каждой земли развивалось изолированно и имело значительные особенности.

В начале главы Б. А. Рыбаков останавливается на военном деле Галицкой Руси. Особое внимание автор уделяет анализу Галицкой летописи, написанной, по его мнению, дружинником, что придает этому документу особое значение. Далее рассматривается военное дело в других русских землях. Автора интересует личность военачальника, состав и качество войска, в ней мы находим яркую характеристику оружия и укреплений. Рассказывается о применении различных видов войск в XIII—XV вв., даются остроумные расчеты времени для проверки создававшихся ситуаций. Автор исследует пешие, речные и лыжные походы русского войска. Особо проанализированы действия выдающихся русских полководцев: Даниила Галицкого, Александра Невского, Б. А. Рыбаков выступает против укоренившегося мнения, будто русская конница в битве на Чудском озере была выстроена в виде римской цифры V. Значительное место уделено описанию и анализу полярного похода Александра Невского в 1256 г. Немалое место уделяется изучению построения русской обороны, особенно линиям обороны Москвы в XIV в.

Заключительная глава книги написана В. В. Косточкиным и посвящена военно-оборонительным сооружениям. В ней подробно и в историческом движении рассмотрены расположение, планировка и развитие крепостей, их конструктивные принципы и особенности, роль отдельных частей укреплений. Немало внимания уделено условиям обороны в осаде или при штурме. Дан обширный обзор крепостей и укреплений различных княжеств.

Оценивая книгу в целом, небезынтересно вспомнить, что в предисловии к «Истории культуры древней Руси» указывалось на несостоятельность прежних попыток дать «Очерки» русской культуры. Эти попытки, по мнению авторов предисловия, неизменно ограничивались узким кругом вопросов и освещали лишь некоторые, преимущественно надстроечные стороны культуры. Этого не произошло с рецензируемой книгой, для которой характерна полнота рассматриваемой темы. Не пропущен ни один важный раздел истории материальной культуры. Внутри каждой главы также раскрыты все важнейшие стороны рассматриваемых явлений, будь то денежное обращение, оружие, жилище или любая из других тем, освещенных в книге. Столь высокая тщательность обусловлена полнотой использования всех родов источников. Все главы «Очерков» оснащены научным аппаратом, расширяющим

библиографическую базу исследования. Эта особенность книги значительно расширяет круг ее читателей. Из справочно-популярного издания она превратилась в научное, не потеряв популярности изложения.

Нет сомнения, что «Очерки русской культуры» — значительное явление в нашей научной жизни, которое найдет отражение в других научных работах, в преподавании истории культуры и археологии в вузах, в вузовских учебниках и в преподавании истории в школах.

Д. А. Авдусин

Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, стр. 176, с илл. и карт.

Индейские культуры североамериканского материка еще в состоянии по преимуществу доисторического развития оказываются в сфере наблюдений народов, обладающих сложившейся письменной традицией. В результате образуется ситуация, в некотором роде аналогичная той, которая складывалась в отдельных зонах Евразии в эпоху греческой колонизации, эллинизма и господства римской империи. Аналогичность в экономическом и политическом состояниях некоторых евразийских и американских туземных обществ как древности, так и недавнего прошлого неоднократно отмечалась классиками марксизма, а в области доисторической и раннеисторической археологии стала одним из надежных средств при этнографической характеристике древних народов. Однако многие методические моменты в этой сфере еще не вполне разработаны или сформулированы. В связи с этим появление монографии, касающейся перестройки индейских культур под влиянием экономического и политического давления извне, а также суммирующей некоторые линии общеисторических аналогий между культурами Старого и Нового Света, имеет большое значение для этнографической и археологической наук, да и для исторической науки в целом.

Ко времени появления европейцев на побережье Северной Америки в начале XVI в., в период их первых рекогносцировочных походов в глубь материка, встречавшееся им индейское население состояло из примитивных земледельцев, пеших охотников, а севернее, к району Великих Озер, тяготели племена рыболовов. С конца XVII в. французские путешественники начинают отмечать все учащающиеся случаи использования лошадей у индейцев в поселениях по берегам Миссисипи и Миссури. Лошади появляются у индейцев, живущих к северу от испанских пограничных поселений. А XVIII век открывается подлинной катастрофой для жителей северной испанской пограничной полосы: многие ранчо подвергаются нападениям индейских конных отрядов. Медлительная испанская администрация начинает вырабатывать меры борьбы с этими набегами; в число их входит в первую очередь запрещение торговать с индейцами лошадьми и оружием. Однако процесс перехода степных племен к коневодству уже стал необратим. Он определился многими в значительной мере равноценными факторами, и в частности чрезвычайно благоприятной для коневодства природной обстановкой степей. Однако долгое время среди американских исследователей держался взгляд, что решающее значение для индейцев имело лишь применение лошади в охоте, в военных набегах и как средства транспортировки. Даже столь очевидное значение лошади как предмета торговли не привлекало пристального внимания. С недавнего времени наметился сдвиг в сторону оценки распространения лошади как одного из мощных факторов в перестройке экономико-социальной структуры индейского мира.

Монография Ю. П. Аверкиевой впервые в советской историографии[1] вводит читателя в сложный круг проблематики, тесно сгруппированной вокруг одного основного обстоятельства — появления, освоения и использования лошади индейским населением степей. Автор отмечает, что основным пороком большинства исследований по истории и культуре этих племен был «недоучет значения коневодства как отрасли хозяйства в экономике индейцев» (стр. 15). На базе этого положения Ю. П. Аверкиева рассматривает вопросы о расселении племен со времени освоения лошади (стр. 4—13), о значительных изменениях в характере загонных охот на бизонов, о переменах в составе их участников, о праве и возможностях участия в охоте и соот-

[1] Общим вопросам индейской культуры посвящены большие разделы в сводном труде «Народы Америки» (1, М., 1959) и в книге «Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка» (М., 1957). Новейшая историография указана в статье Ю. П. Аверкиевой «К истории изучения индейцев США» («Основные проблемы истории США в американской историографии». М., 1971). Некоторые дополнения к библиографии рецензируемой работы содержатся в рецензии Е. Липс (E. Lips) (Ethnographische — archäologische Forschungen. Berlin, 4—2, 1958) на книгу: F. G. Roe. The Indians and Horse, 1955.

ветственно в распределении охотничьей добычи среди членов коллектива уже не на основе первобытнокоммунистических, общинно-родовых норм, а в зависимости от учета качества и количества лошадей (стр. 13—16). Далее рассматриваются и такие явления, как начатки классового расслоения в кочевой среде, ставшие результатом резкого изменения экономики. Основанием для него была прежде всего единоличная прижизненная собственность на табуны лошадей. Это позволяло их владельцу, во-первых, содержать большое число жен, выполнявших основные работы по переработке охотничьего сырья и производству товаров для обмена (пеммикан, палатки, костюмы и пр.), а во-вторых, широко эксплуатировать наемный труд, используя обедневших сородичей и соплеменников. Сдача лошадей в аренду, устройство периодических пиршеств с раздачей части богатств также закрепляли власть индейской верхушки над основной частью племени. Кроме того, возникают очень сложные сообщества, состоящие, с одной стороны, из крупных группировок кочевых конных индейцев и, с другой — из земледельческих групп. Характерным примером такого сообщества представляется группировка из конников тетон-дакотов и земледельцев-арикара (стр. 43), где земледельцы находятся в состоянии постоянной полурабской зависимости от коневодов. Все эти явления, накладываясь на первоначальные первобытнообщинные отношения, существовавшие в долошадный период, крайне усложняют структуру индейского общества, что вызывает у многих американских исследователей буквально полную растерянность перед многообразием материала, изобилием различных социальных форм. Ю. П. Аверкиева, вооруженная глубоким знанием исторических истоков индейской общественной организации [2], уверенно справляется со сложной задачей выяснения эволюции общественных отношений. Она прослеживает их развитие от институтов материнско-родового строя, еще сохранившихся в реликтах у некоторых (в основном полуоседлых) индейских племен, до господства патриархальных институтов, способствовавших укреплению военной организации степняков и переходу их к стадии военной демократии (стр. 45—140). Этим кругом вопросов, изложенных очень обстоятельно, с широким привлечением большого числа источников и исследований, с их тщательным критическим разбором и оценкой, автор фактически исчерпывает свою задачу: показ «индейского кочевого общества» в том состоянии, которое сложилось ко времени истребления бизона и окончательного насильственного перевода индейцев в резервации.

Однако Ю. П. Аверкиева не ограничивается одной лишь констатацией статичной картины жизни индейских племен периода конца «века бизона», приходящегося на последнее десятилетие XIX в. Рассматривая индейское кочевое общество на широчайшем историческом фоне древних археологических и этнографических параллелей кочевых обществ Старого Света, автор приходит к смелой и очень продуктивной с точки зрения дальнейших исследований гипотезе: «Если бы не колонизация, индейцы могли бы продолжать свое развитие после исчезновения бизонов как чистые скотоводы, подобно коневодам степей Центральной Азии. Наличие, например, у команчей и ряда других племен в XIX в. таких элементов чисто коневодческого хозяйства, как потребление конины, использование конских кож и т. д., говорило о возможности такого пути развития» (стр. 17). Такой подход требует особо внимательного рассмотрения. Все культуры евразийских коневодов связаны не только с применением лошади, но также и с широким распространением в разных, правда, пропорциях, крупного и мелкого рогатого скота. Ведь именно сочетание различных видов животноводства обеспечивало устойчивость и жизнеспособность этих кочевых обществ [3]. В индейском же хозяйстве в «долошадный» период некоторое значение имело лишь применение собаки. Более того, даже принцип волокуши для лошади, которая широко распространилась в индейских культурах, был первоначально заимствован из собачьей упряжки [4]. Однако другие виды животноводства на территории североамериканского материка в туземных культурах не приобрели существенного

---

[2] Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. Тр. ИЭ, LXX, М., 1961; VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук, IV, М., 1967.

[3] Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952; его же. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Е. М. Залкинд. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в., М., 1970 и др.

[4] Этот факт резко расходится с теорией о происхождении повозки из волокуши, тем более что первоначально употреблялись лишь дышловые повозки и предназначались для запряжки пары животных, тогда как индейская волокуша запрягалась одной только лошадью. Пожалуй, в индейских материалах можно найти достаточно обширные сведения о том, что транспортное применение лошадей предшествовало верховой езде у населения, не обученного этой последней у испанцев (см. споры по этому вопросу, начавшиеся еще в античную эпоху и длящиеся до сих пор. J. Wiesner. Fahren und Reiten.— Archaeologia homerica. I. Kap. F. Berlin. 1968; J. C. Ewers. The Horse in Blackfoot Indian Culture. B—BAE 159. Washington, 1955, стр. 4).

значения. Эти разновидности животноводства фактически были замещены в индейской культуре охотой на бизонов. Истребление бизона привело к резкому нарушению уже ставшего устойчивым внутреннего экономического баланса в кочевой среде. Для кочевников могло существовать несколько путей расширения своей сырьевой и экономической базы. Одним из таких путей, известных по примерам центральноазиатского прошлого, было резкое возрастание военной агрессивности (гунны, тюрки, татаро-монголы). Другие пути разрешения кризисной ситуации в условиях кочевого быта, такие, как расширение экономической базы за счет внедрения новых отраслей животноводства или частичного, но повсеместного перехода к земледельческому хозяйству, нельзя считать всесторонне изученными. Дальнейшее изучение такого рода возможностей первое и, надеюсь, очень плодотворное последствие гипотезы Ю. П. Аверкиевой.

Вторым не менее важным последствием этой гипотезы является необходимость пересмотра «индейского вопроса» (и в частности, истории степных племен) в рамках не только экономической, но и политической истории североамериканского материка. Ю. П. Аверкиева вполне справедливо подтверждает историческую периодизацию культуры индейцев центральной полосы степей: «В истории этих племен различаются три больших исторических периода: 1) долошадный — до 1600 г., 2) лошадный — до 1880 и 3) резервационный — длящийся до наших дней» (стр. 9). Если третий период, время монотонного доживания в резервациях зависимых и полубесправных потомков свободных индейцев, может восприниматься как единое целое, то с первыми двумя дело обстоит иначе. Конечно, трудно сейчас, когда археология степей еще только формируется, говорить о дробной периодизации первого периода, начинающегося одновременно с появлением туземцев в североамериканской степи и заканчивающегося их первым соприкосновением с культурой белого человека. Взятый в качестве вехи 1600 год — цифра, естественно, чисто условная. Но второй период, источниками для изучения которого являются свидетельства белых путешественников и торговцев, туземные племенные предания и (уже в самом конце) первые работы американских этнологов,— это сплошная динамика, это век непрерывных перемен. Его внутренняя периодизация в ряде случаев более существенна, чем абстрактно устанавливающиеся внешние рамки. Уже с начала XVII в. индейские культуры центральных степей оказались в кольце белых колоний. На юге были испанцы, оттуда угрожал католический крест и непременное вслед за ним рабство. На севере и юго-востоке были французы. Их политика в отношении индейцев была более «гибкой». Они вовлекали племена в торговлю, подстегивали межплеменную борьбу, в случаях же резкого сопротивления безжалостно истребляли бывших «союзников». Фактически одной из важнейших вех в истории индейского «лошадного» периода было образование французской Луизианы в конце XVII в. Этим актом индейцы сразу же были вовлечены в англо-французские территориальные противоречия, сильно ослабившие индейский мир и предопределившие если не самый факт, то сроки окончательного оттеснения индейцев за Миссисипи, образование «индейской территории», а затем начало резервационного периода, предшествовавшего по времени окончательному истреблению бизонов. Все эти трагические вехи, очень значительные в истории периода, связываются с медленным и безжалостным продвижением на запад английских колонизаторов, а затем населения США. Как общие закономерности исторического развития США, так и претворение их в жизнь в «индейском вопросе» предопределили политическую гибель индейского кочевого общества, лишившегося своей фактической собственности на землю. Ведь только владение большими земельными угодьями могло поддержать незавидным кочевой быт. Та самая лошадь, которая являлась единственным, казалось бы, положительным «даром» колонизации, в условиях резко очерченных территориальных границ, при полном даже невмешательстве белых властей могла бы при экстенсивном хозяйстве послужить причиной взаимопстребления крупных индейских групп (ср. стр. 18). Не как парадокс, а как результат историко-политических наблюдений можно сделать вывод, что в процессе колонизации лошадь стала в конце концов одним из орудий закабаления и гибели индейского степного общества, неся за собой классовое расслоение, зависимость от торговой конъюнктуры складывающегося внутреннего и внешнего рынка (ср. вывод Ю. П. Аверкиевой о большей устойчивости коллективизма у земледельческих племен, стр. 38—39). В степных районах торговля лошадьми в значительной мере сыграла такую же роль в разрушении индейской общественной структуры, которую на севере выполняла торговля мехами. Лошади стали «стратегическим товаром»: нужда в лошадях заставляла англичан и французов расплачиваться за них порохом, пулями, ружьями. Это явление предопределило скорость распространения лошади по континенту и первоначальные причины образования крупных индейских коневодческих центров, которые уже в XVIII в. начинают конкурировать с испанскими конными заводами Сан-Антонио и Санта-Фэ. Вся эта историческая реальность мешает пока глубже заглянуть в теоретическую проблему, трактующую о том, как сложился бы индейский уклад, если бы деятельность колонизаторов прекратилась на этапе первоначального внедрения лошади в индейскую культуру.

Далее, проводя параллели между кочевым индейским миром и коневодческими культурами Старого Света, Ю. П. Аверкиева создает предпосылки для более четкого формулирования общих закономерностей и для возможности в дальнейшем подроб-

нее и с новых позиций пересмотреть проблемы истоков и формирования первоначальных культур евразийских коневодов, которые исследователи сравнительно единогласно связывают с индоевропейскими племенами. Сам процесс одомашнения лошади и локализация первоначального его центра пока неясны. Впрочем, пролить новый свет на эти явления американские данные не могут, так как среди индейцев распространялся одомашненный вид. Но вот такие моменты, как способы распространения, формы применения, появление новых систем упряжи, влияние на хозяйственную жизнь и отчасти вопрос о скорости распространения, могут быть поставлены в сравнении с индейским материалом. Впрочем, в последних двух вопросах необходима поправка на дополнительное влияние на индейские культуры кольца белых колоний. В связи с этим и темп распространения, и решительные хозяйственные изменения под влиянием появления лошади могли происходить в древней Евразии несомненно медленнее, чем на американском материке. Но все же примечательно, что процесс этот начался и завершился среди североамериканских индейцев в срок, немногим превышающий столетие.

Еще один вопрос может быть прояснен с помощью индейского материала — это загадочная проблема о различиях наименования лошади в индоевропейских языках и трудности их сведения к единому архетипу. Та же трудность возникает и в связи с наименованием аналогичных частей сбруи и упряжи, но здесь мы не располагаем из-за неудачно и неполно составленной программы индейских словарей нужными данными. Индейские же наименования лошади возникали по трем основным принципам, зависящим от того, как произошло знакомство с лошадью у той или иной группы. Племена, непосредственно контактировавшие с испанцами, заимствовали испанское название caballo и сохраняют его, правда, в искаженной, в соответствии с внутренними фонетическими законами определенного туземного языка, огласовке. Те индейцы, которые впервые встретили отбившуюся лошадь в степи и не знали первоначально о ее транспортном применении, давали название лошади по сходству ее с каким-либо видом известных им животных. И наконец, те, кто ознакомился с ее транспортными способностями, связывали ее наименование с единственным ранее известным транспортным животным — собакой.

Затем Ю. П. Аверкиева коснулась еще одной существенной проблемы, важной для исследования общих вопросов, связанных с историей коневодческих культур. Это проблема возникновения кольцевых лагерей и поселений. У индейцев четко фиксируется их связь с появлением коневодства. В Старом Свете, может быть, следует говорить о связи их со скотоводством в более широком смысле. Но главное, что факт независимого возникновения одинаковой архитектуры поселков в связи с аналогичными хозяйственными явлениями позволяет утверждать, что случаи обнаружения кольцевых планировок в археологических объектах могут служить одним из признаков наличия развитого скотоводства. Примеры устройства кольцевых лагерей в целях охраны скота и для более надежной обороны можно расширить на американском материале за счет некоторых фактов, которые Ю. П. Аверкиевой не были учтены. Это устройство таких лагерей из повозок. Легкая двухколесная повозка с оглоблями, запрягавшаяся одной лошадью, появляется у степных оджибвэ под влиянием белых торговцев в конце XVIII в. Благодаря мягкому грунту степей и прочности сооружения она могла служить в течение нескольких сезонов и широко применялась в охоте на бизонов — и как средство транспортировки охотничьей добычи, и для преследования стад. Однако в 1855 г. миссионер Бэлькур, присутствовавший при заключении договора о границе между племенем сиу и степными оджибвэ, отмечал, что этот договор стал возможен лишь после решительной победы оджибвэ над превосходящими силами противника. Секрет этой победы заключался в использовании для обороны кольцевого лагеря из телег [5], т. е. оджибвэ самостоятельно разработали и применили знаменитую тактику куренной обороны, широко известную степным кочевникам Евразии буквально с доисторических времен [6].

Наконец, в отношении возможностей применения этнографических данных к доисторической археологии огромное значение имеет лейтмотив книги Ю. П. Аверкиевой, призывающий исследователей к изучению конкретно-исторических форм развития определенных общественных групп (стр. 170 и ср. стр. 137). Интересен, в частности, вывод о том, что отдельные особенности материальной и духовной культуры могут быть независимы от общестадиальных явлений в развитии общественной структуры коллективов [7]. Именно наблюдения над индейским миром особенно ярко демонстрируют условность таких характерных для археологической науки подраз-

---

[5] O. C. Stewart. Cart-using Indians of the American Plains. Man and Cultures. Selected Papers of V International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Philadelphia, 1960, стр. 354.

[6] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 69.

[7] Ср. А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. Здесь определено чрезмерно большое значение придается стадиальным явлениям в развитии (стр. 66, 68; сноски 5, 7).

делений, как «ранние» или «поздние» кочевники [8], или, например, решительного вывода о том, что быстрые передвижения, зафиксированные для кочевых обществ раннеисторического периода, невозможны были для коллективов доисторической эпохи (например, культур позднего неолита и раннего бронзового века) [9].

Книга Ю. П. Аверкиевой — глубокое исследование некоторых проблем, вошедших в золотой фонд этноисторических наук еще со времен Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, представляет большую ценность для широкого круга специалистов: историков, этнографов, археологов. Ее крайне ограниченный тираж (1300 экз.) несомненно не удовлетворил спроса. Необходимо новое издание. В него, кстати, могли бы быть внесены некоторые дополнения, касающиеся духовной культуры и мифологии степных племен. Желательно и пополнение иллюстративного материала за счет воспроизведений предметов индейского быта, хранящихся в коллекциях Музея антропологии и этнографии в Ленинграде [10].

П. М. Кожин

---

[8] М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, XXIV, 1955, стр. 19—22; С. С. Черников. О термине «ранние кочевники». КСИИМК, 80, 1960, стр. 17—21.

[9] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л., 1966, стр. 72.

[10] В частности, в коллекциях хранится седло, аналогичное описанному Ю. П. Аверкиевой (стр. 23—24).

Хроника

2-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПАЛЕОЭТНОБОТАНИКЕ [1]

В апреле 1971 г. (с 19 по 24) в Будапеште, в рамках 3-го Международного конгресса сельскохозяйственных музеев, состоялся 2-й Международный симпозиум по палеоэтноботанике, который работал как специальная археоботаническая секция. Поскольку это была только вторая международная встреча палеоэтноботаников, организаторы симпозиума не ограничивали тематику докладов строго конкретными рамками и в программу совещания были включены сообщения, освещающие вопросы истории земледелия в самых различных аспектах. Исходя из общих тематических особенностей, доклады были подразделены на четыре основные группы.

В первую были включены сообщения по общим вопросам становления и истории земледелия, основанные на данных палеоботанических исследований, в частности на материалах спорово-пыльцевого анализа. Во вторую группу вошли доклады, касающиеся истории земледелия и находок культурных растений в конкретных регионах и для определенных исторических периодов на территориях СССР, ГДР, Франции, Италии, ФРГ и Венгрии. Третья группа объединяла доклады, посвященные отдельным находкам растений из археологических памятников Европы и Ближнего Востока, их морфологии и отличительным признакам. Доклады четвертой группы затрагивали общие вопросы критериев определения культурных растений.

Всего в программу симпозиума было включено 24 доклада. Особенно оживленная дискуссия развернулась вокруг докладов о принципах опознавания ископаемых остатков, сопровождавшихся демонстрацией соответствующего коллекционного материала.

Вновь был поднят вопрос о необходимости составления карт находок культурных растений в отдельных странах Европы с целью получения материала для общих палеоботанических построений как основы истории земледелия. В качестве примера исследований подобного рода признана работа доктора У. Виллердинга (U. Willerding. Vor- und frühgeschichtliche Kulturpflanzenfunde in Mitteleuropa. Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachen, B. 5, Hildesheum, 1970). Наиболее важным участники симпозиума считают составление карт с указанием находок определенного вида, для обозначения возраста которых рекомендуется использовать индексы, уже применявшиеся У. Виллердингом и другими авторами.

В свое время на симпозиуме 1968 г. было выдвинуто предложение о публикации ежегодной библиографии по вопросам истории земледелия и культурных растений, а также методическим вопросам определения палеоэтноботанических остатков. Однако за прошедшие три года в этом отношении не было достигнуто никаких положительных результатов, хотя выпуск подобной библиографии явился бы важным вспомогательным этапом в работе специалистов данной отрасли знаний. Учитывая это обстоятельство, было решено, что библиографию необходимо издавать и она должна отвечать определенным требованиям. В первую очередь надо предусматривать ежегодную публикацию всей литературы по странам Европы, где содержатся сведения о находках культурных растений из археологических памятников. В нее, кроме того, должны быть включены алфавитные указатели авторов и видов культурных растений. Ее составление поручено доктору Дж. Шультец-Мотель, при непосредственной помощи всех участников симпозиума и представителей отдельных стран, для опубликования в журнале «Культурные растения» (Die Kulturpflanze) и в виде отдельных оттисков.

Третий симпозиум по палеоэтноботанике решено провести через три года в Кракове, а для координации работы между встречами создать комитет в составе четырех человек (секретаря и трех членов): двух от Западной и двух от Восточной Европы. На ближайшие три года в состав комитета введены К. Василикова — секретарь (Польша), К. Е. Бер (ФРГ), З. Темпир (Чехословакия) и В. Ван Цайст (Голландия).

Симпозиум 1971 г. был более представительным, чем первая встреча в Праге и еще раз наглядно продемонстрировал насущную необходимость систематического обмена мнениями по ряду важных вопросов определения ископаемых растительных

[1] Информация о 1-м Международном симпозиуме была напечатана в СА. 1970, 4.

остатков, изучения истории культурных растений и истории земледелия в целом. Решение вопросов хозяйства в широком историко-археологическом аспекте должно быть поставлено на прочную фактологическую базу, которая, к сожалению, не для всех районов и исторических периодов в настоящее время достаточно надежна. Для этого необходим систематический сбор и определение палеоботанического материала, публикация всех имеющихся данных определений культурных и сорных растений, составление специального палеоботанического архива и соответствующей ему картотеки, а также работа над картированием собранного материала.

Эти основные задачи, поставленные уже в международном масштабе, учтены в плане исследований земледельческой группы Института археологии АН СССР и будут проводиться с привлечением широкого круга специалистов.

Г. Н. Лисицына

ЧЕТВЕРТАЯ ПОДОЛЬСКАЯ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В г. Каменец-Подольском с 10 по 12 мая 1971 г. состоялась IV Подольская историко-краеведческая конференция. Она была подготовлена Каменец-Подольским педагогическим институтом им. В. П. Затонского, Хмельницким областным историко-краеведческим обществом, областными организациями общества охраны памятников истории и культуры УССР и общества «Знание». Проведение подольских историко-краеведческих конференций уже стало традицией. Три предыдущие состоялись в 1965, 1967 и 1969 гг. [1].

На пленарных и секционных заседаниях IV конференции было заслушано более 100 докладов и сообщений по истории, археологии, фольклору, этнографии и литературоведению Подолии. В заседаниях принимало участие более 500 человек, в том числе около 150 научных сотрудников и краеведов из Ленинграда, Киева, Львова, Каменец-Подольского, Черновиц, Тернополя, Хмельницкого, Винницы, Кременца и других городов, а также сел.

Значительное место в работе конференции заняли историки, археологи, этнографы и краеведы Каменец-Подольского.

В докладе секретаря Хмельницкого обкома КП Украины Т. В. Главак «Решения XXIV съезда КПСС и задачи историков-краеведов Подолии», прочитанном на пленарном заседании, были намечены перспективы развития исторического краеведения, указаны наиболее важные вопросы истории края, которые требуют пристального внимания, изучения и популяризации.

С отчетным докладом о работе Хмельницкого областного историко-краеведческого общества за 1969—1971 гг. выступил председатель правления С. К. Гуменюк. Развитию общеобразовательной школы в Каменец-Подольском за годы Советской власти посвятил свой доклад И. Е. Гнатенко.

Значительное место в работе конференции заняла археологическая тематика. С интересным докладом «Общинное ремесло» выступил на пленарном заседании член-корреспондент АН УССР С. Н. Бибиков (Киев). Он обратил внимание на проблемы, связанные с изучением ремесел в первобытном обществе. Автор показал, что еще в каменном веке, и особенно в эпоху меди и бронзы, на территории Юго-Восточной Европы формируются древние ремесла, которые он предлагает именовать общинными, так как они отличаются от развитого ремесла эпохи сложения государственности. Вместе с тем С. Н. Бибиков показал, что корни ремесла раннего железного века и эпохи раннего феодализма находятся в глубинных пластах общинного ремесла.

И. С. Винокур (Каменец-Подольский) прочитал на пленарном заседании доклад «Население Днестро-Днепровского междуречья II—V веков н. э.». Автор попытался нарисовать историческую картину расселения племен на землях Юго-Восточной Европы на рубеже и в первой половине I тысячелетия н. э. Он показал, что наряду с другими племенами большую роль в ту эпоху играло славянское население Днестро-Днепровского междуречья.

На секции археологии выступил А. П. Черныш (Львов) с докладом «Многослойная стоянка Кормань IV — ценный источник для изучения истории палеолитического населения Поднестровья». Автор показал место палеолитического комплекса указанной стоянки среди других памятников древнего каменного века Поднестровья, которые плодотворно на протяжении многих лет им исследуются.

М. И. Островский (Кременец) посвятил свой доклад палеолитическим памятникам Волыно-Подольской возвышенности. Он показал место палеолитических памятников типа Липа среди древностей каменного века Юго-Западной Украины.

---

[1] Л. А. Коваленко, І. С. Винокур. Хмельницьке історико-краєзнавче товариство. УІЖ, 1964, 3, стр. 154; І. С. Винокур, Л. Н. Коваленко. Друга Подільська історико-краєзнавча конференція. УІЖ, 1967, 7, стр. 155—156; Н. Г. Думова. Первый слет краеведов Подолья. «История СССР», 1966, 1, стр. 244—246; И. С. Винокур, Э. А. Сымонович. Третья Подольская историко-краеведческая конференция. СА, 1970, 2, стр. 292—294.

А. М. Терлецкий (Каменец-Подольский) посвятил свое сообщение связям геологического строения Подолии с развитием палеолитической культуры. Автор попытался показать, как особенности рельефа и геологического строения Подолии повлияли на топографию палеолитических памятников края.

И. И. Заец (Винница) сделал доклад «Клищив — новый памятник эпохи энеолита на Южном Побужье». Автор показал место и значение нового трипольского поселения среди других памятников развитого триполья в Южном Побужье. Б. С. Жураковский (Винница) выступил с сообщением «Человек и природа в эпоху триполья в Среднем Побужье». Сообщение о городище эпохи бронзы у с. Бондуривка на Винничине сделал Б. И. Лобай (Винница).

Новым голиградским памятникам поздней бронзы и раннего железного века Подольского Поднестровья посвятил свое сообщение Ю. Н. Малеев (Киев). Он продемонстрировал материалы разведочных раскопок на голиградском поселении в районе г. Залещики Тернопольской области.

А. Ф. Гуцал (Каменец-Подольский) сделал сообщение о памятниках скифской эпохи в Среднем Поднестровье. Он изложил результаты разведок в Поднестровье и первых раскопок на поселении раннескифского времени у с. Бакоты Каменец-Подольского района Хмельницкой области.

Доклад М. Б. Щукина (Ленинград) был посвящен хронологическим соотношениям пшеворской и черняховской культур в Верхнем Поднестровье. О раннеславянском поселении VI—VIII вв. н. э. у с. Бакоты рассказал в своем докладе О. М. Приходнюк (Киев). Доклад на тему «Подолия — структурная часть Киевской Руси» прочитал М. Ю. Брайчевский (Киев). Он остановился на общей характеристике древностей Подолья IX—XI вв. и на их связях с синхронными поднепровскими памятниками.

Об исследованиях древнерусского культурного слоя на поселении в окрестностях летописной Бакоты сообщила С. Э. Низевич (Каменец-Подольский). Древнерусским памятникам IX—XI вв. Среднего Поднестровья посвятил свой доклад Б. А. Тимощук (Черновицы). Он охарактеризовал древнерусские комплексы городищ Ломачинцы, Перебыковцы и показал их связи с памятниками центральной и восточной части Подолии. В. В. Аулих (Львов) рассказал о новейших исследованиях, проведенных на территории древнего Галича. Он акцентировал внимание присутствующих на необходимости планомерных исследований столицы Юго-Западной Руси.

В докладе В. И. Якубовского (Хмельницкий) были представлены новые материалы по истории Болоховской земли. В частности, речь шла о раскопках городища, расположенного неподалеку от с. Городища Деражнянского района Хмельницкой области. Автор показал вещи уникального древнерусского вещевого клада ювелирных украшений, найденного при раскопках указанного городища. Он высказал интересные соображения о возможном киево-черниговском происхождении феодальной знати Болоховской земли.

Краевед С. К. Шкурко (Каменец-Подольский) сообщил о геологическом строении участка Каменец-Подольского замка XIII—XVII вв. Архитектор В. П. Шевченко (Киев) рассказала об интересных наблюдениях, сделанных при исследованиях фортификационных сооружений XVI в. в г. Каменец-Подольском.

Сообщение краеведа К. И. Терещука (с. Коськив Шепетовского района Хмельницкой области) было посвящено древним торговым путям Подолии. Автор изучил летописные тексты, а также материалы древнерусских городищ края и на этой основе попытался показать основные направления древних торговых и культурных связей населения Подолии XI—XIII вв. М. И. Ягодзинский (с. Меджибож Летичевского района Хмельницкой области) сообщил об археологических разведках, проведенных в окрестностях и на территории древнего города Меджибожа. М. В. Гавдюк (с. Бережанка Чемеровецкого района Хмельницкой области) и А. С. Хоптяр (Каменец-Подольский) рассказали о значении археологических материалов Подолья для формирования познавательных способностей учащихся средней школы.

IV Подольская историко-краеведческая конференция показала, что интерес к истории края постоянно растет. Заслугой ученых и краеведов Подолии является оперативная публикация материалов и, в частности, по археологии края. В конференции приняли участие широкие слои общественности (учителя, краеведы, студенты разных факультетов Каменец-Подольского педагогического института им. В. П. Затонского). Материалы IV Подольской историко-краеведческой конференции, как и трех предыдущих [2] будут опубликованы в специальном сборнике.

И. С. Винокур

---

[2] «Тези доповідей Подільскої історико-краезнавчої конференції». Хмельницький, 1965; «Матеріали другої Подільської історико-краезнавчої конференції». Львів, 1968; «Матеріали третьої Подільської історико-краезнавчої конференції». Львів, 1970.

ЕЩЕ РАЗ О ПРИНЦИПАХ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

(Письмо в редакцию)

В № 2 за 1972 г. журнала «Советская археология» напечатаны материалы по поводу статьи «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры [1].

Поднимая на страницах журнала вопросы реставрации, автор статьи стремился обратить внимание научной общественности на их принципиальную сторону. За последние годы заметно усилился интерес к памятникам отечественной истории и культуры среди самых широких слоев трудящихся Советского Союза. Показателем этого являются и создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, и широкое развитие туризма по древнерусским городам и памятным местам, и растущая посещаемость наших музеев, и популярность публикаций памятников. Реставрация памятников старины должна отвечать художественным запросам и возросшему культурному уровню нашего общества. Вопросы методики и принципов реставрации сейчас должны стоять острее, чем когда-либо. На это обращает внимание в своем письме в редакцию и ленинградский реставратор А. Э. Гессен. И, думается, нет никакого криминала в том, что на страницах журнала «Советская археология» поднята дискуссия о направленности работ в Троице-Сергиевой лавре. Сохранение этого неповторимого архитектурного комплекса волнует не только архитекторов-реставраторов, но и широкий круг советской общественности.

Автор упомянутой выше статьи в настоящее время оказался в довольно трудном положении, так как его противника в полемике (В. И. Балдина) решительно взяли под свою защиту Министерство культуры РСФСР и Секция изучения и охраны памятников архитектуры Союза архитекторов, опубликовавшие свои заключения по поднятому вопросу [2] и, таким образом, предрешившие исход дискуссии. Однако в связи с обвинением в необъективности и искажении фактов автор статьи вынужден обратить внимание на элемент определенной предвзятости в самих публикуемых в защиту В. И. Балдина материалах, что неудивительно, поскольку последний был членом немногочисленной комиссии министерства, обследовавшей его работы в лавре.

Нет надобности снова полемизировать по каждому пункту дискуссии. Обратимся к основным, принципиальным разногласиям. Автора статьи упрекают в том, что он «пытается возродить представление о непременной реставрации памятников на так называемую «оптимальную дату...» и категорически отвергает метод фрагментарной реставрации..., широко утвердившийся в настоящее время во всей мировой практике» [3]. Внесем ясность. Следует напомнить, что стержневым вопросом статьи «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры» является сохранение историко-художественной целостности ее архитектурного ансамбля. По нашему мнению, при реставрации любого памятника лавры необходимо прежде всего определить его место и значение в ансамбле, а исходя из этого, и профиль его реставрации. Оптимальным состоянием памятника может считаться такое его состояние, при котором с достаточной полнотой выявляются его художественные качества и в то же время он не нарушает целостности всего архитектурного комплекса. При этом, бесспорно, могут быть случаи фрагментарной реставрации. Например, выявление каких-то более древних частей и деталей сооружения. Однако когда мы имеем дело с архитектурным ансамблем, восстановление каждого отдельного сооружения, равно как и частей его, должно быть подчинено идее целого. В данном же случае фрагментарная реставрация Успенского собора не только нарушила его художественный образ, но и выхватила его из ансамбля.

В свое время члены Ученого совета Загорского музея, в том числе И. В. Жолтовский, И. В. Рыльский, П. В. Щусев, Н. Д. Виноградов и др., при разработке генерального плана реставрации лавры очень осторожно подходили к вопросу определения силуэта крепостных башен и в интересах ансамбля приняли решение сохранить существующие верха XVIII в. Сооруженный же в настоящее время из строганого пиломатериала шатровый верх Сушильной башни определенно дисгармонирует с силуэтом Колокольни Ухтомского. Предполагается устроить такие верха еще на двух из одиннадцати башен, остальные оставить в формах XVIII в. Такая «фрагментарная реставрация» безусловно внесет разнобой в величественный облик крепости. Ярким примером бездумно примененного метода фрагментарной реставрации является Введенская церковь у стен лавры, ответственность за которую участники реставрации стремятся переложить друг на друга.

Думается, правы в своем письме в редакцию и загорские художники, когда говорят, что от сплошной побелки «многоцветный праздничный строй лавры».... «теряет свой характерный вид и становится безликим, приглаженным под общий

---

[1] И. В. Трофимов. О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры. СА, 1970, 4, стр. 74—82.

[2] СА, 1972, 2, стр. 237—246.

[3] Там же, стр. 237.

дешевый реставрационный ошиб»[4]. О том же сожалеет и известный художник Т. Маврина[5].

Странно звучит заявление, что Больничные палаты выглядели слишком нарядными после реставрации 1940—1949 гг. Это сооружение общественного назначения, расположенное у въезда в монастырь, несомненно занимало в древнем ансамбле свое особое место и не сливалось с линией келий. На это его положение указывает и удачно вкомпонованная в живописный объем палат нарядно декорированная тягами с «крабами» и зелеными поливными изразцами стройная шатровая церковь. Характерная для XVII в. покраска памятника в кирпичный цвет с выделением белокаменных деталей была вполне оправдана. Теперь палаты и церковь побелили, основываясь на якобы изначальности такого решения. Памятник потух. Исчез какой-то неповторимый акцент и из ансамбля.

Вообще о документальности в теперешней расколеровке памятников лавры говорится много. В заслугу реставрации последних лет ставится, например, восстановление раскраски «в шахмат» Чертогов (хотя впервые это сделано до 1951 г.). Однако почему-то комиссии не обращают внимания на то, что ни цвет восстановленных «шахмат», ни способ покраски на южном фасаде здания не соответствуют древним остаткам на его западном фасаде[6].

В опубликованных материалах мы не нашли ответа и на вопрос — почему же все-таки территорию лавры покрыли белокаменной плитой[7], приводящей к отсырению памятников. А что стены Троицкого собора и Духовской церкви весной стали покрываться плесенью — знает каждый, наблюдавший их до замощения и теперь. Что же после этого говорить о вертикальной планировке и прочих работах по благоустройству территории!

С одной стороны — решение забелить крепостные сооружения и другие памятники, устроить над башнями тесовые шатры, потому что так было «изначала». С другой стороны — никогда не бывшая позолота на церкви Зосимы и Савватия и на подольных церквах, или никогда не бывшая вымостка всей территории белым камнем, который, несомненно, вносит в ансамбль свой особый и довольно сильный колорит! С одной стороны — почти полное уничтожение Кавалерского корпуса — памятника раннего XVIII в.; с другой — возобновление однажды уже разобранной реставраторами аляповатой сени XX в. посреди лаврской площади[8]! Где же тут единая принципиальная направленность работ?

Защищая эту направленность, автора статьи упрекают в якобы пренебрежении им исследовательскими и проектными работами. В то время как при самом начале его работ в лавре с 1938 г. были подняты большие архивные материалы, велась инструментальная съемка территории, производились архитектурные и археологические обмеры, в процессе профилактических работ делались зондажи и закладывались шурфы. На основании этих работ был сделан Генеральный план архитектурного ансамбля с фасадами и разрезами, генеральный план реставрации, дефектные акты с описями работ на все сооружения лавры, проекты реставрации отдельных памятников[9]. В частности, проект реставрации Больничных палат создавался в 1940—1945 гг. (а не в течение 12 лет!)[10].

---

[4] Письмо в редакцию группы загорских художников, СА, 1972, 2, стр. 235.

[5] Т. Маврина. Загорск. «Наука и жизнь», 1969, 6, стр. 27.

[6] Сохранившаяся древняя покраска, выполненная альфреско по известковому грунту, отличается своей прозрачностью; восстановленная же выполнена корпусными, глухими красками, типа масляных. Можно ли такое выполнение считать реставрацией?!

[7] Кстати, сам примененный здесь материал — мягкий пористый известняк — никогда не употреблялся для замощения. Быстро снашиваясь, он образует массу мельчайшей вредной пыли, губительной в условиях любого музейного хранения; легко впитывая влагу и замораживаясь зимой, он быстро разрушается. Все это приводит к недолговечности такого рода покрытия.

[8] Едва ли все эти спорные моменты своевременно обсуждались архитектурной общественностью. Так, известно, что о разборке половины Кавалерского корпуса Научно-методический совет узнал post factum из представленного ему акта Загорского музея.

[9] См. отчет об этих работах: И. В. Трофимов. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследования и реставрация, М., 1961. Книга получила положительные отзывы: В. Н. Иванов («Архитектура СССР, 1962, 6) и А. И. Венедиктов (СА, 1964, 1). Имеются также положительные официальные рецензии от Исторического факультета Московского университета (8/XII—1967 г.), от Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (21/XII—1967 г., № 734 общ/76), от Государственной инспекции по охране памятников Министерства культуры РСФСР (27/XII—1968 г., № 17—0—19).

[10] Если вспомнить почти полную неизученность памятников лавры и тяжелое время военных и послевоенных лет, когда каждый каменщик и каждый лист железа ценились на вес золота, то вообще странно слышать упреки в якобы затянутости тех или иных работ, замусоренности территории и т. п.

Думается, трудно возразить против необходимости корректировки в процессе производства работ в натуре почти каждого реставрационного проекта, сделанного по предварительным изысканиям. Вот об этом и идет речь[11]! Сами же изыскания должны иметь под собой производственную базу. Иначе зондажи и шурфы остаются раскрытыми в течение ряда лет, как это и наблюдалось в лавре после 1951 г. Что касается количества проектной документации, самой дорогостоящей среди всех других работ, то, несомненно, до 1951 г. ее было изготовлено на каждый объект значительно меньше, чем впоследствии, и мы убеждены, что и не было в этом практической необходимости[12].

За двадцать последних лет в Троице-Сергиевой лавре выполнены большие по объему и стоимости работы. Однако о принципах и методике их проведения можно и должно спорить. Реставрация — искусство, а в «любом произведении искусства, великом или малом, все, до последних мелочей зависит от замысла» (Гете).

П. В. Трофимов

---

[11] И. В. Трофимов. Ук. соч., стр. 28.

[12] Что касается оценки работ, проводимых в лавре до 1951 г., то в своем заключении от 18.VIII—46 г. академики А. В. Щусев и И. Э. Грабарь отмечали «правильность выбора объектов реставрации, план ее проведения и высокий научный и технический уровень ее производства». А в 1947 г. Союзом Советских архитекторов СССР на Всесоюзном смотре молодых мастеров архитектуры «по произведенным постройкам и выполненным проектам научным и реставрационным работам» в Троице-Сергиевой лавре И. В. Трофимову были присуждены I премия и диплом. В том же году была напечатана положительно оценивающая эти работы статья доктора архитектуры С. А. Торопова «Памятники архитектуры и методы их реставрации» («Городское хозяйство Москвы», 1947, 5). Следует отметить, что ссылка наших противников в полемике на письмо акад. И. Э. Грабаря от 8/II—1952 г. о неудовлетворительном качестве работ в лавре не имеет отношения к автору статьи, так как он там уже не работал.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Советская археология» считает, что поднятая на страницах журнала дискуссия о принципах реставрации памятников архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры привлечет внимание широких кругов научной общественности и этим будет способствовать делу исторически и художественно правильного восстановления уникального ансамбля Троице-Сергиевой лавры.

Из помещенных в № 4 за 1970 и № 2 за 1972 гг. высказываний видно, что позиция, занятая реставраторами, осуществляющими в настоящее время работы в Троице-Сергиевой лавре, во всяком случае не единственно возможная и есть иные, резко расходящиеся с нею во мнениях по основным принципиальным положениям, определяющим профиль предпринятых реставрационно-восстановительных работ.

Несомненно, что в результате проведения работ по капитальной реставрации памятников архитектурный облик отдельных сооружений и целостный образ ансамбля Троице-Сергиевой лавры приобретут новые художественные качества, новое звучание, а этот результат горячо интересует всю советскую общественность.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ— М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1916.
АИЗ— Археологические известия и заметки
АМ— А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951
АМ БАН— Археологический музей Болгарской Академии наук
АО— Сб. «Археологические открытия»
АП— Археологічні пам'ятки
АС— Археологический съезд
АСГЭ— Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ— Сб. «Археология и этнография Башкирии»
АЭС— Археолого-Этнографический сборник
ВВ— Византийский временник
ВАУ— Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВДИ— Вестник древней истории
ВМГУ— Вестник Московского Гос. Университета
ВСЕГЕИ— Всесоюзный научно-исслед. геологический институт
ГБЛ— Гос. библиотека им. В. И. Ленина
ГИКМ— Гос. исторический краевой музей
ГХМ— Гос. Херсонесский музей
ГЭ— Гос. Эрмитаж
ИАН— Известия Академии наук
ИАДК— История и археология древнего Крыма
ИАК— Известия Археологической Комиссии
ИВСОРГО— Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества
ИГАИМК— Известия Гос. Академии истории материальной культуры
Изв. МолдФАН СССР— Известия Молдавского филиала Академии наук СССР
Изв. ОРЯС— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИОАИЭ— Известия Общества археологии и этнографии
ИСОНИИ— Известия Северо-Осетинского научно-исслед. института
ИТУАК— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ЗОАО— Записки Одесского археологического общества
ЗКВ— Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР
ЗООИД— Записки Одесского общества истории древностей
ЗРАО— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
КБН— Корпус боспорских надписей
КСИА АН СССР— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСОГАМ— Краткие сообщения Одесского гос. археологического музея
МАК— Материалы по археологии Кавказа
МАР— Материалы по археологии России
МАСП— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭС ТГУ— Музей археологии и этнографии Сибири Томского гос. университета
МДАПВ— Матеріалі та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИАЭМ— Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии
МЭ— Материалы по этнографии
НСф— Нумизматика и сфрагистика
НЭ— Нумизматика и эпиграфика
ОАК— Отчеты Археологической комиссии
ОАСА— Отдел античной и средневековой археологии
ПСРЛ— Полное собрание русских летописей
САИ— Свод археологических источников
СЗИМ— Старозагорский исторический музей
СО АН СССР— Сибирское отделение Академии наук СССР
СХМ— Сообщения Херсонесского музея
СЭ— Советская этнография
ТОКМ— Томский областной краеведческий музей
Тр. ГИМ— Труды Гос. Исторического музея
Тр. ИЭ— Труды Института этнографии
Тр. ИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории археологии и этнографии. АН ТаджССР

Тр. КФАН— Труды Казанского филиала АН СССР
Тр. МАО— Труды Московского археологического общества
Тр. ТГУ— Труды Томского гос. университета
Тр. САРАНИОН— Труды Секции археологии Российской ассоциации научн.-исслед. институтов общественных наук
Уч. зап. КБНИИ— Ученые записки Кабардино-Балкарского научн.-исслед. института
Уч. зап. ЛГУ— Ученые записки Ленинградского гос. университета
Уч. зап. ПГУ— Ученые записки Пермского гос. университета
Уч. зап. ТГУ— Ученые записки Томского гос. университета
Уч. зап. ХабарГПИ— Ученые записки Хабаровского гос. педагогич. института
ХС— Херсонесский сборник
ЭВ— Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ— Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AAKbh— Acta Archaeologica. København
AAnt— American Antiquity
ABS— Acta Baltico — Slavica
AP— Archeologia Polski
CIL— Corpus Inscriptionum Latinarum
DAGR— Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionaire des antiquites grecques et romaines
ESA— Eurasia septentrionalis antiqua
FMNH — Field Museum of Natural History
NBH — Hamburger Beitrüge für Numismatik
ICA— Internatinal Congress of Americanists
IosPE— B. Latyschev. Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JNES— Journal of Near Eastern Studies
JRAS— Journal of the Royal Asiatic Society
K—W— G. Kiesertzky und K. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909
MMA— Mémoires de la Mission archéologique en Iran, Paris
MCA— Materiale şi cercetări archeologica
MDFA— Mémoires de la Délegation archéologique francaise en Afghanistan
MDP— Memoires de la Delegation en Perse, Paris
NC— Numismatic Chronicle
NfDV— Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit, Leipzig
NZ— Numismatische Zeitschrift
PPS— Proceedings of the Prehistoric Society
RGA— Revista Geográgica Americana
RLV— Reallexikon der Vorgeschichte
RMNL— Revista del Museo Nacional, Lima
SCIV— Studii şi cercetări de istorie veche
SPA— A Survey of Persian Art, ed by A. U. Pope and Ph. Ackerman, London — New Vork

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1972 ГОД

	№	стр.
К 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик	4	3
Д. А. Авдусин. Очерки русской культуры XIII—XV вв. Часть первая. Материальная культура	4	282
В. П. Алексеев. Палеодемография СССР	1	3
В. А. Алекшин, Г. Н. Курочкин. Новая литература по луристанским бронзам	1	296
М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. К датировке вала и рва Новгородского острога (ответ С. Н. Орлову)	3	392
В. Алиев. Археологические раскопки на холме Кюльтепе II	3	219
А. В. Анпилогов, Ю. В. Титов. Новые археологические находки на Кольском полуострове	4	236
Е. В. Антонова. Антропоморфная пластика древней Месопотамии. Культуры Джармо и Хассуна (конец VII—VI тысячелетия до н. э.)	2	17
Е. В. Антонова. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры	4	7
И. А. Антонова, В. Н. Даниленко. Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968	2	228
Ф. Х. Арсланова. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана	1	253
М. И. Артамонов. Скифское царство	3	56
М. И. Белов, О. В. Овсянников. Раскопки Мангазеи (Некоторые итоги исследования 1968—1969 гг.)	1	215
Ю. Е. Березкин. Мифология мочика (Перу)	4	171
Н. Ф. Богословская. К проблеме сложения халафской культуры	2	3
О. Г. Большаков. Бастан шенаси ва хонар-е Иран	1	311
Н. М. Булатов. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища	1	217
Н. И. Бурчак-Абрамович, В. П. Любин. Орнитофауна пещеры Кударо I (Закавказье)	2	159
Ю. Ф. Буряков. К исторической топографии средневекового Илака	2	51
Н. К. Верещагин, Ю. А. Мочанов. Самые северные в мире следы верхнего палеолита	3	322
И. Вернер. К происхождению и распространению антов и склавенов	4	102
Н. М. Виноградова. Памятники переходного этапа Триполья BI — BII в Поднестровье	1	36
И. С. Винокур. IV Подольская историко-краеведческая конференция	4	291
И. С. Винокур. Лесостепные племена II — V вв. н. э. и их роль в истории Юго-Восточной Европы	4	131
В. И. Вихляев. Сюльгамы из могильников селиксенского и армиевского типов	3	188
Ю. Н. Воронов. Об Эшерском городище	1	103
Т. Н. Высотская. О сельском хозяйстве поздних скифов Крыма	4	260
М. Г. Гаджиев, В. Г. Котович, В. М. Котович. К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа «Наука». Л., 1970	2	215
Л. Л. Галкин. Перстни — амулеты с Селитренного городища	3	360
А. Ц. Геворкян. Химическая характеристика металла из Лчашенских курганов	2	171
А. Н. Гертман. Детали конской узды в составе Казбекского клада	3	338
А. Э. Гессен. В редакцию журнала «Советская археология» Академии наук СССР	2	236
К. В. Голенко. Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе (1958—1969 гг.)	4	211
Г. П. Григорьев. H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. I	1	275

	№	стр.
В. И. Гуляев. Атрибуты царской власти у древних майя	3	116
В. П. Данильченко, Г. Н. Лисицына. J. Murrey. First European Agriculture	3	389
В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт. Старорязанские клады 1967 г.	2	206
В. В. Дворниченко. Вопросы археологии на пленуме научно-методического совета по охране памятников истории и культуры Министерства культуры СССР	2	232
Д. В. Деопик, О. Ю. Круг. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками	3	100
Ю. М. Десятчиков. Катафрактарий на надгробии Афения	4	68
Р. М. Джанполадян. Археологические памятники Армении, 1—5	3	374
А. Ф. Дубынин. Из истории изучения Суздальского собора	2	139
М. А. Дэвлет. Л. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема	1	287
Ф. М. Заверняев. Хотылевское палеолитическое местонахождение	1	233
Заключение о направленности работ по реставрации памятников архитектуры Троице-Сергиевой лавры	2	242
Л. Л. Карапетян. Раскопки Кармирбердской (Тазакендской) крепости	2	164
К. В. Каспарова. Новый комплекс черняховского времени из Хмельницкой обл.	3	344
Р. В. Катинчаров. Основные результаты раскопок первобытного поселения в г. Нова Загора (Южная Болгария) в 1968 и 1970 гг.	1	242
Н. А. Кирьянова. О находках зерен сельскохозяйственных культур при раскопках городища Друцк	3	355
Л. С. Клейн. H. Muller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. Band. II	1	278
Л. С. Клейн. Studies in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott	3	385
М. М. Кобылина. Обзор исследований скульптуры Боспора за 10 лет	2	221
П. М. Кожин. Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв.	4	285
С. Н. Кореневский. Находка бронзового топора у г. Пятигорска	3	337
М. Ф. Косарев. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы	2	81
М. Ф. Косарев. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири	4	19
М. Г. Косменко. Основные этапы развития мезолитической культуры в среднем Поволжье	3	3
Г. А. Кошеленко. Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Том XIV	1	302
В. В. Кропоткин. Золотая подвеска из Рыжевки	1	264
В. В. Кропоткин. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области	4	255
О. Ю. Круг. Петрохронология — новый метод абсолютной датировки древней керамики	4	193
А. В. Куза, А. А. Медынцева. Л. Б. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник	1	306
А. В. Куза, Г. Ф. Соловьева. Языческое святилище в земле радимичей	1	146
В. А. Лекишвили. Раннесредневековые памятники Вашнари	3	309
Л. А. Лелеков. D. Schlumberger. L'Orient hellénisé	1	292
В. Д. Леньков, Н. В. Овсянников. О результатах анализов кирпичей и формовочной глины из плавильных мастерских Шайтанского городища	2	149
Г. Н. Лисицына. 2-й Международный симпозиум по палеоэтноботанике	4	290
А. Р. Магомедов. Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры	2	110
Т. И. Макарова. Фигурка воина из Тмутаракани	3	324
Е. К. Максимов. Перелюбский клад медных серпов	2	178
В. И. Марковин. М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи)	1	288
В. И. Марковин. И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии	1	300
А. А. Мартиросян. К социально-экономической структуре города Аргиштихинили	3	38
К. К. Марченко. Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону	1	122
К. К. Марченко. Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э.	4	59
В. М. Массон. Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University	1	310
Г. И. Матвеева. Новые савроматские памятники в Башкирии	1	259
Г. И. Матвеева, И. Б. Васильев. Новые памятники срубной культуры в Башкирии	3	244

	№	стр.
А. Е. Матюхин. Открытия последних лет и проблема палеолитических орудий	3	364
И. Н. Медведская. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана	3	76
А. И. Мелюкова. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии	1	57
Б. Н. Мозолевский. Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине	3	268
М. Б. Мужухоев. Об одной категории позднесредневековых украшений ингушей	4	266
Ш. Мустаминди. Мотив орла в кушанском искусстве	4	78
А. Г. Мухамадиев. Деньги, денежная терминология и денежный счет Булгара в предмонгольский период	2	63
Д. В. Наумов. Химический состав предметов Окнинского клада	3	349
Р. В. Николаев. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск	2	198
Т. Н. Никольская. К исторической географии Земли вятичей	4	158
Л. М. Носкова. Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище)	1	171
С. Н. Орлов. По поводу статьи М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева	2	96
С. Н. Орлов. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода	2	127
В. А. Падин. Раскопки на Холме	1	247
Письмо в редакцию группы загорских художников	2	235
М. Д. Полубояринова. Русские вещи на территории Золотой Орды	3	200
Н. Г. Порфиридов. Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты	3	164
В. А. Посредников. Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь IV и некоторых других памятников Приобья	4	28
Л. В. Прищепенко. U. Willerding. Vor- und frühgeschichtlichen Kulturpflanzenfunde in Mitteleuropa	4	277
А. Д. Пряхин. Курганы поздней бронзы у с. Старо-Юрьево	3	233
П. А. Раппопорт. Церковь Василия в Овруче	1	82
В. И. Распопова. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда	4	145
Решение расширенного заседания секции изучения и охраны памятников архитектуры Московской организации Союза архитекторов СССР по обсуждению статьи И. В. Трофимова «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры»	2	237
Э. А. Рикман. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья	4	84
И. Г. Розенфельдт. Керамика Щербинского городища как источник для периодизации и этнического определения дьяковской культуры	4	42
Р. Л. Розенфельдт. Новые находки на городищах железного века у г. Подольска	2	194
Р. Л. Розенфельдт. О происхождении двуконьковых шумящих привесок Прикамья	3	353
Р. Л. Розенфельдт. Друзья памятников культуры	3	375
Э. В. Ртвеладзе. Два динара делийских султанов с городища Маджар	1	269
Э. В. Ртвеладзе. К истории города Маджар	3	149
А. Ф. Рубежанский. Определение лабораторными методами различия в датировке археологических костей, обнаруженных в одном погребении	4	272
В. И. Сарианиди. C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe Yahya	1	282
Ю. С. Свеженцев. Nicolaas J. van der Nerwe, The Carbon-14 Dating of Iron	2	213
В. В. Седов. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья	4	116
А. А. Семенцов, П. М. Долуханов, Е. Н. Романова. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968—1969 г.)	3	209
В. В. Сидоров. А. П. Деревянко. Новопетровская культура Среднего Амура	3	382
А. П. Смирнов. О столице государства волжских булгар	1	98
А. П. Смирнов. Из истории охраны городища Великие Болгары	4	275
А. П. Смирнов. В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы	2	220
К. А. Смирнов. Роговой псалий с городища «Графская гора»	2	182
К. Ф. Смирнов. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа	1	73
Г. И. Соколов. Фанагорийский известняковый шлем	2	184
В. И. Спришевский. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана	3	227
Б. Я. Ставиский. Капители древней Бактрии	2	41

	№	стр.
Э. А. Сымонович. A. Kunisz. Chronologie naplywu pieniądza rzymskiego na ziemie Malopolski	1	295
А. И. Тереножкин. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда	3	90
Б. В. Техов. Тлийский могильник и проблема хронологии культур поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа	3	18
В. П. Третьяков. Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье	2	100
В. П. Третьяков. Древности в бассейне р. Катыни	4	199
И. В. Трофимов. Еще раз о принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры (Письмо в редакцию)	4	293
В. И. Федоров, Н. С. Шеляпина. Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля	4	223
М. Н. Федоров. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX—XII вв.	2	73
М. Н. Федоров. Редкий караханидский дирхем из Афрасиаба	3	357
В. С. Флеров. Орудия VIII—IX вв. для орнаментирования керамики	3	351
А. А. Формозов. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии	1	22
А. М. Хазанов. Обычай побратимства у скифов	3	68
М. Д. Хлобыстина. Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита	2	32
Л. И. Хлопина. Археология и древнейшая история в Туркменской ССР	3	377
А. В. Циркин. Шокшинский могильник	1	155
А. В. Чернецов. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий	3	135
Н. Л. Членова. Золото в карасукскую эпоху	4	257
М. Я. Чореф, П. Н. Шульц. Новый рельеф сарматского круга	1	135
Н. С. Шеляпина. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля	1	200
В. П. Шилов. Южноиталийские зеркала в волго-донских степях	1	261
В. П. Шилов. Бронзовая чаша Андреевского кургана	2	192
И. Штельцл, Я. Малина. Петроархеология в Чехословакии	4	247
А. Н. Щеглов. Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета	1	298
А. Н. Щеглов. Морские подводные исследования	4	279
А. Я. Щетенко. Ancient Pakistan	1	304
А. Я. Щетенко. W. A. Fairservis, Jr. The Origin, Character and Decline of an Early Civilization	1	283
А. А. Юшко. Покровские и Стрелковские курганы	1	185
Э. В. Яковенко. Курган на Темир горе	3	259
О. А. Артамонова-Полтавцева	2	250
Л. М. Славин	2	247

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик . 3
Е. В. Антонова (Москва). К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры 7
М. Ф. Косарев (Москва). О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири 19
В. А. Посредников (Томск). Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь IV и некоторых других памятников Приобья 28
И. Г. Розенфельдт (Москва). Керамика Щербинского городища как источник для периодизации и этнического определения дьяковской культуры . . 42
К. К. Марченко (Ленинград). Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э. 59
Ю. М. Десятчиков (Москва). Катафрактарий на надгробии Афения . . . 68
Ш. Мустаминди (Кабул). Мотив орла в кушанском искусстве 78
Э. А. Рикман (Москва). Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья . . . 84
И. Вернер (Мюнхен). К происхождению и распространению антов и склавенов 102
В. В. Седов (Москва). Формирование славянского населения Среднего Поднепровья 116
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Лесостепные племена II—V вв. н. э. и их роль в истории Юго-Восточной Европы 131
В. И. Распопова (Ленинград). Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда 145
Т. Н. Никольская (Москва). К исторической географии Земли вятичей . . 158
Ю. Е. Березкин (Ленинград). Мифология мочика (Перу) 171
О. Ю. Круг (Москва). Петрохронология — новый метод абсолютной датировки древней керамики 193

Публикации

В. П. Третьяков (Ленинград). Древности в бассейне р. Катыни 199
К. В. Голенко (Москва). Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе (1958—1969 гг.) 211
В. И. Федоров, Н. С. Шеляпина (Москва). Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля 223

Заметки

А. В. Анпилогов, Ю. В. Титов (Петрозаводск). Новые археологические находки на Кольском полуострове 236
И. Штельцл, Я. Малина (Прага, Брно). Петроархеология в Чехословакии 247
В. В. Кропоткин (Москва). Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области 255
Н. Л. Членова (Москва). Золото в карасукскую эпоху 257
Т. Н. Высотская (Симферополь). О сельском хозяйстве поздних скифов Крыма 260
М. Б. Мужухоев (Грозный). Об одной категории позднесредневековых украшений ингушей 266
А. Ф. Рубежанский (Днепропетровск). Определение лабораторными методами различия в датировке археологических костей, обнаруженных в одном погребении 272
А. П. Смирнов (Москва). Из истории охраны городища Великие Болгары . . 275

Критика и библиография

Л. В. Прищепенко (Москва). U. Willerding. Vor- und frühgeschichtlichen Kulturpflanzenfunde in Mitteleuropa 277
А. Н. Щеглов. (Ленинград). Морские подводные исследования 279
Д. А. Авдусин (Москва). Очерки русской культуры XIII—XV веков. Часть I. Материальная культура 282
П. М. Кожин (Москва). Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. 285

Хроника

Г. Н. Лисицына (Москва). 2-й Международный симпозиум по палеоэтноботанике 290
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Четвертая Подольская историко-краеведческая конференция 291
И. В. Трофимов (Москва). Еще раз о принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры (Письмо в редакцию) 293
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 1972 год 298

SOMMAIRE

La cinquantième anniversaire de la formation de l'URSS 3
E. V. Antonova (Moscou). A propos de l'origine et la valeur sémantique des signes sur les statuettes de la culture d'Anau 7
M. F. Kossarev (Moscou). Sur les causes et les conséquences sociales des anciennes migrations en Sibérie occidentale 19
V. A. Posrédnikov (Tomsk). La place culturelle et génétique des ensembles de Samous' IV et de certains autres gisements de la région de l'Obi 28
I. G. Rosenfeldt (Moscou). La céramique provenant de la gorodichtché dite Chtcherbinskoïé en tant que source de la répartition par périodes et d'une définition éthnique de la culture de Diakovo 42
K. K. Martchénko (Léningrad). La concentration de la céramique modelée à la main à Olbia à la seconde moitié des VI—Ies siècles avant notre ère . . 59
Yu. M. Déssiatchikov (Moscou). Un catafractère prerésenté sur la stèle d'Aténios 68
Ch. Moustamindy (Kaboul). Le motif d'aigle dans l'art kouchan 78
E. A. Rikman (Moscou). Sur le problème relatif à la datation des objets importés sur les monuments de la culture tcherniakhovienne de l'interfluve du Dniester et du Prut 84
I. Werner (Munich). Sur le problème de l'origine des Antes et des Sclavènes 102
V. V. Sédov (Moscou). La formation d'une population slave dans les régions du cours moyen du Dniéper 116
I. S. Vinokour (Kaménetz-Podolsky). Les tribus peuplant la steppe boisée aux II—Ves siècles de notre ére et leur rôle dans l'histoire de l'Europe du sud-est 131
V. I. Raspopova (Léningrad). Les métiers artisanaux et la production à domicile du Sogde du Haut Moyen Age 145
T. N. Nikolskaia (Moscou). Les villes anciennes russes sur la terre des Viatitches (à propos de la géographie historique) 158
Yu. E. Bériozkine (Léningrad). La mythologie des Mochicas (le Pérou) . 171
O. Yu. Kroug (Moscou). La pétrochronologie en tant que nouvelle méthode de la datation absolue de la céramique ancienne 193

Publications

V. P. Trétiakov (Léningrad). Des objets anciens découverts dans le bassin de la rivière de Katyn' 199
K. V. Golénko (Moscou). Les monnaies découvertes au cours des fouilles de Chersonèse en 1958—1969 et conservées au Musée historique d'Etat 211
V. I. Fiodorov, N. S. Chéliapina (Moscou). L'étape la plus ancienne de l'histoire de la cathédrale de l'Annonciation du Krémlin à Moscou 223

Notices

A. V. Anpilogov, Yu. V. Titov (Pétrozavodsk). Les découvertes archéologiques récentes sur la presqu'île Kolski 236
I. Stelcl, J. Malina (Prague, Brno). La pétroarchéologie en Tchécoslovaquie 247
V. V. Kropotkine (Moscou). Un nouveau cimetière de la culture dite pomorsko-mazowiezka découvert à proximité du village Gorodok (la région de Rovno) 255
N. L. Tchlénova (Moscou). Les objets en or rattachables à l'époque de Karasouk 257
T. N. Vyssotskaia (Simféropol). Sur l'agriculture des Scythes tardifs en Crimée 260
M. B. Moujokhoév (Grozny). Sur un groupe des objets de parure chez les Ingouches au Bas Moyen âge 266
A. F. Roubéjansky (Dniépropétrovsk). Les moyens de laboratoire servant à déterminer les différences dans la datation des ossements anciens livrés par une sépulture 272
A. P. Smirnov (Moscou). Sur l'histoire de la conservation de l'oppidum Vélikié Boulgary 275

Bibliographies et comptes rendus critiques

L. V. Prichtchépénko (Moscou). U. Willerding. Vor-und frühgeschichtlichen Kulturpflanzenfunde in Mitteleuropa 277
A. N. Chtcéglov (Léningrad). Les recherches sous-marines 279
D. A. Avdoucine (Moscou). Etudes de la civilisation russe de XIII—XV ss. I partie. Vestiges matériels 282
P. M. Kojine (Moscou). Yu. P. Averkiéeva. La société indienne nomade aux XVIII—XIX es siècles 285

Chroniques

G. N. Lissitsyna (Moscou). Le IIme symposium international de paléoéthnobotanique 290
I. S. Vinokour (Kaménetz-Podolsky). IVe conférence consacrée aux études historiques et régionales qui e eu lieu à Kamenets-Podolsky 291
I. V. Trofimov (Moscou). Encore une fois sur les principes de la restauration de monumentes Troitze-Sergieva Lavra 293

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены В СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ.

Статьи, оформленные без учета этих правил, ВОЗВРАЩАЮТСЯ АВТОРАМ БЕЗ РАССМОТРЕНИЯ.

1. Объем рукописи не должен превышать 1 авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются.

3. Статьи следует присылать в 2 экз. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона автора.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная (сноски печатаются также через два интервала).

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

Для монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

Для статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала или сборника, том или год выпуска, год издания, номер журнала.

6. К статье следует приложить резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом $^1/_2$—1 машинописн. стр.), а также список сокращений (все в 2 экз.).

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Они должны быть тщательно отобраны. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге (2 экз.) или рисунки в туши — на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется также в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы для изготовления клише.

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1972 г. Т-09794 Подписано к печати 26/IX-1972 г. Тираж 2780 экз.
Зак. 924 Формат бумаги 70×108$^1/_{16}$ Усл. печ. л. 26,6+1 вкл. Бум. л. 9$^1/_2$ Уч.-изд. л. 28,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10